

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани
Национальный центр археологических исследований им. А.Х.Халикова

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

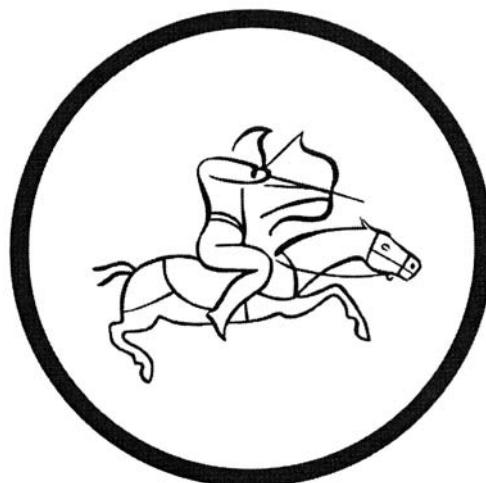
Выпуск 11

**УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

МАТЕРИАЛЫ

Международной научной конференции V Халиковские чтения
«Урало-Поволжье в древности и средневековье»,
посвященной 80-летию со дня рождения **А.Х.Халикова**

27–30 мая 2009 г., Казань

Казань – 2011

ББК 63.4
У 68

Серия «Археология евразийских степей»
Выпуск 11

Ответственный редактор:
доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**

Редакционный совет серии:

Ситдиков Айрат Габитович (Казань) – сопредседатель, **Хузин Фаяз Шарипович** (Казань) – сопредседатель, **Артемьева Надежда Григорьевна** (Владивосток), **Байпаков Карл Молдахметович** (Алматы, Казахстан), **Белорыбкин Геннадий Николаевич** (Пенза), **Боталов Сергей Геннадьевич** (Челябинск), **Волков Игорь Викторович** (Москва), **Гмыря Людмила Борисовна** (Махачкала), **Евглевский Александр Викторович** (Донецк, Украина), **Кляшторный Сергей Григорьевич** (С.-Петербург), **Кызласов Игорь Леонидович** (Москва), **Мухамадиев Азгар Гатауллович** (Казань), **Мыц Виктор Леонидович** (Симферополь, Украина), **Нарожный Евгений Иванович** (Армавир), **Овсянников Владимир Владиславович** (Уфа), **Руденко Константин Александрович** (Казань), **Савинов Дмитрий Глебович** (С.-Петербург), **Табалдиев Кубатбек Шакиевич** (Бишкек, Киргизия), **Татауров Сергей Филиппович** (Омск), **Тихонов Сергей Семенович** (Омск), **Тишкин Алексей Алексеевич** (Барнаул), **Фодор Иштван** (Будапешт, Венгрия), **Худяков Юлий Сергеевич** (Новосибирск).

Урало-Поволжье в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения «Урало-Поволжье в древности и средневековье», посвященной 80-летию со дня рождения А.Х.Халикова (27–30 мая 2009 г., Казань). Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 11. – Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. – 296 с. + 8 с. цв. вкл.

В сборник вошли материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения «Урало-Поволжье в древности и средневековье», посвященной 80-летию со дня рождения А.Х.Халикова (27–30 мая 2009 г., Казань).

ISBN 978-5-905576-11-9

© Институт истории АН РТ, 2011
© ООО «Фолиант», 2011

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ И ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В НАЦИОНАЛЬНОМ АРХИВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Х.М. Абдуллин

Институт истории им. Ш. Марджсани АН РТ, г. Казань

История археологической науки Республики Татарстан является одной из актуальных проблем современной археологии. Малоизученными вопросами истории археологической науки остаются проблемы археологических находок и охраны памятников в XIX веке. Отдельные аспекты этих проблем находят свое отражение в материалах фонда Казанского губернатора в Национальном архиве Республики Татарстан.

За период первой половины XIX века нами обнаружены два дела по истории археологии и охране памятников. Первое из них под названием «По предписанию управляющего Министерством внутренних дел о доставлении сведений об остатках древних зданий и о воспрещении разрушать их», охватывало 1827–1828 гг. (НА РТ. Ф.1. Оп.1. Д.109.) Из содержания дела видно, что в конце 1826 г. император Николай I приказал по всем губерниям собрать сведения об остатках древних замков и крепостей, а также «строжайше» запретил такие здания разрушать. Также из дела следует, что целый ряд уездных городничих и земских судов Казанской губернии отписались губернатору фон Розену об отсутствии у них каких-либо древних памятников; среди них: Царевококшайские, Лайшевские, Чистопольские, Мамадышские, Цивильские, Космодемьянские, Тетюшские городничие и земские суды, а также Спасский и Чебоксарский городничие и Ядринский земский суд.

Свияжский городничий Ваннов сообщил о состоящем во вверенном ему городе древнем каменном казенном архиве. Однако времени построения и предназначения этого здания ни сам Ваннов, ни земский суд к которому он обратился, выяснить не смогли. Обращаясь к вопросу о сохранении древних зданий, городничий описал и плачевное состояние этого памятника архитектуры, а именно: «Каменная архива, которая по наружному своему виду не имеет... никакой крыши. Стены оной, углы и свод находятся в непомерных трещинах до такой степени, что... починкою исправить невозможно. По случаю сквозной дождевой течи и наносимого в зимнее время снега от чего дела приходят в истребление и гнилость» (НА РТ. Ф.1. Оп.1. Д.109. Л.7.).

8 февраля 1827 г. Спасский земский исправник Жедринский описал древние здания и развалины в окрестностях села Болгары Спасского уезда. Учитывая отсутствие публикаций данного описания Болгарского городища в источниках и исторической литературе, приведем его здесь полностью: «1) Близь приходской церкви, что прежде был Успенский мужской монастырь находится круглая башня, или столб, из дикого камня вышиною в 15, а в окружности 5 сажень, в оной внутри до самого верху по ступеням ход, и к оному по древнему преданию и из набожности из разных и даже отдаленных мест для Богомоления съезжаются магометане. От оного столба находятся развалины четырехугольного здания из такого же камня, а от сего в 15-ти саженях здание дикого же камня с куполом обросшим мхом и от времени пришедшего во многих местах в ветхость. 2) С южной стороны церкви близь алтаря старинное же здание обращено в часовню, покрытое христианами деревянною крышею, наверху коего поставлен в куполе крест, где ныне хранятся старинные святые иконы. 3) Расстоянием от оного села в 200 саженях находится столб вышиною примерно в 7 сажень, но какой он был в свое время вышины за разрушением от времени верха определить невозможно, в которой внутри по ступеням ход и к оному, как и первому, собираются для поклонения также магометане. Все же оные здания, что в свое время заключали и на какой предмет выстроены по древности их сведения извлечь и дойти до истины невозможно» (Там же. Л.16–16об.).

Казанская полиция представила губернатору короткую записку, содержание которой свидетельствует само за себя: «...в г. Казани состоят древние каменные здания в крепости 1-я небольшая близь Спасского монастыря церковь Киприана и Устины, построенная царем Ио-

анном Васильевичем вскоре после взятия Казани. 2-я башня и мечеть бывших казанских татарских царей и 3-я помянутая крепость, но когда и кем башня, мечеть и крепость построены неизвестно, возобновлялись ли тоже» (НА РТ. Ф.1. Оп.1. Д.109. Л.19–19об.).

Наконец, Казанский земский суд поручил дворянскому заседателю Веселовскому описать древнюю Арскую башню.

В завершение описания данного дела следует отметить, что к концу 1827 г. губернским архитектором Шмитом были составлены и представлены казанскому губернатору планы и фасады вышеуказанных строений.

Второе дело «О доставлении господину министру внутренних дел сведений о древностях в Казанской губернии находящихся», датируется 1830 годом (НА РТ. Ф.1. Оп.1. Д.175.). В данном случае запросы были направлены не местным начальникам, а компетентным, по мнению губернского правления, людям – бывшему ректору университета Карлу Федоровичу Фуксу¹, казанскому военному коменданту Иосифу Карловичу Соколовскому² и бывшему ректору университета, а на тот период губернскому прокурору Гавриилу Ильичу Солнцеву³. Сразу отметим, что И.Соколовский сообщил об отсутствии в ведении военного ведомства каких-либо памятников в Казани за исключением древнего Кремля, подчеркнув, что «на поддержание коего отпускается ежегодно от Инженерного департамента весьма малозначительная сумма» (НА РТ. Ф.1. Оп.1. Д.175. Л.6.).

¹ **Фукс Карл Федорович** (1776–1846) – известный в свое время врач, этнограф, археолог, историк и нумизмат. Учился в Геттингене, в 1800 г. отправился в Петербург, где первоначально был полковым врачом. В 1801 г. предпринял путешествие в Восточную Россию с естественнонаучными, преимущественно ботаническими целями. В 1806 г. становится профессором естественной истории и ботаники в Казанском университете. В 1819 г. возглавил кафедру патологии, терапии и клиники, а в следующем году на него возложено чтение анатомии, физиологии и судебной медицины. С 1812 г. действовал также в качестве практического врача. С 1820 г. по 1824 г. был избран на должность декана врачебного отделения, а затем ректора университета, в каковой должности оставался до 1827 г. С самого своего приезда в Казань он обращает внимание на невозможное ее санитарное положение и кладет начало изучению Поволжья в медико-топографическом отношении. Изучает религиозные обряды, праздники, обычаи и семейную жизнь татар и других поволжских народов, собирая восточные рукописи и монеты; собранная им нумизматическая коллекция перешла в 1823 г. к Казанскому университету. Автор многочисленных публикаций.

² **Соколовский Иосиф Карлович** (1763 – после 1836), российский военачальник эпохи наполеоновских войн, генерал-майор. Выходец из белорусского дворянства Могилевской губернии. Римско-католического вероисповедания. 21 декабря 1786 г. принят подпоручиком из польской службы в Архангелогородский пехотный полк. В 1787–1788 гг. находился в Польше, где под г. Хотином получил ранение. В 1789–1791 гг. воевал с турками. За отличие, оказанное в делах 1792 г. в Польше, произведен в капитаны. В 1799 г. в составе русских войск находился в Швейцарии. 1 мая 1804 г. назначен командиром Ярославского мушкетерского полка. В 1805 г. участвовал в Аустерлицкой битве 23 апреля 1806 г. пожалован в полковники. В 1807 г. сражался с французами, в 1810–1811 гг. – с турками, 9 июня 1811 г. назначен шефом Ярославского пехотного полка. В начале 1812 г. полк входил в состав 2-й бригады 10-й пехотной дивизии и находился в резерве Дунайской армии. Принял участие в боевых действиях против наполеоновских войск у Волковыска и Рудни. В 1813 г. находился при взятии Ченстохова, в сражениях под Бунцлау, Кацбахе и за отличие в этих делах произведен 15 сентября в генерал-майоры. После Лейпцигской битвы в 1814 г. командовал отрядом российских и баденских войск при блокаде крепости Линдау. После окончания военных действий командовал 2-й бригадой 15-й пехотной дивизии, с 1 ноября 1821 г. исполнял обязанности коменданта г. Казани. 4 июля 1831 г. уволен со службы с мундиром и пенсионом полного оклада.

³ **Солнцев Гавриил Ильич** (1786–1866) – юрист, сын священника, воспитанник Севской и Орловской семинарий, еще до окончания последней поступил в Орловское губернское правление и в 1811 г. переместился в 7-й департамент Московского Сената. Отправленный отсюда в следующем году для сопровождения архивных дел в Казань, воспользовался свободным временем и стал посещать Казанский университет. В 1814 г. уже выдержал испытание на степень магистра юридических наук и за написанную им диссертацию был удостоен степени доктора прав. В 1815 г. утвержден экстраординарным профессором, в 1817 г. ординарным. С 1821 г. из-за конфликта попечителем Магнитцким вынужден был прекратить чтение лекций, а в 1823 г. и вовсе оставить учебное ведомство. В 1824 г. был назначен на должность Казанского губернского прокурора и пробыл в ней двадцать лет, снискав широкую популярность своими познаниями и честностью. Почти до самой смерти продолжал заниматься научными исследованиями, хотя и ничего не издал, и любил бывать на университетских диспутах, где всех поражал своими знаниями и находчивостью.

К.Фукс выделил 11 памятников, которые он относил к «древностям» и дал им краткую характеристику. Первым в ряду памятников он указал башню Сююмбике («Татарская башня в крепости») и здание Введенской («Гарнизонной») церкви возле нее. К.Фукс, опираясь на архитектурные данные, выдвинул версию о построении башни Сююмбике русскими мастерами во времена царя Алексея Михайловича. Вторым объектом в списке был указан «Сумбековский» (вероятно ханский) дворец в кремле. Автор относил время его построения к периоду царствования Петра I. Далее К.Фукс пишет о двух старинных надгробных камнях с арабскими надписями на ограде Архиерейского монастыря. Исследователь отмечал, что к одному из них мусульмане ежегодно приходят на моление, а другой содержит имя одной татарской княжны. Четвертым в списке значится кремлевская церковь Киприана и Устинии, построенная по приказанию царя Ивана Грозного на месте где были поставлены первые русские знамена во время взятия г. Казани. В-пятых автор говорит о мусульманском надгробном камне в одной из татарских мечетей Казани (вероятно Марджани). Как утверждал К.Фукс, на надгробии было высечено имя сына одного Казанского хана, убитого русскими при первом взятии города. Далее автор указывал памятник первому казанскому архиепископу Гурию в Благовещенском соборе, образ Казанской Божьей Матери в казанском девичьем монастыре и монумент архимандриту Варсонофию в Спасском монастыре. Под 9-м пунктом К.Фукс указал камни с древними надписями в различных церквях города, с которых им были взяты копии. Также исследователь выделял монумент в честь погибших русских воинов на берегу Казанки и галеру «Тверь» на которой в город прибыла императрица Екатерина II. Наконец, К.Фукс указывал, что из всех нормативных актов о сохранении древнейших памятников ему известен лишь указ императора Петра I от 1722 г. о развалинах в г. Булгаре. Резюмируя свое сообщение К.Фукс отсылал Казанского губернатора для более подробных сведений к изданной им в 1817 г. «Краткой истории города Казани».

Записка губернского прокурора Г.И.Солнцева, на наш взгляд, незаслуженно обходилась стороной исследователями. Тогда как этот документ, несомненно, более информативен и представляет интерес как исторический источник. Прежде всего автор разделил все памятники на городские казанские и уездные, уделил внимание историографии вопроса и в заключение привел информацию об известных ему нормативных актах о сохранении исторических памятников. Среди казанских памятников Г.И.Солнцев указывал древнюю кремлевскую церковь Киприана и Устинии построенную Иваном Грозным одновременно с бывшей монастырской церковью Устиния Пресвятые Богородицы у Зилантовой горы на месте воздвигнутого памятника павшим русским воинам. Далее шла «Полковая церковь (видимо Введенская) из древней Татарской мечети обращенная, весьма уже обветшалая». Наконец, именуемая подзорной татарской башней в крепости, «составлявшая часть дворца Татарской царицы Сумбеки». Г.И.Солнцев полагал, что эта башня одновременно служила и минаретом. Среди уездных памятников автор на первое место ставит привезенную и собранную деревянную церковь Сергия Чудотворца в Свияжске, далее Арскую башню и наконец, древнюю столицу Болгарского царства, почему-то помещенную автором в Тетюшском уезде. Среди древних Болгарских зданий исследователь указывал церковь Св. Николая переделанную из каменной мечети, цельную каменную башню в виде столба, еще одну башню как отмечает автор «не вполне уцелевшую», Черную или Судную палату, в которой Г.И.Солнцев располагал Диван и Государственную тюрьму. Далее автор указывал Белую палату, в которой видел баню по восточному образцу, а также остатки Греческой палаты на валу и другие обрушившиеся здания в черте самого города внутри вала, на самом валу и за валом в Малом городке – особом булгарском древнем укреплении. Г.И.Солнцев особо подчеркивал, что о других бывших татарских или болгарских городах он не пишет в подробности, так как от этих городов остались лишь земляные укрепления, надгробия бывших татарских кладбищ и остатки бывших садов. Однако исследователь указывает географическое и административное расположение этих городов и перечисляет те из них, которые нашли отражение в древних русских летописях: Иски Казань или Старая Казань, Ареск или Арск, Билярск или Булымер, Жукотин, Гормир, Кумани, Балымат, Тура, крепкий город Ошель или Ошлюк, Торк или Торцкий, Собекуль, Челмат или Чулмат. После этого описания автор доводит до сведения губернатора имена и звания тех

ученых-путешественников, которые в разные периоды характеризовали Болгарские здания: Паллас, Лепехин, Миллер, Рычков, Эртман и ибн Гаукал. В завершение записки Г.И.Солнцев уделяет большое внимание истории нормативно-правовых актов по защите древностей в Казанской губернии. Довольно подробно он остановился на известном указе 1722 г. о сохранении развалин древних Болгар, назвал имена всех задействованных в этом благородном деле лиц. Также Г.И.Солнцев описал и указ 1718 г. о создании Кунсткамеры.

Таким образом, представленные документы свидетельствуют об определенном интересе со стороны государственных структур к исследованию и сохранению древних памятников, дают нам новые описания известных памятников архитектуры и оборонительных сооружений, раскрывают позицию ученых того времени на актуальные вопросы исторической науки.

АРХЕОИХТИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ «МУРОМСКОГО ГОРОДКА» (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК 2005–2006 гг.)

И.В. Аськеев, Д.Н. Галимова

*Институт проблем экологии и недропользования АН РТ, г. Казань
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань*

ВВЕДЕНИЕ

Изучение археозоологических материалов, в том числе и археоиҳтиологических из раскопов отдельных археологических памятников представляет большой интерес, т.к. позволяет получить данные о состоянии окружающей среды и хозяйственной деятельности населения на небольшой территории. По этим данным можно проследить этапы изменения состава промысловой ихтиофауны, произошедшие под воздействием разнообразных факторов: разных форм хозяйственной деятельности, климатических изменений на определенных отрезках времени. Кроме того, можно оценить значение способов и орудий ловли рыб, формы использования видов рыб в жизни человека в период функционирования определенного археологического памятника.

Слабая изученность археоиҳтиологического материала на территории Среднего Поволжья и небольшое количество работ по изучению субфоссильной ихтиофауны на территории Самарской области в целом определяет актуальность изучения данного материала.

Археологический памятник «Муромский городок» (Валынское городище), расположенный в западной части Самарской Луки (территория Самарской области), относится к числу крупнейших памятников домонгольской Булгарии. Он служил важным военно-стратегическим пунктом и являлся административным, торговыми-ремесленным и культурным центром южных окраинных земель государства.

Раскопки данного памятника проводились археологами г. Самары (Г.И. Матвеева, А.Ф. Кочкина). Археозоологические исследования «Муромского городка» проведены по остаткам домашних и диких млекопитающих (Петренко, 1984, 2007). В настоящее время археозоологические исследования данного памятника проводят Г.Ш. Асылгараева (домашние и промысловые млекопитающие), И.В. Аськеев (рыбы, птицы, мелкие млекопитающие) и Д.Н. Галимова (рыбы).

МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА

Материалом для проведения данных исследований послужила археоиҳтиологическая коллекция, полученная из раскопок памятника Волжской Булгарии «Муромский городок». Материал получен из раскопок 2005 г. и 2006 г., произведенных археологами Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В.Алабина под руководством А.Ф. Кочкиной. Датировка слоёв по археологическим находкам, из которых происходит основная часть коллекции костных остатков рыб, показала их принадлежность к домонгольскому периоду Волжской Булгарии – XI–XII вв. н.э. Данная коллекция состоит из 453 костных остатков рыб.

Методика обработки материала:

1. Обзор литературных источников по археоиҳтиологии для территории нахождения археологического памятника.

Предложенный метод является необходимым для ознакомления с имеющимися данными по археоиҳтиологии, археозоологии и археологии для определения степени изученности определенных вопросов выбранной темы и для принятия решения и постановки задач того или иного исследования. Метод позволяет более глубоко оценить и сравнить ранее имеющиеся данные и способствует построению целостной картины в обсуждение исследованной темы.

2. Метод видовой диагностики остеологических остатков рыб.

Данный метод требует значительного исследовательского опыта, интуиции и знаний сравнительной остеологии и морфологии рыб. Нами использовались:

а) эталонная сравнительная остеологическая коллекция представителей современных и субфоссильных видов рыб Волжского бассейна (личная коллекция И.В. Аськеева);

б) атласы, руководства и монографии по сравнительной остеологии рыб для археозоологических исследований: атлас Radu V. «Atlas for the identification of bony fish bones from archaeological sites», 2005; руководства: Casteel R.W. «Fish Remains in Archaeology and Paleo-environmental Studies», 1976; Wheeler A. and Jones A.K.G. «Fishes. Cambridge manuals in archaeology», 1989; серийное издание «Fiches d'osteologie animale pour l'archeologie», 1987a,b, 1988, 1990 и монография В.Д.Лебедева «Пресноводная четвертичная ихтиофауна Европейской части СССР», 1960.

3. Методы подсчёта относительного количества остатков и составления рядов процента участия костей каждого вида в остеологической коллекции.

Данные методы универсальны – давно и широко используются в работах как отечественных, так и зарубежных археоихтиологов (см.: Лебедев, 1960; Житенёва, 1965; Casteel, 1976; Wheeler and Jones, 1989; Radu, 2003; Klyszejko et al., 2004; Bekker-Nielsen, T. (ed.), 2005; Bejenaru, Stanc, Tarcan, 2007; Morales et al., 2007; Reitz E.J., & Wing E.S., 2008; Olson, 2008 и мн.др.). На основании наличия костей в коллекции того или иного вида рыб, вычисляется % соотношение (доля участия) каждого вида в составе костных остатков.

4. Метод составления рядов участия разных элементов скелета в остеологической коллекции.

Данный метод находит в последние десятилетия всё большее применение в сравнительном анализе археоихтиологических коллекций (Nicholson, 1998; Barrett et al., 1999; Filipiak and Chełkowski, 2000; Radu, 2003; Barrett et al., 2004; Klyszejko et al., 2004; Chełkowski et al., 2005; Reitz E.J., & Wing E.S., 2008 и др.):

а) производится разбивка коллекции костных остатков по отделам скелета;

б) составляются ряды участия разных элементов, относящихся к тому или иному отделу скелета;

в) сравнительный анализ участия разных элементов и отделов скелета в остеологической коллекции: возможен общий анализ или анализ по основным систематическим группам (родам, семействам, отрядам).

5. Методы морфологической реконструкции размеров рыб по их остаткам.

Данные методы уже давно применяются в археоихтиологических исследованиях (Иностранцев, 1882; Тихий, 1923; Tichiy, 1929; Никольский, 1935; Лебедев, 1960). В настоящее время, практически каждая монография, руководство или диссертация по вопросам археоихтиологии содержат практическое применение или объяснение этих методов (см.: Rojo, 1987; Libois et al., 1987; Libois & Hallet-Libois, 1988; Rosello, 1989; Wheeler and Jones, 1989; Marciniaik, 1996; Radu, 1998; Radu, 2003; Bekker-Nielsen, T. (ed.), 2005; Reitz E.J., & Wing E.S., 2008, Olson, 2008; Gaygusuz et al., 2008 и мн.др.). Длина и масса субфоссильных рыб восстанавливаются на основании измерения костей.

Измерение костей производилось штангенциркулем с точностью до 0,1 мм. Для описания костей пользовались терминологией, рекомендованной Всемирным археоихтиологическим обществом (Rosello, 1989; Radu, 2003; Miranda & Escala, 2005). Для осетровых, обыкновенного сома и налима определялась абсолютная длина (TL), для карповых и окунёвых стандартная длина (SL), для лососёвых и сиговых длина тела по Смиту. Для первичного определения длины субфоссильной рыбы нами использовались в качестве эталона кости современных рыб. Затем производился расчёт по формуле $SL(TL)_x = BL_1 \times SL(TL)_1 / BL_2$, где $SL(TL)_x$ – длина субфоссильной рыбы, BL_1 – длина кости субфоссильной рыбы, $SL(TL)_1$ – длина эталонной современной рыбы, BL_2 – длина кости эталонной современной рыбы (Лебедев, 1960). Для более точного (контрольного) определения размеров осетровых пользовались методами, предложенными в работах (Никольский, 1935; Соколов, Цепкин, 1969а; Цепкин, Соколов, 1970; Соколов, Цепкин, 1971; Цепкин, Соколов, 1971а; Цепкин, Соколов, 1971б; Крылова, Соколов, 1981; Brinkhuizen, 1986; Holčík, J. (ed.), 1989; Bartosiewicz & Takacs, 1997; Radu, 2003), а также неопубликованными данными И.В. Аськеева по реконструкциям размеров субфоссильных и современных рыб.

Для других групп рыб при контрольных реконструкциях размеров применялись методические приёмы, формулы и коэффициенты, полученные в исследованиях последних десятилетий. Данные исследования показали, что между длиной карповых, щуковых, лососёвых, сомовых, тресковых и окунёвых рыб (SL и TL) и размерами их костей из разных популяций Европы и Малой Азии существуют: линейная регрессия – $SL(TL) = bBL + a$, где BL – размер кости (в мм); линейная – $SL(TL) = aXL + b$, или нелинейная регрессия $SL(TL) = aXL^b$ – степенная зависимость, где XL – размер кости (в мм), или полиноминальная регрессия – $SL = a + bXL + cXL^2$, где XL – размер кости (см.: Mann & Baemont, 1980; Wise, 1980; Benecke, 1987; Desse et al., 1987; Libois et al., 1987; Груздева, Васильева, 1988; Hansel et al., 1988; Libois & Hallet – Libois, 1988; Bartosiewicz, 1990; Desse et al., 1990; Prenda & Granado-Lorencio, 1992; Conroy et al., 1993; Bartosiewicz, Takács, Székelyhid, 1994; Székelyhid, Takács, Bartosiewicz, 1994; Carss & Elston, 1996; Raczyński & Zdzislaw, 1997; Carss et al., 1998; Kłoskowski, Grendel & Wronka, 2000; Radke et al., 2000; Prenda et al., 2002; Adamek et al., 2003; Copp & Kovač, 2003; Hajkova et al., 2003; Radu, 1998, 2003; Britton & Shepherd, 2005; Miranda & Escala, 2003; Tarkan et al., 2007; Gaygusuz et al., 2008; Olson, 2008). Измерения костей производили по предложенными схемам из следующих работ: для карповых рыб (Hansel et al., 1988; Libois & Hallet – Libois, 1988; Prenda & Granado-Lorencio, 1992; Radu, 2003; Prenda et al., 2002; Tarkan et al., 2007), окунёвых (Libois et al., 1987; Copp & Kovač, 2003; Radu, 2003), лососёвообразных (Prenda et al., 2002; Hajkova et al., 2003), щуковых (Груздева, Васильева, 1988; Bartosiewicz, 1990; Székelyhid, Takács, Bartosiewicz, 1994; Radu, 2003), обыкновенного сома (Никольский, 1935; Székelyhid, Takács, Bartosiewicz, 1994), налима (Desse et al., 1990). Схемы некоторых наиболее часто проводимых измерений приведены в приложение А (1–7). Статистическая обработка материала произведена в пакете прикладных программ PAST version 1.84.

6. Метод сравнительного анализа интенсивности промысла.

Данный метод основан на сравнение соотношений разных промысловых групп и видов рыб в промысле за разные промежутки времени. В анализе можно основываться как на количественные показатели, так и на размерные показатели рыб.

Видовые названия рыб (русские и латинские) и порядок их перечисления приводятся по каталогу Н.Г. Богуцкой и А.М. Насеке, 2004, рекомендованному всемирным археологическим обществом как основная таксономическая и систематическая работа для РФ. Латинские и русские названия элементов скелета рыб приводятся по Н.Н. Гуртовому и др., 1976 и V. Radu, 2005 с небольшими изменениями, взятыми из работы В.Д. Лебедева, 1960.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Видовое разнообразие рыб из археоихтиологической коллекции «Муромского городка»

Археоихтиологическая коллекция «Муромского городка» раскопов 2005–2006 гг. представлена 453 костями, из которых до вида определено 407 костей (21 видов рыб, принадлежащих 9 семействам), до семейства – 27 костей и 19 экземпляров неопределенных костных остатков разных видов рыб (см. табл. 1). Большая часть костей происходит из сооружений (16), хозяйственных ям (2), и квадратов свободного культурного слоя (33).

Сем. *Acipenseridae* – Осетровые

В коллекции из «Муромского городка» осетровые представлены 192 экз. костных остатков, из которых до вида определено 181 экз. (русский осетр – 106 экз., белуга – 24 экз., севрюга – 39 экз., стерлядь – 11 экз. и шип – 1 экз.), 11 экз. определено только до семейства (элементы, поддерживающие плавники – 2 экз., фрагмент *marginalia* – 1 экз., фрагменты покровных костей – 1 экз. и фрагменты различных костей – 7 экз.) (рис. 1).

Acipenser gueldenstaedtii – русский осетр. Среди 106 экз. костей, принадлежащих русскому осетру, были жучки – 69 экз., различные покровные кости – 5 экз., *fulkra* (*fulorum*) – 3 экз., *marginalia* – 10 экз., *suboperculare* – 11 экз., *dentale* – 4 экз., *cleithrum* – 1 экз., *hyomandibulare* – 2 экз., *maxillare* (*maxillo* – *praemaxillare*) – 1 экз. Абсолютная длина определена для 28 рыб в см: 102; 105; 171; 137; 125; 174; 165; 155; 181; 137; 151; 153; 121; 144; 150,5; 131; 130; 129; 92;

204; 195,5; 149; 127; 141; 130,5; 137,5; 112,5; 112,5 (рис. 4). Минимальная абсолютная длина осетров из «Муромского городка» – 92 см, максимальная – 204 см, средняя длина осетров из «Муромского городка» – 141,5 см; ($n = 28$; $M \pm m = 141,5 \pm 5,13$; $\sigma = 27,15$) (табл. 2).

Таблица 1
Соотношение видов рыб в раскопках «Муромского городка» раскопок 2005–2006 гг.

Название видов рыб	Количество костных остатков, экз.	%
Русский осетр (<i>Acipenser gueldenstaedtii</i> Brand et Ratzeburg, 1833)	106	23,8
Шип (<i>Acipenser nudiventris</i> Lovetsky, 1828)	1	0,2
Стерлядь (<i>Acipenser ruthenus</i> Linnaeus, 1758)	11	2,5
Севрюга (<i>Acipenserstellatus</i> Pallas, 1771)	39	8,8
Белуга (<i>Huso huso</i> L., 1758)	24	5,4
Черноспинка (<i>Alosa kessleri</i> Grimm, 1887)	27	6,1
Обыкновенный карась (<i>Carassius carassius</i> L., 1758)	1	0,2
Сазан (<i>Cyprinus carpio</i> L., 1758)	2	0,4
Лещ (<i>Abramis brama</i> L., 1758)	13	2,9
Синец (<i>Abramis ballerus</i> L., 1758)	4	0,9
Густера (<i>Blicca bjoerkna</i> L., 1758)	6	1,3
Обыкновенный жерех (<i>Aspius aspius</i> L., 1758)	6	1,3
Язь (<i>Leuciscus idus</i> L., 1758)	1	0,2
Кутум (<i>Rutilus frisii kutum</i> Kamensky, 1901)	8	1,8
Плотва (<i>Rutilus rutilus</i> L., 1758)	5	1,1
Европейский обыкновенный сом (<i>Silurus glanis</i> L., 1758)	44	9,9
Обыкновенная щука (<i>Esox lucius</i> L., 1758)	20	4,5
Белорыбица (<i>Stenodus leucichthys</i> Gueldens-taedi, 1772)	1	0,2
Каспийский лосось (кумжа) (<i>Salmo trutta caspius</i> Kessler, 1870)	2	0,4
Налим (<i>Lota lota</i> L., 1758)	5	1,1
Обыкновенный судак (<i>Sander lucioperca</i> L., 1758)	81	18,2
Неопределенные остатки осетровых	11	2,5
Неопределенные остатки карповых	16	3,8
Неопределенные остатки разных видов рыб	19	4,0
Итого	453	100

В бассейне Волги русский осетр был распространен повсеместно (Берг, 1948). В средневолжских поселениях VI–XVIII вв. на долю осетра приходилось от 7,1% до 40,4%, где основу уловов составляли рыбы длиной (L) 140–170 см, в Березовском поселении на долю их падает 70,3% от общего числа рыб, в городищах Балымеры и Именьково – 46,5%; длина наиболее крупного экземпляра из древневолжских городищ равна 235 см (Цепкин, Соколов, 1970).

По опубликованным данным из средневековых археологических памятников бассейна Волги длина русского осетра составляла: р. Конка, IX–X вв., 3 экз., 50–107 см (Цепкин, 1995); р. Москва, XI–XVII вв., 13 экз., 130–180 см (Цепкин, 1972), в Древней Москве (XII–XVII вв.) 85–190 см, средняя – 143,5 см, 65 экз., в Древней Коломне (XII–XV вв.) 100–172 см, средняя – 136,8 см, 62 экз. (Цепкин, 1997); р. Проня, XI–XIII вв., 15 экз., 110–200 см (Цепкин, 1981); р. Ока, II–XIII вв., 4 экз., 150 см (Лебедев, 1960; Цепкин, 1995); р. Клязьма, XI–XIII вв., 2 экз.,

120 см (Цепкин, 1977); р. Волга, V–XIV вв., 558 экз., 60–230 см (148,2–155,5 см) (Цепкин, Соколов, 1970); р. Кама, IV в. до н.э. – XIV в. н.э., 146 экз., 100–170 см (115–127 см) (Букирев, 1956; Букирев, Усольцев, 1958; Лебедев, 1960).

Рис. 1. Костные остатки осетровых (*Acipenseridae*) – «Муромский городок» – раскопки 2006 г., раскоп 28.

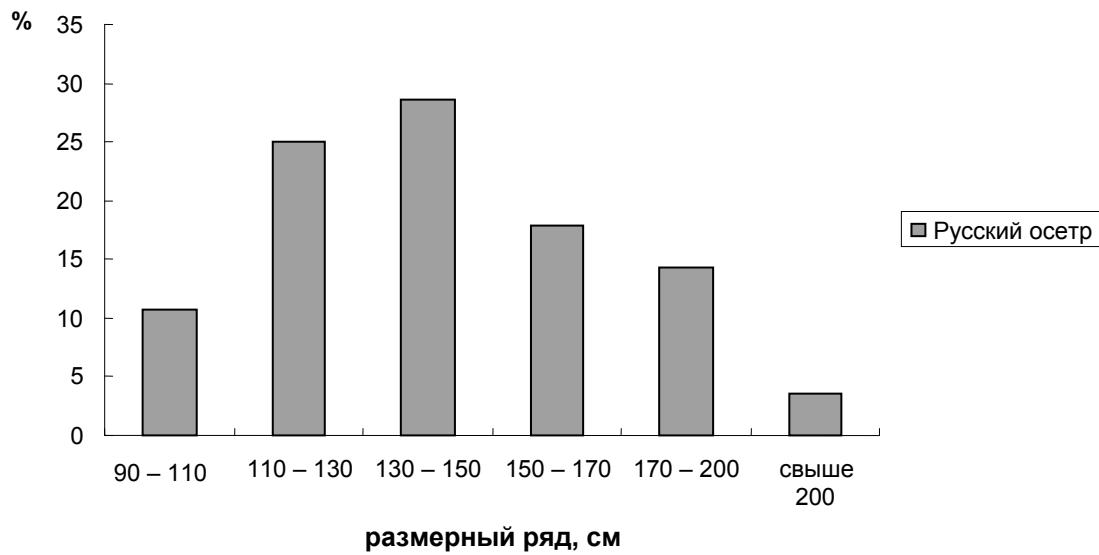

Рис. 2. Размерный состав русского осетра (*Acipenser gueldenstaedtii*) «Муромского городка».

На рис. 2 показан размерный состав русского осетра «Муромского городка». Большее число особей находится в размерном ряду от 130 до 150 см – 28,6%. Второе место по количеству особей в размерном ряду занимают рыбы от 110 до 130 см – 25%.

Acipenser nudiventris – шип. В коллекции представлен одной костью – suboperculare, соответствующей экземпляру длиной 85,5 см (табл.2). По сравнению с другими видами осетро-

вых шип в Волге и ее притоках всегда был очень редок (Цепкин, 1997). В XVII в. шип в уловах в бассейне р. Волги попадался единично (Кириков, 1966).

По археологическим материалам он отмечен в Москве – реке в конце XV в. в низовьях реки (Древняя Коломна) (Цепкин, 1997). Размеры шипа того времени неизвестны. По современным данным шип достигает абсолютной длины 220 см (Соколов, 2003).

Acipenser ruthenus – стерлядь. В коллекции представлена 11 костными остатками: жучки – 1 экз., marginalia – 10 экз. Абсолютная длина определена для 9 рыб в см: 44; 48; 52,5; 53,5; 62; 66; 82; 94; 109. Минимальная длина рыб из «Муромского городка» составляет 44 см, максимальная – 109 см, средняя – 67,8 см; ($n=9$; $M \pm m = 67,8 \pm 7,47$; $\sigma = 22,41$) (табл. 2).

По археологическим данным, в бассейне Волги стерлядь составляла в общих уловах 13–40,7%, а среди осетровых – 28,5–70,9%, где размерный состав волжской стерляди составлял в городище Балымеры 30–120 см (в среднем 72,1 см), в Березовском поселении размеры добывающихся стерлядей колебались от 46 до 102 см (в среднем 72,4 см) (Соколов, Цепкин, 1971).

По опубликованным данным из средневековых археологических памятников бассейна Волги размеры стерляди составляли: р. Конка, IX–X вв., 136 экз., 45–76 см (Цепкин, 1995); р. Шексна, XI–XIV вв., 15 экз. (Соколов, Цепкин, 1971); р. Москва, V в. до н.э. – XIV в. н.э., 5 экз., 55 – 92 см (Цепкин, 1972, 1989а), в Древней Москве (XII–XVII вв.) 45–98 см, средняя – 63,5 см, 24 экз., в Древней Коломне (XII–XV вв.) 28–78 см, средняя – 54 см, 67 экз. (Цепкин, 1997); р. Ока, XI–XIII вв., 12 экз., 38–81 см (60,8 см) (Лебедев, 1960); р. Нерль, XII–XIV вв., 1 экз. (Соколов, Цепкин, 1971); р. Проня, XI–XIII вв., 21 экз., 50–60 см (Цепкин, 1981); р. Клязьма, XI–XIII вв., 1 экз., 52 см (Цепкин, 1977); р. Волга, VI – XIV вв., 3152 экз., 30–120 см (72,1–79,4 см) (Соколов, Цепкин, 1971); р. Кама, I в. до н.э. – XVII в. н.э., 440 экз., 37–98 см (57,9–70 см) (Никольский, 1935а; Букирев, 1956; Букирев, Усольцев, 1958; Лебедев, 1960).

Acipenser stellatus – севрюга. Представлена 39 костными остатками: жучки – 11 экз., fulkra (fulorum) – 2 экз., pars scapularis cleitrum – 1 экз., praeoperculare – 2 экз., suboperculare – 10 экз., cleithrum – 2 экз., supracleitrale – 3 экз., plato – pterygoideum (pterygoideum) – 1 экз., marginalia – 4 экз., hyomandibulare – 2 экз., maxillare (maxillo – praemaxillare) – 1 экз. Абсолютная длина определена для 14 рыб в см: 109, 120, 125, 135, 137, 142, 145, 152, 170, 161, 173, 201, 187; 188. Минимальная длина субфоссильных севрюг из «Муромского городка» составляет 109 см, максимальная – 188 см, средняя длина – 153,2 см ($n=14$; $M \pm m = 153,2 \pm 7,41$; $\sigma = 27,75$) (табл. 2).

В среднем течении Волги и устье Камы (городища Именьково, Балымеры, Березовское) в промысле осетровых севрюга занимала одно из первых мест (9,5–39,5%). Основная часть древних уловов приходилась на рыб длиной (L) 120–160 см (55%).

По опубликованным данным из средневековых археологических памятников бассейна Волги размеры севрюги составляли: р. Клязьма, XI–XIII вв., 1 экз., 225 см (Соколов, Цепкин, 1969а); р. Москва, XI–XVII вв., 12 экз., 130–170 см (Цепкин, 1972), в Древней Москве (XII–XVII вв.) длина севрюги колебалась 98–190 см, средняя – 144 см, 54 экз.; в Древней Коломне (XII–XV вв.) 120 – 250 см, средняя – 150 см, 101 экз. (Цепкин, 1997); р. Ока, XI–XII вв., 3 экз., 100–130 см (Цепкин, 1981); р. Волга, VI–XIV вв., 930 экз., 55–255 см (137 см) (Соколов, Цепкин, 1969а); р. Кама, IV в. до н.э. – XVII в. н.э., 120 экз., 120–130 см (Букирев, 1956; Букирев, Усольцев, 1958; Лебедев, 1960).

Huso huso – белуга. В коллекции белуга представлена 24 костными остатками: жучки – 1 экз., первый луч анального плавника – 1 экз., marginalia – 10 экз., dentale – 10 экз., cleithrum – 1 экз. и hyomandibulare – 1 экз. Абсолютная длина определена для 12 рыб в см: 152,5; 145; 137,5; 141; 205; 190; 270; 242; 298; 209; 301; 308. Минимальная абсолютная длина белуг из коллекции составляет 137,5 см, максимальная – 308 см, средняя длина – 216,6 см; ($n=12$; $M \pm m = 216,6 \pm 19,03$; $\sigma = 65,85$) (табл. 2).

По опубликованным данным, на средневековых археологических памятниках бассейна Волги белуга была встречена при раскопках славянского поселения Белоозеро XI–XIV вв. на р. Шексне – 7 экз., встречалась белуга так же в Оке, а в XI–XIV вв. в ее притоке – р. Москве (Цепкин, Соколов, 1971), где ее средний размер составлял 200–300 см, 8 экз. (Цепкин, 1972), так же по археологическим данным белуга была встречена в Древней Москве (XII–XVII вв.) в

количестве 17 экз., где ее размеры колебались от 140 до 365 см, средняя – 233 см и в Древней Коломне (XII–XV вв.) в количестве 4 экз., 200–230 см (средняя – 207,5 см) (Цепкин, 1997); на р. Волге в VI–XIV вв., 177 экз., 110–560 см (282–290,7 см) (Цепкин, Соколов, 1971 а, б). Анализ размерного состава белуги из средневолжских городищ показал, что основу промысла составляли здесь крупные особи, где в Балымерах и Именьково преобладали рыбы длиной 260–320 см, а в Березовском поселении рыбы длиной 140–320 см (Цепкин, Соколов, 1971).

Сем. *Clupeidae* – Сельдевые

Alosa kessleri – черноспинка. В коллекции представлена 27 экземплярами костных остатков: osscoxae – 1 экз., dentale – 10 экз. (рис. 4), cleithrum – 3 экз., maxillare – 4 экз., operculare – 4 экз., articulare – 1 экз., urohyale – 1 экз., неопределенные фрагменты костей жаберной крышки – 2 экз., элементы, поддерживающие жаберную перепонку – 1 экз. Длина определена для 14 рыб в см: 34,2; 37,2; 36; 45,1; 37,9; 35; 39,9; 43,5; 44,6; 44,5; 35,9; 45,5; 45,9; 43,9. Минимальная длина субфоссильной сельди из «Муромского городка» составляет 34,2 см, максимальная – 45,5 см, средняя – 40,6 см ($n = 14$; $M \pm m = 40,6 \pm 1,19$; $\sigma = 4,45$) (табл. 2). По опубликованным данным в археологических памятниках бассейна Волги остатки данного вида рыб неизвестны.

Сем. *Cyprinidae* – Карповые

Семейство карповых представлено в коллекции следующими видами: обыкновенный карась, сазан, лещ, синец, густера, обыкновенный жерех, язь, кутум, плотва. Всего исследовано 62 экз. костных остатков карповых, из которых до вида определено 46 экз., до семейства 16 экз. (operculare – 2 экз., vertebra – 1 экз., supracleithrale – 1 экз., interoperculare – 1 экз., фрагмент hyomandibulare – 2 экз., фрагменты ребер – 8 экз., basioccipitale – 1 экз.)

Рис. 3. Dentale – Черноспинка (*Alosa kessleri*) – «Муромский городок», раскопки 2006 г.

Carassius carassius – обыкновенный карась. В коллекции представлен одной костью – operculare, по которой восстановленный размер рыбы составляет 28,7 см (табл. 2).

По опубликованным археологическим данным этот вид был отмечен в древних уловах на Москве – реке в Древней Коломне (XII–XVII вв.) в количестве 4 экз., размер которых составлял 20–30 см (Цепкин, 1997). Размеры субфоссильного карася (28,7 см) из «Муромского городка» не превышают размеров данного вида из средневековых археологических памятников бассейна Волги.

Cyprinus carpio – сазан. В коллекции представлен 2 экз. костных остатков: piaeoperculare – 1 экз., caracoideum – 1 экз. Размеры восстановлены для 1 экз. рыбы – 39,2 см (табл. 2).

По опубликованным археологическим данным из памятников бассейна Волги размер сазана в р. Проня в XI–XIII вв. составлял 50 см, 1 экз. (Цепкин, 1981), в Древней Москве (XII–XVII вв.) 70–75 см 2 экз., в Древней Коломне (XII–XV вв.) 60 – 75 см, средняя – 70,1 см, 33 экз. (Цепкин, 1997).

Abramis brama – лещ. В коллекции представлен 13 экз. костных остатков: ребро – 3 экз., элементы костей жаберного аппарата – 2 экз., vertebra – 2 экз., operculare – 2 экз., cleithrum – 1 экз., hyomandibulare – 3 экз. Размер восстановлен для 5 экз. рыб в см: 33; 35; 37; 40; 41,1. Минимальная длина субфоссильного леща из «Муромского городка» составляет 33 см, максимальная – 41,1 см, средняя – 37,2 см. ($n=5$; $M \pm m = 37,2 \pm 1,5$; $\sigma = 3,37$) (табл. 2).

По данным из средневековых археологических памятников бассейна Волги, размеры леща составляли: р. Конка, IX–Х вв., 15 экз., 25 – 40 см (Цепкин, 1995); р. Ока, III–XIII вв., 33 экз., 17–51 см (30,9 см) (Лебедев, 1960; Цепкин, 1995); р. Москва, V в. до н.э. – XV в. н.э., 24 экз., 20–50 см (Цепкин, 1972, 1989а), в Древней Москве (XI–XVII вв.) 25–50 см, средняя – 41,4 см, 21 экз., в Древней Коломне (XII–XV вв.) 20 – 68 см, средняя – 42,1 см, 149 экз. (Цепкин, 1997); р. Клязьма, XI–XIII вв., 3 экз., 36 см (Цепкин, 1977); р. Кама, III в. до н.э. – XVII в. н.э. 30 экз., 21–61 см (Букирев, Усольцев, 1958; Лебедев, 1960).

Abramis ballerus – синец. Представлен 4 экз. костных остатков: vertebra – 1 экз., hyomandibulare – 1 экз., cleithrum – 2 экз. Размер восстановлен для 2 экз. рыб в см: 24,2; 30,7 (табл. 2). По данным из средневековых археологических памятников бассейна Волги размер синца в р. Кама в X–XIV в. составлял 20 см (Букирев, Усольцев, 1958).

Blicca bjoerkna – густера. В коллекции представлена 6 экз. костных остатков: vertebra – 5 экз., operculare – 1 экз. Размер восстановлен для 2 экз. рыб в см: 20,1; 25 (табл. 2). По опубликованным данным остатки данного вида рыб в археологических памятниках бассейне Волги неизвестны. Размеры густеры из оз. Ильмень в X–XV вв. составлял 19–24 см (20,2 см), 7 экз. (Сычевская, 1965а). В бассейне Псковско – Чудского озера в р. Великая размер густеры того времени (III–X вв.) составлял 17–32 см, 11 экз. (Лебедев, 1960).

Aspius aspius – обыкновенный жерех. Представлен 6 экз. косных остатков: ossa pharyngea interiora – 1 экз., dentale – 2 экз., operculare – 2 экз., vertebra – 1 экз. Размер восстановлен для 3 рыб в см: 45,8; 50,5; 56. Минимальная длина субфоссильного жереха из «Муромского городка» – 45,8 см, максимальная – 56 см, средняя – 50,8 см. (n=3; $M \pm m = 50,8 \pm 2,95$; $\sigma = 5,11$) (табл. 2).

По археологическим данным из памятников бассейна Волги размеры жереха составляли: р. Ока, II–XIII вв., 3 экз., 51 см (Лебедев, 1960); р. Конка, IX–X вв., 3 экз., 50 см (Цепкин, 1995); р. Кама, X–XIV вв., 6 экз., 36 – 55 см (Лебедев, 1960); в Древней Коломне (XII–XV вв.) 39–55 см, средняя – 46,5 см, 34 экз. (Цепкин, 1997).

Leuciscus idus – язь. В коллекции представлен одной костью – interoperculare, соответствующей экземпляру длиной 31,3 см (табл. 2).

По данным из средневековых археологических памятников бассейна Волги размеры язя того времени составляли: в р. Ока, II–XIII вв., 8 экз., 37–46 см (Лебедев, 1960; Цепкин, 1995); в р. Кама, X–XVII вв., 7 экз., 29–49 см (33,2 см) (Лебедев, 1960; Букирев, Усольцев, 1958); в Древней Коломне (XII–XV вв.) 34 – 40 см, средняя – 36,7 см, 5 экз. (Цепкин, 1997).

Rutilus frisii kutum – кутум. В коллекции представлен 8 экз. костных остатков: vertebra – 4 экз., suboperculare – 1 экз., epihiale – 1 экз., ossa pharyngea interiora – 1 экз., radialia – 1 экз. Размеры восстановлены для 4 экз. рыб в см: 41; 54,5; 55,3; 61,5. Минимальная длина субфоссильного кутума из «Муромского городка» составляет 41 см, максимальная – 61,5 см, средняя – 53,07 см. (n=4; $M \pm m = 53,07 \pm 4,32$; $\sigma = 8,64$) (табл. 2).

По данным из средневековых археологических памятников бассейна Волги размеры кутума в р. Проня, XI–XIII вв. составляли 58 см, 1 экз. (Цепкин, 1981). Длина кутума из «Муромского городка» не привышает длину кутума из археологических памятников бассейна Волги. В прошлом кутум регулярно заходил из Каспия в р. Волга и достигал р. Камы, где в 1937 – 1940 гг. было поймано 10 особей (Берг, 1949).

Rutilus rutilus – плотва. В коллекции плотва представлена 5 экз. костных остатков: vertebra – 1 экз., operculare – 1 экз., praeoperculare – 1 экз., suboperculare – 1 экз., ossa pharyngea interiora – 1 экз. Размер восстановлен для 2 рыб в см: 31,1; 35,1 (табл. 2).

По данным из средневековых археологических памятников бассейна Волги размеры плотвы составляли: р. Ока, XI–XIII вв., 1 экз., 17 см (Лебедев, 1960); р. Кама, III в. до н.э. – XVII в. н.э., 2 экз. (Букирев, 1956; Букирев, Усольцев, 1958); в Древней Москве (XII–XVII вв.) 21 см, 1 экз., в Древней Коломне (XII–XV вв.) 16–38 см, средняя – 25,3 см, 37 экз. (Цепкин, 1997).

Сем. *Siluridae* – Сомовые

Silurus glanis – европейский обыкновенный сом. В коллекции представлен 44 экз. костных остатков: vertebra – 12 экз., hyomandibulare – 2 экз., interoperculare – 1 экз., operculare – 4

экз., suboperculare – 1 экз., cleithrum – 2 экз., articulare – 6 экз., ceratohyale – 4 экз., 12 экз. непределимых костей сома (hyomandibulare, articulare, ceratohyale, dentale и др.) из-за фрагментарности не удалось отнести к конкретной кости. Размер восстановлен для 12 экз. рыб в см: 85; 104; 118; 115; 135; 159; 101; 109; 121; 179; 190,5; 181. Минимальная длина субфоссильного сома из «Муромского городка» составляет 85 см, максимальная – 190,5 см, средняя – 133,1 см. (n=12; M ± m=133,1 ± 10,25; σ= 35,48) (табл. 2).

По опубликованным данным из средневековых археологических памятников бассейна Волги размеры сома составляли: р. Ока, XI–XIII вв., 18 экз., 130 – 235 см (Лебедев, 1960; Цепкин, 1981; Цепкин, 1995); р. Москва, V в. до н.э. – XVII в. н.э., 22 экз., 93–210 см (Цепкин, 1972, 1989а), по археологическим данным, датированным XII–XVII вв., размерный состав сома в Древней Москве 93–220 см, средняя – 156,4 см, 10 экз., в Древней Коломне (XII–XV вв.) 54 – 300 см (сред. – 129,9 см), 10 экз. (Цепкин, 1997); р. Проня, XI–XIII вв., 5 экз., 87–215 см (Цепкин, 1981; Цепкин, 1995); р. Клязьма, XI–XIII вв., 8 экз., 105–200 см (Цепкин, 1977); р. Кама, III в. до н.э. – XVII в. н.э., 75 экз., 83–131 см (106,5 см) (Букирев, 1956; Букирев, Усольцев, 1958; Лебедев, 1960).

Сем. *Esocidae* – Щуковые

Esox lucius – обыкновенная щука. В коллекции представлена 20 костными остатками: vertebra – 14 экз., praaeperculare – 1 экз., operculare – 2 экз., cleithrum – 1 экз., dentale – 1 экз., parasphenoideum – 1 экз. Размеры восстановлены для 10 рыб (до конца чешуйного покрова) в см: 51; 61,1; 49,7; 59,7; 72,3; 79; 49,9; 55,5; 59,7; 63,5. Минимальная длина субфоссильной щуки из «Муромского городка» составляет 49,9 см, максимальная – 79 см, средняя – 60,1 см (n=10; M ± m= 60,1 ± 3,05; σ = 9,63) (табл. 2).

По опубликованным данным из археологических памятников бассейна Волги размеры щуки составляли: р. Клязьма, XI–XIII вв., 60–120 см, 21 экз. (Цепкин, 1977); р. Ока, III–XIII вв., 28–84 см, 19 экз. (Лебедев, 1960; Цепкин, 1981); р. Москва, V в. до н.э. – XVII в. н.э. 23–120 (83,5 см), 107 экз. (Цепкин, 1972, 1989а); XII–XVII вв. в Древней Москве 25–112 см, средняя – 70 см, 60 экз., в Древней Коломне (XII–XV вв.) 17–115 см, средняя – 58,2 см, 92 экз. (Цепкин, 1997); р. Конка, IX–X вв., 30–135 см, 179 экз. (Цепкин, 1995); р. Кама, конец I тысячелетия до н. э. – XVII в. н.э., 244 экз., 21–128 см (Никольский, 1935а; Букирев, 1956; Букирев, Усольцев, 1958; Лебедев, 1960).

Сем. *Coregonidae* – Сиговые

В коллекции представлены одним видом – *Stenodus leucichthys* – белорыбица, которой принадлежит в данной коллекции 1 кость – cleithrum. Размер рыбы точно определить не удалось, он приблизительно равен 70–80 см (табл. 2).

По опубликованным данным из археологических памятников бассейна Волги размеры белорыбицы в р. Конка в IX–X в. составили 77 см, 2 экз. (Цепкин, 1995) и в Древней Коломне на Москве-реке (XII–XVII вв.) 90 см, 1 экз. Последние случаи поимки единичных особей белорыбицы в низовьях Москвы – реки зафиксированы в конце 30-х – начале 40-х годов прошлого столетия (Цепкин, 1997). Белорыбица так же встречалась в бассейне Камы, где в Кылассовом городище (X–XIV вв.) была обнаружена одна лопаточная кость (scapula), принадлежавшая, как можно предполагать, белорыбице (Букирев, Усольцев, 1958).

Сем. *Salmonidae* – Лососевые

В коллекции представлен одним видом – *Salmo trutta caspius* – каспийский лосось (кумжа), которому принадлежит в данной коллекции 2 кости – praaeperculare, соответствующей, экземпляру длиной 77,5 см и operculare, соответствующей экземпляру длиной 78,5 см (табл. 2).

По опубликованным данным из средневековых археологических памятников бассейна Волги размер лосося составлял: р. Клязьма, XI–XIII вв., 1 экз., 100 см (Цепкин, 1977); р. Кама, X–XIV вв., 2 экз. (Лебедев, 1960); в Древней Москве (XII–XVII вв.) 100 см, 2 экз. (Цепкин, 1997). Так же остатки данного вида были обнаружены при раскопках селения Балымеры в 1954 г., 8 экз. (Лебедев, 1958).

В уловах конца XVII в. размеры каспийского лосося из езовских деревень составляли 54–71 см, средняя длина – 61,3 см (Кириков, 1966).

Сем. *Lotidae* – Налимовые

Представлено одним видом – *Lota lota* – налим. Коллекция содержит 5 экз. костных остатков этого вида: *radialia* – 1 экз., *operculare* – 2 экз., *suboperculare* – 1 экз., *ceratohyale* – 1 экз. Размер восстановлен для 3 экз. рыб в см: 40,3; 44,5; 49. Минимальная длина субфоссильного налима из «Муромского городка» оставляет 40,3 см, максимальная 49 см, средняя – 44,6 см. (n=3; $M \pm m = 44,6 \pm 3,18$; $\sigma = 4,35$) (табл. 2).

По опубликованным данным из средневековых археологических памятников бассейна Волги размер налима составлял: в р. Ока, XI–XIII вв., 1 экз., 41 см (Лебедев, 1960); в р. Кама, X–XIV вв., 3 экз., 45–62 см (Лебедев, 1960); в Древней Коломне (XII–XV вв.) на Москве-реке размер налима составлял 37–80 см, 3 экз. (Цепкин, 1997).

Сем. *Percidae* – Окуневые

Семейство окуневых в коллекции представлено одним видом – *Sander lucioperca* – обыкновенный судак, которому принадлежит 81 экз. костных остатков: *vertebra* – 73 экз., *interoperculare* – 2 экз., *articulare* – 1 экз., *epihuale* – 1 экз., *cleithrum* – 1 экз., *mesocoracoideum* – 2 экз., *hyoideum* – 1 экз. Размеры восстановлены для 33 экз. рыб в см: 70,5; 61,1; 64,3; 71,5; 82,3; 61,2; 64,5; 52,6; 49,5; 37,7; 43,8; 29,5; 35,5; 36; 38,1; 41; 43,5; 40,7; 44; 92,3; 99; 101,2; 45; 47; 48,5; 50,5; 54,5; 61; 62,7; 69,7; 78,1; 59; 74 (рис. 5). Минимальная длина субфоссильного судака из «Муромского городка» составила 29,5 см; максимальная – 101,2 см; средняя – 56,6 см. (n=33; $M \pm m = 56,6 \pm 3,22$; $\sigma = 18,49$) (табл. 2).

По опубликованным данным из средневековых археологических памятников бассейна Волги размеры судака составляли: в р. Ока, XI–XIII вв., 6 экз., 50 см (Лебедев, 1960; Цепкин, 1981); в р. Москва, V в. до н.э. – XIV в. н.э., 30 экз., 30–84 см (Цепкин, 1972, 1989а), в Древней Москве (XII–XVII вв.) 35–89 см, средняя – 60,8 см, 25 экз., в Древней Коломне (XII–XV вв.) 27–78 см, средняя – 54,7 см, 50 экз. (Цепкин, 1997); в р. Клязьма, XI–XIII вв., 3 экз., 70–75 см (Цепкин, 1977); в р. Конка, IX–X вв., 80 экз., 36–94 см (Цепкин, 1995); в р. Кама, III в. до н.э. – XV в. н.э., 73 экз., 29–69 см (48,9 см) (Букирев, 1956; Букирев, Усольцев, 1958; Лебедев, 1960).

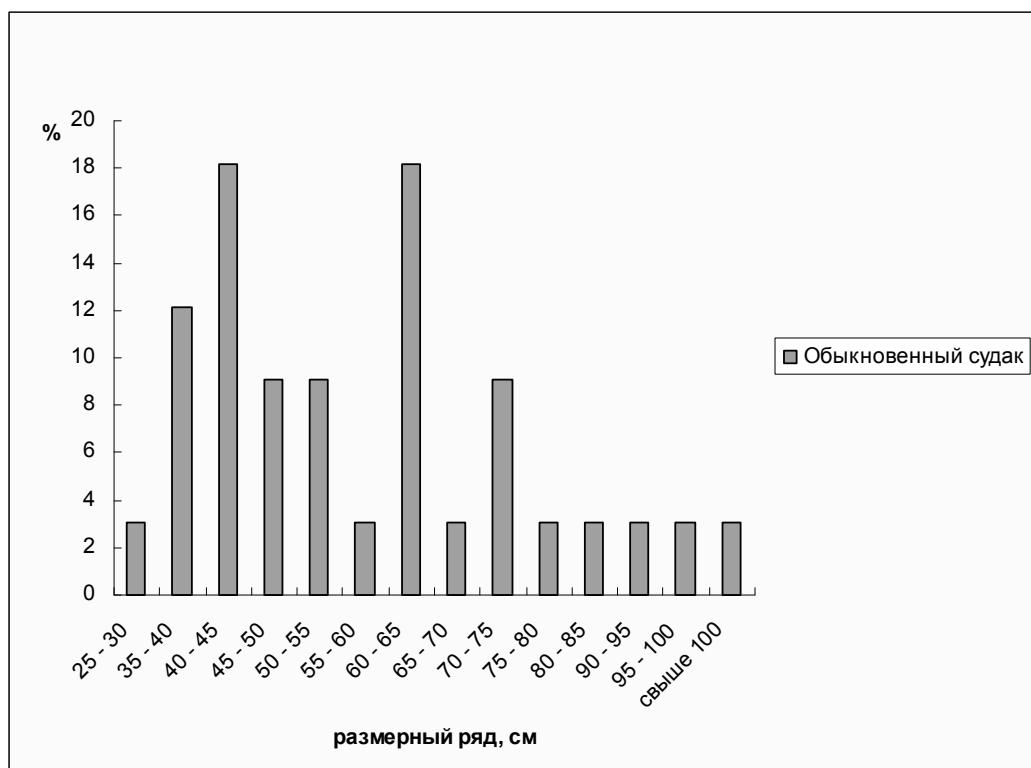

Рис. 4. Размерный состав обыкновенного судака (*Sander lucioperca*) «Муромского городка».

На рис. 5 представлен размерный состав обыкновенного судака «Муромского городка». Большее число особей (6 экз. – 18,2%) находятся в размерном ряду от 40 до 45 см и от 60 до 65 см. На втором месте особи, находящиеся в размерном диапазоне от 35 до 40 см (4 экз. – 12,1%).

Количество особей, у которых были восстановлены размеры, а так же их размеры (минимальные, максимальные и средние) представлены в таблице 2.

Сравнительный анализ археоихтиологической коллекции «Муромского городка»

Сравнительный анализ остеологического материала проводят для общей характеристики коллекции. Данный анализ показывает наличие преобладания различных элементов скелета, а так же как полно представлены костные элементы разных отделов скелета. Сравнительный анализ содержания элементов скелета осетровых представлен в таблицы 3, других семейств рыб – в таблице 4.

Таблица 2

Морфологическая реконструкция (восстановление) размеров (длины) представителей разных видов субфоссильной ихтиофауны «Муромского городка»

Вид	Длина рыбы min-max, см	Средняя длина $M \pm m$, см	n (кол-во)	σ (сигма)
Русский осетр	92 – 204	$141,5 \pm 5,13$	28	27,15
Шип	85,5	–	1	–
Стерлядь	44 – 109	$67,8 \pm 7,47$	9	22,41
Севрюга	109 – 188	$153,2 \pm 7,41$	14	27,75
Белуга	137,5 – 308	$216,6 \pm 19,03$	12	65,85
Черноспинка	34,2 – 45,5	$40,6 \pm 1,19$	14	4,45
Обыкновенный карась	28,7	–	1	–
Сазан	39,2	–	1	–
Лещ	33 – 41,1	$37,2 \pm 1,5$	5	3,37
Синец	24,2; 30,7	–	2	–
Густера	20,1; 25	–	2	–
Обыкновенный жерех	45,8 – 56	$50,8 \pm 2,95$	3	5,11
Язь	31,1	–	1	–
Кутум	41 – 61,5	$53,07 \pm 4,32$	4	8,64
Плотва	31,1; 35,1	–	2	–
Европейский обыкновенный сом	85 – 181	$133,1 \pm 10,25$	12	35,48
Обыкновенная щука	49,9 – 79	$60,1 \pm 3,05$	10	9,63
Белорыбица	Приб. 70 – 80	–	1	–
Каспийский лосось (кумжа)	77,5; 78,5	–	2	–
Налим	40,3 – 49	$44,6 \pm 3,18$	3	4,35
Обыкновенный судак	29,5 – 101,2	$56,6 \pm 3,22$	33	18,49

Скелет туловища в коллекции составляет 82 экз., скелет непарных и парных плавников – 51 экз., скелет головы – 51 экз. По отделам скелета осетровых рыб в коллекции преобладают элементы наружного скелета туловища (жучки – 82 экз.).

Из элементов внутреннего скелета парных плавников в коллекции преобладают маргинальные лучи осетровых (рис. 1) – 35 экз. Из костей наружного скелета головы больше всего

в коллекции *suboperculare* – 21 экз. По элементам челюстной дуги преобладают *dentale* – 14 экз.

Таблица 3

Сравнительный анализ содержания элементов скелета осетровых в коллекции

Название костей	Количество, экз.
СКЕЛЕТ ТУЛОВИЩА	
Наружный скелет туловища	
жучки	82
СКЕЛЕТ НЕПАРНЫХ И ПАРНЫХ ПЛАВНИКОВ	
Наружный скелет непарных плавников	
fulcra (fulorum)	5
Внутренний скелет непарных плавников	
Первый луч анального плавника	1
Внутренний скелет парных плавников	
marginalia	35
cleithrum	4
supracleithrale	3
pars scapularis cleitrum	1
элементы, поддерживающие плавники	2
СКЕЛЕТ ГОЛОВЫ	
Наружный скелет головы – <i>dermocranum</i>	
покровные кости	6
<i>suboperculare</i>	21
<i>praeoperculare</i>	2
Внутренний скелет головы	
Висцеральный скелет – <i>splanchnocranum</i>	
Челюстная дуга – <i>arcus mandibularis</i>	
<i>maxillare</i> (<i>maxillo</i> – <i>praemaxillare</i>)	2
<i>hyomandibulare</i>	5
<i>dentale</i>	14
<i>palato-pterygoideum</i> (<i>pterygoideum</i>)	1
НЕОПРЕДЕЛИМЫЕ ОСТАТКИ ОСЕТРОВЫХ – 7	

Таблица 4

Сравнительный анализ содержания элементов скелета других семейств костистых рыб в коллекции (сельдевых, карповых, сомовых, щуковых, сиговых, лососевых, налимовых, окунёвых)

Название костей	Количество, экз.
ОСЕВОЙ СКЕЛЕТ, ИЛИ ПОЗВОНОЧНИК	
<i>vertebra</i>	114
фрагменты ребер	11
СКЕЛЕТ НЕПАРНЫХ И ПАРНЫХ ПЛАВНИКОВ	
Скелет парных плавников	
<i>coracoideum</i>	1
<i>mesocoracoideum</i>	1
<i>cleithrum</i>	11
<i>supracleithrale</i>	1
<i>osscoxae</i>	1
<i>radalia</i>	1

СКЕЛЕТ ГОЛОВЫ	
Осевой череп – neurocranium	
Дно черепной коробки	
parasphenoidicum	1
basioccipitale	1
Висцеральный скелет – splanchnocranum	
Челюстная дуга – arcus mandibularis	
maxillare	4
articulare	11
dentale	16
Подъязычная дуга – arcus hyoideus	
hyomandibulare	11
hyoideum	1
epihyale	2
ceratohyale	8
urohyale	1
Жаберные дуги – arcus branchialis	
ossa pharyngea anteriora	3
элементы костей жаберного аппарата	2
элементы, поддерживающие жаберную перегородку	1
Жаберная крышка – operculum	
praeoperculare	4
operculare	22
interoperculare	5
suboperculare	4
неопределенные фрагменты костей жаберной крышки	2
НЕОПРЕДЕЛИМЫЕ ОСТАТКИ РАЗНЫХ РЫБ – 19	

Осевой скелет в коллекции составляет 125 экз., скелет парных плавников – 16 экз., скелет головы – 98 экз. По отделам скелета костистых рыб в коллекции преобладают элементы осевого скелета, на втором месте – кости скелета головы. Из элементов осевого скелета коллекция богата позвонками различных костистых рыб – 114 экз. Из костей скелета плавников преобладает cleitrum – 11 экз. По висцеральному скелету больше всего в коллекции различных элементов жаберной крышки – 37 экз., из которых преобладает operculare – 22 экз. Из элементов челюстной дуги преобладает dentale – 16 экз., из элементов подъязычной дуги – hyomandibulare – 11 экз., из элементов жаберной дуги – ossa pharyngea anteriora – 3 экз.

Делая общий вывод по сравнительному анализу элементов скелета можно сказать, что в коллекции преобладают элементы висцерального скелета осетровых (dentale, hyomandibulare и др.) и костистых рыб (dentale, hyomandibulare, ceratohyale, operculare и др.) – 119 экз. Так же коллекция богата позвонками различных костистых рыб – 114 экз. и элементами наружного скелета осетровых (жучки, покровные кости, suboperculare и др.) – 116 экз. На втором месте по количеству костных остатков в коллекции представлены элементы парных и непарных плавников осетровых (marginalia, cleithrum, supracleitale и др.) и костистых рыб (cleithrum, coracoideum и др.) – 61 экз.

Найдка тех или иных элементов скелета свидетельствует об определенной способности различных костей сохраняться в культурном слое археологического памятника (есть кости, которые вообще не сохраняются, например редки в раскопках кости осевого черепа). Сохранность костей зависит от использования рыбы человеком, от способов ее приготовления, от структуры почвенного покрова, сезонности и способов захоронения. Так же сохранность костей зависит от систематической принадлежности к той или иной группе.

Роль различных видов рыб в промысле и значение рыболовства в хозяйстве «Муромского городка»

Хозяйство Волжской Булгарии домонгольского периода носило комплексный характер и включало в себя сельское хозяйство с развитым для того времени земледелием и скотоводством, ремесла, внутреннюю и внешнюю торговлю, а также различные промыслы, рыболовство и охоту.

На основании приведенного выше материала можно установить роль того или иного вида рыб в промысле «Муромского городка». Основными объектами промысла в «Муромском городке» были русский осётр, судак, сом, севрюга, черноспинка, белуга и щука. Эти виды составляли до 76,7% от всего улова. Значительно меньше добывали: леща, стерлядь, кутума, жереха, густеру, плотву, налима, синца. Случайными объектами рыболовства были: каспийский лосось, сазан, язь, белорыбица, обыкновенный карась, шип.

В настоящее время в нижней части Куйбышевского водохранилища такие виды как каспийский лосось, кутум, шип, русский осетр, севрюга, белуга, черноспинка и белорыбица перестали встречаться или встречаются единичными экземплярами (Евланов и др., 1998; Козловский, 2001; Кузнецов, 2005; Завьялов и др., 2007; отчёт о работе филиала ФГУ «Нацрыбкчество» по РТ, 2007). Исчезновение и значительное падение численности многих проходных видов рыб (осетровых, лососёвых, сельдёвых и ряда видов карповых рыб) из данного района, как и по всей Средней Волге произошло под действием хозяйственной деятельности человека и климатических изменений. В настоящее время почти полностью изменился и качественный состав промысла. Так в уловах в Приплотинном плёсе Куйбышевского водохранилища значительно преобладают частиковые виды рыб (представители семейств карповых и окунёвых), тогда как в промысле «Муромского городка» преобладали осетровые виды рыб. Доминирующая роль осетровых рыб в общей добыче было характерно для всего периода средневековья не только для бассейна р. Волги, но и для Черноморского бассейна (Лебедев, 1960; Кириков, 1966; Соколов, Цепкин, 1969; Цепкин, Соколов, 1970; Соколов, Цепкин, 1971; Цепкин, Соколов, 1971а; Цепкин, Соколов, 1971б; Кожевникова, 1989; Bejenaru, Stanc, Tarcan, 2007) и отчасти для бассейна Балтийского моря (Лебедев, 1960; Urbanowicz, 1965; Цепкин, 1995; Chelkowski et al., 2005; Тарасов, 2008). Относительно размерного состава добываемой рыбы можно сказать, что средние размеры стерляди, леща, кутума, жереха, обыкновенной щуки, обыкновенного судака в уловах «Муромского городка» были больше, чем современные размеры этих видов рыб в уловах бассейна р. Волги. Максимальные размеры рыб «Муромского городка» не превышали современные. Ареалы таких видов рыб как шип, кутум, каспийский лосось, белорыбица в средневековье были значительно больше, чем в настоящее время. Наличие субфоссильных остатков черноспинки является первой находкой данного вида в археологических памятниках бассейна р. Волга по опубликованным данным и изученным археоихтиологическим коллекциям.

Удачное географическое расположение «Муромского городка» позволило ему превратиться уже в 11 веке в крупный торговый и ремесленный центр Волжской Булгарии. Видимо с ростом населения росли и потребности в источниках пищи. Рыба как один из них находилась совсем рядом в р. Волга и была доступна круглый год. По всей видимости, рыбный промысел развивался интенсивно, в том числе и в плане развития торгово-экономических отношений в самой Волжской Булгарии. Стимулами развития рыболовства являлись рост населения, увеличение спроса на продовольствие, развитие солеварения, развитие переработки рыбы в рыбную продукцию вызванное спросом на экспортные товары (рыбий клей, рыбий жир, рыбью кожу, белужий и осетровый «камень»). Промысел рыбы осуществлялся круглый год. Им были охвачены практически все виды промысловых рыб, обитавших в р. Волга, как живые, так и заходящие в реку на нерест.

Судя по находкам предметов рыболовства и костных остатков от различных видов рыб, основными орудиями лова рыбы в Волжской Булгарии, и в т.ч. в «Муромском городке», были крючковые снасти и сетевые орудия лова. Видимо, начиная с X вв., и особенно в XI–XII вв., в результате увеличения спроса на рыбу и продукцию от переработки рыбы в Волжской Булгарии значительно возрастает роль коллективного рыболовства и применения сетевых орудий

лова. Возможно, возникает специализация части промысловиков на лове определенных пород рыбы – прежде всего, на осетровых. Нами предполагается, что рыболовство на территории Волжской Булгарии к XII в. уже оформляется в самостоятельную отрасль городского хозяйства, по крайней мере, прибрежных городов таких как «Муромский городок», Булгар на р. Волга и городов Кашан и Джукетау на р. Каме. О значении рыболовства в хозяйстве населения и качественном применение и использование орудий лова жителями «Муромского городка» и его окрестностей, можно будет сказать только после тщательного изучения предметов рыболовства, найденных в результате раскопок.

Ответить на вопрос какое место в хозяйстве населения «Муромского городка» и его округи занимало рыболовство может помочь сравнительный анализ общего количества костных остатков найденных в результате раскопок. Так по результатам раскопок в 2005–2006 гг. по общему количеству костных остатков остатки рыб занимают второе место после остатков домашних животных (табл. 5).

Таблица 5

**Соотношение костных остатков по результатам
раскопок 2005–2006 гг. «Муромского городка» (составлена согласно
определениям Асылгараевой Г.Ш., Аськеева И.В., Галимовой Д.Н.)**

	Количество остатков	% соотношение	Количество видов
Домашние млекопитающие	1598	67,5	7
Промысловые млекопитающие	76	3,2	7
Rodentia – Грызуны	20	0,8	4
Всего: Mammalia – Млекопитающие	1694	71,6	18
Aves – Птицы	220	9,3	11
Pisces – Рыбы	453	19,1	21
ВСЕГО	2367	100	68

Это может служить неким доказательством большого значения рыболовства в хозяйственной жизни, а также о весьма значительной роли рыбы в питании населения «Муромского городка».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследований археоихтиологической коллекции «Муромского городка» были определены остатки 21 вида рыб, относящихся к 9 семействам. В количественном соотношении в коллекции значительно преобладали осетровые – 40,7% (в особенности русский осетр – 23,8%), обыкновенный судак – 18,2%, обыкновенный сом – 9,9%, черноспинка – 6,1%, которые являлись главными промысловыми видами. Восстановление размеров показало, что средние и максимальные размеры субфоссильных рыб «Муромского городка» не превышали средних и максимальных размеров рыб из средневековых археологических памятников бассейна р. Волги.

В коллекции преобладают элементы висцерального скелета осетровых (*dentale*, *hyomandibulare* и др.) и костистых рыб (*dentale*, *hyomandibulare*, *ceratohyale*, *operculare* и др.) – 119 экз. Так же коллекция богата позвонками различных костистых рыб – 114 экз. и элементами наружного скелета осетровых (жучки, покровные кости, *suboperculare* и др.) – 116 экз.

Наличие субфоссильных остатков черноспинки является первой находкой данного вида в средневековых археологических памятниках бассейна р. Волги. В коллекции присутствуют костные остатки шипа, кутума, каспийского лосося и белорыбицы – это показывает, что данные виды были промысловыми в бассейне р. Волги и ареалы этих видов в средневековье были значительно больше, чем в настоящее время.

Рыболовство имело большое значение в хозяйственной жизни «Муромского городка». Рыба играла немаловажную роль в питании населения данного памятника.

В заключении необходимо отметить, что археологические источники не всегда дают полного представления о роли и значении рыболовства в хозяйственной жизни, а так же о степени значимости тех, или иных видов рыб в промысле средневековых рыбаков. Уточнение этих данных возможно только при сопоставлении полученных результатов со свидетельствами письменных источников рассматриваемого периода.

Литература

- Берг Л.С. Рыбы пресноводных вод СССР и сопредельных стран. Т.2. М.-Л., 1949. – С. 469–925.
- Богуцкая Н.Г., Насека А.М. Каталог бесчелюстных и рыб пресных и солоноватых вод России с номенклатурными и таксономическими комментариями. М., 2004. – 389 с.
- Букирев А.И. К истории камской ихтиофауны // Учен. зап. ПГУ, Т.11. Вып.3. Пермь, 1956. – С. 75–82.
- Букирев А.И., Усольцев Э.А. К истории ихтиофауны бассейна реки Камы // Зоол. журн. Т.37. Вып.6. 1958. – С. 884–898.
- Груздева М.А., Васильева Е.Д. Дивергенция обыкновенной *Esox lucius* и амурской *Esox reicherti* щук по краинологическим признакам. Вопросы ихтиологии. Т.28, № 4, 1988. – С. 567–578.
- Гуртовой Н.Н., Матвеев Б.С., Дзержинский Ф.Я. Практическая зоотомия позвоночных. Низшие хордовые, Бесчелюстные, Рыбы. М.: «Высшая школа», 1976. – 352 с.
- Евланов И.А., Козловский С.В., Антонов П.И. Кадастр рыб Самарской области. Тольятти: ИЭВБ РАН, 1998. – 222 с.
- Завьялов Е.В., Ручин А.Б., Шляхтин Г.В. и др. Рыбы севера Нижнего Поволжья: Книга 1. Состав ихтиофауны, методы изучения. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2007. – 208 с.
- Иностраницев А.А. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. Спб., 1882. – 57 с.
- Кириков С.В. Промысловые животные, природная среда и человек. М.: Наука, 1966. – 348 с.
- Кожевникова Ю.Я. Фауна средневекового Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях востока и запада в XII–XVI веках. Ростов на Дону: Изд-во РГУ, 1989. – С. 78–85.
- Козловский С.В. Рыбы. Определитель в иллюстрациях, краткий справочник по экологии рыб, любительскому рыболовству и рыбоводству в Самарской области. Самара, 2001. – 224 с.
- Крылова В.Д., Соколов Л.И. Методические рекомендации. Морфологические исследования осетровых рыб и их гибридов. Министерство рыбного хозяйства СССР. Всесоюзный научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии. М., 1981. – 49 с.
- Кузнецов В.А. Рыбы Волжско-Камского края. Казань: «Kazan-Kазань», «ИДЕЛ-ПРЕСС», 2005. – 207 с.
- Лебедев В.Д. Результаты предварительного просмотра костных остатков рыб из раскопок селения Балымеры 1954 г. Приложение к статье Жиромский Б.Б. Древнеродовое святилище Шолом 1954 г. // МИА. №61. М., 1958. – С. 450.
- Лебедев Д.В. Пресноводная четвертичная ихтиофауна Европейской части СССР. М.: Изд-во МГУ, 1960. – 402 с.
- Никольский Г.В. Материалы по ихтиофауне городищ бассейнов Ветлуги и Вятки // Зоологический журнал. 1935. Т. 14, вып.1. – С. 79–96.
- Отчёт о работе филиала ФГУ «Нацрыбкчество» по РТ за 2006–2007 гг. Казань; М., 2007. – 109 с.
- Петренко А.Г. Фауна древнего города Болгара // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. – С. 228–234.
- Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам). Серия «Археология евразийских степей». Вып.3. – Казань: Институт истории АН РТ, 2007. – 144 с.
- Соколов Л.И. *Acipenser nudiventris* Lovetsky, 1828 – шип / Под ред. Ю.С. Решетникова // Атлас пресноводных рыб России. Т.1. – М.: Наука, 2003. – С. 42–43.
- Соколов Л.И., Цепкин Е.А. Севрюга *Acipenser stellatus* Pallas в среднем и позднем голоцене // Вопр. ихтиологии. – 1969а. – Т. 9. – Вып. 4. – С. 587–598.

- Соколов Л.И., Цепкин Е.А. Стерлядь *Acipenser ruthenus* L. в среднем и позднем голоцене // Вопр. ихтиологии. – 1971. – Т. 76. – Вып. 3. – С. 137 – 145.
- Сычевская Е.К. Рыбы древнего Новгорода // СА. – 1965а. – №1. – С. 236–256.
- Тарасов И.И. Обзор промысловой ихтиофауны Новгородской земли в средние века по данным археологии // Исследования археологических памятников эпохи средневековья: сб. науч. статей /Отв. ред. А.В. Виноградов. СПб., 2008. – С. 95–102.
- Тихий М.И. *Acipenser* из старолодожских раскопок. Тр. 1-го съезда зоол., анат. и гистологов, 1923. – С. 35–36.
- Цепкин Е.А. Рыбы из археологических раскопок древней Москвы // Бюл. Моск. об-ва испытателей природы. – 1972. – Т. 77. – Вып. 5. – С. 80 – 84.
- Цепкин Е.А. К истории промысловой ихтиофауны бассейна реки Клязьмы // Биол. науки. – 1977. – № 8. – С. 53–55.
- Цепкин Е.А. Об изменении видового состава промысловой ихтофауны бассейна Оки в позднем голоцене // Бюл. Моск. об-ва испытателей природы. Отд. биол. – 1981. – Т. 86. – Вып. 2. – С. 51–55.
- Цепкин Е.А. Древняя промысловая ихтиофауна Москвы-реки // Вестн. МГУ. Сер. 16, Биология. – 1989а. – № 3. – С. 56–60.
- Цепкин Е.А. Изменения промысловой фауны рыб континентальных водоемов Восточной Европы и Северной Азии в четвертичном периоде // Вопр. ихтиологии. – 1995. – Т. 35. – № 1. – С. 3–17.
- Цепкин Е.А. Промысловые рыбы Москвы – реки (по археологическим материалам) // Вопр. ихтиологии. – 1997. – Т. 37. – № 6. – С. 852–855.
- Цепкин Е.А., Соколов Л.И. Русский осетр *Acipenser gueldenstaedtii* Brand в среднем и позднем голоцене // Вопр. ихтиологии. – 1970. – Т. 10. – Вып. 1. – С. 24–36.
- Цепкин Е.А., Соколов Л.И. Белуга *Huso huso* (L.) в позднем голоцене // Биол. науки. – 1971а. – № 5. – С. 11–16.
- Цепкин Е.А., Соколов Л.И. О максимальных размерах и возрасте некоторых осетровых рыб // Вопр. ихтиологии. – 1971б. – Т.11. – Вып. 3. – С. 541–542.
- Adámek Z., Kortan D., Lepič, P. & Andreji J. Impacts of otter (*Lutra lutra* L.) predation on fishponds: A study of fish remains at ponds in the Czech Republic. Aquaculture International 11, 2003, p. 389–396.
- Barrett J.H., Nicholson R.A. and Cerón-Carrasco R. Archaeo-ichthyological evidence for long – term socioeconomic trends in northern Scotland: 3500 BC to AD 1500. Journal of Archaeological Science 26, 1999, p. 353–388.
- Barrett J., Hall A., Johnstone C., Kenward H., O'Connor T. and Ashby S. Plant and animal remains from Viking Age deposits at Kaupang, Norway. Reports from the Centre for Human Palaeoecology, University of York 2004/10. 2004, 140 p.
- Bartosiewicz L. Osteometrical studies on the skeleton of pike (*Esox lucius* L.1758). Aquacultura Hungarica, 6, 1990, p. 25–34.
- Bartosiewicz L., Takács I., Székelyhidyi I. Problems of size determination in common carp (*Cyprinus carpio*). In : W. Van Neer, éd., Fish exploitation in the past. Proceedings of the 7th meeting of the ICAZ Fish Remains Working Group (Louvain, 1993), Annales du Musée Royal de l'Afrique Centrale, Sciences Zoologiques, 274, Tervuren, 1994, p. 55–60.
- Bartosiewicz L. & Takacs I. Osteomorphological studies on the great sturgeon (*Huso huso* Brandt). Archeofauna, 6, 1997, p. 9–16.
- Bejenaru L., Stanc S., Tarcan C. Fishing in the territory of today's Romania in the middle ages. In Plogmann, H.H. (ed.) The role of fish in ancient time, Basel, 2007, p.101–106.
- Bekker-Nielsen T. (ed.). Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region. Aarhus University Press. Aarhus, 2005, 181 p.
- Benecke N. The Determination of the Body size of the Bream, *Abramis brama* (Linnaeus 1758) (Osteichthyes, Cyprinidae) from Measurements on the Skeleton. Zool. Anz. 219, 3/4, VEB Gustav Fischer Verlag Jena, 1987, p. 167–181.
- Brinkhuizen D.C. Features observed on the skeletons of some recent European Acipenseridae: their importance for the study of excavated remains of sturgeon. In : D.C. Brinkhuizen et A.T. Clason éds.,

- Fish and Archaeology. Studies in osteometry, taphonomy, seasonality and fishing methods, BAR International Series, 294, 1986, p. 18–33.
- Britton J.R. & Shepherd S. Biometric data to facilitate the diet reconstruction of piscivorous fauna. *Folia Zool.* 54, 2005, p. 193–200.
- Carss D. & Elston D. Errors associated with otter *Lutra lutra* faecal analysis. II. Estimating prey size distribution from bones recovered in spraints. *J. Zool. (London)* 238, 1996, p. 319–332.
- Casteel R.W. Fish Remains in Archaeology and Paleoenvironmental Studies. Academic Press, London, New York, 1976, 180 p.
- Chelkowski Z., Klyszejko B., Chelkowska B., Sobociński A. The fish fauna of early-medieval layers of the vegetable market excavation site in Szczecin, Poland. *Acta ichthyologica et piscatoria*. 35(1), 2005, p. 15–27.
- Conroy J.W., Watt H.J., Webb J.B. & Jones A. A guide to the identification of prey remains in otter spraints. Occasional publication No. 16. The Mammal Society. 1993, 52 p.
- Copp G.H. & Kovač V. Biometric relationships between body size and bone lengths in fish prey of the Eurasian otter *Lutra lutra*: chub *Leuciscus cephalus* and perch *Perca fluviatilis*. *Folia Zool.* 52(1), 2003, p. 109–112.
- Desse J., Desse-Berset N., Rocheteau M. Contribution à l'osteométrie de la perche (*Perca fluviatilis* Linne, 1758). Fiches d'ostéologie animale pour l'archéologie. Serie A: Poissons, N 1, APDCA, Juan-les-Pins, 1987, 23 p.
- Desse J., Desse-Berset N., Rocheteau M. Osteométrie de la lotte d'eau douce, *Lota lota* (Linne, 1758). Fiches d'ostéologie animale pour l'archéologie. Serie A: Poissons, N 6, APDCA, Juan-les-Pins, 1990, 22 p.
- Filipiak J., Chelkowski Z. Osteological characteristics of fish remains from early medieval sedimentary layers of the port in the town of Wolin. *Acta ichthyologica et piscatoria*. 30 (1): Ann. 2000, p. 135–150.
- Gaygusuz Ç.G., Gaygusuz Ö., Tarkan A.S., Acıpinar H., Saç G. Biometric relationship between body size and bone lengths of *Carassius gibelio* and *Rutilus frisii* from Iznik lake. *J. of Fisheries sciences.com* 2 (2), 2008, p. 146–152.
- Hajakova P., Roche K. & Kocian L. On the use of diagnostic bones of brown trout, *Salmo trutta* m. *fario*, grayling, *Thymallus thymallus* and Carpathian sculpin, *Cottus poecilopus* in Eurasian otter, *Lutra lutra* diet analysis. *Folia Zool.* 52 (4), 2003, p. 389–398.
- Hansel H.C., Duke S.D., Lofy P.T. & Gray G.A. Use of diagnostic bones to identify and estimate original lengths of ingested prey fishes. *Trans. Amer. Fish. Soc.* 117, 1988, p. 55–62.
- Holčík, J. (ed.). The Freshwater Fishes of Europe. Vol. 1, Part II. General Introduction to Fishes. *Acipenseriformes*. AULA-Verlag, Wiesbaden 1989, 469 p.
- Kłoskowski J., Grendel A. & Wronka M. The use of fish bones of three farmed fish species in diet analysis of the Eurasian otter, *Lutra lutra*. *Folia Zool.* 49, 2000, p. 183–190.
- Klyszejko B., Chelkowski Z., Chelkowska B., Sobociński A. Identification of fish remains from early – medieval layers of the Vegetable Market excavation site in Szczecin. *Acta ichthyologica et piscatoria*. 34(1), 2004, p. 85–102.
- Libois R.M., Hallet-Libois C. & Rosoux R. Éléments pour l'identification des restes crâniens des poissons dulçaquicoles de Belgique et du nord de la France: 1 – Anguilliformes, Gastérostéiformes, Cyprinodontiformes et Perciformes. Fiches d'ostéologie animale pour l'archéologie. Série A : Poissons, No. 3. Juan-les-Pins: APCDA, 1987, 15 p.
- Libois R.M. & Hallet-Libois C. Éléments pour l'identification des restes crâniens des poissons dulçaquicoles de Belgique et du nord de la France. 2 – Cypriniformes. Fiches d'ostéologie animale pour l'archéologie. Série A, No. 4. Juan-les-Pins: APCDA, 1988, 24 p.
- Mann R.H.K. & Beaumont W.R.C. The collection, identification and reconstruction of lengths of fish prey from their remains in pike stomachs. *Fish. Manag.* 11, 1980, p. 169–172.
- Marciniak A. Archeologia i jej zrodla. Materiały faunistyczne w praktyce badawczej archeologii. PWN, Warszawa-Poznań, 1996.
- Miranda R & Escala M. C. Morphometrical comparison of cleithra, opercular and pharyngeal bones of autochthonous *Leuciscinae* (Cyprinidae) of Spain. *Folia Zool.* 54(1–2), 2005, p. 173–188.

- Miranda R & Escala M. C. Morphological and biometric revision of the cleithra, opercular and pharyngeal bones of Iberian teleosts belonging to the genus *Barbus* (Pisces, Cyprinidae). *Eur. J. Morphol.* 41(5), 2003, p. 175–183.
- Morales A., Antipina E., Antipina A., & E. Roselló. An ichthyoarchaeological survey of the ancient fisheries from the Northern Black Sea Coast. 2007, 80 p.
- Nicholson, R. Fishing in the Northern Isles: a case study on fish bone assemblages from two multi-period sites on Sanday, Orkney. *Environmental Archaeology* 2, 1999, p. 15–28.
- Olson C. Neolithic Fisheries. Osteoarchaeology of Fish Remains in the Baltic Sea Region. Doctoral Dissertation 2008. Osteoarchaeological Research Laboratory Department of Archaeology and Classical Studies Stockholm University. 2008. 52 p.
- Prenda J. & Granado-Lorencio C. Biometric analysis of some cyprinid bones to estimate the original lengths and weights of prey fishes. *Folia Zool.* 41(2), 1992, p. 175–185.
- Prenda J., Arenas M. P., Freitas D., Santos-Reis M. & Collares-Pereira M.J. Bone length of Iberian freshwater fish, as a predictor of length and biomass of prey consumed by piscivores. *Limnetica* 21 (1–2), 2002, p. 15–24.
- Radke R.J., Petzoldt T. & Wolter C. Suitability of pharyngeal bone measures commonly used for reconstruction of prey fish length. *J. Fish Biol.* 57, 2000, p. 961–967.
- Radu V. Les poissons du bas Danube. Approche archeoichthyologique, Mémoire de Diplôme d’Etudes Approfondies 1997–1998, Préhistoire, archéologie, histoire et civilisation de l’Antiquité et du Moyen Age; UFR Civilisation et Humanités, Université de Provence Aix-Marseille I, Aix en Provence 1998, 186 p.
- Radu V. Exploitation de ressources aquatiques dans les cultures néolithiques et chalcolithiques de la Roumanie Méridionale. Thèse de Doctorat, Université de Provence Aix-Marseille I, Aix en Provence (France). 2003, 438 p.
- Radu V. Atlas for the identification of bony fish bones from archaeological sites, Bucuresti: Contrast, 2005, 81 p.
- Raczynski M. & Zdzislaw S. Description of the inferior pharyngeal bones, ossa pharyngea inferiora, in the common bream *Abramis brama* (L.) from the Szczecin Lagoon with special regard to bilateral asymmetry. *Acta Ichthyol. Piscat.* 27(1), 1997, p. 59–67.
- Reitz E.J., & Wing E.S. Zooarchaeology. Cambridge University Press, Second edition, 2008, 533 p.
- Rojo A. Excavated fish vertebrae as predictors in bioarchaeological research. *N. Am. Archaeol.*, 8, 1987, p. 209–225.
- Roselló E. Arqueoictiofaunas ibéricas. aproximación metodológica y bio-cultural. PhD Thesis, Universidad autónoma de Madrid, Madrid, 1989.
- Székelyhid I., Takács I., Bartosiewicz L. Ecological and diachronic variability in large-sized catfish (*Silurus glanis* L. 1758) and pike (*Esox lucius* L. 1758) in Hungary. *Offa*, 51, 1994, p. 352–356.
- Tarkan A.S., Gürsoy Gaygusuz C., Gaygusuz Ö. and Acipinar H. Use of bone and otolith measures for size-estimation of fish in predator-prey studies. *Folia Zool.* 56(3): 2007, p. 328–336.
- Tichiy M.I. Fische aus dem paläolithicum der Krim. Бюл. Комис. по изуч. четверт. периода, 1923, c. 43–48.
- Urbanowicz K. Połowy jesiotra zachodniego *Acipenser sturio* L. wewczesnośredniowiecznym Gdańsku w świetle materiałów wykopaliskowych. *Przegl. Zool.*, 9, 4, 1965, p. 372–377.
- Wheeler A. and Jones A.K.G. Fishes. Cambridge manuals in archaeology. Cambridge University Press, 1989, 210 p.
- Wise M.H. The use of fish vertebrae in scats for estimating prey size of otters and mink. *J. Zool.*, Lond. 192: 1980, p. 25–31.

БУЛГАРСКИЕ ЭСЕГЕЛЫ (ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПЕРМСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)

А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова

Пермский государственный педагогический университет, г. Пермь

В работах А.Х. Халикова неоднократно упоминаются племена эсегел, которых он считал связанными с прикамско-приуральским этническим массивом. По его мнению, имя эсегел можно интерпретировать как «старый народ, старое племя». В культуре эсегел активно сочетались раннебулгарские и прикамско-приуральские особенности, в том числе, имеющие и угорские (ранневенгерские) параллели (Халиков, 1989, С. 78).

Племена эсегел неоднократно упоминаются в восточных источниках. Впервые это имя появляется у Ибн-Русте при перечислении трех разрядов булгар: берсула, эсегел (ас.к.л.) и булгары «... средства существования каждого из них в одном месте» (Заходер, 1967, С. 28). Ибн-Русте приводит и уточненное указание на место обитания эсегел: «Между землею Печенегов и землею болгарских Эсегель лежит первый из краев Мадьярских» (Заходер, 1967, С. 48). Племя Ас.к.л. дважды упомянуто Ибн-Фадланом. Анонимный автор «Худуд ал-алама» приводит подробный рассказ о взаимоотношениях трех разрядов булгар «... их три группы: б.р.аула, аш.к.л. и б.лгар – все они находятся в войне друг с другом, когда же появляется враг, то они становятся друг другу друзьями». Наиболее позднее упоминание об эсегелах встречается в сочинении Гардизи (XI в.).

Тема эсегелов, района их обитания, взаимоотношения с другими племенами, вошедшими в состав Волжской Булгарии, этнической и культурной принадлежности нашла отражение в сочинениях А.Х. Халикова, Р.Г. Фахрутдина, Е.П. Казакова, Ф.Ш. Хузина и ряда других авторов, в том числе, и авторов этих строк.

При разных оценках этнической принадлежности эсегелов (турки, угро-турки, угры) большинство авторов отмечает высокую роль эсегелов в сложении территории Волжской Булгарии и в формировании волжскобулгарской народности. С точки зрения этнокультурности эсегелов ведущей точкой зрения является оценка, данная еще А.Х. Халиковым – булгарские эсегелы – это носители поломской и ломоватовской культур Предуралья (Халиков, 1987, С. 21). Одним из авторов этих срок в 1999 г. было опубликовано развернутое пояснение по поводу принадлежности эсегел к угорскому населению раннесредневекового Пермского и Удмуртского Предуралья – носители поломско-ломоватовской и неволинской археологических культур (Белавин, 1999, С. 73–84). За прошедшее десятилетие данное положение не только не было отвергнуто, но и получило дальнейшее развитие в работах Е.П. Казакова, Н.Б. Крыласовой, В.А. Иванова. Новые данные, полученные в результате раскопок последнего десятилетия в Предуралье в Волжской Булгарии, позволяют уточнить это положение, прежде всего, сделав более конкретным обоснование угорской принадлежности носителей указанных археологических культур Предуралья и, соответственно, предуральского населения в Волжской Булгарии.

Средневековые материалы Предуралья, Зауралья, Западной Сибири и Венгрии (период Обретения новой Родины) демонстрируют наличие в материальной и духовной культуре населения целого ряда устойчивых традиций, возникших, возможно, еще в раннем железном веке и сохранившихся у угров вплоть до этнографического времени (Западная Сибирь). Это позволяет выделять так называемые этнические маркеры (реперы) характерные для угорских племен как лесной зоны, так и кочевников степи, не исключая и пришедших в конце IX в. в Паннонию мадьяр. На этой основе имеется возможность выявления массовых миграций, не редких в угорском мире, определения их причин (Казаков, 2003, С. 77), а так же определения границ угорского мира в разные периоды его истории (Крыласова, 2007, С. 166–173).

В качестве основных черт (реперов) угорской культуры Е.П. Казаковым выделяются: круглодонная шнуро-гребенчатая и фигурно-штампованая посуда, погребальные маски, сопровождение погребений останками коня (Казаков, 2003, С. 77). Нами так же выделены такие угорские маркеры (реперы) как звериные стили в предметах культового литья на востоке Евро-

пы и западе Азии; святилища («клады» художественного металла); сюжет с медведем «в жертвенной позе» в декоре костюма и культовой практике; основные типы подвесок, использовавшихся в качестве накосников: арочные и биконьковые шумящие, колесовидные, трапециевидные (крупные ажурные подвески в виде стилизованных лапок водоплавающих птиц); металлические изображения птиц с распахнутыми крыльями и антропоморфным изображением на груди; изображения всадника на шагающем животном в профиль, помещенного на основании (отражение культа всадника); поясные сумочки в т.ч. с металлическими пластиинами; характерные музыкальные инструменты – пластиинчатые варганы (Белавин, Крыласова, 1997, С. 135; Белавин и др., 2001; Белавин, 2002; Крыласова, 2001, С. 70–71, 79; Крыласова, 2007 и др.).

Ю.П. Чемякин, проанализировав территорию распространения изделий с медведем в жертвенной позе, пришел к выводу, что основной ареал подобных находок совпадает с границей расселения угроров, на основании чего действительно можно признать тесную связь данного иконографического типа изображения медведя с угорским миром (Чемякин, 2003, С. 162).

По мнению К.А. Руденко, под влиянием угорского мировоззрения возник ряд категорий ювелирной продукции. К таким категориям он относит височные шумящие подвески с филигранной птичкой, распространенные в узком регионе Поволжья и Прикамья; змеевидные («волнистые») височные подвески, «мода» на которые пришла из Зауралья; отдельную категорию представляют серебряные пластиинчатые очелья, украшенные чеканкой, декоративными филигранными полусферами или кастами со стеклянными вставками (Руденко, 2003, С. 138–142) – эти предметы так же могут считаться угорскими маркерами.

Указанные предметы и традиции составляют основу культуры ранеесредневекового населения Среднего Предуралья. Тесную связь поломско-ломоватовская и неволинская культуры обнаруживают не только между собой (коэффициент типологического сходства =0,78: (Иванов, 1999, С. 65)), но и с уграми Зауралья (=0,7) (рис. 1). На расселение в Предуралье и в Зауралье близкородственных групп в V–VIII вв. указывает тесная культурная близость, петрограммских памятников бассейна Туры и Исети и харинских памятников Прикамья (Р.Д. Голдина, например, отмечала, что Аятский и Калмацкий брод могильники имеют большое сходство с Кляповским могильником на р. Сылва), а в VIII–X вв. тесное единство ломоватовской и юдинской культур.

Ломоватовская и поломская культуры характеризуются весьма близкими чертами. По мнению ряда ученых ломоватовская и поломская культуры составляли две части единой культурной общности (Казаков, 2007, С. 45–51; Иванов, Обыденнова, 2002, С. 166). По форме, тесту и технике орнаментации поломская чашевидная с округлым дном посуда обнаруживает значительное сходство с ломоватовской, на раннебулгарском Танкеевском могильнике в ряде случаев в одном погребении помещались одновременно поломский и ломоватовский сосуды – свидетельство близости «ломоватовцев» и «поломцев» на уровне фундаментальных идеологических представлений. Наиболее схожи общие для этих культур сосуды, украшенные оттисками в виде ряда «подковок», располагавшихся ниже пояса шнуровых оттисков, а неорнаментированные сосуды вообще не отличимы. Поломская культура испытала приток зауральского угорского населения дважды, первый в кон. V – нач. VI в. когда возникают курганные захоронения, положившие начало формированию Варнинского могильника, второй в VIII – нач. IX вв. Эта вторая волна дала весьма мощный культурный импульс, под её влиянием возникает традиция украшать сосуды решетчатым фигурным штампом, что придало поломским материалам своеобразие по сравнению с соседями-«ломоватовцами», а так же традиции косторезного производства, основанного на угорских или угро-самодийских традициях (Иванова, 1994, С. 66, 74). Многочисленные предметы вооружения, включая сабли, и предметы конского снаряжения, «комплекс коня», подвески-«всадники» в могилах указывают на существенную роль воинов и культа всадника в ломоватовско-поломском обществе.

Облик материальной и духовной культуры «ломоватовцев» и «поломцев» имеет много схожих черт и весьма близок неволинскому. Широко использовались такие элементы костюма как накосники в виде арки, биконьковых подвесок; пояса, одинаково распространенные как в мужском, так и в женском костюме; распространены одинаковые типы браслетов, ви-

сочных подвесок, использование такого элемента как декоративные ножны в женском костюме, разнообразные украшения «салтовского типа» и пр. В ломоватово-поломских древностях существенное место занимают наборные пояса разных типов – как привозные (геральдические, тюркские и др., в т.ч. венгерские), так и местного производства. Наиболее известным и широко распространившимся за пределы Предуралья (в результате дальней транзитной торговли по торговым путям средневековья) местным типом пояса был пояс неволинского типа с ж-образными бляшками, оригинальными кожаными привесками, украшенными накладками-тройчатками. Подобные пояса встречены в материалах родственных неволинской, ломоватовской и поломской культур, известны такие пояса и их детали также на Вычегде, в Большеземельской тундре, в Сибири. Характерной чертой поломской культуры, по мнению А.Г. Иванова (1998, С. 72) является распространение в VII–XI вв. поясов особого типа с петельчатыми застежками арочной формы и круглыми пуговицевидными накладками. А.Г. Иванов видит в этих поясах с круглыми и арочными, украшенными ложной сканью и зернью, накладками местное поломское изделие, однако аналогичные круглые и (реже) арочные накладки встречены и на ряде ломоватовских могильников и поселений (Рождественский, Огурдинский, Телячий Брод, Плесинский, Степановский могильники, Телячий Брод селище, Аношкар и пр.). Арочные накладки от подобных поясов с зернью и сканью в Пермском Предуралье известны не только из бронзы, но и из серебра (Плесинский и Степановский могильники).

В тоже время между «поломцами» и «ломоватовцами» есть и определенные различия: так в поломской культуре в качестве накосников употреблялись треугольные подвески с шумящими привесками; в ломоватовской культуре широкое распространение получили фляконовидные пронизки-игольники, шумящие подвески-коробочки, бронзовые амулеты-ложки и пронизки «самоварчики». Наиболее существенным отличием ломоватовских традиций от поломских является широкое распространение погребальных лицевых покрытий из металла (наглазники и наротники, маски и полумаски) встречаемых так же и в неволинских захоронениях.

В основе хозяйства ломоватово-поломских племен было мотыжное земледелие с выраженными элементами охотничьего хозяйства, охота к X в. приобретает промысловый характер и ориентирована на добычу пушнины. Последнее обстоятельство связано с включением угров Предуралья в торгово-экономическую орбиту Волжской Булгарии. Угорские племена Предуралья, а с XII в. и Зауралья, играли роль основных поставщиков меха пушных зверей в международной Восточной торговле. Селись «поломцы» и «ломоватовцы» так же как их родственники «неволинцы» родовыми группами, археологические следы которых выражены группами поселений с центральным большим по площади городищем, подступы к которому, иногда, были защищены несколькими сторожевыми, вокруг располагались селища и могильники. Некоторые городища у угров Предуралья не были заселены – они играли роль запасных убежищ, однако на территории «ломоватовцев» таких убежищ к IX в. практически не осталось, все городища были заселены и имеют культурный слой.

Следует отметить, однако, что при общем угорском этнокультурном типе, и, видимо, при преобладании среди «поломцев» и, особенно, «ломоватовцев» этнических угров, на территории этих культур присутствовали и финские элементы. Черты финской (финно-permской) культуры могут быть обозначены следующими моментами: слабо орнаментированная чашевидная посуда низких пропорций с округлым дном, северная ориентировка погребений, отсутствие в костюмных комплексах шумящих накосных украшений и пр. Представители финских этнических групп проживали в Предуралье чересполосно в виде небольших этнических ксений, а также совместно с уграми на одних и тех же поселениях. Однако культура вмещающего их угорского этноса долгое время занимала ведущие позиции, и накладывала общий угорский оттенок на всех жителей региона.

Начиная с VIII в. носители угорских неволинской, ломоватовской и поломской культур частично переселяются на Среднюю Волгу и Нижнюю Каму, в определенной мере предшествуя здесь волжским болгарам, а в дальнейшем участвуя в формировании этноса и культуры государства волжских болгар. Предпосылки и причины участия носителей поломско-ломоватовской и неволинской культур в сложении волжско-булгарского этноса нуждаются в более детальном изучении. В первую очередь – причины, побудившие «поломцев» и «ломо-

ватовцев», сформировавшихся в зоне хвойнотаежных лесов, переселиться более чем на 400 км южнее. Здесь невольно напрашивается предположение о действии какого-то этнополитического фактора, скрытого от чисто археологического восприятия. Передвижение это в виде инфильтрации стало осуществляться еще в VIII в., вскоре после того, как земли Нижней Камы и Средней Волги освободились от населения именьковской культуры. В Ветлужско-Вятском междуречье в VIII в. начитает распространяться шнуро-штампованные керамика поломского облика – яркий признак начавшейся миграции населения Предуралья в более южные области. Свидетельством миграций предуральского населения в Среднее Поволжье является Игимский могильник, оставленный небольшим, но чистым в этнокультурном отношении коллективом мигрантов.

В IX в. переселение было настолько массовым, что в будущей центральной части Волжской Болгарии угорское предуральское население не только предшествовало болгарам, но и какое-то время преобладало. Об этом говорят крупнейшие языческие могильники последней трети IX – первой половины X вв.: Танкеевский, Тетюшский, Большетиганский, XII Измерский, Большетарханский где в погребениях фиксируются типично угорские элементы поломской, ломоватовской и неволинской культур.

В Волжской Булгарии наиболее полно поломско-ломоватовский компонент населения выявлен в материалах Танкеевского могильника, в погребениях которого поломско-ломоватовских сосудов собрано около 200 экземпляров, встречены многочисленные погребальные маски (40 экз.), арочные и коньковые шумящие накосники, биметаллические кресала, костяные ложечки и иной материал характерный для материальной и духовной культуры угорского населения раннесредневекового Предуралья. Неволинские материалы (керамика) выразительно представлена в материалах Большетарханского могильника на правобережье Волги, а так же в Танкеевском могильнике.

Раннебулгарские могильники, в культуре которых отчетливо представлен прикамский (поломско-ломоватовский и неволинский) этнический компонент – Тетюшский, Танкеевский, Большетарханский – находятся в зоне смешанных и широколиственных лесов – в зоне достаточно привычной для лесного населения Предуралья. Вторая половина VIII – сер. IX вв. в Волго-Камье характеризуются продвижением ранних булгар сюда же, в районе устья Камы. Для кочевников булгар это была чужая ландшафтная среда, хотя и небольшими лесостепными участками, требовавшая адаптации к ее природным условиям. Итогом адаптации стало сложение волжско-булгарского этноса с ярко выраженными чертами симбиоза с переселенцами из Предуралья. О высокой роли предуральских угров – т.н. «булгарских эсегелов» в этногенезе волжских булгар свидетельствуют и высокие коэффициенты типологического сходства погребального обряда поломских, ломоватовских, неволинских могильников с раннебулгарскими – соответственно = 0,83; 0,7; 0,75. (Иванов В.А., 1999, С. 65).

Во второй половине IX в. многие из предуральских элементов культуры (погребальные маски, изделия с постсасанидским влиянием, своеобразное почитание шкуры лошади и прочее), характерные для угров степи и лесостепи Предуралья, мадьяры привнесли в Паннонию (работы Ч. Балинта, И. Фодора и других). Возникает предположение, что «неволинцы» и представители других угорских культур Предуралья так же могли мигрировать вместе со своими сородичами – «караякуповцами» на запад и быть одним из этнических компонентов древнемадьярского союза племен. По результатам сравнительно-типологического анализа могильников Прикамья и Предуралья и древневенгерских могильников Эпохи обретения венграми Родины, к последним ближе всего стоят могильники именно неволинской (=0,87) и поломской (=0,78) культур (Иванов В.А., 1999, С. 66). Это со всей определенностью указывает на то, что и «неволинские», и «поломские» племена участвовали в этногенезе древних венгров-мадьяр.

На особое положение прикамских племен и их особую роль на ранних этапах формирования Болгарии, указывает и такая награда для их предводителя – как дочь царя болгар. Когда хазарский каган потребовал от царя болгар его вторую дочь, взамен умершей в Хазарии первой, то царь болгар «выдал ее замуж за князя племени эскел, который находился у него под властью» (Ковалевский, 1956, С. 139). Археологическим свидетелем этого династического

браха князя эсегел с дочерью булгарского царя являются два трехбусинных кольца с уточкой и с яйцевидными привесками из золота, украшенные сканью и зренью, которые были найдены на Майкарском городище X–XIII вв., расположеннном в центре села Майкар в устье р. Иньва в современном Юсьвенском районе Коми-Пермяцкого автономного округа. Эти кольца великолепной ювелирной работы были переделаны в украшения для дочерей графа Всеволожского (брошь и две серьги). В 1895 г. они были переданы г. Всеволожским в археологическую комиссию 8, С. 71) и, в результате, осели в особой кладовой Эрмитажа (коллекционный № 544). Драгоценные подвески с уточкой в силу своего высокого семантического значения обосновано считаются этномаркирующими украшениями булгар. В силу цены материала и тонкости работы, выдающей в них изделия городских, может быть даже царских, ремесленных ювелирных мастерских, они могли быть исключительно принадлежностью булгарской знати. В пользу такого предположения говорит и очень ограниченная территория их распространения – в основном Биляр – домонгольская столица Булгарии – и его окрестности. Подвески, встреченные за пределами Булгарии, могут указывать на непосредственное нахождение знатных булгарок на этих территориях. Вероятно, эти находки можно рассматривать как иллюстрацию к династическим бракам булгарской знати (царского рода) с высшими представителями родоплеменной знати северных финно-угорских территорий.

Литература

- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Основные этапы этнокультурной истории Пермского Приуралья в эпоху железа // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар, 1997.
- Белавин А.М. Об этнической принадлежности так называемых «булгарских эсегел» // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999.
- Белавин А.М. Опыт использования статистического анализа в определении этнической принадлежности археологических культур Предуралья эпохи средневековья // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань, 2003.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Семенова В.И. Этническая ситуация в Пермском Предуралье и Тюменском Зауралье в эпоху средневековья // Проблемы экономической и социально-политической истории дореволюционной России. Тюмень, 2001.
- Заходер Б.Н.. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т.2. М., 1967.
- Иванов В.А.. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999.
- Иванов В.А., Обыденнова Г.Т. Современные концепции древней и средневековой истории Прикамья (Вместо рецензии на монографию Р.Д. Голдиной «Древняя и средневековая история удмуртского народа») // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск: УдГУ, 2002.
- Иванова М.Г. Истоки удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 1994.
- Казаков Е.П. Художественный металл угров Урало-Поволжья в древностях волжских болгар IX–XIV вв. // Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002.
- Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: ИИ АН РТ, 2007.
- Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 г. Харьков, 1956.
- Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Пермь: ПГПУ, 2001.
- Крыласова Н.Б. Маркирующие элементы материальной культуры угров средневековья // Пермские финны: археологические культуры и этносы. Материалы 1 Всероссийской научной конференции. Сыктывкар, 2007.
- Руденко К.А. Особенности угорской культуры в Нижнем Прикамье в эпоху средневековья (по данным археологии) // Угры: Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие угорских народов Западной Сибири». Тобольск, 2003.
- Халиков А.Х. Узловые проблемы средневековой археологии Среднего Поволжья и Прикамья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987.
- Халиков А.Х. Татрский народ и его предки. Казань: Тат. кн. из-во, 1989.
- Чемякин Ю.П. Об этнической окраске одного художественного сюжета // Угры: Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие угорских народов Западной Сибири». Тобольск, 2003.

РАСКОПКИ МУКШУМСКОЙ Х СТОЯНКИ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА С ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ

Н.С. Березина

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары

Стоянка расположена на левом берегу Чебоксарского водохранилища, в 9 км СЗ г. Чебоксары, на высоком дюнном всхолмлении, на высоте 3 м от современного уровня водохранилища (63 м). Площадка дюны открытая с единичными сосновыми насаждениями. С южной стороны дюна разрушена водохранилищем. На поверхности визуально просматриваются 4 округлые западины, расположенные в ряд с З на В (рис. 1). Дюнное всхолмление, на котором расположен памятник – это останец надпойменной террасы. В основании он сложен аллювиальными отложениями, макушка – перевеяна и покрыта слабым дерном. Памятник был открыт и описан автором в 1999 г. (Березина Н.С., Березин А.Ю. 2003) Современное состояние стоянки таково: западины №№ 1,2 разрушены более чем на 1/2 части, западины № 3 и 4 пока не подверглись разрушениям. По центру стоянки проходит грунтовая дорога.

Раскоп 2007 г. был заложен на западине № 1, которая подверглась сильному разрушению, и примыкал к береговому обрыву. Западина округлой формы, отчетливо просматривалась на поверхности, диаметром около 14 м, глубина по центру – 1,3 м. Раскоп покрывал всю западину и состоял из 52 кв. метров. По центру была оставлена 1 бровка, ориентированная с С на Ю, разбившая раскоп на 2 сектора: 1 – восточный, 2 – западный.

Сразу следует отметить, что в этом месте до затопления Чебоксарского водохранилища располагалась марийская деревня Мукшум. Где именно стояли дома сказать затруднительно, но кирпичи, железные изделия, фрагменты гончарной керамики и другие изделия XIX – первой половины XX веков мы находили здесь неоднократно. При зачистке берегового обрыва было отмечено, что в центре жилищной западины располагался погреб с деревянной обкладкой, вероятно, связанный с существовавшей здесь деревней. Большая часть погреба уже обрушилась, но мы зафиксировали остатки прямоугольной ямы глубиной до 1,3 м с деревянными плахами по краям. В дальнейшем при разборе слоев в центре западины было выявлено наличие поздних ям и перекопов, связанных со временем существования деревни. Однако, в целом, несмотря на эти нарушения, культурный слой жилища эпохи мезолита сохранился хорошо.

Стратиграфия может быть представлена следующим образом (рис. 2, 3). 1. Дерн и поддерновый слой – до 10 см. 2. Слой темно-серого буроватого рыхлого песка с органикой и кусками древесины позднего происхождения – до 115 см. 3. Светлый рыхлый песок – до 10 см. 4. Слой, состоящий из чередования тонких прослоек темно-серого и светлого песка – до 25 см. 5. Бурый рыхлый песок – до 35 см. 6. Слой песка от светло-серого до черного углистого (культурный слой) – до 110 см. 7. Светло-желтый рыхлый песок с тонкими ожелезненными прослойками (материк).

Дерн был везде развит достаточно хорошо, но со слабым гумусным поддерновым слоем. Слой 2 связан с позднейшей деятельностью людей, с хозяйственными постройками марийской деревни. Слои 3 и 4 – это слои чередования погребенных почв с надутыми песками и углистыми слоями, возникшими, вероятно, в результате пожаров. Это отражает перевевание поверхности дюнного всхолмления. Пятый стратиграфический слой – это бурый рыхлый песок, подстилающий один из погребенных почвенных горизонтов и в свою очередь перекрывающий культурный слой памятника. Этот бурый песок можно наблюдать во всем левобережье, что отражает определенный этап в региональных почвообразовательных и геологических процессах голоцен. Найденные единично начали встречаться в слое бурого рыхлого песка, мощность которого не везде была одинаково. Основная же масса находок была сконцентрирована в 5 и 6 слоях, в пределах жилищного заполнения.

На уровне около 50–70 см от современной дневной поверхности под слоем бурого рыхлого песка зафиксирован уровень древней дневной поверхности. Это светло-серый слой не-

большой мощности. Этот слой отчетливо читался за пределами жилища на всем протяжении раскопа, располагался практически параллельно современному уровню дневной поверхности дюнного всхолмления и так же имел небольшой уклон на юг в сторону водохранилища. В восточной части раскопа контур жилищной постройки проявился, примерно, на уровне 100 см от современной поверхности при разборе 6 горизонта и отчетливо читался на всем протяжении раскопа. На глубине около 130 см зафиксирован северный край жилища. Заполнение жилища выделялось на фоне бурого рыхлого песка и обозначилось пятном темно-серого плотного песка (рис. 3).

Сохранившаяся часть жилища имела округлые очертания. После полного разбора культурного слоя мы смогли наблюдать общий профиль котлована жилища с ямами в полу. Глубина самого котлована была, примерно, 1 м от уровня древней дневной поверхности, еще на 0,5 м были углублены ямы в полу. Диаметр котлована около 8 метров (площадь около 50 кв.м.). Плечики котлована практически вертикальные, вероятно, имели деревянную обкладку. Профиль котлована и пол жилища и ямы в нем отлично видны на профилях стенок центральной бровки и профиле по береговому обрыву (рис. 2, 3). Западный край жилища имел пологий край, с выраженными уступами и, вероятно, служил входом-выходом из жилища. С этим выходом связана длинная серая полоса – «дорожка» огибающая жилище с севера и уходящая под северную и восточную бровки. Пол жилища горизонтальный, хорошо выделяется по плотности, утрамбованности, по сравнению с заполнением ям и материковым песком.

Вдоль всего края жилищного котлована нами отмечены столбовые ямки. На сохранившемся участке жилой конструкции можно отметить некоторые закономерности расположения столбовых ям. Выделяется внешний ряд столбов, расположенных по кругу, примерно, в двух метрах от края котлована. Ряд столбов расположенных по краю котлована не образуют единой цепочки, но все же, создают определенную структуру. Они расположены группами по несколько столбов (либо в результате ремонта, либо для усиления конструкции). Так же выделяется ряд столбовых ям, расположенных вдоль западного выхода. Отмечены отдельные столбы внутри жилищного котлована. На рисунках профилей ям видно, что все они неглубокие, часть из них наклонные, заполнены светло-серым песком, за исключением ям № 3 и 8, которые имеют в центре более темное заполнение.

У сохранившейся северной стенки жилища мы зафиксировали две углубленные в полу жилища большие ямы, протянувшиеся вдоль стены. Одна из этих ям (№ 15) размером 1,2x3,5 м, с пологими стенками и пологим дном, плавно углубляющимся к западу. На ее профиле заметно, что она имеет слоистую структуру (неоднократно заполнялась) и углистое заполнение с включениями мелких угольков, жженых костей, фрагментов эмалевых пластинок зубов и небольшим количеством находок кремня. По краям этой ямы мы зафиксировали отчетливые столбовые ямы. Другая яма (№ 35) размером 0,8x2,8 м, расположена в окружении других ям, частично перекрывающих друг друга, свидетельствующие об их разновременности и/или неоднократных перекопах. Но все же заполнение этой ямы интенсивно черное углистое и выделяется на фоне других. В ней зафиксировано так же множество мелких угольков черного цвета размером 2–3 мм, реже до 1 см, мелких жжёных фрагментов костей и несколько кремневых отщепов. Следов костищ или прокала в жилище нами не отмечено.

Подобные конструкции нами уже отмечались при раскопках мезолитических жилищ на Мукшумской 14 и 18 стоянках (Березина Н.С., 2006). И мы высказывали свое мнение о реконструкции их как углублений под спальными лежаками, протянувшимися вдоль укрепленных стенок котлована, периодически заполняемых углем из костищ для отопительных функций, чем объясняется большое количество угольков и жжёных костей и небольшого количества кремней. Вероятно, эти конструкции вызваны зимним характером жилищ. Отопительным же функциям служили, по нашему мнению, и крупные и глубокие с вертикальными стенками ямы, расположенные на центральных участках пола жилищ и заполненные чёрным углистым песком.

Таким образом, очевидно, что конструкция жилища была каркасная. В основе ее лежал котлован, углубленный на 1 м, стены которого были укреплены вертикальными опорами. Форма крыши, как и всего жилища, вероятнее всего, была округлая. Перекрытие состояло из наклонных жердей, нижние концы которых на 2 метра выступали за края котлована. Эти

жерди опирались на конструкцию из вертикальных столбов, врытых вдоль стен и в центре котлована. Для усиления этих опор иногда использовались спаренные столбы и наклонные опоры.

В результате раскопок было получено 2214 единиц находок, состоящих из кремня и других пород камня, фрагментов лепной (14 шт.) и гончарной керамики (1 шт.), фрагментов костей животных (8 шт.) и нескольких фрагментов эмали зубов животного. Из этого материала 1377 единиц находок – это отщепы, сколы, осколки и чешуйки кремня.

Нуклеусов и нуклевидных кусков 110 шт. Нуклеусы в основном мелкие 2–3 см одноплощадочные конусовидные. Имеются призматические нуклеусы (4 шт.) так же небольших размеров 2–4 см. Торцевые нуклеусы выполнены на крупных и мелких сколах (7 шт.). Большая часть нуклеусов предназначалась для снятия микропластин и микропластинчатых сколов (рис. 4). Нуклевидные кремни изготовлены на кусках и осколках и имеют от 1 до 2 негативами сколов (53 шт.). Имеются поперечные сколы подправки площадки нуклеусов, т.н. «таблетки» 9 шт. Один нуклеус для снятия микропластин выполнен на небольшом пришлифованном тесле из окремнелого известняка (рис. 10: 17). Отдельно следует отметить один относительно крупный нуклеус для снятия пластин, найденный в квадрате В3 в 8 горизонте, т.е. в заполнении жилища (рис. 4: 7). Нуклеус выполнен на небольшой овальной уплощенной конкреции окремнелого известняка с тонкой известковой коркой. На одном из уплощенных сторон конкреции бифасиальным сколами сформировано тыльное ребро, площадка оформлена крупным сколом с последующими мелкими сколами по краю. Угол скальвания около 60°. С противоположного уплощенного конца конкреции было произведено несколько пластинчатых снятий, видимо, без предварительной подготовки поверхности скальвания. Таким образом, получилась широкая (3 скола) и уплощенная поверхность скальвания. Эта форма нуклеуса, вероятно, была определена формой конкреции.

Вызывает удивление столь большое количество мелких нуклеусов и большое обилие сколов и осколков кремня с попытками утилизации их в качестве нуклеусов. Есть конические нуклеусы с ударной площадкой и негативами снятия микропластин по большей части периметра нуклеуса, размером около 1 см. Такая сильная утилизация кремня, по нашему мнению возможна, либо при большом его дефиците, например, в зимний период, либо при ученических упражнениях по его расщеплению. Вероятно, было и то, и другое.

Пластин и их обломков 281 экз. Целых пластин 26 шт. Большинство целых пластин имеют ширину от 6 до 12 мм (рис. 5, 6). На графике распределения пластин по ширине видно (рис. 8) что имеется две основные группы пластин, шириной 7–8 мм и 11 мм. Но из-за малой выборки (26 шт.) эти данные относительны. Целые пластины имеют слабый изгиб, в дистальной части увеличивающийся. У большей части края и ребра неровные, волнистые. Большинство пластин снималось с подготовленной – подправленной ретушью кромки площадки нуклеуса. Кромка подправлялась в т.ч. и редуцированием – одним или несколькими мелкими сколами. Часть пластин снята без всякой подготовки. Пластины в индустрии этой стоянки производились ударным способом, о чем свидетельствуют пропорции пластин (рис. 7), в т.ч. выпуклый ударный бугорок, выраженные ударные волны. Найденные на стоянке 4 отбойника из кварцитовых галек отчасти подтверждают эти выводы. В целом кремневую индустрию стоянки можно охарактеризовать как пластинчатую.

Ширина фрагментированных пластин распределяется так, что большая часть составляет от 6 до 11 мм, но на графике заметна основная группа пластин шириной 7–8 мм (рис. 9). Эта же тенденция была заметна и на целых пластинах. Большая часть сечений и фрагментированных пластин использовалась в качестве вкладышей, и имеет характерную ретушь утилизации по одному или двум краям, иногда характерные микросколы по углам (рис. 5: 1–13, 17, 18, 21, 22).

Острия, имеющиеся в коллекции, выполнены на пластинах и отщепах. Проколки оформлены мелкой краевой ретушью, в трех случаях жало оформлено дорсальной ретушью распространяющейся на края (рис. 6: 1, 4, 5), в другом – жало оформлено противолежащей ретушью (рис. 6: 2). Одно острие – нож, острый конец и края которого заполированы от работы (рис. 6: 3).

Резцы (14 шт.), как правило, угловые на сколах и отщепах (рис. 5: 15, 17, 18), на углу сломанной пластины (рис. 5: 14, 15, 16).

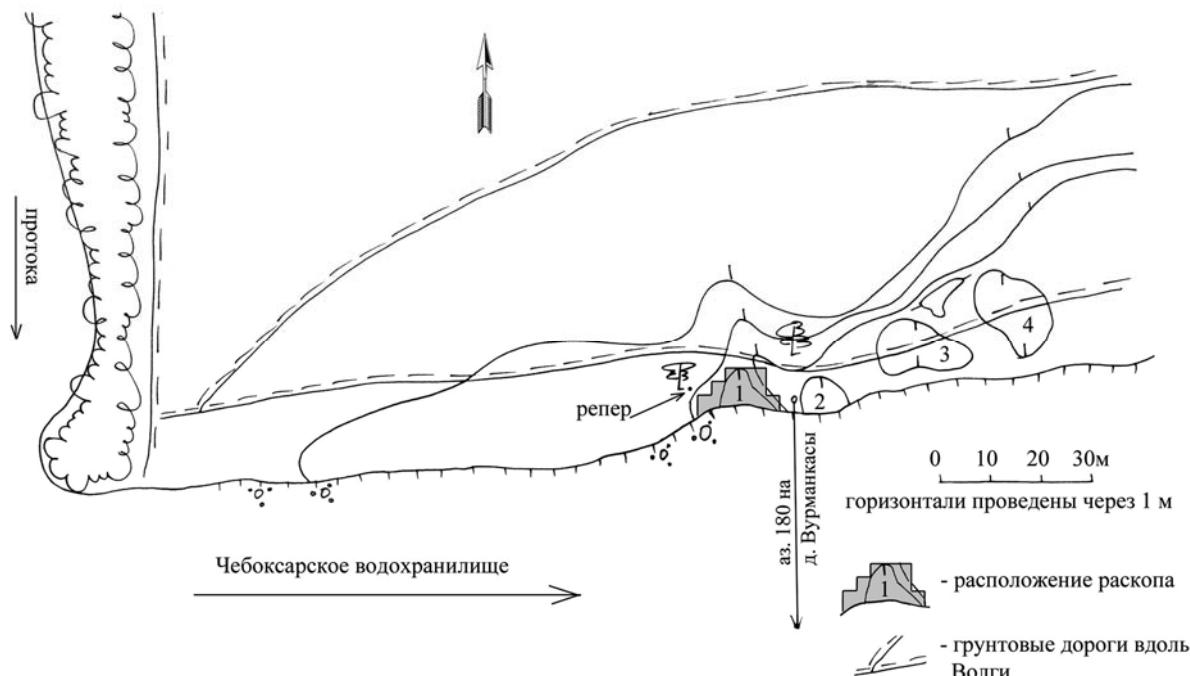

Рис. 1. Мукшумская X стоянка. План расположения стоянки и раскопа.

Рис. 2. Мукшумская X стоянка. Фото зачистки раскопа по береговому обрыву, вид с юга.

Ножи выполнены в основном на пластинах, реже на отщепах без вторичной обработки, но с характерными следами утилизации (рис. 6: 6–9), за исключением одного, правда, обломанного орудия с невысокой уплощающей регулярной ретушью (рис. 6: 11).

Самый массовый тип морфологически выраженных орудий – скребки, их 84 шт. В большинстве своем это небольшие подокруглые скребки с крутой и полукруглой краевой ретушью на 1/2 и более периметра, выполненные на отщепах и сколах (рис. 10: 1–13). Выделяется один скребок сделанный на крупном первичном сколе, рабочий край оформлен сколами, затем подправлен ретушью с отчетливыми следами утилизации (рис. 10: 16). Имеется небольшая серия концевых скребков на удлиненных сколах с крутой ретушью переходящей на края (рис. 10: 14, 15).

Скобелей относительно немного, 9 шт., выполнены, в основном, на пластинах с вогнутыми участками лезвия (рис. 6: 10) с преднамеренной ретушью или со следами утилизации.

Выразительную группу представляют деревообрабатывающие орудия в большинстве своем выполненные на окремнелом известняке. Одно целое тесло (рис. 10: 20) выполнено из хлоритового сланца с пришлифованным лезвием, размеры 84x38 мм. Лезвие прямое чуть за кругленное по краям, брюшко плоское, спинка невысокая 17 мм, в сечении подтрапециевидная, обух слегка заужен. Края оформлены небольшими сколами с пришлифовкой. Имеется серия (5 шт.) небольших стамесок (целых и обломков) выполненных на отщепах, один край которых пришлифован (рис. 10: 18, 19). Вероятно, эти небольшие стамески использовались

как лезвия в оправе. Остальные деревообрабатывающие орудия представлены в крупных и мелких обломках (28), или как уже упоминалось, переоформлены в нуклеусы (рис. 10: 17). Но все они со следами пришлифовки.

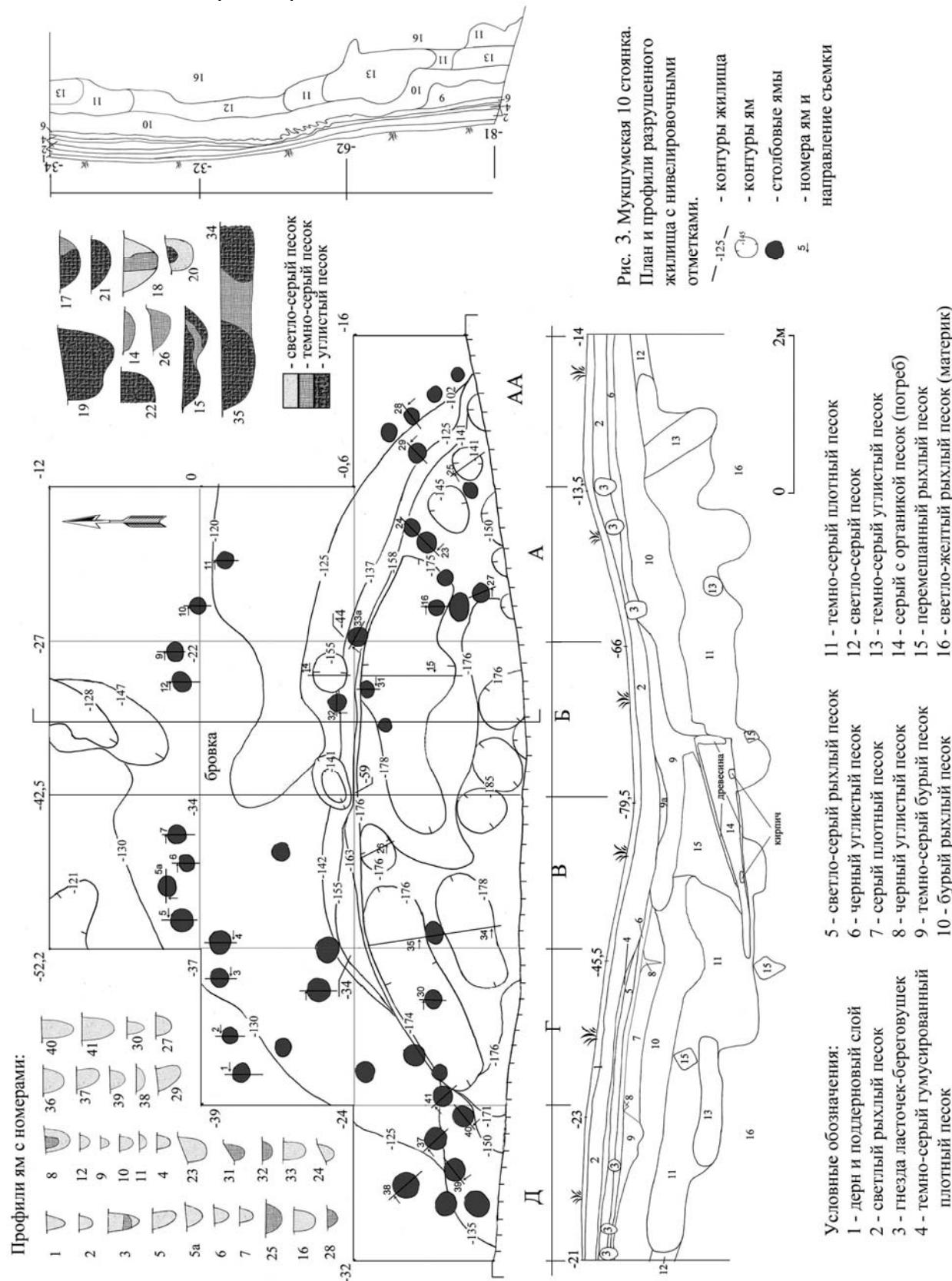

Рис. 3. Мукшумская X стоянка. План и профили разрушенного жилища с нивелировочными отметками.

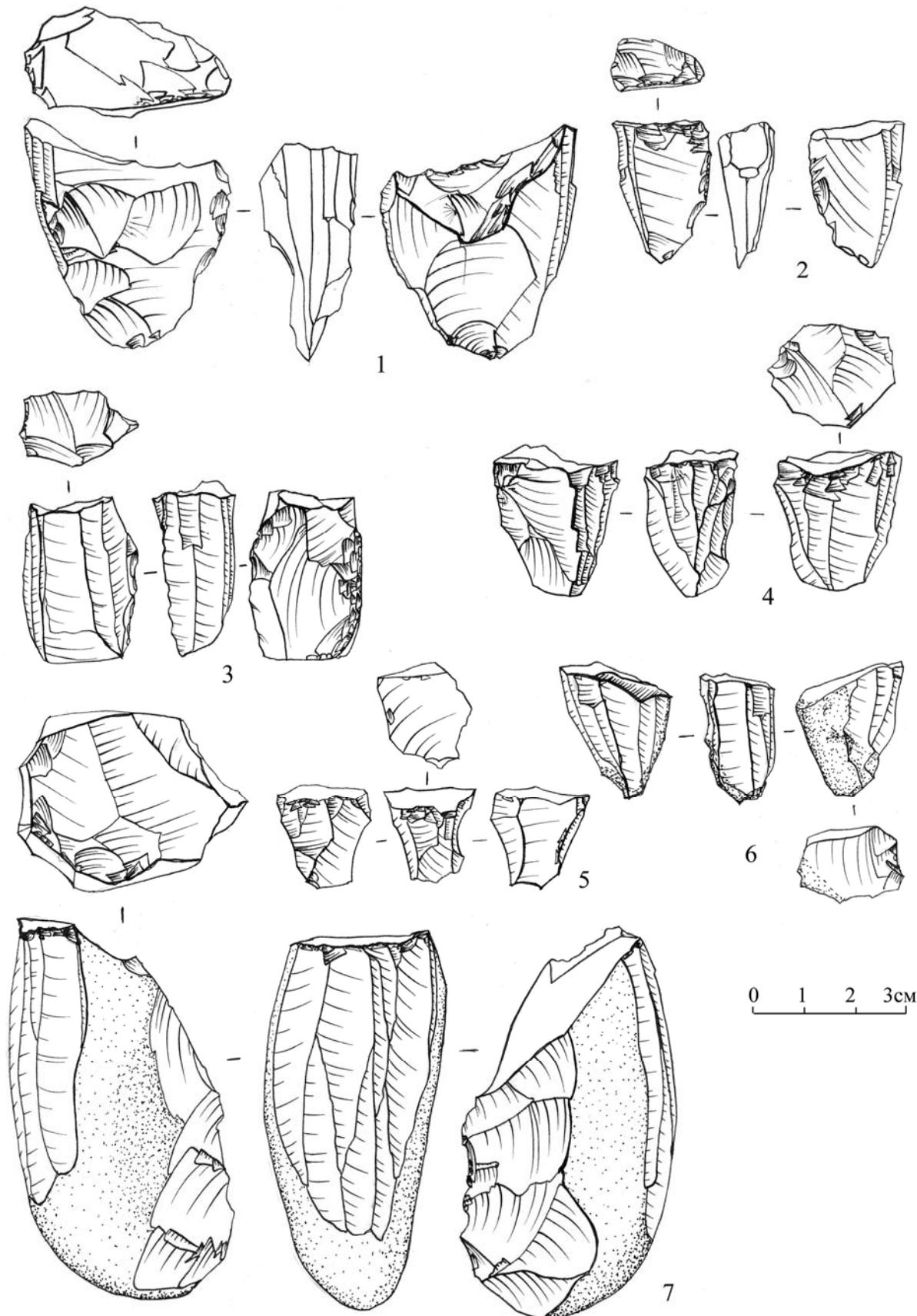

Рис. 4. Мукшумская X стоянка. Нуклеусы с инвентарными номерами.

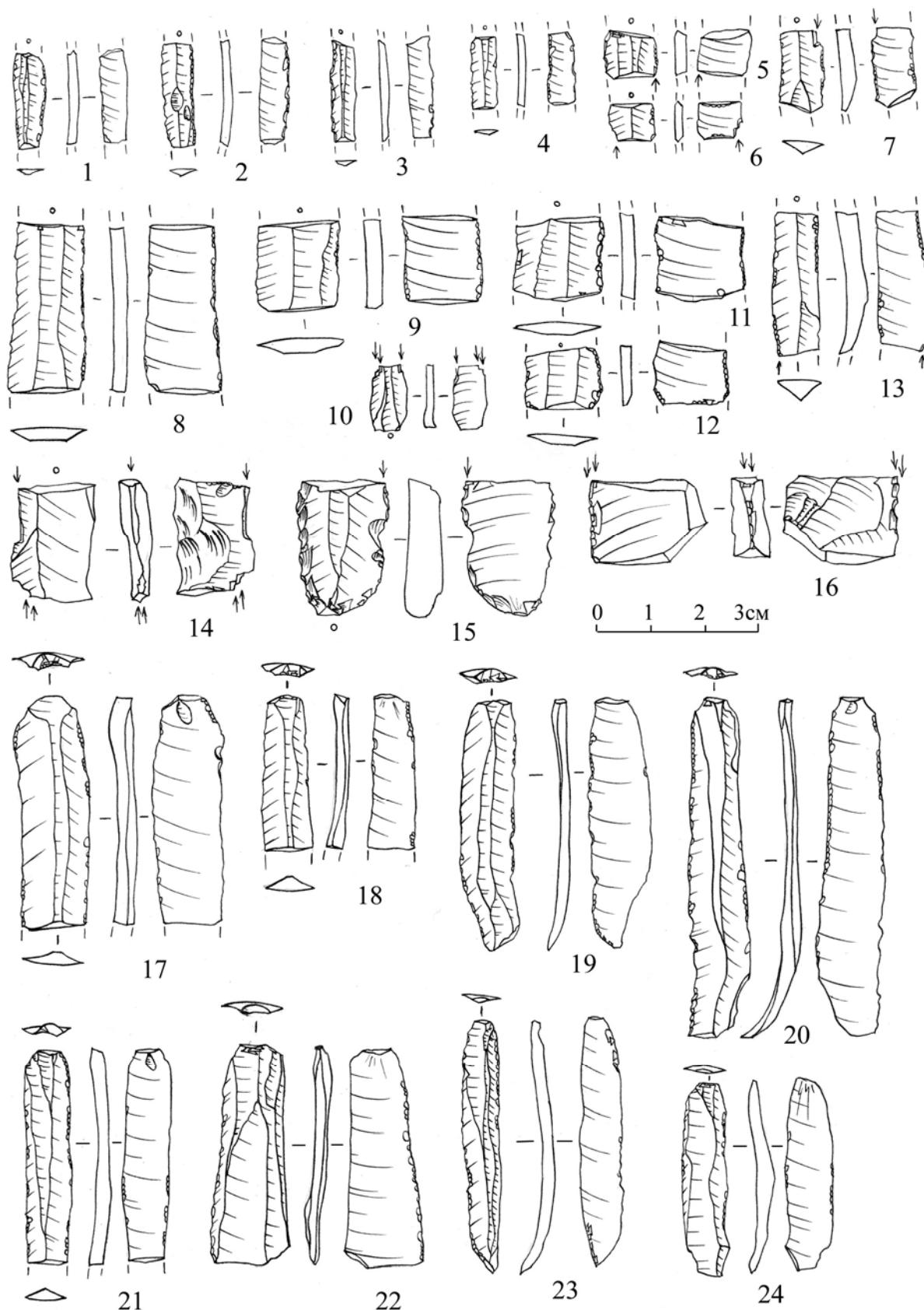

Рис. 5. Мукшумская X стоянка. Кремневые орудия с инвентарными номерами. Пластины.

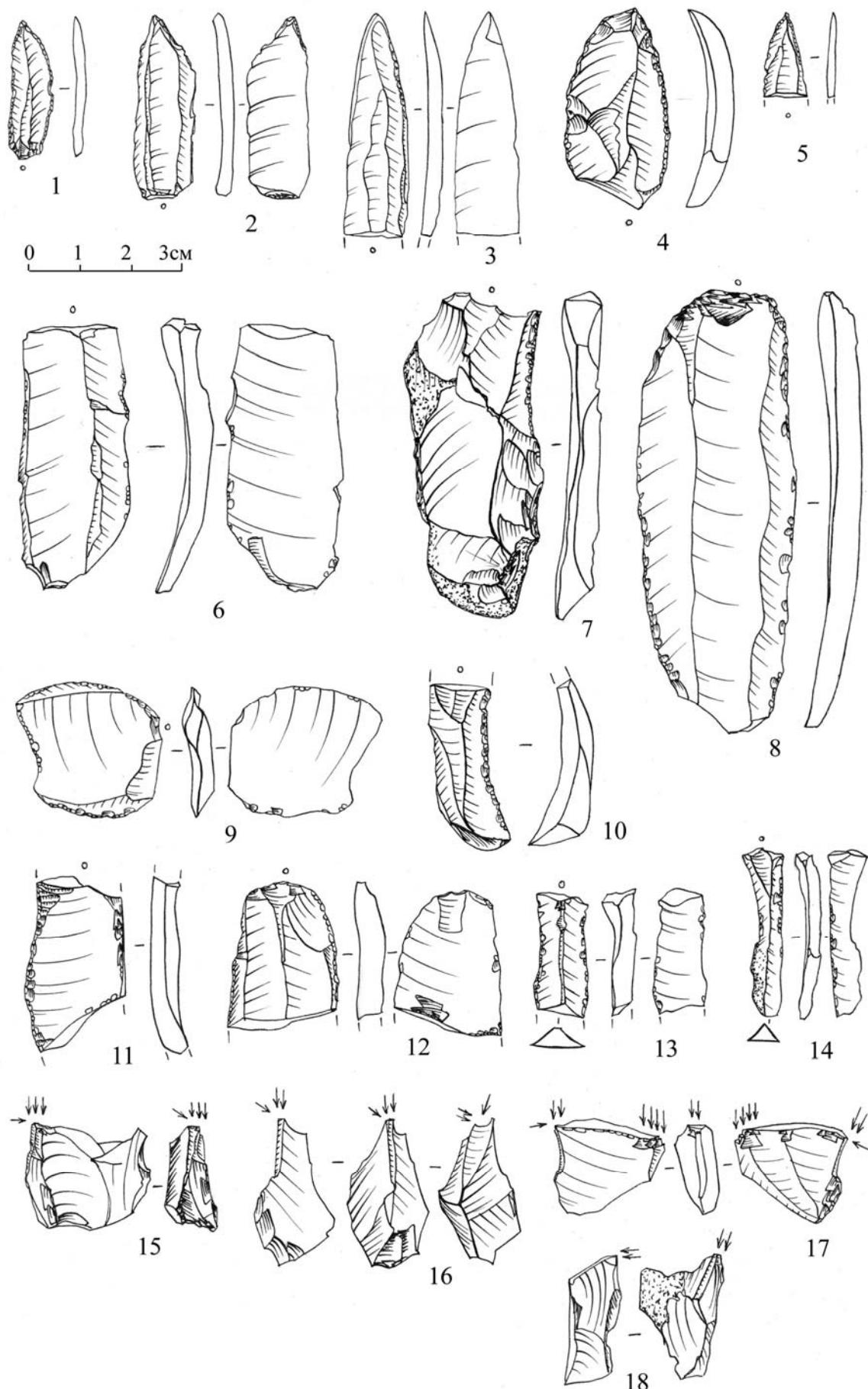

Рис. 6. Мукшумская X стоянка. Кремневые орудия с инвентарными номерами. Пластины.

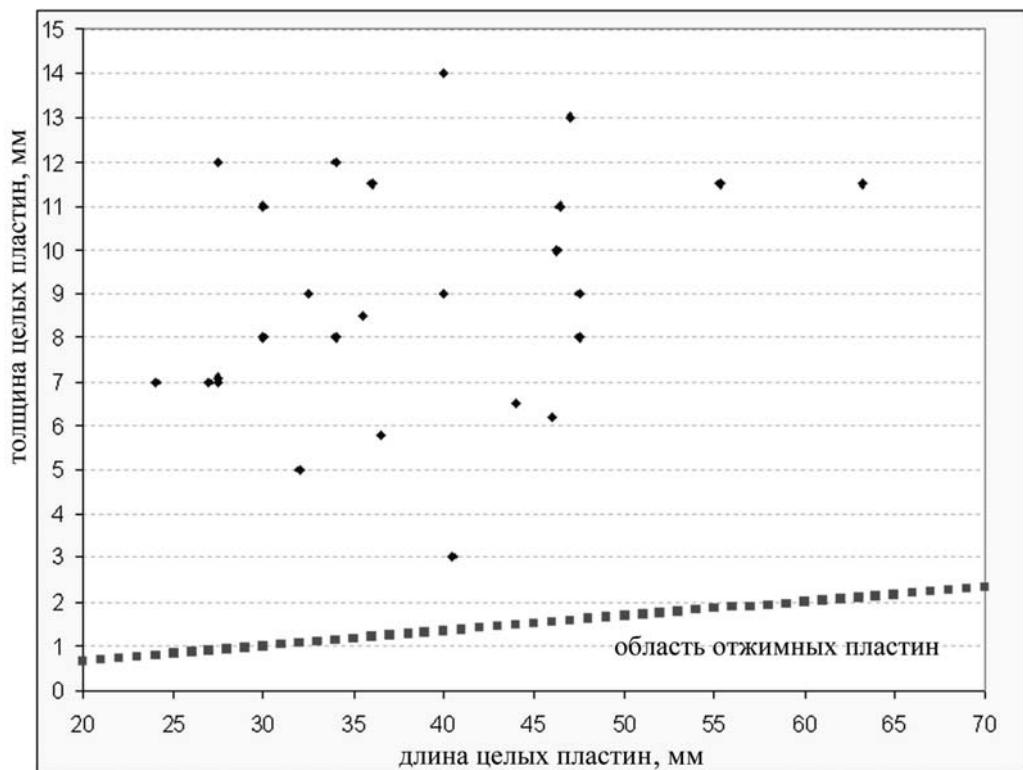

Рис. 7. Мукшумская X стоянка. График распределения пластин разной длины относительно их толщины.

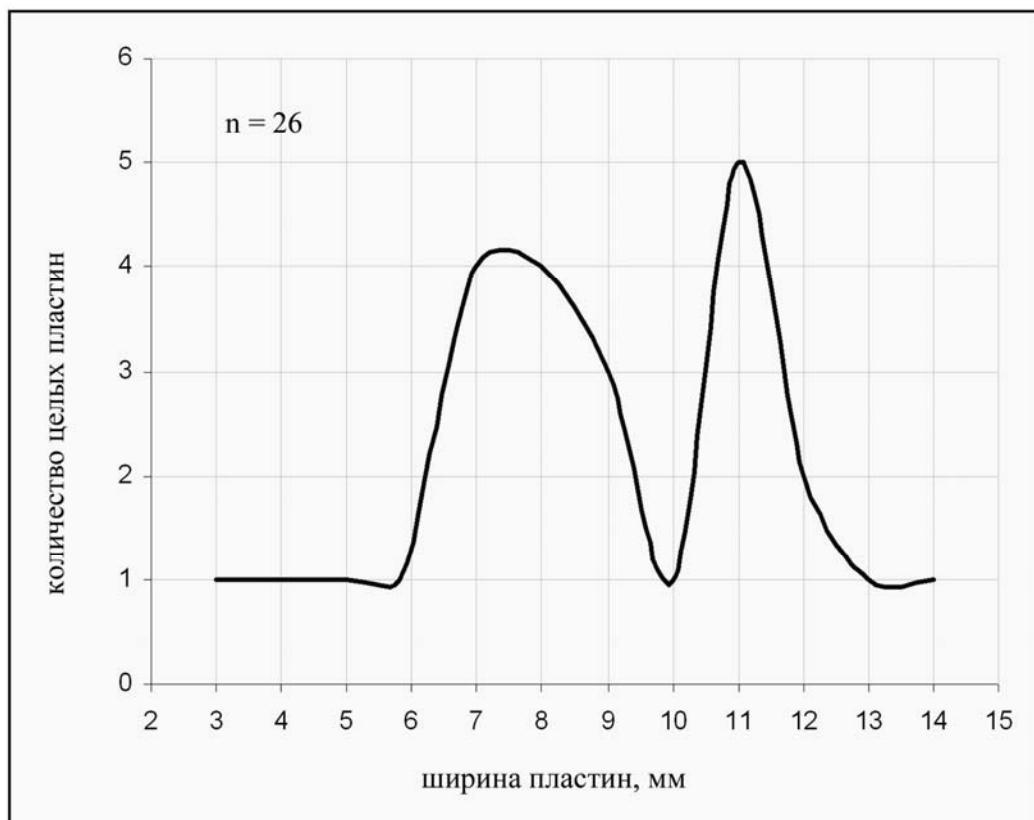

Рис. 8. Мукшумская X стоянка. График распределения целых пластин по ширине.

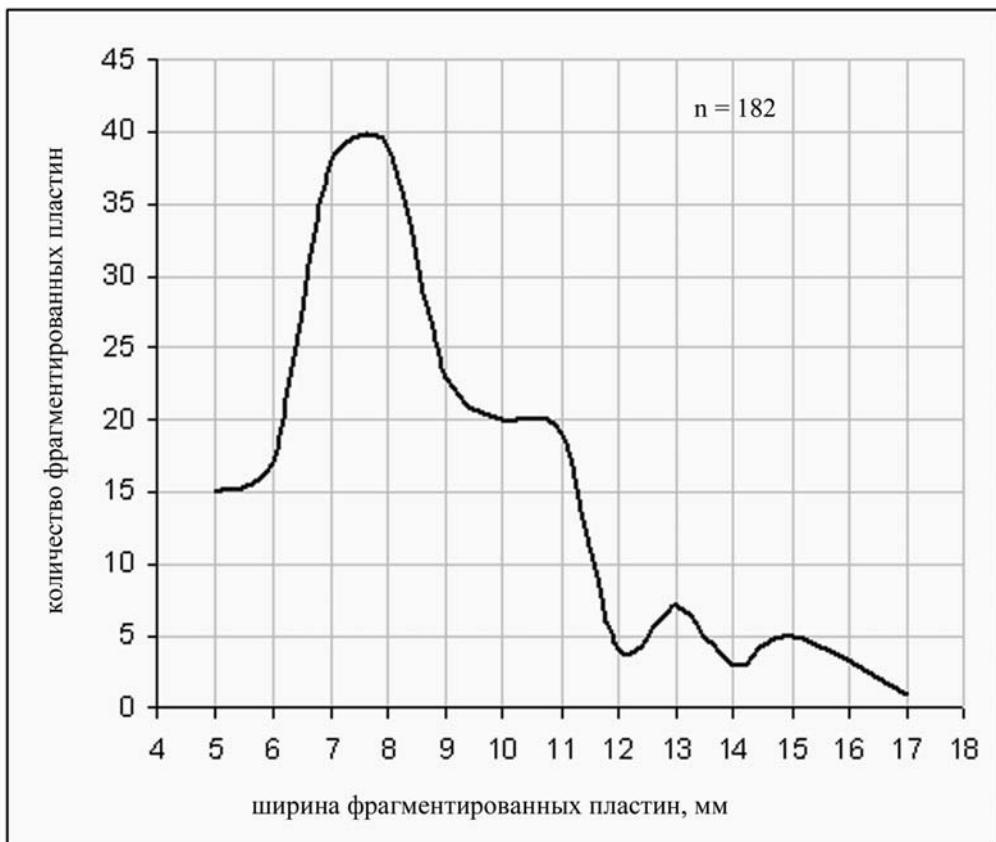

Рис. 9. Мукшумская X стоянка. График распределения фрагментированных пластин по их ширине.

Большую серию (73 шт.) представляют орудия, выполненные на отщепах, сколах и осколках без вторичной обработки, но со следами утилизации. Присутствуют также и обломки орудий с ретушью (18 шт.).

В заключении следует отметить, что жилище, изученное нами, было большей частью разрушено, и его общие размеры и окончательную форму установить не удалось, но все же, зафиксированные нами конструктивные элементы важны и дополняют общую картину изучения мезолитического населения. В 2001, 2003 гг. автором были изучены раскопками мезолитические жилища на Мукшумских 14 и 18 стоянках (Березина Н.С., 2006). Их объединяет несколько факторов: во-первых, одинаковое гипсометрическое расположение стоянок: на высоких песчаных дюнных всхолмлениях надпойменной террасы; во-вторых, общие конструктивные особенности строений жилищ (выраженный и насыщенный углистый слой жилища с углубленным котлованом, наличие столбовых, хозяйственных и очагово-отопительных ям в полу жилища, вытянутые вдоль стен жилища траншеи углубленные в полу, отсутствие выраженные кострищных пятен с прокалом и др.); в-третьих, общие закономерности прослеживаются и в кремневой индустрии.

Характеризуя кремневую индустрию стоянки, прежде всего, следует отметить ее микропластинчатый характер, причем, изученные пластины свидетельствуют о преобладании ударной техники расщепления. Большая часть пластин использовалась в качестве вкладышей без вторичной обработки, что говорит о развитии вкладышевой технологии, при отсутствии традиционных в нашем понимании вкладышей – усеченных ретушью с концов сечений пластин. Обращает на себя внимание и отсутствие морфологически выраженных наконечников стрел. Ретушь, как правило, краевая. В целом, можно отметить общую обедненность морфологически определенных форм в орудийном наборе. Характерной чертой коллекции является наличие серии пришлифованных деревообрабатывающих орудий, а также большой серии небольших округлых скребков с высоким краем.

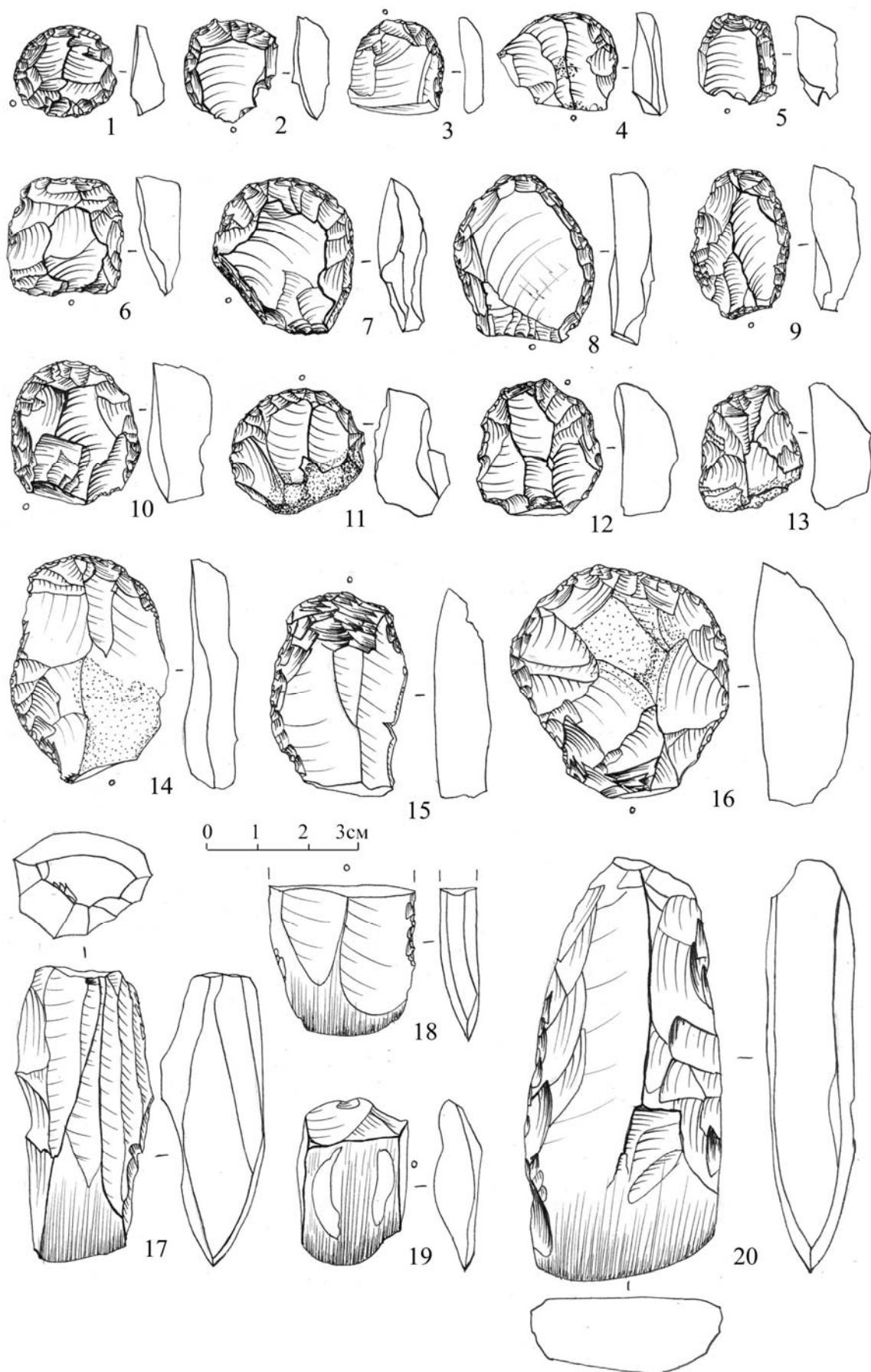

Рис. 10. Мукшумская X стоянка. Кремневые орудия с инвентарными номерами.

Ближайшими памятниками с близкой технологией расщепления кремня и типологическим набором орудий являются памятники, изученные В.В. Никитиным в Марийском Поволжье (Никитин В.В., 1996) отнесенные им к позднему мезолиту. Аналогии наблюдаются и в расположении стоянок, в строении жилищ, степени и специфике сохранности культурного слоя. Стоянка Нижняя Стрелка 6, которую автор относит к относительно более раннему периоду, имеет выраженный микропластинчатый характер, серию резцов на углу сломанной пластины, реже нуклеусов и отщепов, небольших округлых скребков с высоким краем, острый на пластинах с подработанным мелкой ретушью жалом, с также серией шлифованных рубящих орудий. Орудия, как правило, оформлены мелкой краевой ретушью. Наблюдается и определенное сходство индустрий Мукшумской 10 и Удельно-Шумецкой 10 стоянок. Однако, на Удельно-Шумецкой 10 и др. присутствуют небольшие серии геометрических орудий, более разнообразны формы резцов.

Сравнивая кремневые индустрии Мукшумской 10 стоянки и Яндашевской (Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1968), расположенной в правобережье Волги, следует отметить, что при определенном сходстве кремневого материала, а также наличие большой серии микропластин, серии острый выполненных на мелких пластинах с подретушированным жалом, мелких округлых скребков, все же в целом различия принципиальны. Прежде всего, обращает на себя внимание наличие на Яндашевской стоянке большой серии морфологически выраженных наконечников стрел различной формы, в т.ч. и выделенным насадом. В основе заготовки изделий лежат, как мелкие пластины и сколы, так крупные и массивные пластины и продольные сколы.

Таким образом, раскопки 2007 г. Мукшумской 10 стоянки, расположенной в Чувашском левобережье Волги, позволили получить яркий материал, который дополняет наши представления о позднемезолитических дюнных поселениях Волго-Вятского региона.

Литература

- Березина Н.С., Березин А.Ю. 2003. Археологические памятники эпохи камня и раннего металла Чувашского Заволжья // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары.
- Березина Н.С. 2006. Итоги исследования Мукшумской XVIII стоянки в Чувашском Заволжье // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. Чебоксары.
- Березина Н.С. 2006. Раскопки мезолитической Мукшумской XIV стоянки в Чувашском Заволжье // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Тверь.
- Никитин В.В. 1996. Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Т.4. Йошкар-Ола.
- Ефименко П.П., Третьяков П.Н. 1968. Яндашевская стоянка // СА. № 2.

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ЗОНЕ КУЙБЫШЕВСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

Е.А. Бурдин

ФБОУ ДПО «Учебный центр УФСИН России по Ульяновской области», г. Ульяновск

Одним из основных направлений научной деятельности А.Х. Халикова было изучение памятников археологии в зоне Куйбышевского водохранилища. Они являются важной частью историко-культурного наследия Среднего Поволжья. Как известно, охранно-спасательные археологические исследования в зоне Куйбышевского водохранилища проводились Куйбышевской археологической экспедицией под руководством А.П. Смирнова в 1938–1957 гг. В ее составе было 5 отрядов, один из которых (№ 5) возглавлял Н.Ф. Калинин, а затем А.Х. Халиков.

Большие работы проводились в Татарстане по казанскому течению Волги, по нижнему течению Камы. Замечательным достижением было открытие 5-м отрядом КАЭ ранее неизвестных стоянок позднего неолита (рубеж III–II тыс. до н.э.) и поселений эпохи бронзы по казанскому течению Волги. Н.Ф. Калинин и А.Х. Халиков писали: «Раскопки древних поселений около сел Атабаева, Карташихи, Больших Отар, около Займища, соединенные с менее обширными работами на ряде аналогичных памятников в 1950–1952 гг., ставят, наконец, на более прочную базу вопрос о территории особой приказанской культуры» (Калинин, Халиков, 1954, С. 167).

Наиболее значительные исследования велись в 1953–1954 гг. на Именьковском городище в Лайшевском районе Татарстана, что положило начало выделению именьковской культуры эпохи раннего средневековья (Калинин, Халиков, 1960, С. 250). Таким образом, именно благодаря масштабным археологическим раскопкам в зоне будущего Куйбышевского моря А.Х. Халиков получил возможность приобрести большой практический опыт в изучении памятников каменного, бронзового и железного веков.

Главными результатами деятельности КАЭ являются: во-первых, сохранение для науки и будущих поколений, хотя бы частично, ценнейших археологических материалов по истории практически всех народов, населяющих Средневолжский регион, во-вторых, придание мощного импульса дальнейшим археологическим исследованиям в Поволжье.

В результате создания Куйбышевского водохранилища под воду ушло огромное количество еще не выявленных археологических памятников. Из учтенных археологами в настоящее время под водой лежат более 900 объектов, большинство которых не подверглось даже рекогносцировочным раскопкам (Хузин, 2006). По данным Е.П. Казакова, в Татарстане было затоплено около 1000 памятников археологии (Казаков, 1994, С. 44).

Н.Я. Мерперт, заместитель начальника Куйбышевской археологической экспедиции в 1950–1957 гг., отмечал, что в зоне водохранилища успели обследовать не более 15–20% известных археологических памятников, поэтому ущерб историко-культурному наследию народов Среднего Поволжья неисчислим (Мерперт, 2004, С. 9).

В результате создания водохранилища началась интенсивная эрозия берегов, которая и является основной причиной разрушения уцелевших археологических памятников культурно-исторического наследия. В Татарстане на берегах Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ ежегодно продолжает разрушаться около 800 памятников археологии, что составляет 18% от общего количества зарегистрированных в республике (Хузин, 2006). Только по одному Спасскому району Татарстана водохранилищем полностью уничтожен 231 археологический памятник и частично – 71. Относительно полностью сохранились 182 объекта. Всего в Спасском районе насчитывалось 484 памятника археологии, из которых 48% разрушено полностью и 15% частично, то есть пострадали от затопления 63% (Археол. памятники Спасского р-на РТ, 2004, С. 1–22).

В настоящее время уцелевшие археологические памятники в зоне Куйбышевского водохранилища продолжают интенсивно разрушаться. Данному процессу способствуют три фак-

тора: хозяйственная деятельность человека, берегообрушение под влиянием водохранилища, а также так называемая «черная» археология.

Мы считаем сложившееся положение недопустимым и гибельным для историко-культурного наследия зоны Куйбышевского водохранилища, поэтому предлагаем следующие меры по его спасению:

1. Разработать программу сохранения и восстановления историко-культурного наследия населения Среднего Поволжья путем включения определенной территории в состав зоны с особым режимом землепользования и хозяйственной деятельности. В рамках этой программы разработать план спасения разрушаемых водохранилищем археологических памятников с целью регулярного проведения охранных исследований за счет прибыли, получаемой от продажи гидроэлектроэнергии.

2. Основные усилия сосредоточить на масштабном охранно-спасательном исследовании разрушаемых водохранилищем археологических памятников, так как современное состояние методики раскопок и финансирования не позволяет сохранять памятники, а уничтожает их (раскопки на снос). Поэтому имеет смысл законсервировать не подвергающиеся разрушению памятники археологии с целью их сохранения для будущих поколений ученых.

Литература

Археологические памятники Спасского района Республики Татарстан. Предоставлены директором БГИАМЗ Р.З. Мухаметшиным Е.А. Бурдину 14 сент. 2004 г.

Казаков Е.П. Измерский VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья: сб. науч. ст. Казань, 1994.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Поселения эпохи бронзы в приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1952 гг. // МИА. № 42. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 1. М., 1954.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Именьковское городище // МИА. № 80. Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 3. М., 1960.

Мерперт Н.Я. Письмо доктора исторических наук Н.Я. Мерперта (ИА РАН, г. Москва) от 29.03.2004 г. Е.А. Бурдину.

Хузин Ф.Ш. О памятниках археологии в зоне затопления Нижнекамской ГЭС [Электронный ресурс], 2006. Режим доступа: <http://kama.openet.ru:3128/site/journal1/024.htm>, свободный.

ОЦЕНКА ИНТЕНСИВНОСТИ РАЗРУШЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ЗОНЕ ВЛИЯНИЯ КУЙБЫШЕВСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

И.И. Гайнуллин, Ю.В. Дёмина, Б.М. Усманов

*Институт истории им. Ш.Марджаны АН РТ, г. Казань
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань*

Куйбышевское водохранилище – крупнейшее в системе Волжско-Камского каскада и выделяется практически по всем показателям самыми высокими значениями переработки берегов среди искусственных водохранилищ России. Поэтому мониторинг переработки берегов и сбор информации о состоянии и тенденциях развития экзогенных процессов, представляющих реальную опасность является актуальной задачей (Беспалый, Фирсенкова, 1991). Одним из последствий таких процессов является разрушение археологических памятников. Бурное развитие цивилизации в XX–XXI вв. остро поставило вопрос об антропогенном факторе разрушения накопленного историко-культурного наследия прошедших эпох, которое, в том или ином виде сохранившись до наших дней и единожды погибнув, уже не сможет быть восстановлено.

Примерно 36% берегов водохранилищ России сейчас активно разрушаются, что приводит к необратимому изъятию из землепользования больших площадей ценных прибрежных территорий, нередко создавая при этом катастрофические ситуации с гибелю людьми, а также неся высокий экономический ущерб (Рагозин, 1992). Берегоразрушительные процессы относятся, наряду с наводнениями, обвалами, оползнями и землетрясениями, к числу наиболее распространенных и опасных природных процессов России.

Из эксплуатируемых на территории России 2260 водохранилищ объемом более 1 млн. м³ 2008 (90%) расположены в Европейской части, причем преимущественно в пределах Волго-Камского и Невского речных бассейнов. Еще 174 водохранилища (7%) созданы в Западной и Восточной Сибири и 72 (3%) – на Дальнем Востоке. На перечисленных выше искусственных водоемах, имеющих, как правило, существенно меньшие размеры, чем моря, берегоразрушения наиболее активно проявляются в пределах крупных водохранилищ с объемом более 10 млн. м³. Так, например, на таких водохранилищах в европейской части страны перерабатывается около 40% берегов, в Сибири – 36%, на Дальнем Востоке – 35%, в то время как на небольших и малых водоемах, расположенных в тех же регионах, берегоразрушениями охвачено всего 13–15% суммарной береговой линии.

Среди отдельных водных объектов Европейской части страны наибольшей пораженностью переработкой характеризуются берега Куйбышевского (75%), Волгоградского (72%), Саратовского (70%) и Горьковского (65%) равнинных водохранилищ, расположенных в лесостепной и степной зонах (табл. 1). Примерно такую же пораженность процессом (77%) имеет побережье пред горного Красноярского водохранилища, осуществляющего многолетнее регулирование стока. Более 50% берегов активно перерабатываются на Камском и Новосибирском водохранилищах. На других водоемах России берегоразрушения обычно проявляются менее чем на 40% береговой линии.

Из всех перерабатываемых берегов водохранилищ приблизительно 78% разрушаются по абразионному типу, а остальные 22% – по абразионно-оползневому, абразионно-карстовому и другим типам, приведенным в классификаторе берегов (см. табл. 1). Примерно такое же соотношение характерно и для морских берегов.

Данные, представленные в таблице говорят о высокой интенсивности переработки берегов водохранилищ, изъятии больших площадей из землепользования, а следовательно, о необходимости оценки опасности переработки берегов. Под опасностью переработки берегов водохранилищ (абразионной опасностью) понимают существующую или возможную в будущем угрозу разрушения определенных участков побережий, происходящего с установленной интенсивностью за заданный промежуток времени, но с неясными экономическими, социаль-

ными и экологическими последствиями (Рагозин, Бурова, 1995). Другими словами, это опасный процесс, который оценивается вне конкретной привязки к ценности прибрежных территорий, а также населению и объектам экономики, находящимся в их пределах.

Таблица 1

Пораженность и среднемноголетняя интенсивность переработки берегов водохранилищ России (по А.Л. Рагозину и В.Н. Буровой)

Водохранилища	Протяженность		Пораженность переработкой, %	Интенсивность		
	береговой линии, км	разрушаемых берегов, км		м/год	га/год	$n \cdot 10^{-2}$ га/км*год
Рыбинское	2460	871	35	0,9	83,6	3,4
Горьковское	2170	1403	65	1,3	183,8	8,4
Камское	1166	591	51	1,2	70,9	6,0
Боткинское	972	378	38	1,1	42,3	4,4
Куйбышевское	2030	1530	75	2,4	379,4	18,7
Саратовское	962	676	70	2,2	151,4	15,7
Волгоградское	1416	1014	72	1,8	179,4	12,6
Цимлянское	912	165	18	1,6	27,0	3,0
Новосибирское	520	275	52	0,9	24,7	4,7
Красноярское	1415	1110	77	0,7	77,7	5,4
Братское	6013	2056	34	0,8	164,4	2,7
Всего по водохранилищам России	64100	23290	36	1,5	3493,0	5,4

Разрушение берегов приводит к необратимому изъятию из землепользования прибрежных территорий. Основной мерой опасности переработки берегов является его разрушительная сила, которую достаточно полно характеризует интенсивность процесса, установленная в виде среднемноголетних линейных, площадных или объемных скоростей берегоразрушений за единицу времени (м/год, га/год, $m^3/m \cdot \text{год}$ и т.п.) с учетом общей пораженности ими береговой линии. В рассматриваемом случае берег является, одновременно, и носителем (источником), и объектом опасности. Поэтому ежегодные физические (вещественные) потери прибрежных территорий, определяемые скоростью разрушения берегов, являются мерой опасности процесса и риска физических потерь от его негативных проявлений (Рагозин, Бурова, 1995).

Наиболее наглядной характеристикой интенсивности переработки берегов морей и водохранилищ является линейная скорость отступания береговой линии. Средняя скорость отступания берегов по всем размываемым участкам крупных водохранилищ России на первой стадии развития процесса составляет, примерно, 5 м/год, а на второй стадии – 1,5 м/год.

Превышение этих скоростей в определенный промежуток времени и на отдельных побережьях отвечает ситуации, которая может быть отнесена к категории опасной. Данное положение послужило основой для ранжирования берегов водохранилищ по степени опасности их разрушения на первой и второй стадиях развития процесса.

По установленным среднемноголетним значениям линейной скорости переработки берегов легко рассчитываются соответствующие площадные потери прибрежных территорий как в пределах отдельных береговых участков морей и водохранилищ, так и по стране в целом.

Указанные среднемноголетние линейные и площадные скорости определяют допустимый (приемлемый) уровень потерь от рассматриваемого процесса, превышение которого требует принятия на государственном уровне мер по предотвращению ущерба.

Куйбышевское водохранилище является одним из крупнейших в системе Волжско-Камского каскада. Согласно административно-территориальному делению, акватория водоема располагается в пределах пяти субъектов Российской Федерации: Республики Татарстан (50,7% площади акватории), Самарской (14,7%) и Ульяновской (30,9%) областей, Чувашской Республики и Республики Марий Эл (3,7% площади акватории). Географические координаты

крайних точек водохранилища: $56^{\circ}10'$ – $53^{\circ}30'$ с.ш., $47^{\circ}30'$ – $49^{\circ}30'$ в.д. Оно образовано в результате перекрытия р. Волги 31 октября 1955 г. плотиной Куйбышевского гидроузла в районе Самарской Луки. Нормального подпорного уровня 53 м водохранилище достигло в половодье 1957 г., а Куйбышевская ГЭС начала функционировать на полную проектную мощность. При данном НПУ его общая емкость составляет $57,3 \text{ км}^3$, площадь водного зеркала – 6150 км^2 , длина по р. Волге от плотины Волжской ГЭС им. В. И. Ленина до плотины Чебоксарской ГЭС – 510 км, по р. Каме от Камского Устья до плотины Нижнекамской ГЭС – 280 км, средняя глубина при НПУ – 9,4 м, максимальная глубина – 41 м (у плотины), около Ульяновска – 31 м, у Казани – 16–18 м. Прибрежная зона, ограниченная глубиной разрушения волн максимальной высоты, занимает в Куйбышевском водохранилище около трети всей акватории. В этой полосе кроме волнения наблюдаются значительные сезонные колебания уровня воды и поэтому, идет интенсивная переработка берегов. Протяженность береговой линии – 2604 км, минимальный навигационный уровень – 49,00 м. Некоторые другие технические данные по водохранилищу приведены в таблице 2.

Таблица 2
Некоторые технические данные по Куйбышевскому водохранилищу

Показатели	Единица измерения	Значение показателя
Уровень мертвого объема	м	45,5
Заполнение и достижение отметки НПУ	м	30.10.1955 – 25.05.1957 г.
Размеры при НПУ:		
полезная емкость	км^3	34,6
ширина	км	от 2 до 27
максимальная у Камского устья	км	38,0
глубина	м	32,0 (у плотины 40)
Площадь мелководий при НПУ по проекту:		
а) глубиной до 1 м	тыс. га	53,2
б) глубиной от 1 до 2 м	тыс. га	50,3
Подтоплено земель в т.ч. сельхозугодий	тыс. га	29,8
		277,8

При создании водохранилища кроме русла Волги под водой оказались пойма и ниже устья Камы – низкие надпойменные террасы. Над затопленными поймой и надпойменными террасами располагается мелководная зона с глубинами в основном от 4 до 8 м. Для зоны характерно заиление. Почти на половине всей акватории наблюдается глубоководная зона, совпадающая с главными руслами Волги, Камы и их притоков. В этой полосе, главным образом, проходит транзит водных масс через водохранилище.

Все притоки р. Волги (по Б.Д. Зайкову) относятся к рекам Восточно-европейского типа, для которых помимо плоского рельефа бассейнов, малого уклона, значительной извилистости и широких пойм, характерно высокое весеннееводное (62% стока) и довольно низкая летняя и зимняя межень (38%). В водохранилище впадает 79 рек длиной более 10 км и 260 длиной менее 10 км. Общая площадь бассейна р. Волги составляет $1\ 200\ 200 \text{ км}^2$, из них на долю основных притоков – Волги, Камы, Белой и Вятки – приходится $1\ 098\ 000 \text{ км}^2$, т.е. 91,5%, тогда как остальная территория – это водосборы средних и малых рек.

Создание водохранилища принципиально изменило весь ландшафтный облик днища долины Средней Волги. За почти 50-летний период эксплуатации водохранилища в полной мере проявились и положительные и отрицательные последствия его создания. К положительным сторонам, несомненно, относятся значение водохранилища для энергетики, ирригации,

промышленного и коммунального водоснабжения, улучшения условий судоходства. Существенно возросли рекреационные возможности побережья.

Вместе с тем при создании водохранилища были затоплены огромные массивы пастбищ и сенокосов (особенно в Татарии). Одним из наиболее значимых последствий создания водохранилища являются абразионные процессы и стимулируемые ими оползневые и другие склоновые процессы, а также подтопление многих территорий, что требует больших затрат на инженерную защиту. Было разрушено и затоплено значительное количество объектов историко-культурного назначения, включая памятники археологии.

На территории Республики Татарстан (РТ) ныне выявлено, изучено и поставлено на учет около 4300 археологических объектов. Из них на федеральной охране – 22, на республиканской (региональной) – 278 и на местной – 23 памятника археологии. Большое количество памятников археологии, расположены в прибрежной зоне крупных рек, что связано с характером жизнедеятельности человека в прошлом. Многие из них были утрачены или находятся под угрозой уничтожения. На территории РТ, в результате колебаний уровня Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ, ежегодно подвержены разрушению около 800 памятников археологии. В случае принятия решения о подъеме уровня Нижнекамского водохранилища до 68м абс. (проектная отметка) будет разрушено и полностью уничтожено еще около 500 памятников.

Инженерно-геологические изыскания, связанные с переработкой берегов Куйбышевского водохранилища начались еще в 30-е годы, в самый начальный период его проектирования, однако они проводились эпизодически и носили, в основном, описательный характер. Наиболее созидательными и значительными были работы, выполненные Заволжской экспедицией Всесоюзного гидрогеологического треста и геологического факультета МГУ в период 1952–55 года. В общую задачу этих работ входило изучение всего комплекса инженерно-геологических явлений, которые могут возникнуть в зоне влияния водохранилища, с прогнозом их развития в пространстве и во времени. Одной из самых важных задач при этом являлось проведение инженерно-геологических исследований на участках сельских населенных пунктов и новых площадок переселения.

С 1957 по 1961 г. включительно, геологическим факультетом МГУ было организовано 23 наблюдательных участка, на которых выполнена инженерно-геологическая съемка в масштабе 1:500 и 1:10000 и начаты наблюдения по 55 створам. В результате этих исследований были выявлены основные факторы переработки берегов водохранилища и некоторые его закономерности в первые годы эксплуатации. По результатам наблюдений первых шести лет была выполнена предварительная проверка 10-летних прогнозов переработки берегов по 30 створам.

В последующие годы проблемой переработки берегов водохранилища занимались Средне-Волжская комплексная геологоразведочная экспедиция, ПНИИС Госстроя СССР, лаборатория арометодов Мингео СССР и др. Однако эти исследования проводились в разное время и не были увязаны между собой.

В 1973 г. по указанию Министерства геологии РСФСР от 11 мая 1972 г., Центральная инженерно-геологическая и гидрогеологическая экспедиция (ЦИГГЭ) при Мингео РСФСР приступила к проведению инженерно-геологических работ по изучению формирования берегов водохранилища с целью составления дальнейших прогнозов этого процесса.

За период с 1973 по 1978 гг. проведено инженерно-геологическое обследование 48 населенных пунктов, выполнены наземные и подводные промеры по створам и инженерно-геологическое обследование по периметру водохранилища в масштабе 1:100000. В результате выполненных работ составлены прогнозы переработки берегов по 35 населенным пунктам и по береговой линии водохранилища протяженностью 1500 км на сроки 1985 и 1995 гг.

С 1979 г. ЦИГГЭ Мингео РСФСР начала стационарные исследования экзогенных геологических процессов (ЭГП) в прибрежной полосе водохранилища и в первую очередь процессов формирования новых берегов, которые продолжаются и в настоящее время. Данные наблюдения проводятся ТРГГП «Татарстангеология».

Наблюдательная сеть, по которой ведутся наблюдения данной организацией за процессом переработки берегов водохранилища, включает следующие стационарные участки, привязка которых дается по расположенным вблизи них населенным пунктам:

1. Аракчино	11. Полянки
2. Атабаево	12. Именьково
3. Лайшево	13. Боровое Матюшино
4. Рыбная Слобода	14. Нижний Услон
5. Троицкий Урай	15. Нариман
6. Камское Устье	16. Сюкеево
7. Шуран	17. Измери
8. Масловка	18. Коминтерн
9. Тетюши	19. Красновидово
10. Балымеры	

Нам в данной связи важно то, что практически у каждого пункта находятся объекты культурного наследия, что позволит в дальнейшем использовать полученные данные для расчета динамики разрушения памятников археологии.

Отдельные работы по изучению береговых процессов были также выполнены на географическом факультете КГУ в 1980-х годах под руководством А.П. Дедкова и В.И. Можжерина. Проводилось картографирование и типизация береговых процессов на основе дешифрирования АФС. Однако все эти материалы рукописные и, к сожалению, не доступны для анализа.

Отметим также большую ведомственную разобщенность в организации подобного рода работ. При постановке наблюдательных участков в целом ряде пунктов можно видеть реперную сеть, заложенную разными организациями (например, у н.п. Тетюши, Камское Устье, Печище, Измери). В случае использования одинаковой методики наблюдений в интересующих пунктах, где уже длительное время ведется наблюдение, было бы разумнее часть средств использовать на приобретение информации, а сэкономленные финансовые ресурсы направить на анализ береговых процессов по данным дистанционного зондирования.

Одновременно с инженерно-геологическими изысканиями, связанные с переработкой берегов Куйбышевского водохранилища проводились работы по выявлению и изучению археологических памятников в зоне будущего Куйбышевского водохранилища начинались еще в середине 30-х гг. XX в. под руководством А.П. Смирнова – осматривались памятники в районе приустьевой части Камы и левобережья Волги. Результаты исследований были обобщены этим исследователем в ряде его работ (Смирнов, 1939), которые и поныне не потеряли своего научного значения.

Археологические исследования зоны будущего Куйбышевского водохранилища, прерванные в годы Великой Отечественной войны, возобновились в 1950 г. В Татарии работало три отряда Куйбышевской археологической экспедиции ИИМК АН СССР под общим руководством того же А.П. Смирнова. Ее головной отряд, возглавляемый им, проводил широкое изучение археологических объектов в нижней затопляемой части Болгарского городища (Смирнов, 1962). Казанский отряд, под руководством Н.Ф. Калинина и А.Х. Халикова, исследовал значительную зону по Волге от Зеленодольска до устья Камы (Калинин, Халиков, 1958), а также район с. Именьково (Калинин, Халиков, 1954). Проводилась археологическая разведка и в других частях зоны затопления. Так Н.Д. Мец были осмотрены отдельные археологические памятники в Мамадышском и Чистопольском районах, а М.З. Паничкиной (Паничкина, 1953) велись поиски палеолитических памятников по Волге и в низовьях Камы.

С 1961 года поиски и изучение археологических памятников на всей территории республики приобрели еще более целенаправленный характер в русле научной проблематики сектора археологии ИЯЛИ КФАН СССР. Начались систематические наблюдения за береговой зоной и образовавшимся абразионным уступом Куйбышевского водохранилища. Здесь были выявлены и частично изучены такие памятники как: «Курган», «Девичий городок», II Березогривское; I, VII, IX Нижнемарьянские и IV Березогривское, III Тетюшская, XVIII

Кузькинская и Косяковская стоянки (Смирнов. 1962). В результате этих работ, удалось выявить более 600 размытых и полуразмытых водохранилищем разнообразных археологических памятников от эпохи палеолита до позднего средневековья. На некоторых были произведены охранные раскопки. Изучаются комплексы разновременных археологических памятников в районе б. города Спасска, сел Измери, Маклашевка, Рождествено, Карташиха и др.

Семидесятые годы XX в. связаны с проведением широких охранных археологических работ в зонах водохранилищ Нижнекамской и Куйбышевской ГЭС. С 1968 г. начались работы в зоне готовящегося Нижнекамского водохранилища. Они велись на протяжении более 10 лет под руководством А.Х. Халикова, П.Н. Старостина и, особенно активно, Е.П. Казакова. В результате произведенных исследований в РТ была создана надежная источниковая база для написания обобщающих работ по ряду проблем археологии. Кроме того, Татарстан стал одним из первых регионов России, где были подготовлены и изданы в полном объеме подробные археологические карты.

За прошедшее время большинство памятников археологии, находящихся в зоне затопления, были утрачены или находятся под угрозой уничтожения в результате создания водохранилища и активизации процессов переформирования берегов. До сих отсутствует система направленных и обоснованных охранно-спасательных работ уничтожающихся памятников, учитывающих динамику берегоразрушительных процессов.

Нам, к сожалению, приходится констатировать тот факт, что на данный момент в регионе отсутствует обоснованная и планомерная система проведения охранных работ на разрушающихся памятниках. Это связано в первую очередь с недостаточной информированностью исследователей о современном состоянии памятников, порой преобладании частных научных интересов над требованиями российского законодательства и положениями «Хартии по охране и использованию археологического наследия» и «Европейской конвенции об охране археологического наследия». Налицо слабая и бессистемная организация государственного контроля и охраны культурного наследия, и отсутствие, на практике, взаимодействия между органами охраны и научными организациями в Республике Татарстан.

По определению Г.Е. Афанасьева, в настоящее время археологические исследования становятся частью многогранного мультидисциплинарного познавательного процесса, в котором основной упор делается на изучении пространственного распределения накопленного материала в тесной взаимосвязи с окружающей средой и обитавшими в ней людьми. Новые технологии позволяют исследователю видеть дальше и глубже, чем прежде, решать научные вопросы, сама постановка которых недавно могла бы показаться просто утопической (Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С., 2004).

Поэтому в условиях, когда особо остро встает вопрос о формировании системы управления археологическими исследованиями находящихся в зоне воздействия водохранилищ археологических объектов, нами предполагается организация оценки интенсивности разрушения археологических памятников, с использованием методики изучения экзодинамических процессов в зоне воздействия крупных равнинных водохранилищ использованной сотрудниками кафедры ландшафтной экологии факультета географии и экологии при обследовании динамики береговой линии Куйбышевского водохранилища. Она включает в себя следующие этапы:

1. Выбор приоритетных участков, наиболее подверженных разрушению или опасности оного;

2. Сбор информации (литературные, картографические источники, архивные данные, аэро и космоснимки и т.д.). Изучение снимков на исследуемую территорию, выбор ключевых участков;

3. Полевой этап, основной задачей которого является изучение эволюции берегов с целью выявления общих закономерностей переформирования, определение количественных значений влияния различных факторов на размер, форму и скорость переработки берегов и уточнение краткосрочных прогнозов и методов прогноза берегообрушения. Также он включает в себя работы по инвентаризации состояния памятников, с использованием методики производства археологических разведок и раскопок, топосъемка местности и береговой линии. В состав работ, выполняемых на памятниках археологии входит:

- отыскание профилей и реперов на местности;
- нивелировка берегового склона в надводной части профиля, и промеры глубин в подводной части с помощью эхолота;
- тахеометрическая съемка берега с целью наблюдения за смещением долговременных знаков на оползневых участках, наблюдения за отступанием береговой бровки, определения планово-высотного положения долговременных знаков наблюдения, топографической съемки оползневых участков;
- проведение замеров склона по линии профиля; количество замеров зависит от сложности геоморфологического строения склона, наличия активных проявлений ЭГП;
- инженерно-геологическое описание склона по линии профиля (ширина описываемой полосы не менее 50 м): проявлений оползневых, абразионных процессов, обвально-осыпных явлений, характера абразионного уступа (высота, крутизна), литология размываемых пород, выходов подземных вод;
- характеристика пляжа.

4. Камеральная обработка (построение карт, пополнение реестра памятников), дешифровка разновременных снимков (береговая линия, экзогенные процессы) с целью выявления опасности разрушения памятников.

5. Создание региональной АГИС, включающей в себя разработку СУБД и программную оболочку, обеспечивающую работу с данными по памятникам археологии Республики Татарстан. Система, должна не только работать с имеющимися материалами, но и учитывать постоянные изменения данных, позволяя регулярно вносить необходимые поправки.

На сегодняшний день нами разработана программа, созданная на основе анкеты мониторинга объекта культурного наследия, имеющаяся в распоряжении органов охраны памятников, с дополнениями и уточнениями. В ней максимально охватываются признаки памятника археологии, позволяя систематизировать их по различным признакам, включая категорию охраны, датировку, местоположение, литературу, исследователей и пр.

В дальнейшем, для существования полноценной АГИС, предусматривается создание многопользовательского режима и подключение возможности создания картографической базы, что разрешит некоторым исследователям, пользуясь одной базой, обновлять её, делать необходимые выборки по различным признакам, рассматривать, обрабатывать, объединять и анализировать необходимые для своих целей памятники. Таким образом, будет сформирована гибкая и мобильная система управления базой данных, обеспечивающая полноценную работу с имеющейся информацией, в том числе, позволяющая планировать полевые исследования на памятниках, находящихся в зоне воздействия негативных факторов.

6. В современной археологии и ландшафтной экологии для изучения динамики берегоразрушительных процессов, успешно применяются методы дистанционного зондирования, позволяющие в сжатые сроки охватить порой труднодоступные территории, существенно уменьшить объем полевых работ при большой экономии материальных средств, физических сил и получить точный и весьма объективный материал. Важное достоинство аэрокосмической съемки – повторность съемок, т.е. фиксация состояния в разные моменты времени и возможность прослеживания динамики

В качестве примера использования описанных методов для оценки интенсивности разрушения археологических памятников, авторами данной публикации был выбран фрагмент береговой линии Куйбышевского водохранилища от пос.Речное до устья р.Шентала Алексеевского района РТ . Интерес в изучении данной территории представляют как процессы переработки берегов, так и достаточно высокая плотность археологических объектов на относительно небольшой по площади территории. (рис. 1).

На исследуемой территории располагаются археологические памятники: Остолоповское городище, Остолоповский могильник и Остолоповские селища I и II.

Для проведения работы использовались материалы аэрофотосъемки залета 1958 г. масштаба 1:17000 (N-39-17-В-г) и топографическая карта М 1:50000, а также космический цифровой снимок очень высокого разрешения 2005 г., взятый из поисковой программы «Google-Планета Земля». Таким образом, авторами рассматривался временной промежуток в 47 лет.

На начальном этапе работы проводилась координатная привязка пяти аэроснимков, закрывающих исследуемую территорию в программе PCI Geomatica V9.1., при этом за рабочую основу был принят цифровой космический снимок из «Google». Путем сопоставления снимков за разные годы выявлялись реперные объекты, например – церковь, жилые строения, квартальная сетка населенных пунктов, для которых с цифрового снимка брались координаты. В результате обработки получены трансформированные геокодированные аэроснимки, собранные в единое изображение.

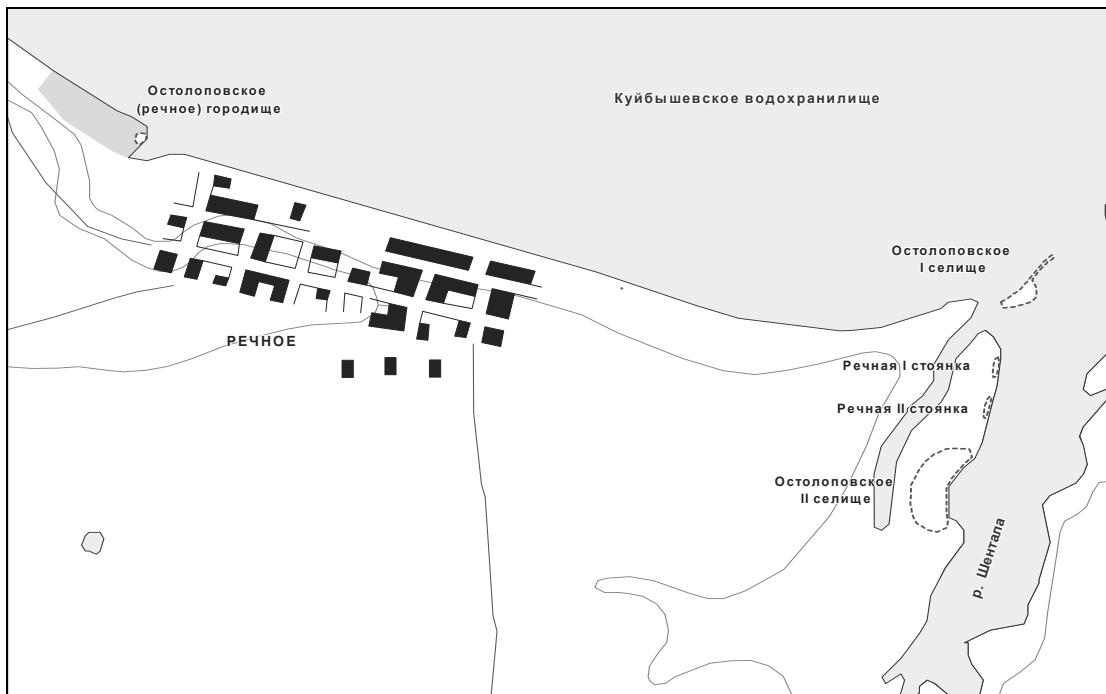

Рис. 1. Обзорная карта региона исследования.

Дальнейшая работа осуществлялась в программе MapInfo Professional, где снимки разных лет были открыты в виде слоев, и проводилось дешифрирование береговой линии с одновременным созданием электронных слоев береговой линии за разные временные отрезки. На следующем этапе работы определялись величины отступания береговой линии с целью количественной оценки ее динамики.

Ниже приводится описание, как нам кажется, наиболее интересных участков.

Участок №1. Остолоповское городище (рис. 2), датируется булгарским домонгольским периодом (Х–XI вв.). Расположено к северо-западу от с. Речное, на мысу, образованном высокой террасой и оврагом с крутыми склонами. С запада городище ограничено дугообразным валом и рвом. Поверхность площадки распахана. Культурные остатки обнаружены лишь близ края террасы в виде скоплений прокала, угля и керамики. Городище, вероятно, использовалось как наблюдательный пункт на камском водном пути. Смещения береговой линии здесь незначительны, в среднем на 8–10 м. Скорость переформирования 0,2 м/год. Овраг также достаточно стабилен, скорее всего, он превращается в балку.

Участок №2. Здесь располагается пос. Речное. Вдоль всего берега наблюдаются проноины, активно идут процессы оврагообразования (рис. 3). На снимке отчетливо виден недавно сошедший оползень. Смещение береговой линии в среднем составило 16–18 м. Средняя скорость отступания 0,38 м/год. Стоит подчеркнуть, что многие постройки (школа, дома), которые ранее были расположены близ берега, отсутствуют на снимке 2005 г., что, скорее всего, связано с возникновением опасности деформации и разрушения берега.

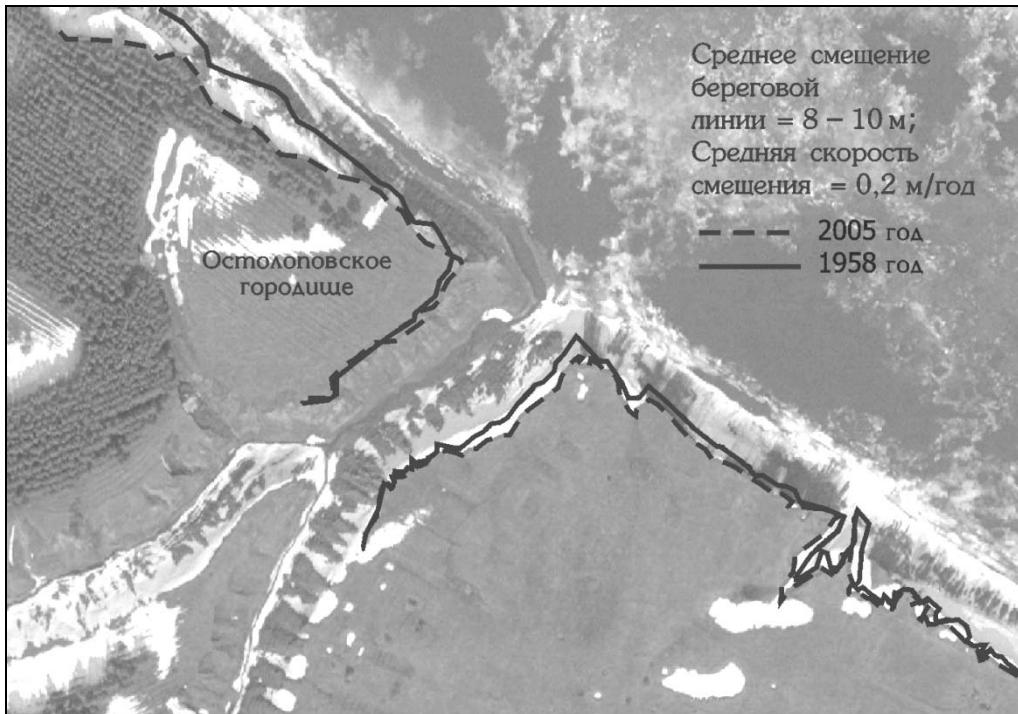

Рис. 2. Остолоповское городище.

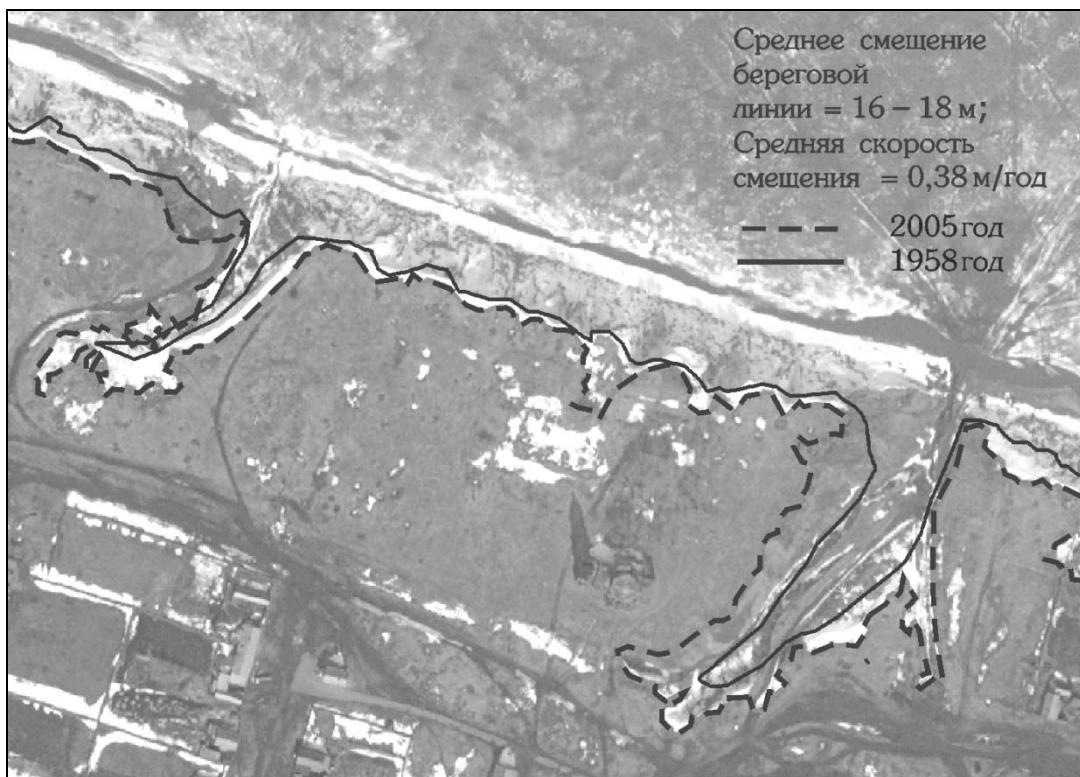

Рис. 3. Фрагмент береговой линии у пос. Речное.

Участок № 3. На данном отрезке береговой линии располагается еще один памятник археологии – Остолоповский могильник (срубная и приказанская культуры – II тыс. до н.э.). Преимущественными эрозионными формами вдоль берега являются промоины и молодые овраги (рис. 4). Достаточно четко виден высокий берег, за счет падающей тени. Смещение береговой полосы произошло в среднем на 17–20 м, со скоростью 0,42 м/год.

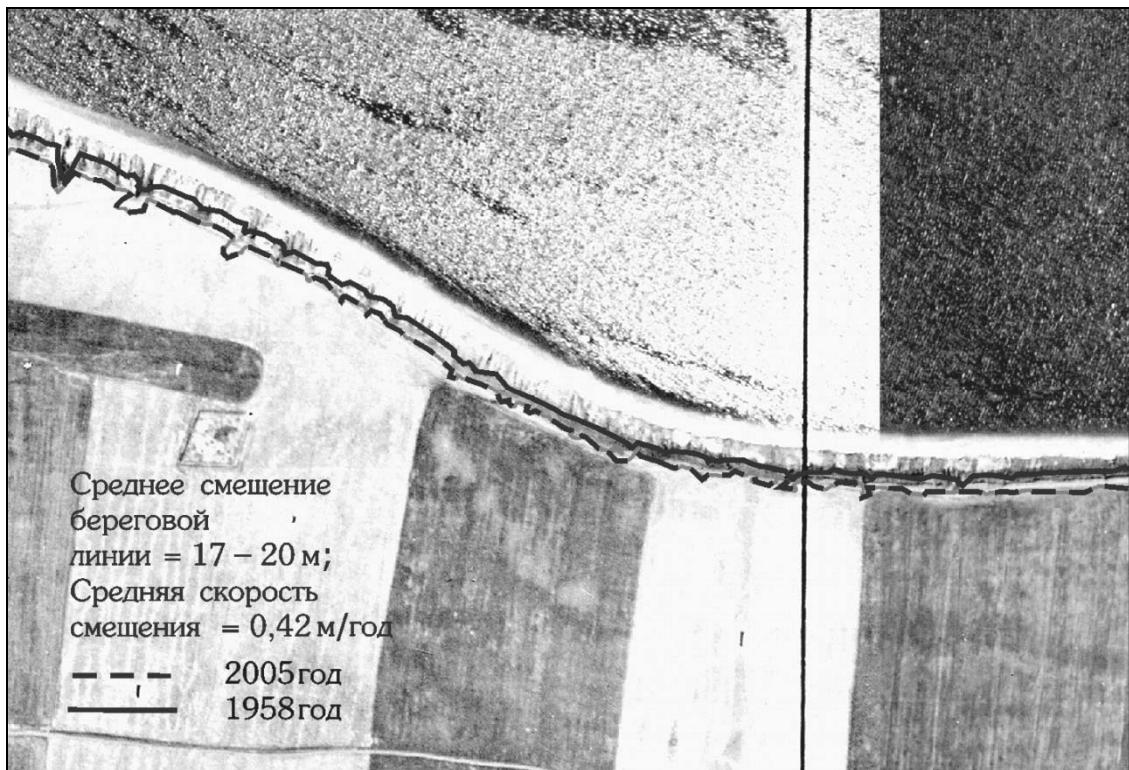

Рис. 4. Место расположения Осташковского могильника.

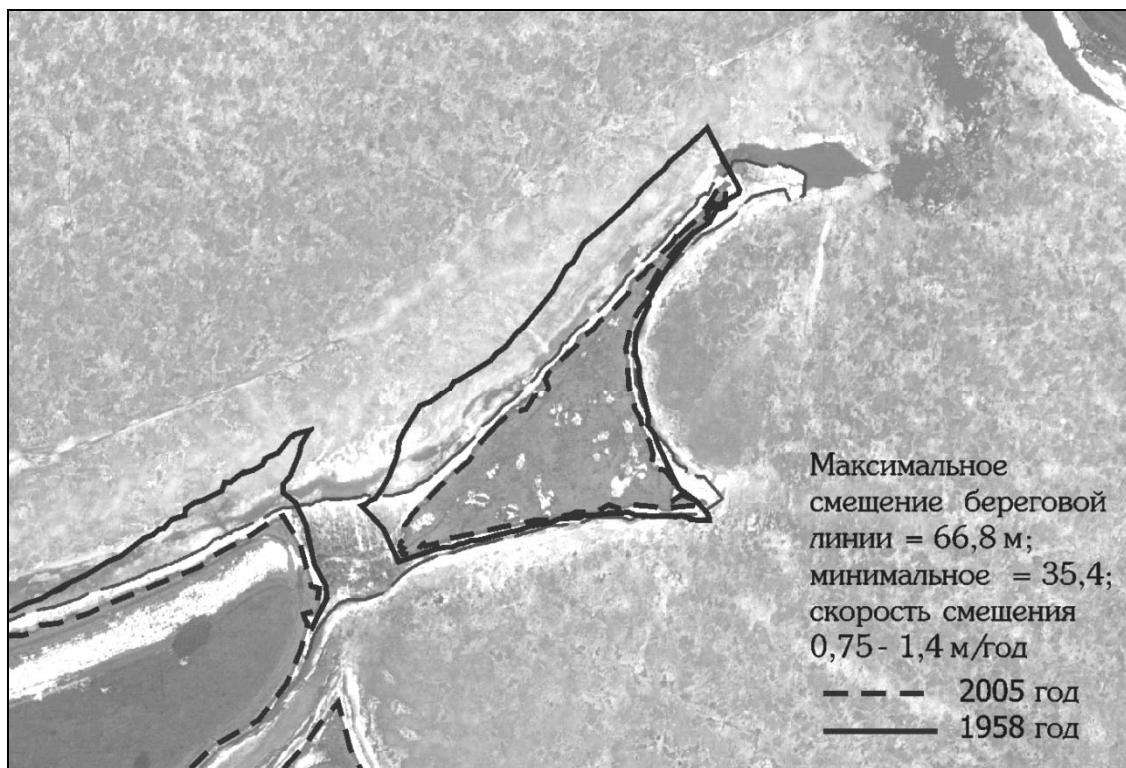

Рис. 5. Осташковское селище I.

Участок № 4. Здесь идет интенсивное разрушение уникального памятника археологии – Осташковского селища болгарского домонгольского периода, – занимающего полуостров близ устья Шанталы (рис. 5). Сборами на поверхности, в обнажениях и раскопами 1969 г. по-

лучен обширный материал, вскрыто полуземляночное жилище и несколько хозяйственных ям. Вещевой комплекс и керамика позволяют датировать селище X–XI вв.

Разрушение берега происходит под воздействием целого ряда факторов и, прежде всего ветрового волнения, колебания уровня водоема, плюс, кроме того, берег данного участка низкий, сложенный малоустойчивыми к размыву четвертичными суглинками. Максимальная величина отступания 66,8 м, минимальная – 35,4 м. Соответственно скорость колеблется в пределах от 0,75 до 1,4 м/год. По нашим подсчетам площадь острова в 1958 г. составляла 52710 м², тогда как в 2005 г. 25310 м², т.е. за эти десятилетия уничтожена площадь 27400 м². Следует предположить, что примерно через 45 лет, если не принять мер по укреплению берега, исчезнет и этот археологический памятник.

Таким образом, наибольшей опасности на исследуемой территории подвергается археологический памятник «Остоловское селище». За рассматриваемый промежуток времени, повторяя, уничтожена площадь 27400 м², разрушен культурный слой, а следовательно функция памятника, как историко-культурного объекта, частично утрачена. Здесь же наблюдается максимальное значение скорости смещения берегового уступа (1,4 м/год). На остальной территории региона исследования скорость смещения невелика, составляя в среднем 0,3 м/год.

Использование данных дистанционного зондирования позволяет провести оценку интенсивности разрушения археологических памятников через скорость разрушения берега, что позволит дать оценку наносимого ущерба, но только при проведении дополнительных полевых исследований и использовании информации о ценности объекта, величине культурного слоя и т.д. Описанная в работе методика может быть использована в работе по актуализации данных по состоянию археологических памятников и обновления существующих археологических карт с использованием современных ГИС-технологий. Результатом нашей работы мы видим оптимизацию работы археологов, создание единой информационной системы состояния памятников археологии и формирование обоснованной единой системы проведения археологических исследований с возможностью ее применения не только в Татарстане, но и в других регионах России.

Литература

- Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. – М., 1969.
- Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской долины. - М.: Изд-во «Научный мир», 2004. – 240 с.
- Беспалый В.Г., Фирсенкова В.М. Динамика ландшафтов в зоне влияния Куйбышевского водохранилища. – СПб.: Изд-во «Наука», 1991. – 224 с.
- Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2006 году». – Казань, 2005.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Именьковское городище // МИА. № 80. 1958.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ КФАН СССР за 1945–1952 гг. – Казань, 1954.
- Паничкина М.З. Разведка палеолита на Средней Волге // СА. Вып. XVIII. 1953.
- Рагозин А.Л. Инженерная защита территорий, зданий и сооружений от опасных природных процессов // Промышленное и гражданское строительство. 1992. № 12. – С. 6–7.
- Рагозин А.Л., Бурова В.Н. Региональный анализ абразионной опасности и риска на морях и водохранилищах России // Современные проблемы изучения берегов. – СПб.: ИТА РАН, 1995. – С. 45–46.
- Смирнов А.П. История Прикамья в I тыс. н.э. // Труды ГИМ. Вып. VIII. – М., 1939.
- Смирнов А.П. Работы Поволжской экспедиции 1960 г. // КСИА. Вып. 90. – М., 1962.
- Экзогенные геологические опасности / Под ред. В.М. Кутепова, А.И. Шеко. – М.: Издат. фирма «КРУК», 2002. – 348 с.

«ДЛИННЫЕ ВАЛЫ» В ВОЛГО-КАМЬЕ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

А.М. Губайдуллин, И.Л. Измайлова

Институт истории им. Ш.Марджаны АН РТ, г. Казань

В многолетнем процессе изучения территории Волжской Булгарии и ее поселений, в том числе и укрепленных, исследователи время от времени обращали внимание и на остатки так называемых «длинных валов». Первоначально, их предназначение и время сооружения не вызывало каких-либо вопросов и споров. В основном они интерпретировались как укрепления, входившие в русские засечные¹ черты XVII–XVIII вв.

Одним из источников, касающихся Закамской черты является описание ее Гладковым, относящееся к XVII в, где даются подробные сведения о местоположении острогов, надолбов, лесных засечных и полевых укреплениях (Перетяткович, 1877, С. 144–170, 159–160). Время строительства их датируется 1652–1656 гг. Однако еще раньше, уже в конце XVI в. Московское государство начинает строительство в Закамье военных городков. Так, например, в 1584 г боярином Одоевским была построена крепость Мензелинск, в 1586 г – крепость Самара. Кроме того, в 1589 г в устье р. Бол. Черемшан был основан монастырский двор от Чудского монастыря, а в 1626 г переселенцы из Елабуги основали поселение Челны (Фролов, 2002, С. 15–16).

Другие сведения по данной теме даются в работах и изыскания XVIII в. К ним относится труд обер-секретаря Сената И.К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства...». Являясь начальником Оренбургской экспедиции, созданной для строительства систем укреплений на юго-восточных границах Российской империи, он отметил и Закамскую линию: «...в Казанском уезде, в давних годах сделан вал и лесные засеки в защиту от набегов степных каракалпаков: начало имеет от реки, которая река вышла из Яицкой степи и впадает в Каму реку, а за тою рекою и по вершинам пошли жилища Башкирские Уфимской провинции, а оканчивается там вал в Симбирском уезде у самой Волги» (Знаменитые люди о Казани и Казанском крае, 1999, С. 46; Вячеслав, 1874, С. 10).

Одним из первых «длинные валы» обследовал во время своей экспедиции и капитан Н.П. Рычков, что позволило ему сделать вывод об их оборонительном назначении и использовании в комплексе с засечными чертами. Вместе с тем, он отметил и некоторые особенности строения закамских линий, например: извилистая форма, двухсторонние рвы, плохая сохранность. Правда, все это не позволило исследователю отнести их к раннему времени (Рычков, 1770, С. 25).

Следующие данные были составлены работавшим в Казанской межевой конторе К.С. Милковичем. На базе собранных им в конце XVIII – нач. XIX вв. сведений, основанных на результатах Генерального межевания, появляется информация о нескольких десятках археологических памятников, в том числе и «длинных валах». Например, имеются такие упоминания: «В Чистопольском уезде... Дача Малой Аккиреевой (120) – по земляному валу, указанному и в атласе; близкое к этой деревне село Богоявленское-Кутема (123) дачею... по рубеж развалившего земляного вала, сделанного в бывшие времена от набегу ординских народов» (Порфириев, 1904, С. 14).

Несколько позже при изучении Закамских засечных черт К. Иванин выдвинул точку зрения о принадлежности некоторых из них булгарам (Иванин, 1851, С. 75). Позже ее поддержали и некоторые другие исследователи. Однако они не имели на то каких-либо серьезных оснований.

Здесь также необходимо отметить работы редактора «Казанских губернских ведомостей» А.И. Артемьева, которого можно по праву считать родоначальником критического на-

¹ Засека – тип заграждения, состоявшего из не менее трех рядов деревьев, срубленных и очищенных от листвьев и мелких веток, которые повалены крест на крест вершинами в сторону возможного нападения неприятеля. Применялась с эпохи античности до нач. XX в.

правления исторической школы в Казанской губернии. Ему принадлежит честь установления местонахождения городища Джукетау, дано описание и анализ его оборонительных линий, а также линий укреплений Билярского городища и др. (Артемьев, 1851, С. 68). По поводу крепостных валов Биляра А.И. Артемьев даже выдвинул предположение о том, что у Билярска в XVII веке «...древние укрепления были дополнены новыми». На чем конкретно он основывал свое размышление – сейчас определить трудно. Возможно, это связано с отмеченным им «...рядом валов, в иных местах как бы с батареями или шанцами и ретраншаментами» (Артемьев, 1851, С. 13). Нужно отметить, что Билярский острог был сооружен после 1654 г, но где конкретно он находился – сказать трудно (рис. 1).

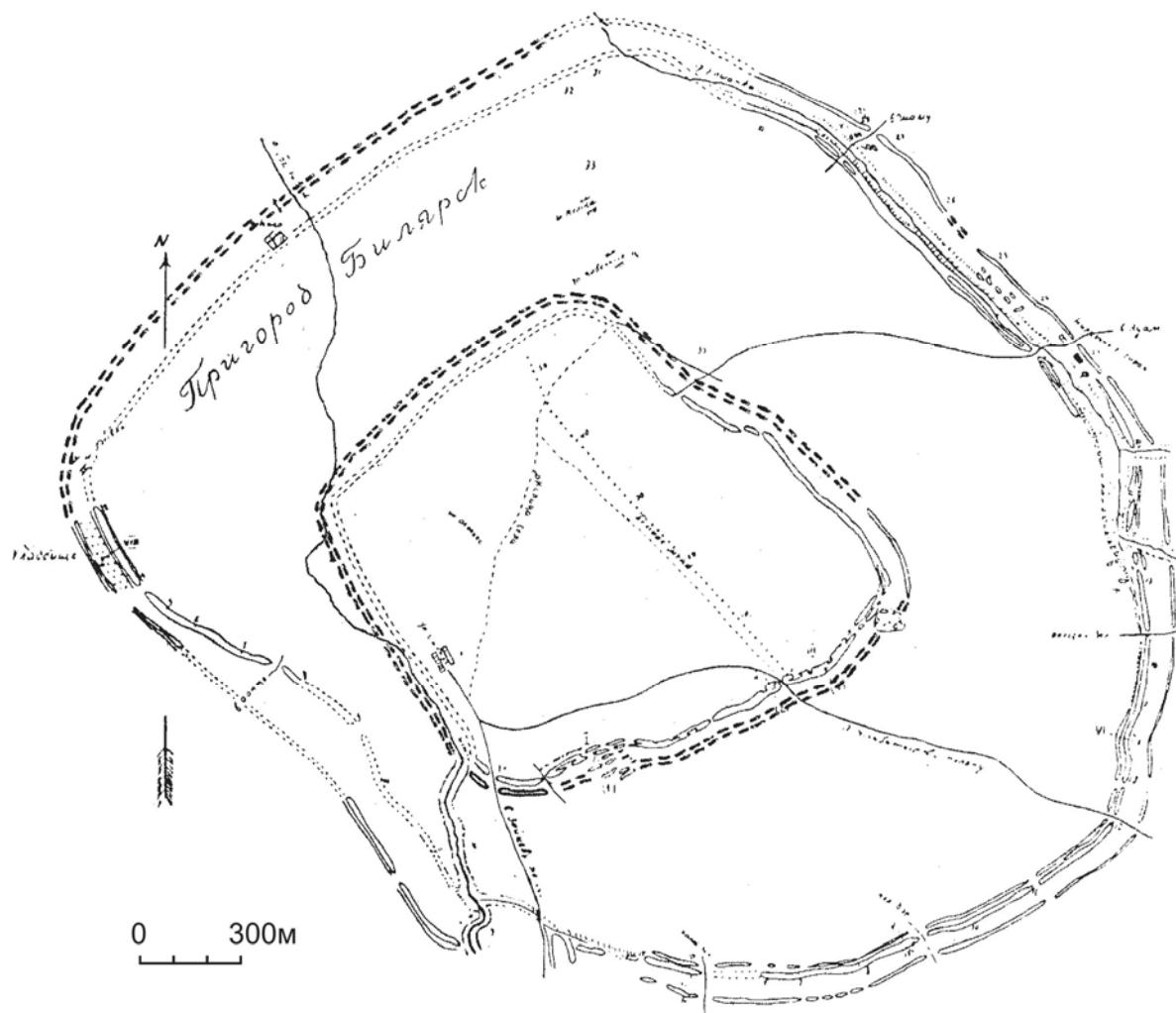

Рис. 1. План Билярского городища, снятый В.В. Сементовским в 1928–1929 гг.

В 1874 г выходит большой труд Н. Вячеслава, составленный на основе сообщений волостных управлений. В своих «Заметках о городищах...» он приводит выписку из 1-го выпуска Трудов Казанского губернского Статистического Комитета за 1869 г, где говорится о старой Закамской линии в Чистопольском уезде: «В украинах русской земли..., где кочевали татарские орды, для обережки строились засеки и валы» и далее: «В Казанской губернии была только одна засека – Тетюшская, сделанная еще при Грозном. Что же касается до валов, то в пределах губернии, проходила так называемая старая закамская линия, устроенная в половине XVII (1650–1653 гг.).» Его протяженность описана так: «...при начале вала, верстах 10, сделан пригород Мензелинск, второй Заинск, третий – Старый Шешминск, четвертый – Новый Шешминск, пятый – Билярск, шестой Тиинск, от Билярска в 40 вер., а от Ерыклинска, который на том же валу в Симбирском уезде в 50 вер. Таким образом, эта линия начиналась около

Мензелинска и шла неправильным полукругом до Волги к Симбирску. Вал по этой линии был не сплошной; там где были леса устраивались засеки» (Вячеслав, 1874, С. 10).

Тетюшская засека действительно была одной из самых первых. Она начиналась от г. Тетюши, шла мимо дер. Пролей Каши и по берегу р. Карлы доходила до р. Свияги (Перетяткович, 1877, С. 72, 187). Затем линия проходила на Алатырь и далее на Арзамас и Темников. Датируется эта черта по разным сведениям 1555–1566 гг. или 1578 г. (Салихов, Хайрутдинов, 2002, С. 7–8; Ермолаев, 1982, С. 36). В первой половине XVII в. данная линия была перенесена южнее и стала называться «Синбирским (Симбирским. – А.Г., И.И.) земляным валом» или Синбирской чертой (Лебедев, 1986, С. 80–85).

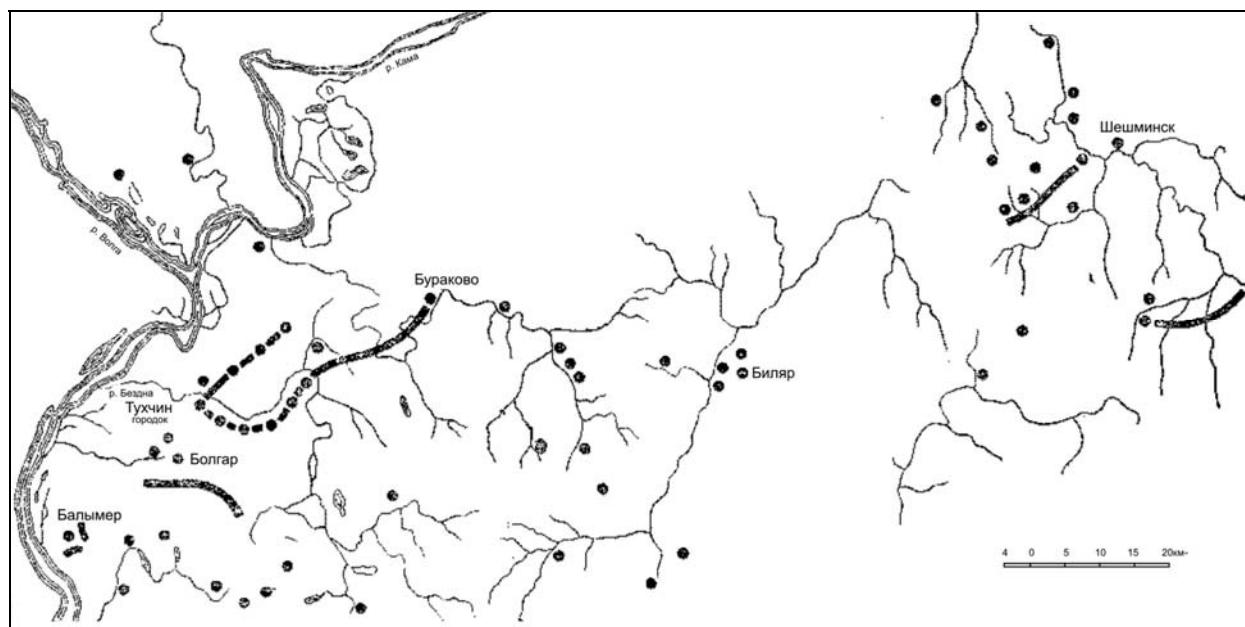

Рис. 2. Карта древних оборонительных укреплений на территории Булгарского государства XII–XIII вв. (по А.П. Смирнову).

В нач. XX в. изучение Закамских линий обороны продолжалось (Карасев, 1911). Однако, не смотря на имеющиеся сведения, вопрос о длинных валах все также оставался. Большинство исследователей в XIX–XX вв. были склонны считать их булгарскими укреплениями, расходясь во мнении лишь об их назначении. С.М. Шпилевский, А.П. Смирнов, Р.Г. Фахрутдинов относили данные объекты к пограничным укреплениям Волжской Булгарии домонгольского времени. Н.Ф. Калинин считал их валами на границах отдельных феодальных землевладений (Калинин, Халиков, 1954, С. 124). Также был запутан вопрос и о том, против кого они были созданы. Со времени С.М. Шпилевского утвердилось мнение, которое поддержал и А.П. Смирнов (Смирнов, 1951, С. 96), что «длинные валы» были сооружены на западе против походов русских князей, а на востоке – против монголов. Следует отметить, что А.П. Смирнов специально не осматривал эти оборонительные сооружения. Поэтому карта его линий валов не совсем точна (рис. 2). Однако уже в начале 50-х гг XX в., после непосредственных археологических обследований Западного Закамья, Н.Ф. Калинин подверг эти построения критике, отметив неточности в их нанесении. На его взгляд большинство этих линий не представляло определенной оборонительной системы (одну линию он вообще считал водоводом) (Калинин, Халиков, 1954, С. 120–124) (рис. 3–5). Следуя общей тенденции, А.Х. Халиков также, в свою очередь, относил «длинные валы» к предмонгольскому времени. По его мнению, все они были возведены в 20-х годах XIII в. из-за возникшей угрозы монгольского вторжения (Халиков, 1978, С. 84; Халиков, 1989, С. 118, 120; Халиков, 1994, С. 22, 27, 30).

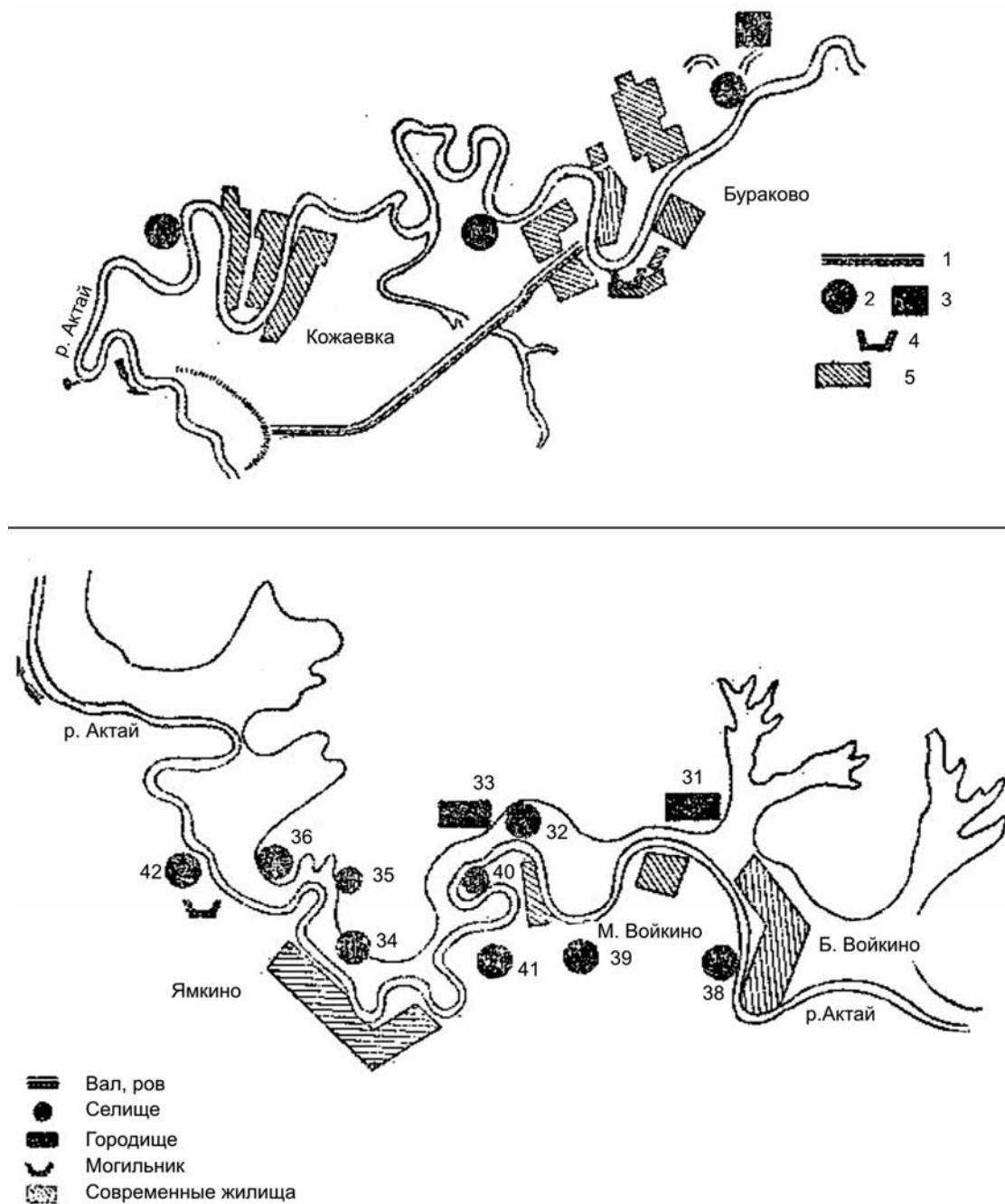

Рис. 3. Планы расположения памятников у с. Кожаевка, Бураково, Ямкино и Войкино (по Н.Ф. Калинину).

Дальнейшее развитие выводы А.П. Смирнова получили в работах Р.Г. Фахрутдинова (Фахрутдинов, 1975, С. 32; Фахрутдинов, 1984, С. 67–70) (рис. 6). Он не только включил их в корпус булгарских памятников, но и считал, что они возведены для защиты Биляра и Болгара. Здесь следует отметить, что объективных критериев для включения данных укреплений в ту или иную систему обороны авторы не приводят. Это позволяет считать одни и те же валы произвольно направленными против врага то с запада, то с юга. По-видимому, и способ защиты их также оставался неясен для исследователей, которые считали, что за этими валами скрывались обороняющиеся².

² На самом деле контроль и охрана этих полевых укреплений осуществлялась особыми разъездами (мобильными) отрядами, несшими сторожевую патрульную службу. Их задачей было только предупредить гарнизоны острогов и крепостей о подходе противника.

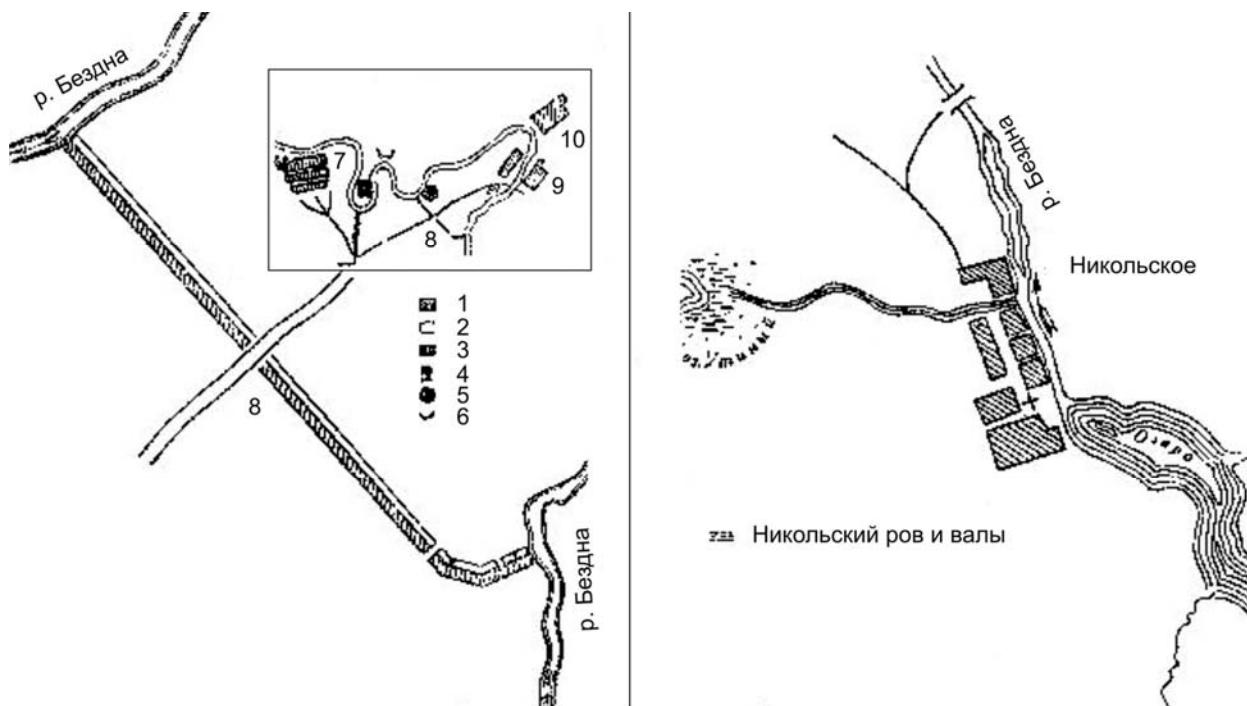

Рис. 4. Валы: Куйбышевский (левый чертёж) и Никольский (по Н.Ф. Калинину).
1 – ров, 2 – вал, 3 – современные селения, 4 – городище, 5 – селище, 6 – могильник,
7 – г. Куйбышев, 8 – Куйбышевский вал, 9 – Куралово, 10 – Косяково.

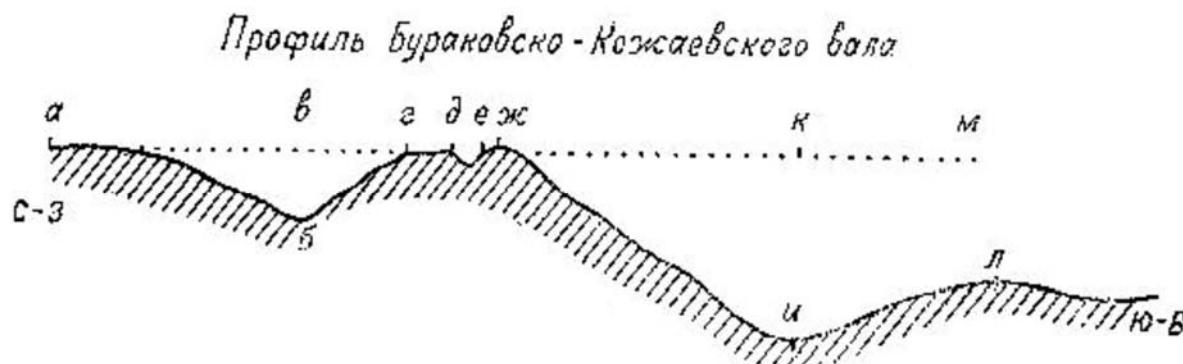

Рис. 5. Профиль Бураковско-Кожаевского вала (по Н.Ф.Калинину).

Имелось даже точки зрения о том, что эти валы сооружались в качестве ограды и защиты для многочисленных стад крупного рогатого скота. Отсутствие же археологических данных, которые бы выявили конструктивные особенности этих укреплений, время возникновения, делали все подобные выводы и заключения голословными.

Все это вынуждает думать о том, что нет ни одного серьезного факта говорящего в пользу булгарского происхождения «длинных валов». В то же время, их расположение, характерные особенности фортификации (реданный фронт³, бастионы⁴ и др.) и, наконец, письменные источники заставляют считать их частью системы русских полевых укреплений входивших в засечные черты XVII–XVIII вв.

³ Реданный фронт – фронт укреплений, который состоит из нескольких реданов, соединенных между собой куртинами.

⁴ Бастион (итал. bastionato, франц. bastion) – пятиугольное (полукруглое, квадратное) в плане оборонительное сооружение в виде выступа в крепостной ограде, предназначавшееся для обстрела напольной стороны и вдоль стен начиная с XVI в.

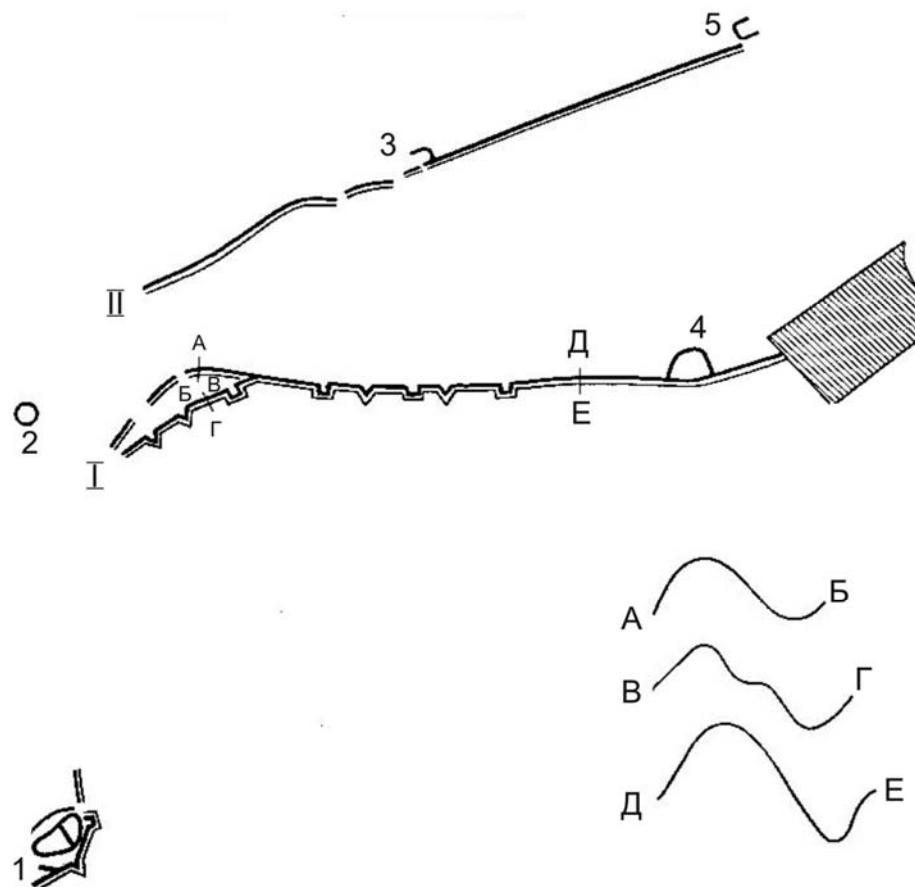

Рис. 6. Схема расположения Булгарских оборонительных укреплений и городищ в левобережье р. Шешмы в районе с. Новошешминск (по Р.Г. Фахрутдинову).

Обобщающей работой, которая вобрала в себя основные итоги исследований по рассматриваемой нами теме, явился сборник статей «Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии».

Статья И.Л. Измайлова, открывая сборник, посвящена истории изучения темы. Автору удалось ближе всех подойти к решению этого вопроса, правильно указав, что «многие из этих валов выполняли роль русских засечных черт для защиты от южных кочевников» и далее: «Остается недоказанным и сам тезис, что длинные валы являются частью общебулгарской системы обороны, так как не валы, а стены городов и крепостей являлись основой обороны рубежей...» (Измайлов, 1985, С. 13).

Действительно, в эпоху развитого средневековья только городские и замковые укрепления защищали территорию любого государства. В это время не существовало даже крепостей, как отдельных элементов обороны. Все укрепленные поселения несли также и другие функции: административные, хозяйственные и др.

Здесь необходимо заметить – строительство подобных систем фортификационных сооружений свойственно и под силу только сильным централизованным государствам, что мы и знаем по примерам из истории.

Точка зрения И.Л. Измайлова позже подтвердилась в результате археологических исследований. Появились данные об устройстве этих укреплений. Раскопки П.Н. Старостиным Маклашеевского вала в Спасском районе Республики Татарстан показали, что оборонительная насыпь перекрывает слой булгарского домонгольского селища. Зачистки валов на р. Шешме позволили установить, что все они однослойные, т.е. позднесредневековые. Исследования вала у с. Куралово (Спасский (Старокуйбышевский) вал) выявили его идентичность с Маклашеевским и, кроме того, он обращен как раз в направлении куста булгарских домонгольских памятников и не мог служить для их защиты. (Измайлов, 1991, С. 71–73).

АЭ- 90
Никольский вал.
Раскоп I

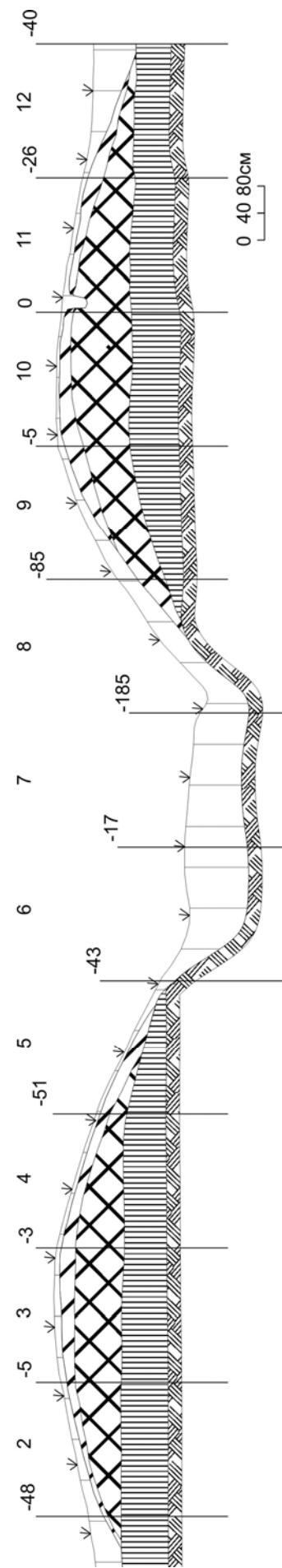

Рис. 7. Никольский вал. Профиль восточной стены (по И.Л. Измайлову).

Юго-западная стена раскопа

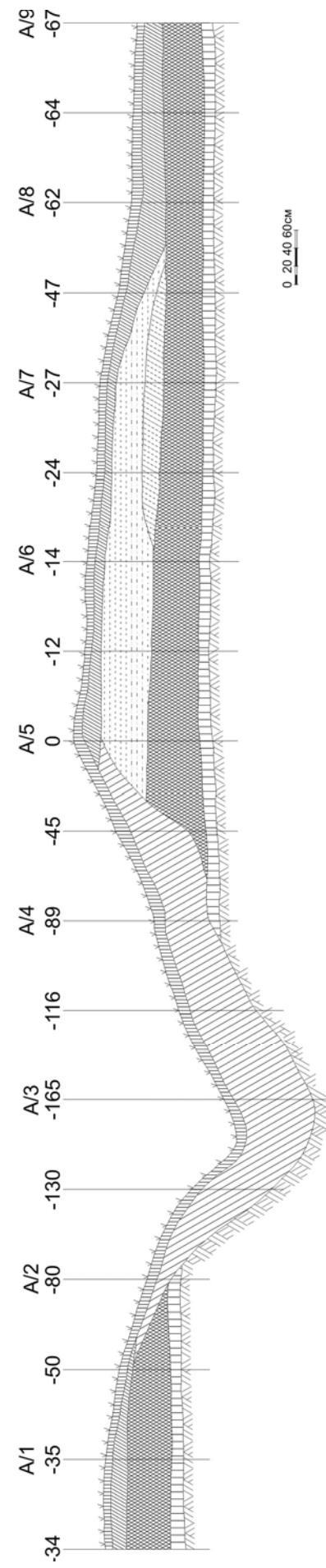

Рис. 8. Черемшанский вал. Профиль юго-западной стены раскопа (по А.М. Губайдуллину).

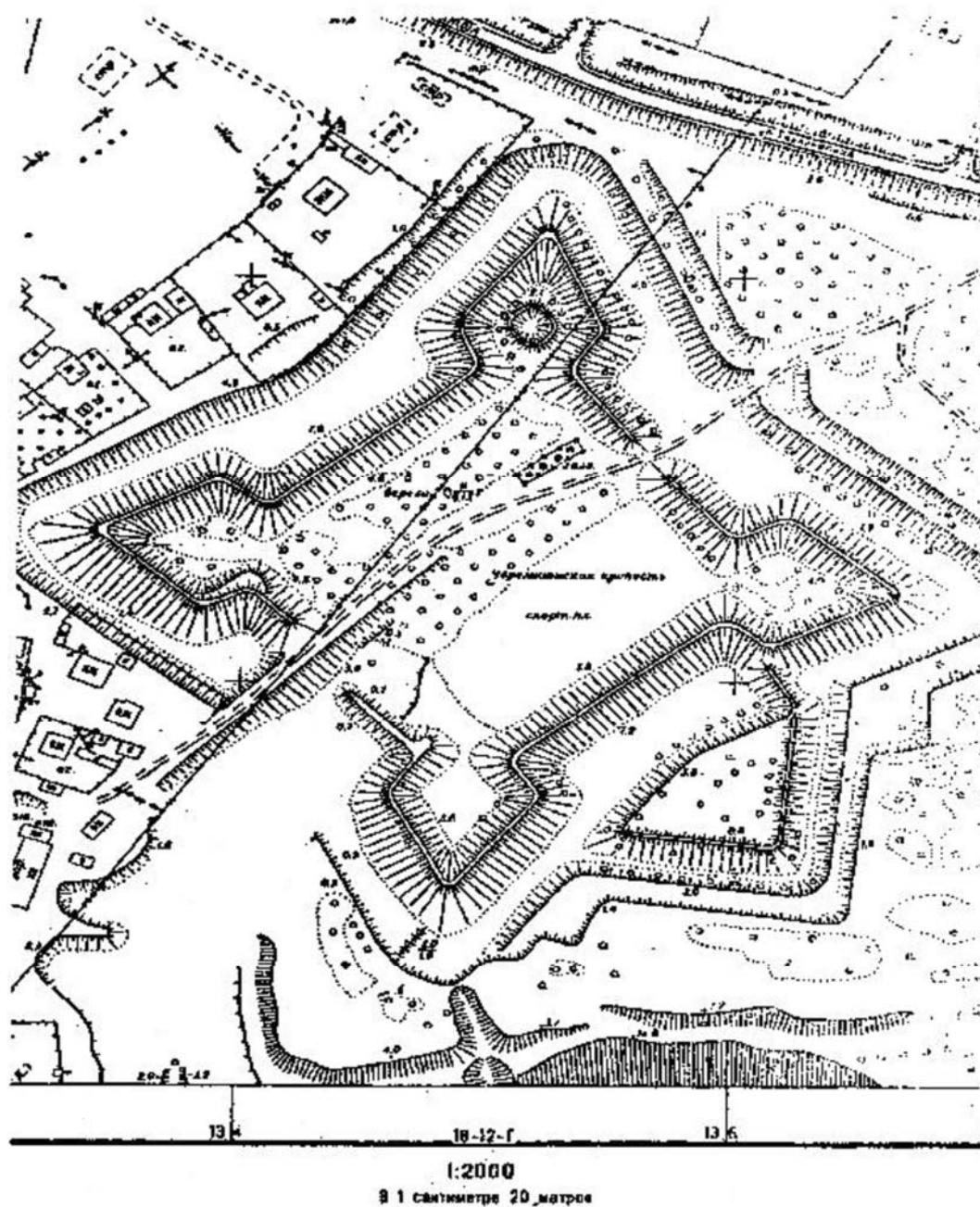

Рис. 9. Карта-схема Черемшанской крепости (съёмка местности 1996 г.) (по Н.С. Фролову).

В 1990 г. И.Л. Измайловым был раскопан Никольский вал в Спасском районе Республики Татарстан. Он состоял из двух валов и рва между ними (рис. 7). Высота насыпей составляла 1–1,5 м, ширина 6–10 м. Ширина рва – 1,5 м, глубина до 0,6 м. Судя по стратиграфии, по верху внутреннего вала был установлен частокол из бревен диаметром ок. 20 см. Время возведения этой линии укреплений позволили установить фрагменты русской глазурованной керамики, найденные в оборонительной насыпи (Измайлов, 1991а, С. 73; Измайлов, 1991б). Судя по всему, Никольский вал являлся частью системы прикрывавшей подходы к р. Кама, а также переправу через нее.

В 2004 г. А.М. Губайдуллиным был исследован Черемшанский вал, расположенный на территории Черемшанского района Республики Татарстан. Он представляет собой оборонительную линию, состоящую из вала и рва, которая с перерывами тянется с запада от р. Волги на восток-северо-восток до г. Мензелинска. Она возведена на высокой (20–25 м) коренной

террасе правого берега р. Бол. Черемшан в 1 км к северу от реки. Высота вала – до 1 м, ширина – ок. 8 м. Глубина рва – до 1,5 м, ширина – до 5 м (рис. 8). По верху оборонительной насыпи, вдоль ее внешней отлогости, были зафиксированы следы от частокола. Недалеко к юго-западу, в этой же линии, находится также треугольный выступ-редан⁵ для установки пищали или пушки. Время возникновения и применения данного полевого укрепления относится только к XVII–XVIII вв. Еще западнее до сих пор существуют и остатки Черемшанской крепости (Фролов, 2002, С. 45–47). Она имела четыре бастиона по углам и небольшой равелин⁶ с восточной стороны (рис. 9).

Кроме вышеприведенных «длинных валов» археологически обследовались также Кожаевский, Карамышский, Елховский и Новошешминский валы. Пока не исследованы – Верхнегальмурзинский, Деушевский, Арбузовский, Молостовский и Танкеевский валы.

Однако, имея те данные, которые мы привели, можно уже с уверенностью утверждать о позднем характере всех этих объектов фортификации. Время строительства большинства из них относится к XVII–XVIII вв., а самых ранних – ко второй пол. XVI в.

Косвенно об этом может говорить и их плохая сохранность, отмеченная еще Н.П. Рычковым: «Великое различие можно найти между валами, укреплявшими жилища древних народов, и между теми, которые составляют сию линию. Начало сих новых укреплений считают до сего времени не более сорока лет, но уже в некоторых местах едва можно распознать бывшие тут валы; напротив, древние до сего дня стоят в твердости непоколебимой» (Шпилевский, 1877, С. 368).

Литература

- Артемьев А. Древний Болгарский город Жукотин // ЖМВД, 1851. Ч. XXXIII. Кн. 1.
- Вячеслав Н. Заметки о городищах, курганах и других древних земляных насыпях в Казанской губернии. Казань, 1874.
- Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982.
- Знаменитые люди о Казани и Казанском крае. Казань: «Kazan-Казань», 1999.
- Иванин К. Описание Закамских линий, Генерального Штаба капитана Иванина // Вестник Императорского Русского географического общества за 1851. Часть I. Отдел VI. География историческая. СПб., 1851.
- Измайлов И.Л. История изучения военно-оборонительного дела волжских булгар // Военно-оборонительное дело домонгольской Булгарии. Казань, 1985.
- Измайлов И.Л. Отчет о полевых работах на Луковском городище (Зеленодольский район ТССР), Богдашкинском городище (Тетюшский район ТССР) и памятниках разрушающихся в Куйбышевском районе ТССР в зоне Куйбышевского водохранилища (Спасский комплекс памятников) в 1990 г. Казань, 1991.
- Измайлов И.Л. К вопросу об исторической интерпретации «длинных валов» в Закамье // В.О. Ключевский и современность. Пенза, 1991а.
- Измайлов И.Л. Отчет о полевых работах на Луковском городище (Зеленодольский район ТССР), Богдашкинском городище (Тетюшский район ТССР) и памятниках разрушающихся в Куйбышевском районе ТССР в зоне Куйбышевского водохранилища (Спасский комплекс памятников) в 1990 г. Казань, 1991б // Архив ИЯЛИ АНТ.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань, 1954.
- Карасев В. Материалы для археологической карты Казанской губернии (Отчет о поездке в Чистопольский уезд) // ИОАИЭ, 1911. Т. XXVII. Вып. 1.
- Лебедев В.И. Легенда или быль: По следам засечных сторожей. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1986.

⁵ Редан (франц. redan) – полевое укрепление, которое состояло из двух фасов, расположенных в виде исходящего угла.

⁶ Равелин (лат. revetere, франц. ravelin) – фортификационное сооружение треугольной формы, расположеннное перед крепостной стеной впереди рва, которое служило для поддержания огнем бастионов и прикрытия куртины. Применялся с XVI в.

- Перетяткович Г. Поволжье в XV–XVI веках (Очерк из истории края и его колонизации). М., 1877.
- Порфириев С.И. Древности казанского края в актах генерального межевания // ИОАИЭ, 1904. Т. XX. Вып. 1–3.
- Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб., 1770.
- Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Из истории населенных пунктов Буйинского района Республики Татарстан. Казань, 2002.
- Смирнов А.П. Волжские булгары // Тр. ГИМ, 1951. Вып. XIX.
- Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территории. Казань, 1975.
- Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984.
- Фролов Н.С. Село Черемшанская крепость (XVII–XIX век). Очерки истории. Казань: «Хэттер», 2002.
- Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань: Татарское кн. изд-во, 1978.
- Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань: Татарское кн. изд-во, 1989.
- Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая орда и Булгария. Казань: «Фэн», 1994.
- Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

СРУБНАЯ КЕРАМИКА С ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ В БАШКОРТОСТАНЕ

А.С. Губин

Институт истории им. Ш.Марджсани АН РТ, г. Казань

В полевой сезон 2003 года экспедицией ГУОН МК и НП РБ были проведены археологические разведки в Чекмагушевском районе РБ (Республика Башкортостан). Работы проводились под руководством башкирских археологов С.М. Тагирова, А.Ф. Яминова, Г.Н. Гарустовича. В ходе работ были исследованы Ахметовское II, IV; Чекмагуловское, Чекмагуловское II; Тайняшевское II, III; Сарышское I; Ст. Армалыкское I; Каранское I поселения. Материал, полученный в результате разведок на вышеозначенных памятниках, относится к срубной культуре, за исключением керамики полученной из шурфа №2, штык 2, со II Тайняшевского поселения, относимой к эпохе энеолита.

Целью данной работы является проведение сравнительного анализа керамики срубной культуры, с данных поселений, со срубной керамикой, происходящей с поселенческих памятников на территории Татарстана.

Керамика реконструируется как, остатки сосудов горшечной и баночной форм.

Посуда горшечного типа средних размеров, примерная высота колеблется от 9 до 14 см, диаметр тулова от 13 до 16 см. По ходу формирования горловины ребро сосудов в основном заглаживалось, приобретая плавную форму. Лощение происходило вручную при формовке сосуда, либо стенки выравнивались пучком травы, изредка щепой, отсекая излишки теста. Основная масса орнаментированной керамики происходит с IV Ахметовского поселения. Орнамент наносился крупным гребенчатым штампом, причем использовались все части инструмента – зубцы, ребро, спинка. Иногда применялось до трех инструментов при составлении композиции (прослеживаются четкие отпечатки зубцов разного размера). Орнаментальные композиции покрывают верхнюю часть сосудов, иногда доходя до придонной части. Наиболее часто распространенные мотивы – пояски ямочных вдавлений (выполнено уголком гребенки), ряды заштрихованных треугольников (выполнено зубцами гребенки), параллельные ряды наискосок поставленных отпечатков штампа, «елочка», и тд. Обратная сторона сосудов заглажена, для отсекания лишней глины использовался гребенчатый штамп (нередко тот же, что и для нанесения орнамента), либо щепа и пучки травы. В другом случае выравнивание стенок могло происходить при их формировании, от днища к горловине. В хорошо промешанное тесто добавлялся шамот, другие компоненты редки, но все же присутствуют – дресва, ракушка, песок и тальк.

Посуда баночного облика, по сохранившимся фрагментам можно сказать, что высота составляла от 9,5 до 14 см, диаметр горла от 8,5 до 15,5 см. Основная масса фрагментов без орнамента. Внешняя сторона неорнаментированной керамики тщательно заглажена, иногда пучком травы или щепой, либо покрыта расчесами гребенки. На орнаментированных фрагментах рисунок нанесен гребенчатым штампом, при этом, как и на сосудах горшечного типа, использовались все стороны инструмента – зубцы, ребро, спинка. В большинстве случаев перед нанесением орнамента поверхность сосуда заглаживалась, что даёт четкий отпечаток, в свою очередь влияющий на читаемость орнамента. Рисунок покрывал верхнюю часть сосуда, композиция не отличается сложностью. Основной мотив, это пояски вдавлений уголком гребенки (часто в две параллельные линии), не заштрихованные зигзагообразные линии, прочерченные спинкой или выполненные зубцами штампа (соприкасающиеся треугольники), крестообразные линии (пересекающиеся треугольники), в том же исполнении: асимметрично нанесенные линии зубцами гребенки. Не редко, помимо орнамента, видны слабо читаемые расчесы того же штампа, поверх которого наносилась композиция на (сосудах горшечного типа они крайне редки).

Срубная керамика, полученная в результате археологических разведок, имеет аналогии с другими материалами, полученных с других памятников Башкирии.

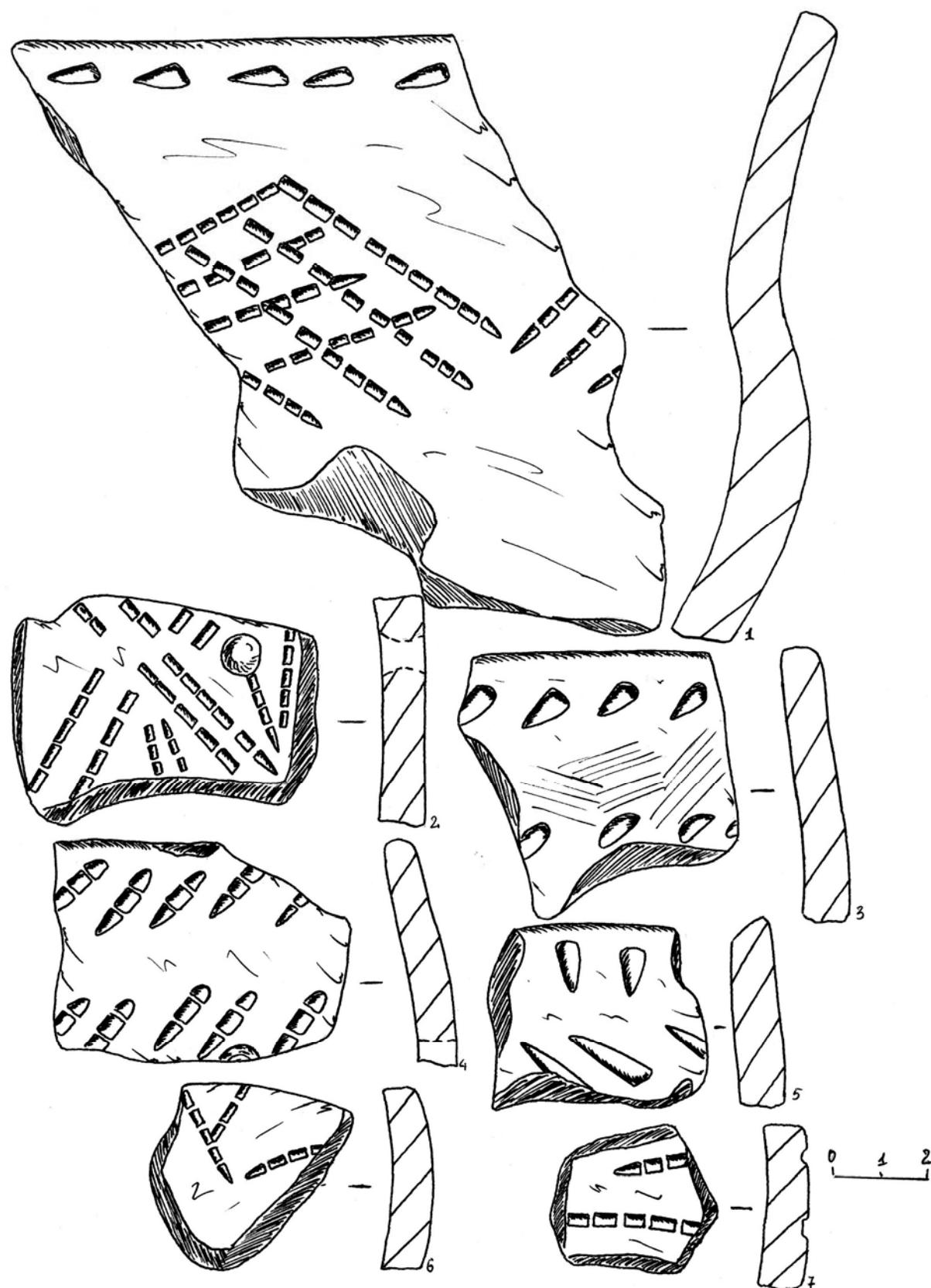

Рис. 1. Керамика IV Ахметовского селища.

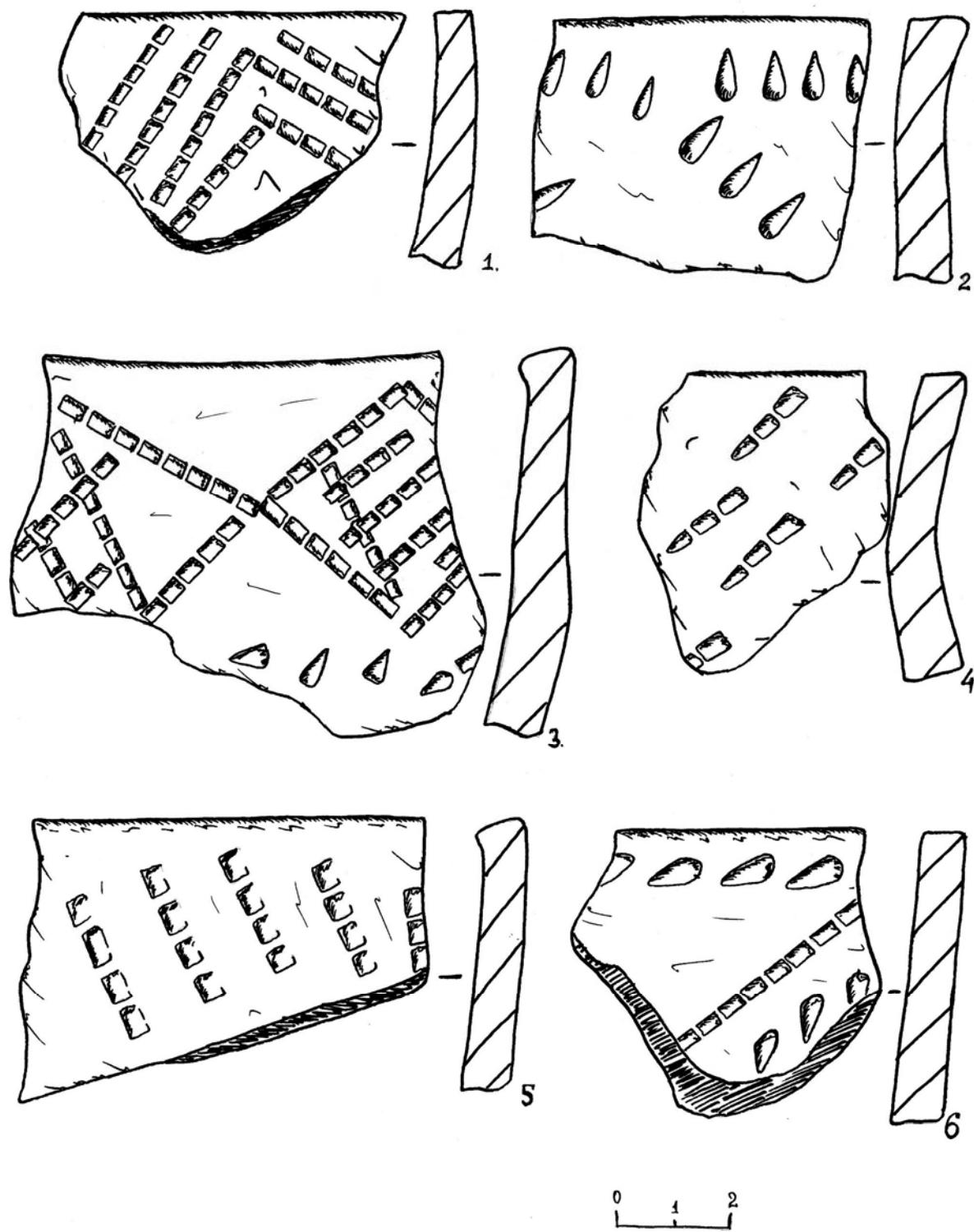

Рис. 2. 1–4 Куштияровское селище; 5–6 Нижне-Хозятовское селище.

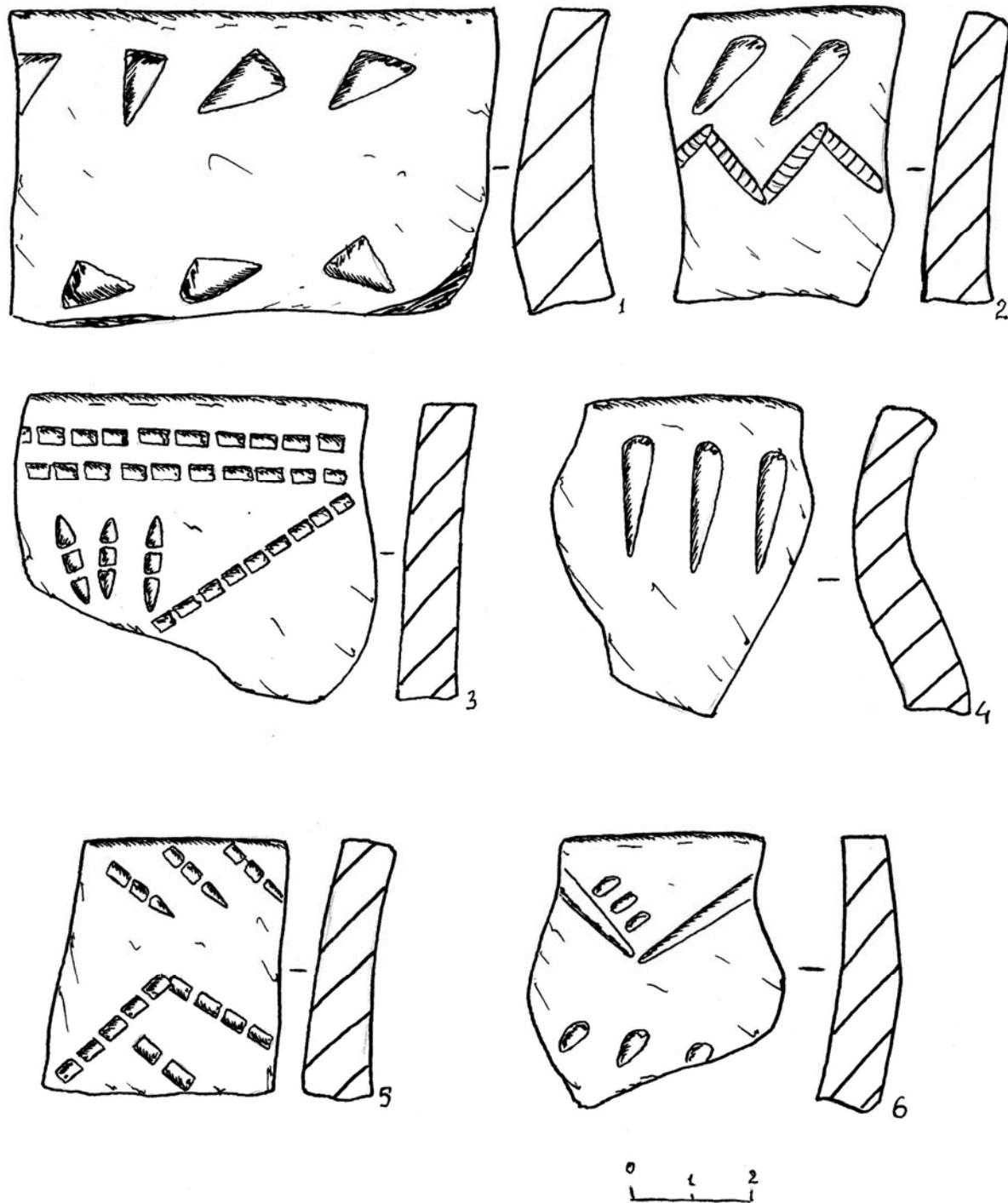

Рис. 3. Керамика с Чишминского поселения.

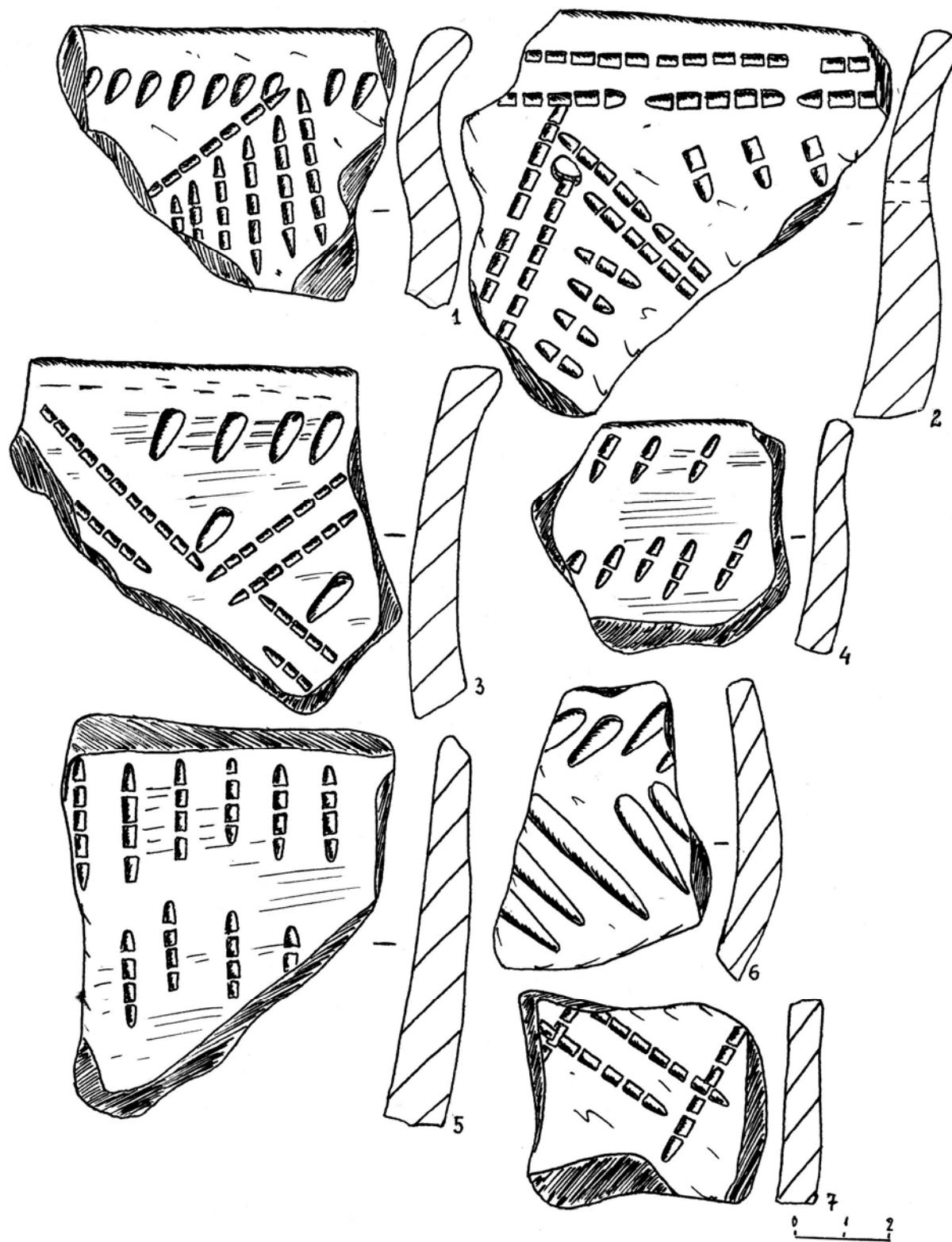

Рис. 4. 1–2 I Семеновское селище; 3–4 Алексеевское срубное селище;
5–7 Именьевское бронзовое селище.

В 1962–1970 гг. экспедицией Башкирского университета (Матвеева, Васильев, 1972), были проведены крупные раскопки на Куштияровском селище (расположено на р. Ик в Бакалинском районе РБ), где было исследовано крупное жилище. Собранные на поселении фрагменты керамики (рис. 2, 1–4), принадлежавшие сосудам горшечной и баночной форм, по тех-

нике исполнения схожи с керамикой IV Ахметовского, Чекмагуловского, II Тайняшевского поселений. Керамика толстостенная, с примесью шамота. Внешняя и обратная сторона обработана штампом. Орнамент наносился гребенчатым штампом – зубцами, уголком. Композиция не отличается от общепринятых норм: косые линии, выполненные отдельными оттисками штампа, заштрихованные треугольники, так же выполненные штампом, отдельные линии по венчику, выполненные уголком гребенки. Керамика Нижне-Хозятовского селища (рис. 2, 5–6), (Чишминский район РБ) (Матвеева, Васильев, 1972), схожа с материалом IV Ахметовского поселения. Основные приемы исполнения орнамента – зубцы, уголок гребенки, повторяются композиции.

Традиция изготовления посуды у срубного населения имела общие черты, что подтверждается не только на материалах с памятников Башкортостана, но и материалами с районов Закамья (Татарстан). Раскопки и разведки на таких поселениях как: I Салдакаевское поселение (Нурлатский район РТ), I Семеновское селище (Спасский район РТ), Именьковское бронзовое селище (Лайшевский район РТ), Алексеевское срубное селище, Горкинское, Торецкое селища (Алексеевский район РТ) (Губин, 2003) (рис. 4), дают материал аналогичный IV Ахметовскому, II Чекмагуловскому, I Сарышскому, Куштияровскому поселениям. Сосуды изготавливались из тщательно промешенного теста, с добавлением шамота, реже дресвы или других отощителей. Для отсекания лишней глины использовался гребенчатый штамп в меньшей мере щепка или пучки травы. Перед нанесением орнамента внешняя часть сосуда тщательно обрабатывалась, что давало четкий отпечаток инструмента. Орнаментальные приемы – пояски отдельных вдавлений уголком штампа по венчику, заштрихованные треугольники, ряды отдельных отпечатков зубцами штампа по тулowiу сосуда, оттиски спинки штампа «елочкой» и т.д. При составлении композиции могло использоваться несколько инструментов (на керамике четко прослеживаются «разнокалиберные» отпечатки штампа). Параметры крупнозубчатого штампа следующие: длина от 1 до 4,5 см, ширина от 0,1 до 0,5 см, расстояние между зубцами от 0,1 до 0,4 см. Неорнаментированная керамика (в основном баночного и баночно-горшечного типов) также обработана штампом или крупной щепкой, часто встречается «технический декор», росчерки гребенки на внешней стенке сосуда.

Говоря о технологии изготовления посуды необходимо обратить внимание на использование гребенчатого штампа, который являлся универсальным орудием для обработки сосуда. Во-первых, при формовке стенок он использовался для удаления лишней глины (неорнаментированные сосуды часто покрыты расчесами гребенки – техническим декором). Во-вторых, нельзя не заметить, что орнамент выполнен гребенчатым штампом, а не другими инструментами, которые могла заменить гребенка – заостренная кость, палочка и т.д.

Подводя итоги анализа керамики срубной культуры, полученной в ходе разведок на Ахметовском, Чекмагуловском, Тайняшевском, Сарышском, Таллыкском, Старо-Армалыкском, Каранском поселениях, можно утверждать, что посуда в технике изготовления и орнаментации находит аналогии с сосудами с других памятников срубной культуры на территории Башкортостана (Нижне-Хозятовское, Чишминское и тд.), а так же в районах Закамья (Алексеевское, I Салдакаевское и т.д.). Иными словами, изготовление посуды у срубников, имело сформированные традиции, которые сложились в эпоху ранней бронзы.

Литература

- Матвеева Г.И., Васильев И.Б. Новые памятники срубной культуры в Башкирии // СА. 1972. № 3. С. 244–257.
- Губин А.С. Керамический комплекс XIII Алексеевского селища. Типологический анализ // Международное (XVI Уральское) Археологическое совещание. Материалы международной научной конференции. Пермь, 2003.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОБРАБОТКИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ ЛИЧНОГО ФОНДА Е.А.ХАЛИКОВОЙ

Г.И. Дроздова

Институт истории им. Ш.Марджаны АН РТ, г. Казань

В 2010 году исполняется 80 лет со дня рождения Е.А. Халиковой, жены, друга и коллеги известного ученого- археолога, д.и.н. А.Х. Халикова. Ее жизнь была очень коротка (47 лет), но, несмотря на это, сделано очень много, о чем свидетельствуют рукописные материалы, отложившиеся в фонде А.Х. Халикова. Основной рукописный фонд Е.А. Халиковой находится в архиве Казанского университета. Нами была проведена предварительная научно-техническая обработка личного фонда. Он состоит из 5 описей:

1. Научно-исследовательские работы (творческие работы);
2. Научно-организаторская, педагогическая деятельность;
3. Биографические документы;
4. Переписка;
5. Материалы других лиц, отложившиеся в фонде.

Цель данной статьи – ознакомить исследователей с материалами фонда Е.А. Халиковой.

Обратимся к творческим или научно-исследовательским материалам, которые составляют основную группу материалов. Сюда входят: материалы к диссертации, собранные ученым в течение всей жизни, автореферат диссертации, сама диссертация или монография, по которой защищалась Е.А. Халикова, научные статьи и монографии, и материалы к ним, отчеты по результатам археологических экспедиций 1960–70 гг. и материалы к ним.

Опись 1. Научно-исследовательские материалы

Одним из основных направлений исследовательской деятельности Е.А. Халиковой было изучение могильников и погребального обряда населения Волжской Булгарии. Ею были исследованы следующие памятники: Танкеевский, Тетюшский, Билярские могильники и многие другие, как домонгольского, так и золотоордынского периодов. Все эти материалы были обобщены в монографии-диссертации Е.А. Халиковой «Мусульманские могильники Волжской Булгарии X – начала XIII вв. как исторический источник». Она была защищена в 1976 г. в качестве кандидатской диссертации. В данной работе Е.А. Халикова подходит к решению двух проблем – изучает время проникновение ислама на территорию Волжской Булгарии и степень распространения этой религии.

Материалы к диссертации:

Выписка из протокола № 10 заседания кафедры истории СССР КГУ от 20.01.1976 (3 л.) машинопись (рекомендация к защите).

Выписка из протокола № 6 заседания сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР от 19.02.1975 (об утверждении к защите диссертации Е.А. Халиковой) 2 л. машинопись.

Требования ВАК от 21.01.1976 (3 л.) рукопись.

«Мусульманские могильники Волжской Булгарии X – начала XIII вв. как исторический источник». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (21 л.) машинопись. 2-й экз. – (23 л.) машинопись.

Вступительное слово Е.А. Халиковой на защите (8 л.) машинопись, (3 л.) рукопись.

Диссертация на соискание ученой степени к.и.н.

Введение (27 л.) машинопись.

Список отчетов на карточках (15 л.).

Выписки из литературы к главе «История изучения...» (Высоцкий Н. Ф. Очерки антрополого-этногенетических исследований, произведенных в течение лета 1880) (4 л.) рукопись. Чугунов С.М. Мусульманский могильник в Архангельском (Самарская губерния) 1879 (4 л.) рукопись. История исследований в Советский период (5 л.) рукопись.

Дореволюционные исследования 70–90 гг. (10 л.) рукопись.

Катанов К.Ф. О погребальном обряде у тюркских племен центральной и восточной Азии. Казань. 1894 (2 л.) рукопись.

Стоянов А.Н. Отчет о раскопках древних могил в Лайшевском и Спасском уездах Казанской губернии (5 л.) рукопись.

Материалы к 3-й главе. Булгарские некрополи XII – начала XIII вв. (43 л.) машинопись, (9 л.) рукопись.

Рукопись главы «Сельские некрополи» (63 л.). В § 2 отсутствует начало. Иллюстрации: карты – 3, карты по могильникам – 4, записи – (15 л.), материалы с аналогиями – (2 л.) рукопись.

Выписки из Димитрова Д.И. «Погребальный обряд в раннеболгарских могильниках Варнинского района Болгарии» (4 л.) рукопись.

Выписки по Б. Тарханскому, Танкеевскому могильникам (2 л.) рукопись.

Таблицы с характеристикой признаков по Билярскому I могильнику (15).

Материалы по булгарским могильникам и кладбищам: фото (5), чертежи (7). Список рисунков и чертежей (7).

Выписки из отчета Калинина Н.Ф. «Отчет об археологических разведках КФАН СССР по западным районам Татарской республики в 1949 г. (Янтиковский могильник)» (1 л.).

Могильник на месте Черной палаты (1966–1967 гг.) (4 л.) рукопись.

Аксенова Н.Д., Смирнов А.П., Хлебникова Т.А. Отчет Болгарского отряда Поволжской экспедиции за 1970 г. (3 л.) рукопись.

Аксенова Н.Д., Хлебникова Т.А.. Отчет об археологических работах на Болгарском городище в 1971 г. (6 л.) рукопись (ИА).

Биляр. 1969. Фото погребений – (7).

Болгары. 1970 – записи-черновики (1 л.), 1971 (2 л.) рукописи.

Выписки из отчета Краснова Ю.А. Отчет Болгарского отряда ПАЭ – 1968 (могильник у Ханской усыпальницы) (5 л.) рукопись. АИА.

Выписки из архива: Рунгинский, Таковаровский II могильники. Отчет о полевых работах археологической экспедиции КФАН СССР в 1957 г. в юго-западных районах Татарской АССР.

Выписки из архива ЛОИА: описание (2 л.), иллюстрации: рисунки (6). Чувашские кладбища – выписки (9 л.) рукопись.

Материалы по Тетюшскому могильнику 1969–1970 гг.: таблицы (2), текст рукописи (10 л.), записи-черновики (4 л.), описания по серыгам и керамике (6 л.) рукопись. Фото погребений (3), фото находок (3), рисунки (3), записи-черновики (3).

Мажитов Н.А. Выписки из отчетов археологических разведок в Башкирии (20 л.), записи-черновики (8 л.), фото (7), таблицы (4).

О могильниках у Ханской усыпальницы – (1 л.) рукопись.

Смирнов А.П. Отчет Болгарского отряда ПАЭ 1965 г. ИА (6 л.) рукопись.

Смирнов А.П. Отчет Болгарского отряда ПАЭ 1966 г. ИА. (1 л.) рукопись.

Схема по могильникам (1).

Из отчета Трубниковой Н.В. «Малый Минарет» (8 л.) рукопись.

Фахрутдинов Р.Г. Археологическая карта Волжско-Камской Булгарии (4 л.).

Хлебникова Т.А. Отчет 2-го отряда археологической экспедиции КФАН СССР в 1960 г. (1 л.).

Записи по Агрызскому району РТ (по могильникам и городищам) (1 л.) рукопись.

Ледырский могильник (д. Мареська) описание (1 л.) рукопись.

Материалы к IV главе. О времени проникновения и степени распространения ислама в Волжской Булгарии в домонгольский период (31 л.) машинопись с правкой.

Мерперт Н.Я. Отчет о раскопках в Кайбалах в 1953 г. (7 л.) рукопись, таблица (1).

Материалы, собранные для диссертации в Средней Азии в 1970 г.

Выписки по Узбекистану – (7 л.).

Материалы по мусульманским могильникам на Афрасиабе (2 л.), (13 л.) записи-черновики.

Описания тюркских погребений VII в. (музей истории Узбекистана) (2 л.) рукопись, рисунки находок (3) (Ташкентская область), фото находок (7).

Рисунки наконечников стрел и стремян из музея г. Ташкент (2).

Рисунки каменного гроба (2), записи-черновики (6 л.) рукопись.

Выписки из раскопок Абитеткова (?) 1968. Джалтак-Тюбе III–IV вв. н.э. (2 л.), (1) рисунок.

Музей Фрунзе. Маски киргизов (находки в таблицах) (5 л.).

Бердиев К. (книга о древностях Киргизии) (1 л.) рукопись, (1) таблица-фото.

Казахстан. Перечень работ (по кочевникам) (7 л.) рукопись, записи-черновики (3 л.).

Восточные районы Сары-Арка (под руководством Кадырбаева М.К.). III в. до н.э. – золотоордынское время в Центральном Казахстане (записи-черновики (12 л.), (1) рисунок. Алма-Ата.

Алма-Ата. Нурманбет VIII–IX вв., XIII–XIV вв. (4 л.) описания.

Катаомбные могильники долины Кетмень-Тюбе (6 л.) рукопись, фото (5).

Исторический музей Киргизии. Конструкция гроба (1). Фрунзе.

Выписки из литературы (5 л.).

Узгенские мавзолеи XI–XII вв. (4 л.), рисунок (1) (раскопки 1962–63 гг.).

Научные статьи, монографии и материалы к ним

В 1950–60 гг. Е.А. Халикова работала в Марийской археологической экспедиции, исследовала памятники различных эпох. В 1960 г. в соавторстве с А.Х. Халиковым вышла монография «Материалы к древней истории Поволжья», изданная в Горьком (Нижнем Новгороде). В ней были опубликованы материалы Веселовского могильника, ставшего одним из основных памятников для изучения этноса и культуры населения Марийского Поволжья X–XI вв. В архиве сохранилась корректура этой работы.

Васильсурское поселение эпохи бронзы // МИА №110. 1963 (совм. с А.Х. Халиковым). К вопросу о взаимоотношении племен эпохи бронзы в Среднем Поволжье (56 л.) машинописная статья с правками. Иллюстрации: рисунки сосудов (7), фото сосудов (1).

Материалы к работе по II Васильсурскому городищу. Иллюстрации: рисунки керамики по слоям (58).

В дискуссионных вопросах о хронологических границах маклашеевского этапа приказанской культуры приняла непосредственное участие и Е.А. Халикова. В своей статье, посвященной публикации материала II Полянского могильника, она соотнесла вещевой комплекс этого могильника с материалами позднесрубной и белогрудовской культур XI–IX вв. до н.э., но по характеру инвентаря остановилась на дате IX – первая половина VIII вв. до н.э. для этих погребений как переходных к собственно ананьинской культуре. Точка зрения А.Х. Халикова была несколько иной, на основании ряда аналогий с северокавказскими и приднепровскими памятниками, он считал возможность датировать маклашеевский этап X–IX вв. до н.э. В последующие годы время существования маклашеевского этапа можно ограничивать рамками XI – 1-й половиной IX вв. до н.э.

«Чирково-сейминская культура» статья. Записи.

Второй Полянский могильник // УЗ гос. университета № 148. Пермь. 1967.

Материалы к статье по погребальному обряду Полянского могильника: таблицы (2), описание (23 л.) рукопись. Список иллюстраций к статье (2 л.). Иллюстрации к статье: фото-план погребений (1), планы погребений (4), фото находок (10), фото погребений (15), карта (1), фото местности (2), чертежи планов погребений (4), таблицы с рисунками вещей (6). Записи по могильнику (5 л.), карточки с описаниями (5). Записи в тетради по II Полянскому могильнику приказанского типа (3 л.) рукопись. Аналогии (14 л.) рукопись. Таблицы (4) (по приказанским могильникам), таблица по V Ново-Мордовскому могильнику (1). Карточки с описаниями (3) – Маклашеевка II, таблица по признакам (1) – II Полянский могильник.

С 1963 г. Е.А. Халикова начинает заниматься историей ранней Волжской Булгарией. В течение ряда лет она исследовала Танкеевский могильник. В дискуссии об этнокультурной

интерпретации его материалов она поддерживала тезис о наличии угорского компонента, о чем свидетельствуют ее статьи, опубликованные в 1970 и 1972 гг.

Погребальный обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань. 1971.

Текст рукописи (31 л.) машинопись, (18 л.) рукопись, (48 л.) машинопись, иллюстрации: таблица (1), фото вещей из Балымерского городища (1).

Статистические данные по Танкеевскому могильнику.

Танкеевский могильник. Материалы к статье (история исследования и погребальный обряд) рукопись и машинописный вариант. Иллюстрации: общий план (1), фото находок (1). Монеты и брактеаты Танкеевского могильника (определение Янина В.Л.) (4 л.), рисунки (5).

Статистические таблицы по признакам (121), диаграммы (4).

Аналогии ближние (1 л.) рукопись.

Караван-сарай раннего Биляра // (совместно с Халиковым А.Х.) (3 л.) машинопись. 17.09.1970.

Билярские некрополи // Материалы к статье: текст (48 л.) машинопись, иллюстрации: фото-карта (1), фото погребений (34). Чертежи по Билярскому могильнику (17).

Билярский могильник – фото профилей (6), аэрофотосъемка (2) фото.

II Билярский могильник: фото (2), чертежи (4).

III Билярский могильник: фото погребений (13), фото-таблицы находок (1), чертеж (1).

«Сельские некрополи Волжской Булгарии XII – начала XIII вв.» Текст рукописи (16 л.).

«К вопросу о распространении ислама в Волжской Булгарии в X – начале XIII» (по материалам могильников)». 15.10.1972 (2 л.) рукопись.

Монография «Мусульманские могильники X – начала XIII вв. как исторический источник» (202 л.) машинопись.

Второе направление исследовательских интересов Е.А. Халиковой – проблема поиска легендарной «*Magna Hungaria*» – прародины венгров на востоке. В Танкеевском и Больше-Тиганском могильниках исследователь обнаружила ряд особенностей, перекликающихся с характерными чертами материальной и духовной культуры древних венгров. В ряде статей, опубликованных в России и Венгрии, Елена Александровна выступила с интересной гипотезой о локализации «*Magna Hungaria*» в VII–X вв. в районах между Волгой и Уралом, южнее Камы, основанной на оригинальной интерпретации весьма значительного фактического материала. Данная точка зрения по этому вопросу привлекла внимание большого числа отечественных и зарубежных специалистов:

«Важное археологическое открытие» (о Тиганах) (9 л.) машинопись, план-чертеж (1).

«Больше-Тиганский могильник» // АО – 74 (3 л.) рукопись.

«*Magna Hungaria*» // ВИ (13 л.) машинопись.

«Находки археологов» (о Больше-Тиганском могильнике). Советская Татария. № 229. 1974.

Ösmagyár temető a Káma Mentén, *Magna Hungaria* kérdéséhez. Budapest. 1976. С. 53–78. Оттиск.

«Открытие у с. Большие Тиганы.» (3 л.) машинопись.

«Ранние венгры на востоке Европы» (60 л.) машинопись.

Выписки к работе.

Итогом работы на Больше-Тиганском могильнике стала публикация в 1977 г. в Венгрии на французском языке монографии «*Le cimetière de Tankeevka*» (Танкеевский могильник). Экземпляр этой книги находится у нас в архиве.

Иллюстрации к работе: фотографии погребений (25), таблица (1974), фото-таблица по Танкеевке (10 л.), фотографии (1), фотонегативы (3).

Материалы к статье «К вопросу о булгарской теории происхождения чуваш (новые данные)» (4 л.) рукопись, (1) фото, (4) чертежа.

Мусульманские некрополи волжских булгар X–XIII вв. Казань. 1986.

Отчеты по итогам экспедиций и материалы к ним

Отчет по Танкеевскому могильнику и материалы к нему. 1961. 2 экз. рукописный текст – 3-й экз.

Отчет по Танкеевскому могильнику 1964 г. рукопись. 1965, 1966 гг. (совместно с Е.П. Казаковым).

Отчет о раскопках Танкеевского могильника в 1966 г. Казань. 1967 (рукопись, машинопись).

Отчет о работах на Билярском 1 могильнике в 1969 г. Казань. 1970.

Материалы к отчету по раскопкам Биляра – 1969 г. (чертежи).

Отчет по Танкеевскому могильнику (153 л.) машинопись (текст отчета неполный), рукопись (37 л.); 2-ой вариант (153 л.) машинопись.

Предварительный отчет о работах археологической экспедиции истфака КГУ в 1970 г. (1 л.) машинопись.

Отчет о работах археологической экспедиции истфака КГУ в 1970 г. (Тетюшский могильник, работы в Алексеевском районе ТАССР).

Материалы к отчету: чертежи (161), фото (12).

ТАЭ – 1970 (разные памятники с водохранилища).

Опись 2. Научно-организаторская, педагогическая деятельность Е.А. Халиковой

С 1957–1959 гг. Е.А. Халикова организовала и возглавляла работающую и поныне археологическую экспедицию Горьковского краеведческого музея.

С 1960–1968 гг. она работала научным сотрудником гос. музея Татарской АССР, где вела большую научную работу, создала новую экспозицию по археологии и ранней истории Татарии, получившую высокую оценку ученых и музейных работников.

С 1968–1977 гг. Е.А. Халикова преподавала в Казанском гос. университете, где наряду с преподавательской работой заведовала археологическим кабинетом. В 1968–1976 гг. она совмещала работу в университете с чтением лекций и проведением практических занятий на историческом факультете казанского педагогического института.

О педагогической деятельности Е.А. Халиковой свидетельствуют записи курсовых и дипломных работ. Она занималась со студентами, передавая им свой опыт и знания, учила строгому научному подходу для обоснования своих точек зрения и подготовила немало учеников. Среди них такие известные исследователи, как заведующая музеем средневековой истории и археологии Казанского университета к.и.н. С.И. Валиулина, научный сотрудник Самарского краеведческого музея А.Ф. Кочкина и др.

Е.А. Халикова принимала активное участие во многих археологических конференциях, симпозиумах, совещаниях, что нашло отражение в докладах, тезисах докладов, записях, черновиках, выступлениях.

Материалы по конференции в Шумене.

Материалы IV археологического совещания. Ноябрь. 1964. Пермь. Записи по докладам (32 л.) рукопись. Выступления: Бадера О.Н., Оборина В.А., Денисова В.П., Генинга В.Ф. Об итогах Уральской экспедиции и др. доклады.

Записи Сессии Отделения истории – (7 л.) рукопись.

Кишинев. 1967. Записи по докладам Рыбакова Б.А. «50 лет советской археологии», Бромлея Ю.В., Токарева С.А., Захарука Ю.Н., Плетневой С.А. и др.

1969 г. Сессия в Ленинграде.

Записи докладов: Рыбакова Б.А., Бромлея Ю.В., Массона М.Е., Борисковского П.И., Грязнова М.П., Смирнова А.П. и др. исследователей.

Сессия по этногенезу башкир. Доклад «Общий компонент в составе населения Башкирского Приуралья и Волжской Болгарии в VIII–X вв. (по материалам погребального обряда) (10 л.) машинопись, (17 л.) рукопись, (3 л.) тезисы.

1969 г. Уфа. Записи доклада Генинга В.Ф.

Уфа. 1971. О турбаслинской культуре. (10 рисунков с описаниями).

ТД «Раннеболгарский могильник у г. Тетюши на Волге» (3 л.) рукопись, (2 л.) машинопись.

Ответ на отзыв на доклад Е.А. Халиковой, И. Фодора «Еще раз к вопросу об этнической интерпретации Больше-Тиганского могильника» (10 л.) машинопись.

Доклад на симпозиуме в Сегеде «О частичном захоронении коня» (2 л.) машинопись, (8 л.) записи докладов.

ТД «К вопросу об истоках одной специфической детали в погребальном обряде венгров и волжских булгар» (3 л.) рукопись.

Доклад «Возникновение обряда частичного захоронения у населения Среднего Поволжья» (2 л.) машинопись.

Материалы к докладу: записи о могильниках с конем в Румынии (13 л.) рукопись.

Записи о шкуре коня у алтайских тюрок по этнографическим данным (3 л.) рукопись.

Записи из Иосафата Барбаро. Частичный конь у мордвы (3 л.) рукопись.

Записи о тюркских погребениях с конем (Савинов Д.Г.) (3 л.) рукопись.

Записи и выписки из литературы об обрядах с конем – (45 л.) рукопись.

Опись 3. Биографические документы

Копия свидетельства о браке (1 л.) машинописная копия.

Анкета для поездки в Венгрию (1 л.) рукопись.

Некролог. Архипов Г.А., Казаков Е.П., Кузеев Р.Г., Старостин П.Н., Халиков А.Х. (3 л.) рукопись, (3 л.) машинопись.

Отзывы о работах Е.А. Халиковой

Отзыв Ионенко И.М. на статью Халиковой Е.А. о Больше-Тиганском могильнике, отправленную в БСЭ.

Отзыв Казакова Е.П. на работу «Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII вв.» (1 л.) рукопись.

Отзыв Мухамадиева А.Г. на статью «К вопросу о контактах ранних венгров с булгаро-турецкими племенами в Восточной Европе».

Отзыв Старостина П.Н. на статью-доклад «К вопросу о контактах ранних венгров с булгаро-турецкими племенами в Восточной Европе», 1976.

Отзыв Фодора И. на доклад Халиковой Е.А. «К вопросу об этнической интерпретации Больше-Тиганского могильника» (6 л.) машинопись.

Отзыв Хлебниковой Т.А. на статью «Погребальный обряд Танкеевского могильника», 20.03.1968.

Отзывы о Е.А. Халиковой

Поиски и открытия Е.А. Халиковой // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань. 2002. С. 3–5.

Чижевский А.А. Е.А. Халикова и проблема хронологии маклашевского этапа приказанской культуры // Там же. С. 30–36.

Голдина Р.Д. Вклад Е.А. Халиковой в изучение этнической принадлежности средневековых памятников Южной Удмуртии // Там же. С. 105–112.

Опись 4. Переписка

Письмо Е.А. Халиковой от Янина В.Л. (определения монет с Танкеевского могильника). 18.12.1970 (2 л.) рукопись.

Письмо Е.А. Халиковой от Аксеновой Н.Д. (о противоречивых выводах по культуре и типу населения (по Танкеевскому могильнику), о венгерских и тюркских черепах, просьба сообщить информацию по Билярскому могильнику) 1971.

Письмо Е.А. Халиковой от «К» (о результатах поездки к южным удмуртам и их погребальном обряде.) 16.09.1972.

Письмо Е.А. Халиковой от «К» (о поездке в удмуртскую экспедицию и о поминальном обряде «свадьба наоборот», об обряде с головой и ногами лошади) 26.08.1972 (1 л.) машинопись, (1 л.) рукопись.

Письмо Е.А. Халиковой от Голубевой Л.А. (о поездке в Горький и в Болгарию, о могильнике Кюлевча) 1972 (2 л.) рукопись.

Письмо Е.А. Халиковой от Ефимовой С. (о работе в антропологии, определение возраста черепов по Биляру) 17.05.1975. (2 л.) рукопись.

Письмо Е.А. Халиковой от Федорова Р. (отдел науки). Редакция газеты «Правда» (о невозможности опубликовать статью).

Письмо Е.А. Халиковой из редакции ж. «Вопросы истории» (о работе, переданной Рыбаковым Б.А. «Magna Hungaria» с просьбой ответить на ряд вопросов и вернуть работу для печати), 24.03.1975.

Ответ Е.А. Халиковой. 31.03.1975.

Письмо Е.А. Халиковой от Пшеничнюк А. (благодарность за высланные сведения о кушнаренковском могильнике) 30.11.1976 (1 л.) рукопись.

Письмо Е.А. Халиковой от Лицхялсцури (о жертвоприношениях коня в Грузии) (2 л.) рукопись.

Опись 5. Материалы других лиц, отложившиеся в фонде

Агзамходжаев Т. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. «Погребальные сооружения Чирчик-Ангренской долины I–VIII вв. н.э.». Ташкент, 1966.

Акимова М.С. «Антропологический материал из Танкеевского могильника» (13 л.) машинопись.

Акимова М.С. Выписки из отчета о раскопках в Чувашской АССР в 1949–50 гг.

Арсланова Ф.Х. Раскопки Бобровского могильника 2. 1961. Павлодарская область. Казахстан. (10) рисунков с описаниями, (1 л.) описание (музей Алма-Ата).

Архипов Г.А. Руткинский могильник. 1969. Материалы конференции. 1970. Тбилиси. Выписки.

Бромлей Ю.В. Этнос и этносоциальный организм. ТД. (1 л.).

Гадзяцкая О.С. О результатах работ Верхневолжской экспедиции в 1963 г. (1 л.) машинопись (без конца).

Гадзяцкая О.С. 1963. О могильниках: Сактыш 1, стоянки 2. (1 л.) рукопись.

Гохман И.Н. Расогенез. Записи его доклада (2 л.).

Калинин Н.Ф. Выписки из отчета об археологических разведках КФАН СССР по западным районам Татарской республики в 1949 г. Р–1. № 312.

Кирьянов И.О. Зарисовки и описания из раскопок. 1954. на ул. Невского и в Городце (8 л.) рукопись.

Описание памятников и находок в Нижегородской области (77 л.) машинопись.

Матвеева Г.И. Выписки из отчета о раскопках в Волжском и Ставропольском районах (1 л.) рукопись.

Донауровский могильник. 1970. план погребения (1).

Мажитов Н. Отчет археологических разведок в Башкирии (8 л.) записи, фото (7), таблицы (4).

Немцов Н.Б. Малоизученный мавзолей из ансамбля Шахи-Зинда // Общественные науки в Узбекистане. 1969 № 8–9. оттиск.

Постникова Н.М. «К вопросу об антропологическом составе средневекового населения Волжской Болгарии» (3 л.) машинопись.

Савельева Э.С. Кичилькосский могильник. Описания (7 л.), по мордве (5 л.).

Соловьев. О восточной ориентации погребенных в курганах XI–XIII вв. // СА. № 2. 1963.

Соловьева Г.Ф. О восточной границе дреговичей // КСИА. № 110. 1967. Оттиск.

Соловьева Г.Ф. К вопросу о приходе радимичей на Русь. Оттиск.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер В.Ф., Гусева Т.В. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай). Рукопись подготовлена Гусевой Т.В. к печати. (4 л.) рукопись.

Хлебникова Т.А. Выписки из отчета об археологических работах на Джукетау в 1972 г. (3 л.) рукопись.

Худяков М. (дневник) 1915. Раскопки П.А. Пономарева в Билярске. (Худяков М., будучи студентом Казанского ун-та вел дневник). Описания 7 курганов, рисунки курганов на кальке, описания (2 л.), рукопись о горе на «Святом ключе» (2 л.), рисунок вещей.

Худяков М. Малмыж. 1956 «Покорение Малмыша» (5 л.) рукопись.

Цветкова И.К. Раскопки 1956 г. Материалы к отчету: стоянка Подборица-Щербинская: рисунки керамики (7), фото-чертежи (3), схема-план (3), текст (23 л.) машинопись.

Чернецов В.Н. Этно-культурные ареалы в лесной и субарктической зонах Сибири в эпоху неолита. ТД. Львов. Сессия. (1 л.) рукопись.

Шнайдштейн Е.В. Отчет о полевых исследованиях Черноярского отряда Астраханской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1970 г. Выписка (1 л.) рукопись.

Записи докладов из Шумена: Ангелова, Димитрова и др.

Газета «Шуменска Заря» о совещании археологов.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ НИКОЛЬСКОГО СЕЛИЩА XIII–XIV вв.

Д.С. Иконников

Пензенский государственный педагогический университет, г. Пенза

Никольское селище (рис. 3) находится в центральной части Приволжской возвышенности (на уровне не менее 200 м над уровнем моря) в Верхнем Посурье (рис. 2). Этот район характеризуется сильной пересеченностью. Здесь преобладают серые лесные почвы. Географически местность относится к зоне лесостепи. Памятник располагается на территории современного Кузнецкого района Пензенской области, близ с. Никольского. С северо-востока селище ограничено обрывистым берегом р. Труёва, образующей в этом месте излучину. Протяженность селища с юго-запада на северо-восток составляет не менее 400 м, с северо-запада на юго-восток – более 250 м.

Стратиграфия памятника восстанавливается по зачистке обрыва в северном углу селища (рис. 4, 5). Верхний слой памятника – пашня (мощность слоя 20 см). Ниже идет слой темно-серой супеси (мощность 40 см), подстилаемый глинистым материком (Белорыбкин, 1984, Отчет..., С. 12–13). Золотоордынское поселение частично насланывается на селище второй четверти II тысячелетия до н.э. (на поселении встречена керамика бронзового века).

Неподалеку от Никольского селища располагаются Среднелиповское городище и Среднелиповское селище (Х–XIII вв.), Русско-Труевское городище и Русско-Труевское селище (XI–XIII вв.) (Белорыбкин, 2003, С. 196, 198), что говорит о том, что местность была заселена в домонгольское время. Первые археологические находки, относящиеся к золотоордынскому времени, были встречены здесь в 1914 г. Они были описаны А.А. Кротковым в статье «Никольский и Керенский клады джучидских монет». В статье упоминается о том, что в августе 1914 г в окрестностях с. Никольского при распашке местности «на которой лет 6 или 7 тому назад рос лес» встречен клад из 1136 монет, нескольких бус, четырех лопастных сюльгам, пряжки, фрагмента плетеного браслета и других серебряных изделий (Кротков, 1915, С. 164). Этот клад относится к середине XIV в (последняя монета датируется 1362 г). Возможно, клад имеет отношение к материальной культуре селища.

Никольское селище было открыто М.Р. Полесских в 1965 г. и вторично обследовано Г.Н. Белорыбкиным в 1984 г (Белорыбкин, Отчет..., 1984, С. 12–13). Раскопок на памятнике не производилось, и мы можем судить о его материальной культуре только по подъемному материалу.

Культурный слой памятника сильно поврежден распашкой. В настоящее время памятник подвергается разграблению.

По археологическим находкам можно восстановить ряд черт хозяйственной деятельности местного населения.

Сельское хозяйство реконструируется в основном по находкам земледельческих орудий.

Фрагмент плужного ножа (1 экз., железо, инв. № ПАМ 13/ 219, рис. 6:2) представляет собой часть рабочей лопасти треугольной формы (сохранившаяся длина 172 мм, наибольшая ширина 62 мм) с треугольным сечением. Лезвие прямое. Плужные ножи применялись в тяжелых плугах сложной конструкции для предварительного подрезания пластов, которые затем переворачивались лемехами.

Серп (1 экз., железо, инв. № ПАМ 13/ 123, рис. 6:1) сохранился не полностью и реконструируется приблизительно. Длина основания дуги клинка около 22,5 см, наибольшая высота дуги 6,6 см (1/3 длины основания). Наивысшая точка дуги лежит напротив 1/3 длины основания, считая от начала клинка. Угол начальной части клинка к основанию дуги около 60–65°, угол конечной части клинка к основанию дуги около 40–45°.

Фрагменты жерновов (3 экз., камень, инв. №№ ПАМ 13/ 16, 17, без номера, рис. 6:3–5). Один из дисков имел вогнутую рабочую поверхность, второй выпуклую, характер рабочей поверхности третьего фрагмента не поддается интерпретации. Диаметр дисков 31 – 38 см, ни

на одном диске не сохранилось боковых отверстий для фиксации ручки. Никольские жернова относятся к типу I ротационных жерновов по Р.С. Минасяну, приводившихся в движение вручную. Ручка у таких дисков фиксировалась при помощи кожаного или лубяного обруча. Этот тип жерновов был более всего распространен в средневековой Волжской Булгарии и широко известен на памятниках Верхнего Псусурья и Примокшанья – на Золотаревском поселении (VIII–XIII вв.), Юловском городище (XI–XIII вв.), Неклюдовском I городище (XI–XIII вв.), Наровчатском городище (XIII–XIV вв.) и т.д.

О животноводстве на Никольском селище можно судить только по находкам костей обнаруженных при зачистке в слое темно-серой супеси, подстилающем слой пашни. По определению А.Г. Петренко, кости принадлежат крупному рогатому скоту (Белорыбкин, Отчет..., 1984, С. 13).

Таким образом, у населения Никольского селища существовало пашенное земледелие. Земля обрабатывалась тяжелым плугом, а урожай убирался серпами. Местное население употребляло в пищу мучной хлеб. На Никольском селище сохранились следы животноводства.

Ремесла: на Никольском селище сохранились следы металлообрабатывающего, деревообрабатывающего и гончарного ремесел.

О металлообрабатывающем ремесле на Никольском селище можно судить по отходам производства и металлообрабатывающим инструментам. На селище встречена масса бесформенных бронзовых и свинцово-оловянных слитков, имеющих различную массу (инв. №№ ПАМ 13/ 130, 327, 334, 360, без номеров), свинцовый предмет в виде стержня с отходящими от него литниками (рис. 7:23). На Никольском селище встречены также:

Пуансон (1 экз., железо, рис. 7:1) высотой 6 см. Верхняя (ударная) часть предмета имеет прямоугольное сечение (размеры 1,7x1,2 см), нижняя (рабочая) часть имеет округлую полу сфериическую форму (диаметр 2,3 см).

Штамп (1 экз., бронза, инв. № ПАМ 13/ 162, рис. 7:2) сохранился частично (сохранившаяся длина 3 см, ширина 1,3 см, высота 0,7 см), представляет собой бруск прямоугольного сечения, на рабочей поверхности которого резцом нанесен узор в виде лозы. На селище встречено несколько браслетов с орнаментом, нанесенным этим штампом.

Матрица (1 экз., железо, рис. 7:24) в виде параллелепипеда высотой 1,5 см при длине и ширине в 2,6 см. В верхней части изделия расположено полусферическое углубление диаметром 2 см при глубине около 1 см.

Наличие развитого металлообрабатывающего ремесла на памятнике подтверждают находки железных изделий: ножи (6 экз.), кресала (1 экз.), фрагменты цилиндрических замков (38 экз.), ключи (6 экз.), звенья очажных цепей (2 экз.), пряжки (2 экз.), фрагменты чугунной посуды (31 экз.); бронзовых изделий: замки в виде лошадок (2 экз.), зеркала (77 экз.), пуговицы (4 экз.), накладки (8 экз.), наперстки (6 экз.), фрагменты посуды (88 экз.), браслеты (102 экз.), перстни (11 экз.), сюльгамы (14 экз.), бубенцы (5 экз.), фрагменты накладок из фольги (5 экз.) и серебряных изделий: фрагменты желудевидных бусин (2 экз.).

Профиль бронзовой бусины пуансонной работы (1 экз., инв. № ПАМ 13/ 247) совпадает с профилем рабочей части матрицы, а форма половинок серебряных желудевидных бус (2 экз., инв. №№ ПАМ 13/ 176, 177) совпадает с формой рабочей части пуансона.

На Никольском селище также встречены деревообрабатывающие инструменты:

Топор (1 экз., железо, инв. № ПАМ 13/ 115, рис. 7:28) проушный, с выемкой на рабочей части. Общая высота 18,4 см, обух округлый, проух круглой формы (диаметром 4 см), обставлен двумя парами слабо выраженных щековиц. В Восточной Европе этот тип получил наибольшее распространение в X – начале XIII вв., но употреблялся и позднее (Археология СССР, 1985, С. 255).

Втульчатые тесла (4 экз., железо, рис. 7:31–33, 37) подразделяются на виды:

вид 1 (3 экз., инв. №№ ПАМ 13/ 239, 258, без номера, рис. 7:31, 32, 37) с разомкнутой втулкой, плоской сегментовидной лопастью с выраженными плечиками и прямым полулунным лезвием. Между втулкой и лопастью с внутренней стороны прослеживается порожек с треугольным сечением. Общая высота изделий 16, 13 и 9 см, длина втулки соответственно 8, 6,5, 5 см, длина режущей кромки лезвия соответственно 12,5, 10,6 и 6,5 см;

вид 2 (1 экз., инв. № ПАМ 13/ 304, рис. 7:33) с частично сомкнутой втулкой, без порожка между втулкой и лопастью и с п-образным сечением лезвия. Изделие не имеет выраженных плечиков, лопасть имеет форму вытянутого прямоугольника.

Втульчатые тесла находят аналогии на средневековых памятниках Верхнего Посурья и Примокшанья (Золотаревском поселении, Юловском городище и т.д.). Никольские тесла вида 1 имеют большую высоту, чем аналогичные тесла с домонгольских памятников и большую длину лезвия. Средняя высота никольских тесел 12,7 см, средняя высота домонгольских тесел Верхнего Посурья того же типа 10,9 см. Отношение длины лезвия к общей высоте у никольских инструментов 70–77%. У домонгольских тесел 39–58%. Таким образом, в золотоординское время эволюция втульчатых тесел идет в сторону увеличения общей высоты и в сторону увеличения длины лезвия.

Втульчатое долото (1 экз., железо, инв. № ПАМ 13/ 89, рис. 7:30) предназначалось для выдалбливания пазов в деревянной основе. Общая высота 25,3 см, втулкой усечено-коническая (длина 10 см, глубина полости 9,5 см). Рабочая часть длиной около 15 см с прямоугольным сечением. Лезвие полуулунное, режущая кромка имеет длину 14 мм.

Гвозди (2 экз., железо, инв. № ПАМ 13/ 117, 259, рис. 7:34, 36) общей длиной 7 и 2 см с плоской подпрямоугольной шляпкой высотой 1–2 мм и прямоугольным сечением стержня.

Пробойник (1 экз., железо, инв. № ПАМ 13/ 240, рис. 7:29) петлеобразный предмет с приостренной базовой частью. Общая длина изделия 41 мм, наибольшая ширина 22 мм, размеры отверстия в петле 20x13 мм.

О развитии гончарного ремесла у населения Никольского селища свидетельствуют находки фрагментированной керамической посуды. На памятнике встречена керамика булгарского (круговая посуда с горновым окислительным обжигом) и мордовского (лепная посуда печного обжига) типов. Преобладает булгарская керамика (не менее 41 экз.). Лепной посуды намного меньше (не менее 6 экз.). Встречены также фрагменты посуды (не менее 7 экз.), определить способ изготовления которой невозможно. На памятнике встречено также 10 фрагментов ручек. Все они имеют заглаженную поверхность, 2 фрагмента ангобированы, что характерно для булгарской круговой посуды.

Цвета керамики Никольского селища: бурый (лепной) 6 экз. (9,4%), оранжевый 19 экз. (29,7%), коричневой 31 экз. (48,4%) (из них светло-коричневой 21 экз. (32,8%), темно-коричневой 3 экз. (4,7%), собственно коричневой 7 экз. (10,9%)), красной 4 экз. (6,3%), желтой 2 экз. (3%), черной и серой по 1 экз. (по 1,6%).

На памятнике преобладала керамика коричневых тонов (48,4%), что характерно для большинства памятников Верхнего Посурья: Золотаревского поселения VIII–XIII вв. (55%), Юловского городища XI–XIII вв. (от 43,7 до 82,2%), Садовского II городища XII–XIII вв. (57,6%), Неклюдовского I городища X–XIII вв. (51,4%). Преобладание керамики коричневых тонов характерно для большинства булгарских памятников: Биляра 922–1236 гг. (от 42 до 58%), Больше-Пальцинского селища XII–XIII вв. (38,6%), Булгарского городища (от 20 до 42,5%) (Хлебникова, 1984, табл. 2, 5, Кокорина, 2002, С. 49).

На втором месте по численности среди никольских материалов находится керамика оранжевых и желтых тонов (32,7%). Это сближает никольскую керамику с материалами Мало-Пальцинского селища (38,7%) и Сувара (21,6%). Керамика приобретала желтые и оранжевые цвета при сравнительно слабом обжиге. На Мало-Пальцинском селище и в Суваре значительный процент керамики желтого-оранжевых цветов связан с архаичными чертами местного ремесла. Многочисленность желтой и оранжевой керамики на Никольском селище, предположительно, связано с периферийностью его положения. Многочисленность желтой и оранжевой керамики не свойственна памятникам булгарского типа Верхнего Посурья домонгольского времени. На Юловском городище она составляет от 0,2 до 5%, на Садовском II городище 3%, на Неклюдовском I городище 0,52%, и только на Золотаревском поселении достигает 17%. Это может говорить о появлении новых черт в гончарной традиции Верхнего Посурья в золотоординское время.

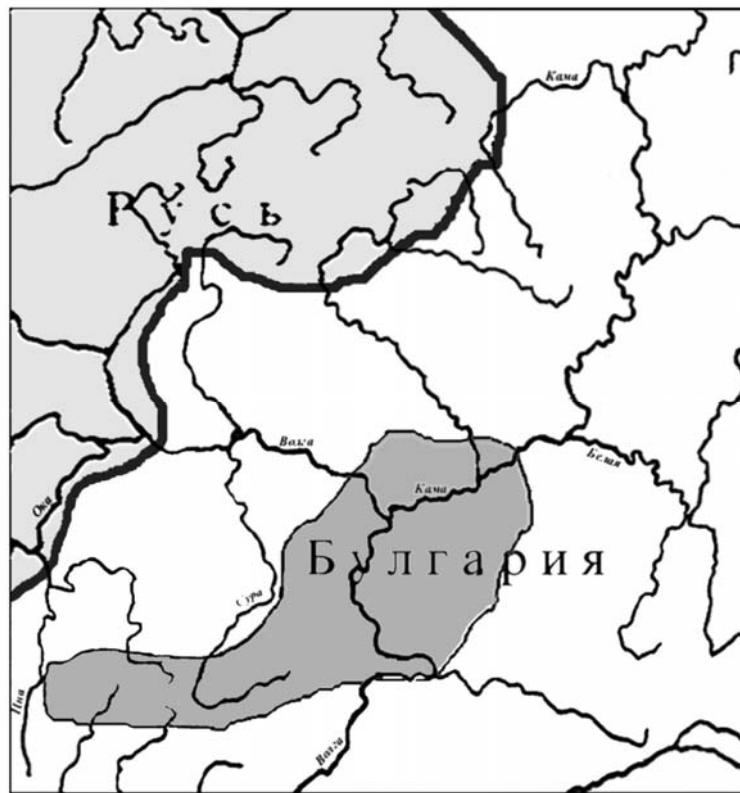

Рис. 1. Верхнее Посурье на политической карте средневековой Восточной Европы.

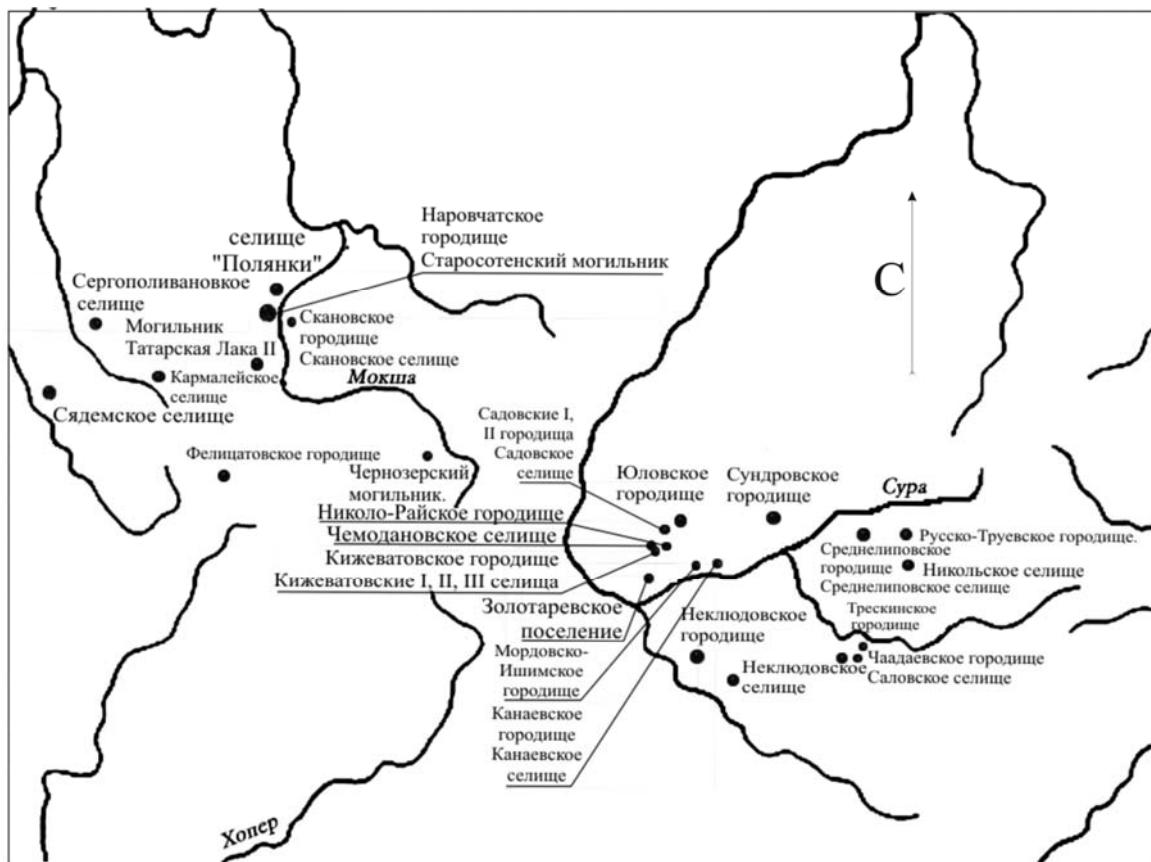

Рис. 2. Археологические памятники Верхнего Посурья и Примокшанья XI–XIV вв.

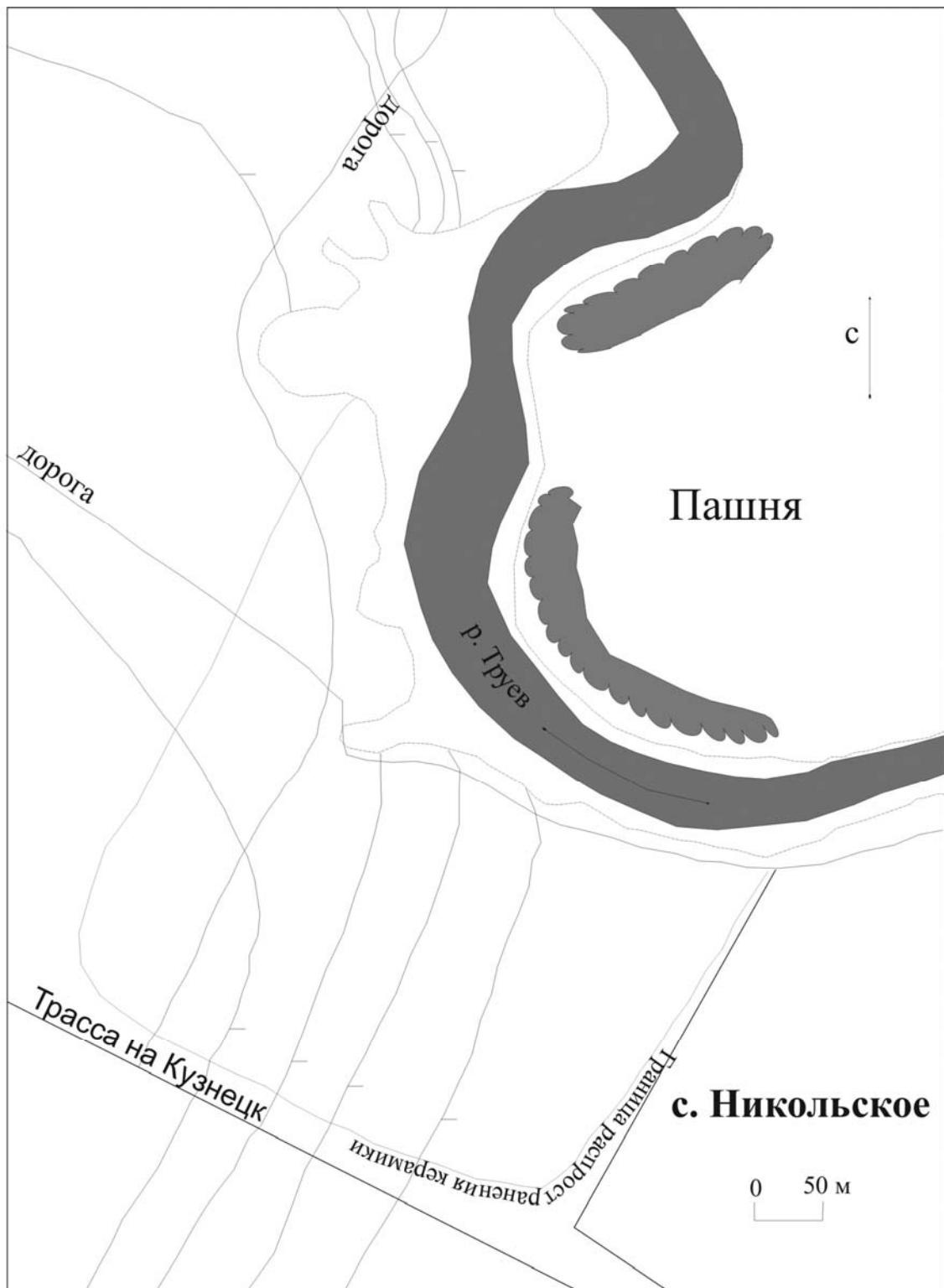

Рис. 3. План Никольского селища.

Рис. 4. Фото зачистки на Никольском селище.

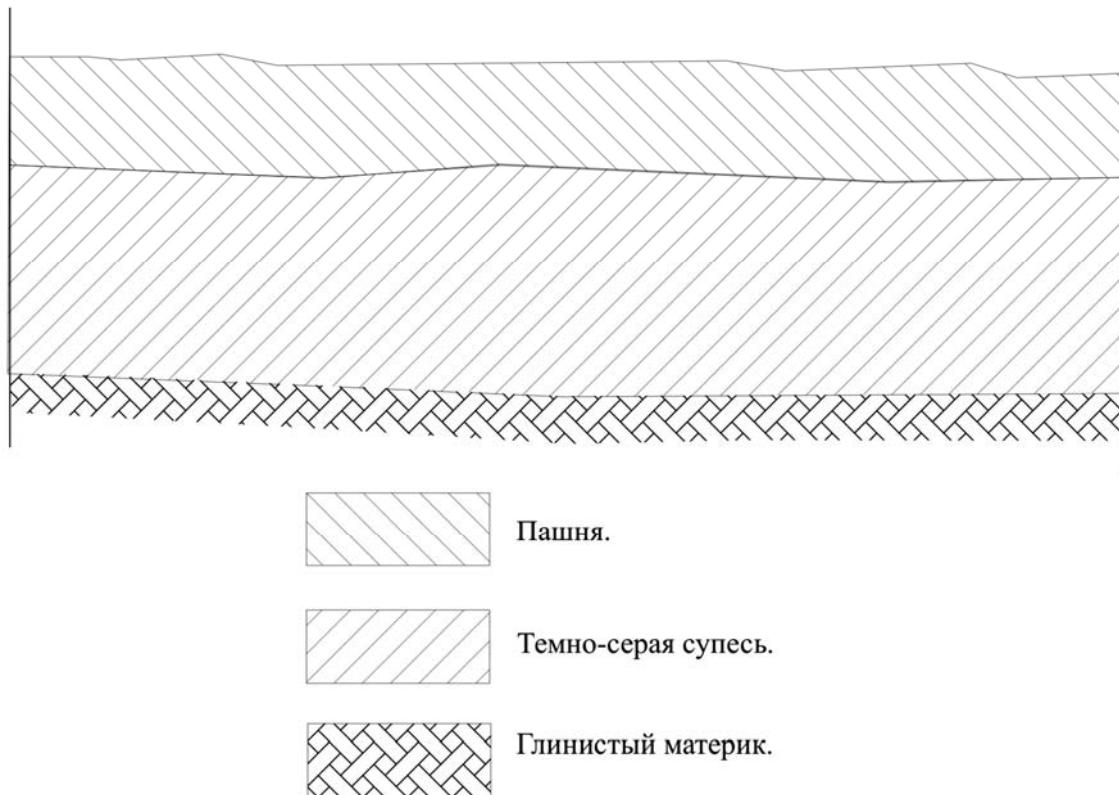

Рис. 5. Рисунок зачистки на Никольском селище.

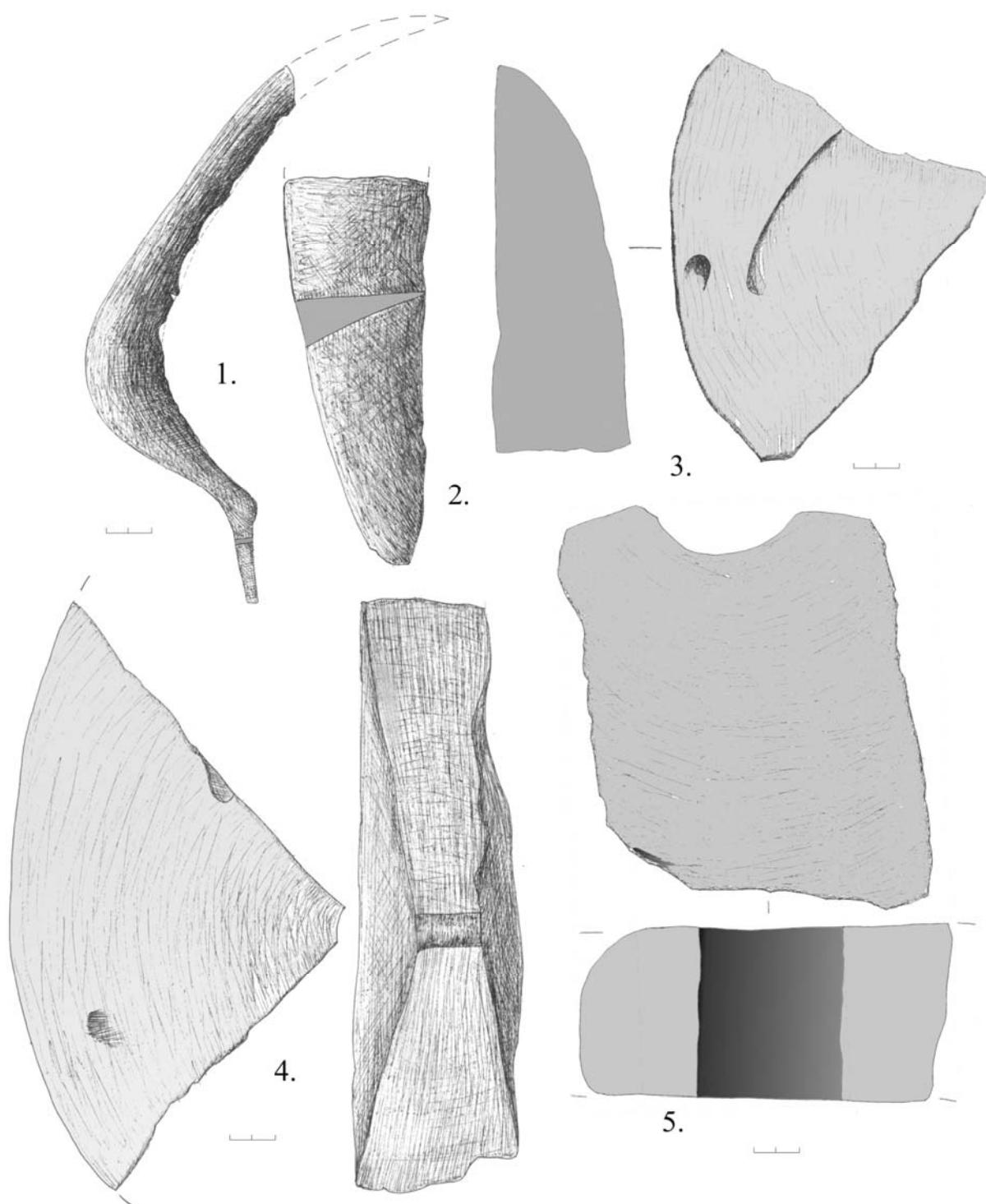

Рис. 6. Никольское селище. Земледельческие орудия:

1. Серп (железо, инв. № ПАМ 13/ 123).
2. Фрагмент плужного ножа (железо, инв. № ПАМ 13/ 219).
- 3–5. Жернова (камень, инв. № ПАМ 13/ 16, 17, без номера).

Рис. 7. Никольское селище. Ремесленные инструменты:

1. Пуансон (железо, без номера).
2. Фрагмент штампа (бронза, инв. № ПАМ 13/ 162).
- 3–19, 21, 26–27. Клепки и заготовки (бронза, без номеров).
20. Фрагмент бруска со следами зубила (бронза, без номера).
22. Слиток (бронза, инв. № ПАМ 13/ 130).
23. Слиток со следами литников (свинцово-оловянный сплав, без номера).
24. Матрица (железо, без номера).
25. Заготовка для перстня (бронза, инв. № ПАМ 13/ 228).
28. Топор (железо, инв. № ПАМ 13/ 115).
29. Пробойник (железо, инв. № ПАМ 13/ 240).
30. Долото (железо, инв. № ПАМ 13/ 89).
- 31–33, 37. Тесла (железо, инв. №№ ПАМ 13/ 239, без номера, 304, 258).
- 34, 36. Гвозди (железо, инв. №№ ПАМ 13/ 117, 259).
35. Фрагмент скобы (железо, инв. № ПАМ 13/ 271).

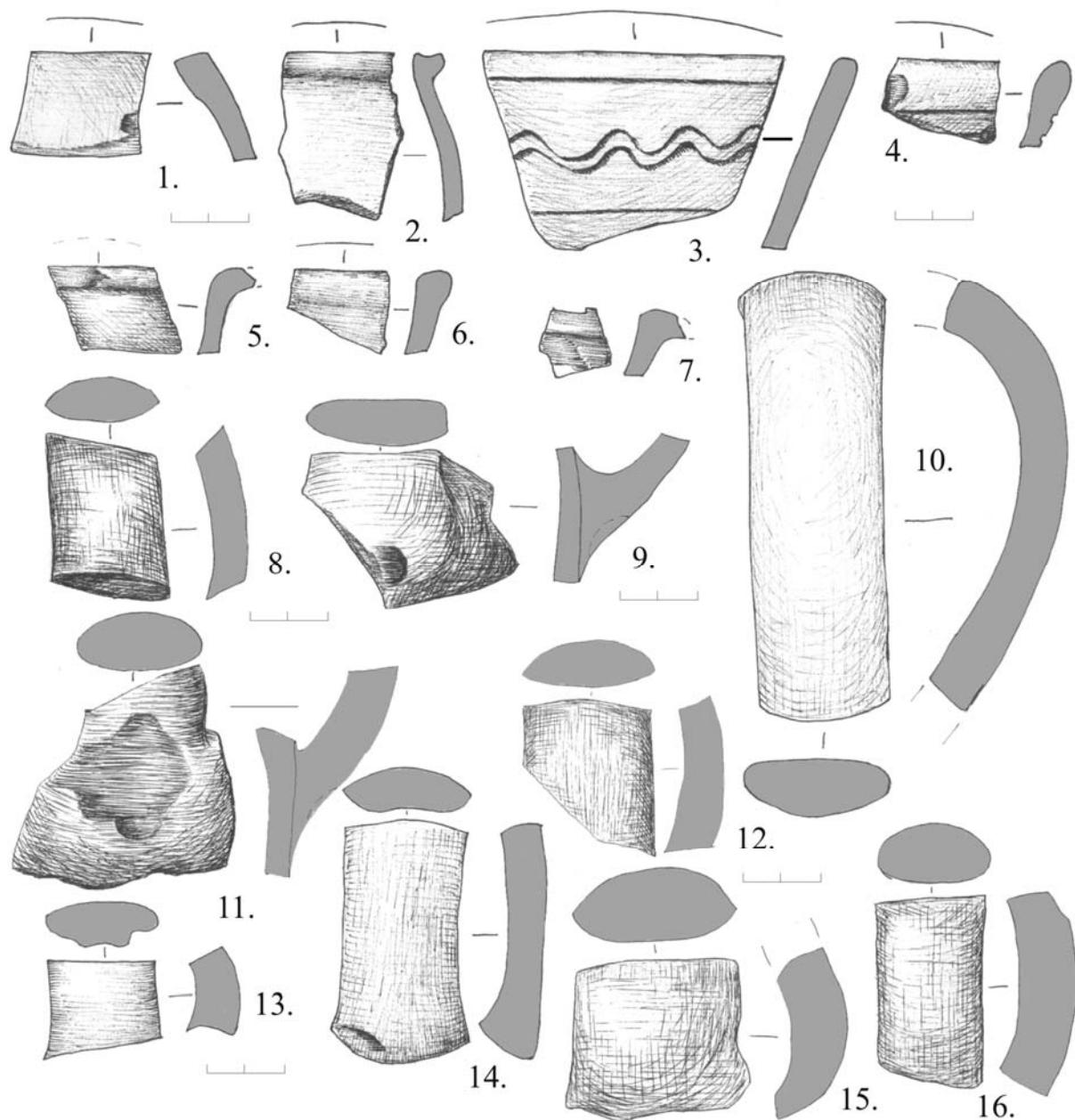

Рис. 8. Никольское селище. Керамическая посуда:

1–7. Венчики (глина, инв. № ПАМ 13/ 1, 13, 212, 194, 183, 206, 217).
 8–16. Ручки (глина, инв. № ПАМ 13/ 60, 50, 63, 24, 28, 47, 32, 46, 58).

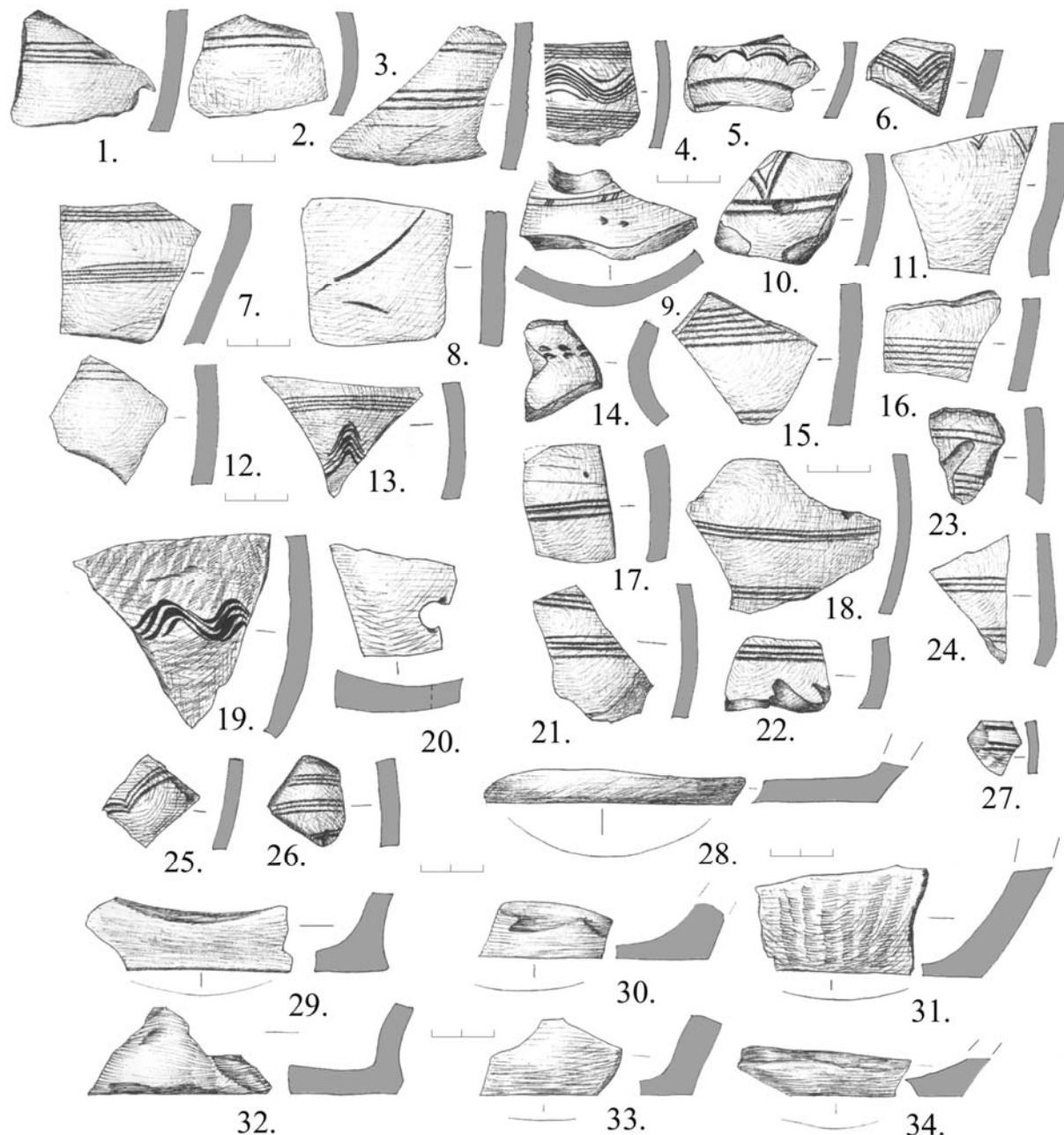

Рис. 9. Никольское селище. Керамическая посуда:
 1–27. Орнаментированные стенки (глина, инв. № ПАМ 13/ 29, 27, 20, 53,
 65, 43, 39, 155, 21, 23, 51, 56, 153, 42, 45, 33, 62, 41, 30, 154, 156, 31, 49, 36,
 149, 150, 213).
 28–34. Донышки (глина, инв. № ПАМ 13/ 22, 14, 64, 57, 15, 49, 59).

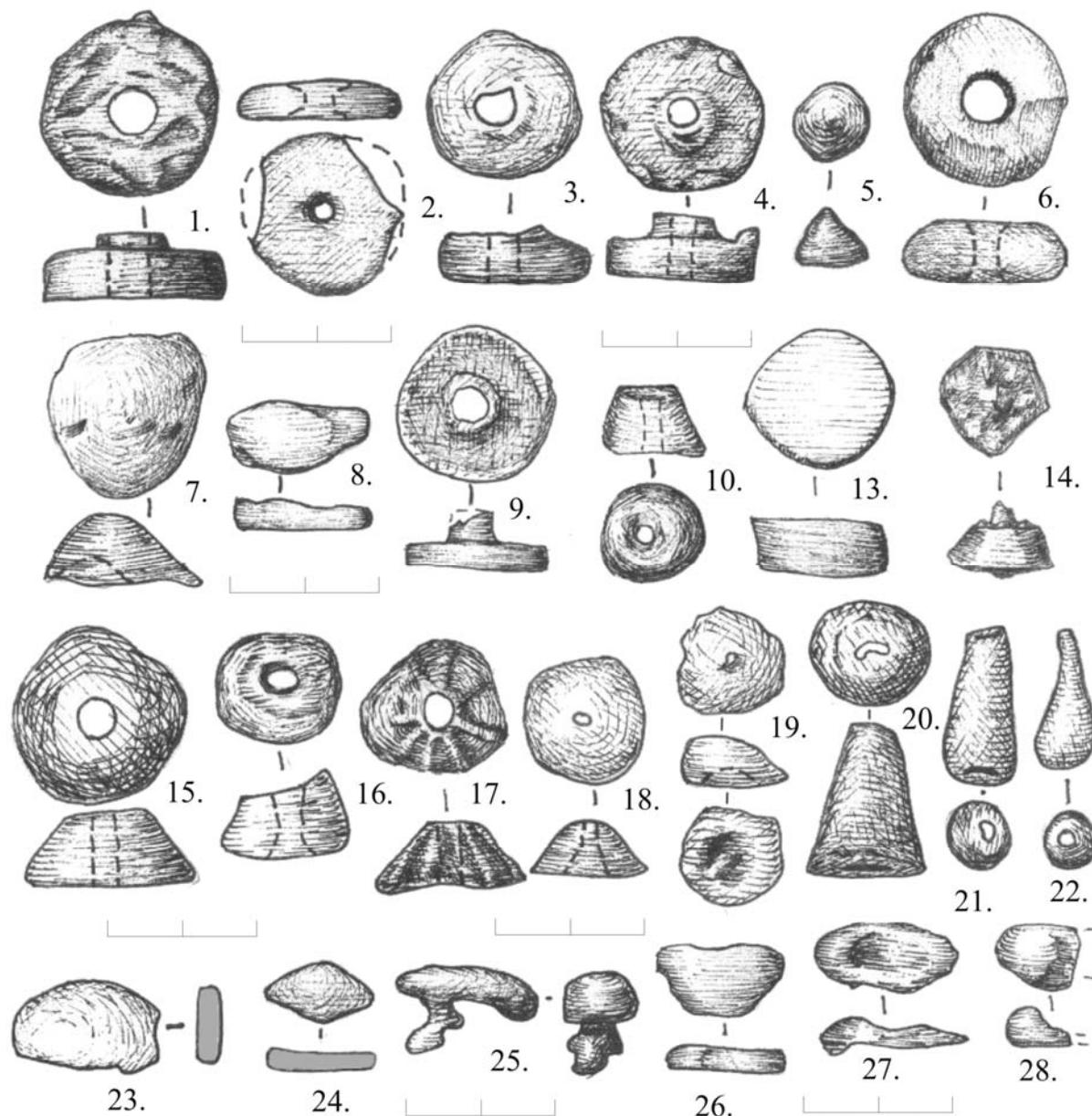

Рис. 10. Никольское селище. Торговый инструментарий:
1–22. Гирьки (свинцово-оловянный сплав, без номеров).
23–28. Слитки (свинцово-оловянный сплав, без номеров).

Малочисленна керамика красных тонов (6,3%). Это отличает никольские материалы от других памятников булгарского типа Верхнего Посурья: на Золотаревском поселении керамика красных тонов составляет 22%, на Юловском городище от 6 до 41,6%, на Садовском II городище 16,4%, на Неклюдовском I городище 34,43%. Сравнительно высокий процент керамики красного цвета вообще свойственен булгарской ремесленной традиции. Керамика красных тонов встречается на Булгарском городище (37–52%), в материалах Биляра (21–42%), Сувара (28%) и Рождествено (30%) (Кокорина, 2002, С. 49).

На Никольском селище мало керамики черного и серого цветов (3,2%). Это типично для булгарских памятников. В материалах Биляра встречается от 0,5 до 17,3% керамики черного и серого цветов, в материалах Булгара от 3 до 7% (Кокорина, 2002, С. 49). Низкий процент черной и серой керамики свойственен также памятникам булгарского типа Верхнего Посурья и Примокшанья: на Золотаревском поселении встречено 7% такой керамики, на Юловском

городище от 7,25 до 8,3%, на Садовском II городище 7,5%, на Неклюдовском I городище 4,35%.

Таким образом, никольское гончарное ремесло обнаруживает черты генетического родства с домонгольскими памятниками Верхнего Посурья, что выражается в многочисленности керамики коричневых тонов и малочисленности керамики черного и серого цвета. С другой стороны, следует отметить и новые черты в золотоординском гончарном ремесле, выражющиеся в малочисленности керамики красных тонов и относительной многочисленности керамики желтых и оранжевых тонов.

В материалах Никольского селища встречено 32 фрагмента керамической посуды со следами орнамента. Приемы орнаментации никольской посуды подразделяются на отделы и виды:

Отдел А объединяет типы орнаментов в виде горизонтальных полос. Эта орнаментация встречается в 32 случаях. Внутри отдела выделяются виды:

Вид 1А орнаментальный прием в виде одной горизонтальной прямой полосы. В материалах Никольского селища этот прием отмечен 4 раза, во всех случаях он использовался совместно с тем или иным орнаментальным приемом.

Вид 2А (рис. 9:2, 3, 9, 10, 23, 27) орнаментальный прием в виде двух горизонтальных прямых полос, проведенных одним штампом. В материалах Никольского селища этот прием отмечен 7 раз, в пяти из которых, он применялся совместно с тем или иным орнаментальным приемом.

Вид 3А (рис. 9:1, 3, 7, 17, 18, 21, 24, 26) орнаментальный прием в виде трех горизонтальных прямых полос, проведенных одним штампом. В материалах Никольского селища этот прием отмечен 16 раз, в 12 из которых, он применялся совместно с тем или иным орнаментальным приемом.

Вид 4А (рис. 9: 13, 23, 21) орнаментальный прием в виде четырех горизонтальных прямых полос, проведенных одним штампом. В материалах Никольского селища этот прием отмечен 4 раза, в 2 из которых, он применялся совместно с тем или иным орнаментальным приемом.

Вид 5А (рис. 9:7, 16) орнаментальный прием в виде пяти горизонтальных прямых полос, проведенных одним штампом. В материалах Никольского селища этот прием отмечен 2 раза, в одном из которых, он применялся совместно с иным орнаментальным приемом.

Отдел Б объединяет орнаменты в виде волнистых линий. Эта орнаментация отмечена в 5 случаях. Внутри отдела выделяются виды:

Вид 1Б (рис. 8:3, рис. 9:10) орнаментальный прием в виде двух волнистых линий, проведенных одним штампом. В материалах Никольского селища этот прием отмечен 2 раза, в одном из которых применялся совместно с другим орнаментальным приемом.

Вид 2Б (рис. 9:6, 19) орнаментальный прием в виде четырех волнистых линий, проведенных одним штампом. В материалах Никольского селища этот прием отмечен один раз, изолированно от других орнаментальных приемов.

Вид 3Б (рис. 9:13) орнаментальный прием в виде пяти волнистых линий, проведенных одним штампом. В материалах Никольского селища этот прием отмечен один раз, в сочетании с другими орнаментальными приемами.

Вид 4Б (рис. 9:4) орнаментальный прием в виде шести волнистых линий, проведенных одним штампом. В материалах Никольского селища этот прием отмечен один раз, в сочетании с другими орнаментальными приемами.

Отдел В объединяет орнаменты в виде арочных линий. Эта орнаментация отмечена в 5 случаях. Внутри отдела выделяются виды:

Вид 1В (рис. 9:5, 10) орнаментальный прием в виде двух арочных линий, проведенных одним штампом. В материалах Никольского селища этот прием отмечен 3 раза, в одном из которых он сочетался с другим орнаментальным приемом.

Вид 2В (рис. 9:25) орнаментальный прием в виде трех арочных линий, проведенных одним штампом. В материалах Никольского селища этот прием отмечен 1 раз, изолированно от других орнаментальных приемов.

Вид 3В (рис. 9:25) орнаментальный прием в виде четырех арочных линий, проведенных одним штампом. В материалах Никольского селища этот прием отмечен 1 раз, изолированно от других орнаментальных приемов.

Отдел Г (рис. 9:14) орнамент в виде двух рядов горизонтально-наклонных вдавлений. Встречен один раз, изолированно от других орнаментальных приемов.

Все виды орнаментальных приемов, кроме типа орнамента в отделе Г, имеют аналогии на золотоординском Наровчатском городище XIII–XIV вв., т.е. типичны для золотоординских памятников региона.

На Никольском селище найдено 15 венчиков керамической посуды, 3 из которых лепные, 1 не поддается идентификации, все прочие – круговые (рис. 8:1–7).

Венчики лепных сосудов (рис. 8:1–2) принадлежат трем различным сосудам. В одном случае венчик принадлежал сосуду с закрытым горлом без выраженной шейки. Венчик прямой, с наплывом внутрь (инв. № ПАМ 13/ 1). В другом случае венчик принадлежал слабо-профицированному сосуду, также имевшему закрытое горло. Венчик острореберный, с наплывом наружу (инв. № ПАМ 13/ 13). В третьем случае венчик принадлежал слабо-профицированному сосуду с короткой шейкой и раструюбообразным или блоковидным горлом. Венчик с наплывом наружу (инв. № ПАМ 13/ 221).

Венчик, прием изготовления которого не поддается интерпретации (инв. № ПАМ 13/ 206, рис. 8:6), представляет собой часть сосуда с раструюбообразным или блоковидным горлом. Венчик округлый с легким наплывом наружу.

Венчики круговой посуды в двух случаях (инв. №№ ПАМ 13/ 18, 19, рис. 8:3–5, 7) принадлежали сосудам с цилиндрическим горлом, во всех остальных случаях венчики – сосудам с раструюбообразным или блоковидным горлом. В пяти случаях венчики были слегка отогнуты наружу, в трех случаях имели небольшой наплыв наружу, в одном случае венчик имел наплыв вовнутрь, в одном случае венчик был прямым, без наплывов, с закругленными краями.

На Никольском селище было встречено восемь донышек керамических сосудов (рис. 9:24–34). Три из них принадлежат лепным сосудам. В двух случаях стенки отходили о донышках под тупым углом, в одном случае – под углом близким к прямому. В пяти случаях донышки принадлежали круговым сосудам (инв. №№ ПАМ 13/ 22, 45, 57, 59, 64, рис. 9:28, 30, 31, 34). Во всех случаях стенки отходили под тупым углом от донышка.

Торговля реконструируется по находкам торгового инструментария (металлические гирьки, свинцово-оловянные слитки).

Гирьки (21 экз., железо, свинцово-оловянный сплав, табл. II–III) в зависимости от формы подразделяются на отделы (в зависимости от материала, из которого были изготовлены) и виды (в зависимости от морфологических особенностей). В круглых скобках даны порядковые номера гирек в табл. III.

Отдел Ж (железные гирьки):

Вид Ж–1 восьмигранной формы (Белорыбкин, 2003, С. 154).

Вид Ж–2 шестигранной формы (Белорыбкин, 2003, С. 154).

Вид Ж–3 восьмилепестковой формы (Белорыбкин, 2003, С. 154).

Вид Ж–4 конической формы (Белорыбкин, 2003, С. 154).

Отдел С (свинцово-оловянные гирьки):

Вид С–1 приземисто-конической формы (рис. 10:5).

Вид С–2 таблеточной формы (рис. 10:13).

Вид С–3 в виде усеченной пирамидки с шестиугольным сечением, украшенной сверху изображениями шиповидных выступов (рис. 10:14).

Вид С–4 вытянуто-конической формы (рис. 10:20).

Вид С–5 (1 экз. (№ 11) круглой формы с прямыми стенками, внутренним отверстием и вертикальной втулкой. Объединяет изделия без бортиков, с вертикальной втулкой и орнаментом в виде расходящихся из центра лучей.

Вид С–6 (1 экз. (№ 5), рис. 10:4) круглой формы с прямыми стенками, внутренним отверстием и вертикальной втулкой. Отличается орнаментом в виде полукруглых выступов по периферийному краю поверхности.

Вид С-7 (1 экз. (№ 2), рис. 10:1) округлой формы с прямыми стенками, внутренним отверстием и вертикальной втулкой. Отличается шестилепестковым орнаментом, образованным небольшими выпуклыми валиками.

Вид С-8 округлой формы со скосенными стенками и внутренним отверстием (2 экз. (№№ 1, 3), рис. 10:2, 3) без втулки и ясного орнамента. Золотоордынские находки близки домонгольскому аналогу с Золотаревского поселения. Существенно различаются между собой весом.

Вид С-9 (3 экз. (№№ 6, 7, 13), рис. 10:10, 15, 16) усеченно-конической формы с внутренним отверстием без выраженной втулки и пирамидальными стенками, без ступенчатого уступа. Без орнамента.

Вид С-10 (1 экз. (№ 10), рис. 10:17) усеченно-конической формы с внутренним отверстием без выраженной втулки и пирамидальными стенками, без ступенчатого уступа. С орнаментом в виде расходящихся от центра лучей в виде валиков.

Вид С-11 (1 экз. (№ 9), рис. 10:18) округлой при взгляде сверху формы, приземисто-коническая, со слегка сглаженной вершиной и с внутренним отверстием без выраженной втулки.

Разновесы с внутренним отверстием известны на домонгольских памятниках Верхнего Посурья, но изделия золотоордынского времени отличаются от домонгольских аналогов большим разнообразием форм. Примечательно, что сходные по внешнему виду изделия имеют различный вес.

Слитки (7 экз., свинцово-оловянный сплав, табл. III, рис. 10:8, 23–28) уплощенной формы. Имеют различный вес. Слитки, которые не несли следов рубки, могли служить разновесами.

В средневековом Поволжье были распространены различные денежно-весовые нормы, из которых одна система была сориентирована на иракский ратль весом 409,512 грамм, другая была сориентирована на 1/96 от иракского ратля, что составляло мискаль весом 4,26 грамм, третья была сориентирована на мискаль, составлявший 1/72 египетско-римского фунта, что составляло 4,68 грамм. Возможно также употребление весовой системы, сориентированной на вес классического дирхема (употреблялся с 895 г. до 923 г. н.э.), чей вес был равен 7/10 мискаля весом 4,26 грамм, что составляет 2,96 грамм. Разновесы Никольского селища можно подразделить на весовые категории:

Категория 1 весом 1,76 грамм представлена свинцово-оловянным слитком.

Категория 2 весом 2,35 грамм представлена свинцово-оловянным слитком.

Категория 3 весом 2,58 грамм представлена свинцово-оловянным слитком, что составляет 1/2 мискаля весом 4,68 грамм.

Категория 4 весом 3,4 грамма представлена свинцово-оловянным слитком.

Категория 5 весом 4,16 грамма, представлена свинцовой гирькой. По весу близок мискалю, составляющему 1/100 иракского ратля (4,09512 грамм).

Категория 6 весом 4,29 грамм представлена железной гирькой, которая примерно равна весу мискаля массой 4,26 грамм.

Категория 7 весом 4,34 грамм представлена свинцово-оловянным слитком.

Категория 8 весом 5,18 грамм представлена свинцово-оловянным слитком.

Категория 9 весом 6,54 грамм представлена свинцово-оловянным грузиком-пломбой.

Категория 10 весом 7,13 грамм представлена свинцовой гирькой.

Категория 11 весом 8,65 грамм представлена свинцовой гирькой, близкой по весу 2 мискалям массой 4,26 грамм.

Категория 12 весом 9,01 грамм представлена свинцовой гирькой, близкой по весу 3 классическим дирхемам массой 2,96 грамм.

Категория 13 весом 9,26 грамм представлена свинцовой гирькой.

Категория 14 весом 9,36 грамм представлена бронзовой гирькой, которая близка по весу 2 мискалям массой 4,68 грамм.

Категория 15 весом 9,94 грамма представлена свинцовой гирькой.

Категория 16 весом 11,32 грамма представлена свинцовой гирькой.

Категория 17 весом 11,42 грамма представлена свинцовой гирькой.

Категория 18 весом 11,85 грамма представлена свинцовой гирькой, который близок по весу 4 классическим дирхемам массой 2,96 грамм.

Категория 19 весом 14,19 грамма представлена свинцовой гирькой, который близка по весу 3 мискалям массой 4,68 грамм.

Категория 20 весом 17,85 грамма представлена свинцово-оловянным слитком, который близок весу 6 классическим дирхемам.

Категория 21 весом 18,14 грамм представлена свинцовой гирькой.

Категория 22 весом 18,5 грамм представлена свинцовой гирькой, которая близка по весу 4 мискалям массой 4,68 грамм.

Категория 23 весом 20,3 грамма представлена свинцово-оловянным грузиком-пломбой, которая близка по весу 1/20 иракского ратля.

Категория 24 весом 21,31 грамм представлена железной гирькой, которая равна по весу 5 мискалям массой 4,26 грамм.

Категория 25 весом 22,2 грамма представлена свинцовой гирькой.

Категория 26 весом 26,86 грамм представлена свинцовой гирькой, близкой по весу 9 классическим дирхемам массой 2,96 грамм.

Категория 27 весом 197,29 грамм, представлена железной гирькой.

Из 27 разновесов Никольского селища четыре могут быть соотнесены с весом мискаля 4,68 грамм, один с фракциями иракского ратля весом 409,512 грамм, три с массой классического дирхема весом 2,96 грамм, три с мискалем весом 4,26 грамм.

В целом о хозяйственной деятельности местного населения можно сказать, что у местного населения существовало развитое пашенное земледелие, о чем говорят находки плужного ножа и серпа. Никольское население разводило крупный рогатый скот и лошадей. Местное население владело различными ремеслами. На поселении существовала развитая металлообработка. Массовость находок некоторых металлических изделий (пластинчатые браслеты, щитковые бронзовые перстни со свастикой и т.д.) косвенно указывает на то, что они были произведены на поселении. Местным населением применялись разнообразные приемы обработки металлов:

Ковка, о применении которой говорят находки металлических шлаков.

Холодная рубка. Инструменты, применяющиеся при этом неизвестны, но на Никольском селище встречен бронзовый бруск со следами зубила.

Пуансонный способ изготовления предметов с выпуклыми поверхностями подтверждается находками пуансона и матрицы.

Тиснение, при котором бронзовой фольге посредством чекана придавалась форма матрицы-штампа. На поселении встречены фрагменты украшений из бронзовой фольги, изготовленных таким способом.

Штамповка посредством плоского металлического штампа, о чем говорят находки самого штампа, а также нескольких изделий с его отпечатками. Этот способ обработки металлов применялся при изготовлении бронзовых пластинчатых браслетов.

Гравировка, при которой узор наносился на поверхность предмета посредством малого зубила. Этот прием также применялся при изготовлении бронзовых пластинчатых браслетов.

При починке и изготовлении бронзовой посуды на Никольском селище применялся прием клепки, что подтверждается находками заготовок для клепок и клепок, не пущенных в дело.

Находки медной проволоки говорят о применении волочения.

Таким образом, на Никольском селище представлен сравнительно широкий спектр приемов обработки металлов.

Дерево обрабатывалось посредством топоров, тесел и долот. Жители памятника занимались также изготовлением керамической посуды.

Местное население вело торговлю, о чем говорят находки торгового инструментария в виде гирек, грузиков-пломб и свинцово-оловянных слитков (формы всех категорий торгового инструментария отличны от форм домонгольских аналогов, что говорит о непрерывном поступательном развитии в этой отрасли). Клад монет, встреченный в окрестностях поселения, также косвенно указывает на активную торговлю.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица I

Пропорции каменных жерновов с Никольского селища XIII–XIV вв.

п/№	Общий диаметр (см)	Диаметр внутреннего отверстия (см)	Высота диска у периферийного края (см)	Высота диска у внутреннего отверстия (см)	Характер рабочей поверхности
1.	?	7,8	?	7,3	?
2.	38,6	?	0	?	Выпуклая
3.	31	3	7,3	4,8	Вогнутая

Таблица II

Масса металлических гирек с Никольского селища XIII–XIV вв.

п/№	Литературный источник	Масса (грамм)	Пересчет массы на мискаль весом 4,26 грамм	Пересчет массы на мискаль весом 4,095 грамм	Пересчет массы на мискаль весом 4,68 грамм	Пересчет массы на вес классического дирхема 2,96 грамм	Материал	Форма
1.	Белорыбкин, 2003. С. 154	197,29	46,31	48,18	42,14	66,65	железо	Восьмигранная
2.	Белорыбкин, 2003. С. 154	21,31	5	5,2	4,55	7,2	железо	Шестигранная
3.	Белорыбкин, 2003. С. 154	4,29	1,01	1,05	0,92	1,45	железо	Конусовидная
4.	Белорыбкин, 2003. С. 154	9,36	2,2	2,29	2	31,62	бронза	Восьмилепестковая
5.	Без номера	7,13	1,67	1,74	1,5	2,41	свинец	
6.	Без номера	4,16	0,98	1,02	0,9	1,41	свинец	
7.	Без номера	18,50	4,34	4,52	3,95	6,25	свинец	

Таблица III

Масса металлических гирек с Никольского селища XIII–XIV вв.

п/№	Масса (грамм)	Пересчет массы на мискаль весом 4,26 грамм	Пересчет массы на мискаль весом 4,095 грамм	Пересчет массы на мискаль весом 4,68 грамм	Пересчет массы на вес классического дирхема 2,96 грамм
1.	22,2	5,21	5,42	4,74	7,5
2.	18,14	4,26	4,43	3,88	6,13
3.	11,42	2,68	2,79	2,44	3,86
4.	11,85	2,78	2,89	2,5	4
5.	14,19	3,33	3,47	30,3	4,79
6.	20,30	4,78	4,96	4,34	6,86
7.	11,32	2,66	2,76	2,42	3,82
8.	9,26	2,17	2,26	1,98	3,13
9.	9,94	2,33	2,43	2,12	3,36
10.	6,54	1,54	1,6	1,40	2,21
11.	9,01	2,12	2,2	1,93	3,04
12.	26,86	6,31	6,56	5,74	9,07
13.	8,65	2,02	2,11	1,85	2,92

Таблица IV

Масса свинцово-оловянных слитков с Никольского селища XIII–XIV вв.

п/№	Масса (грамм)	Пересчет массы на мискаль весом 4,26 грамм	Пересчет массы на мискаль весом 4,095 грамм	Пересчет массы на мискаль весом 4,68 грамм	Пересчет массы на вес классического дирхема 2,96 грамм
1.	3,4	0,8	0,83	0,73	1,15
2.	1,76	0,41	0,43	0,38	0,59
3.	17,85	4,19	4,36	3,81	6,03
4.	4,34	1,02	1,06	0,93	1,45
5.	2,35	0,55	0,57	0,5	0,79
6.	2,58	0,61	0,63	0,55	0,87
7.	5,18	1,22	1,26	1,11	1,75

Литература

- Археология СССР. Город. Замок. Село. 1985. М.
- Белорыбкин Г.Н. 1984. Отчет о работах Пензенской археологической экспедиции в 1984 г. Казань.
- Белорыбкин Г.Н. 1992. Отчет об археологических исследованиях Юловского городища в 1991 году. Пенза.
- Белорыбкин Г.Н. 1993. Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1992 году. Пенза.
- Белорыбкин Г.Н. 2001. Золотаревское поселение. СПб.
- Белорыбкин Г.Н. 2003. Западное Поволжье в средние века. Пенза.
- Белорыбкин Г.Н. 2007. Средневековый могильник у с. Татарская Лака II // Пензенский археологический сборник. Пенза.
- Винничек В.А. 1999. Платежные слитки и торговый инструментарий Золотаревского I селища // Исторические записки. Вып. 3. Пенза.
- Винничек В.А. 2000. Свинцово-оловянные грузики и слитки на поселениях с коричнево-красной гончарной посудой булгарского типа X–XIII веков // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань.
- Ельников М.В. 2006. Погребение с геммой-инталией сасанидского периода из низовий Днепра // Татарская археология. №№ 1–2 (16–17). Казань.
- Завьялов В.И. 1988. Черная металлообработка у древних коми-пермяков // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. 2007. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.
- Измайлова И.Л., Недашковский Л.Ф. 1993. Находки предметов вооружения с территории золотоордынского города Укека из музеев Казани и Саратова // Из истории Золотой Орды. Казань.
- Кокорина Н.А. 2002. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. Казань.
- Краснов Ю.А. 1987. Некоторые вопросы истории земледелия у жителей города Болгара и его округи // Город Болгар. М.
- Кротков А.А. 1915. Никольский и Керенский клады джучидских монет // Труды СУАК. Саратов.
- Крыласова Н.Б. 2003. Разновесы из коллекции Рождественского городища // Из археологии Поволжья и Приуралья.
- Культура Биляра: Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. 1985. М.
- Моржерин К.Ю. 2001. Серебряные украшения Никольского клада // Археология Поволжья. Пенза.
- Моржерин К.Ю., Недашковский Л.Ф. 2006. Детали поясных наборов из Укека // Труды Саратовского Областного музея краеведения. Вып. 4. Саратов.
- Недашковский Л.Ф. 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.
- Полесских М.Р. 1956. В недрах времен. Пенза.

- Руденко К.А. 2000а. Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Булгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань.
- Руденко К.А. 2000б. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань.
- Руденко К.А. 2001. Изделия «аскизского облика» ордынского времени в Поволжье и Прикамье // Археология Поволжья. Пенза.
- Руденко К.А. 2006а. Золотоордынская эпоха в Среднем Поволжье (по археологическим данным) // Татарская археология. №№ 1–2 (16–17). Казань.
- Руденко К.А. 2006б. Булгарский Улус Золотой Орды (особенности материальной культуры) // Татарская археология. №№ 3–4 (18–19). Казань.
- Смирнов А.П. 1951. Волжские Булгары. М.
- Хлебникова Т.А. 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии: К вопросу об этнокультурном составе населения. М.

О САРМАТО-АЛАНСКОМ КОМПОНЕНТЕ В КУЛЬТУРЕ РАННЕЙ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИИ

Е.П. Казаков

Институт истории им. Ш.Марджаны АН РТ, г. Казань

Среди исследователей средневековой истории неизменный интерес вызывали проблемы тюркизации населения Урало-Поволжья. Важнейший вклад в ее решение внесли археологи. Так, В.Ф. Генинг еще в 1959 году в обобщающей статье представил очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа (Генинг, 1959, С. 157–220). Население именьковской культуры, только что выделенной, автор отнес к финно-уграм и датировал их древности III–IX вв. н.э. Он полагал, что это население было ассимилировано пришлыми болгарами и составляло основную часть жителей Волжской Болгарии (Там же, С. 210). Однако в другой работе автор отнес именьковские группы к тюркам и даже к чувашам (Генинг, 1964, С. 125).

В 1971 г. В.Ф. Генинг на основе конкретного сопоставления керамики и погребального обряда в раннесредневековых древностях Башкирского Приуралья выделил десять археолого-этнических типов (Генинг, 1971, С. 38–54). Среди них, помимо АЭТ, связанных с местным прикамским населением, им отмечены куштеряковский, карайкуповский типы, связанные позднее с кушнаренковским кругом памятников, а также турбаслинский и романовский. Их исследователь связывает с мигрантами из Западной Сибири: первые – с самодийцами, вторые – со смешанным населением угорского и древнетюркского происхождения (Там же, С. 53). Это же он отмечает в другой своей работе (Генинг, 1964, С. 123–129).

В 1971 г. В.Ф. Генинг публикует материал Кушнаренковского могильника (Генинг, 1971, С. 90–136), который, по его мнению, близок к романовскому и именьковскому кругу памятников (Генинг, 1971, С. 52). Позднее этот памятник отнесен к турбаслинской культуре (Сунгатов, 1998, С. 4, рис. 1).

Многолетние исследования средневековых памятников Южного Урала проводил Н.А. Мажитов. В 1968 г. им опубликована книга (Мажитов, 1968). На основе материалов широко раскопанного Бирского могильника, где представлено большинство комплексов выше-отмеченных АЭТ, он представил свои выводы. Не отрицая наличия угорских элементов в бахмутинской культуре, исследователь в то же время отмечал наличие сходства керамики турбаслинской посуды с керамикой сармат (Мажитов, 1968, С. 160, табл. 39; С. 161, табл. 40).

В очередной своей монографии Н.А. Мажитов поддержал точку зрения В.Ф. Генинга о связи турбаслинских племен с буртасами (Мажитов, 1977, С. 179), а кушнаренковским племенам отвел решающую роль в формировании башкир (Там же, С. 183). В последующей монографии автор представил публикацию материалов исследованных им курганных могильников кушнаренковского круга (Мажитов, 1981).

Указанные АЭТ Южного Урала, как показали дальнейшие исследования, занимали и Среднее Поволжье, в том числе территорию Татарстана. На новый уровень их исследования вывели богатейшие материалы языческих захоронений ранней Волжской Болгарии: Большетарханского, Танкеевского, Тетюшского, Большетиганского и др. (Генинг, Халиков, 1964; Khalikova, Kazakov, 1977, р. 21–221; Казаков, Халикова, 1981, С. 21–36; Chalikova, Chalikov, 1981; Казаков, 1992).

С 70-х годов XX в. проблемами тюркизации региона активно занимается А.Х. Халиков. По его представлениям, Тураевский могильник III в. н.э. оставлен тюрками (Халиков, 1971, С. 13), а турбаслинские древности, которые он отнес к концу IV – первой половине V в. н.э., – огурами (Там же, С. 14–16). С древними тюрками он связал именьковские группы, сравнивая их язык с чувашским (Там же, С. 20). Следующим этапом тюркизации края исследователь полагал появление курганных могильников VI–VII вв. в Приуралье (Там же, С. 24–27). В двух монографиях автор выделяет гуннский, тюркский и доболгарский этапы тюркизации края (Халиков, 1978; он же, 1989).

Относительно этнокультурного состава ранней Волжской Болгарии, как отмечалось, богатейший материал дают языческие могильники VIII–X вв. Исследователи их с самого начала указывали превалирующий болгаро-салтовский компонент, хотя и отмечали наличие угорского компонента (Генинг, Халиков, 1964, С. 31–175). Относительно Танкеевского могильника, более многообразного как по обряду, так и по инвентарю, по сравнению с Большетарханским некрополем, А.Х. Халиков считал, что он оставлен населением «не имеющим прямого отношения к болгарской орде», и указывал аналогии ему, в частности, в Средней Азии (Генинг, Халиков, 1964, С. 83–85).

В 1967 г. впервые было выдвинуто предположение, что захоронения с частями лошади, с погребальными масками и т.д. в Танкеевском могильнике являются угорскими (Казаков, 1967, С. 75–78). В дальнейшем после ряда публикаций и монографии (Казаков, 1992) у большинства исследователей это не вызывало возражений.

Волжская Болгария появилась как результат массовых миграций населения, вызванных в основном, видимо, военно-политическими коллизиями. Хотя имеется точка зрения, что часть именьковского населения оставалась в крае и была подчинена пришлым кочевникам, однако материала для доказательства этого практически нет. Во второй половине VII в. памятники оседлого земледельческого именьковского населения в Закамье исчезают. На их месте появляются памятники кочевых угров (Казаков, 2008, С. 114–116). Такое движение сопровождалось конфронтацией. На ряде именьковских памятников отмечены следы погромов. Были разрушены и сожжены богатые именьковские торгово-ремесленные поселения Щербетьское, Девичий городок. На селище Девичий городок выявлены обожженные ямы, полные зерна, в заброшенном полуzemляночном жилище остались нетронутыми целые сосуды, в хозяйственные ямы были сброшены останки разрубленных людей. Пришельцы даже переправились на правый берег р. Волги. На II Тетюшском городище выявлена керамика кушнаренковской культуры VII в. (Руденко, 2008, С. 303, рис. 13). Таким образом, еще за несколько десятков лет до прихода болгар в Закамье обитали угорские кочевники.

Еще в период миграции волжские болгары вступали в контакты с инокультурными группами. В постмиграционное время, когда за каждым племенем закрепилась определенная территория, контакты продолжались, так как первоначально территория страны представляла собой «поселенческую территорию» с открытыми границами, на которой и местные племена нередко враждовали друг с другом, а не государство с четкими границами.

Богатые комплексы языческих захоронений позволяют достаточно четко выделить инокультурные группы, участвующие в этногенезе волжских болгар. Специфика их культуры в настоящее время достаточно разработана. Так, после первоначального проникновения кочевых угров в Закамье новое массовое переселение их отмечается во второй трети IX в., что, видимо, было связано с мадьяро-печенежской конфронтацией (Казаков, 1997, С. 33–53). В этот процесс включились не только кушнаренковские кочевники, но и поломско-ломоватовские, неволинские племена с лепной круглодонной посудой, погребальными масками, культовыми вещами и другими проявлениями культуры угров.

В древностях волжских болгар вычленяются и хазарские комплексы, что вполне объяснимо, поскольку страна находилась в системе Хазарии. Захоронения хазар под курганами, окружеными ровиками, отмечены в могильнике Урень II Ульяновского Заволжья. Специфические одноручные кувшины хазар отмечены там же, а также в Танкеевском могильнике (Казаков, 1999, С. 64–73).

Политический союз болгар с огузами, возникший в период мадьяро-печенежской конфронтации, продолжался и в X в., о чем говорят комплексы типично огузских деталей женских украшений (Казаков, 2007, С. 190–197).

В настоящее время накопился значительный материал, свидетельствующий об участии сармато-аланского населения в формировании культуры и этноса волжских болгар. О наличии его, правда, на уровне формально-логического умозаключения, пишет А.П. Смирнов: «Булгарское государство, возникшее в X веке, было многоплеменным... Наряду с местными племенами, оставившими нам городища с рогожной керамикой, мы видим пришлую булгар-

скую орду из числа аланских племен, видим сильное влияние хазар и проникновение с ними прототюркского элемента...» (Смирнов, 1951, С. 22).

Гениальным предвидением этого автора было то, что он связал с сарматами бронзовые подвески в виде круга или колеса с выступами по краю (Там же, С. 20). Увлеченность сарматской линией приводила к тому, что исследователь утверждал связь сарматских изделий с многими украшениями казанских татар XVIII–XIX вв. (Там же, С. 20–22).

Сарматские племена в Прикамье кочевали еще в раннем железном веке. В эпоху средневековья в связи с грандиозными военно-политическими событиями в Евразии сюда проникают новые волны сармат. Они оставили здесь памятники, которые разительно отличаются от комплексов местного финно-угорского населения. Это особенно заметно в материале некрополей. Многие исследователи стали связывать появление таких памятников с миграциями населения (германцев, славян) с запада.

Таким выразительным памятником, относящимся к гуннскому времени, является Тураевский могильник на правобережье р. Камы. Здесь в подкурганных глубоких (до 270 см), длинных (до 320 см) и широких (до 120 см) ямах в массивных деревянных колодах были захоронены воины с большим количеством вооружения (8 кинжалов, 5 топоров, 10 копий, 2 шлема, 3 кольчуги, пластинчатый панцирь).

По мнению В.Ф. Генинга, тураевская группа населения была в числе тех, которые гунны вовлекли при движении на запад (Генинг, 1976, С. 108). До наших дней существуют различные точки зрения о происхождении тураевского населения: о связи его со славяно-готскими, донно-сарматскими и другими группами населения (Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, С. 70–73). Однако, вероятно, памятник оставлен среднеазиатскими сарматами (Казаков, 1999, С. 25–26). Об этом говорят орнаментация на одном из шлемов, мече, имеющая аналоги в сасанидском мире, а также кольцевые ровики вокруг курганов, подбой в стенке могилы, куда клался жертвенный комплекс. Многие изделия находят аналогии в раннесредневековых комплексах Восточного Приаралья (джетыасарская культура), где даже в начале эпохи тюркских каганатов проживали сарматы и угры. Среди таких поделок: крупных размеров янтарные бусы (они позднее в массе появились в именьковских памятниках), накладки, подвески, приемники пряжек в виде полумесяца (Генинг, 1976, С. 71, рис. 15; С. 96, рис. 27, 1, 10, 15, 18; С. 98, рис. 29, 2; С. 105, 6, 6, 10; Левина, 1996, С. 314, рис. 119; С. 324, рис. 129, 1–6; С. 340, рис. 145, 58–68 и др.).

Еще один могильник этого времени изучен у райцентра Старая Майна Ульяновской области. В нем выявлено 23 погребения, оставленных восточноевропейскими сарматами. Об этом свидетельствует типично сарматская чернолощеная посуда с парным загзагообразным резным орнаментом (Казаков, 1999, С. 25–26).

Вопреки устоявшемуся мнению, гуннское нашествие не могло вытеснить сармат из мест их обитания. Сарматские племена продолжали населять южные, в основном лесостепные районы Европы на широком пространстве от Урала до Карпат. Многие из них занимались земледелием. Найдки пашенных орудий, близких именьковским, фиксируются на указанной широкой территории (Вязов, 2008, С. 338, рис. 9, рис. 10). Подобные памятники в Подонье и на Украине почему-то относят к древностям позднескифским, хотя оставлены они, скорее всего, сарматами.

В Урало-Поволжье известны уже десятки памятников этого круга. Для них характерны лепные плоскодонные горшковидные сосуды с резко отогнутой наружу короткой утолщенной шейкой (Казаков, 2006, С. 155–162). Г.И. Матвеева отнесла такие памятники к славкинскому и лбищенскому этапу именьковской культуры, Д.А. Сташенков – к кругу царевокурганского типа (Сташенков, 2005, С. 23). В башкирском Приуралье это имендяшевские древности, а в Восточном Закамье – памятники шиханского круга. К этой же общности принадлежат комплексы Алексеевского городища на территории г. Саратова.

В эпоху тюркских каганатов весь этот позднесарматский пласт сдвигается к северу. В Урало-Поволжье он представлен массой памятников классической именьковской культуры. Появление их относится к середине VI в. Видимо, в это же время в Урало-Поволжье мигрируют из Приаралья остававшиеся там племена азиатских сармат (предположительно, хиони-

тов). С ними можно связывать памятники турбаслинской культуры, центр которой локализуется в Уфимском течении р. Белой.

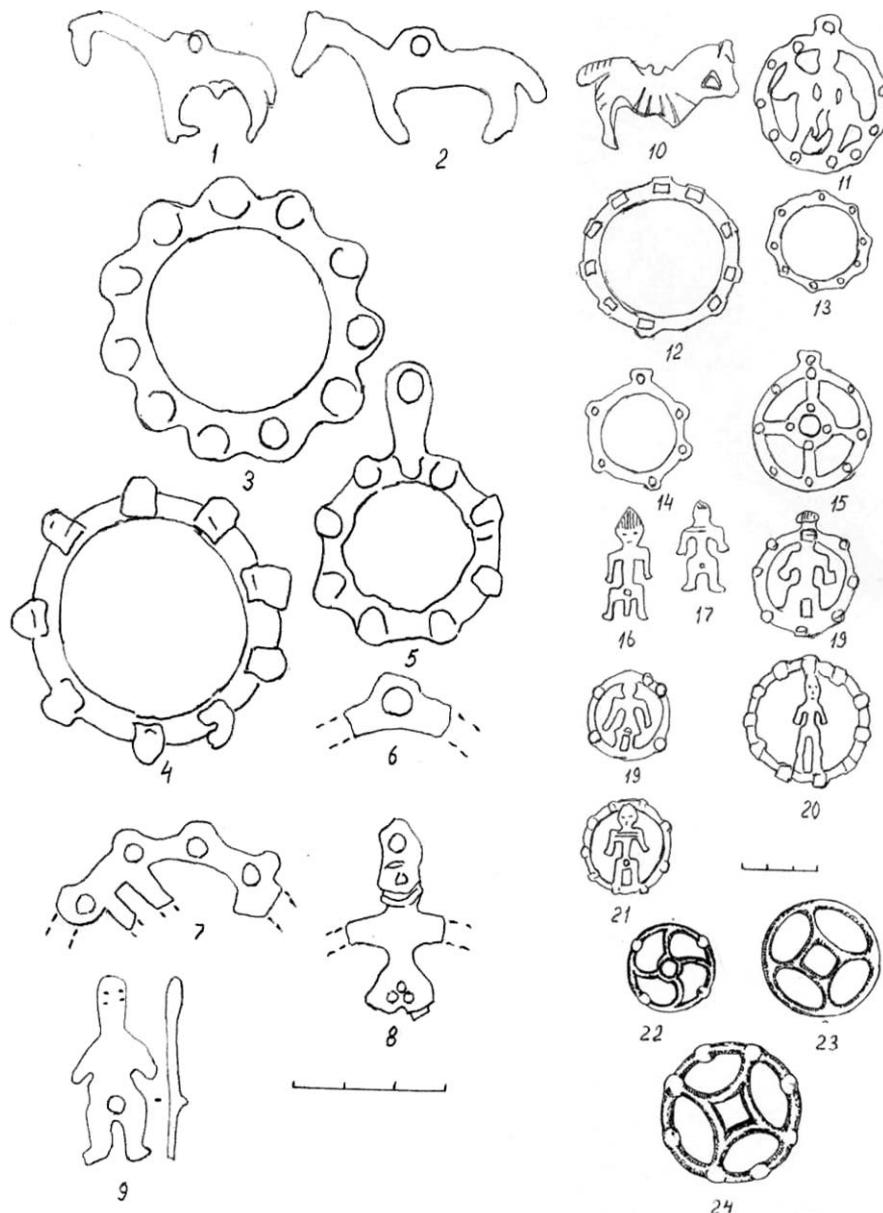

Рис. 1. Сармато-аланские культовые изделия.

1–9 – Коминтерновский могильник, 10–21 – аланские памятники Северного Кавказа,
22–24 – Танкеевский могильник.

Именьковская и турбаслинская культуры оставлены позднесарматскими племенами, только у первых, восточно-европейских сармат в погребальном обряде преобладало трупосожжение, а у вторых – трупоположение. Эти вопросы так же, как и проблемы хронологии, этнической принадлежности именьковской культуры, оставленной громадной областью племен Восточной Европы, населяющих лесостепь от Южного Урала до Пензенского края, были освещены во многом благодаря материалу II Коминтерновского могильника в Спасском районе Татарстана. Здесь вместе, иногда в одном ряду, находились захоронения с трупосожжением (именьковские) и с трупоположением (турбаслинские с богатейшим инвентарем, имеющим аналогии на Южном Урале, в Средней Азии, Северном Кавказе). На могильнике изучено 84 захоронения. Большой материал также происходит из разрушенных Куйбышевским водохранилищем захоронений, занимавших, видимо, основную часть некрополя (Казаков, 1998, С. 97–150).

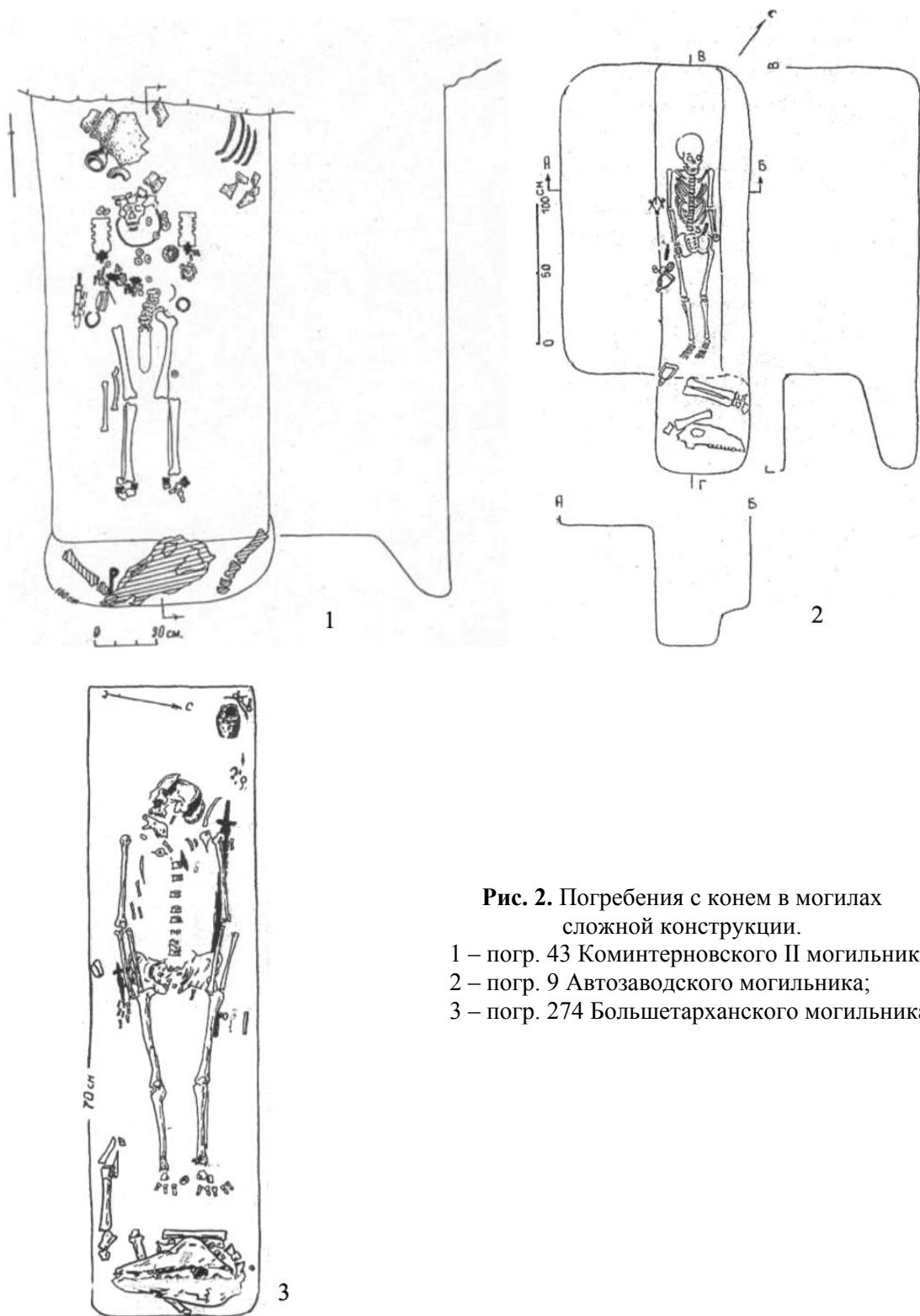

Рис. 2. Погребения с конем в могилах сложной конструкции.

1 – погр. 43 Коминтерновского II могильника,
2 – погр. 9 Автозаводского могильника;
3 – погр. 274 Большетарханского могильника.

Как отмечалось, в VII в. это население было вытеснено кушнаренковскими племенами. Имеются материалы о том, что оно сохранилось в Саратовском Поволжье, где источники X в. отмечают буртас, которые хоронят умерших как по обряду трупосожжения, так и трупоположения. Женщины у них совершенно самостоятельны и сами выбирают себе мужей (во II Коминтерновском могильнике женские захоронения (рис. 2, 1) самые богатые, они сопровождались останками коня, уздечками, окованным серебром седлом – Казаков, 1998, С. 97–150).

В комплексах Танкеевского могильника в женских захоронениях в качестве оберегов продолжают сохраняться (правда, не бронзовые, а серебряные, колесовидные подвески – обе-

реги сердца – с утолщениями по обводу – рис. 1, 22–24). Такие предметы, связанные с глубокими и сложными идеологическими представлениями, являются характерными находками как в турбаслинско-именьковских комплексах Урало-Поволжья (рис. 1, 1–9), так и у алан Северного Кавказа (рис. 1, 10–21).

Явно турбаслинские элементы (сложные конструкции могильных ям: подбои, заплечики, сопровождение шкурой лошади и др.) имеются в языческих могильниках ранних болгар (Казаков, 1992). Захоронения с конями мужчин-воинов, нередко парные (Казаков, 1987, С. 25–26), свидетельствуют о социальной и этнокультурной их принадлежности. Можно предполагать, что болгаро-салтовские группы восприняли эти элементы культуры при движении их на север по правобережью р. Волги. Однако с большим основанием, учитывая вещевой материал (лепные кувшины, подражающие салтовской круговой посуде и т.д.), можно говорить, что они принадлежат алано-саматскому населению, подвергшемуся тюркизации (рис. 2, 2,3). Да и сама круговая болгаро-салтовская керамика принадлежала первоначально северо-кавказским аланам, переселенным в Подонье. В Среднем Поволжье она стала самым выразительным репером ранней Волжской Болгарии.

Данные черты обрядности не характерны для болгаро-салтовского населения Подонья, которое совершало погребения в обычных грунтовых ямах, лишь немного превышающих длину костяков. Данные же захоронения с конем и салтовской посудой отмечены (для болгарского времени) в Усть-Курдюмском могильнике на территории г. Саратова, в Автозаводском раннеболгарском некрополе на территории г. Ульяновска, в Большетарханском, Танкеевском могильниках. Наличие их свидетельствует о миграционных моментах в Поволжье и о сложных процессах взаимодействия двигавшихся на север болгар с подвергающимися тюркизации позднесарматскими племенами региона.

Литература

- Вязов Л.А. Происхождение пахотных орудий имениковской культуры // Актуальные проблемы археологии Урало-Поволжья. Самара, 2008. С. 320–342.
- Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала Академии наук СССР. Серия гуманитарных наук. 2. Казань, 1959. С. 157–220.
- Генинг В.Ф. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры // Археология и этнография Башкирии. Т. II. Уфа, 1964. С. 111–129.
- Генинг В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971. С. 38–54.
- Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников) // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 55–108.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
- Казаков Е.П. К вопросу об этническом составе и локализации населения раннеболгарского государства. Тезисы. Казань, 1967. С. 75–78.
- Казаков Е.П. Об археологическом изучении раннеболгарского периода // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982. С. 29–37.
- Казаков Е.П. К вопросу о социальной и этнокультурной принадлежности погребений с конем Танкеевского могильника // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция. Тезисы. Устинов, 1987. С. 25–26.
- Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М., 1992.
- Казаков Е.П. Волжская Болгария и финно-угорский мир // Finno-Ugrica, 1997, №1. С. 33–53.
- Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 97–150.
- Казаков Е.П. К вопросу о хазарском и угорском компонентах в культуре ранней Волжской Болгарии // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. Казань, 1999. С. 64–73.
- Казаков Е.П. К проблеме выявления древностей средневековых сармат Урало-Поволжья // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Казань, 2006. С. 155–161.

- Казаков Е.П. О контактах волжских болгар с огузами в X веке // Материалы лихачевских чтений. Казань, 2007. С. 190–197.
- Казаков Е.П. Меллятамакский комплекс в системе древностей манякского этапа кушнаренковской культуры // Уфимский археологический вестник. Вып. 8. Уфа, 2008. С. 114–116.
- Казаков Е.П., Халикова Е.А. Раннеболгарские погребения Тетюшского могильника // Из истории ранних болгар. Казань, 1981. С. 21–36.
- Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. М., 1968.
- Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977.
- Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М., 1981.
- Руденко К.А. Тетюшское II городище в Татарстане: датировка и хронология // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008. С. 277–304.
- Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура. Уфа, 1998.
- Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху переселения народов. Уфа, 2004.
- Смирнов А.П. Волжские булгары. М.: Изд-во ГИМ. 1951.
- Сташенков Д.А. Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V вв. М., 2005.
- Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 7–36.
- Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978.
- Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989.
- Khalikova E.A., Kazakov E.P. Le cimetière de Tankeevka // Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est. Budapest, 1977. P. 21–221.
- Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani) // Magyar Nemzeti Museum. Régészeti füzetek. Ser. II. № 21. Budapest, 1981. 133 s.

РУКОТВОРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ИЗ ПРИРОДНОГО КАМНЯ В ПРИБРЕЖНОЙ ЗОНЕ КАРЕЛЬСКОГО БЕЛОМОРЬЯ

М.Г. Косменко

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск*

Общие сведения и проблемы изучения: рукотворные каменные сооружения обычно вызывают активный интерес у археологов, особенно в тех случаях, когда они лишены четко выраженного культурного контекста, точно не датируются и выглядят как «загадочные» объекты с неясными функциями. Проблема их изучения состоит в том, что во многих случаях недостаточно изученное реальное содержание подменяется необоснованными представлениями современных авторов, которые приписывают объектам вымышленные функции или символические значения. Каменные сооружения (рис. 1) сопровождаются не только различными научными гипотезами, но и популярными мифами, кочующими в разных изданиях и средствах массовой информации. Ниже мы попытаемся проанализировать одну из таких ситуаций, чтобы определить хронологию, принадлежность и функции большой серии искусственных объектов из природного камня, расположенных на территории Карелии в прибрежной зоне южной и западной части бассейна Белого моря, короче в Карельском Поморье.

Рис. 1. Каменные сооружения в Поморье.

Сооружения Поморья довольно давно попали в поле зрения исследователей, однако круг памятников ограничивался объектами на островах архипелагов Соловецкий и Кузова (Виноградов, 1997 (1935), Мулло, 1984; Манюхин, 1996, 2003; Манюхин, Лобанова, 2002, Мартынов, 2002). В специальных работах и попутных высказываниях проявился особый интерес к каменным лабиринтам Беломорья (Виноградов, 1927; Брюсов, 1940; Гурина, 1948; Мулло, 1966; Куратов, 1970 и др.). В результате работ комплексной экспедиции Карельского НЦ РАН (2000–2007 гг.) в Карельском Поморье существенно пополнился каталог и расширился ареал сооружений. В настоящее время на Карельском (западном), Поморском (южном) побережье и

многих островах Белого моря в Карелии известны около 1300 каменных объектов (см. карту; см. также Лобанова, 2003, 2005, 2006; Косменко, 2007а, с. 30–38; каталог: Косменко, 2007б). Они выявлены в 49 пунктах (34 на островах и 15 на побережье) обычно как скопления различных сооружений, редко поодиночке. Кроме того, крупнейшее скопление из ок. 1000 объектов находится на Соловецких островах в Архангельской области (Мартынов, 2002, С. 61–172). Другие части побережья Белого моря не подвергались специальному обследованию, однако нет документированных сведений о каменных сооружениях в этих районах, кроме лабиринтов на Кольском п-ове. Массовая концентрация объектов зафиксирована только в южной и западной приморской зоне (см. карту).

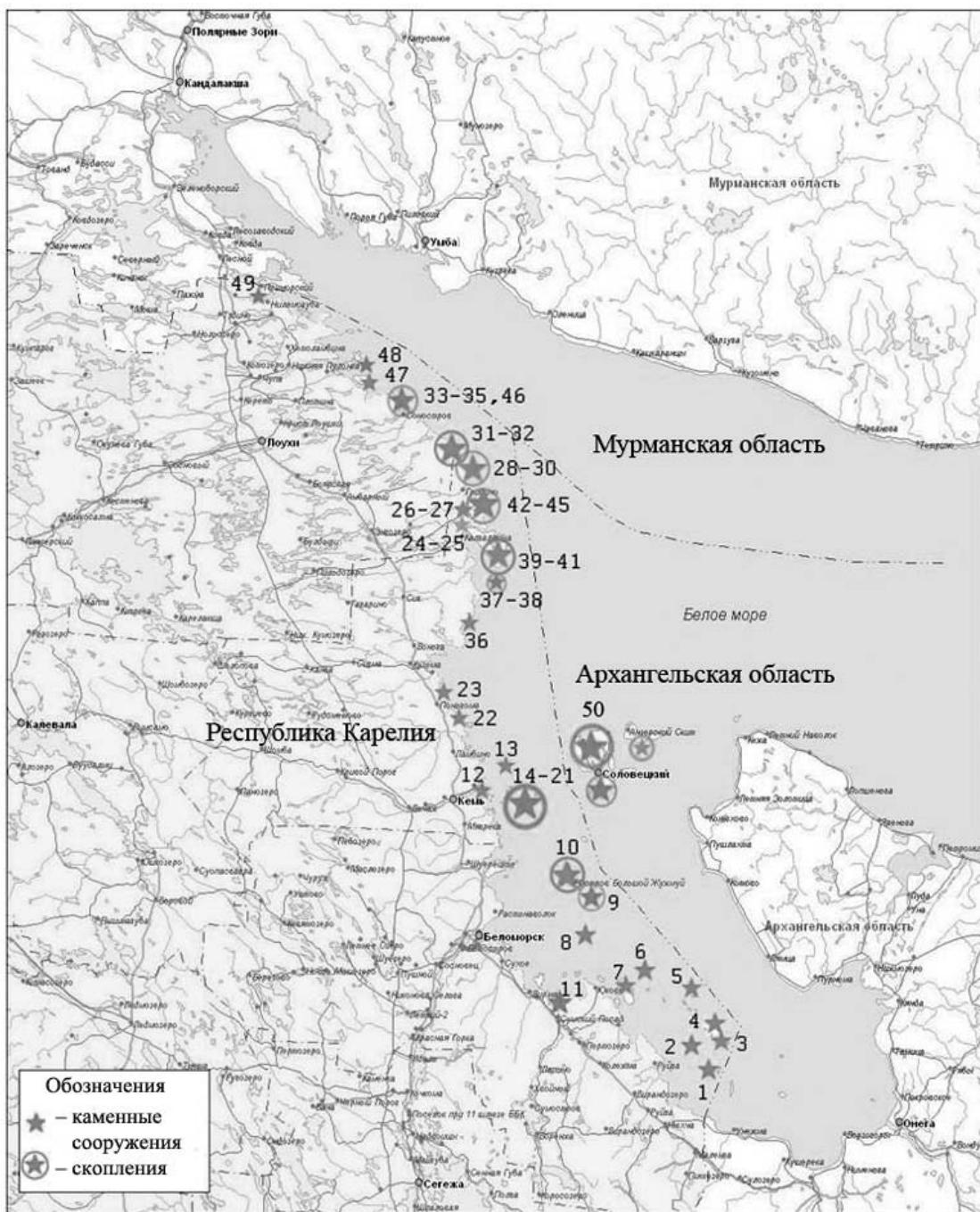
В Карельском Поморье отчетливо выделяются, по меньшей мере, 9 видов сооружений: лабиринты, менгирсы, низкие пирамидки, могилы, ямы, очаги, кучи, ленточные фундаменты деревянных строений, наконец, серия уникальных сложений. Прежде всего, возникает вопрос о разграничении древних и современных объектов. Дело в том, что некоторые каменные сложения сделаны здесь в недавнем прошлом промысловиками, крестьянами, геодезистами, смотрителями маяков и рыбаками. Это фундаменты и очаги на местах промысловых изб и иных деревянных строений, открытые очаги разных форм, кучи-подпоры деревянных крестов, триангуляционных вышек и знаков морской судоходной обстановки, а также каменные кучи на полях и покосах. Кроме того, в последние десятилетия на островах Кузова досужие туристы сложили «огромное количество «новоделов» – «крестов», «столбиков», «гуриев», «магических кругов» и т.п.» (Лобанова, 2006, с. 414) как памятные знаки своего пребывания или с целью мистификации посетителей.

Сложность выявления датирующих признаков древних и современных рукотворных сооружений затрудняет не только их хронологическое разграничение, но и определение статуса археологических памятников. Здесь мы не рассматриваем современные подделки, а также природные объекты, использование которых точно не установлено. Нужно заметить, что каменные сооружения Поморья находятся в скучном археологическом контексте и прямо не привязаны к древним и средневековым поселениям. Отсюда возникают проблемы их интерпретации. Исследователи пытались их преодолеть главным образом с помощью сравнительно-исторического метода, т.е. сопоставления с похожими объектами и их функциями в других регионах и странах.

Высказывались разные мнения о принадлежности, назначении и хронологии беломорских сооружений. Так, в 1930 гг. вертикальные камни-менгирсы и овальные сложения, расположенные группами возле промысловых пунктов поморов на Соловках, интерпретировались как отражение культа плодородия, конкретно, как символы мужских и женских гениталий. На основании отдаленного сходства с пещерными рисунками и мегалитами Испании и Франции предполагалось, что эти объекты сооружены в верхнем палеолите (Виноградов, 1997 (1935), С. 192–199). Такая датировка заведомо ошибочна, потому что бассейн Белого моря в позднем плейстоцене был покрыт ледником последнего оледенения, а в раннем голоцене уровень моря превышал современный на 80–110 м (Лукашов, 2000; Демидов, 2002), полностью покрывая Соловецкие острова. Условия для заселения Беломорья человеком сложились отчасти в boreальном, но главным образом в теплом атлантическом периоде, когда уровень моря резко понизился и сформировался ландшафт, близкий современному. Именно в это время, соответствующее позднему мезолиту, вероятно не раньше середины VI тыс. до н.э., началось первоначальное заселение бассейна Белого моря в пределах Карелии (Филатова, 2009).

Среди современных археологов пользуется популярностью мнение о том, что сооружения Поморья принадлежат саамам и их предкам. В частности утверждают, что беломорские сооружения «являются однокультурными» и «нет сомнений в том, что они являлись объектами поклонения саамского населения, проживавшего здесь в эпоху средневековья и в более ранние времена (примерно с I тыс. до н.э. до XV–XVI вв.)» (Лобанова, 2006, С. 424). Появление сооружений в Карелии и на Соловках было датировано I тыс. до н.э. по их размещению над уровнем моря и связывалось с культурой сетчатой керамики бронзового века (Манюхин, 1996, С. 355). Но высотное расположение отдельных памятников не позволяет точно опреде-

лить время появления любой их категории или культуры в целом, а поселения эпохи бронзы вообще отсутствуют в Карельском Поморье, кроме устья р. Выг.

Карта.

Приведенные суждения базируются на сложившейся в 1960–1980 гг. гипотезе о саамской принадлежности и культовых функциях сооружений Поморья (Мулло, Рылеева, 1970; Мулло, 1984). Она уже частично (Лобанова, 2006) и в целом (Шахнович, 2006; Косменко, 2007а) подвергалась критике, но продолжает использоваться при попытках интерпретации беломорских каменных объектов (Манюхин, 1996, 2003; Манюхин, Лобанова, 2002; Мартынов, 2002; Лобанова, 2003, 2005, 2006).

Эти археологи связывают сооружения с языческими верованиями саамов. Заявляют, что острова Белого моря с эпохи раннего металла превратились в «табуированные священные места», где «совершались обряды, связанные с погребением умерших, культово-промышленной

и рыболовной магией, инициацией, поклонением небесным светилам» (Мартынов, 2002, С. 109–110). Больше того, «одной из причин строительства [Соловецкого] монастыря могло быть стремление православной церкви лишить лопарей их святынищ», время функционирования которых ограничено XV в. (Манюхин, 1996, С. 356), поскольку сами острова будто бы являлись «священными для аборигенов-язычников вплоть до появления в Поморье православного русского населения» (Мартынов, 2002, С. 235). Напомним, что иноки Кирилло-Белозерского монастыря Герман и Савватий основали Соловецкую обитель в 1429 г. Однако соловецкие монахи никогда не комментировали наличие многочисленных каменных сооружений и не упоминали случаи проведения языческих ритуалов на островах. Каменные сложения видимо были для них привычной частью окружающей среды. Они не вызывали у монахов отрицательную реакцию, тем более попытки уничтожения, которые могло бы спровоцировать присутствие возле монастыря глубоко чуждых языческих святынь.

Нет смысла анализировать произвольные определения упомянутыми авторами различных видов сооружений и их скоплений как саамских языческих «пантеонов», «святынищ», «сейдов», «фаллических знаков», «зооморфных камней-тотемов», «антропоморфных идолов», «жертвенныхников», «дольменов», «погребений-кенотафов» и в целом как «культово-символических» памятников. Методика опознания каменных объектов у приверженцев «саамской» концепции фактически отсутствует. Интерпретаторы не приводят веских оснований для определения хронологии, принадлежности и функций сооружений, кроме поверхностных сопоставлений по самым общим признакам с памятниками северной Фенноскандии, наподобие сейдов (Мулло, 1984; Манюхин, 1996, 2003; Мартынов, 2002), жилищ и захоронений (Лобанова, 2003, 2006). Скрытой остается и логика интерпретации. По сути дела, идея их «домонастырского» возраста базируется лишь на убеждении, что они представляют собой объекты поклонения или ритуальной деятельности язычников, а таковыми в Беломорье теоретически могли быть только саамы либо другие нехристианские группы населения приморской зоны.

Излишне обсуждать и характеристики религиозных представлений создателей сооружений. Это результаты прямой примерки к конкретным объектам христоматийных форм языческих верований, которые имеют совершенно неопределенное отношение и к сооружениям, и к их реальному историко-археологическому контексту. Нет никаких оснований говорить о существовании в Поморье следов оседлой популяции береговых саамов – морских промысловиков и мореходов от бронзового века до Средневековья. В конечном счете, «саамская» концепция опирается на предвзятые убеждения сторонников, а в качестве доводов в ее пользу предлагаются умозрительные суждения и поверхностные сравнения, сдобренные изрядной порцией фантазии.

Согласно еще одной версии, каменные сложения сделаны карелами, которые переселились из Приладожья на Белое море в XII–XIV вв. (Шахнович, 2003). Однако в других районах, населенных карелами, нет таких сооружений. Известны отрывочные письменные сведения середины XV-начала XVI вв. о земельных владениях пяти родовых групп карел в прибрежной зоне западного Беломорья. Согласно этим источникам, владения карел были локализованы севернее р. Выг – на западном побережье Белого моря и на южном, Терском берегу Кольского полуострова (Амелина, 2007). Переселенцы-карелы сначала освоили промысел семги в низовьях крупных беломорских рек (Амелина, 2009), но там нет каменных сооружений. Историки пришли к выводу, что карелы вскоре смешались с русскими переселенцами, и к середине XVI в. в южном и западном Беломорье сложилась интегрированная локальная группа поморов, которые уже тогда начали называть себя «поморцами» и отличать от соседних групп – двинян, каргополов, лопян (Жуков, 2005, С. 85–91).

Топонимисты фиксируют слой карельских названий в Поморье. Они допускают, что карелы переселились сюда одновременно или непосредственно перед заселением южного побережья моря русскоязычными мигрантами в XIV в. (Saarikivi, 2006, р. 44–51), по другой версии в XV–XVI вв. (Кузьмин, 2007, С. 179–181). В любом случае нет оснований говорить о сложившейся сети древнекарельских поселений XII–XIV вв. в прибрежной зоне Беломорья. Малочисленные карелы, если даже условно допускать, что они еще были язычниками, не могли создать свыше 2000 культовых сооружений в течение очень короткого «дорусского»

или «домонастырского» периода, особенно в заселенном русскими южном Поморье и на Соловецких островах.

Вполне очевидно несоответствие между большим количеством якобы культовых сооружений и отсутствием сети поселений приморских, заведомо языческих культур средневековой эпохи и более древних периодов. Это хорошо заметно в западном Поморье. Столь внушительное число сооружений различных видов и назначения могло принадлежать только многочисленной оседлой языческой популяции с развитыми навыками и средствами мореплавания. Массовые следы таких популяций на морском побережье не фиксируют ни археология бронзового века – раннего Средневековья, ни письменные источники, ни местные предания (см. Косменко, 2007а, 2009; Амелина, 2009). Ареалы каменных сооружений и поселений этих периодов совершенно не совпадают, особенно в западном Беломорье. Поселения рассеяны на пресноводных озерах внутренних районов морского бассейна (Косменко, 1993). Их жители явно не были морскими промысловиками и мореходами. Здесь на территории ближайших средневековых Лопских погостов, Шуерецкой, Кемской и Керетьской волостей нет похожих каменных объектов, кроме куч на полях и покосах, остатков очагов на местах бывших деревень и промысловых избушек.

Однако в Поморье есть саамская топонимия (Кузьмин, 2007, С. 176–178), несмотря на то, что на побережье вообще неизвестны поселения упомянутых периодов, кроме устья р. Выг, где нет каменных сооружений (Амелина, 2007; Косменко, 2007б). Признаки пребывания средневековых саамов в прибрежной зоне следует связывать не с постоянным обитанием, а только с сезонной ловлей нерестовой семги на порогах в низовьях рек (Амелина, 2009). Пока нет оснований для точной датировки каких-либо каменных объектов на побережье и островах временем раньше средневековой эпохи. В конечном счете, если приписывать языческие культовые функции каменным сооружениям Поморья, то последние повисают в этнокультурном вакууме.

В изложенных концепциях заметно проявился органический недостаток сравнительно-исторического метода опознания функций сооружений. Речь не идет о нехватке данных. Основным изъяном можно признать отсутствие четких теоретических ограничений, которое дает возможность приравнивать функциональные и иные содержательные характеристики сопоставляемых объектов на основании даже крайне отдаленного формального сходства. Поверхностные сравнения обычно приводят к поспешным выводам, которые питают не только незрелые академические гипотезы, но и популярные параноучные легенды. Чтобы их исключить, следует не примерять к каменным объектам произвольно выбранные функциональные, религиозно-символические и этноисторические образцы, а сосредоточиться на изучении связи сооружений с местным природным и хозяйствственно-культурным контекстом.

Виды, природный, культурный контекст и относительная хронология сооружений: рукотворные каменные объекты рассеяны в прибрежной зоне Карельского Поморья примерно от устья р. Нюхча на юго-востоке до широты Чупинского фиорда на севере (см. карту). В западном Поморье они представлены минимум 9 видами в 38 пунктах между устьем Кеми и северной границей Карелии, особенно на островах Кузова, где сооружения образуют крупное скопление (см. Мулло, 1966, 1984; Лобанова, Манюхин, 2002; Лобанова, 2003, 2005, 2006; Косменко, 2007а; С. 30–38; каталог: Косменко, 2007б). Зафиксированы 3 лабиринта, 30 менгиров, множество пирамидальных сложений, включая точно не определенное число подделок, следы минимум 5 захоронений в каменных ящиках, П-образные и подковообразные очаги, многочисленные кучи разных форм и размеров, а также серия каменных ям. Есть ряд уникальных сооружений: яма с крытым ходом у мыса Пурнаволок, насыпи на островах Олешин, Могильный, кольцевидные и подковообразные выкладки на о. Бережные Луды, мысу Шоломбродский и др.

В южном Поморье выявлены каменные объекты не менее чем 7 видов на 10 островах (Коткано, Кондостров, Салма Луда, Большой и Малый Жужмуй, и др.). Это сооружения тех же видов, кроме лабиринтов и могил. На болотистом Поморском берегу они не обнаружены, кроме менгира, точнее стелы, на каменистом мысу Мальостров в устье р. Сума.

Особенностью топографического расположения сооружений из природного камня является тот факт, что они не встречаются на древних морских террасах, удаленных от береговой линии. Все объекты находятся на каменистых островах и участках современного побережья,

но расположены на разных высотах над уровнем моря в интервале 2–120 м. Так, сложения на вершинах Русского и Немецкого Кузовов находятся в интервале 80–118 м, лабиринты на о. Олешин размещаются на высоте около 25 м, а лабиринт на о. Красная Луда сооружен чуть выше границы прилива, на высоте 2,5 м. Некоторые лабиринты на Соловецких о-вах находятся на высоте 2 м, другие – на высотах 8–18 м (Мартынов, 2002, С. 61–83). Стела на Мальострове и менгирь на Сыроватке расположены на высоте до 3 м, в протоке сев. Яголомба, губе Долгая, на мысу Гордней, о-вах Избяная и Крестовая Луда – 3–5 м, на о. Б. Робяк ок. 10 м, на мысу Кирбей, о-вах Пападына и Могильный ок. 15–17 м, Нем. Кузове выше 90 м. Каменные могилы расположены не выше 3 м у д. Соностров и 4–5 м на о. Бережные Лехлуды, а на мысах Пурнаволок и Кирбей находятся на уровнях 8 и 17 м. В интервале высот от 2 до 20 м размещаются каменные кучи, ямы, очаги и прочие сооружения. Естественно, возникает вопрос о хронологии однотипных каменных объектов, расположенных на разных высотах.

В этой связи нужно пояснить, что территория Фенноскандии после освобождения от ледника испытывает в голоцене непрерывное поднятие, которое отразилось в высотном размещении археологических памятников на южном и западном побережье Белого моря. Так, в западном Поморье поселения эпохи мезолита располагаются выше 40 м над уровнем моря и значительно удалены от современного берега, памятники периодов неолита – энеолита известны на высотах от 19 м, а поселения периодов бронзы – раннего Средневековья на западном побережье не обнаружены, хотя они есть на внутренних озерах морского бассейна (Косменко, 2007а). На Соловках и Кузовах островные поселения каменного века находятся на высотах 12–20 м, энеолита и бронзового века – 8–10 м, а материалы железного века – в интервале 3–8 м (Мартынов, 2002, С. 32–54). На южном побережье в устье р. Выг мезолитические памятники неизвестны, поселения эпох неолита – энеолита расположены на высотах от 14 м, а поселения бронзового века – раннего Средневековья не найдены ниже 7,5 м над уровнем моря (Савватеев, 1977, табл. 13, 14).

Нужно подчеркнуть, что высота конкретных археологических памятников над уровнем моря далеко не всегда является показателем их относительного возраста. Дело в том, что высотное размещение поселений и каменных сооружений не представляет собой результат автоматических реакций людей на изменение береговой линии моря, а зависит от выбора ими наиболее удобных пунктов на любых уровнях берегового склона, следовательно, от профиля берега на конкретных участках. Поэтому однокультурные памятники нельзя датировать в рамках всего интервала их высотного размещения. Большинство таких формальных относительных датировок будут в разной степени неверными. Так, комплексы железного века и раннего Средневековья на многослойных поселениях в устье Выга располагаются в интервале от 7,5 до 24 м и на высоких террасах сочетаются с материалами каменного века – энеолита. Поморы ставили промысловые избы и деревянные кресты во всем интервале береговых высот. Следовательно, относительным хронологическим маркером может служить только нижняя граница расположения памятников различных периодов и культур над уровнем моря.

Нужно выявлять регулярности выбора таких пунктов. Например, лабиринты и менгиры сооружены на площадках и склонах, обращенных к морю, независимо от их высоты. Сходным образом расположены поморские деревянные кресты и их каменные кучи-подпоры. Если даже оставить открытым вопрос о нижней хронологической границе различных видов каменных сложений, то вполне очевидно, что объекты всех видов сооружались и в позднем Средневековье. Выделяется группа разнообразных сооружений не древнее II тыс. н.э. на нижней морской террасе высотой 2–4 м. На ней отсутствуют поселения железного века – раннего Средневековья и зафиксированы только промысловые пункты позднесредневековых поморов.

В функциональном отношении все рукотворные каменные объекты можно схематично и достаточно условно разделить на две основные категории: 1) сооружения производственно-бытового и 2) непроизводственного и точно не определенного назначения.

Непроизводственные и неопределенные сооружения: прямо не связанные с производственной деятельностью сооружения представлены лабиринтами, менгирами, отдельными сложениями уникальных форм, а также погребениями под кучами в каменных ящиках или обложенных камнями камерах. Нужно оговориться, что хотя назначение некоторых разновидно-

стей таких сооружений точно не установлено, но все они имеют косвенное отношение к производственной деятельности на морских промыслах. В частности, к этой категории можно причислить кучи-подпоры островных и береговых деревянных крестов.

В западном Поморье сохранился лабиринт на о. Красная Луда (см. на вклейке рис. 2) и два – на о. Олешин. Кроме того, есть не документированные упоминания двух разрушенных лабиринтов в устье р. Поньгома (Мулло, 1966) и в Кемской губе (Гурина, 1961, С. 515). В южном Поморье лабиринтов нет. В общем, они рассеяны на обширной территории в приморской зоне северной Фенноскандии, но на внутренних водоемах их никогда не сооружали. Некоторые авторы датируют лабиринты в очень широких временных рамках по высоте над уровнем моря, но такая датировка может существенно расходиться с реальным возрастом. Бесспорным можно признать средневековый возраст самых низких лабиринтов Беломорья, включая сооружение на о. Красная Луда. Возле него находится заброшенный промысловый пункт с остатками избушки и старым деревянным крестом со знаками в круглых рамках. Лабиринты на южном, Терском побережье Кольского п-ова у Кандалакши и Умбы Я. Меллер датирует временем не древнее 150–200 лет назад (Sørgård, 2003). Некоторые сооружения в северо-восточной Норвегии могут относиться к 1200 или 1300–1700 гг. (Olsen, 1991; Sørgård, 2003); примерно в этих же временных рамках датируются многие лабиринты северной Швеции (Kraft, 1977). Несомненно, к Средневековью относятся и низко расположенные лабиринты на островах Соловецкого архипелага. Есть даже сведения о том, что Петр I в 1702 г. повелел сложить на Большом Заяцком острове «в два ряда булыжных камней Вавилон или лабиринт» (Досифей, 1836, С. 180), но факт его строительства документально не подтвержден.

Нет необходимости здесь подробно комментировать различные умозрительные гипотезы о назначении лабиринтов, которые на севере Фенноскандии чаще всего приписывают саамам, их предкам или неопределенным языческим популяциям. Учитывая явно поздний возраст многих лабиринтов, вопрос об их функциях остается открытым, если иметь в виду мнения ряда археологов о предполагаемой связи с языческими культурами, промысловой магией или погребальной обрядностью (А.Я. Брюсов, Н.Н. Виноградов, Н.Н. Гурина, А.А. Куратов, А.Я. Мартынов, Ю.В. Титов, Б. Ольсен и др.). Недостаток этих функциональных определений состоит в том, что они базируются лишь на очень отдаленных формальных параллелях, хрестоматийных образцах языческих религиозных верований и скрытом убеждении в допустимости их применения. Поэтому интерпретации лабиринтов сугубо умозрительны, декларативны, неконкретны и, по сути дела, ограничиваются общими суждениями. Эти объяснения ничего не объясняют. Например, гипотезы о культовом и производственно-магическом назначении лабиринтов совершенно не обоснованы, поэтому их следует рассматривать только как авторские мнения, имеющие неопределенное отношение к реальности.

К их числу относится предположение, что лабиринты сделаны для того, чтобы древние рыболовы, совершая магические обряды, водили изображения рыб по их извивам для обеспечения хороших уловов (Гурина, 1947, С. 92). Высказывания о том, что «лабиринты служили алтарами, на которых первобытные рыболовы приносили жертвы Хозяину Воды» (Титов, 1976, С. 17) либо были «символами потустороннего – «книжного» – мира, в котором запутывались души умерших» (Мартынов, 2002, С. 110), тоже являются плодами фантазии. Версия о погребальном назначении беломорских лабиринтов (Брюсов, 1940, С. 150) вовсе лишена фактического обоснования. В конечном счете, остается неясным, когда, каким образом и в какой этнокультурной среде функционировали лабиринты.

Другие археологи признают средневековый возраст и языческие культовые функции многих лабиринтов северной Фенноскандии, но либо игнорируют вопрос об их отношении к христианству и соответствующей религиозной практике местного населения (Манюхин, 1996, С. 356, 360), либо рассматривают их, в русле новых теоретических шаблонов английской «постпроцессуальной» археологии, как символическую реакцию язычников саамов на экспансию христианской религии в ритуальной сфере (Olsen, 1991). Однако с этих позиций невозможно дать правдоподобное объяснение, например, обилия лабиринтов и похожих на них сложений в окрестностях Соловецкого монастыря, если представить их как массовую реакцию воображаемых саамов на обрядовую практику местных православных монахов.

Между тем, очевидна связь лабиринтов с морским рыболовецким промыслом, поскольку все эти сложения располагаются на берегу моря обычно у рыболовецких станов, а их очертания копируют разные виды ставных орудий лова (Гурина, 1948). Согласно альтернативной, на мой взгляд, наиболее реальной версии И.М. Мулло (1966, С. 192) лабиринты западного Поморья представляют собой «планы» специальных ловушек для лова семги, которые использовались в промысловой деятельности местного населения. Менее сложные морские ловушки, по его мнению, использовались для добычи мелкой рыбы. Такие сооружения («вентери», «звезды», «розетки» и др.) есть на Соловках (Мартынов, 2002, С. 67–68 сл.). Однако вряд ли можно, вслед за И.М. Мулло, говорить о том, что это были основания действующих стационарных ловушек из прутьев или сооружений типа заколов, которые более типичны для речного, отчасти прибрежного рыболовства. Около них не выявлены остатки деревянных конструкций, а некоторые лабиринты расположены слишком высоко над морем. Чтобы объяснить этот факт, нужно либо вернуться к их интерпретации как древних сооружений с религиозно-символическими функциями, либо признать, что они имели несколько иное назначение. На мой взгляд, все лабиринтовидные сложения с достаточным основанием можно квалифицировать как объекты производственного назначения, а именно основания стационарных деревянных сооружений для профилактических работ с морскими сетевыми ловушками различной конструкции.

Действительно, специальные ставные морские ловушки, как и прочие виды сетей, очень легко засорялись во время штормов, быстро обрастили водорослями и нуждались в регулярной просушке, очистке и починке. Делать эти операции удобнее всего, когда сети растянуты на макетах-вешалах, копирующих их конструкцию и очертания. Макеты сложных сетевых ловушек различных форм легче всего сооружать на любой пригодной высоте по плану, обозначенному такими способами, которые достаточно точно, надежно и зримо фиксируют их контуры, в т.ч. выкладками из камней на каменистых участках местности.

Отсюда ясно, почему лабиринты находятся на ближней к местам постановки ловушек, каменистой морской стороне побережья и островов. Их могли сооружать в наиболее удобных местах и на любой ближней высоте. Поэтому высотное расположение некоторых лабиринтов иногда совпадает с более древними поселениями. Но в самих лабиринтах и около них никогда не концентрировались остатки бытовой материальной культуры их создателей, тем более сакральные предметы. Отсутствие культурных остатков подтвердили раскопки беломорских лабиринтов (Брюсов, 1940, С. 149–150).

Также понятно, почему лабиринтов больше всего, свыше 30 экз., на сравнительно густо населенных в Средневековье Соловецких островах, где есть макеты и менее сложных ловушек. Там нет рек и соответствующих мест для речного лова семги и других нерестовых рыб. Добывать их можно только в море разнообразными ставными ловушками и сетями. Однако на побережье моря, где нерестовую рыбу можно было ловить в реках, морскими ловушками пользовались гораздо реже либо макеты их оснований не всегда делали из камней. В конечном счете, «наивный рационализм» и «упрощенный характер» подхода И.М. Мулло (Куратов, 1970, С. 36, 37) объясняют данную ситуацию гораздо конкретнее и правдоподобнее, чем вымышленные схоластические интерпретации разного рода, основанные на догадках и далеких, слабо осмысленных или буквально понятых формальных параллелях.

Независимо от этих интерпретаций нужно признать, что лабиринты представляют собой межкультурное и межэтническое явление в средневековой Северо-Западной Европе. Они многочисленны не только в северной Финноскандии, но и на берегах Балтики (краткую сводку см. Бельский, 2006). Поэтому их функциональные и содержательные характеристики следует определять в зависимости от хозяйственного и этнокультурного контекста. Заметим, что Поморье находится на юго-восточной окраине ареала лабиринтов, и здесь они вряд ли были оригинальным изобретением поморов – ближних потомков русских и карельских переселенцев. Вероятнее всего, традиция их сооружения появилась вместе с приемами морского, а не речного лова семги на порогах в результате заимствования у жителей других приморских областей Финноскандии, т.е. хозяйственно-культурной адаптации. Однако конкретная динамика этого процесса пока остается неясной.

Довольно много косвенной информации имеется по вопросу о принадлежности и функциях менгирам. Они представляют собой разных форм и размеров нестандартные каменные блоки и плоские плиты в вертикальном положении, подпертые камнями или укрепленные в скальных трещинах. Менгиры (свыше 80) многочисленны на островах Белого моря, изредка встречаясь на побережье (11 экз.). Они встречаются поодиночке (мысы Мальостров, Кирбей, протока сев. Яголомба, о-ва Нем. Кузов, Лоушкино, Могильный, Пападьина) или группами (урочище Сыроватка, мыс Гордней, о-ва Б. Робъяк (см. на вклейке рис. 3), Избяная Луда, Кузова) и расположены на разной высоте. Есть они и на островах у южного берега Онежской губы (Черная Луда, Б. Жужмуй). Менгиры сочетаются с каменными ямами (Б. Робъяк, Крестовая Луда), кучами (Кузова, Могильный), ленточными фундаментами, овальными кладками, пирамидками (Нем. Кузов, Сыроватка, Б. Жужмуй), захоронениями (Кирбей), остатками избушек и ямами-ледниками (сев. Яголомба), средневековыми и более поздними промысловыми пунктами (Мальостров, Сыроватка, Избяная Луда и др.). В некоторых пунктах обнаружены только менгиры (Гордней, Пападьина).

Приписывать менгирам функции фаллических символов, вслед за Н.Н. Виноградовым (1997 (1935) и И.М. Мулло (1984, С. 66), нет абсолютно никаких оснований. Вольные зрительные ассоциации, возникающие в сознании некоторых интерпретаторов, не являются доводами в пользу подобных функциональных определений. Судя по ареалу, сооружение менгирам также не было специфической традицией какой-либо из средневековых этноязыковых групп, известных в Беломорье. Однако севернее района д. Гридино на западном побережье Белого моря они не обнаружены, и можно утверждать, что массовое сооружение менгирам не характерно для саамов северной Фенноскандии. Тем не менее, по крайней мере, группа из трех менгирам известна на побережье Норвежского моря (Dunfjeld-Aagård, 2006).

Прослеживается достаточно четкая общая параллель между расположением менгирам, лабиринтов и поморских береговых крестов. Во-первых, как и лабиринты, менгиры явно имеют отношение к морю, располагаясь на открытых к нему участках побережья и островов. Высота их расположения над морем зависит от профиля склонов на конкретных участках берега. Сходным образом располагаются поморские деревянные кресты. Но ареалы лабиринтов и менгирам, в общем, практически не совпадают, тогда как распространение менгирам и поморских деревянных крестов почти совсем не различается. По словам местных жителей, кресты представляли собой знаки владения промысловыми пунктами, путевые ориентиры и предупреждающие маяки, иногда знаки памяти о погибших в море людях (Кузнецова, 2003, С. 159–161), однако нужно иметь в виду, что это сообщения информаторов, которые уже не воздвигали кресты и не имели точных сведений о назначении многих таких объектов. Старые поморские кресты имеют стандартные надписи, знаки и изображения, которые не вполне совпадают с их определением как маяков или памятных сооружений.

Во-вторых, кресты, лабиринты и менгиры сосредоточены на участках промысловой деятельности местного населения средневекового и более позднего времени. Нужно заметить, что менгиры, как правило, не сочетаются с крестами. Оба вида сооружений, вероятно, имели сходные функции и заменяли друг друга. Судя по всему, менгиры представляют собой заметные с моря знаки владения промысловыми участками, и в этом заключалась их основная функция. Менгиры ставили не только у рыболовецких пунктов, но видимо иногда и на границах промысловых участков. Они нигде не встречены в досредневековом культурном контексте. Во всяком случае, менгиры на Сыроватке, Мальострове, сев. Яголомбе, о. Б. Жужмуй и Избяная Луда датируются не раньше Средневековья по высоте над уровнем моря. На одиночной стеле у промыслового пункта на мысу Мальостров в устье Сумы выбиты православный крест с типичными сопутствующими надписями и дата 1760 г. Судя по расположению и знакам, стела совершенно идентична деревянным крестам. Менгиры у промыслового пункта в устье сев. Яголомбы, судя по культурному контексту (остатки избушки и ямы-ледника), тоже относится к сравнительно недавнему времени. В некоторых ситуациях эти небольшие сооружения могли служить ближними, но никак не дальними ориентирами-маяками. О памятных и намогильных крестах или менгирах на море нет конкретных и точных сведений.

Вместе с тем есть основания предполагать, что кресты, а возможно и заменяющие их менгиры, параллельно выполняли символическую функцию оберегов промысловых участков и их владельцев. Речь идет об использовании охранительного свойства христианского креста, которое в повседневной практике православных верующих играет весьма заметную роль среди его многозначной символики. Косвенный признак охранительной функции можно усматривать в сооружении крестов, а не других видов маркеров промысловых участков. Иначе не понятно, почему у многих промысловых пунктов поморы ставили именно кресты, нередко с датами и стандартными надписями. На самых старых крестах в северной части Карельского Поморья есть вырезанные изображения, вероятнее всего покровителя мореходов и рыбаков св. Николая Мирликийского или местных подвижников, а также пока малопонятные знаки в круглых рамках. Можно предполагать, что это персональные знаки пользователей промысловых участков во владениях Соловецкого монастыря. Таких знаков нет на более поздних крестах с вырезанными на них датами в пределах второй половины XIX века.

По всей видимости, беломорским менгирам по своим функциям близки камни с «головками», иначе «классические сейды», или «сейда-камни» как их называют И.М. Мулло (1984, С. 62–63) и его последователи (Манюхин, 1996, С. 348–352; Мартынов, 2002, С. 132–134). Это невысокие пирамидальные сложения общим числом ок. 900 экз., состоящие из нескольких камней, расположенных друг на друга. Подобных сложений практически нет вдоль Карельского берега севернее устья Кеми, а также на болотистом Поморском берегу. Они сосредоточены только на Соловках и Кузовах (Мартынов, 2002; Манюхин, Лобанова, 2002; Лобанова, 2003, 2006). Пирамидки сооружали на разных высотах, вплоть до вершин островов.

Хронологические рамки этого вида сложений точно не определены, однако частично они датируются не раньше Средневековья. Использование пирамидок в качестве объектов культового почитания – сейдов в южном Беломорье тоже не установлено (Лобанова, 2006, С. 419), а некоторые из них определены как разновидность менгириов (Лобанова, 2003, С. 104). Вероятно, их сооружали при отсутствии подходящих камней для менгириов. Впрочем, пирамидки могли иметь разные функции, в частности, подставок для костровых перекладин и др. Многие пирамидки представляют собой современные поддельные «сейды», которые охотно соружают туристы. Неясным моментом остается узкий ареал и многочисленность подобных сложений в его пределах. Впрочем, менгиры и кресты тоже часто располагаются группами.

О каменных фигурах «тотемных животных и птиц» – тюленей, медведей, оленей, лягушек и др. (80 экз.), а также серии «антропоморфных изображений идола Тиермеса» на о-вах Русский и Немецкий Кузова (Мулло, 1984; Мартынов, 2002, С. 158–159), можно сказать лишь то, что эти характеристики всецело созданы фантазией их авторов. Объекты такого рода представляют собой природные камни оригинальных форм или обычные рукотворные сложения с «головками». Они не сопровождаются какими-либо культурными остатками. Увидеть образы живых существ в этих камнях можно только при намеренном и очень сильном желании обосновать их саамскую принадлежность и языческую культовую символику.

Уникальные комплексы каменных сложений на вершинах островов Олешин и Могильный представляют собой длинные каменные насыпи нестандартной формы и размеров. Они есть и на нескольких островах в южной части моря (Мартынов, 2002; Шахнович, 2003; Лобанова, 2003), в частности на о. Б. Жужмуй и Салма Луда. Их объединяет расположение на вершинах островов. Возраст и назначение насыпей могут быть предметом специального изучения. Весьма вероятно, что некоторые насыпи использовались для профилактических работ с сетевыми орудиями для морского лова рыбы. В этом отношении интересна насыпь длиной 22 м на о. Могильный (см. на вклейке рис. 4). Она имеет два «крыла» и утолщенную центральную часть, на внешнем конце которой сохранились остатки деревянной постройки, а на гребне насыпи сложены 5 небольших куч, в которых укреплялись деревянные колья. Вдоль насыпи могли растягивать на кольях для чистки и починки сетевую ловушку типа мережи с боковыми «крыльями» и мешком-накопителем в центре. Судя по всему (расположение у промысловых пунктов, остатки деревянных конструкций, отсутствие иных археологических памятников), каменные насыпи были сделаны поморами с производственными целями в Средневековье – Новом времени.

Это же можно сказать о кольцевидных сложениях диаметром 0,8–9,0 м на западном берегу (урочище Сыроватка, мыс Шоломбродский) и островах у южного побережья моря (Голомянный, Мягостров, Коткано, Кондостров). По меньшей мере частично, они относятся к средневековой эпохе, судя по небольшой высоте над уровнем моря и расположению у поморских промысловых пунктов (Б. Жужмуй, Салма Луда, Сыроватка, Могильный, Шоломбродский).

Пять одиночных захоронений в каменных ящиках и камерах под овальными кучами вскрыты в трех пунктах на западном побережье (мысы Пурнаволок, Кирбей, бухта Глубокая) и на о. Бережные Лехлуды. Судя по внешним чертам, они совершены по христианскому православному обряду. Нет оснований сравнивать их, вслед за Н.В. Лобановой (2005, С. 46; 2006, С. 420), с саамскими могилами XI–XVI вв. в северо-восточной Норвегии, кроме такого общего признака, как расположение под каменными насыпями. Но эта черта совсем не обязательно является нормативным этнокультурным признаком, но может быть адаптивной особенностью захоронений на каменистых участках, где невозможно выкопать грунтовые могилы.

Прямоугольные ящики из плит и камеры под кучами ориентированы в направлении ЗВ, а погребенные в трех случаях лежали на спине головой на З или СЗ, в одном случае на боку в очень тесной камере. Погребальный инвентарь отсутствовал, кроме кусочка слюды и венчика гончарного сосуда не древнее XVII в. в захоронении Соностров на берегу бухты Глубокая. По предварительному определению антрополога В.И. Хартановича, два скелета на о. Бер. Лехлуды принадлежат молодым женщинам до 30 лет, а на берегу Глубокой похоронен мужчина старше 40 лет. Антропологические особенности позволяют опознать погребенных как европеоидов, вероятнее всего, представителей популяции карел.

В упомянутых случаях речь может идти о захоронениях поморов, которые жили здесь в период сезонных промыслов семьями или артелями и не могли быстро переправить умерших по разным причинам людей на деревенские кладбища. Кроме того, раньше поморы остерегались перевозить покойников «через воду». Захоронения представляют собой косвенные свидетельства промысловой деятельности местного населения за пределами населенных пунктов.

Сооружения производственно-бытового назначения: с хозяйственно-бытовой деятельностью непосредственно связаны каменные очаги, ямы, отчасти кучи. Эти объекты в массовом количестве встречаются в южной части Карельского берега и почти исчезают севернее Чупинского фьорда. Обычно они находятся у старых поморских промысловых пунктов.

Несмотря на сходные формы, каменные кучи имеют разные размеры, возраст и назначение. Некоторые из них находятся на местах недавних деревянных построек и представляют собой округлые и овальные очаги на местах промысловых изб, бани и рыбокоптилен, другие остались на местах рыбакских костров. Есть кучи неясного назначения, которые имеют необычную удлиненную форму, как на Сонострове и Пежаострове. Однако под некоторыми кучами обнаружены одиночные захоронения, а другие были подпорами старых поморских береговых и островных крестов.

Открытые очаги, по другой версии «дольмены» (Лобанова, 2006а, С. 422), сложены из каменных плит, имеют прямоугольную П-образную форму и размеры до 1,5x1,2 м с высотой стенок до 0,8 м. Они встречены в западном Поморье (о-ва Олений, Бережные Лехлуды). Есть и подковообразные очаги (2,2x2,0 м, выс. до 0,5 м, мыс Шоломбродский). Как правило, устье очагов открыто в сторону материка, а в камерах есть уголь и следы действия огня. В очагах на о. Бер. Лехлуды и Олений вскрыт слой углистой массы и спекшейся смолы (Косменко, 2007, С. 35). Судя по небольшой высоте 2–5 м над уровнем моря, они сооружены не раньше Средневековья. Очаги аналогичных форм с высокими стенками для защиты от морского ветра в этих местах делают и современные рыбаки (Долгая губа, протока юж. Яголомба, пролив Перговщина, о. Бережные).

Вблизи многих промысловых пунктов на островах и мысах зафиксировано ок. 150 ям. Разумеется, это не следы саамских жилищ-землянок, как их определял И.М. Мулло (1984, С. 76–77). Нет оснований предполагать и культовое назначение ям, которое допускают другие авторы (Лобанова, 2006, С. 422). Это временные хранилища промысловой добычи и припасов, которые обычно располагаются группами, редко поодиночке на высотах 2–4 м и на кру-

тых склонах – до 20 м. Ямы имеют округлую, овальную или прямоугольную форму, диаметр до 2,5 м и глубину до 1,5 м. Часто их сооружали в пределах узких каменных лент волноприбойной полосы на низких морских террасах, реже на площадках каменистых мысов. Еще реже встречаются ямы-«пещеры», вырытые под крупными валунами (о. М. Жужмуй) и прямоугольные углубления, перекрытые плоскими плитами (о. Салма Луда). Некоторые ямы-хранилища сооружены местным населением сравнительно недавно, если судить по сохранившимся остаткам деревянных перекрытий (о-ва Салма Луда, Зеленая Луда).

Кроме того, есть серия крупных и глубоких одиночных прямоугольных ям от кладовых-ледников, выкопанных в песчаном или галечном грунте на нижних морских террасах западного побережья (протоки юж. и сев. Яголомба, оз. Кювиканда, бухты Глубокая, Сонруцкая, и др.). Их внутренние размеры варьируют от 2,2x1,5 м и глубиной 1,0 м с выходом ок. 2,6x0,6 м (сев. Яголомба) до 1,4x1,4 м при глубине ок. 1,5 м (Глубокая). Внешне они похожи на котлованы небольших жилищ-землянок, но лишены очагов и культурных остатков. Ледники сооружены не раньше позднего Средневековья и сопутствуют крупномасштабному промыслу, ориентированному не только на внутреннее потребление, но и на хранение продукции с последующим торговым сбытом накопленных партий.

Уникальное каменное сооружение у мыса Пурнаволок расположено в прибрежной части пологого склона берега моря, на высоте 2–3 м (рис. 5). Оно не имеет аналогов в Беломорье и явно сделано не раньше Средневековья. Это прямоугольная яма с выложенными камнями стенками (внешние размеры 4,5x3,0 м, внутренние 2,6x2,0 м при глубине ок. 1 м) и крытым каменными блоками ходом (4,4x2,0–2,4 м, внутр. шир. 0,6 м и выс. 0,5 м). Судя по единичным кусочкам шлака и обломкам железных предметов (в т.ч. обручей бочек), интенсивным следам огня на дне и стенках ямы, сооружение имеет неясное отношение к обработке железа. Впрочем, нет оснований считать его железоделательным горном. По форме, размерам и конструкции оно весьма похоже на кладовые-ледники в устье проток из оз. Яголомба и др., но последние не имеют крытых каменных ходов. Вблизи сооружения находятся остатки очень старого поморского креста со знаками в круглых рамках.

Рис. 5. Сооружение у мыса Пурнаволок.

В ряде пунктов обнаружены низкие прямоугольные ленточные сложения из камней, которые иногда называют «оградками». Многокамерные прямоугольные «оградки» на Соловках (о. Анзерский) были предварительно определены как саамские могильники XII–XV вв., но их раскопки не выявили каких-либо прямых и косвенных признаков захоронений (Мартынов, 2002, С. 127–132). Судя по составу находок (гончарная посуда, кованые гвозди), это вероятнее всего, остатки ленточных каменных фундаментов многокамерных жилых или производственных средневековых деревянных строений. Остатки похожих многокамерных построек раскопаны в северо-восточной Норвегии, где они принадлежали разноэтничным торговым сообществам средневековой эпохи (Henriksen, Amundsen, 2003). Одиночные «оградки» в промысловых пунктах являются фундаментами стен избушек или амбаров размерами от 2х3 м до 6,5х4 м (о-ва Б. Кузьмин, М. Жужмуй, Нем. Кузов, возможно, Бер. Лехлуды). Они пока не изучались археологами. Впрочем, на о. Рус. и Нем. Кузова есть следы построек без каменных фундаментов. Следы такой избушки с очагом в неглубокой впадине 3,8х1,5 м раскопал И.М. Мулло на Нем. Кузове (Шахнович, 2006, С. 410–411). Остатки бревенчатой избушки размерами 2,4х2,0 м с очагом-каменкой в левом заднем от выхода углу и в сочетании с менгириом и ямой от кладовой-ледника есть на сев. Яголомбе (Косменко, 2007б, С. 104).

Интерпретация каменных сооружений Поморья: разумеется, описанные сооружения дают неполную картину промысловой культуры поморов. Имеющиеся археологические материалы дают представление лишь о некоторых категориях ее материальных остатков. Для детальной реконструкции культуры нужно привлекать письменные, археологические, этнографические источники и сведения, касающиеся объектов морских промыслов. Археологический аспект этой междисциплинарной темы интересен тем, что позволяет описать некоторые черты адаптивной промысловой культуры, которая уже практически исчезла как особая форма производства, а также выявить связь между приспособлением материальной культуры разноязычных переселенцев русских и карел к совершенно новой природной среде и социальной организацией их экономики.

Современные исследователи определяют поморов как смешанную по своему происхождению, интегрированную локальную группу, которая сложилась к середине XVI в. главным образом из русских переселенцев на южном и карел на западном побережье моря (Бернштам, 1978, С. 70; Жуков, 2005, С. 86–89). Это хозяйственно-культурная, а не этноязыковая общность. Географию расселения поморов во многом определило расположение промысловых угодий (Амелина, 2007, С. 76). Их объединила адаптивная ориентация хозяйства, а именно развитие товарных морских промыслов, включая солеварение, кроме того, ряд социально-политических обстоятельств (Жуков, 2005; Амелина, 2009). В конечном счете, все это обусловило более высокий уровень осознания современными поморами своей общности по сравнению с другими локальными группами населения Карелии (Логинов, 2005, С. 64).

Рукотворные каменные объекты Поморья возникли вследствие комбинированного влияния относительно устойчивых природных и более подвижных социальных факторов. Особенности и динамику формирования промысловой культуры поморов определяли пути сезонных миграций морских рыб и животных, расположение и природные особенности островов, в т.ч. наличие пресной воды, специализация, география и организация промыслов, спрос на различные виды продукции и др.

С одной стороны, сооружения можно однозначно рассматривать, как результат активной экологической адаптации средневекового населения к специфическим условиям островов южной и западной части моря, а также тех участков западного побережья, где камень служил строительным материалом. Их делали поморы, независимо от этноязыкового состава, вблизи своих участков сезонной морской промысловой деятельности. Поэтому ареал сооружений очень узок и ограничен прибрежной зоной Поморья. Показательно, что их нет во внутренних районах морского бассейна и на нижних озерах в озерно-речных системах. Сооружения отсутствуют и на болотистом южном берегу моря в Прибеломорской низменности, в т.ч. вблизи средневековых промысловых пунктов в низовьях рек, но многочисленны на каменистых островах и участках побережья. В западном Поморье наиболее заметны скопления на островах около г. Кемь, а также у дер. Калгалакша, Гридино, Соностров. Здесь много объектов разных

видов, вполне уверенно датируемых не раньше Средневековья. Они прямо или косвенно связаны именно с морской промысловой деятельностью поморов.

С другой стороны, состав, количество и локализация каменных сооружений зависели от направлений, способов и масштабов хозяйственной деятельности населения Поморья. Направления и объем товарного производства определяла экономическая политика Соловецкого монастыря, который в начале XVII в. завладел практически всей прибрежной зоной южного и западного Беломорья. Существенную, если не главную роль в сложении профиля поморской экономики играла ее адаптация к потребностям формирующегося общероссийского рынка того времени. Монастырь широко торговал продукцией морских промыслов с другими областями Московского государства, а также скандинавскими странами. Массовая концентрация каменных сооружений полностью совпадает с зоной промысловой деятельности поморов во владениях Соловецкого монастыря.

Основную массу сооружений в прибрежной зоне Поморья можно отнести к XVI–XVIII вв. Учитывая трудность точной датировки отдельных объектов, не следует игнорировать вопрос о заимствовании поморами традиций строительства каменных сооружений у субстратного охотничье-рыболовецкого саамского населения. Однако преемственная связь такого рода не выявляется в археологических материалах. Каменных сооружений нет около скоплений древних поселений в низовьях Сумы, Выга, Кеми, Керети. Точно не опознаны какие-либо сооружения на Соловках и Кузовах, связанные с небольшими древними стоянками «домонастырского» времени. Нет веских оснований говорить о древних береговых культурах, ориентированных на морские промыслы. Есть лишь данные о летней прибрежной гарпунной охоте с лодок на морских животных еще в каменном веке (петроглифы, малочисленные кости тюленей на поселениях этого времени в низовье Выга: (Савватеев, 1970; 1977, С. 324) и Керети: (Тарасов, 2007, С. 51)).

Экологическая адаптация охотников-рыболовов в раннем Средневековье и более древних периодах никогда не принимала форму регулярной сезонной эксплуатации морских ресурсов в специальных промысловых пунктах за пределами поселений. Этот уровень и соответствующая продуктивность промыслов были достигнуты только в позднем Средневековье и были связаны с ориентацией на товарное производство. Если даже условно допустить, что какие-либо виды каменных объектов ранее сооружались на Белом море саамами или иными финноязычными популяциями, то в Средневековье они стали межкультурным и межэтническим явлением, связанным с промысловой деятельностью оседлых поморов.

Итак, каменные сооружения Карельского Поморья были тесно связаны с промысловой деятельностью поморов. Среди них нет четко выраженных языческих культовых объектов. Судя по обряду захоронения и крестам, они вписываются в христианский православный контекст. Нужно подчеркнуть, что религиозные представления и православная символика не определяли основные функции сооружений, но сочетались с ними в качестве сопровождающих традиционных элементов духовной культуры поморов.

Размещение, состав и количество каменных объектов зависели от ориентации и масштабов деятельности промысловиков. Сфера и масштабы морских промыслов в Поморье зависели от экономической политики Соловецкого монастыря, который стал крупнейшим вотчинником на Российском Севере и поощрял промыслы, стимулируя сложение хозяйственно-культурной специфики поморов. В конечном счете, организация морских промыслов под патронажем монастыря обусловила форму и степень экологического приспособления поморов и, соответственно, границы массового распространения описанных видов каменных сооружений.

Наконец заметим, что несмотря на резкую смену форм организации промыслов в XX веке, наблюдается преемственность некоторых видов сооружений средневекового и более позднего населения Поморья. Традиция сооружения ям-хранилищ и ледников, особых форм очагов и видимо менгиров, оказалась стойкой и сохранилась у поморов до недавнего времени, равно как продолжилось использование прежних промысловых пунктов.

Abstract

In the southern and western coastal zone of the White Sea in the Republic of Karelia (Russia) there are 49 sites containing about 1300 stone structures at least of 9 kinds: labyrinths, menhirs, low pyramidal structures, rectangular foundations, cairns, single burials, hearths, pits and some structures of individual shapes, in particular the stone walls. Most of structures are situated on the islands, partly along the sea-shore (13 sites) within the range of elevations of 2–120 m above sea level.

Some archaeologists interpreted artificial and some natural stone objects as the objects of pagan religious cult and ascribed them to ancient Sámi, Karelians or unidentified populations. But the contextual analysis makes it clear that the artificial stone objects cannot be dated to the Bronze, Iron and Early Middle Ages. A lot of structures of all kinds are placed on the levels of 2–4 m while the sites of mentioned periods at the Vyg River mouth are situated higher than 7.5 m. In general, the structures concentrated around the Solovetsky monastery and several old Pomor villages. Most of stone objects are located at the former field stations of Pomors who were the sea hunters-fishermen and the mixed descendants of Russian and Karelian peasants migrated in this area. The adaptive peculiarity of Pomor culture was the arrangement outside of villages many special field stations for the seasonal exploitation of marine resources. Pomors produced different sea goods mostly for sale. The economic policy was largely formed by Solovetsky monastery – the feudal possessor of coastal area. After all, the stone structures have reflected the economic activities of Pomor population and the specific form of its adaptation to the sea environs.

Литература

- Амелина Т.П. Из истории средневековых поселений Беломорья // КГИБМ, 2007.
- Амелина Т.П. Вопросы хозяйственно-культурной адаптации населения Карелии в эпоху Средневековья и Нового времени // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Гуманитарные исследования. Вып.4. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 169–191.
- Бельский С.В. Каменные лабиринты побережья Выборгского залива (к постановке проблемы) // ПСИКЕС, 2006.
- Бернштам Т.А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.
- Брюсов А.Я. История древней Карелии // Труды ГИМ. Вып. IX. М., 1940.
- Виноградов Н.Н. Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных памятников // Материалы Соловецкого общества краеведения. Вып. 4. Соловки, 1927.
- Виноградов Н.Н. К вопросу о значении некоторых первобытных сооружений Соловецкого архипелага // Археология Севера. Петрозаводск, 1997 (1935).
- Гурина Н.Н. Каменные лабиринты Беломорья // СА. 1948. Т. X.
- Гурина Н.Н. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР // МИА. 1961. № 87.
- Демидов И.Н. История развития ландшафтного заказника «Кузова» в Белом море в поздне- и послеледниковые // Культурное и природное наследие островов Белого моря. Петрозаводск, 2002.
- Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836.
- Жуков А.Ю. Этносоциальные истоки генезиса поморов. XV–XVI вв. // Межкультурные взаимодействия в полигэтническом пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005.
- Косменко М.Г. Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб., 1993.
- Косменко М.Г. Древности приморской зоны южного и западного Беломорья // КГИБМ, 2007а.
- Косменко М.Г. Каталог археологических памятников приморской зоны южного и западного Беломорья // КГИБМ, 2007б.
- Косменко М.Г. Экологическая и культурная адаптация охотников-рыболовов бронзового, железного веков и морских промысловиков эпохи Средневековья в Карелии // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Гуманитарные исследования. Вып.4. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 135–168.
- Кузнецова В.П. Почитаемые места и памятники Поморья // ПИНФ, 2003.
- Кузьмин Д.В. Формирование этнолингвистической карты карельского Поморья по сведениям топонимии // КГИБМ, 2007.

- Куратов А.А. О каменных лабиринтах Северной Европы (опыт классификации) // СА. 1970. № 1.
- Лобанова Н.В. Итоги и перспективы изучения археологических памятников Онежской губы Белого моря // ПИНФ, 2003.
- Лобанова Н.В. Археологические исследования на Карельском берегу Белого моря (2003–2005 гг.) // Межкультурные взаимодействия в полиглоссическом пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005.
- Лобанова Н.В. К вопросу о каменных сооружениях Карельского Беломорья (по материалам археологических разведок 2000–2005 гг.) // ПСИКЕС, 2006.
- Логинов К.К. К вопросу об этнолокальных и локальных группах русских Карелии // Межкультурные взаимодействия в полиглоссическом пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005.
- Лукашов А.Д. Геология и геоморфология // Позднеледниковые и голоцен Восточной Фенноскандии (палеорастительность и палеогеография). Петрозаводск, 2000.
- Манюхин И.С. Саамы (культовые памятники) // АК, 1996.
- Манюхин И.С. Культовые места саамов в Карелии // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.
- Манюхин И.С., Лобанова Н.В. Археологические памятники архипелага Кузова // Культурное и природное наследие островов Белого моря. Петрозаводск, 2002.
- Мартынов А.Я. Археологические памятники Соловецкого архипелага и других островов южной части Белого моря. Архангельск-Соловки, 2002.
- Мулло И.М. К вопросу о каменных лабиринтах Беломорья // Новые памятники истории древней Карелии. Петрозаводск, 1966.
- Мулло И.М. Памятники древней культуры на Кузовых островах // Археология и археография Беломорья. Архангельск-Соловки, 1984.
- Савватеев Ю.А. Залавруга. Ч.1. Петроглифы. Л., 1970.
- Савватеев Ю.А. Залавруга. Ч.2. Стоянки. Л., 1977.
- Тарасов А.Ю. Археологические исследования в нижнем течении реки Керети в северном Прибеломорье в 2004–2006 гг. // КГИБМ, 2007.
- Титов Ю.В. Лабиринты и сейды. Петрозаводск, 1976.
- Филатова В.Ф. Проблемы изучения экологической и культурной адаптации населения Карелии эпохи мезолита // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Гуманитарные исследования. Вып.4. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 9–43.
- Шахнович М.М. К вопросу о валунных насыпях на островах в Белом море // ПИНФ, 2003.
- Шахнович М.М. «Наземные каменные памятники» на островах Кузова в Белом море и И.М. Мулло: хроника сложения «саамского» мифа // ПСИКЕС, 2006.
- Dunfjeld-Aagård L. Interpretation of historical and archaeological sources in the South Sami coastal area of Norway. (Report) // International Conference on Sámi Archaeology. October 2006. Rovaniemi, 2006.
- Henriksen J.E., Amundsen C.P. Multi-room houses and trans-cultural interaction in medieval coastal Finnmark // ПИНФ, 2003.
- Kraft J. Labyrint och ryttalek // Fornvännen. 72. Stockholm, 1977.
- Olsen B. Material metaphors and historical practice: A structural analysis of stone labyrinths in coastal Finnmark // Fennoscandia Archaeologica. VIII. Helsinki, 1991.
- Saarikivi J. On the uralic substrate toponymy of Arkhangelsk region: problems of research methodology and ethnohistorical interpretation // Substrata Uralica. (Article 2). Tartu, 2006.
- Sørgård Å. Labyrinths in the North // ПИНФ, 2003.

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОНЧАРНОГО ГОРНА НА XLII РАСКОПЕ БИЛЯРСКОГО ГОРОДИЩА

А.Ф. Кочкина

Самарский областной краеведческий музей, г. Самара

Наличие гончарного района в крупнейшем городе Волжской Болгарии – Билире – свидетельство высокого уровня организации болгарского ремесла. Специализированные теплотехнические устройства гончарного района размещались за стенами внутреннего города на берегу р.Билирки. В 1970–1980-е годы в гончарном районе были проведены раскопки Н.А. Кокориной, в результате которых на XX раскопе были исследованы 10 горнов различной степени сохранности (Кокорина, 1983). Изучение конструктивных особенностей горнов позволило исследовательнице сделать заключение, что билирские гончары использовали два вида печей: двухкамерные с прямым ходом пламени и однокамерные с обратным ходом пламени (Кокорина, 1983. С. 65). Наиболее распространенными были двухкамерные печи с горизонтальной перегородкой без опор (Кокорина, 1983. С. 67).

В 1993 г. в 100 м к юго-западу от внешней стороны вала внутреннего города Билирского городища, в 15 м к юго-востоку от берега р. Билирки была прорыта глубокая траншея, частично разрушившая гончарный горн. На месте полуразрушенного горна был заложен XLII раскоп общей площадью 16 кв. м (рис. 1, 1). В осыпи траншеи, ориентированной по линии юго-запад – северо-восток, прослеживалось большое количество керамики, глиняной обмазки, кирпичей. В 1993 и 1995 гг. на раскопе был исследован горн с предгорновыми сооружениями. В процессе раскопок было установлено, что стенки горна первоначально были разрушены еще в древности, а внутренняя камера была тщательно заполнена бракованной гончарной продукцией. В ходе расчистки горна были выявлены такие его части конструкции, которые позволили предположить, что данное устройство использовалось неоднократно, причем второй период функционирования данного объекта не был связан с его первоначальным назначением. Статья посвящена изложению предварительных результатов этих исследований.

С раскопа происходит большое количество находок, преимущественно круговой керамики, немного лепной и подправленной на круге керамики, фрагментов и целых кирпичей, детали печного припаса, индивидуальные находки. Эти материалы требуют отдельного самостоятельного исследования.

Раскоп XLII состоял из пяти участков (три полных квадрата размерами 2x2 м, два пол-квадрата треугольной формы) и был ориентирован по сторонам света (рис. 1, 2). Вдоль траншеи полосой на ширину 1,2–1,5 м сохранился культурный слой с задернованной поверхностью. С северо-западной стороны этой полосы культурный слой был снят бульдозером на глубину 40–50 см. За условный «0» был принят юго-западный угол кв. Б/2, от которого рассчитывались все глубины. Сначала было произведено исследование культурного слоя по штыкам по 20 см до уровня поверхности, снятой бульдозером. Общая зачистка раскопа проводилась после снятия II штыка.

Стратиграфию удалось проследить полностью только на северной стенке кв. А/3 и южной стенке кв. Б/1 (рис. 3, 1, 2). На кв. А/3 под дерном (3–4 см) шел слой рыхлой крупно-структурной супеси темно-серого цвета мощностью до 40 см в западной и восточной части участка, 80 см – в средней части участка. Он представлял собой слой запустения в районе выявленного объекта и заполнение верхнего слоя сооружения 2, был насыщен фрагментами керамики, обломками кирпичей. Этот слой подстипался погребенной почвой мощностью до 30 см – серой супесью с коричневатыми вкраплениями. Материк – глина орехового цвета. На кв. Б/1 под дерном (3–4 см) фиксировался слой рыхлой супеси темно-серого цвета мощностью до 40 см, насыщенный фрагментами керамики и кирпича.

Горн №1 (кв.Б/2) в юго-восточной части был разрушен практически наполовину. Северо-западная часть горна также оказалась сильно разрушенной. Четыре кирпича кладки выявились только в его северной стенке (рис. 2). В остальной части по контуру сооружения про-

слеживалась кирпичная крошка, обломки глиняной обмазки, под ними – красноватая обожженная глина (рис. 2). Внутреннее заполнение горна состояло из битого кирпича, обмазки, мелких и крупных фрагментов керамики, среди которых имелись развалы сосудов (рис. 8). Поверхность многих сосудов была покрыта известково-золистым налетом.

После зачистки II штыка (рис. 2) в западной части кв. А, Б/1 выявилась погребенная почва, представляющая собой супесь серого цвета с коричневатыми вкраплениями. На кв. А, Б/1, кв. А/2, 3 с северной и северо-восточной сторон к горну примыкало пятно аморфных очертаний, заполнение которого составлял рыхлый пестроцвет, насыщенный углами, золой. В северной части отмечались скопления керамики, включения угля, желтой и серо-желтой глины, в южной части кв. А/1 фиксировалось золистое скопление с включениями керамики, в юго-западной части кв. А/3 прослеживалось интенсивное золистое заполнение.

На кв. А/1, шт. 3 на глубине –37–44 см от условного «0» при расчистке верхнего слоя западной половины предгорновой ямы (сооружение 1) были обнаружены череп и длинные кости человека в неупорядоченном положении, а также развал кругового кувшина (рис. 3, 3; 7, 1). Краниологическое исследование было проведено И.Р. Газимзяновым (г. Казань, Институт истории АН РТ). По его мнению, череп принадлежал подростку (девочке?) 13–15 лет. Незахороненные останки, вероятно, связаны с последним периодом существования города – временем монгольского нашествия.

Снятие III шт. производилось на всех участках. После зачистки III шт. в западной половине кв. А, Б/1, выявился материк – желтая глина. На кв. А/1 оконтурилось сооружение 2, примыкающее к горну, размерами 2,3x1,1 м. Его заполнение состояло из темно-серой супеси, содержащей обильную золу в южной части, много керамики, битого кирпича, угля. В южной части кв. А/1 и в северной части кв. Б/2 фиксировалось золистое скопление. К северо-западной части горна с внешней стороны примыкает сооружение 1 размерами 2,5x1,6 м. В его верхней части прослеживалось золистое округлое пятно диаметром 70 см. Мощность заполнения около 10 см. Северо-восточный угол сооружения 1 был перекрыт сооружением 3, уходящим в северную стенку раскопа. Оно вошло в раскоп частично и представляло собой пестроцветное пятно с включениями мелкой и крупной керамики, битого кирпича, угля (кв. А/2).

Горн №1: в сохранившейся верхней части устройства прослеживалась сплошная забутовка внутренней камеры, состоявшая из кусков кирпичей, глиняной обмазки, фрагментов керамики, среди которых встречались развалы сосудов. Много открытых форм (большие блюдообразные сосуды). Здесь же были найдены обломки небольших глиняных штырей, фрагменты стеклянных предметов, обломки подставок под сосуды (рис. 6, 1, 2).

При расчистке камеры на глубину 35–40 см от поверхности в ее середине выявилось темно-серое полукруглое пятно с включениями угольков размерами 60x85 см. На этой же глубине на стенах камеры фиксировались куски извести.

Под слоем извести на глубине –50 от условного «0» в юго-западной части горна был выявлен слой глинистой забутовки (глиняная обмазка), в перемешку с фрагментами керамики, битым кирпичом. В северо-восточной части фиксировался золистый слой с кусками глиняной обмазки, фрагментами керамики, кирпичей (мощность примерно 20–25 см).

Ниже шел слой, перемешанный с материковой глиной, темно-серым грунтом, обломками кирпичей, кусками глиняной обмазки, керамикой. Под ним находился слой извести, на которой была уложена прослойка крупных фрагментов пережженной керамики мощностью 2,5–3 см, часть из них была в ошлакованном состоянии. Слой извести мощностью 8–12 см шел практически по всей поверхности сохранившейся половины горна. Под ним фиксировался слой глины мощностью 5 см ярко кирпичного цвета (прокаленной), в котором встречались мелкие и средние фрагменты керамики, глиняная обмазка, угольный шлак. Ниже шла светло-желтая глина с песком, включениями кирпичной крошки, обломками кирпичей, керамики. На керамике прослеживались следы сажи, копоти, некоторые кирпичи были ошлакованы.

После завершения расчистки горна выявились особенности его конструкции, по всей видимости, связанные с особенностями его эксплуатации. В нижней части была полностью выявлена топочная камера круглой в плане формы с прямыми стенками. Ее внутренний диаметр составлял 130 см. В северо-западной стенке в придонной части был сооружен топочный ка-

нал №1 шириной 52 см, высотой 40 см, оформленный в виде арки (рис. 5, 1). Он был сложен из квадратных кирпичей размерами 12x12x5 см, в качестве скрепляющего раствора использовалась глина, в высоту прослеживались 6 рядов кирпичей, длина примерно 92 см, поверх пе- рекрытия арки был выявлен слой извести и глины (до 15 см), которая в верхней части была обожжена до красного цвета, внизу ореховатая материковая глина. Над топочным каналом № 1 выявлены остатки стенок горна, сложенные из кирпича на глине, в остальной части стенки были разрушены и заполнены битой керамикой вперемешку с глиной, битым кирпичом. Забутовка производилась послойно. Топочный канал № 1 устьем выходил в предгорновую яму (Сооружение 1).

Предгорновая яма была углублена в материк почти на 60 см. Она имела овальную в плане форму размерами 250x150 см, в сечении подпрямоугольную форму. В северо-западной стороне стенка скошена ко дну, переход ко дну плавный.

Разрез сооружения по линии север–юг (рис. 5, 2) выявил следующие напластования: в верхней части шел слой глинистой забутовки с включениями немногочисленной керамики, обломков кирпичей, глиняной обмазки. Мощность слоя составляла 20–26 см. В северо-западной стороне в верхней части по краю сооружения фиксировалась темно-серая супесь мощностью 10–25 см, которая составляла основное заполнение ямы, содержащее битый кирпич. В остальной части была преимущественно битая керамика.

Перед топочным каналом № 1 зафиксирована глиняная забутовка. Между верхним слоем материковой ореховатой глины на темно-серой супеси у дна и темно-серой забутовкой отмечена золистая прослойка длиной от стенки горна на северо-запад 165 см, мощностью 6–16 см (рис. 5, 2). Глубина сооружения от края ямы составляла 60 см. В северо-восточном углу выявлена столбовая яма 1б окружной в плане формы диаметром 15 см, глубиной около 10 см.

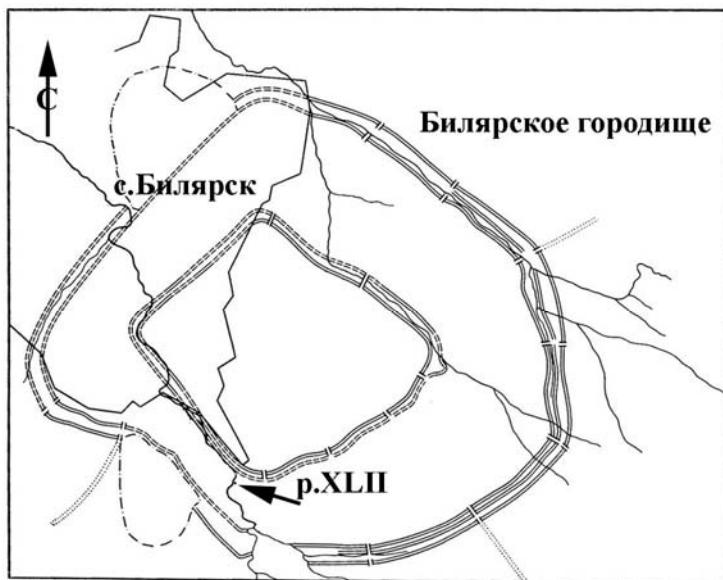
Перед топочным каналом № 1 на дне сооружении 1 выявлена округлая в плане полусферическая в разрезе яма 1а диаметром 29 см, глубиной 10 см. Дно сооружения ровное.

При расчистке горна в придонной части на уровне топочного канала № 1 отмечена забутовка битым кирпичом и глиной, сверху был слой ореховатой глины, прокаленной в верхней части. Сам топочный канал был забутован аналогичным заполнением. Кирпичи и керамика в этой части заполнения сооружения были закопчены. Видимо, этот топочный канал, как и нижняя часть камеры и предгорновая яма (сооружение 1), был специально забутован после завершения функционирования горна как обжигательного устройства. Вся камера была тщательно уложена послойно фрагментами битой керамики. Этот керамический комплекс, очевидно, соотносится с изделиями гончаров, которые обжигалась в данном горне. Дно камеры и топочного канала №1 располагались на одном уровне на глубине –87 от условного «0»

В северо-восточной стенке горна на глубине –47 см от условного «0» на уровне известкового слоя выявлен топочный канал № 2, заполненный золой (рис. 4). Он был сложен из кирпичей 12x12x5 см. Его размеры: длина – 100 см, ширина – 40 см, в сечении имеет вогнутую форму (рис. 5, 3). Он был полностью разрушен в верхней части. Кроме керамики, глины, кирпичей, фиксировалась темно-серая супесь из культурного слоя. С юго-восточной стороны топочный канал был разрушен карьером (рис. 4).

К топочному каналу № 2 примыкала сооружение 2, представлявшее собой слабо углубленную в материк площадку четырехугольной формы (рис. 4; 5, 4). Его северо-восточная часть разрушена карьером. В юго-западном и северо-западном углах площадки выявлены небольшие столбовые ямы: столбовая яма 2б имела окружную форму и диаметр 20 см, столбовая яма 2в была овальной формы и имела размеры 15x20 см. Общие размеры сооружения – длина 185–198 см, сохранившаяся ширина – 140–145 см. Прямо перед устьем топочного канала № 2 в сооружении 2 расчищена округлая в плане полусферическая в сечении яма 2а диаметром 50 см, заполненная золой, угольками, встречались фрагменты керамики. Вероятно, яма 2а предназначалась для выгребания золы из топочного канала № 2.

Судя по всему, сооружение 2 представляло собой предгорновую площадку, сверху покрытую навесом на четырех столбах.

Условные обозначения:

	- дерн		- фраг.керамики
	- темно-серая супесь		- угли
	- зола		- кирпичи
	- сажа		- серо-желтая глина
	- обожженная глина фраг.глин.обмазки, кирпичей, керамики		- серая супесь с коричневатыми вкраплениями - погребенная почва
	- желтая глина		- материк

Рис. 1. Схематичный план Билярского городища с местоположением раскопа XLII.
Условные обозначения используются далее в чертежах (рис. 2–5).

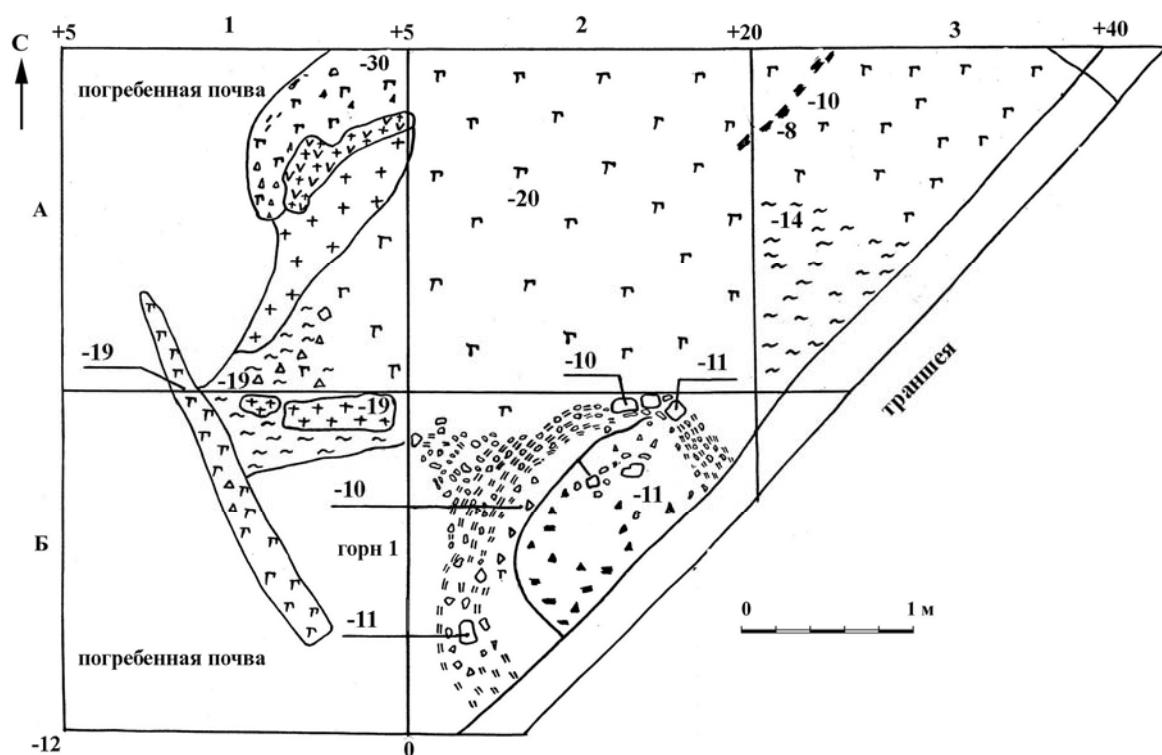

Рис. 2. Раскоп XLII. План после зачистки II штыка.

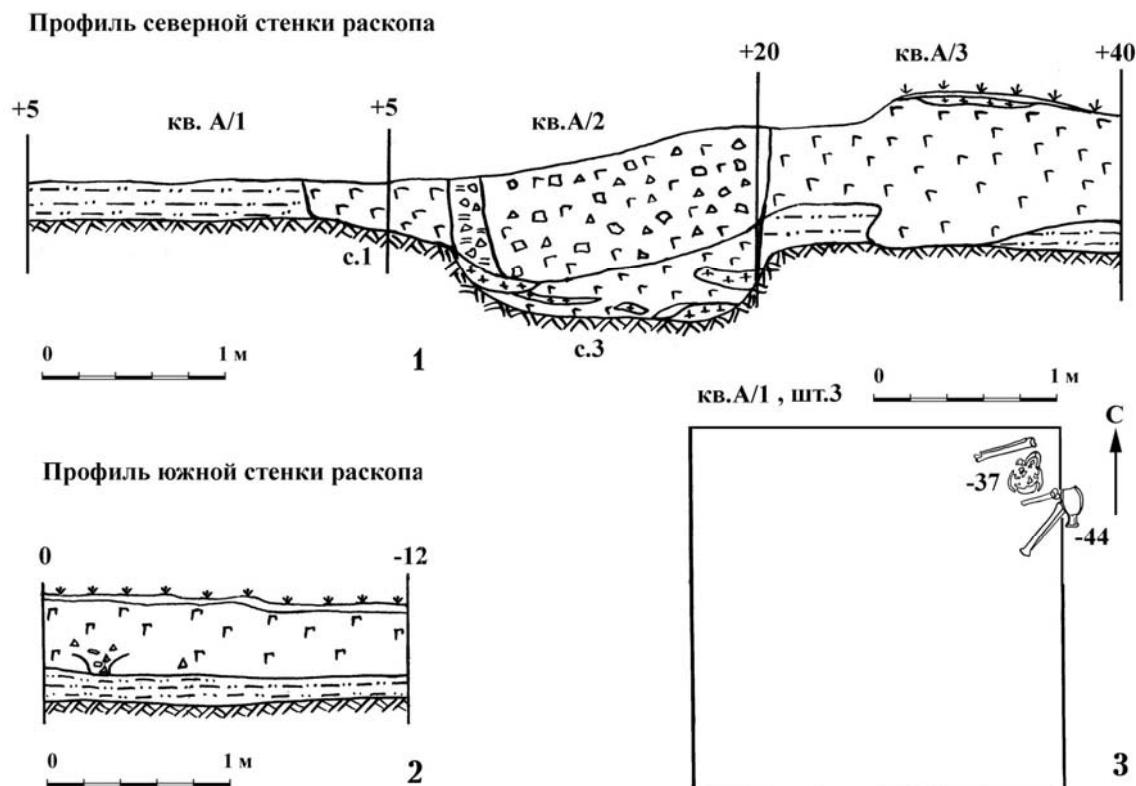

Рис. 3. Раскоп XLII. 1 – профиль северной стенки раскопа;
2 – профиль южной стенки раскопа;
3 – кости человека и развал кругового кувшина на кв. А/1, шт. III.

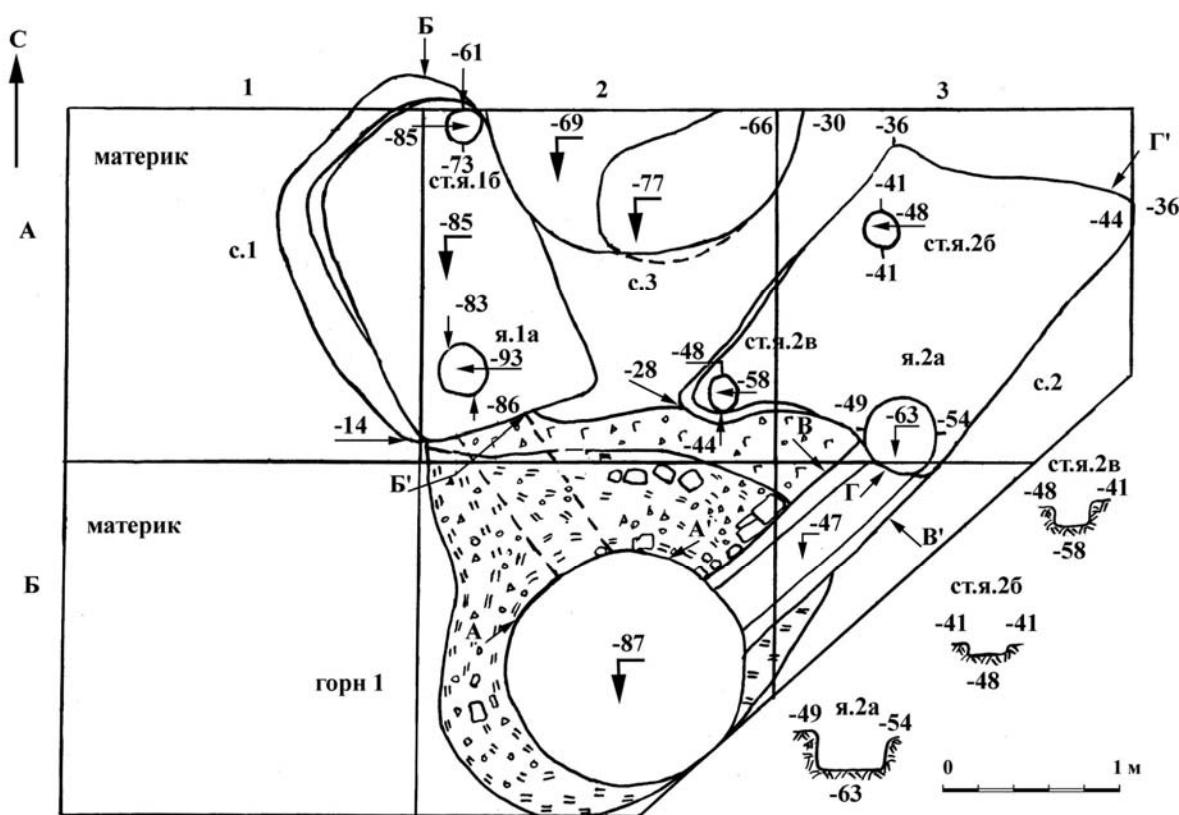

Рис. 4. Раскоп XLII. Общий план раскопа.

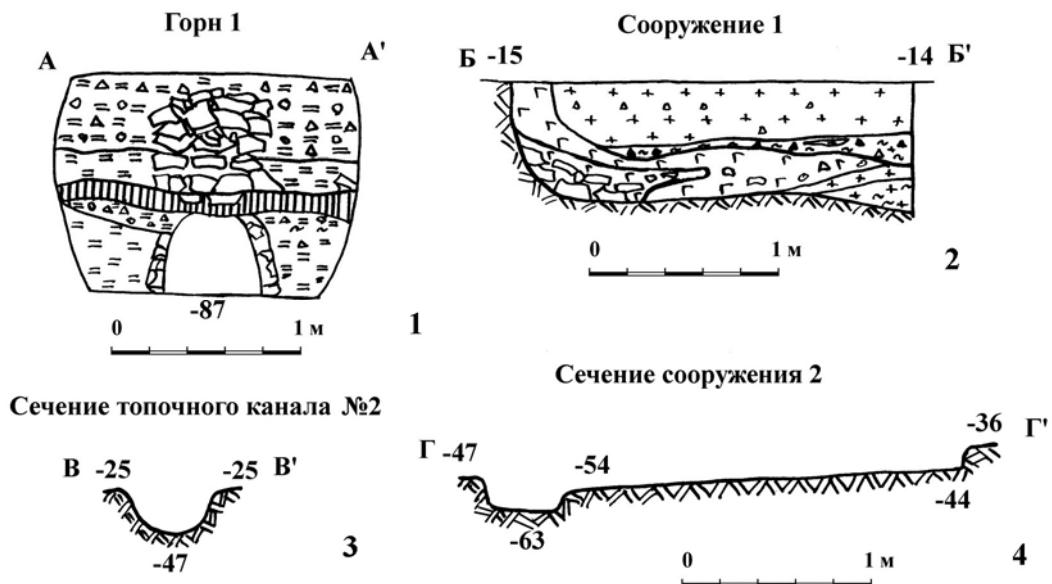

Рис. 5. Раскоп XLII. 1 – разрез горна 1 по линии топочного канала №1 со стороны внутренней камеры; 2 – заполнение сооружения 1; 3 – сечение топочного канала №2; 4 – сечение сооружения 2;

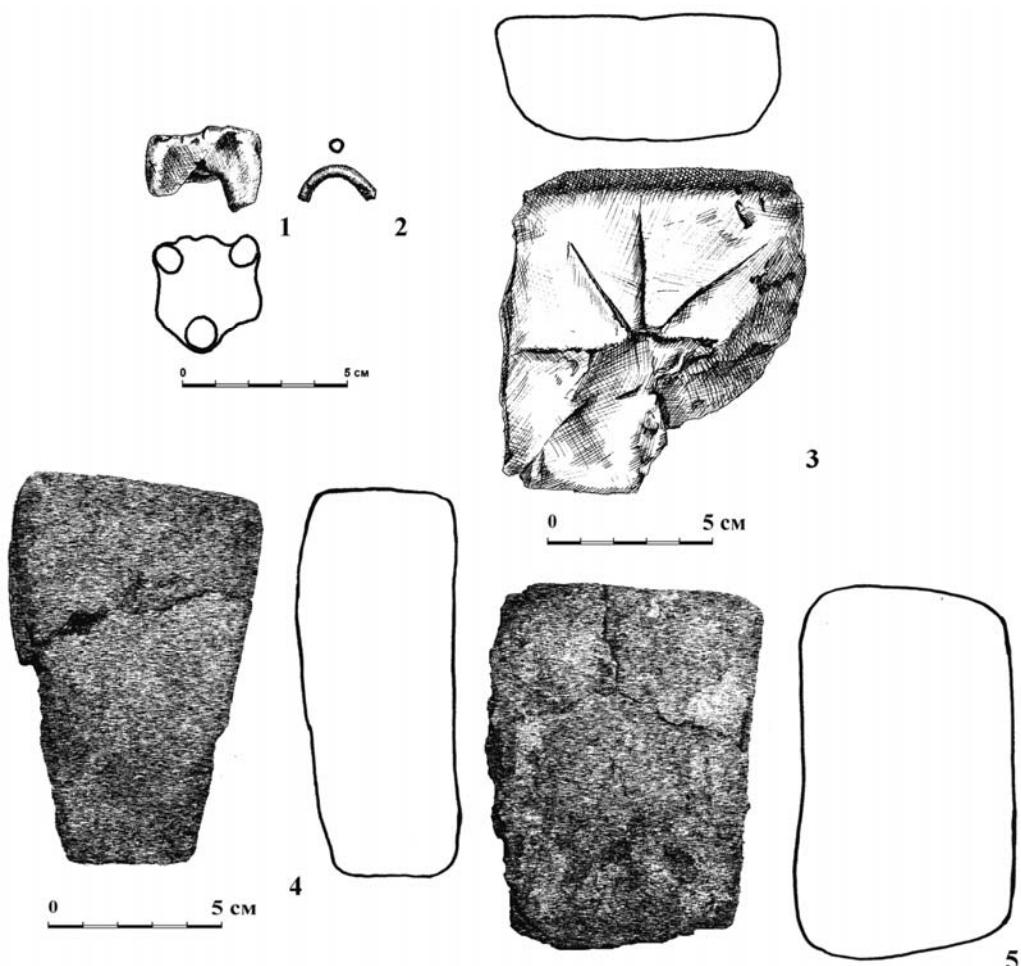

Рис. 6. Раскоп XLII. 1, 2 – печной припас (глиняные подставки под сосуды); 3 – кирпич с солярным знаком; 4, 5 – кирпичи из стенок горна.

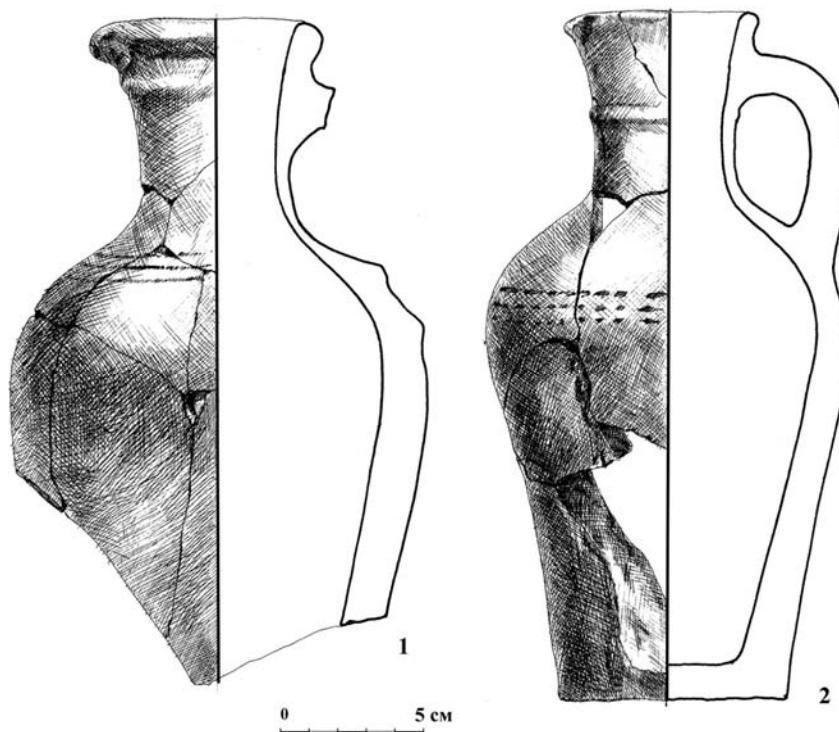

Рис. 7. Раскоп XLII.
1, 2 – круговые кувшины.

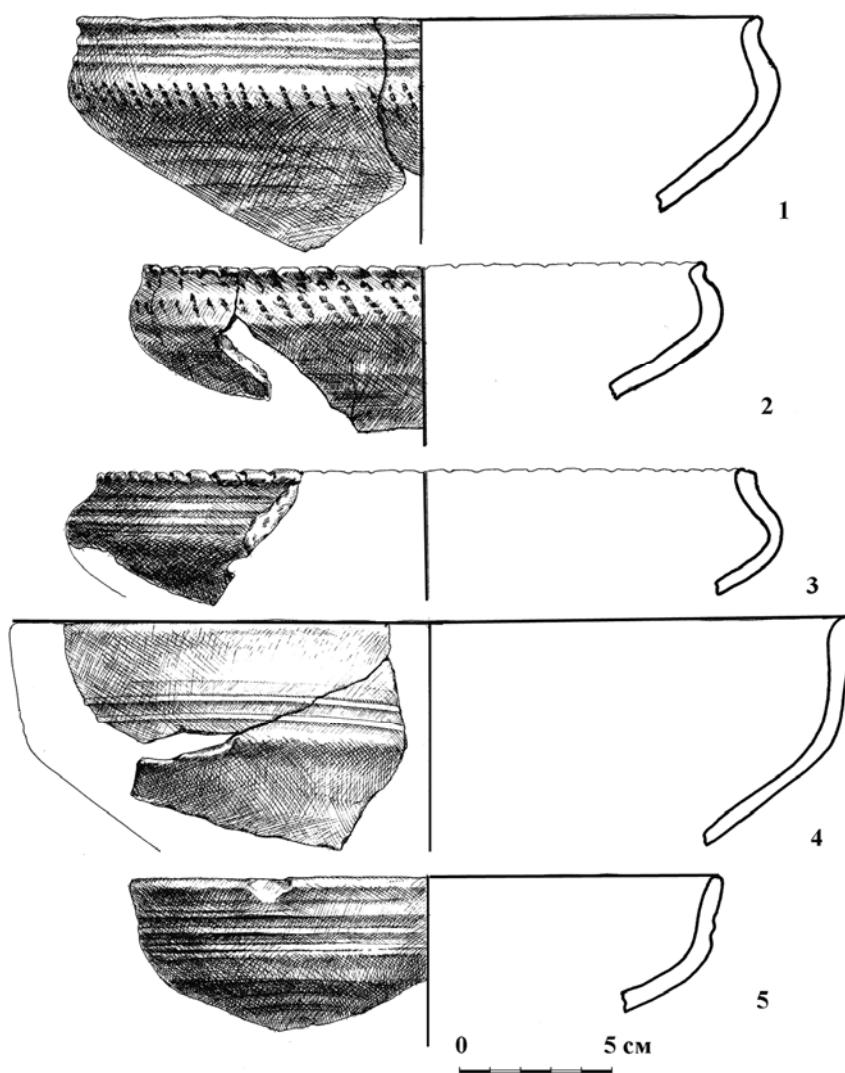

Рис. 8. Раскоп XLII.
1–5 – круговые сосуды
из заполнения горна.

Сооружение 1 в северо-восточном углу было перерезано сооружением 3, расположенным в северной части кв. А/2, которое частично вошло в раскоп. Оно имело полукруглую в плане форму диаметром 180 см, вошло в раскоп на 80 см, стенки прямые, в юго-восточной части стенки слегка расширялись ко дну. Заполнение состояло из темно-серой супеси, насыщенной фрагментами керамики, битым кирпичом, в придонной части зафиксированы линзы глины. Дно было неровным, глубина составляла от края 26–36 см, у южной стенки 47 см, –69–77 от условного «0». Это сооружение было самым поздним среди исследованных на раскопе. В процессе расчистки горна были найдены кирпичи различной формы и разных размеров. Кирпичи выделяются квадратные в плане формы, размерами 8,5x8,5x4 см, на одном таком кирпиче обнаружен почерченный по сырой глине восьмиконечный крест – солярный знак (рис. 6, 3). Размеры других кирпичей – 12–13x5–6 см, кирпичи трапециевидной и клиновидной формы (рис. 6, 4, 5).

Датирующих предметов на раскопе не было найдено. Внутри верхней камеры был обнаружен железный нож небольших размеров, типичный для болгарских древностей всего до монгольского периода, костяные лощила, астрагал с отверстием, 2 бронзовые кольцевидные серьги или височные кольца из круглой в сечении проволоки. Стратиграфически весь комплекс предварительно можно отнести к XII – началу XIII вв.

В процессе исследования стало очевидным, что данное устройство имеет два периода эксплуатации.

Первоначально было сооружено устройство для обжига гончарной продукции, соответствующее типовому болгарскому горну домонгольского времени. Вероятнее всего, он имел двухкамерную конструкцию. Первая нижняя камера была выкопана в материке, имела диаметр 130 см. Об этом свидетельствует полностью выявленная камера с обожженными стенками, в северо-восточной стенке был сделан топочный канал, соединявший топочную камеру с предгорновой ямой, никаких других элементов внутренней конструкции не сохранилось. Затем нижняя часть устройства, а также топочный канал № 1 были полностью заложены битой керамикой, глиной, и, вероятно, на уровне разграничения нижней и верхней камеры был сделан новый топочный канал № 2 в северо-восточной стенке печи. Как уже отмечалось выше, перед ним была сооружена слабоуглубленная предгорновая яма (площадка) с навесом над ней. Таким образом, устройство было преобразовано в однокамерную печь. В ее заполнении на уровне дна был зафиксирован слой извести, крупные куски извести встречались и в самом заполнении. В сохранившихся стенках печи также прослеживается прослойка извести. Впоследствии, однако, сооружение было разобрано, о чем свидетельствуют развал стенок верхней части камеры печи, выявленный при ее расчистке, и забутовка верхней камеры битой керамикой. Среди этого развода встречались кирпичи с оплавившейся поверхностью, сильно ошлакованная керамика. Анализ особенности заполнения печи позволил предположить, что исследованное полуразрушенное устройство во второй период своего функционирования скорее всего являлось печью для выжигания извести. Известь довольно широко использовалась в средневековом ремесле, хозяйстве и в быту. Кроме строительства, она применялась в сельском хозяйстве, в том числе в животноводстве, в кожевенном и текстильном производстве и др. (Строительная известь...).

Специальных печей для выжигания извести на средневековых памятниках известно немного, среди них – печи в Киеве, Суздале, Новгороде (Раппопорт, 1994. С. 39–44; Липатов, 2006. С. 10). Наиболее полные сведения о средневековых печах Древней Руси, Византии, Восточной и Западной Европы собраны А.А. Липатовым (Липатов, 2006. С. 10).

Интересные данные по истории получения извести приводятся в работах по строительным материалам (Эвальд, 1930). Наиболее древним и самым простым способом получения извести является выжигание в костре. Эта техника довольно долго сохранялась. Но уже с римского времени появляются специальные печи, просуществовавшие почти в неизменном виде до XX в. Подобные печи были обнаружены в Словакии, Германии (Самый древний...).

Специализированные печи могли быть как периодического действия, так и постоянного. Если в первом случае для выгрузки извести печь должна была остыть, то во втором, топка не прекращалась, отверстие для выгрузки извести было отдельным. Известны и такие случаи,

когда для выжигания извести использовались «кирпичнообжигательные печи», стоящие без работы (Эвальд, 1930).

Таким образом, устройство для термической обработки гончарной продукции, прекратившее использоваться по назначению по каким-либо причинам, ремесленниками Биляра вполне могло быть перестроено в печь для выжигания извести.

Литература

Кокорина Н.А. Гончарные горны Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983.

Липатов А.А. Византийские традиции в строительном производстве Древней Руси: строительные растворы, стены, фундаменты. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.

Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси (Х–XIII вв.). СПб., 1994.

Строительная известь: виды, свойства, применение // <http://www.fomalg.kiev.ua/fomalg/main/press-relizy/izvest.htm>.

Самый древний и простой способ производства извести // <http://geo-arheolog.ru/2009/01/samyy-drevniy-i-prostoy/>

Эвальд В.В. Строительные материалы. Их приготовление, свойства и испытание. Л., 1930 // <http://www.sdelaeamsami.ru/stroymat.html>.

МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ ХУДЯКОВ: ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

Е.А. Кошелева, В.Н. Бахматова

Вятский государственный гуманитарный университет, г. Киров

Институт истории им. Ш.Марджсани АН РТ, г. Казань

Среди выдающихся исследователей древней и средневековой истории и культуры народов Среднего Поволжья и Приуралья по праву должно быть и имя Михаила Георгиевича Худякова. С этим именем мы сталкиваемся в библиографических указателях литературы по истории, археологии, этнографии, фольклору, музеиному делу, но лишь довоенного времени. С 1960-х годов появляются ссылки на труды М.Г. Худякова, но в большей мере с негативной оценкой его творчества. Это отношение донеслось через устную память поколения учёных, кто знал и работал с Худяковым в 1920–30-ые годы в Казани (Н.И. Воробьёв, Н.Ф. Калинин, Е.И. Чернышёв и др.) и Ленинграде (П.П. Ефименко, П.Н. Третьяков, М.И. Артамонов, П.И. Борисковский, М.П. Грязнов и др.). Тем не менее, прошлое предпочитали не ворошить, или по личным причинам (М.П. Грязнов), или всё ещё были напуганы образом «врага народа» (Е.И. Чернышёв, П.И. Борисковский) (Кузьминых С.В., Старостин П.Н. 1995. С. 157). И только в 90-е годы XX века появляется интерес к судьбе, личности и творчеству М.Г. Худякова. В 1991 г. переизданы его «Очерки по истории Казанского ханства», увидела свет ранее не опубликованная рукопись «Из народного эпоса вотяков. Песни, сказания...» (Кузьминых С.В., Старостин П.Н. 1995. С. 157). В 1992–1993 гг. в Казанском пединституте состоялись «Худяковские чтения».

М.Г. Худяков был «вычеркнут» из жизни и науки в расцвете творческих сил 42-летним, автором более 130 работ. Статьи расстрельного 1936 г. остались не упомянутыми в традиционных указателях журналов «Советская этнография» и «Проблемы истории докапиталистических обществ». Его труды можно найти в спецхранилищах центральных библиотек и в глубинке, где пренебрегли запретительными циркулярами. Так, его труды сохранились в фондах библиотеки областного краеведческого музея и областной научной библиотеки им. Герцена г. Кирова.

В непростой противоречивой судьбе и многогранном творческом пути М.Г. Худякова наблюдается 4 этапа. Первый (1910–1918 гг.) – связан с гимназическими и студенческими годами в Казани. Второй (1918/19–1924/25 гг.) – является «звёздным» в творческом пути Худякова. В эти годы он формируется как личность и учёный. Два последующих периода (1925–1929/30 и 1930/31–1936 гг.) связаны уже с Ленинградом (Кузьминых С.В., Старостин П.Н. 1995. С. 158). Первые два периода его жизни наименее изучены. О них и пойдёт речь в нашей статье.

Михаил Георгиевич Худяков родился 3/15 сентября 1894 года в г. Малмыже Вятской губернии. Воспитание получил в обеспеченной русской купеческой семье. Детство, прошедшее в уездном городке, в семье патриархального уклада наложило свой отпечаток: почерпнув дух богатой культуры трудолюбивого мариийского и татарского народа, слушая местные протяжные песни, красивые легенды, наблюдая, порой, бесправное положение простых людей, мальчикрос искренним и любознательным. Достигнув положенного возраста, он был отправлен для обучения в 1-ю мужскую гимназию г. Казани. После окончания гимназии он обучался на историко-филологическом факультете Казанского университета (1913–1918 гг.). Здесь и определился интерес М.Г. к археологии, истории и культуре народов Среднего Поволжья и Приуралья, среди которого прошло его детство и отрочество. Свою научную деятельность М.Г. начинает ещё в студенческие годы. Под руководством П.А. Пономарёва участвует в раскопках древних Булгарских городов: Болгары (1914 г.) и Билярск (1915 г.). По итогам экспедиции в Билярске по заданию П.А. Пономарёва он подготовил статью «Разведки в Билярске летом 1915 года», опубликована в «ИОАИЭ Его Императорского Величества при Казанском университете» за 1916 г. (Худяков М.Г. 1916. С. 56–57). В 1915 г. в Трудах ВУАК публикуется первое самостоятельное исследование М. Худякова «Исторический очерк города Малмыжа» (ТВУАК. 1915 г. Вып. 2. Отд. III).

В очередном серьёзном исследовании «Древности Малмыжского уезда» Худяков заимствовал принцип А.А. Спицына из «Каталога древностей Вятской губернии» (Худяков М.Г. 1917. С. 3–49). Он также разделил все памятники на четыре раздела: каменный век, бронзовый век, железный век и «неопределённые древности» и в начале каждого раздела поместил введение. Здесь надо сказать, что примером для молодого учёного стали научные труды А.А. Спицына о Вятском крае. Худяков неоднократно пытается связаться с ним, наладить контакты.

В 1918 г. после окончания университет М.Г. вернулся в родной Малмыж, где развернул бурную общественно-научную деятельность. В январе 1918 г. принимает активное участие в организации Малмыжского исторического общества по типу Вятской Учёной Архивной Комиссии, является его секретарём. Занимается вопросом создания музея в г. Малмыже. «На первых порах мы завязали сношения с Вяткой, Кукаркой, Казанью, Москвой и Петроградом» – пишет Худяков в письме заведующему Вятским Губернским музеем Лебедеву (ГАКО. Ф.Р–1163. Оп.1. Д.31. Л.87 об). Инициативная группа в составе Н.М. Бочкарёва, А.А. Покровского и К.П. Чайникова начинает собирать легенды, предания, различные сведения о древностях Малмыжского уезда. Летом, по инициативе членов общества, были совершены две разведки по уезду «с целью осмотра археологических памятников и записи сведений, дополняющих отрывочные сообщения А.А. Спицына 1880-х гг.» (ГАКО. Ф.Р–1163. Оп.1. Д.31. Л.87). Летом 1918 г. Худяков вновь пытается привлечь внимание А.А. Спицына к исследованиям на Вятке. 12 июля на общем собрании Малмыжского исторического общества он делает доклад об археологических исследованиях Спицына в Малмыжском уезде. По его инициативе, здесь же А.А. Спицын избирается почётным членом общества. 5 августа 1918 г. Спицыну отправляется почётный диплом (Архив ИИМК. Ф.5. Ед.хр.10а. Л.1).

В конце 1918 г. Худяков уезжает в Казань. «...Это было в тот самый момент, когда Малмыж со всех сторон был окружён белогвардейцами и отрезан от всех городов, кроме того, я неизбежно подвергаюсь в Малмыже риску быть мобилизованным», пишет он 1 ноября 1919 г. в письме А.С. Лебедеву (ГАКО. Ф.Р–1163. Оп.1. Д.31. Л.86 об.). После отъезда М. Худякова Общество возглавил Н.М. Бочкарёв. Судьба, по праву его «детища», не безразлична Худякову и после отъезда «...развитие деятельности Общества должно было ... прекратиться, так как... мне пришлось оставить Малмыж и переселиться в Казань, я был поставлен в такие условия, что лишён был возможности не только приехать в Малмыж, но даже переписываться по почте с членами Общества» (ГАКО. Ф.Р–1163. Оп.1. Д.31. Л.86 об). В том же письме А.С. Лебедеву, обращаясь за поддержкой Обществу, Худяков пишет о его судьбе: «Долгое время в городе были запрещены любые собрания... Зимой 1919 г., когда наладилось более или менее спокойная жизнь, возникли тревожные слухи, исходившие из Внешкольного Подотдела о том, что Общество, ввиду его бездействия, следовало бы закрыть... Однако, в марте текущего года представители Общества принимали участие в уездном съезде внешкольников, и Н.М. Бочкарёв прочёл два доклада. Все тезисы этих докладов были приняты целиком, Общество было признано научным руководителем музеиного дела в уезде. Но, по-видимому, какой-то рок тяготеет над Обществом: как раз с этим моментом совпала эвакуация Малмыжа, и работы Общества опять прекратились» (ГАКО. Ф.Р–1163. Оп.1. Д.31. Л.86 об).

В Казани М.Г. поступает на работу в качестве преподавателя советской школы II ступени. Одновременно выполняет работу библиотекаря Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. С 1 февраля 1919 г. по приглашению профессора Б.Ф. Адлера, заведующего Казанским Губернским Музеем (с 1920 г. Центральный музей Татарской республики), Худяков был принят хранителем одной из коллекций, позднее переведён заведующим историко-археологическим отделом, занимает эту должность до отъезда в Ленинград (1925 г.). Летом этого же года он прочитал курс лекций по краеведению в г. Арске, «Принял участие в экспедиции московских учёных под руководством И.Э. Грабаря в Болгары и изучал фрески в Свияжске» (ГАКО. Ф.Р–1163. Оп.1. Д.31. Л.86 об.). С осени того же года до 1922 г. преподаёт в Северо-Восточном археологическом институте (в дальнейшем Восточный педагогический).

В 1920 г. в Малмыже по инициативе Внешкольного подотдела был организован Музей Местного края, в фонды которого были переданы коллекции Малмыжского Исторического Общества. В 1921 г. М.Г. Худяков получает свидетельство на звание действительного сотрудника Малмыжского Музея местного края и активно участвует в деятельности музея: проводит несколько музейных конференций летом и осенью 1921 г, где обсуждаются проблемы становления музеиного дела в провинции. 19–24 мая 1922 г. Худяков участвует в экскурсии Музея по археологическим памятникам Малмыжского уезда (ГАКО. Ф.Р–1163. Оп.1. Д.31. Л.4).

К середине 20-х гг. благодаря деятельности Худякова и его сподвижников заведующий музеем О.А. Забудский составил список археологических памятников на территории Малмыжского уезда Вятской губернии. Могильник «Атамановы кости»: открыт в 1877 г. и исследован в 1877–1881 гг. С.К. Кузнецовым (Талицкая И.А. 1952. С. 19). Аргыжское «костеносное городище»: городище было исследовано в 1887 г. П.А. Пономарёвым, небольшие разведки в области городища были проведены в начале 1920-х гг. М.Г. Худяковым. «Вичмарский могильник»: открыт в 1915 г. исследован был в 1921 г. работниками Малмыжского музея (Талицкая И.А. 1952. С. 20). Тушкинское курганное поле: курганы открыты в 1915 г. М. Худяковым (Худяков М.Г. Труды ВУАК. 1917. С. 31). Богатырский бугор: на него указал М.Г. Худяков в работе «Древности Малмыжского уезда» 1917 г. (Худяков М.Г. Труды ВУАК. 1917. С. 30). Курган вблизи г. Малмыжа: о нём М.Г. говорит в «Древностях Малмыжского уезда» (Худяков М.Г. Труды ВУАК. 1917. С. 33). Вихаревский клад IX–X вв. близ д. Вихарево: в 1890 г. было найдено пять серебряных гринен и серебряная орнаментированная чашка (Талицкая И.А. 1952. С. 20).

Наибольший интерес, по мнению сотрудников музея, имеет Вичмарский могильник и в 1926 г. заведующий музеем О.А. Забудский ведёт переписку с А.А. Спицыным о возможном его приезде и осмотре памятника (ГАКО. Ф.Р–1163. Оп.1. Д.67. Л.40). Спицыну не удалось посетить могильник в 1926 г. В 1927 г. Худяков провёл здесь раскопки вместе со своим братом Иваном сотрудником Малмыжского музея.

В это время М.Г. Худяков, как и многие учёные-историки того времени, испытывает трудности в публикации своих трудов, связанных с историей родного уезда. Примером может служить попытка учёного издать «Историю покорения Малмыжа» в 1921 г. через содействие Малмыжского Музея Местного Края. В связи с этим заведующий Музеем О.А. Забудский отмечал: «Ввиду невозможности издавать подобные труды без санкции губернии, произведения эти будут первоначально направлены в Вятку для просмотра и получения затем возможного разрешения для напечатания с предоставлением необходимого количества бумаги» (ГАКО. Ф.Р–1163. Оп.1. Д.31. Л.135). Первоначально рукопись была направлена в Малмыжский уездный политико-просветительный отдел, который отправил сочинение «История покорения Малмыжа» в Вятку заведующему политотдела Печати Уполитпросвета Малиновскому В.Н. Дальнейшего продвижения дело не получило, рукопись осела в архиве Вятского губернского подотдела по делам музеев и охраны памятников старины и искусства и опубликована не была прежде всего по причине отсутствия средств. Этим исследованием он продолжил свои изыскания, начатые в 1915 г., добавив к нему летописные и этнографические источники ранее не известные. В данной работе исследователь вступает в спор о дате покорения Малмыжа: ранее Худяков опирался на версию, сформулированную А.А. Спицыным, приурочившую покорение Малмыжа к походу Ивана Грозного на Казань в 1550 г. В этой работе М.Г. Худяков, прибегнув к более тщательному анализу таких источников как, Царственная книга 1769 г. и Казанский Летописец, отказывается от даты 1550 г. и считает наиболее вероятной датой покорения Малмыжа – Арский поход 1552 г. (ГАКО. Ф.Р–1163. Оп.1. Д.31. Л.135).

Худяков живёт и работает в Казани до 1925 г. В 1920-х гг. он стал одним из организаторов Научного общества татароведения и опубликовал ряд историко-этнографических и археологических исследований по истории народов региона, как тюркских, так и финно-угорских. В своих трудах высказывает идею о полноценности культур народов, населяющих Казанский край, как отдельной самостоятельной этнокультурной общности с богатыми и древними традициями. Среди этих работ по истории и Культуре народов Казанской губернии особое место занимают «Очерки по истории Казанского ханства» (1923 г). Концепция, с ко-

торой выступил молодой учёный, вызывала тогда горячие споры среди специалистов-историков и общественности. На основе изучения источников Худяков доказал, что казанские татары задолго до присоединения к России имели свою собственную богатую культуру, которой русификаторская политика царизма нанесла значительный урон (Усманов М.А. 1991. С. 5–9). «Очерки...» стали первой научной работой Худякова, имеющей не только региональное, но и всероссийское значение, хотя и были не лишены недочётов.

В 1926–1929 гг. М.Г. Худяков учится в аспирантуре Государственной академии истории материальной культуры (г. Ленинград). После окончания работает научным сотрудником Государственной академии истории материальной культуры и продолжает заниматься проблемами истории народов Поволжья.

Будучи аспирантом, Худяков в 1927 г. проводит раскопки Воробьёвского и Вичмарского могильников в Малмыжском уезде Вятской губернии и делает вывод, что могильники относятся к Прикамской группе финских могильников пьяноборской культуры (Худяков М.Г. 1929. С. 49).

В начале 1930-х гг. во всесоюзных научных периодических изданиях выходит ряд статей М.Г. Худякова, посвящённых истории народов Поволжья (Худяков М.Г. 1932. С. 11–12; Худяков М.Г. 1931. С. 171–180). Круг его научных интересов довольно широк и разнообразен. Начав в юности с систематизации и обобщений ранее известного материала, учёный приходит к серьёзным аналитическим выводам, подкреплённым источниковой базой и фактологическим материалом.

Именно эти годы явились переломными в советской археологии и этнологии, произошла перестройка (революция) этих наук на марксистские рельсы. Она коренным образом изменила творческий путь Худякова, трансформировала его как человека и личность. Краеведов обвиняли в поддержке национализма в ущерб общенациональным интересам. Репрессии обрушились и на археологическое краеведение за его любовь к старине и заботы о древних церквях как национальному культурному достоянию. Разгром археологического краеведения сопровождался травлей старых кадров археологии и привёл почти к полной смене, как исследователей, так и самого содержания науки (Кузьминых С.В., Старостин П.Н. 1995. С. 162). Выходец из непролетарских слоёв, пропагандист краеведения, он сознавал уязвимость для критики своих ранних статей, идеи которых не были созвучны с политикой тоталитарного государства. В этой обстановке Худяков становится активным поборником системы и правоверным марксистом. Активное участие М.Г. в деле «руденковщины» было не единственным. Хроника тех лет донесла до нас и другие факты политического доносительства Худякова на своих коллег (Кузьминых С.В., Старостин П.Н. 1995. С. 165).

В 1933 г. в свет выходит работа М. Худякова, резко вписавшаяся в контекст научно-исторической мысли того времени, под названием «Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов», где он перечёркивает достижения дореволюционной археологии, обвиняя авторитетных учёных в плагиате, халатности, непрофессионализме и эксплуатации местного населения для удовлетворения научных амбиций. Данная публикация вызвала взрыв негодования в сознании всего русского научного сообщества.

В 1936 г. Худякову была присвоена степень доктора исторических наук. В этом же году он был арестован и 19 декабря 1936 г. расстрелян как «троцкист и враг народа» (Знаменитые люди о Казанском крае. 1990. С. 176). Его работы были преданы забвению.

Знакомясь с творческим наследием М.Г. Худякова (библиографический список его трудов насчитывает около 140 наименований), можно соглашаться или не соглашаться с его научными убеждениями, которые были смелыми на тот период времени. Прежде всего, это касается вопросов о мусульманской культуре Поволжья. Разумеется, в его работах существует некоторая односторонность в освещении событий истории, которая в большей или меньшей степени присуща каждому учёному.

Литература и источники

Архив ИИМК. Ф. 5. Ед. хр. 10а. Л. 1.

ГАКО. Ф. Р-1163. Оп. 1. Д. 31. Лл. 4, 35–95, 86–87, 135.

ГАКО. Ф. Р-1163. Оп. 1. Д. 67. Л. 40.

Кузьминых С.В., Старостин П.Н. Ленинградские годы в жизненном и творческом пути М. Г. Худякова // Санкт-Петербург и отечественная археология. СПб., 1995. С. 157–158.

Знаменитые люди о Казанском крае / Под ред. М.А. Усманова. Казань: Тат. книжное изда-
тельство, 1990. С. 176.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собран-
ным М.В. Талицким). Материалы и исследования по археологии СССР №27: Изд. АН СССР. М.,
1952. С. 19–21.

Усманов М.А. О Михаиле Худякове и его книге // М.Г. Худяков. Очерки по истории Казан-
ского ханства. М.: ИНСАМ, 1991. С. 5–9.

Худяков М.Г. Древности Малмыжского уезда // ТВУАК. 1917. Вып.2. Отд.3. С. 3–49.

Худяков М.Г. Казань в XV или XVI вв. // Материалы по истории ТатАССР: издание Истори-
ко-Археографического Института АН СССР. Л., 1932. С. 11–12.

Худяков М.Г. Из истории Нижегородского края // СЭ. 1931. № 3–4. С. 171–180.

Худяков М.Г. Раскопки в Билярске летом 1915 года // ИОАИЭ. Казань, 1916. Т. 29. Вып. 5–6.
С. 57–60.

МУСУЛЬМАНСКИЕ НЕКРОПОЛИ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА (ЕЩЕ РАЗ О ПУТЯХ РАСПРОСТРНЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ВЛИЯНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ХАЗАРИИ)

Э.Е. Кравченко

Донецкий областной краеведческий музей, г. Донецк

Распространение ислама в IX–X вв. в крупнейших центрах Хазарского каганата и его столице является общизвестным фактом. Как и то, что основная часть населения этого государства, даже к концу его существования, оставалась языческой (Флерова, 2001, С. 151). В связи с этим, выявление мусульманских памятников в среднем течении Северского Донца, на западной окраине каганата, при отсутствии их на огромной территории, отделяющей от этого отдаленного региона центральные области Хазарии, выглядит необычным, и вызвало ряд вопросов. Большинство их и ныне далеки от решения и представляют собой версии, имеющие большую или меньшую степень гипотетичности. Причиной этому являются слабая изученность некоторых некрополей, прилегающих к ним поселений и прочие факторы, обусловленные тем, что изучение этих археологических объектов началось относительно недавно.

Одним из первых возник вопрос о том, в самом ли деле указанные могильники относятся к хазарскому времени. Ныне он представляется наиболее изученным. В пользу датировки рассматриваемых некрополей раннесредневековым периодом свидетельствует как материал прилегающих к ним поселений, так и находки вещей салтово-маяцкой культуры (СМК) в отдельных захоронениях. Так, в погребениях Лысогоровского могильника было найдено 55 предметов (в том числе 2 монеты), не оставляющих сомнения в его датировке и культурной принадлежности (Красильников, Красильникова, 2005). Близкая ситуация наблюдается и на могильнике у с. Новолымаревка Беловодского р-на Луганской обл. (Красильников, 2001, С. 320). Археологический комплекс у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл. функционировал в течение всей эпохи средневековья. В связи с этим на его некрополях имеются мусульманские захоронения, относящиеся к различным периодам его истории. Тем не менее, и здесь на ряде могильников, датируемых по вещам СМК хазарским временем, присутствуют мусульманские захоронения (погр. 5–7, 11 р. 23; могильник в р. 20) (Швецов, Кравченко, 1988, С. 10–12; Михеев, 1968, С. 21–24). Менее выразителен вещественный материал из захоронений могильников археологического комплекса у с. Сидорово Славянского р-на Донецкой области. Здесь вещи СМК содержались лишь в трех погребениях (из 224 исследованных). Два из них (погр. 28 и 190) по обряду не отличались от захоронений могильников «зливкинского» типа (Кравченко, 2005, С. 159). Тем не менее, на Сидорово мусульманские некрополи непосредственно прилегают к крупному памятнику СМК, составляя с ним единый комплекс. Культурные напластования более позднего времени на данном памятнике отсутствуют (Кравченко, Давыденко, 2001, С. 233, 241; Кравченко, 2005, С. 156).

Более проблематичной представляется датировка указанных некрополей в рамках СМК. К.И. Красильников считал, что время формирования раннемусульманских могильников в среднем течении р. Северский Донец относится к последней четверти VIII века (Красильников, Красильникова, 2005, С. 214). К сер. IX в. относили время их появления А.Г. Копыл и С.И. Татаринов (Копыл, Татаринов, 1990, С. 58). По мнению автора данной работы, мусульманские общины появляются на Северском Донце не ранее 2-й пол. IX в., что совпадает с широким распространением ислама в Хазарии (Кравченко, 2005, С. 168–169).

Совершенно не изученным представляется вопрос об этнической принадлежности раннесредневековых мусульман среднего течения р. Северский Донец. Здесь авторами выдвигались различные точки зрения. Часть их относила это население к протоболгарам (Копыл, Татаринов, 1990). Другие считали его полиэтничным (Михеев, 1985, с.; Тортика, 2005, С. 7–8; 2006, С. 8–9; Кравченко, 2004; Красильников, Красильникова, 2005, С. 213). При всем этом, единственной публикацией по антропологии рассматриваемых некрополей является маленькая заметка, посвященная обследованию захоронений одного из могильников Маяков (Ход-

жайов, Швецов, 1992), который, ко всему прочему, относится к золотоордынскому времени (Кравченко, Швецов, 1989). Прочие же авторы в лучшем случае указывали на «долихокранию» или «присутствие монголоидных признаков» у погребенных на мусульманских некрополях, не приводя при этом конкретных краниометрических показателей (Копыл, Татаринов, 1990). Таким образом, вопрос об этнической принадлежности первых мусульман среднего течения Северского Донца, по всей видимости, останется открытым до обработки антропологических коллекций и сопоставления полученных данных с материалами других территорий.

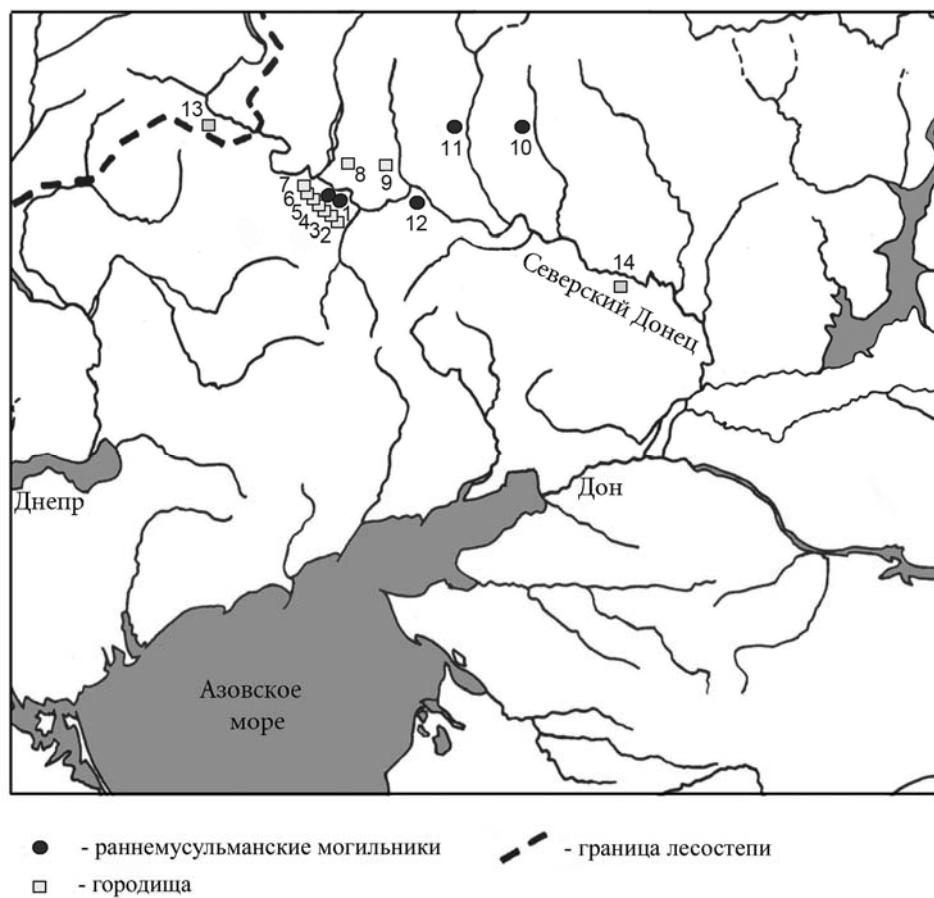

Рис. 1–9 – городища среднего течения Северского Донца;
 3 – Маяки; 4 – Сидорово; 10 – Новолымаревка; 11 – Лысогоровка;
 12 – Платоновка; 13 – Сухая Гомольша; 14 – Каменск-Шахтинский.

Не менее интересным является вопрос, откуда пришли первые мусульмане, принесшие ислам в среднее течение Северского Донца. По мнению А.Г. Копыла и С.И. Татаринова, это были «кавары», упоминаемые в исторических источниках (Копыл, Татаринов, 1990, С. 57–58). При этом авторы указывали, что «кавары» в плане религиозном, скорее всего, представляли собой очень пеструю картину.

К.И. Красильников считал, что распространение ислама в Среднедонечье было связано с проникновением сюда каких-то групп мусульман с территории Средней Азии, которые дали толчок к принятию новой веры частью местного протоболгарского населения. (Красильников, Красильникова, 2005, С. 215).

Точка зрения, что в распространении ислама на территории Хазарии ведущую роль играли выходцы из Средней Азии, фигурирует в работах многих исследователей (Якубовский, 1948, С. 261, 262, 270; Заходер, 1962, С. 154, 156; Минорский, 1963, С. 194). Имеются свидетельства в пользу распространения ислама со Средней Азии и на территорию Волжской Болгарии (Халикова, 1986, С. 143).

В целом же, версия о среднеазиатском происхождении людей, принесших ислам в среднее течение Северского Донца, выглядит вполне логичной. В пользу ее свидетельствуют некоторые материалы, обнаруженные на поселениях рассматриваемого нами региона. Так, К.И. Красильниковым в качестве аргументации приводился факт присутствия тандыров на памятниках этой территории. На обследованных им поселениях в 49 постройках из 37 отопительных сооружений, 21 было представлено тандырами (Красильников, 1986; Красильников, Красильникова, 2005, С. 215). Отопительные сооружения этого типа обнаружены и на археологических комплексах у с. Маяки и Сидорово. Интересен факт, что с гибелю СМК подобные сооружения на этой территории исчезают. Вновь они здесь появляются только в золотоордынское время в связи с влияниями из Средней Азии. Кроме этого, на Сидоровском городище зафиксировано наличие водосборных ям, стенки которых облицованы либо верхней частью крупного пифоса, поставленной на венчик, либо нижней частью такого же сосуда с выбитым дном. Возле этих ям расчищены отмостки из фрагментов керамики. Подобные ямы напоминают санитарные сооружения «тошна», распространенные на Востоке.

Возможно, с востока распространяются некоторые керамические формы, присутствующие на Сидоровском городище. К их числу относятся крышки с пестовидной ручкой, производившиеся на Сидорово и не известные на других памятниках региона. Происхождение этого типа крышек, широко представленных на поселениях X в. Волжской Болгарии, А.Х. Халиков связывал с влиянием джетыасарской культуры (Халиков, 1976, с. 45). Кроме этого, на памятнике была обнаружена еще одна массивная крышка, также не имеющая аналогов на памятниках СМК. Интерес представляет факт находки на Сидоровском городище железной булавки с волютовидным завершением, близкие параллели которой можно найти среди «стилевидных» предметов из курганов новинковского типа (Матвеева, 1997, с.69, рис.120, 6) и в материалах аскизской культуры (Кызласов, 2001, рис.2, 2).

Интересен факт, что на раннемусульманских некрополях среднего течения Северского Донца значительную часть могильных сооружений представляет ямы с заплечиками. На Лысогоровском могильнике количество их достигает 24%. На Сидоровском археологическом комплексе они вообще доминируют. Здесь всего 2 захоронения произведены в ямах с подбоем, остальные же – в ямах с заплечиками.

На всех раннемусульманских некрополях региона допущено существенное нарушение требований обрядности, выражющееся в отклонении от ориентировки погребенных лицом на Кыблу. Так, на Лысогоровском могильнике большинство могильных ям имеют отклонение к северу (Красильников, Красильникова, 2005, С. 214). Более ярко это явление проявляется на Сидоровском комплексе, где абсолютное большинство могил (около 95%) имели отклонение к северу достигающее иногда 35° и более (Кравченко, 2005, С. 157). Таким образом, ошибка представляется весьма существенной, т.к. по отношению к рассматриваемой нами территории Мекка находится практически на юге. В целом, на некрополях Сидоровского комплекса строго по канону (запад-восток или с отклонением 2–3° к югу) ориентированы всего около 5% могил. Ранее автором данной работы было выдвинуто мнение, что подобное явление было связано с сезонными отклонениями солнца (Кравченко, 2005, С. 157). Указанный вопрос рассматривался и К.И. Красильниковым, который убедительно показал, что это не так (Красильников, Красильникова, 2005, С. 214). Тем не менее, такая же картина наблюдается и на раннемусульманских некрополях Хорезма, на которых в этот же период наиболее распространенным видом погребального сооружения также являлась яма с заплечиками, ориентированная с отклонениями в северный сектор (Амиров, 2007). В целом, создается впечатление, что вместе с исламом в среднее течение Северского Донца был принесен и сложившийся на другой территории погребальный обряд, «тонкости» которого не совсем были понятны его носителям, и, тем более воспринявшему этот обряд местному населению.

Интересным является и вопрос, в связи с чем могли появиться на западной окраине каганата первые мусульмане. Известно, что в крупнейших центрах Хазарии распространителями ислама были выходцы из мусульманского мира – купцы, ремесленники и наемные воины (Заходер, 1962, С. 154, 156; Новосельцев, 1990, С. 120–122, 131, 153–154). В статье, посвященной проблеме, автор отводил ведущую роль в распространении ислама в среднем течении Се-

верского Донца торговым связям (Кравченко, 2005, С. 170). Логично было бы предположить, что в этом случае поселения с мусульманскими могильниками (если представлять их как пункты или базы хорезмийских купцов) должны быть вытянуты вдоль трассы торгового пути вплоть до самой Средней Азии. Тем не менее, за пределами рассматриваемого нами региона (в верхнем течении Северского Донца, на Дону и Северном Кавказе) таких поселений нет. Противоречит этой версии и анализ монетных находок, происходящих с памятников среднего течения Северского Донца. Среди них несколько византийских монет: солиды Константина V и Ирины (Сидоровское городище) и половинка подражания милиариссию X в. (городище Осиянская Гора). Из них одна фрагментирована, а вторая (солид Константина V) обрезана по кругу, что сближает ее с крымскими находками (Гурулева, 2004, С. 439–440). Значительное количество подобным образом «испорченной» монеты содержал и клад из Анастасиевски, содержащий монеты, вывезенные с территории Крыма (Semenov, 1994, р. 85). Абсолютное же большинство находок представлено обрезками куфических дирхемов и арабо-сасанидских драхм. Только на археологическом комплексе у с. Маяки обнаружено более 30 обрезков куфических дирхемов, относящихся к выпускам VIII – нач. IX века. Группа восточных монет (две половинки арабо-сасанидских драхм, целый и 6 фрагментированных дирхемов, целый и фрагментированный фельсы) была выявлена и на археологическом комплексе у с. Сидорово (Михеев, 1985, С. 19; Кравченко, 2005, С. 160).

Кроме этого, омейядский дирхем был найден в разрушенном погребении у с. Радьковские Пески; аббасидские дирхемы и их обрезки были выявлены в захоронениях Зливкинского (Городцов, 1905, С. 212, 258), Дроновского (Татаринов, 1978, С. 320–321) могильников, а также в разрушенном погребении(?) у с. Пришиб (Сибильев, 1931–1932, С. 43–44). Еще один дирхем 815/16 гг. выпуска был обнаружен близ сл. Райгородок (Спесивцев, 1905, С. 155–156). Единственный саманидский дирхем, о котором упоминалось ранее (Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998, С. 139), как выяснилось, происходил не с этой территории. Близкая картина наблюдается к востоку (Красильников, Красильникова, 2005, С. 212) и югу от рассматриваемого нами региона.

Таким образом, на памятниках хазарского времени, расположенных в среднем течении Северского Донца полностью отсутствуют монеты, выпущенные Саманидами. Наиболее поздние из обнаруженных здесь монет были чеканены до сер. IX в. и имеют следы длительного обращения. Показательно то, что к северу от этого региона, на территории лесостепи, находки саманидских монет, равно, как и подражаний им, представлены в достаточном количестве (Бейдин, Григорьянц, 2007, С. 39–51). Вполне вероятно, что если до сер. IX в. куфические дирхемы поступали в Степь и лесостепь с юга (Кропоткин, 1978, С. 111–118), то в более поздний период они идут туда по другому пути, в обход рассматриваемой нами территории. Таким образом, в тот период, когда в среднем течении р. Северский Донец появляются мусульманские общины, торговые связи между этим регионом и расположенными к северу от него лесостепными памятниками были ограниченными.

Вряд ли в качестве проповедников новой веры в среде населения Северского Донца выступали и ремесленники. Судить о наличии следов ремесленной деятельности на поселениях, к которым относятся могильники Лысогоровка, Новолымаревка и Платоновка, мы не можем в связи со слабой изученностью указанных памятников. Маяки же, вне всяких сомнений, представляли собой крупный ремесленный центр. На его некрополях, среди прочих, присутствуют и мусульманские захоронения. Тем не менее, их количество не столь велико, а обряд выдержан не так строго, как на соседнем Сидоровском городище, которое с полным правом можно назвать мусульманским памятником. Показательно, что на Сидорово находок орудий труда, связанных с ремеслами практически нет, а единственными ремесленными комплексами здесь пока что являются два гончарных горна, которые, скорее всего, обслуживали нужды жителей данного поселения и его округи.

Куда более интересным представляется вопрос о наемных воинах. Наличие в столице Хазарии мусульманских наемников является фактом, зафиксированным источниками (ал-Истахри, ал-Масуди). По мнению В.Ф. Минорского, это были аланы – выходцы из Средней Азии (Минорский, 1963, С. 194). Вполне реально предположить, что наемники-мусульмане

могли использоваться и на других территориях, в том числе и на границах каганата. Регион, где были выявлены раннемусульманские некрополи, являлся пограничным и наличие здесь воинского контингента, в том числе, наемного, было вполне вероятным. К западу от этой территории поселения салтово-маяцкой культуры, характерные для Доно-Донецкого региона, встречаются редко. Основная часть памятников здесь представлена степными кочевьями, широко распространенными вплоть до побережья Азовского моря. Классическими их примерами являются весенне-летнее стойбище Грузское-8 в Добропольском р-не Донецкой обл. (Кравченко, Петренко, Мирошниченко, 2009) и зимовник Бердянское в Приазовье (раскопки М.Л. Швецова, 1987). К северу же от рассматриваемого нами региона находится обширная область лесостепного варианта СМК, которую в литературе иногда называют Северо-Западная Хазария. Южную ее границу определить трудно. Условный ее рубеж проходит в районе нынешнего г. Изюм Харьковской обл. (Тортика, 2006, С. 9). Реально же памятники лесостепного варианта СМК находятся к северу от этой условной линии (Афанасьев, 1987, рис. 2).

Расположенная к югу от этой линии группа «городищ с земляными валами» (Плетнева, 1967, С. 22–24) и поселений СМК по всем показателям отличается от памятников лесостепи. Особенно резко эти отличия проявляются на материалах таких крупных археологических комплексов, таких как Маяки и Сидорово, рядом с которыми и расположены безинвентарные некрополи, в том числе, с мусульманским обрядом захоронения. Рядовые поселения этого региона сопровождаются могильниками другого «зливкинского» типа. Катаkomбных кладбищ здесь нет вовсе. Единичные катаkomбы могильника у с. Желтое (Красильников, 1991, С. 74–75, рис. 7) являются исключением, подтверждающим правило. Отсутствуют и могильники с биритуальным обрядом захоронения, присутствующие в лесостепной зоне. Так называемые «кремации», обнаруженные на Маяках, не содержат костных остатков, что не позволяет отнести их к погребальным комплексам (Аксенов, 2003, С. 64–67). Имеются отличия и в керамическом комплексе памятников (Кравченко, Давыденко, 2001, С. 242–247). Таким образом, группа памятников среднего течения Северского Донца относится к другому региону, причем мусульманские общины появляются вдоль его северной окраины, граничащей с памятниками лесостепного варианта СМК. Собственно говоря, известные ныне раннемусульманские некрополи расположены цепью, вытянутой в степи с запада на восток, параллельно находящейся севернее границе лесостепи.

В своих работах А.А. Тортика рассматривал Северо-Западную Хазарию в качестве передового форпоста на границе со славянским миром, указывая на высокую степень вооруженности и боеспособности ее населения. Вполне вероятно, что этот регион воспринимался современниками, как неотъемлемая часть Хазарского каганата (Тортика, 2006, С. 149) и ее население существовало «как этнокультурная и социально-политическая целостность только в рамках хазарского господства» (Тортика, 2006, С. 136). Тем не менее, в периоды ослабления центральной власти (а именно в это время и появляются на Северском Донце мусульманские общины) единство и сильная милитаризация этого региона могла вызывать беспокойство кагана, с чем и могло быть связано появление здесь своеобразного заслона из верных ему мусульманских наемников. Длительное нахождение в пределах населенных пунктов, высокий статус и влиятельность данной группы, могли вызвать принятие ислама местным населением, проживавшим на территории этих же поселений.

Вне сомнений, предлагаемая точка зрения является рабочей версией, требующей дополнительной аргументации. Существенно могут ее откорректировать как данные антропологии раннемусульманских некрополей, так и поиски новых подобных могильников на других территориях. Они вполне могут присутствовать близ южных границ Волжской Булгарии, а также в низовьях Волги. В последнем случае некрополи этого типа должны маркировать место нахождения хазарской столицы – Итиля.

Литература

- Аксенов В.С. К вопросу интерпретации некоторых комплексов Маяцкого селища // Проблеми історії та археології України. Харків, 2003.
- Амиров Ш.Ш. Мусульманский погребальный обряд в низовьях Амудары (некоторые вопросы и перспективы исследований) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. Уральск.
- Бейдин Г.В., Григорьянц М.Н. Клады и монеты Харьковщины. Харьков, 2007.
- Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Тр. XII АС. Т-1. М., 1905.
- Гурулева В.В. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Сугдее // Сугдейский сборник. Киев-Судак, 2004.
- Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе М., 1962.
- Копыл А.Г., Татаринов С.И. Мусульманские элементы в погребальном обряде праболгар Среднедонечья // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
- Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. О могильниках золотоордынской эпохи в Подонцовье // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конференции. Часть 3. Херсон, 1990.
- Кравченко Э.Е., Гусев О.А., Давыденко В.В. Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца (по археологическим источникам) // Археологический альманах № 7. Донецк, 1998.
- Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2001.
- Кравченко Э.Е. Городища среднего течения Северского Донца // Хазарский альманах. № 3. К.-Харьков, 2004.
- Кравченко Э.Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Донецк, 2005.
- Кравченко Э.Е., Петренко А.Н., Мирошниченко В.В. Исследования поселения Грузское 8 в 2007 г. // Археологічні дослідження в Україні. К, 2009.
- Красильников К.И. Тандыры в салтовских жилищах Подонья // СА № 2. 1986.
- Красильников К. Могильник древних болгар у с. Желтое // Проблеми на прабългарската история и култура. Т. 2. София, 1991.
- Красильников К.И. Новые данные об этническом составе населения Степного Подонцовья VIII – нач. X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2001.
- Красильников К.И., Красильникова Л.И. Могильник у с. Лысогоровка – новый источник по этноистории степей Подонцовья раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Донецк, 2005.
- Кропоткин В.В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978.
- Кызласов И.Л. О свадебном наряде средневековых хакасок // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 1. Самара, 2001.
- Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.
- Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963.
- Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях поселения салтовской культуры у с. Маяки в 1968 г. // НА ИА НАНУ 1968/48.
- Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории народов Восточной Европы и Северного Кавказа. М., 1990.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам М., 1967.
- Сибилев Н.В. Дневник разведок за 1931–1932 гг. // НА ИА НАНУ. Рукописный фонд Н.В. Сибилева. Ф-5 № 166.
- Спесивцев В. Найдены в Райгородке // Труды XII археологического съезда в Харькове в 1902 г. Т. 1. Москва, 1905.
- Татаринов С.И. Раскопки поселения эпохи бронзы на Северском Донце // АО 1977. М., 1978.
- Тортика А.А. Северо-западная Хазария в военно-политической системе каганата: к постановке проблемы // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Донецк, 2005.

- Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006.
- Флерова В.Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М., 2001
- Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города. М., 1976.
- Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X–XIII вв. Казань, 1986.
- Ходжайов Т.К., Швецов М.Л. Археолого-антропологическое исследование Маяк XIII–XIV вв. // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье. Тез. докл. семинара. Донецк, 1992.
- Швецов М.Л., Кравченко Э.Е. Отчет об археологических исследованиях экспедиции в 1988 г. // НА ИА НАНУ 1988/165.
- Якубовский А.Ю. К вопросу об исторической топографии Итиля и Болгар в IX и X вв. // СА. X. 1948.
- Semenov A.I. New evidence on the Slavyansk (Anastasiyevka) hoard of 8th century ad Byzantine and Arab gold coins // New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. Sankt-Petersburg, 1994.

О ЗНАЧЕНИИ И МЕСТЕ ПОЯСА В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ДУБОВСКОГО МОГИЛЬНИКА*

Т.Б. Никитина

Марийский НИИ языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, г. Йошкар-Ола

В настоящее время в Волго-Вятском междуречье известно 6 древнемарийских могильников IX–XI вв., на которых изучено всего 223 захоронения. На Дубовском могильнике изучено наибольшее количество комплексов (82) и памятник является во многих отношениях эталонным для изучения культуры марийского населения в эпоху средневековья и для датировки погребальных комплексов этого периода. Материалы могильника частично опубликованы Г.А. Архиповым в 1984 году, памятник отнесен к IX–XI вв. (Архипов, 1984). В последующее время его датировка уточнялась мною в пределах X – начало XII вв. (Никитина, 2002. С. 190–192).

Одной из наиболее ярких элементов материальной культуры населения, оставившего Дубовский могильник, являются поясные наборы. Отдельные элементы поясной гарнитуры достаточно часто упоминаются в научной литературе, особенно в связи с вопросами торговых и культурных контактов и хронологии древностей. Но все же возможности этого вида источников реализованы не полностью, фактически нет реконструкции полных поясных наборов. Поскольку нет публикации материала по комплексам, датировки требуют уточнения и т.д.

Одним из наиболее сложных вопросов является выяснение символического значения пояса, несмотря на то, что именно этому аспекту удалено значительное место в научных исследованиях (Добжанский, 1990; Мурашова, 2000; Ковалевская, 1970, 1972). Большинство исследователей считают, что пояс в первую очередь является показателем социального положения носителя. Однако следует признать, что четко разработанной системы, позволяющей объяснить социальное значение пояса, не разработано ни для одной территории.

Анализу ритуальной функции пояса у разных народов больше внимания уделено в этнографических исследованиях. Археологи уделяли меньше внимания ритуальной роли пояса и его значению в погребальной обрядности. Небольшие замечания по этому поводу изложены В.В. Мурашевой, которая предполагает, что нестандартное положение пояса или деталей пояса в погребениях позволяют говорить о его ритуальной функции (Мурашева, 2000. С. 84). Э.А. Савельевой на материалах древних коми отмечено, что пояс является непременной принадлежностью погребального костюма, являясь символом пути и в этом и в потустороннем мире (Савельева, Королев, 1990. С. 67).

Материалы Дубовского могильника дают интересные результаты для выяснения символического значения пояса.

В Дубовском могильнике найдено не менее 790 накладок¹, 38 пряжек, 41 наконечник, которые обнаружены в 46 комплексах из 82. Пояса обнаружены в 31 захоронении с ингумацией (58,5% от всех захоронений с ингумацией), в 9 погребениях с кремацией. При этом в погребениях с кремацией поясные украшения представлены одиночными бляшками или пряжками, наборный пояс обнаружен только в 4 захоронениях с кремацией, что составляет 28,6% от всех захоронений с кремацией. Поясные наборы обнаружены также в единственном захоронении-кенотафе и во всех жертвенно-ритуальных комплексах в межмогильном пространстве (5 комплексов).

Пояса в погребениях располагались преимущественно по месту их ношения в области талии погребенного. В Дубовском могильнике возможны и другие случаи нахождения пояса. В двух мужских захоронениях фрагменты пояса обнаружены в области ног: погребение 32 – вдоль правого бока вытянут от тазовых костей до ступней ног, погребение 17 пояс обернут вокруг правой голени. В трех погребениях (пп. 1 и 19, 71) в области ступней обнаружены железные пряжки, также свидетельствующие о наличии, скорее всего, тканого пояса. Неодно-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант РФФИ № 08–06–00299а).

¹ Указано реальное количество накладок, сохранившихся в коллекции. Многие изделия утеряны в процессе выборки погребения или длительного хранения коллекции.

кратны случаи нахождения в одном погребении Дубовского могильника двух поясов или их фрагментов, один из которых находился в области ног: погребение 53 (женское²) пояс на месте ношения и в ногах, в погребение 58 (мужское) – на месте ношения и в ногах у края могилы, в погребении 73 (мужское) – в области талии целый пояс, а в ногах – фрагмент. В погребении 73 обнаружен еще один пояс в составе жертвенного комплекса в изголовье. В погребении 36 (женское) поясные украшения фиксируются в области талии и в ногах. В тех случаях, когда накладки сохранились и можно определить их форму и орнамент, очевидно, что использовались разные пояса, накладки от них выполнены в разных стилях.

Фрагменты или целые пояса в ногах (а всего их 9 случаев, что составляет 22,5% от погребений с поясами) представляют особый интерес. Скорее всего, расположение поясов или их фрагментов свидетельствует о существовании обряда спутывания ног. Такое явление можно проследить по материалам других древнемарийских могильников. На Веселовском синхронном марийском могильнике также в двух случаях в ногах обнаружен ремень, а в одном случае – пряжка.

Ноги могли связывать простым тканым поясом или веревкой, которые не сохраняются, поэтому обряд фиксируется достаточно редко. Но пережитки его сохранились в марийских материалах вплоть до XVII века. В погребении 9 Арзелякского и погребениях 124, 130 Картуковского марийских могильников второй половины XVI – XVII вв. обнаружены костяки, ноги которых связаны серебряной или медной проволокой или тесьмой с металлической нитью (Никитина, 1992. С. 39).

Обычай завязывать (спутывать) ноги умершему известен по материалам древнемадьярского Большетиганского могильника (Халикова, 1976. С. 169), у салтовских племен (Плетнева, 1967. С. 78), в Ямши-Тауском, I и II Бекешевском курганах на Южном Урале (Мажитов, 1977. С. 109).

В большинстве случаев в погребениях Дубовского могильника пояс встречался совместно с ножом (77,5%). Остальные 22,5% погребений представлены 9 комплексами, в которых в составе поясного набора не обнаружен нож: из них, судя по размерам ямы 3 захоронения принадлежали детям (пп. 7, 47, 54), одно содержит проржавевший неопределенный предмет (п. 60), который вполне мог быть ножом и только в 5 погребениях поясные наборы не имеют ножей. За исключением погребения 66 все эти комплексы относятся к первой группе, представленной ткаными поясами. Все захоронения с кожаными наборными поясами обязательно содержат ножи. В этом отношении интересно обратиться к данным языка. В марийском языке имеется несколько названий пояса. Одно из них «күзанүшто» обозначает ремень или кожаный пояс. Дословный перевод значит «пояс с ножом» (Сепеев, 1975. С 165).

Разделить погребения с поясами из Дубовского могильника на мужские и женские возможно лишь условно, так как не проведено антропологического анализа обнаруженных костных остатков. Опираясь на комплекс чисто женских украшений (головной убор, нагрудные украшения и т.д.) можно с уверенностью сказать, что наборные пояса характерны как для мужских, так и для женских захоронений в равной степени. Дополнительной красноречивой иллюстрацией являются материалы аналогичного и синхронного Дубовскому могильнику Нижняя стрелка, где проведено определение антропологического материала. Из 20 определенных костяков с поясными наборами женские захоронения составили 9, мужские – 11. Безусловно, такое обилие наборных поясов и встречаемость их как в мужских, так и в женских захоронениях у марийцев требует объяснения.

Большинством исследователей признается, что наборный пояс, являясь показателем социального ранга владельца, принадлежит воину-мужчине (Рыбаков, 1953. С. 54; Плетнева, 1967; Добжанский, 1990. С. 82; Мурашева, 2000. С. 5). В славянских памятниках наборные пояса зафиксированы, преимущественно в мужских захоронениях. По материалам Ярославского Поволжья В.А. Мальм отмечает, что поясной набор является принадлежностью мужчины, в женских погребениях только в трех случаях встречены отдельные металлические укра-

² Пол погребенных в Дубовском могильнике определен предположительно по составу погребального инвентаря и не всегда соответствует указанному в полевом отчете.

шения от пояса (Мальм, 1963. С. 65). На территории Новгородской земли все находки поясной гарнитуры происходят из мужских погребений (Михайлов, Соболев, 2000. С. 225). Но в XI–XIII вв., по мнению В.В. Мурашевой, пояс, украшенный набором металлических накладок, выходит за рамки дружинной среды особенно на периферийных районах древнерусского государства со смешанным славяно-финно-угорским населением, что связано с сохранением в этих районах традиции ношения украшенного пояса не только мужчинами, но и женщинами (Мурашева, 1997. С. 80; 2000. С. 81). Не все исследователи разделяют эту точку зрения, считая все-же наборный пояс элементом только мужского костюма (Зайцева, 1999). Право носить наборный пояс остается за мужчинами и на других территориях. На территории Средней Швеции известна только единственная находка пояса в женском захоронении на о. Отланд, в остальных случаях все пояса с накладками находились в мужских захоронениях (Михайлов, 2005. С. 138). Пояс является принадлежностью воинского мужского костюма у большинства кочевников (Худяков, Иванов, 2006. С. 513; Добжанский, 1990).

В среде финно-угорских народов не всегда ношение наборного пояса является привилегией мужчин. Необходимость пояса при крою одежды финно-угров очевидна, но пояса женских и мужских захоронений различаются. В женском убранстве обычно используется простой пояс, к которому крепились многочисленные подвески и дополнительные детали, включая бытовые предметы, а в комплекс мужского костюма часто входил наборный пояс. Только в костюме мужчин найден пояс с металлическими деталями у финнов на западе Новгородской земли (Хвошинский, 2004). Для чепецкой древнеудмуртской культуры пояса, украшенные накладками являются принадлежностью мужского костюма, а в женских пояса вообще встречаются не часто (Иванова, 1990. С. 41–42). Со второго тысячелетия детали наборных поясов обнаружены только в мужских захоронениях (Иванова, 1997. С. 228). В отдельных случаях пояса с пряжками, наконечниками и накладками обнаружены в женских захоронениях чепецкой стадии Варнинского могильника (пп. 6, 25) (Семенов, 1980. С. 68–69), в котором, кроме местного прикамского компонента, прослежены традиции угросамодийского происхождения (Генинг, 1980. С. 147).

Для муромских племен поясные наборные пояса также характерны для мужских комплексов, а в женских простые пояса с одной пряжкой (Гришаков, Зеленев, 1990. С. 25–32). Для мордвы-эрзи Притешья наборный пояс является самой распространенной находкой в мужских захоронениях, в женских они обычно не встречаются, за исключением погребения 10 могильника Красное III (Бейлекчи, 2005. С. 55).

Из ближайших соседей марийцев использование наборного пояса в равной степени мужском (90%) и женском (85%) костюмах характерно в большей степени для синхронного населения Пермского Предуралья (Крыласова, 2001. С. 87, 88), в костюме которого отразилась, по мнению Н.Б. Крыласовой, общеугорская традиция (Крыласова, 2001. С. 208).

В более ранний период аналогичное явление наблюдается в древнемадьярском Большелитиганском могильнике (вторая половина VIII – первая IX вв.), где пояса характерны почти для всех взрослых погребений и даже встречаются в отдельных детских (Халикова, 1976. С. 168). Зафиксированы находки наборных поясов в женских погребениях в курганах Южного Урала IX–X вв. (I Бекешевский курган 2, II Бекешевский курган, Лагеревские курганы) (Мажитов, 1981. С. 60, 65, 83). Более того, В.А. Иванов считает, что отличительной чертой калякуновской, а также неволинской культур является более частая находка наборного пояса в женском костюме, чем в мужском (Иванов, 2006. С. 411). Реже, чем в мужском, но все же встречаются, пояса, в том числе и наборные, в женских захоронениях Танкеевского могильника (Халикова, 1971. С. 79–80).

По составу деталей, богатству убранства пояса имеют различия. В литературе имеются различные критерии для типологии поясов. Н.Б. Крыласова по материалам Прикамья и Пермского Предуралья выделяет 5 типов поясов, как в женском, так и в мужском костюме: I) пояса с пряжкой; II) пояса, один конец которых заканчивался бронзовой пряжкой, другой наконечником ремня; III) пояса с бронзовой пряжкой и небольшим количеством накладок; IV) пояса

без пряжки с небольшим количеством накладок³; V) наборные пояса (Крыласова, 2001. С. 89, 95, 96). Мурашова по славянским материалам различает три типа поясов: 1) бытовой, который украшен пряжкой или пряжкой и кольцами; 2) пояса с пряжкой и поясным наконечником; 3) наборный пояс, в котором присутствуют бляшки (наличие пряжки и наконечника не обязательно) (Мурашева, 2000. С. 70).

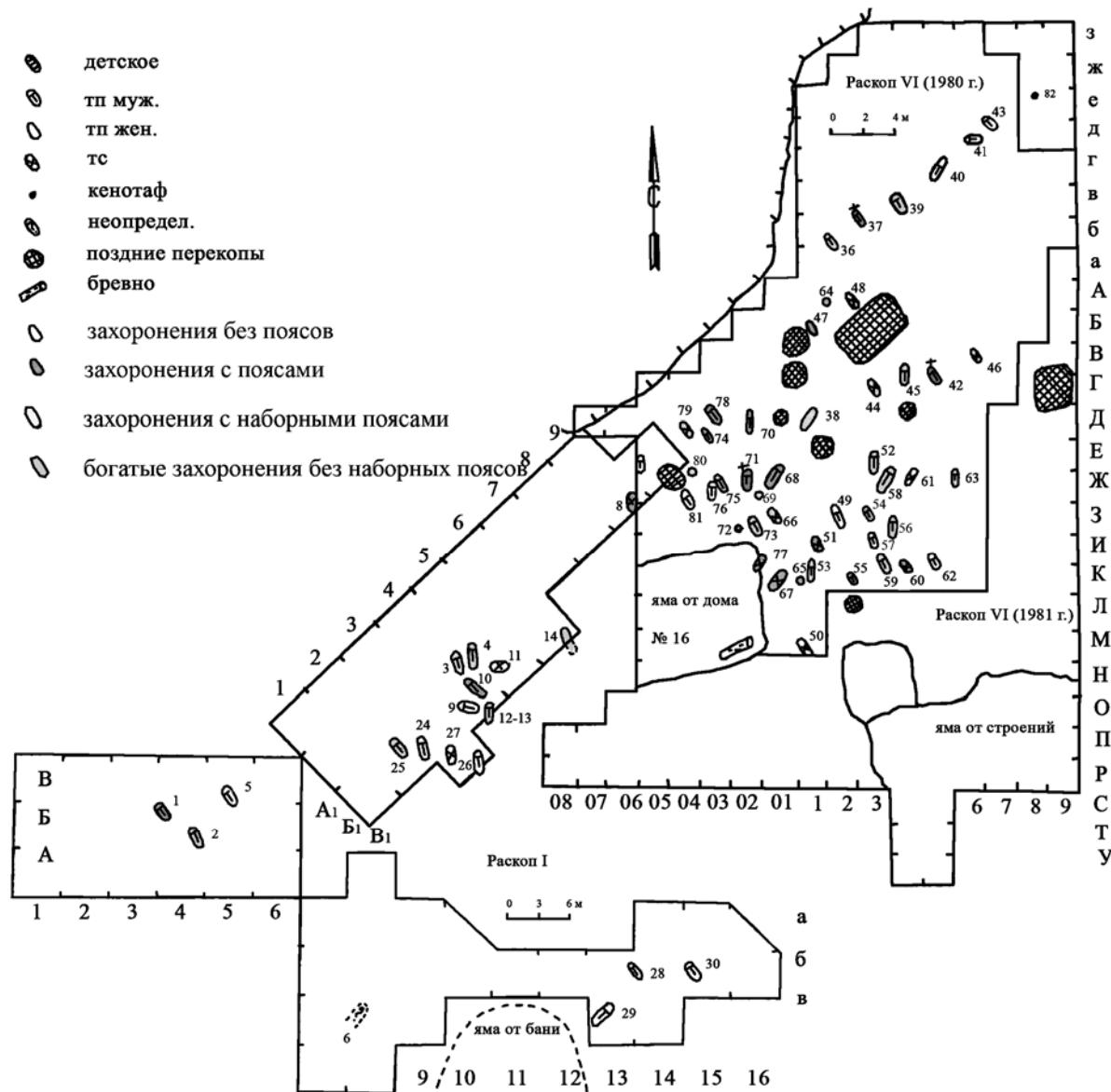

Рис. 1. Дубовский могильник. Местоположение захоронений с поясами.

Учитывая, что в погребениях в силу различных обстоятельств (плохая сохранность, потеря во время раскопок, потеря во время хранения) не всегда сохранились все элементы поясного набора, мы не выделяем таких строгих критериев, предлагая менее жесткие рамки для выделения групп по материалам Дубовского могильника.

1. Пояс не сохранился, потому что он мог быть тканым, но о его наличии свидетельствуют находки пряжки и наконечника (либо одного из них) в области талии и таза, поясных подвесок или кошелька, который по этнографическим данным всегда крепился к поясу – 8 погребений (20%)⁴.

³ В женских погребениях типы 4 и 5 нумерованы в обратном порядке.

⁴ Подсчеты произведены от количества захоронений с поясами.

2. Поясные наборы, украшенные не более 10 накладками – 6 погребений (15%).

3. «Полные» поясные наборы, украшенные накладками по всей длине – 26 погребений (65%). Если вести подсчет от общего количества изученных комплексов, то такие пояса найдены в 30% захоронений.

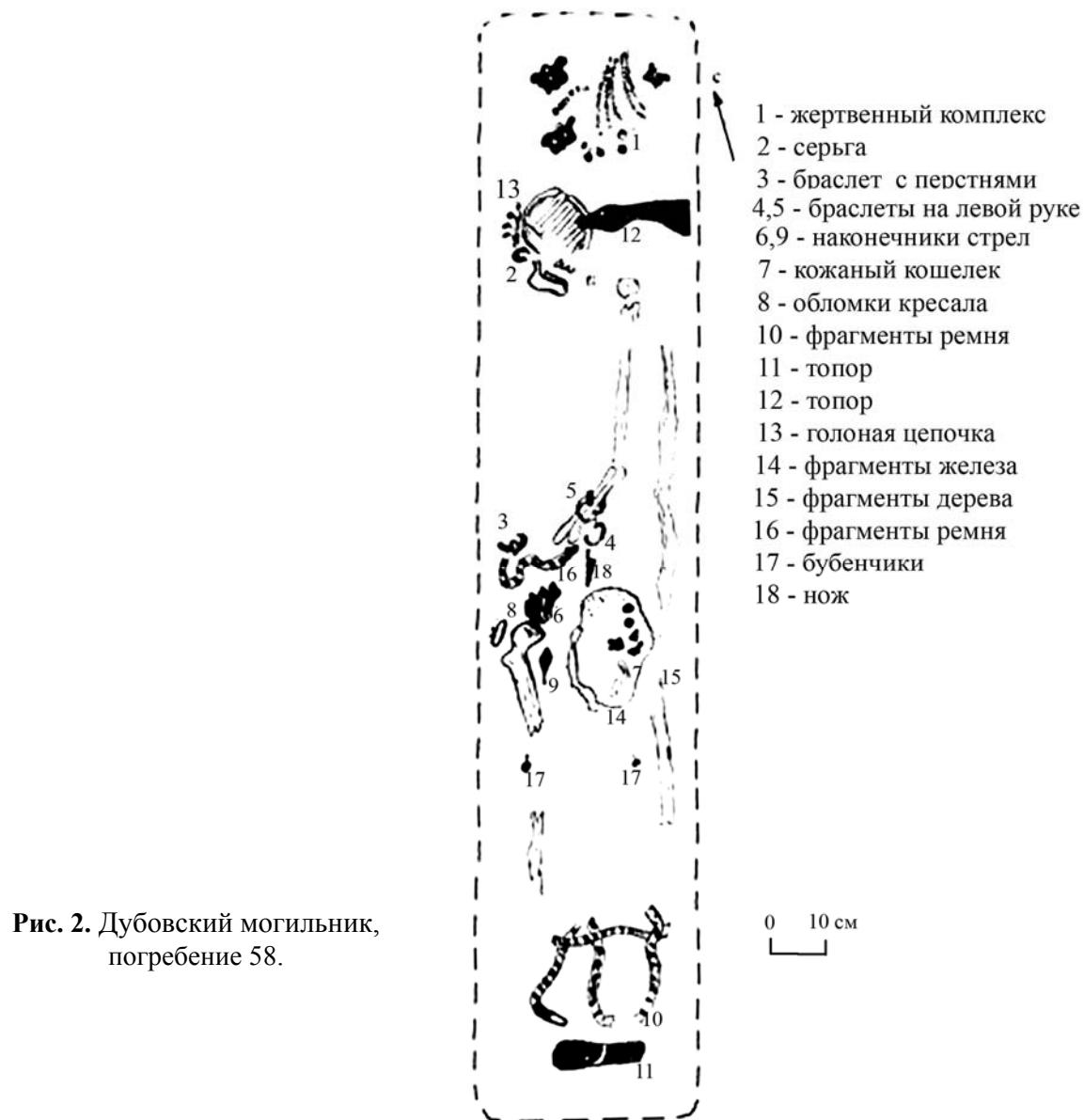

Рис. 2. Дубовский могильник, погребение 58.

Близкое процентное соотношение распределения поясов по группам показывает анализ другого расположенного недалеко синхронного марийского могильника «Нижняя стрелка»: 1 группа – 19,4%, вторая – 12,9%, третья – 66,7%.

Таким образом, для марийского костюма характерно преимущественное преобладание «полных» наборных поясов над остальными типами. Этим они значительно отличаются от народов Прикамья, где наборные пояса составили в среднем 12,1%: в мужских – 5,49%, в женских – 18,7% (Крыласова, 2001. С. 89, 95–96). Даже у кочевников евразийских степей полные богатые наборы встречены лишь в 30% захоронений с поясами (Худяков, Иванов, 2005. С. 513). По такому количеству наборных поясов марийские захоронения приближаются к дружинным славянским захоронениям (Гнездово – 68% от захоронений с поясами⁵), тогда как в сельских некрополях Ижорского плато наборные пояса найдены только в 17% захоронений от захоронений

⁵ В Гнездове все погребения с поясами составляют всего 6,4% всех раскопанных комплексов.

с поясами (Мурашова 2000, С. 81). Общепринято, что пояс, прежде всего, выражает социальный статус носителя. Этот тезис подтвержден многими исследованиями на соседних территориях. Он в принципе не вызывает сомнения, но все же слишком упрощенно отражает картину. На Дубовском могильнике есть несколько наиболее богатых погребений (пп. 37, 63, 56, 40, 14, 68), в которых пояс отсутствует вообще, найдена одна пряжка или пояса первой группы наиболее простые и бедные. Например, погребение 68 принадлежит по всей вероятности мужчине, содержит представительный набор украшений (височные кольца, бронзовые браслеты), железное копье, боевой топор, кресало, наконечники стрел. На поясе был кожаный кошелек, но следов ремня не обнаружено, вероятно, это был простой тканый пояс. В богатом захоронении 40, содержащем 7 дирхемов, никаких следов наличия пояса нет. И наоборот, встречаются захоронения с небогатым инвентарем, никоим образом не подтверждающим высокий социальный статус носителя, включающие наборные пояса (пп. 2 и 12).

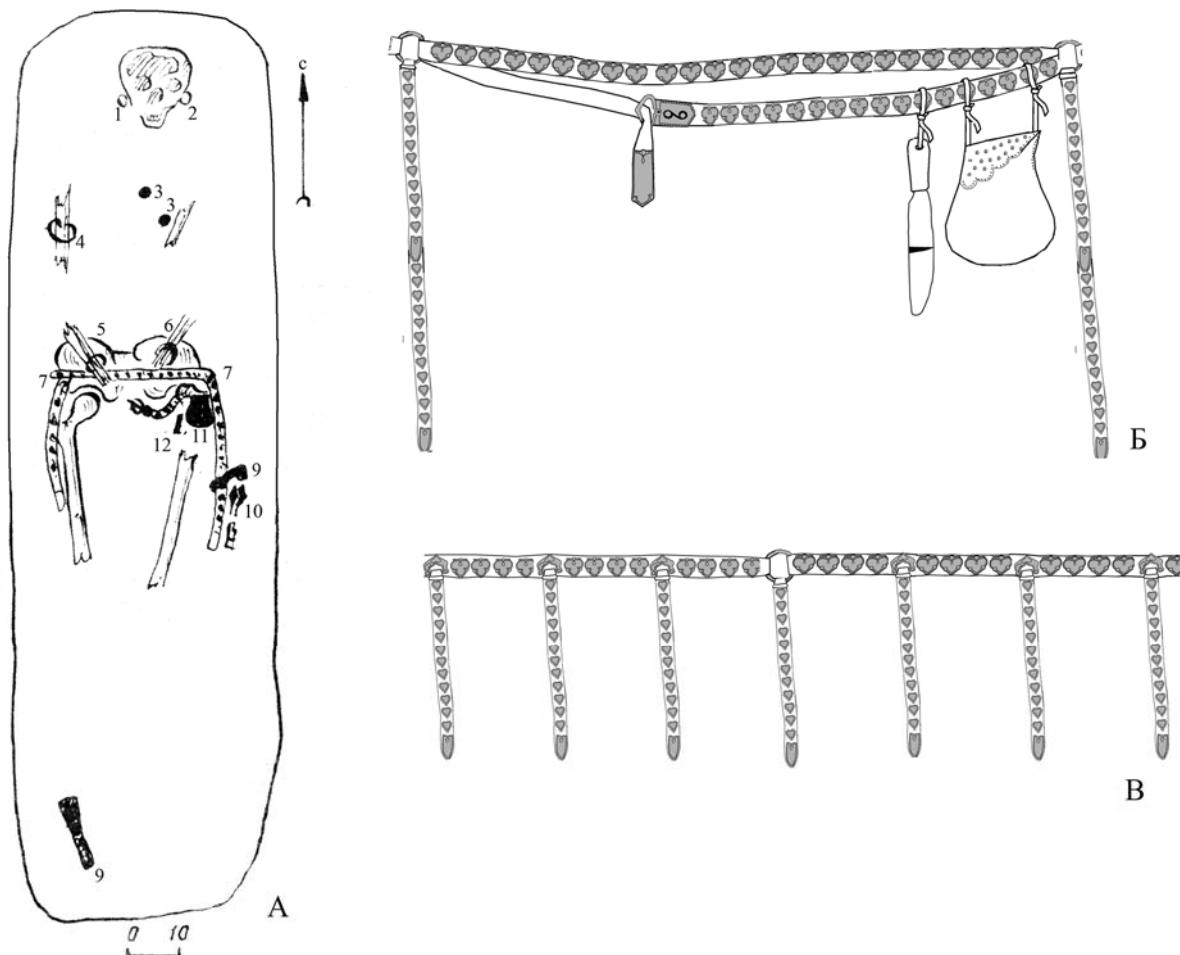

Рис. 3. Дубовский могильник, погребение 45.
А – план погребения; Б – реконструкция пояса, вид спереди;
В – реконструкция пояса, вид сзади.

Обилие богатых наборных поясов в марийских захоронениях независимо от их половой принадлежности и статуса можно объяснить семантическим значением пояса. Это не просто элемент одежды, а обязательный элемент обрядового погребального костюма, который должен был включать лучшие вещи. В марийском языке одно из названий пояса «шиянүшто» (пояс с серебром) используется для обозначения празднично-обрядового пояса как женского, так и мужского костюма (Молотова, 1992. С. 51). Пояс огромное значение имел как в бытовой повседневной жизни, так и в культовой практике марийцев. В пользу последнего предположения говорит и тот факт, что во всех жертвенно-поминальных комплексах обязательно

присутствует пояс. Данные этнографии также подтверждают культовое значение пояса. Известно, что в конце XIX – начале XX вв. вышитые поясные полотенца («шовыч») привешивались на пояс с обеих сторон участникам свадебного обряда. Невеста к свадьбе должна была изготовить пару поясных полотенец, одно из которых давала жениху в знак согласия выйти за него замуж, другое оставляла себе. После смерти одного из супругов во время поминок оно вешалось в углу вместе с одеждой покойника. Когда невесту выводили из родительского дома, она должна была держаться за пояс жениха. При разводе супругов ставили спиной друг к другу при шести свидетелях, связывали их поясом, а затем разрезали его, после чего они считались свободными от супружеских обязанностей. Т.е в семейной обрядности пояс символизировал сохранение семейных уз (Сепеев, 1975. С. 168). Пояса, как и полотенца, сопровождали умершего в последний путь. Лошадь, везущая женщину-покойницу, украшалась полотенцем, а мужчину – поясом (Сепеев, 1975. С. 168).

Поясу уделялось важная роль в процессе марийских молений. Один из наиболее крупных религиозных праздников мари «Сүрем», праздник летнего жертвоприношения сопровождался кровавой жертвой животного. В крови жертвенного животного замачивался священный пояс, изготовленный из лыка, после чего этот пояс одевали или вешали на главное священное дерево «онапу». Такой пояс назывался «сёса» (Евсевьев, 2003. С. 158).

При помощи пояса производились гадания, в процессе которых определяли по какой причине у марийца наступила та или иная болезнь. Назывались возможные причины возникшей у больного хвори и пояс мог укорачиваться или удлиняться в зависимости от правильности ответа. В случае правильного определения причины заболевания пояс даже при троекратном повторении всегда оставался одной постоянной длины равной длине локтя и вытянутого среднего пальца (Иванова, Попов, 2005. С. 238).

Таким образом, на основании анализа погребений с поясами из Дубовского могильника и изучения культовой практики марийцев, можно предположить, что пояс выполнял ритуальную функцию, являлся обязательным атрибутом в погребальном костюме, независимо от статуса погребенного.

Такие особенности обряда, как равное количество наборных поясов в мужских и женских костюмах, использование пояса для спутывания ног могли быть следствием контактов марийцев с населением, знакомым с угорскими традициями.

Литература

- Архипов Г.А. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. АЭМК. Вып. 8. Йошкар-Ола, 1984.
- Бейлекчи В.В. Древности летописной муромы. Погребальный обряд и поселения. Муром, 2005.
- Генинг В.Ф. Заселение и этническая принадлежность населения Чепцы в I тыс. н.э. (по материалам Варнинского могильника) // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980.
- Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990.
- Крыласова Н.Б. История Прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь, 2001.
- Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А. Мурома VII – XI вв. Йошкар-Ола, 1990.
- Евсевьев Т.Е. Последний марийский праздник (летний) до начала сенокоса и уборки – Сүрем // Календарные праздники и обряды марийцев. Йошкар-Ола, 2003.
- Зайцева И.Е. Наборный пояс из могильника Минино II на Кубенском озере // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции). Вып. 13. Новгород, 1999.
- Иванов Владимир. Угорские племена в Восточном Закамье и Приуралье // История татар с древнейших времен в семи томах. Волжская Булгария и Великая степь. Т. II. Казань, 2006.
- Иванова Г.И., Попов Н.С. Народная медицина // Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005.
- Иванова М.Г. Погребальный обряд северных удмуртов в IX–XIII вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов Ижевск, 1990.
- Иванова М.Г. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск, 1999.

- Ковалевская В.Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI–IX вв. как знаковой системы // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- Ковалевская В.Б. Башкирия и Евразийские степи IV–IX вв. (по материалам поясных наборов) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
- Мажитов Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977.
- Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М., 1981.
- Мальм В.А. Поясные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимиревского, Михайловского и Петровского могильников. М., 1963.
- Михайлов К.А. Древнерусские наборные пояса XI–XII вв.: северная и южная традиции // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005.
- Михайлов К.А., Соболев В.Ю. Новгородские пояса XI–XII вв. // Археологические вести. № 7. СПб., 2000.
- Мурашова В.В. Поясной набор // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.
- Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992.
- Мурашова В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М., 2000.
- Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола, 1992.
- Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола, 2002.
- Петербургский И.М., Аксенов В.Н. Вадская мордва в VIII–XI вв. Саранск, 2006.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967.
- Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. 1953. № 18.
- Савельева Э.А., Королев К.С. По следам легендарной чуди. Страницы древней истории народа коми. Сыктывкар, 1990.
- Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980.
- Сепеев Г.А. Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). Йошкар-Ола, 1975.
- Халикова Е.А. Большетиганский могильник // СА. 1976. № 2.
- Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
- Хвошинский Н.В. Финны на западе Новгородской земли. СПб., 2004.
- Худяков Ю., Иванов В. Культура кочевников евразийских степей // История татар с древнейших времен в семи томах. Волжская Булгария и Великая степь. Т. II. Казань, 2006.

ТИПОЛОГИЯ СФЕРОКОНИЧЕСКИХ СОСУДОВ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

А.Р. Нуретдинова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Сфероконические сосуды являются одной из представительных категорий находок на территории Волжской Булгарии. Ареал распространения сфероконических сосудов включает обширную территорию – от Болгарии и Румынии на западе до Китая на востоке и от Руси на севере до Северной Африки на юге. При этом массовые находки сфероконусов происходят с городских памятников. География распространения и концентрация сфероконических сосудов свидетельствует о том, что эти изделия являются атрибутом мусульманской культуры и были широко распространены на мусульманском Востоке. Данный вид посуды появляется в Поволжье в X в. (Михальченко, С. 46), и связан, по всей видимости, с исламизацией данной территории. Домонгольский период Волжской Булгарии, рассматриваемый обычно в хронологических рамках X – первой трети XIII вв., характеризуется как время окончательного становления и существования самостоятельной государственности раннефеодального типа. Данный период связан с интенсивным развитием городской культуры. В условиях политической и экономической стабилизации, развития торговых отношений из торгово-ремесленных поселений появляются города, в экономике которых важную роль играет ремесленное производство. Самые ранние памятники Среднего Поволжья, на которых найдены сфероконусы относятся к рубежу X–XI вв. – Измерское I, Семеновское I, Новомордовское I и Билярское II селища – булгарские торгово-ремесленными поселения. Данные археологических исследований булгарских памятников свидетельствуют о том, что местными гончарами было освоено трудоемкое производство сфероконических сосудов еще на раннем этапе сложения раннефеодального государства.

Время бытования сфероконических сосудов на территории Волжской Булгарии ограничивается концом X – рубежом XIV–XV вв. На территории Волжской Булгарии многочисленные находки сфероконических сосудов известны в городских центрах: Биляр, Болгар, Хулаш, Сувар, Муромский городок и др. Особенно большим числом находок отличаются Биляр и золотоордынский Болгар.

Несмотря на обширный список литературы по сфероконическим сосудам, специальных работ не много. К проблеме изучения сфероконических сосудов Волжской Булгарии обращались С.Е. Михальченко, А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова, Н.А. Кокорина. Благодаря данным исследованиям в научный оборот были введены и систематизированы материалы Биляра (Халиков, 1986) и Болгара (Хлебникова, 1988, С. 92–95; Кокорина, 2002, С. 79–80, 146–147).

Сфероконические сосуды представляют собой особый вид посуды, которую в средневековые могли изготавливать из различных материалов: глина, стекло, фаянс, бронза и свинец. Наиболее многочисленной разновидностью сфероконусов на булгарских памятниках являются глиняные – 2607 экз. Стеклянный сфероконический сосуд представлен одним экземпляром (обломок) из Биляра (Валиулина, 2005, С. 48). Фаянсовых, бронзовых и свинцовых сфероконусов на территории Волжской Булгарии не найдено.

Сфероконический сосуд может состоять из следующих конструктивных элементов: край, венчик, валик в основании шляпки, горло, платформа в основании горла, тулоно, дно, налепножка. Из них край, тулоно и дно являются основными конструктивными элементами. Все остальные элементы являются дополнительными, т.е. носят второстепенный характер и делают конструкцию сфероконуса более сложной, преимущественно в декоративном отношении. Край сфероконических сосудов представлен всегда отогнутым венчиком в виде шляпки (головки). Как правило, шляпка заканчивается резким срезом и переходит в горло. Такая конструкция шляпки была рассчитана для удобства закупорки и перевязки, а затем, видимо, перешла в ремесленную традицию изготовления данного вида посуды. Среди дополнительных конструктивных элементов можно отметить наличие валика в основании шляпки. Тулоно сфероконических сосудов Волжской Булгарии округлое в горизонтальном сечении. При вер-

тикальном сечении тулово сфероконусов Волжской Булгарии представлено несколькими формами: шаровидными, эллипсоидными, цилиндрическими, трапециевидными, коническими, фигурными, зооморфными, биконическими. Все сфероконические сосуды выпуклые. Дно сфероконусов в продольном сечении может быть: выпуклым (коническим, округлым) и плоским. Кроме того, такие дополнительные элементы как наличие вогнутого желобка, вертикальных ребер, налепа-ножки делают дно конструктивно более сложным. Сочетание всех конструктивных элементов дает возможность выделить типы булгарских сфероконических сосудов.

Кроме того, у исследованных сфероконусов были установлены все возможные размеры. Для их обозначения были использованы стандартные обозначения: D – диаметр, H – высота, T – толщина. Для обозначения размеров конструктивных элементов были использованы символы. Таким образом, была разработана схема замеров сфероконических сосудов (рис. 1):

D – диаметр тулова,
D' – диаметр тулова двучастного сосуда,
D" – диаметр тулова двучастного сосуда,
d1 – диаметр отверстия,
d2 – диаметр шляпки,
d3 – диаметр платформы,
H – высота сосуда,
H' – высота от D' до дна,
H" – высота от D" до дна,
h1 – высота шляпки,
h2 – высота горла,
h3 – высота платформы,
h4 – высота от D до дна,
h5 – высота тулова,
T – толщина дна,
t1 – толщина стенки.

Определение размеров конструктивных элементов и их соотношения (коррелирование) указывает на применение древними мастерами близких стандартов, неких закономерностей в изготовлении данных сосудов. Вся конструкция сфероконусов была пропорциональна и поэтому придавала сосудам изящные формы. Благодаря коррелированию по пропорциям тулова Т.А. Хлебниковой удалось выделить три типа сфероконусов Болгарского городища и составить графики пропорций сосудов (Хлебникова, 1988, С. 92–93, рис. 69).

Изучение сфероконусов Волжской Булгарии позволяет выделить две большие группы на основе технологических признаков: 1 – красноглиняные и 2 – сероглиняные и желтоглиняные. При этом мы исходим из того, что вариации цвета сосудов обусловлены характером (температура, атмосфера в печи) и особенностями (спецификой) сырья, т.е. цвет рассматривается в данном случае как признак технологический. Внутри каждой группы по морфологическим признакам выделяются типы. Благодаря А.Х. Халикову имеется строгая типология билярских сфероконусов (Халиков, 1986). Среди типообразующих признаков он выделил особенности строения тулова, внутри каждого типа по отдельным деталям горловины исследователь наметил несколько разновидностей. Типология болгарских сфероконических сосудов была представлена Т. А. Хлебниковой (Хлебникова, 1988). В основе типологии – коррелирование по пропорциям тулова, верхней части тулова. Однако типологический анализ, проведенный автором, охватил лишь 38 полных форм, тогда как фрагментарный материал не учтывался совсем.

Взяв имеющиеся типологии за основу, была выработана общая типология сфероконических сосудов Волжской Булгарии. В качестве типообразующих признаков взяты морфологические (форма тулова). Внутри типов по особенностям оформления сосудов, пропорциям, наличию или отсутствию отдельных конструктивных элементов, орнаментации выделяются подтипы.

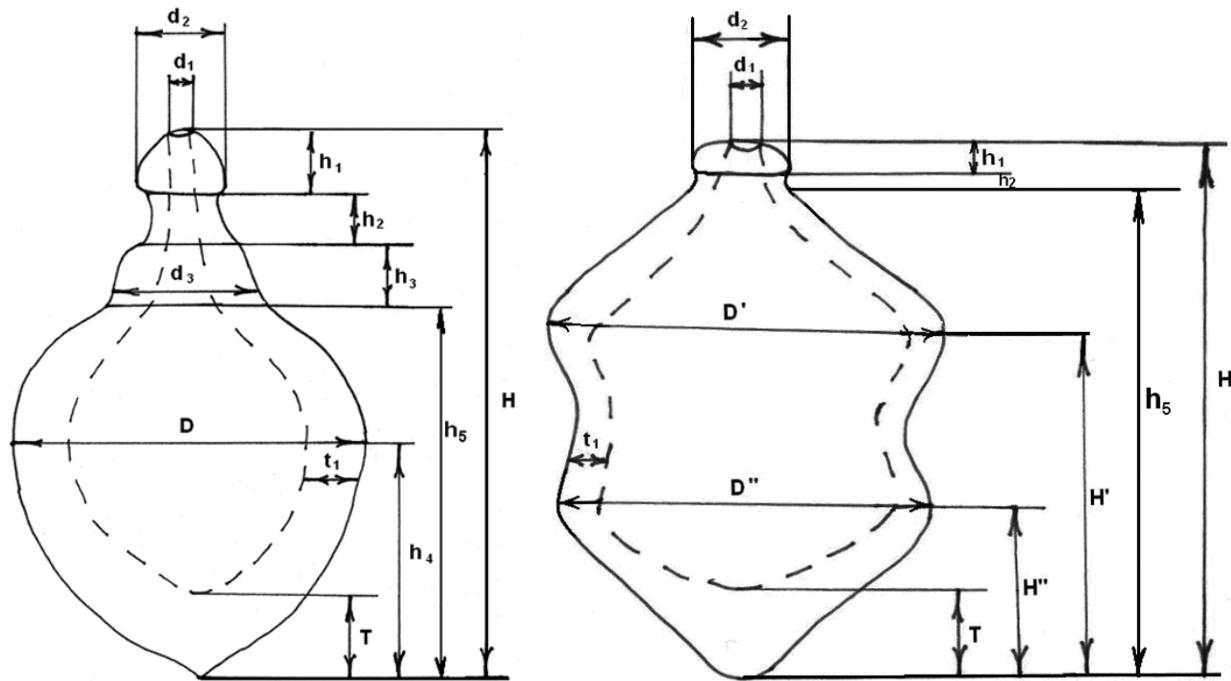

Рис. 1. Схема замеров сфероконических сосудов.

Группа 1 представлена красноглиняными сфероконусами разных оттенков (от красного до бурого). На сегодняшний день установлено, что красный цвет черепка характерен для поволжских сосудов и в редких случаях для кавказских (Джанполадян, 1982, С. 17). Внутри группы по форме туловы выделяются 5 типов:

Тип I – сосуды эллипсоидной формы с расширенным в верхней трети туловом (рис. 2, 5–10). Размеры: $H=9,7–14,2\text{ см}$, $D=8,2–10,5\text{ см}$, $d1=0,4–0,8\text{ см}$. К данному типу отнесено 54 экз.

Подтип 1. К данному подтипу относятся сосуды со шляпковидной и шайбообразной головкой, с коническим дном (33 экз.) (рис. 2, 5). Размеры: $H=11,6–14,2\text{ см}$, $D=8,4–10,3\text{ см}$, $d1=0,4–0,8\text{ см}$. Более чем в половине случаев сосуды украшены лощением вертикальным и сплошным. Все сосуды происходят с золотоордынского слоя Болгарского городища.

Подтип 2 (Тип I по типологии Т.А. Хлебниковой) – сосуды со шляпковидной головкой и округлым дном (3 экз.) (рис. 2, 6). Размеры: $H=12,1\text{ см}$, $D=8,7\text{ см}$, $d1=0,5–0,6\text{ см}$. В двух случаях зафиксированы следы вертикального лощения. Все сосуды происходят с золотоордынского слоя Болгарского городища. По форме приближены к сфероконусам подтипа 2, I,2.

Подтип 3 (Тип II по типологии Т.А. Хлебниковой) представлен сосудами со шляпковидной головкой, с коническим дном и вытянутыми пропорциями (11 экз.) (рис. 2, 7). Размеры: $H=11–14\text{ см}$, $D=8,2–9\text{ см}$, $d1=0,6–0,7\text{ см}$. Сосуды украшались вертикальным лощением. Все сосуды происходят с золотоордынского слоя Болгарского городища.

Подтип 4 – сосуд с массивной головкой с валиком в основании и коническим дном (рис. 2, 8). Размеры: $H=9,7\text{ см}$, $D=8,7\text{ см}$, $d1=0,6\text{ см}$. Подтип представлен 1 экз. неорнаментированного сфероконуса, происходящего из золотоордынского слоя Болгарского городища. Можно предположить, что данная форма сосуда была заимствована у подтипа 2, I,3.

Подтип 5 – сосуды с коническим и толстостенным дном (до 2,5 см) (рис. 2, 9). Целых форм не обнаружено. Сфероконусы данной подгруппы покрывались вертикальным лощением. Все происходят с предмонгольского слоя Билярского городища (6 экз.), из них 4 экз. – с Р. XXXIX перекалены.

К подтипу 6 принадлежат два сосуда с коническим дном (рис. 2, 10). У обоих экземпляров отсутствуют шляпки. Размеры: $h5=11,7–11,8\text{ см}$, $D=9,5–10,5\text{ см}$. Сосуды орнаментированы углубленными канелюрами по тулову и тремя горизонтальными резными линиями по плечикам, происходят с Болгарского городища. Орнамент в виде канелюров по тулову является

характерным элементом оформления посуды с периферийных районов поздней части Болгарского городища (Хлебникова, 1988, С. 84).

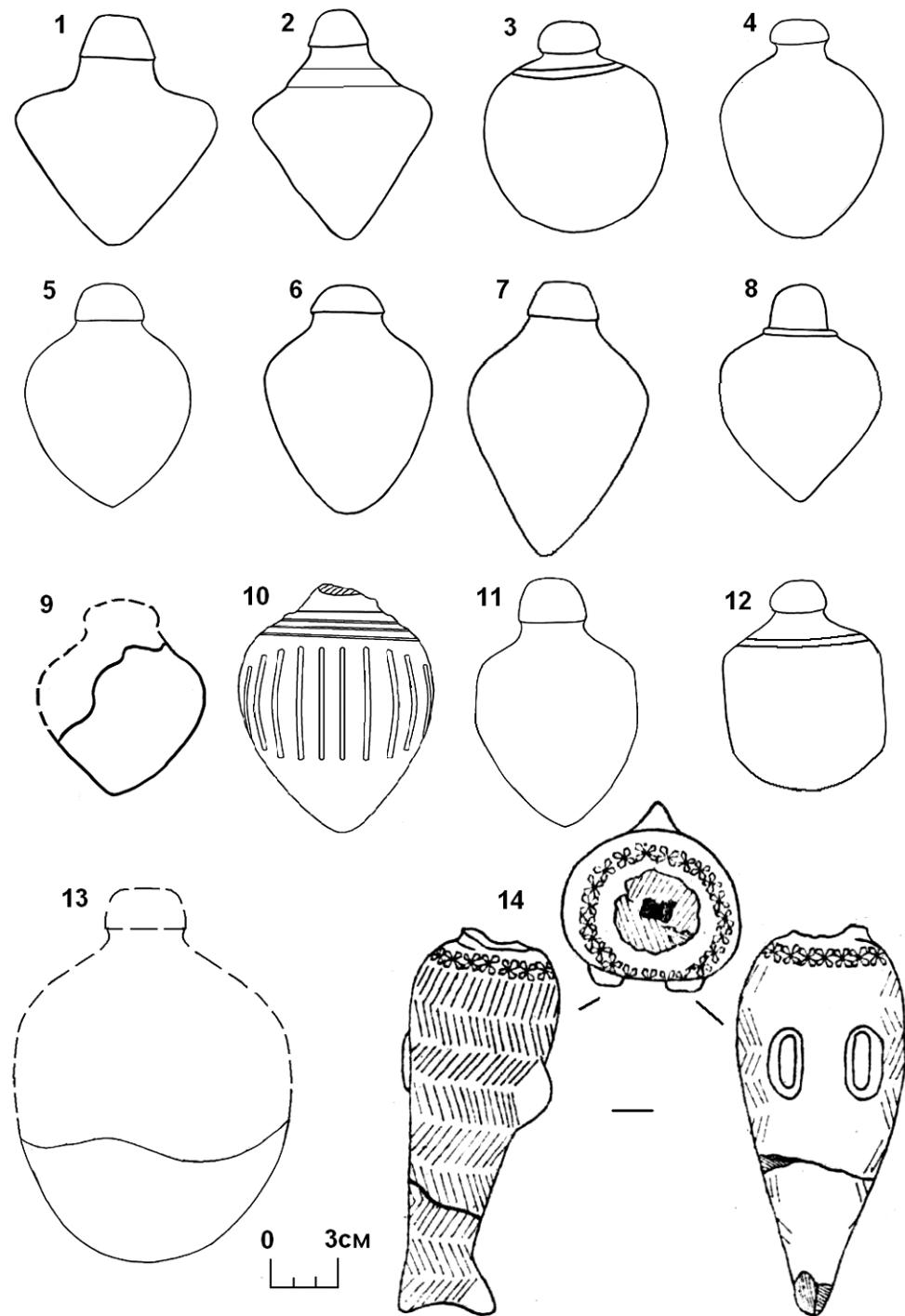

Рис. 2. Сфероконические сосуды Волжской Булгарии (группа 1).

Отличительными особенностями типа II является цилиндрическое или подцилиндрическое туловище (рис. 2, 11–12). Размеры: $H=10,5-12,8$ см, $D=8,1-9,1$ см, $d1=0,5-0,9$ см. Всего 13 экз.

К подтипу 1 отнесены сосуды со шляпковидной головкой и коническим дном, вытянутых пропорций (10 экз.) (рис. 2, 11). Размеры: $H=11,8-12,8$ см, $D=8,5-9,1$ см, $d1=0,5-0,7$ см. Сфероконусы данной подгруппы в нескольких случаях покрыты вертикальным лощением.

Все сосуды происходят с золотоордынского слоя Болгарского городища. Имеется знак, выцарапанный после обжига.

Подтип 2 представлен сосудами со шляпковидной головкой и округлым дном – 3 экз. (рис. 2, 12). Размеры: $H=10,5-11,3$ см, $D=8,1-9$ см, $d1=0,9$ см. Плечики сосудов украшались двумя резными горизонтальными линиями. Все сфероконусы имеют бурый цвет черепка, что характерно для перекаленных сосудов. Все происходят с Билярского II селища (Х–XI вв.). Ближайшие аналогии найдены среди сосудов из личной коллекции И. Пославского (в основном приобретены в Самарканде) (Пославский, 1905, рис. 9, 12) и в материалах закавказских памятников (Джанполадян, 1982, табл. 1, 5).

Тип III представлен сосудами округлой формы (рис. 2, 3–4, 13). Размеры: $H=10,5-12,8$ см, $D=8,1-9,1$ см, $d1=0,5-0,9$ см. К данному типу отнесено 99 экз.

К подтипу 1 (подтип I, 8 по типологии А.Х. Халикова) относятся сосуды (86 экз.) со шляпковидной головкой и округлым дном (рис. 2, 3–4). Размеры: $H=9,5-12,5$ см, $D=8,6-10,5$ см, $d1=0,8-1,2$ см; D максимально приближается к $h5$, что придает основному объему шарообразную форму. Сосуды данного подтипа, как правило, орнаментированы горизонтальными резными линиями по плечикам (одна, две или три). Один сосуд покрыт зеленой поливой. Сосуды данного подтипа являются доминирующими на ранних торговых булгарских поселениях в слое Х–XI вв. (Билярское II, Измерское I, Семеновское I селища), а также зафиксированы в ранних слоях Биляра (3 экз.) и Сувара (1 экз.). Большая часть сосудов бурого цвета и является продуктом, очевидно, местного производства. На четырех сосудах присутствуют прочерченные знаки, нанесенные до обжига. Аналогии данному подтипу обнаружены среди материалов Закавказья: Двина (Джанполадян, 1982, рис. 48) и Байлакана (Минкевич-Мустафаева, 1959, С. 180), а также Ближнего Востока: Рей (Ettinghausen, 1965, р. 218, pl. XLV, A).

Подтип 2 представлен сосудами с округлым дном и больших размеров (толщина стенок не менее 3 см) (рис. 2, 13). Размеры: $d1=4-4,9$ см. Целых форм не обнаружено. Все сосуды происходят с Билярского городища (13 экз.). На двух сосудах данного подтипа имеются знаки, нанесенные после обжига. Ближайшие аналогии происходят из Саая (Ленц, 1904, табл. VII, 13). По свидетельству С.И. Валиулиной аналогичные сосуды известны в Грузии (Валиулина, 2005, С. 161).

Тип IV – сосуды с правильной конической формы туловом и плечиками, иногда под прямым углом к горловине (рис. 2, 1–2). Размеры: $H=8,2-13,5$ см, $D=9-10,3$ см, $d1=0,4-0,7$ см. Всего 117 экз. Данный тип встречается на территории золотоордынских памятников Среднего и Нижнего Поволжья.

К подтипу 1 (Тип III по типологии Т.А. Хлебниковой) относятся сосуды с трапециевидной головкой (рис. 2, 1). Размеры: $H=8,2-13,5$ см, $D=9-10,3$ см, $d1=0,4-0,7$ см. Сфероконусы покрывались вертикальным лощением. На одном из сосудов имеется знак, сделанный по сырой глине. Все сосуды происходят с золотоордынского слоя Болгара (109 экз.) и Старокуйбышевского городища (4 экз.). Ближайшие аналогии сфероконические сосуды данного подтипа имеют среди материалов золотоордынских памятников: Увек, Царевское городище (Михальченко, 1974, С. 47, рис. 1, 6), и Красный Яр (Пигарев, 1994, рис. 1, 4–5).

Подтип 2 – сосуды, отличающиеся от предыдущего подтипа наличием невысокой уплощенной платформы в основании шейки (4 экз.) (рис. 2, 2). Размеры: $H=12-12,4$ см, $D=9,5-10$ см, $d1=0,5$ см, $d3=3-4$ см. В двух случаях зафиксировано вертикальное лощение. Сфероконусы данного подтипа встречаются в Суваре (1 экз.), в золотоордынском слое Болгара (2 экз.), на Старокуйбышевском городище (1 экз.). На одном из сосудов зафиксирован знак, выполненный после обжига.

К типу V (рис. 2, 14) отнесены сосуды зооморфной формы.

На сегодняшний день тип представлен лишь подтипов 1, а именно сосудом в форме рыбы (рис. 2, 14). Шляпка отбита. Размеры: $h5=16,5$ см. Вся поверхность покрыта резными линиями, имитирующими чешуйки. Данный подтип (АКУ–87/48) происходит с Биляра – из доколлективной коллекции ОАИЭ (хранится в Археологическом музее КГУ). Сфероконусы в форме рыбы известны из Ахсикента (Джанполадян, 1982, С. 14, табл. IV).

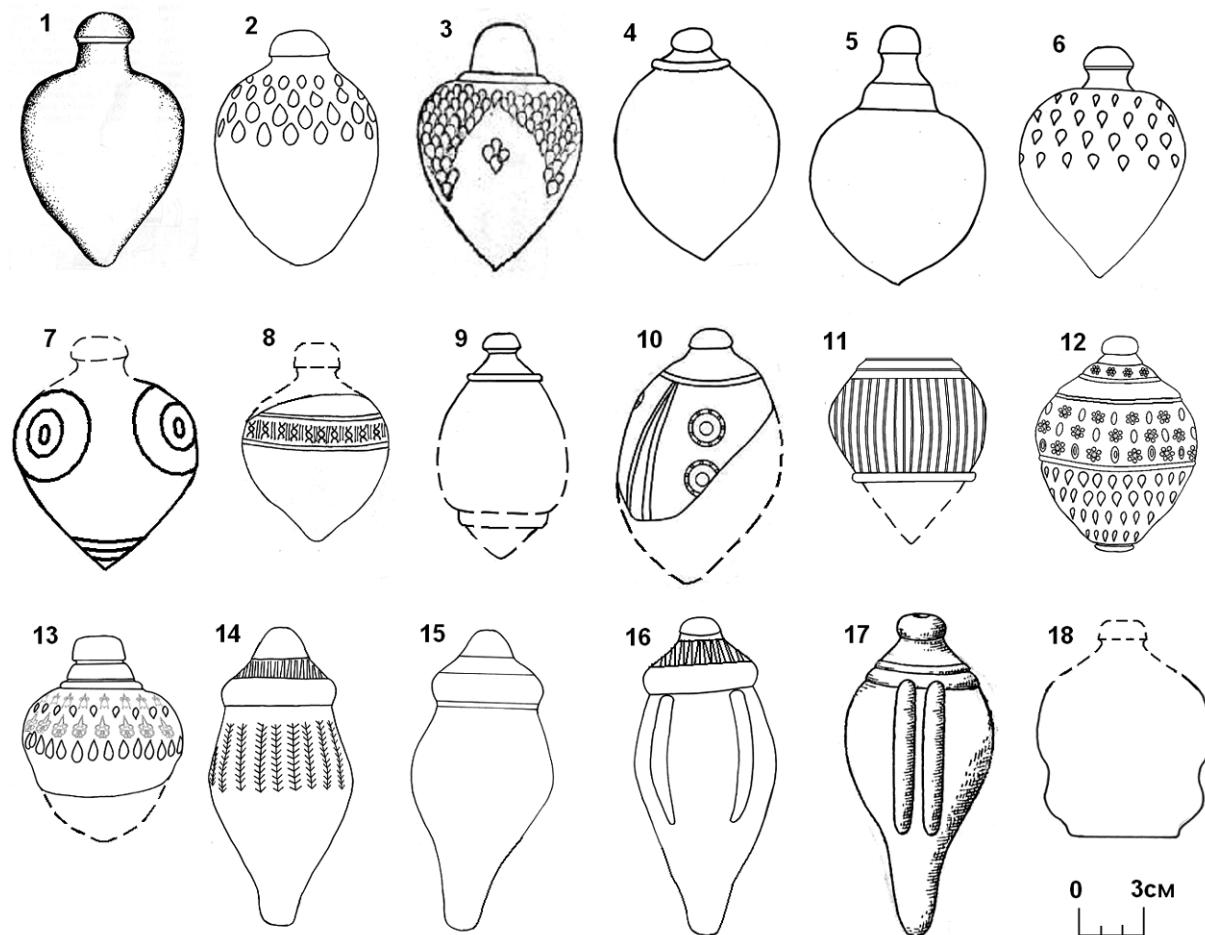

Рис. 3. Сфероконические сосуды Волжской Булгарии (группа 2).

В группу 2 вошли сосуды разных оттенков серого и желтого цвета (светло-серые, светло-желтые, желто-серые, серо-зеленые и т.д.). Желто-серый и серо-зеленый цвет черепка встречается у среднеазиатских (Галиева, 2001, С. 52) и закавказских (Джанполадян, 1982, С. 17) сфероконусов.

Тип I – сосуды эллипсоидной формы с расширенным в верхней трети туловом (рис. 9, 5–8, 10–11). Размеры: $H=9,5–13,9$ см, $D=7,3–10$ см. К данному типу отнесено 303 экз.

Подтип 1 – сосуды со шляпковидной головкой, плавно переходящей в расширенные плечики, сосуд завершается коническим дном (рис. 3, 1). Размеры: $H=9,5–13$ см, $D=7,3–10$ см, $d1=0,8–1$ см. К данному подтипу на сегодняшний день можно отнести 201 целых сероглиняных и серо-зеленых сосудов и во фрагментах. Сосуды представлены на Билярском (174 экз.), Болгарском (10 экз.) и Суварском (17 экз.) городищах, Билярском II селище (2 экз.). Ближайшие аналогии данный подтип находит в сфероконусах закавказского города Ани (Джанполадян, 1982, С. 16), Средней Азии (Галиева, С. 57) и Ближнего Востока (Pentz, p. 91, fig. 2). На 17 сосудах имеются знаки, выполненные после обжига.

Подтип 2 – сосуды со шляпковидной головкой – 4 экз. (рис. 3, 2). Размеры: $H=12,7$ см, $D=8,7$ см, $d1=0,5–0,6$ см. Сероглиняные сосуды украшались миндалевидным узором. Все сосуды происходят с золотоордынского слоя Болгарского городища. По форме близки сосудам подтипа 1, I, 2.

К подтипу 3 относятся сосуды с массивной шляпкой с валиком в основании и коническим дном (рис. 3, 3). Данный валик является переходом шляпки в туло (без горла). Размеры: $H=12,7$ см, $D=8,5–8,7$ см, $d1=0,4–0,6$ см. Сероглиняные сосуды украшены, т.н., сотовым или семечковидным орнаментом. Численность сосудов достигает 19 экз.: с Болгарского городища (18 экз.) и Старокуйбышевского городища (1 экз.). Сфероконусы данного подтипа по-

лучили широкое распространение на территории Золотой Орды. Они известны в Костештах и Старом Орхее (Кравченко, 1986, С. 61, рис. 24, 1–5; Полевой, 1969, С. 135), Укеке (Недашковский, 2000, С. 100, рис. 26, 1), Красном Яре и Селитренном городище (Пигарев, 1994, С. 212–213, рис. 1, 9, 12.), Фустате (Египет) (Скэнлон, 1981, С. 287, рис. 4), Азаке (Масловский, 2006, С. 418, рис. 44, 1–3), Маджарах (Ртвеладзе, 1974, С. 280–284), Сарайчике (Самашев, Кузнецова, 2008, С. 138).

В подтип 4 выделены сосуды с шайбообразной головкой и небольшим валиком (0,5 см) на плечиках тулова, с коническим дном (рис. 3, 4). Данный валик на плечиках является элементом декора. Сосуды сероглиняные, представлены фрагментарно. На 2 экз. имеются знаки. Все сосуды происходят с Билярского городища (15 экз.).

Подтип 5 – сосуды со шляпковидной головкой, широкой и уплощенной платформой (рис. 3, 5) (Тип I,4 по типологии А.Х. Халикова) или своеобразным «колоколом» в основании шейки, с коническим дном; встречаются на большинстве раскопов Билярского городища (35 экз.). Размеры: $H=13,9$ см, $D=9,5$ см, $h3=1-2,5$ см, $d3=4,5-6$ см. Все сосуды сероглиняные или серо-зеленые. На одном сосуде имеется знак. Близкие аналогии данным сосудам известны в Хорезме¹ и на Ближнем Востоке (Pentz, 1988, р. 91, fig. 2).

Подтип 6 – сосуды со шляпковидной головкой и коническим дном – 6 экз. (рис. 3, 6). Все сосуды сероглиняные и орнаментированы выпуклыми миндалинами. Сосуды данного подтипа встречаются на Билярском (3 экз.) и Болгарском городищах (3 экз.). На одном из сфероконусов имеется знак. Ближайшие аналогии – сфероконусы из Ани и Двина (Джанполадян, 1982, рис. 4, 10, 32, табл. II, 13–14)

Подтип 7 представлен сосудами со шляпковидной головкой и коническим дном (рис. 3, 7). Сосуды данного подтипа представлены фрагментарно. Сероглиняные сфероконусы происходят с Билярского (4 экз.) и Суварского (1 экз.) городищ. Орнамент в виде вдавленных концентрических кругов. Данная орнаментация характерна для оформления закавказских (Ахмедов, табл. XIV; Джанполадян, 1982, рис. 21–22), среднеазиатских (Галиева, 2001, рис. 2, 1) и ближневосточных (Ettinghauseh, 1965, р. 218, pl. XLV, A; (Pentz, 1988, р. 91, fig. 2) сфероконусов.

К подтипу 8 относятся сосуды с коническим дном (рис. 3, 8). Все сероглиняные сосуды представлены фрагментарно (4 экз.), украшены горизонтальным штампованным поясом по тулову. Место находки – Билярское городище. Ближайшая аналогия – сфероконус (АКУ-10/30), хранящийся в фондах Археологического музея КГУ.

Подтип 9 – сосуд со шляпковидной головкой и коническим дном (рис. 3, 9). Данный подтип представлен фрагментарно – 1 экз. желтоглиняного сфероконуса, имеющего валик на плечиках и выделенное уступом дно. Ближайшие аналогии имеются среди материалов Закавказья (Джанполадян, табл. 1, 21).

Подтип 10 представлен сосудом с шайбообразной головкой (рис. 3, 10). Представлен фрагментарно – 1 экз. верхней части сосуда серо-зеленого цвета со штампованным орнаментом. Сосуд происходит с Билярского городища.

К подтипу 11 отнесены сероглиняные сосуды с резными вертикальными бороздками по тулову (рис. 3, 11). Данный подтип представлен фрагментарно – 2 экз. с территории Болгарского городища. Ближайшие аналогии данным сосудам можно найти на золотоордынских памятниках: Сарайчик (Самашев, Кузнецова, 2008, С. 138) и Красный Яр (Пигарев, 1994, С. 212–213, рис. I, 7).

Подтип 12 – сосуды с шайбообразной головкой и уплощенным дном (рис. 3, 12). Представлены фрагментарно (6 экз.). Несмотря на фрагментарность, сосуды легко узнаваемы по богатой, выполненной штампом по всей поверхности тулову, и характеру завершения сосуда (уплощенное дно). Все сосуды серо-желтого цвета со слабым оттенком зеленого цвета. Основные орнаментальные мотивы: гроздья винограда, миндаливидные розетки, геометрические фигуры (треугольники, звездочки, капли). Один сосуд орнаментирован розетками с использованием инкрустации стеклом бирюзового цвета. Ближайшие аналогии данный подтип находит среди материалов Азака (Масловский, 2006, С. 418, рис. 44, 12–13.), Царевского го-

¹ По сообщению С.И. Валиулиной.

родища (Михальченко, 1974, С. 47, рис. 1, 7), Семиреченской области и Болгара, описанных Виноградовым 3.3. (Виноградов, 1922, С. 110, табл. № 6, 69, 72), Туркестана (Городцов, 1926, С. 156, рис. 4), а также к данному подтипу относится фрагмент сосуда, хранящийся в Эрмитаже (куплен в Константинополе) (Ленц, 1904, С. 0102, табл. VII).

Подтип 13 – сосуд со ступенчатым оформлением верхней части (рис. 3, 13). Подтип представлен 2 экз. Тулоно орнаментировано сложным штампованным орнаментом. Ближайшей аналогией являются сосуды из Укека (Недашковский, 2000, рис. 26).

Тип II – сфероконические сосуды с цилиндрической формой тула – 38 экз. (рис. 4, 1–3, 6–10). Размеры: H=10–11 см, D=7,5–8,5 см. Всего 62 экз.

Подтип 1 – сосуды со шляпковидной головкой и уплощенным коническим дном – 38 экз. (рис. 4, 1). Размеры: H=10–11 см, D=7,5–8,5 см. На 11 экз. имеются знаки, нанесенные после обжига. Все сосуды желтоглиняные и сероглиняные и происходят с Билярского городища. Сфероконические сосуды с цилиндрическим и подцилиндрическим туловом известны среди материалов Ани и Двина (Джанполадян, 1982, табл. I, 3–4).

К подтипу 2 отнесены сосуды со шляпковидной головкой – 3 экз. (рис. 4, 2). Размеры: h5=13 см. Все сосуды сероглиняные. Аналогии данному подтипу можно встретить среди материалов средневековой Армении (Джанполадян, 1982, рис. 18, 42) и Средней Азии (Виноградов, 1922, табл. 4, 39, 42; Галиева, 2001, С. 54, рис. 1, 8–10). По материалам бадраба XII – начала XIII вв. с городища Афрасиаб сосуды данного типа 2 группы 1 по Галиевой З.С. составили 80% от общего числа находок сфероконических сосудов. Также они нашли широкое применение в Согде, Чаче и Хорезме (Галиева, 2001, С. 54).

Подтип 3 – сосуд с оформлением дна концентрическими кругами (рис. 4, 6) с Билярского городища (1 экз.). Сосуд серо-зеленого цвета, орнаментированный растительно-геометрическим штампованным орнаментом. Имеется знак (БГИАПМЗ 15080–1845). Аналогии данному подтипу не обнаружены.

Подтип 4 – сосуды с желобком на дне с Билярского и Суварского городищ (рис. 4, 7) – 8 экз. Все сосуды сероглиняные и представлены фрагментарно.

Подтип 5 – сосуды с вертикальным желобком на дне (7 экз.) (рис. 4, 8–10). Целых форм не обнаружено. Подтип представлен желтоглиняными и сероглиняными сосудами. Вертикальный желобок мог украшать тулоно. Желтоглиняные сосуды данного подтипа украшены растительным или зооморфным орнаментом. На одном экземпляре имеется знак (БГИАПМЗ XXII–77/1269). Украшение дна сфероконусов желобком известно на сосудах из Двина (Джанполадян, рис. 35–36).

Подтип 6 – сосуды со шляпковидной головкой и вытянутым коническим дном (5 экз.) (рис. 4, 3). Длина могла достигать 18 см. Два экземпляра покрыты бирюзовой поливой. В экспозиции Национального музея РТ выставлен целый экземпляр данного подтипа с бирюзовой поливой, происходящий из Биляра (дореволюционные коллекции).

Тип III представлен сфероконусами округлой формы (рис. 4, 11–12). По оформлению дна выделяются подтипы:

Подтип 1 – сфероконусы, завершающиеся выступающим плоским донцем (3 экз.) (рис. 4, 12). Все сосуды с Билярского городища. Плоскодонные сосуды встречаются на территории Средней Азии в домонгольское время, но являются редкими находками (Галиева, 2001, С. 55).

Подтип 2 (тип IV по типологии А.Х. Халикова) представлен одним фрагментом сфероконуса со ступенчатым оформлением нижней части и плоским дном (рис. 4, 11). Нахodka происходит с Билярского городища.

К типу IV отнесены сосуды с каплевидной формой тула (рис. 3, 14–17). Всего 32 экз., из которых 18 – были выделены в подтипы. Оставшиеся 8 экз. представляют собой фрагменты донцев. Вытянутые сосуды с каплевидным туловом и сильно оттянутым основанием З.С. Галиева отнесла к типу 3 группы 1 среднеазиатских сфероконусов и установила, что они появляются в XI – начале XII вв. в Мианкальском Согде, Афрасиабе, памятниках Чуйской долины, Хорезма (Галиева, 2001, С. 54). Р.М. Джанполадян отмечает, что для сфероконусов Ходжента типичны удлиненные, узкие формы сосудов (Джанполадян, 1982, С. 14).

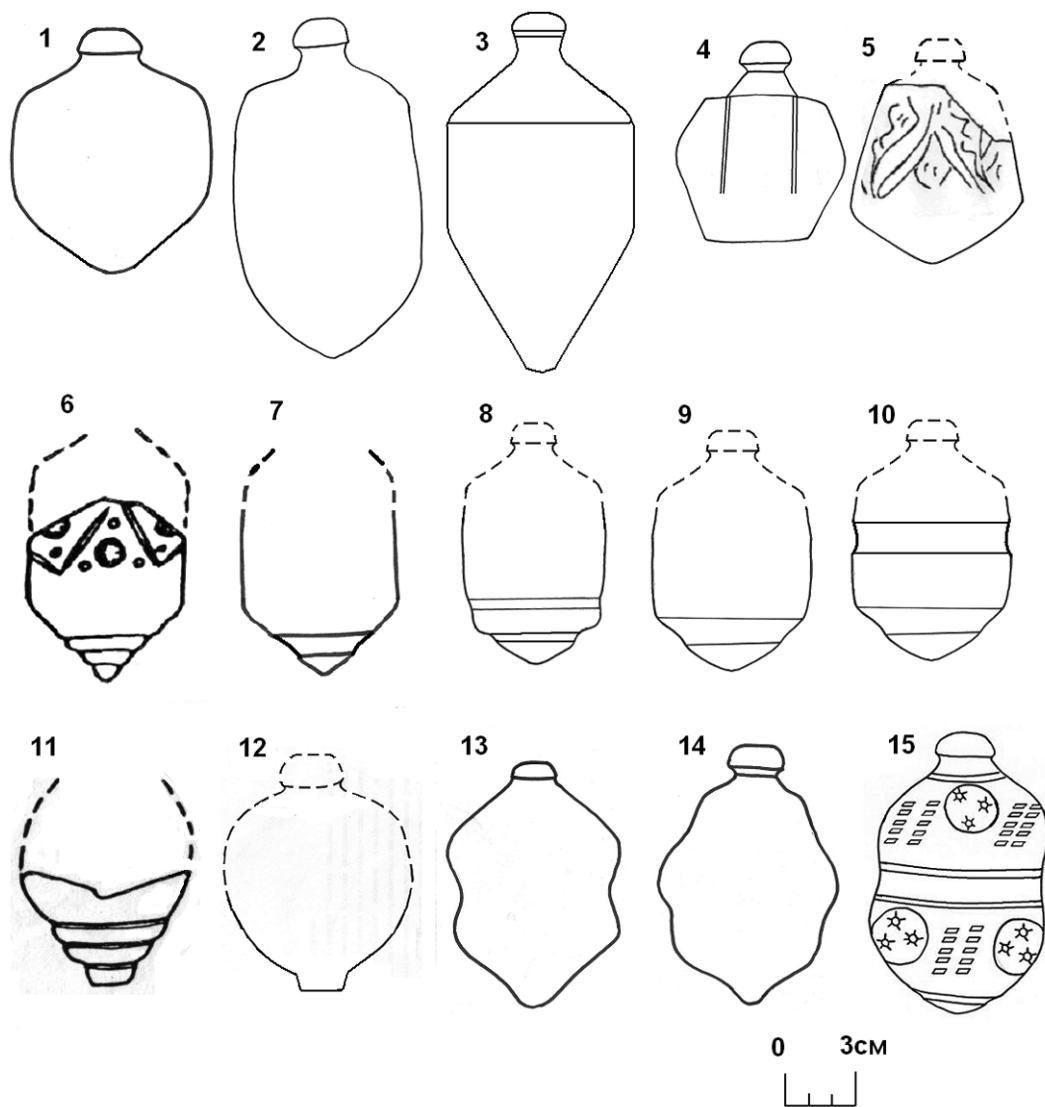

Рис. 4. Сфероконические сосуды Волжской Булгарии (группа 2).

Подтип 1 – сосуды с уступом на плечиках и вытянутой нижней частью (4 экз.); орнаментированы елочным орнаментом по тулово (3 экз.) (рис. 3, 14). Сохранность сосудов фрагментарная. Все происходят с Билярского (3 экз.) и Болгарского (1 экз.) городищ.

Подтип 2 представлен сосудами с уступом на плечиках и вытянутой нижней частью (рис. 3, 15). Сфероконусы данного подтипа представлены фрагментарно – 3 экз. сероглиняных сосудов. Орнамента нет. Все они происходят с Билярского городища. Сосуды данного подтипа относятся к типу 3 группы I по типологии З.С. Галиевой среднеазиатских сфероконических сосудов и являются многочисленной находкой среди материалов Хорезма, Согда и Хорасана с XII–XIII вв. (Галиева, 2001, С. 54).

К подтипу 3 (тип 3 группы I по типологии З.С. Галиевой) отнесены сосуды с шайбообразной головкой и вытянутым дном – 9 экз. (рис. 3, 16). Все – с Билярского городища. Сосуды имеют уступ на плечиках и вертикальные налепы-валики вдоль тулова. Поверхность тулова могла также украшаться штампованным орнаментом. На одном сосуде присутствует прочерченный знак. По мнению З.С. Галиевой орнаментация каплевидных сосудов вертикальными налепами-валиками является характерной особенностью для среднеазиатских сосудов XIII–XIV вв. (Галиева, 2001, С. 54).

Подтип 4 – два сосуда с шайбообразной головкой и вытянутой нижней частью. Целых форм не обнаружено. Сосуды орнаментированы вертикальными налепами-валиками, один –

покрыт зеленой поливой (рис. 3, 17). Сфероконусы происходят с Болгарского городища. Ближайшие аналогии обнаружены среди материалов золотоордынских городов: Красный Яр (Пигарев, 1994, С. 212–213, рис. I, 1) и Селитренное городище (Михальченко, 1974, С. 47, рис. 1, 4).

Тип V – сосуды с фигурной формой туловы (рис. 4, 13–15). Всего 6 экз.

Подтип 1 – сосуды с коническим дном и горизонтальными желобками по тулову, выполненными надавливанием пальца во время формовки сосуда, что придает сосуду двучастность (4 экз.) (рис. 4, 13). Целых форм не обнаружено. Сосуды желтоглиняные и сероглиняные. На одном имеется знак, сделанный после обжига (БГИАПМЗ XXXVIII/1508). Ближайшей аналогией сосудам данного подтипа являются байлаканские сфероконусы (Ахмедов, 1959, С. 222).

В подтип 2 объединены желтоглиняные сосуды, отличающиеся от подтипа VI,1 наличием своеобразной платформы в верхней части туловы (1 экз.) (рис. 4, 14). Похожий сосуд известен из Двина (Джанполадян, 1982, рис. 27).

Подтип 3 – один фрагмент желтоглиняного сфероконуса со шляпковидной головкой (рис. 4, 15). Особенностью данного подтипа является орнаментация: круги-налепы с «солнцами». Сосуд происходит с Суварского городища. Аналогий ему не выявлено.

Подтип 4 представлен фрагментом нижней части сфероконического сосуда с плоским дном (диаметром 5 см) с Билярского городища (рис. 3, 18). Сосуд сероглиняный. Плоскодонные сфероконические сосуды обнаружены в Байлакане (Ибрагимов, 1965, С. 220), Укеке (Михальченко, 1974, С. 47, рис. 1, 2) и Термезе (Виноградов, 1922, табл. 5). В Средней Азии в домонгольское время они являются редкими находками (Галиева, 2001, С. 55).

Тип VI – сосуды с биконической формой туловы.

Подтип 1 – 3 сфероконических сосуда со шляпковидной головкой и плоским дном (рис. 4, 4). Характерны вертикальные бороздки – канелюры по бокам. Все сосуды сероглиняные и являются подъемным материалом с Билярского городища. Еще один сосуд данного типа представлен в экспозиции НМ РТ (видимо из дореволюционных собраний). Данному типу аналогий не обнаружено.

Тип VII – сосуд с трапециевидной формой туловы.

Подтип I – сосуд с коническим дном (рис. 4, 5). Максимальный диаметр туловы – 9 см. Представлен фрагментарно – 1 экз. желтоглиняного сосуда, орнаментированного растительным орнаментом. Сфероконус происходит с Билярского городища (БГИАПМЗ XXXVIII–87/1546). Ближайшей аналогией является сосуд из Двина (Джанполадян, 1982, рис. 38).

Выделенные типологические группы сфероконических сосудов Волжской Булгарии объединяются в хронологические группы, что, в свою очередь, позволяет установить динамику поступления сосудов. На рубеже X–XI вв. булгарскими мастерами было освоено местное производство сфероконических сосудов, на что указывает преобладание на ранних булгарских торгово-ремесленных поселениях сфероконических сосудов бурого цвета подтипов 1,III,1 и 1,II,2. В это же время на территории Волжской Булгарии появляются сероглиняные сфероконусы (подтип 2,I,1 и 2,II,1), представленные меньшим числом. В XI в. они уже преобладают на памятниках Волжской Булгарии. В предмонгольское время (2 половина XII – начало XIII вв.) в Поволжье также поступают сфероконусы типа 2,III. Из немногочисленных красноглиняных сфероконусов, бытующих на территории Волжской Булгарии в домонгольский период, следует отметить подтип 1,III,3 и 1,I,5. Таким образом, в домонгольской Волжской Булгарии численно преобладали сероглиняные и желтоглиняные сфероконические сосуды. Иная картина наблюдается в золотоордынских слоях, где доминирующими становятся красноглиняные сосуды, а именно тип 1,IV – сосуды с конической формой туловы. В Среднее Поволжье поступают широко распространенные в Золотой Орде сфероконические сосуды с семечковидным орнаментом (подтип 2,I,2) и богато орнаментированные сосуды подтипа 2,I,12.

Литература

Ахмедов Г.М. Неполивная керамика Орен-Кала IX–XIII в. // МИА. 1959. Вып. 67. С. 221–226.
Валиулина С. И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань, 2005. 280 с.

Виноградов З. З. Сфера-конические сосуды с узким горловым отверстием // Казанский музейный вестник. 1922. Вып. 2. С. 17–119.

Галиева З.С. Сфероконические сосуды Средней Азии: к воросу о типологии и хронологии // Средняя Азия. История. Археология. Культура: мат-лы конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкной. М., 2001. С. 52–61.

Городцов В.А. Древние мусульманские светильники в виде сфероконических глиняных сосудов // Труды ГИМ. 1926. Вып. 1. С. 43–57.

Джанполадян Р.М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. Ереван, 1982. 49 с.

Ибрагимов Ф.А. Новые типы обжигательной печи в Орен-Кала // Материальная культура АзССР. Баку, 1965. Т. VI. С. 212–221.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV века. Казань, 2002. 383 с.

Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII – XIV в.). Киев, 1986. 124 с.

Ленц Э. О глиняных сосудах с коническим дном, находимых в пределах мусульманского востока // ЗВОРАО. 1904. Т. 15, вып. 4. С. 101–115.

Масловский А.Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 году. Азов, 2006. Вып. 21. С. 417–420.

Минкевич-Мустафаева Н.В. Раскопки гончарных печей на городище Орен-Кала (Раскоп IV) // МИА. 1959. № 67. С. 174–185.

Михальченко С.Е. Сфероконусы Поволжья // КСИА. 1974. Вып. 140. С. 46–50.

Недашковский Л.Ф. Золотоординский город Укек и его округа. М., 2000. 224 с.

Пигарев Е.М. Сфероконические сосуды из фондов Астраханского краеведческого музея-заповедника // Древности Волго-донских степей: сборник научных статей. Волгоград, 1994. Вып. 4. С. 210–215.

Полевой Л.Л. Городское гончарство Прото-Днестровья в XIV в. По материалам раскопок гончарного квартала на поселении Костешты. Кишинев, 1969. 211 с.

Пославский И. О глиняных сосудах с коническим дном // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент, 1905. С. 5–18.

Ртвеладзе Э.В. Сфероконические сосуды из Маджар // Советская археология. 1974. № 4. С. 280–284.

Самашев З., Кузнецова О., Плахов В. Керамика Сарайчика. Алматы, 2008. С. 138.

Скэнлон Д.Т. Заметка о фатимидско-сельджукской торговле // Мусульманский мир. М., 1981. С. 285–287.

Халиков А.Х. Сфероконические сосуды // Посуда Биляра. Казань, 1986. С. 72–83, 138–141.

Хлебникова Т.А. Неполивная керамика города Болгар // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М., 1988. С. 7–102.

Ettinghausen R. The uses of sphero-conical vessels in the Muslim East // Journal of Near Eastern Studies. Chicago, 1965. V. 24, №3. P. 218–229.

Pentz P. A medieval workshop for producing «Greek fire» grenades // Antiquity, 1988. V. 62, № 234. P. 89–93.

ГОЛОВНЫЕ УКРАШЕНИЯ ДРЕВНЕМАРИЙСКОГО КОСТЮМА

А.Н. Павлова

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Головной убор является не только неотъемлемой частью костюма, но и важнейшим этноопределяющим признаком. Формы женских головных уборов развиваются, как правило, на протяжении длительного времени и отражают основные этапы этногенеза, а также культурные связи этноса.

Этнография зафиксировала несколько типов женских головных уборов марии, к ним относятся: шымакш – головной убор конической формы с лопастью, шарпан, головное полотенце, которое носили с орнаментированной лентой, нашмаком, а горные марийки – с головным убором «ошпу», сорока – каркасный головной убор, имевший прямоугольное очелье из бересты. В свадебной обрядности марии широко использовались женские шапки, которые во второй половине XIX в. шили из сукна или плиса с опушкой из меха лисы или бобра, у части луговых марии бытовали шапки из мерлушек белого или серого цвета с суконным верхом (Молотова, 1992. С. 36–37).

В этнографии также прочно утвердилось мнение, что ряд головных уборов не имеют древних корней в марийской культуре. Например, сорока, по мнению, Т.А. Крюковой, была заимствована у русского населения (Крюкова, 1968. С. 62). Шарпан – имеет прямые аналогии с уборами тюркских народов – башкир и татар, чувашей-анатри (Молотова, 1992. С. 37). Шымакш, как признают многие исследователи, является более поздней формой шурки, каркасного головного убора в форме конуса с холщовой лопастью (Крюкова, 1956. С. 136; Молотова, 1992. С. 34–35).

Подобные головные уборы сохранились в дальнейшем у мордвы и марии, их формы отличались большим разнообразием (Молотова, 1992; Белицер, 1972. С. 146, 154). Ритуальное значение этого убора зафиксировано у удмуртов. Головной убор из куска ткани, а в древности, возможно, кожи, сшитой спереди наподобие колпака с лопастью, по этнографическим сведениям, известен у марийских мужчин (Молотова, 1992. С. 35). В.Н. Белицер полагала, что головной убор с лопастью попал в Волго-Камье от скифов (Белицер, 1951. С. 112), подобного мнения придерживается и Т.Л. Молотова (Молотова, 1992. С. 35). Калаф, украшенный золотыми бляшками, считался у скифов символом плодородия (Бессонова, 1983. С. 69). Происхождение данного убора выяснить сложно, по мнению Т.Б. Никитиной первые высокие берестяные уборы были заимствованы марийскими женщинами у удмуртов и распространились среди марии, живших в бассейне Вятки (Никитина, 2002. С. 94–95).

Головной убор с лопастью на каркасе или без него – характерный элемент волго-вятского костюмного комплекса. Подобные головные уборы можно увидеть на бляшках в виде человеческих фигурок из Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, 1994; рис. 31). В различные исторические эпохи форма каркаса могла меняться, возможно, менялась и форма самого убора: конусообразный, с закругленной верхней частью, подобный тому, что встречался у горных марии в XIX в. Археологические материалы, вряд ли позволят восстановить эту часть головного убора, если он не имел каркаса и металлических украшений. В пользу его бытования говорит широкое распространение подобных форм у различных групп волжско-финского и пермско-финского населения в поздний период, а также фиксация остатков подобных уборов в древних погребениях, например, в ряде погребений Безводнинского могильника (Краснов, 1982. С. 55).

Уже в древности благодаря форме каркаса налобная часть такого убора могла иметь различное оформление. На существование матерчатой основы указывают украшения головного убора, например, характерные для древнемарийских племен головные цепочки, височные кольца, которые должны были иметь основу для крепления. Можно утверждать, что эта основа имела вид шапочки (колпака) с лопастью.

Известно, что в регионе у финно-угорского, балтского и тюркского населения были распространены небольшие шапочки из ткани или кожи. По мнению Д.Ф. Файзуллиной в Поволжье шапочки известны с эпохи ананьинской культурно-исторической общности (Файзуллина, 2006. С. 21). Богатством металлического убранства отличались и шапочки дьяковских женщин (Сабурова, 1967. С. 105–106), а также головные уборы азелинских женщин (Генинг, 1963). В последнем случае следует отметить значительное культурное влияние азелинского населения на формировавшийся древнемарийский этнос (Архипов, 1991. С. 11). Сопоставление археологических и этнографических материалов позволяет выдвинуть предположение, что данный элемент костюма волжских финнов достаточно древний. Х.Ф. Валеев и Г.Ф. Валеева-Сулейманова полагают, что подобные головные уборы волжских булгар и финно-угров Среднего Поволжья имеют сармато-аланское происхождение и распространились в регионе под влиянием булгар (Валеев, Валеева-Сулейманова, 2002. С. 34).

Остатки шапочки были зафиксированы в Младшем Ахмыловском могильнике, а также в могильниках IX–XIII вв. и XVI–XVIII вв. (Никитина, 2002. С. 92). Возможно, для древнемарийского костюма, были характерны и меховые шапочки, фрагменты которых удалось обнаружить в п. 49 Дубовского могильника. Такие шапочки могли быть составной частью сложных головных уборов, имевших берестяной каркас и металлические украшения.

Наиболее вероятно, что шапочка (колпак) с позатыльником – головной убор замужних женщин, а шапочка без позатыльника была принадлежностью девичьего костюма волжских финнов. При этом женский головной убор нередко имел каркас из бересты, а в ранний период из жгутов, подобно головным уборам Безводнинского могильника (Краснов, 1982. С. 57).

До начала XX в. марийские девушки носили налобные повязки или венчики, представлявшие собой полоски кожи или ткани с прикрепленными к ним украшениями (Молотова, 1992. С. 36, 42). Т.Б. Никитина проследила развитие форм венчиков от VI–VII вв. до XVI–XVII вв. (Никитина, 2002. С. 91). По конструктивным особенностям и месту в женском головном убore к венчикам близки головные цепочки, которые, вероятно, надевали поверх головного убора из ткани. Последнее позволяет предполагать, что цепочки могли быть частью женского головного убора или их носили поверх тканых шапочек или лент девушки.

Включение в состав женского головного убora элементов, характерных для девичьего, в частности венчиков – особенность костюма волжско-финских этносов на рубеже I–II тыс. н.э. Венчик или налобная повязка может служить для закрепления более сложного головного убора, например на каркасе. С другой стороны, у мордвы и удмуртов отмечен обычай смены девичьего головного убора женским лишь после рождения первого ребенка (Молчанова, 1999. С. 28), т.е. существовали переходные формы головного убора, сочетающие в себе женские и девичьи элементы. Нечто подобное, вероятно, можно было наблюдать и в древности, например, в погр. 134 Безводнинского могильника (Краснов, 1982. С. 55–57).

В Младшем Ахмыловском могильнике были зафиксированы головные жгуты, однако в дальнейшем они вышли из употребления и в древнемарийском головном убore IX–XIII вв. отсутствуют.

Сохранились и получили развитее многие формы металлических украшений. В первую очередь следует остановиться на накосниках. В древнемарийских могильниках встречаются накосники, в состав которых входили металлические и костяные подвески различной формы. Например, в составе накосника из погр. 29 могильника Нижняя Стрелка были костяные фигурки коньков. В Юмском могильнике накосник представлял собой шнуры, украшенные пронизками, костяными фигурками коньков и подвесками-колокольчиками (Архипов, 1973).

У мари еще в начале XX в. бытовали накосники, близкие по конструкции описанным выше. Т. Евсевьев собрал сведения о девичьих и женских прическах мари, основу которых составляли две косы, соединяющиеся с помощью особого шнуря ёп кандыра, вплетенного в них. К ёп кандыра привязывались еще 4 шнурка с различными украшениями, концы которых направляли за пояс, благодаря чему косы находились на спине в прямом положении (Евсевьев, 2002. С. 106–109). Прототипы подобных украшений известны в могильниках IX–XIII вв. и XVI–XVIII вв. (Никитина, 2002. С. 95–96).

Характерным элементом древнемарийского головного убора были височные подвески. Височные кольца носили обычно женщины, но встречаются они также и в мужских захоронениях (Павлова, 2004. С. 53). Женщины, как правило, носили височные украшения попарно, что подчеркивало симметричность головного убора и костюма в целом, в отличие от мужчин, в уборе которых они располагались ассиметрично.

У мари височные кольца и сходные с ними украшения долгое время сохранялись в составе головного убора. В могильниках XVI–XVIII вв. встречаются височные украшения в форме знака вопроса, разомкнутые височные кольца и подвески-лунницы (Шикаева, 1987. С. 52). В XIX – начале XX в. марийские женщины продолжали носить височные подвески в форме знака вопроса или подвески из семи кусков проволоки, спаянных и согнутых в виде когтей.

Основные элементы головного убора марийских женщин, зафиксированного в XIX – начале XX вв. восходят к эпохе формирования древнемарийского этноса. К ним можно отнести убор из ткани в виде шапочки (колпака) с лопастью, предполагающей обычно каркас из бересты или жгутов, а также накосники в виде шнурков с подвесками на концах и височные подвески (кольца).

Литература

- Архипов Г.А. Древние марийцы (этногенез и ранняя этническая история): автореф. дис. ... доктора ист. наук: 07.00.06. М., 1991. – 40 с.
- Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв. Йошкар-Ола, 1973. – 199 с.
- Белицер В.Н. Народная одежда мордвы // Труды Института этнографии Академии наук СССР. М., 1972. Вып. III. Т. 101. – 196 с.
- Белицер В.Н. Народная одежда удмуртов. М., 1951. – 142 с.
- Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983. – 138 с.
- Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф. Древнее искусство Татарстана. Казань, 2002. – 104 с.
- Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв.: очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов. Свердловск; Ижевск, 1963. – 161 с.
- Евсевьев Т. Этнографические коллекции. Йошкар-Ола, 2002. – 148 с.
- Крюкова Т.А. К вопросу о датировке этнографических предметов // ВГО. Доклады по этнографии. Л., 1968. Вып. 6.
- Крюкова Т.А. Материальная культура марийцев XIX в. Йошкар-Ола, 1956.
- Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992. – 112 с.
- Молчанова Л.А. Орнамент удмуртской традиционной одежды (Опыт структурно-семантического анализа): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Ижевск, 1999. – 198 с.
- Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья. Йошкар-Ола, 2002. – 432 с.
- Павлова А.Н. Семиотика костюма волжских финнов I – начала I II тыс. н.э. Йошкар-Ола, 2004. – 492 с.
- Патрушев В.С. Древнее искусство финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. – 80 с.
- Сабурова М.А. Реконструкция женского головного убора по материалам Щербинского городища // КСИА. М., 1967. Вып. 112. С. 105–106.
- Файзуллина Д.Ф. Историко-культурная реконструкция элементов костюма (на материале населения Волого-Камья XI–VI вв. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01. Казань, 2006. – 23 с.
- Шикаева Т.Б. Марийцы в XVI–XVIII вв. Йошкар-Ола, 1987. – 146 с.

МОЙ УЧИТЕЛЬ АЛЬФРЕД ХАСАНОВИЧ ХАЛИКОВ: КРАТКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ*

В.С. Патрушев

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Вот уже 50 лет, начиная с 16-летнего возраста, каждое лето выезжаю на раскопки. И каждый раз вновь и вновь перед глазами моя первая экспедиция в 1959 году, которой руководил человек-легенда, всемирно известный археолог Альфред Хасанович Халиков.

С именем А.Х. Халикова связано развитие марийской археологии. Благодаря его настойчивости была организована при Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории Марийская археологическая экспедиция. Под его руководством систематически стали исследоваться археологические памятники марийского края. Одновременно А.Х. Халиков руководил археологической экспедицией Казанского филиала АН СССР и Горьковской археологической экспедицией. Под руководством А.Х. Халикова в марийском крае работали все три указанные экспедиции.

В свою первую экспедицию я попал случайно. Еще осенью 1958 года мой брат, историк Анатолий Патрушев, работавший в Марийском научно-исследовательском институте, сказал, что весной будущего года начнутся раскопки и есть возможность принять в них участие. Экспедицией будет руководить казанский археолог Халиков. Так я впервые услышал эту фамилию. Я сразу же согласился. Ведь я с 9 класса мечтал стать геологом, а учиться на геолога надо было ехать в Свердловск. В многодетной семье директора 7-летней сельской школы денег на дорогу не было. В 1959 г., досрочно сдав экзамены за первый курс института, я уже в мае с первой группой археологов выехал в экспедицию в Юрино, на раскопки стоянки эпохи бронзы «Галанкина Гора». Нас встретил скромно одетый в телогрейку, небольшого роста человек сухощавого телосложения, с задумчивым лицом, в массивных очках. У меня сложилось впечатление, что он только что оторвался от серьезных раздумий и еще находится под их впечатлением. По его уверенной походке и реакции окружающих, увидевших его, сразу стало понятно: это Халиков. Мне, еще деревенскому парнишке, стало немного страшно, – как примет он меня. И тут он, подходя к нашей группе, улыбнулся так открыто и с такой добротой, что все страхи прошли. От всего его вида появилось безграничное доверие к этому человеку. И это чувство сохранилось на всю мою жизнь.

Как только мы оставили вещи в экспедиционном лагере, он нас повел на раскоп. Как он увлеченно рассказывал! Какие строил предположения, описывал исторические картины. Мне казалось, он видит через века и эпохи. А на неровной земле он представлял целый поселок, называл непонятными словами жителей древнего поселка, каких-то волосовцев, балановцев, говорил, как выглядели дома, проходы между ними. А я смотрел и ничего не видел, ничего не понимал из сказанного. У нас в пединституте еще не преподавали археологию. А древнейшая история марийского края только начиналась благодаря Альфреду Хасановичу Халикову, первому начальнику Марийской археологической экспедиции.

В ходе раскопок я внимательно прислушивался к каждому слову Альфреда Хасановича, стремился понять и увидеть то, о чем он говорит.

Участие уже на первых раскопках под руководством такого увлеченного и интересного человека буквально захватило меня. Неповторимые минуты пережил я на этом живописном берегу Волги. Вид раскопа высоко над Волгой среди высоких стройных сосен, вершины которых упирались в синее небо, широкая равнина поймы и излучина Волги вдали, далекие леса в голубоватой дымке и какой-то звенящий от зноя и тишины воздух – все это тогда слилось в памяти в одно целое, название которому – древность и ее изучение. И это ощущение

* В статье использованы материалы интервью со мной, взятого моей дочерью Илоной Патрушевой (сейчас Мамаевой), ученицей Марийской республиканской гуманитарной гимназии «Синяя птица», в 2006 г. при написании ею работы «По дорогам предков» для Всероссийского конкурса «Моя семья», где работа была отмечена Дипломом III степени. Выражаю ей благодарность.

восхищения раскопками постоянно подогревал Альфред Хасанович своими новыми рассказами о памятнике. И помню его слова: такого памятника больше нигде нет. Я даже плохо помню, где мы жили, что ели. Только помню, что мне было очень интересно на раскопках, несмотря на тяжелую физическую работу. Но я с малых лет привык работать лопатой и, хотя был длинный и худющий, выдерживал любые нагрузки. И уже через неделю Альфред Хасанович меня ставил на «авральные» работы – чаще на отвалы, на прокопку квадратов, где отставали от сплошного вскрытия площади раскопа, и даже на зачистки. И охватывала гордость, когда Альфред Хасанович хвалил меня за усердие. У него был важный воспитательный прием: он всегда хвалил за старание и за большой объем работы. И я старался быть достойным этих похвал. Были и досадные ошибки. Один раз в самом начале работ из-за чрезмерного усердия я прокопал квадрат ниже положенного на 10–15 см. Альфред Хасанович покачал головой и просто, даже тихо сказал, что раскоп – это коллективная работа и надо следить, что делается на всей площади раскопа, добавив: слишком хорошо тоже нехорошо. Помня этот случай, второй раз я зачистил участок раскопа старательно, очень тонким слоем, чтобы не углубиться лишнего. Закончив, я ожидал, что меня похвалят. Но Альфред Хасанович подошел и сказал, что здесь не видно тех слоев, которые видны на соседних участках. Без всяких замечаний он взял мою лопату и стал углублять раскоп. Вообще он был удивительно понимающим человеком. Повышал голос только тогда, когда в раскопе начинали громко разговаривать и шуметь. Отрываясь от записей в полевом дневнике, он называл имена и просил прекратить разговоры, так как ему мешают работать. Он знал всех по имени, даже учеников, которые пришли работать на один день. Вообще особый разговор о его феноменальной памяти: он помнил все сказанное многие годы, он помнил все прочитанное, сколько бы лет не прошло после этого.

После завершения раскопок в Юрино предложили желающим выехать в Васильсурск на раскопки Васильсурского городища эпохи раннего железа. Сначала я расстроился. Но когда узнал, что руководителем раскопок будет снова Альфред Хасанович, поехал с удовольствием. Раскопки Васильсурского городища были для меня очень полезны. Я впервые увидел укрепленное поселение с высоким валом и глубоким рвом. А начальник уже не Марийской, а Горьковской экспедиции А.Х. Халиков так интересно охарактеризовал древний вид этого «города», его обитателей и их врагов, эту эпоху, что мне стали сниться древние воины, их оружие, одежда, жилища. И его рассказ завершился словами: такого памятника больше нигде нет... Впервые я узнал от моего Учителя о возможных предках моего народа среди обитателей городища. Именно тогда появилось страстное желание стать археологом. Но мечта не осуществляется сама собой. Лишь участие в экспедициях под руководством Альфреда Хасановича, постоянный интерес к археологии, подогреваемый им рассказами, любовь к истории своего народа, своему краю и кропотливый труд способствовали осуществлению моей мечты.

Археологом я стал благодаря Альфреду Хасановичу Халикову. Для меня он на всю жизнь остался Учителем с большой буквы, умным, тактичным, добрым... Он привлекал сердца людей своей логикой мышления, четкой речью, глубокими познаниями во всех областях археологии. В разговоре с участниками экспедиций от него веяло сердечностью, добротой, пониманием. Я с удовольствием слушал рассказы А.Х. Халикова об археологических открытиях, о раскопках других поселений, его замечания о культурном слое поселения. Он был удивительный рассказчик: мог о чем угодно рассказать так увлекательно, что все заслушивались. На первом месте для него были раскопки, а также постоянная тяга к знаниям. Где бы он ни находился, он всегда читал, обязательно с карандашом в руке, делая заметки. Его трудно представить без книги или тетради в руке. И, пожалуй, для него очень важным было передавать свои знания другим, учить всему, что он знал, направлять интерес окружающих к археологии.

Наш экспедиционный лагерь располагался на живописном берегу р. Суры. В составе экспедиции был известный антрополог М.М. Герасимов. Его палатка находилась недалеко от моей. А.Х. Халиков, знакомя меня с ним, посоветовал помочь ему по хозяйству: принести воду, чай, дрова. Для меня это было большой честью. Но Михаил Михаилович очень редко обращался за чем-нибудь, предпочитал все делать сам.

На раскопки Васильсурского городища приехала также Елена Александровна Безухова из г. Горького. Вместе с Альфредом Хасановичем они долго прогуливались, беседовали. Рядом с «Элен Безуховой» (как ее за спиной называли горьковские студенты) Альфред Хасанович буквально преображался. А я, кажется, в свои 16 лет впервые влюбился в 15-летнюю красавицу, краизную племянницу Елены Александровны, которая помогала на кухне.

Несмотря на занятость гостями, Альфред Хасанович на раскопках Васильсурского городища иногда мне одному рассказывал о древней истории края. А перед завершением экспедиции он посоветовал подготовить доклад о раскопках Васильсурского городища на студенческую конференцию. В 1960 году я подготовил доклад и меня командировали за счет Марийского пединститута на VI всесоюзную археологическую конференцию студентов в Московский государственный университет. Там я впервые увидел автора учебника по археологии А.В. Арциховского, крупных советских ученых В.Л. Янина, Б.А. Рыбакова, А.П. Смирнова, О.Н. Бадера. Мой доклад на конференции был отмечен Благодарственной грамотой оргкомитета. Но сам я понял, насколько бедны мои знания в археологии. Не смог ответить, откуда появилась на Васильсурском городище сетчатая керамика, не смог охарактеризовать, в каких слоях она встречается. И мне очень захотелось иметь такие же знания, как у Альфреда Хасановича, чтобы и я, как он, мог свободно говорить о древних временах, о древних народах.

И вот уже в 1962 г по совету Альфреда Хасановича я подготовил на всесоюзную студенческую археологическую конференцию в Ленинграде доклад о древнемарийских городищах марийского края. И мой доклад был выдвинут на публикацию в сборнике конференции и нас, троих участников из провинций (Воронеж, Владивосток, Йошкар-Ола) пригласили на стажировку по археологии в Ленинградский университет. А мне предложили также принять участие в Кобяковской экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством С.И. Капошиной.

Особенно хорошо я узнал Альфреда Хасановича за время совместных работ по исследованию Ахмыловского могильника. Именно он после сообщения о находках учеников Ахмыловской школы бронзовых вещей, которые поступили в Козьмодемьянский краеведческий музей, предложил Г.А. Архипову срочно выехать и проверить место находок. И мы с Геннадием Андреевичем ранней весной 1962 года заложили первый шурф и сразу обнаружили могилу. И в том же году А.Х. Халиков сумел организовать экспедицию и начать раскопки этого могильника. Организаторские способности у Альфреда Хасановича были удивительные. Он настолько был увлечен археологией, что мог доказать любому чиновнику важность археологии, важность исследования именно этих памятников. Размах его работ был ошеломляющим. Он одновременно организовывал раскопки в нескольких местах, постоянно был в поиске новых памятников. Даже за грибами в дождливую погоду, когда нельзя было проводить раскопки, он уходил с лопатой «на всякий случай».

На раскопках было очень интересно. Расчищать могилы с богатым набором вещей одно удовольствие. Но особо приятно, когда Альфред Хасанович представлял свое видение материала. Он подробно характеризовал эпоху раннего железа, отметив, что это самый интересный и самый важный в истории финно-угров период. По материалам Акозинского могильника, который он раскапывал раньше, он охарактеризовал всю сложную этническую ситуацию в марийском крае, о связях с Кавказом, киммерийцами, скифами... Я теперь уже старательно записывал в общую тетрадь все сказанное. Прошло много лет. Уже сам читал лекции по археологии почти 40 лет, но многие детали моих рассказов остаются как у моего Учителя. Он особенно подробно характеризовал Старший Ахмыловский могильник по результатам пока только первого года раскопок. И его рассказ завершился словами: такого памятника больше нигде нет... Когда я в третий раз услышал эти же слова, я понял: для Альфреда Хасановича самым важным каждый раз становился тот памятник, который исследовал в данный момент. Подобно тому, как талантливый артист вживается в свою роль, так и Альфред Хасанович буквально влюблялся в тот памятник, где работал.

Наши раскопки в 1962 году завершились поздней осенью. Тогда же мы вместе с Г.А. Архиповым обошли поля близ раскопа и А.Х. Халиков показал, где на будущий год лучше заложить раскоп. А севернее он обратил внимание на частые включения углей на возвышенности.

стях и заметил, что здесь могут быть постройки. Как оказалось впоследствии, на этих участках находились древние дома мертвых – сложные погребальные сооружения. Часто меня удивляла наблюдательность Альфреда Хасановича: по мельчайшим деталям, словно криминалист, он восстанавливал картины прошлого, исторические события.

Полевые работы 1963 года на Ахмыловских памятниках начались уже в мае. Альфред Хасанович прислал письма заведующей кафедрой истории Марийского пединститута им. Н.К. Крупской В.М. Тарасовой и ректору института М.И. Романову с просьбой разрешить студентам досрочную сдачу экзаменов в связи с участием на раскопках самого уникального памятника – Старшего Ахмыловского могильника. Нас из института оказалось 4 студента. В раскопках принимали участие Г.А. Архипов и П.Н. Старостин, ставшие известными археологами.

Осенью 1963 г, уже с дипломом учителя истории, русского языка и литературы, я начал работать в Шелангерской средней школе в Марийской республике. В 1964 г поехал в свою первую разведку со своими школьниками, среди которых я запомнил только Людмилу Донскую как самую преданную помощницу. Для получения Открытого листа А.Х. Халиков написал хорошую рецензию в Отдел полевых исследований Института археологии АН СССР. В том же году нас Альфред Хасанович на все лето направил в разведки с П.Н. Старостиным, затем с Г.А. Архиповым. А осенью сразу после экспедиции меня забрали в армию.

Уже в начале 1965 г Альфред Хасанович договаривался в Марийском пединституте о месте старшего преподавателя для меня, составил письмо-прошение в воинскую часть в Тбилиси отпустить меня раньше для участия на раскопках. И действительно, меня отпустили уже в июле и я через день после возвращения в Йошкар-Олу выехал на раскопки в Ахмылово. Там было много студентов из Казани, школьников Коротнинской средней школы. Альфред Хасанович еле успевал следить за раскопом и расчисткой многочисленных могил, записывать в полевой дневник описание могил. Он часто обращался к П.Н. Старостину и ко мне посмотреть за работой студентов или школьников. Хорошо, что в экспедиции еще был художник А.А. Мазанов и он по ходу вскрытия могил рисовал их планы и погребальный инвентарь. Он часто шутил и Альфред Хасанович с улыбкой вставлял в его шутки какое-либо замечание. Но он терпеть не мог никакой похабщины или матерщины. Все это знали и на раскопе никогда не было слышно матерщины. А если кто-нибудь выражался, то его он выгонял из раскопа.

После напряженного дня мы обычно сидели у костра и пели. Особенно любили слушать Альфреда Хасановича. Он обычно пел песню казанских студентов «Через тумбу, тумбу раз...», «Я смотрю на костер догорающий...», «В пещере каменной...» и разные другие туристические песни. У него был красивый бархатистый голос, приятный и сильный. Он сразу же чувствовал, кто во время пения фальшивит. У него был прекрасный музыкальный слух. Позже я узнал, что он постоянно посещает концерты и театры, в курсе всех культурных новостей.

Во время раскопок Альфред Хасанович несколько раз говорил мне о поступлении в аспирантуру. Я все говорил, что еще слабо разбираюсь в материале. А он меня убеждал, что по эпохе раннего железа разбираюсь в материалах не хуже кандидата, что полевой опыт вполне достаточен и могу вести раскопки самостоятельно. Я находил новые причины, в частности, что не смогу сдать немецкий язык, который учил только на первом курсе (в школе не было преподавателя и в аттестации «иностранный язык» у меня стоял прочерк). Но он настойчиво советовал заняться немецким, и его через полтора года я сдал на 4.

Раскопки в 1965 г мы закончили уже поздней осенью. Летом 1966–1968 гг. участвовал в археологических раскопках под руководством А.Х. Халикова. Чаще всего это были раскопки Старшего Ахмыловского могильника.

В 1968 г перед отъездом из экспедиции Альфред Хасанович как о решенном вопросе сказал, что ждет меня для поступления в аспирантуру и назначил даже число, когда я должен приехать в Казанское отделение АН СССР. И я в ноябре поступил в аспирантуру, где началась напряженная работа. Правда, в основном эта работа была связана с участием в подготовке полевых отчетов, написании статей, докладов на конференции. Но Альфред Хасанович приглашал и в Болгары, и в Биляр во время аэросъемок. При этом он никогда не говорил в приказном тоне. А именно тактично предлагал, отмечая пользу от этого. Эта манера ему была свойственна даже в руководстве над аспирантами. Он давал полную свободу в выборе темы, в

написании плана работы, в выборе круга источников, или же ненавязчиво предлагал «на Ваше усмотрение» поменять структуру, добавить главу. И только при знакомстве с планами тактично отмечал: «Мне кажется, логично было бы включить еще такой пункт...». Свобода в выборе направлений исследований ученикам давала творческую свободу в решении научных проблем. Это главный урок моего Учителя, который использую в работе со студентами, аспирантами, докторантами Марийского госуниверситета вот уже многие годы. У Альфреда Хасановича было много учеников. И к каждому он находил индивидуальный подход, каждого подталкивал к выполнении научных задач.

А.Х. Халиков в экспедиции приглашал специалистов со стороны, и все они были яркие личности. В 1966–1967 гг в Ахмылове приезжали ленинградские археологи Виктор Третьяков и Ирина Калинина, в 1998 г – Н.Л. Членова. Широкие работы по исследованию волосовских памятников в районе Ахмылова проводились В.В. Никитиным. Также был исследован неолитический памятник на противоположном от могильника берегу Ахмыловского озера. Как правило, объекты исследований всегда выбирал А.Х. Халиков. У него были энциклопедические знания о каждой эпохе. И он направлял других на исследования тех или иных эпох и памятников. Но в первую очередь необходимо отметить его заслуги в исследованиях древних эпох обширных регионов Волго-Камья. Это видно и на примере древней истории марийского края.

За годы работы в марийском крае А.Х. Халиковым были открыты и исследованы около 80 памятников каменного века. Он первым открыл палеолит в крае, исследовав Юнго-Кушергинскую стоянку. Большой заслугой А.Х. Халикова является исследование II Русско-Луговской стоянки, где им впервые было исследовано мезолитическое деревянное жилище и правильно интерпретированы материалы раскопок. Впоследствии А.Х. Халиков выделил особенности мезолита Среднего Поволжья и отметил влияние волго-окского мезолита на оформление культурных черт мезолита Среднего Поволжья.

Для эпохи неолита А.Х. Халиков выделил характерные черты памятников волго-камской и балахнинской культур, а также взаимодействие указанных групп населения и участие в этногенетических процессах населения с гребенчато-накольчатой керамикой. Среднее Поволжье эпохи камня исследователь рассматривал как контактную зону между палеоевропейской и палеоуральской культурными группами, что повлияло в дальнейшем на формирование древнейших этнических основ и культуры населения Среднего Поволжья.

В ходе исследований Ахмыловских могильников получен богатый материал поселения приказанского времени. Именно многолетние полевые работы Марийской археологической экспедиции под руководством А.Х. Халикова позволили выделить основные культуры эпохи бронзы в марийском крае и прилегающих регионах. Были проведены обширные исследования волосовских, поздняковских, абаевских, балановских памятников. В работах А.Х. Халикова впервые обобщены материалы исследованных им волосовских памятников марийского края (Майданская, Руткинская, III Удельно-Шумецкая стоянки и др.), которые позволили представить общую картину развития волосовской культуры и этногенетических процессов в более широком регионе. Им отмечена значительная роль пришлых племен, оказавших влияние на дальнейшее историческое развитие населения Среднего Поволжья. А.Х. Халиковым была выделена особая чирковско-сейминская культура, сложившаяся в результате смешения местных волосовских и пришлых балановских племен. Им были определены западные границы приказанской культуры и отмечена роль населения с «текстильной» керамикой в формировании особенностей западных групп приказанского населения. Значительным научным вкладом А.Х. Халикова стала разработка схемы развития основных черт приказанской культуры, на базе которой формировалась ананьинская культура. Значительный интерес представляют его наблюдения и выводы о взаимоотношениях приказанских и поздняковских племен.

Особо отметим вклад А.Х. Халикова в изучение памятников марийского края начала эпохи раннего железа. Он их отнес к особому, средневолжскому, варианту ананьинской культуры. Он открыл многие ананьинские памятники и руководил полевыми исследованиями таких важнейших поселений, как городище Сорочьи Горы, Копаньское, Васильсурское, Хмелевское на р.Волге, Ройский Шихан на реке Вятке. Им впервые были начаты полевые исследования Старшего Ахмыловского, Акозинского, Тетюшского могильников, продолжены рас-

копки Пустоморквашинского могильника. Результаты исследований были обобщены и опубликованы в ряде монографий и научных работ. Вслед за другими исследователями, отмечая принадлежность ананьинских племен к прaperмским племенам, А.Х. Халиков в докладе «У истоков финно-угорских народов» в Йошкар-Оле в 1965 г и в монографии «Древняя история Среднего Поволжья», опубликованной в Москве в 1969 г, приходит к выводу, что ананьинское население принимало участие также в формировании финноязычных народов Поволжья. Ананьинской проблематике был посвящен доклад А.Х. Халикова на IX Международном конгрессе по доистории во Франции в 1976 г.

В 1977 г. в издательстве «Наука» вышла в свет монография А.Х. Халикова «Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.)», в которой он опубликовал материалы новейших полевых исследований и обобщил все имеющиеся данные об орудиях труда, оружии, конской узде и керамике ананьинских памятников. В данной работе исследователь представил наиболее полную сводку указанных категорий находок и дал их классификацию. По многим проблемам ананьинской культуры А.Х. Халиковым указаны основные направления будущих исследований. Им высказаны интересные точки зрения труднообъяснимым историческим фактам. В частности, интерес представляют его мнения об исчезновении в районах Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья финно-угорского населения в связи с наступлением скифов в эпоху скифо-персидских войн или же в результате последствий сильного землетрясения.

Археологические источники по ананьинской культуре А.Х. Халиковым успешно использовались в обобщающих работах по этногенезу и истории финно-угров – в докладах на международных конгрессах в Таллине в 1970 г., в Сыктывкаре в 1985 г. и др., всесоюзных конференциях, посвященных финно-угроведению.

Значителен вклад А.Х. Халикова в решение проблем этногенеза марийского народа. В 1962 г. в «Очерках истории населения марийского края в эпоху железа» он опубликовал материалы раскопок древнемарийских памятников и представил общую картину развития древнемарийской народности. Наиболее полно точка зрения А.Х. Халикова на происхождение марийского народа изложена в его работе 1991 г. «Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Часть 1. Происхождение финноязычных народов».

В решении многих проблем ранней истории марийского края А.Х. Халиков показал свое видение материала, выдвинул новые гипотезы, подсказал новые возможности решений спорных вопросов. Можно не согласиться с некоторыми суждениями исследователя, но несомненно одно: А.Х. Халиков был и остается крупнейшим специалистом по древней истории финно-угров.

Альфред Хасанович Халиков не терял связей с прежними учениками, предоставлял свои полевые материалы для научных исследований. И постоянно чувствовал ответственность за своих учеников, всячески помогал в дальнейшем продвижении. Еще в 1969 г я написал ему большое письмо, где пытался обосновать необходимость выделения в Среднем Поволжье ахмыловской культуры. При первой же встрече он сказал, что для этого нужны доказательства и после защиты кандидатской диссертации предложил детально изучить погребальный обряд и вещественные комплексы волжских могильников, сопоставив их с камскими материалами. Благодаря А.Х. Халикову я закончил аспирантуру за два года и начал работать в Марийском пединституте. В 1970 г он настоял быстрее выйти на защиту, представить готовый текст диссертации. В тексте моей диссертации у него были только заметки: «подумайте еще над этим!», «нужны доказательства!», «вот это хорошо!», «здесь нет работы Бадера...» и т.д. Альфред Хасанович сам договорился с Грязновым М.П. (зав. кафедрой) о защите на кафедре археологии Ленинградского университета, с оппонентами... И в 1971 г я защитил кандидатскую диссертацию.

Но самые тесные связи продолжались. В 1976 г он стремился протолкнуть мою книгу «Марийское Поволжье в начале эпохи раннего железа» в Марийском книжном издательстве. Сам написал прекрасную рецензию. Кстати, уже в первом варианте книги я обосновал выделение ахмыловской культуры и он согласился с моими доказательствами. Но в нашей совместной книге, вышедшей в Москве в 1982 г, он предложил сохранить название «Волжские

ананьинцы», т.к. в заявке стоит это название. Кстати, я предлагал поставить его фамилию впереди, но он сказал, что все рисунки и текст из его полевых дневников составил я и заслужил это, к тому же в издательстве удивятся, если фамилии будут не по алфавиту.

Альфред Хасанович настойчиво подталкивал меня к написанию докторской. Говорил, что вся другая работа – это суeta сует, повседневность, а главное – наука, и ей надо отдавать всего себя. В 1987 г он уговорил заняться диссертацией и мою жену Татьяну, которая также стала его аспиранткой.

Думаю, в основном по настоянию А.Х. Халикова я в плотную начал заниматься текстильной керамикой. Он читал мою докторскую, со многими положениями не соглашался, но никогда не предлагал что-то убрать, что-то пересмотреть согласно его взглядам. И добавлял: «Вы в этом теперь главный специалист, решайте сами, только во всем должна быть доказательность...» И я собирал все новые и новые доказательства.

Оглядываясь назад, я начинаю понимать, что мой Учитель Альфред Хасанович был для меня добрым ангелом. Он умел быть археологом, ученым, умел жить, разбираться в жизненных ситуациях, вел меня от победы к победе. И даже когда его не стало, добрая память о нем, его облик, вся его жизнь стали примером для меня. И в трудных случаях я спрашиваю себя: а как бы поступил в этом случае мой Учитель? И тут же находится единственно правильный ответ...

Я всем сердцем благодарю тебя, мой добрый Учитель!

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ С КОНЕМ В ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКАХ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРЕДУАЛЬЯ

А.Г. Петренко, Г.Ш. Асылгараева

Институт истории им. Ш.Марджаны АН РТ, г. Казань

Изучение погребальных обрядов древних людей является, несомненно, актуальным и, в первую очередь, потому, что анализирует один из проблемных вопросов духовной культуры и этнической истории многих народов. Очень часто те или иные изменения в ритуале позволяют судить о появлении каких-то иных этнических, либо племенных групп людей, о взаимовлиянии культур.

Главным носителем значительной доли остатков в погребальных ритуалах культур восточно-европейской части, независимо от эпох и периодов, является значительная доля материалов с остатками коня.

Информация о материалах по проблемам погребальных остатков лошадей подается в основном, в материальных свидетельствах об участии лошадей в сакральном ритуальном значении ее изображения, разного рода подвески-амулеты из зубов или костей лошадей.

Для нашего региона ритуальные остатки с конем имеют для обобщения ряда проблем не меньшее значение, чем археологические находки такого широкого спектра как керамика, украшения, оружие и др.

По результатам суммарной характеристики остеологических погребальных комплексов с конем нами были выделены наиболее характерные погребальные элементы.

Характеристика погребений с остатками коня должна быть представлена, в основном, признаками захоронений человека, в которых зафиксированы погребальные комплексы коней. По результатам обозначения места, способов захоронения коня в грунтовых могильниках необходимо указывать следующие данные анализа с конкретными признаками:

- 1) форма и размеры могильной ямы с указанием ориентации погребенного;
- 2) расположение частей комплекса коня по отношению к погребенному (слева, справа, на ступеньке, над человеком, в ногах, в головах и т.д.) с указанием пола погребенного и возраста коня;
- 3) обозначение наличия деталей снаряжения коня, оружия, посуды, украшений, частей костюма и других предметов материальной культуры, встреченных в захоронении;
- 4) частота встречаемости погребений (в %) с остатками коня в объемах каждой исследованной части могильника.

Учет отмеченных основных признаков погребального обряда при дальнейших работах может подсказать на выделение возможных типологических исторических групп.

В качестве редкого примера можно привести диагностированный А.Г.Петренко архео-зоологический материал из части Больше-Тиганского могильника, раскопанного в 1974 г. Е.А.Халиковой и датированного второй половиной VIII – первой половиной IX в. н.э. Могильник расположен между селами Большие и Средние Тиганы в Алексеевском районе Республики Татарстан (Chalikova E.A., Chalikov A.N., Petrenko A.G., 1981).

В 28 погребениях, раскопанных за один сезон работ, было зафиксировано 14 погребений с погребальными комплексами коней по четырем группам.

Группа I – погребения № 12, 19 и 28, представленные комплексом костей коня в наборе: голова и четыре ноги нижнего отдела конечностей коня, захороненных в шкуре. Здесь же отдельно от комплекса – остаток от жертвенной заупокойной пищи в виде целой бедренной кости.

Группа II – погребения № 6, 7, 9, 10. В них зафиксированы только головы и бедренные кости лошадей.

Группа III – погребения № 8, 14, 22. В них представлены только бедренные кости коня.

Группа IV – погребения № 20 и 23 – только голова коня (череп и нижняя челюсть).

В двух погребениях из 14 – неопределимые, разрушенные гленом остатки.

I группа – голова и четыре ноги нижнего отдела конечностей и бедренная кость коня.

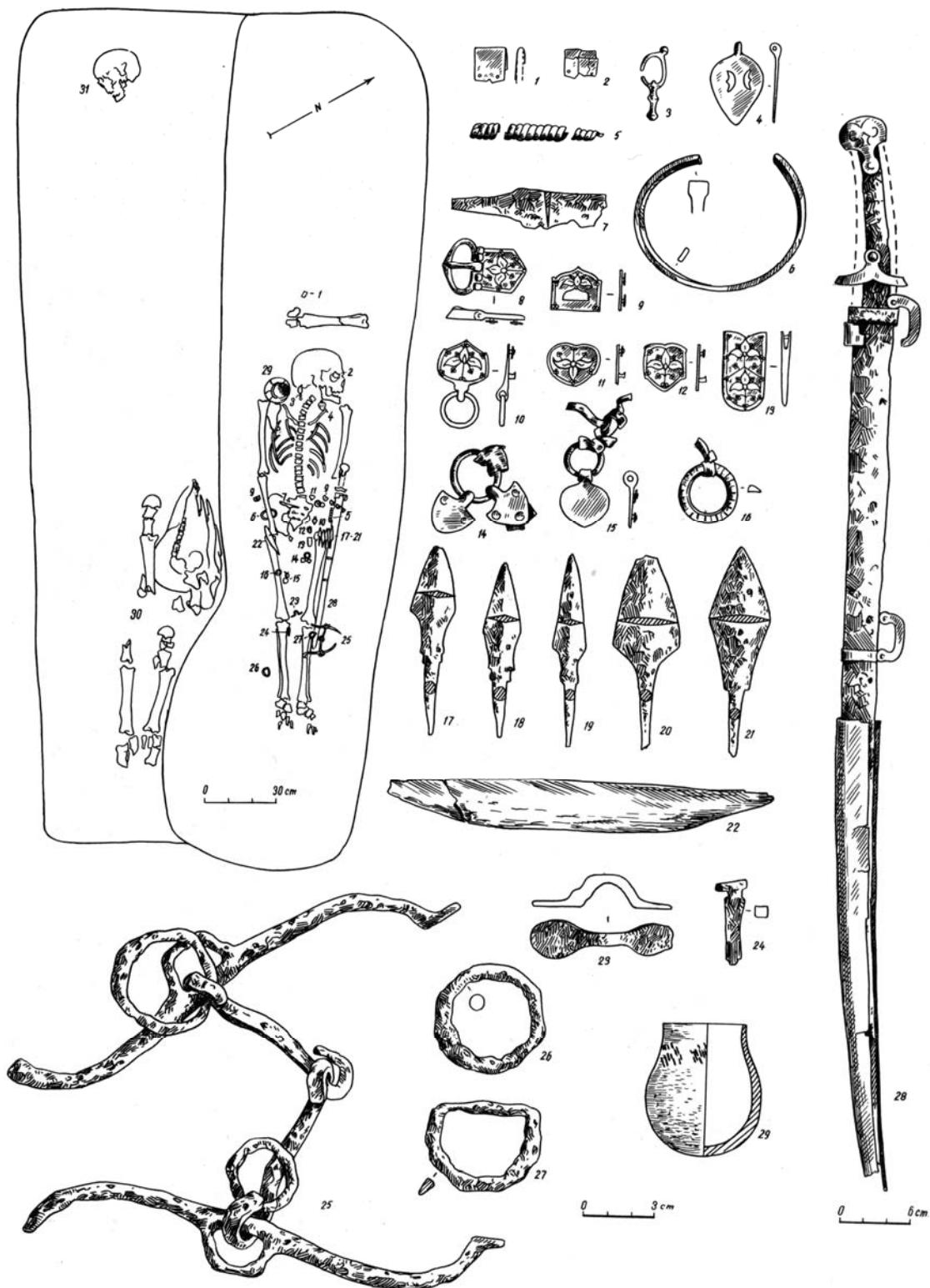

Рис. 1. Погребение 12.

Погребение № 12

Мужчина, 50–60 лет, ориентация погребенного на северо-запад и череп ребенка 7–8 лет (рис. 1). Справа от погребенного, выше на 25 см (на ступеньке) в ногах расположен комплекс коня. В головах мужчины, на уровне дна могильной ямы – бедренная кость коня и рядом с ней остатки деревянной чаши с серебряной обкладкой.

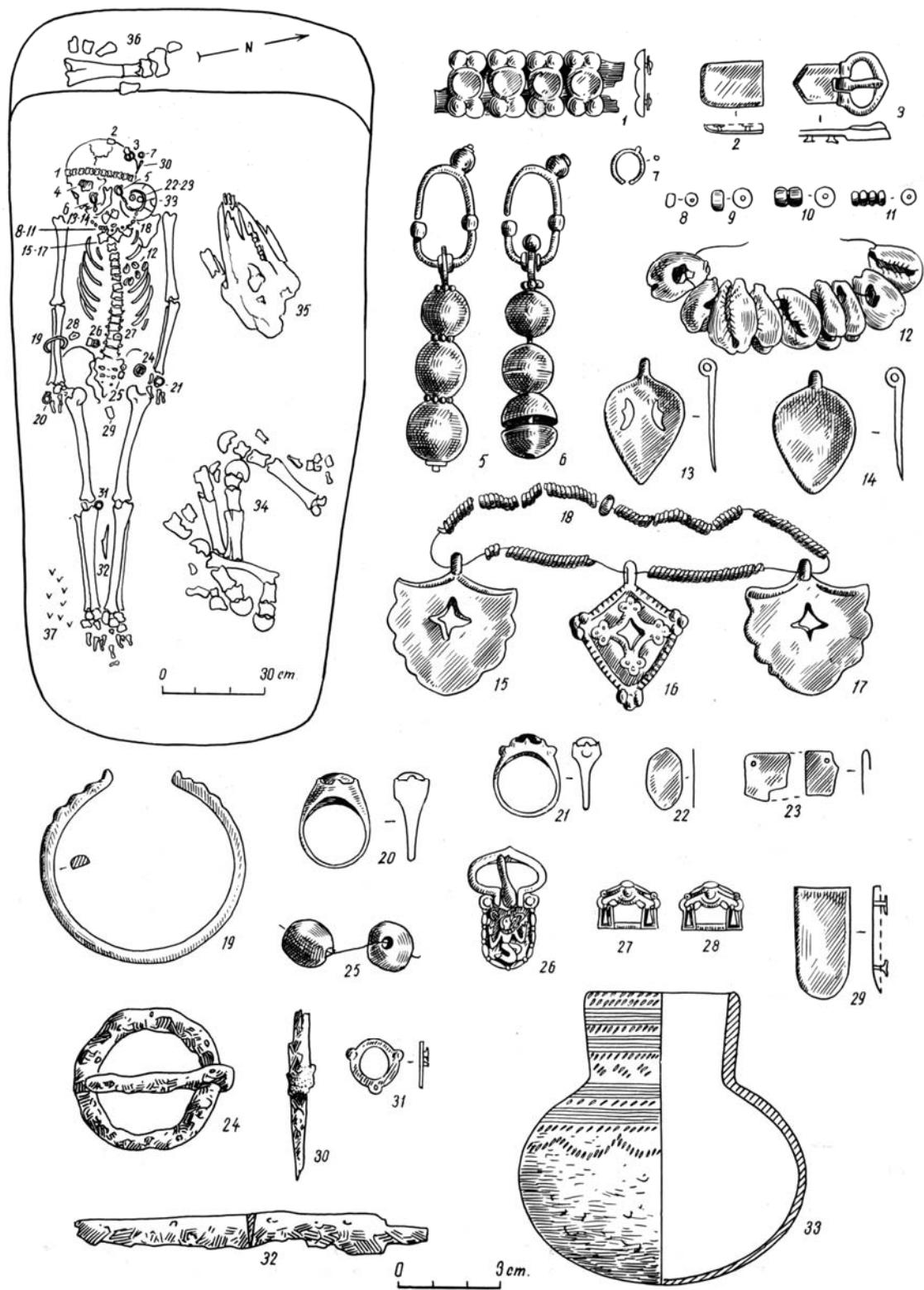

Рис. 2. Погребение 19.

На левой ноге человека найдены двусоставные удила с S-образными псалиями и одиночными кольцами.

Длина могильной ямы около 180 см.

Погребение № 19

Женское захоронение, возраст 16–17 лет, ориентация в западном направлении (рис. 2). С левой стороны от головы погребенной – голова коня и ниже – кости ног нижнего отдела скелета.

лета конечностей от коня возраста около 6 лет. Резцовая часть головы животного повернута к голове погребенной.

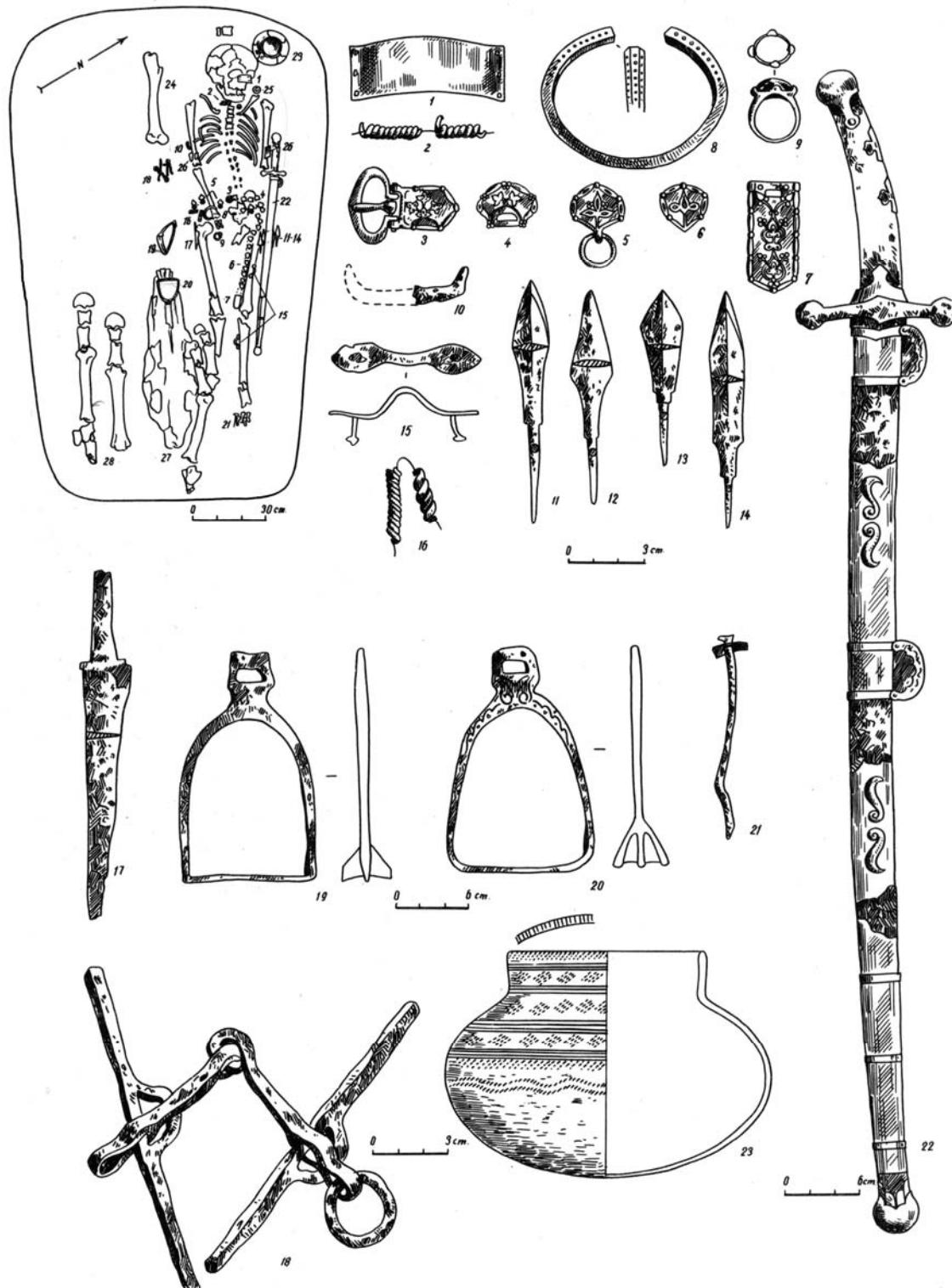

Рис. 3. Погребение 28.

Выше на 15–20 см (на ступеньке) над головой женщины – бедренная кость коня возраста около 2 лет. Глубина могильной ямы – 70 см, длина и ширина – 100 x 215 см.

Погребение № 28

Мужчина 45–55 лет, ориентация погребенного головой на запад (рис. 3). Могильная яма размером 100–125 x 200 см расширена в изголовье. Справа от человека, в ногах – комплекс

коня возраста около 6 лет. Справа от черепа человека, в расширении могилы – бедренная кость лошади в возрасте около 2 лет.

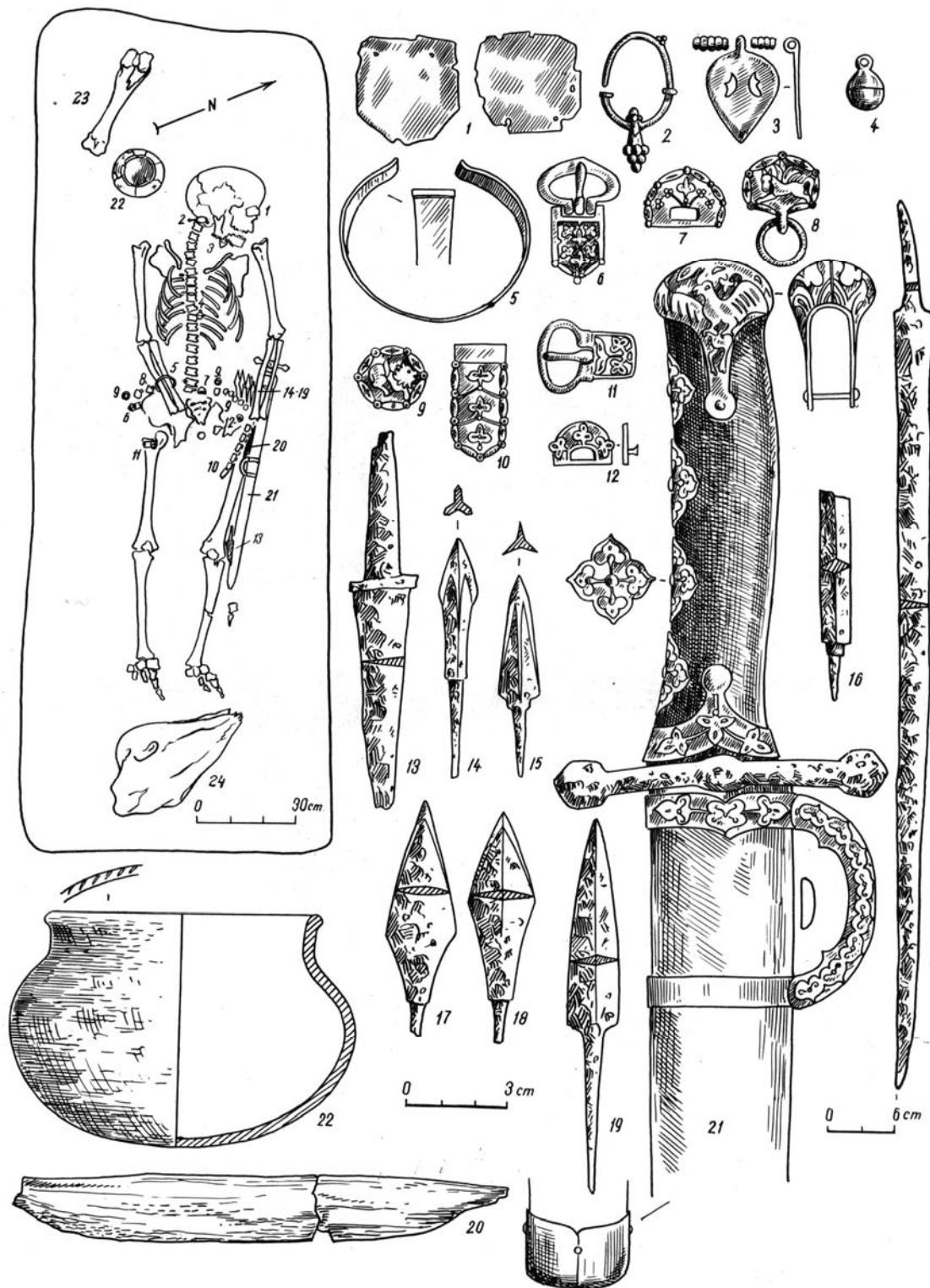

Рис. 4. Погребение 6.

В погребении зафиксированы удила, стремена, железная сабля, круглодонный сосуд (кушнаренковский), трензель, 2 стремя с плоской подножкой, двусоставные удила с прямыми псалями.

II группа – голова и бедренная кость коня.

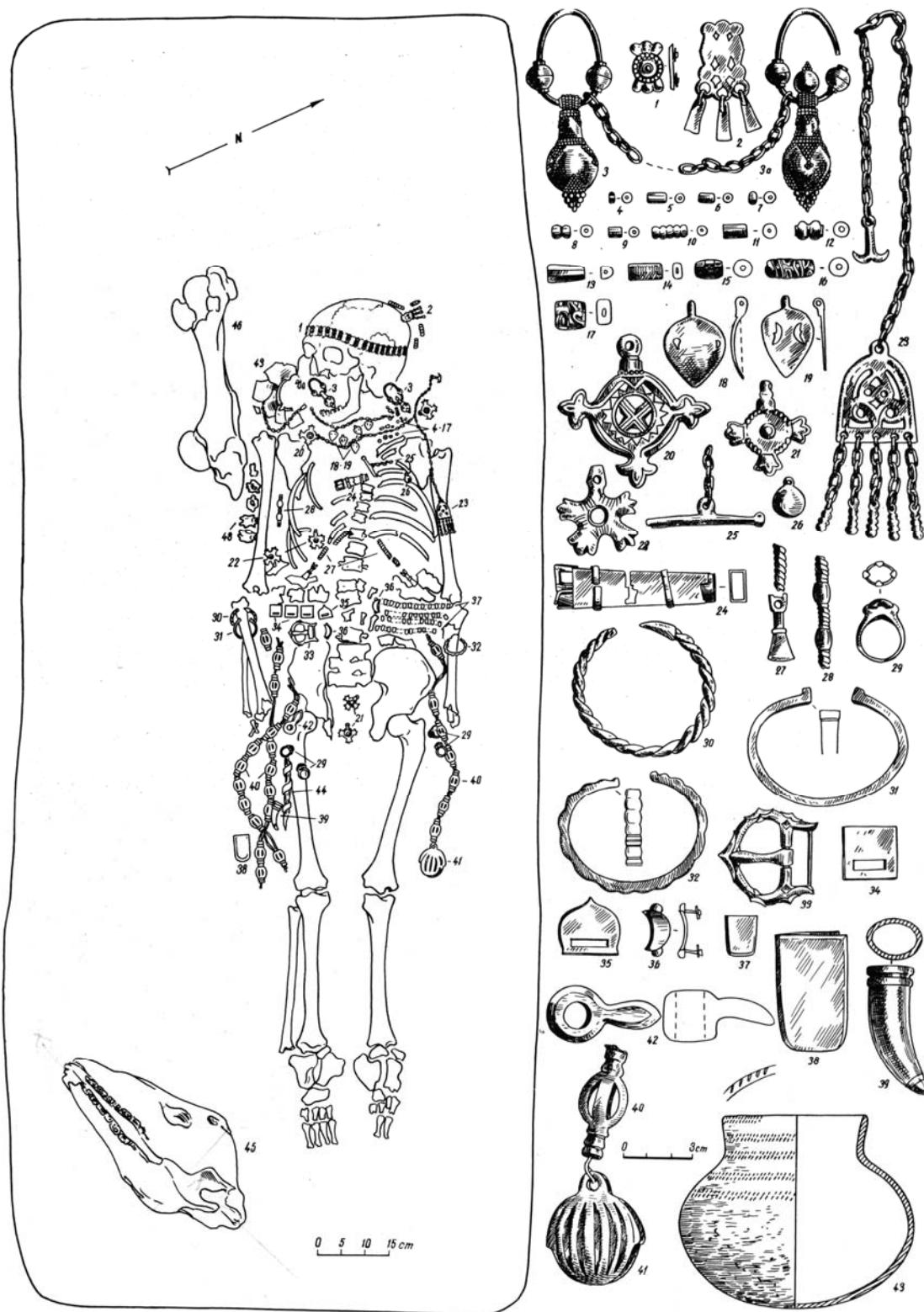

Рис. 5. Погребение 7.

Погребение № 6

Захоронение мужчины-воина головой на запад (рис. 4). В ногах погребенного – череп коня возраста 6 лет, резцовая часть ориентирована на север; в головах человека – левая бедренная кость и коленная чашечка от коня около 2 лет. В погребении зафиксированы круглодонный сосуд, сабля, наконечники стрел. Снаряжения коня нет. Размеры могильной ямы 250 x 90–100 см.

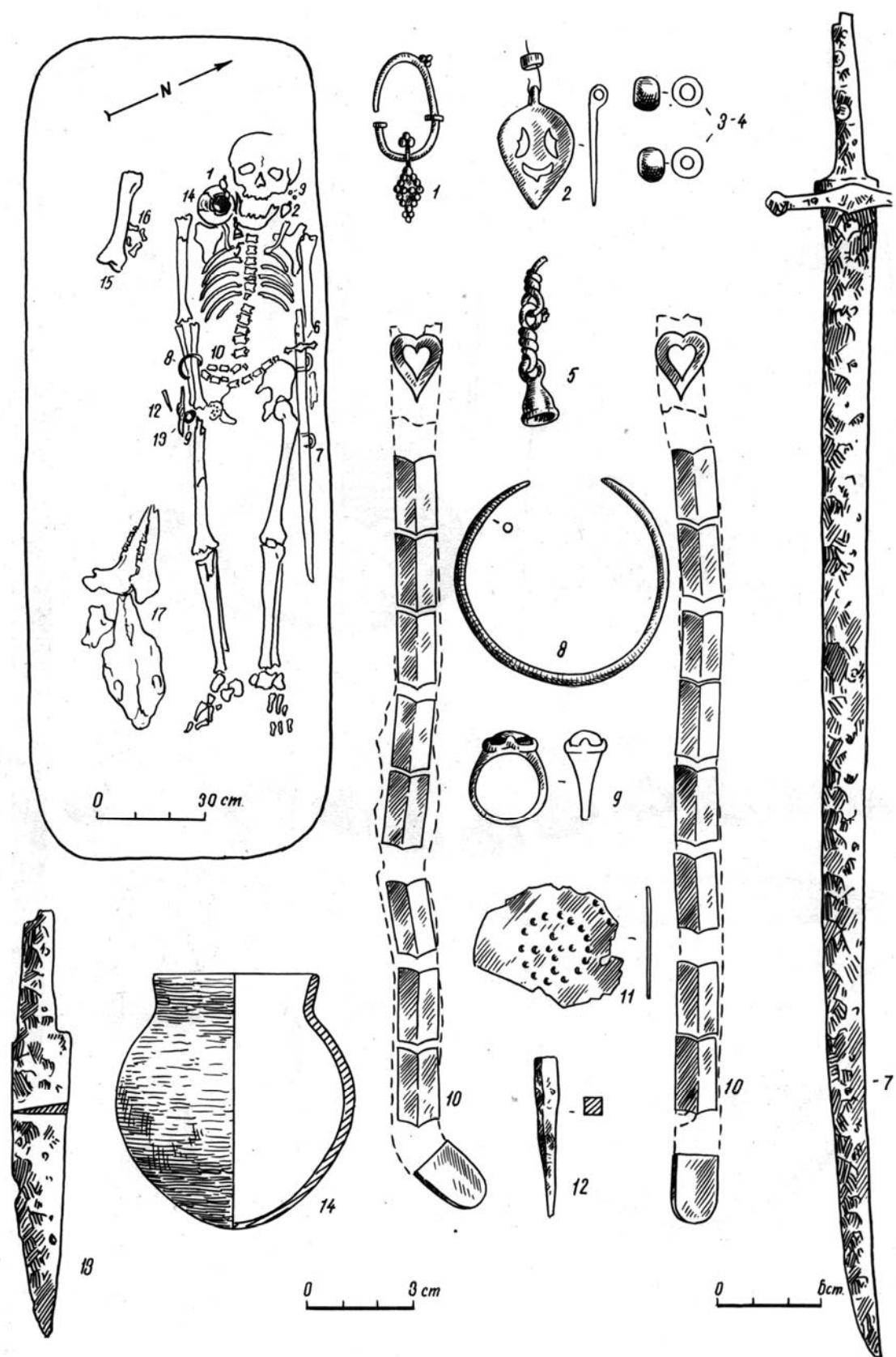

Рис. 6. Погребение 9.

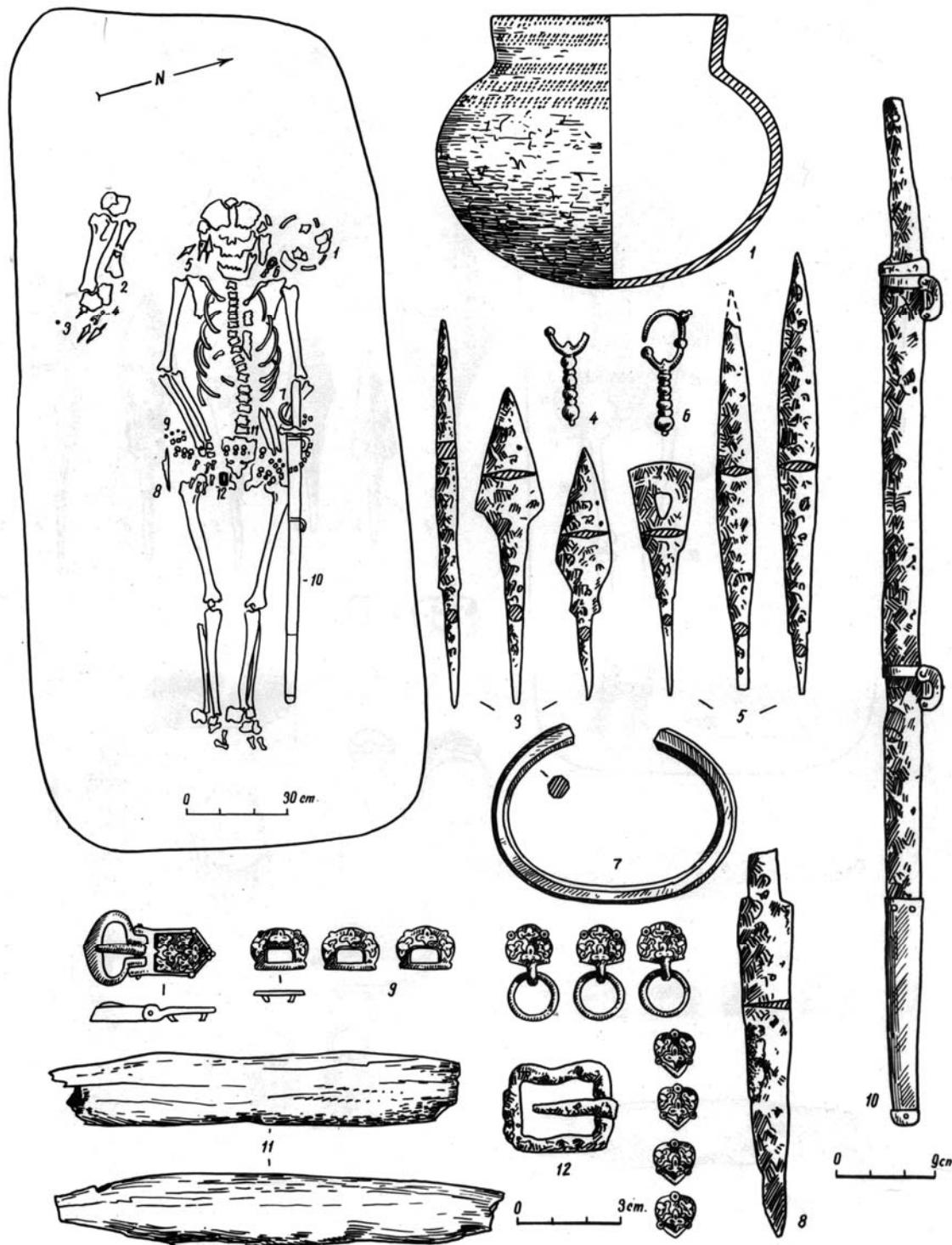

Рис. 7. Погребение 14.

Погребение № 7

Погребение молодой женщины 12–13 лет, головой на северо-запад, в ногах, справа – голова коня с направлением резцовой части на запад (рис. 5). Также справа от лицевой части погребенной – бедренная кость коня. В погребении найдены богатый костюм и украшения. Размеры могильной ямы 250 x 110 см.

Погребение № 9

Мужчина 30–40 лет, головой на северо-запад (рис. 6). Справа от головы – бедренная кость коня, а также небольшой сосуд серьга салтовского типа, украшения в виде колец, ору-

жие – сабля. Справа, в ногах погребенного – голова коня, резцовой частью на северо-запад. Размеры могильной ямы 230 x 85 см.

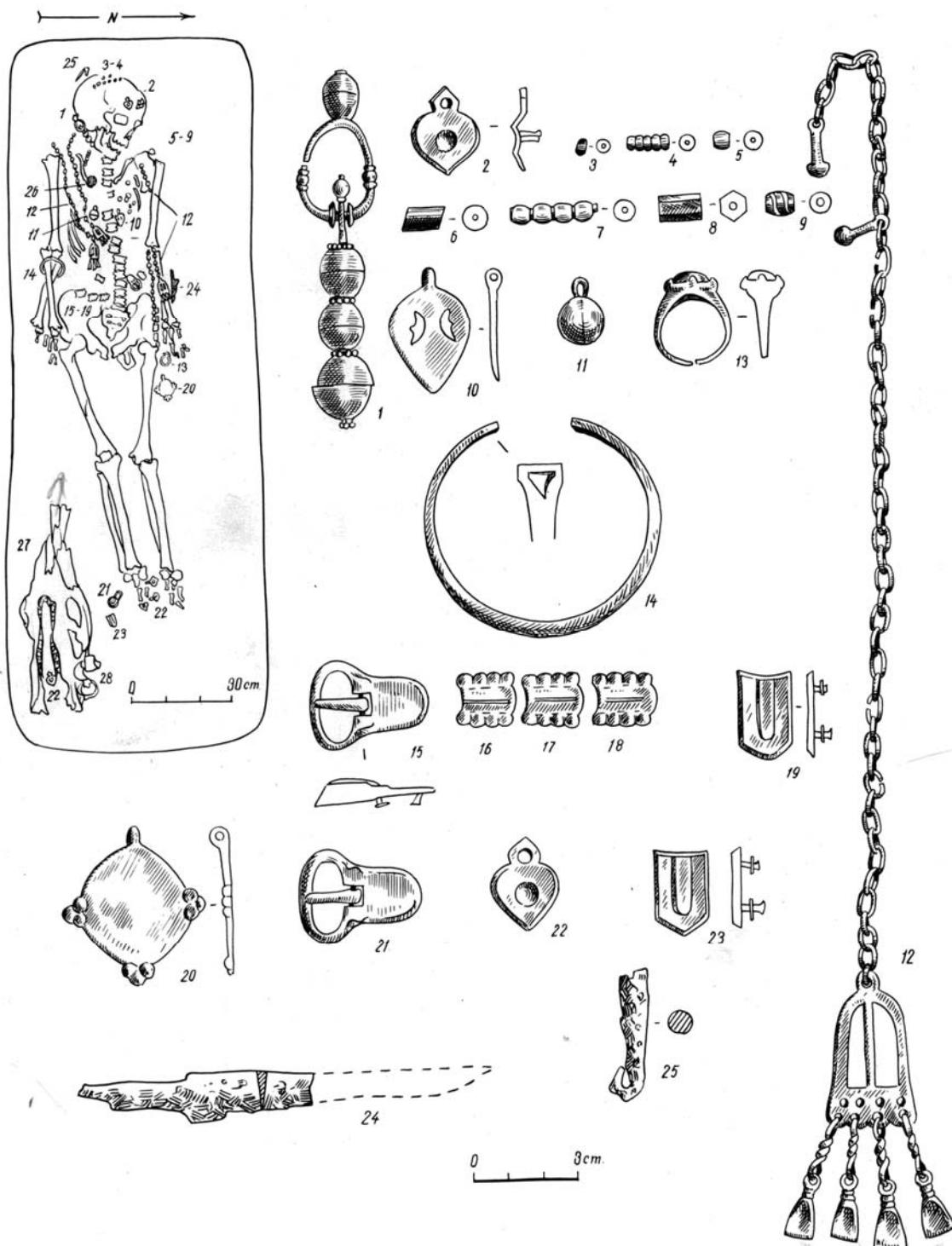

Рис. 8. Погребение 20.

Погребение № 10

Погребение мужчины 45–55 лет, головой на запад. В головах справа – бедренная кость коня, в ногах – остатки черепа коня.

Длина и ширина могильной ямы 250 x 86 см.

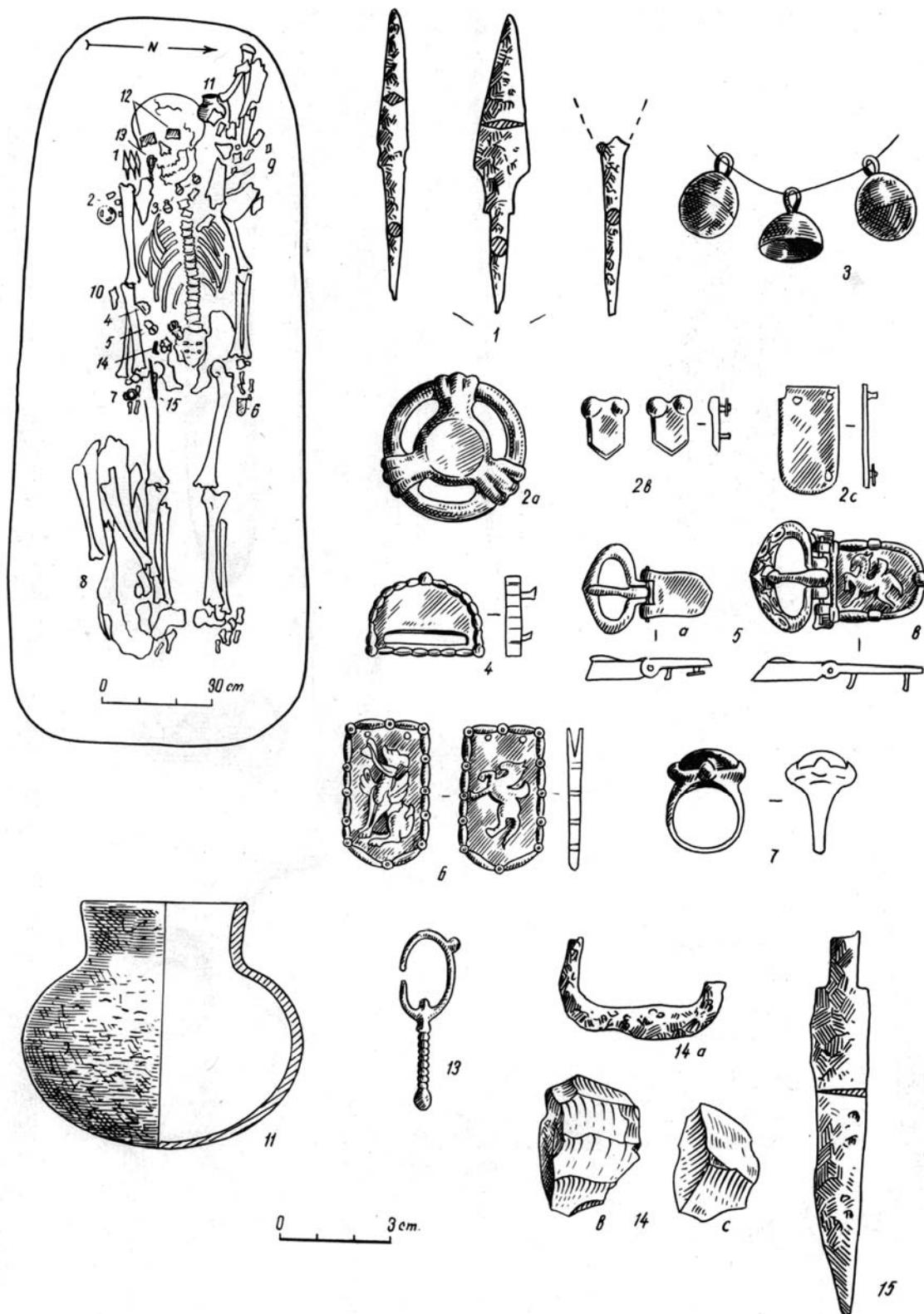

Рис. 9. Погребение 23.

III группа – только бедренная кость коня.

Погребение № 8

Остатки детского захоронения, с фрагментами бедренной кости коня.

Погребение № 14

Мужчина 17–18 лет, ориентация – головой на запад, справа у головы погребенного бедренная кость коня, слева круглодонный сосуд кушнаренковского типа, сабля, наконечники стрел, части одежды (рис. 7). Размеры могильной ямы 250 x 110 см.

IV группа – только голова коня.

Погребение № 20

Захоронение женщины 25–38 лет, головой на запад (рис. 8). Справа в ногах голова коня, возраста 10 мес. Размеры могильной ямы 75 x 210 см.

Погребение № 23

Погребение мужчины головой на запад (рис. 9). Справа в ногах – голова коня.

И если материалы с «погребальными остатками коней» известны в литературе за значительные хронологические периоды времени в различных регионах, с различными характеристиками, то Восточная культурная зона восточно-европейской части представляется одним из главным носителем значительной доли остатков лошади, независимо от эпох, культур, но представленных в различных вариантах.

В результате многолетних исследований материалов из могильников древнего и средневекового населения края, нами были диагностированы и выделены следующие маркирующие характерные ритуальные комплексы с остатками коня:

1. В могильниках эпохи раннего железного века (II–I тыс. до н.э.) – II Мурзихинский, Старший Ахмыловский, VI Ново-Мордовский, Тетюшский могильники – ритуальные захоронения только плечевых костей коня в изголовье человека, ориентированного на север и запад;

2. Наиболее достоверно представлены ранние комплексы ритуала, известного позже как «погребальный комплекс коня в шкуре животного» (голова и четыре ноги нижнего отдела конечностей) в Андреевском кургане в погребениях 25, 37 и 50, с датировкой начала I и II вв. н.э.

3. В азелинских могильниках в погребениях IV–VI вв. н.э. справа, либо слева от погребенного захоронения «комплексов коня (голова и кости нижнего отдела скелета конечностей) в шкуре».

4. В могильниках эпохи раннего средневековья VIII–IX вв. н.э. большое разнообразие ритуальных комплексов коня в сочетании только с бедренными костями коня.

В археологической характеристике II Ахмыловского могильника большие различия в ориентировке погребенных. Часть из них ориентирована на запад, другая – на север. Это позволяет предполагать наличие различных этнических групп населения. В погребениях с северной и северо-западной ориентацией могилы с ритуальными остатками лошади в виде целой плечевой кости у головы человека. Реже встречаются в засыпи могил зубы от черепов лошадей как поминальные остатки.

В могильниках Тетюшском, Ново-Мордовском, II Мурзихинском, также только целые плечевые кости коня у головы человека.

В более поздних могильниках этот ритуал широко представлен в крае у населения различных культур. Так, в V Рождественском, Нармонском и Усть-Брыскинском могильниках, оставленных финно-угорским населением азелинской культуры (IV–VI вв. н.э.), обнаружены в погребениях человека остатки костей коня, представленные черепом, нижними челюстями и костями 4 ног нижнего отдела конечностей (от запястья, заплюсны и ниже). Иногда в этих комплексах встречались коленные чашечки, хвостовые и шейные позвонки. Эти части скелета были оставлены в шкуре коня вместе с головой и ногами и символизировали погребения людей вместе с лошадьми, что обеспечивало благополучие человека и в загробной жизни. Из 100 погребений V Рождественского могильника в 41 выявлены такие же комплексы коня. Ориентировка могил с конем сравнительно устойчивая: с северо-запада на юго-восток. По отношению к человеку остатки коней в погребениях находились справа, либо слева, вдоль тела человека. В одном – два коня по обе стороны умершего, головой коня к ногам человека. Чаще комплексы коня сопровождали мужчин-воинов в могильниках азелинской культуры. Однако, встречены единичные случаи захоронения этого вида животных и в женских погребениях. Основная часть остатков коня принадлежала самкам возраста 5–8

лет. Средняя высота в холке их была равна 133,0 см и соответствовала по В.О. Витту категории «малорослых» лошадей. Реже встречались кони возраста 7–8 лет с высотой 140,0–141,0 см, близкие к категории улучшенного «степного» типа коней из курганов Алтая, Пазырыка. К числу более поздних памятников с остатками коня, относятся могильники Больше-Тарханский (VIII–IX вв. н.э.), Танкеевский (IX–X вв. н.э.), Больше-Тиганский (IX в. н.э.), и курганы Башкирии (IX–X вв. н.э.). В Больше-Тарханском и Танкеевском могильниках, принадлежавших ранним булгарам на Волге, встречены в погребениях комплексы коней (голова и 4 ноги в шкуре). Отличались они от азелинских комплексов V Рождественского могильника их местоположением. Комплексы в раннебулгарских могильниках располагались в ногах человека. Голова коня была положена передней частью к голове умершего. Комплекс часто сопровождался предметами конского убранства, а уздечка нередко была надета на голову коня. Большинство погребенных животных принадлежало самцам возраста 5–8 лет. Каких-либо возрастных несоответствий между черепом и костями конечностей не встречено.

Лошади принадлежали к типу «широколобых» и «среднелобых» животных. Высота в холке их в среднем составляла 136,8 см + 0,51. По индексу «тонкокостности» преобладали «средненогие». Погребальный ритуал с конем в курганах Башкирии представлен захоронением у головы человека целой бедренной части коня. Иногда черепа в ногах.

Как отмечено выше, в Больше-Тиганском могильнике, оставленном древними венграми, разнообразный ритуал коня. Одним словом, здесь наблюдается 4 группы захоронений с ритуалом коня.

В средневековых могильниках лесного Прикамья: II Аверинском, Верх-Саинском, Бродовском, Неволинском, Варнинском, оставленных уграми, преобладал ритуал помещения головы коня в погребении и в засыпи могилы человека.

Основные принципы культа коня поминально-погребальных обрядов у групп людей различных культур сохраняются на протяжении многих столетий и являются наиболее устойчивым этническим признаком, несмотря на религиозные изменения.

Но наряду с большим разнообразием «культы коня», при сопоставлении этих данных с материалами археологических ритуальных комплексов проясняются не только определенные черты этнического, религиозного и социального порядка, но и целый ряд исторических вопросов по истории происхождения и развития животноводческой деятельности людей.

В свое время, в 1944 г. широкое признание получила гипотеза Ш. Бёкёни, согласно которой лошади первоначально использовались как мясные животные и лишь на втором этапе их стали применять в транспортных целях (Bökönyi S., 1994).

Ритуал захоронения в Среднем Поволжье в эпоху раннего железа вместе с человеком передней плечевой части коня (в могильнике диагностируется как плечевая кость), видимо, как отражение традиций людей, у которых конь изначально был основой питания и представляет основную социальную функцию лошадей как источника питания и лишь позже для верховой езды, передвижения и т.д.

Бессспорно зафиксировано формирование культа коня на Варфоломеевской стоянке (Юдин А.И., 1991) в Поволжье (V тыс. до н.э.) в эпоху неолита в жертвенных, состоящих из сотен многочисленных разрозненных резцовых зубов лошадей с насечками и орнаментированных путевых костей, которые затем известны в Хвалынском энеолитическом могильнике Самарского Поволжья (Петренко А.Г., 2000) Обряд ритуального захоронения черепов и ног коня (в шкуре) позже известен у создателей ямной и катакомбной культуры, в Синташтинском могильнике абашевской культуры степей Евразии, Дона (Генинг В.Ф., 1992).

Захоронения черепов с костями ног коня в шкуре фиксируются твердо у людей, для которых конь основа подвижного образа жизни, а возможно и как ранний элемент следов древнейшего одомашнивания вида степным населением.

Разнообразие в погребальной обрядности с остатками коня (Больше-Тиганский могильник) может являться свидетельством хронологически различных в этническом смысле групп людей. А материалы комплексного анализа археологических и биологических данных являются источником ведческой базой, в которой и находит отражение этническая специфика, т.к. различия в элементах погребальной обрядности у населения различных материальных куль-

тур и географических территорий формируются под влиянием различных культурных центров и людей, проживавших как к западу, так и к востоку от р. Волги.

Литература

- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Челябинск, 1992.
- Петренко А.Г. Следы ритуальных животных в могильниках древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. Казань, 2000. – 155 с.
- Юдин А.И. Неолитические погребения Варфоломеевской стоянки // Археология Восточно-Европейской степи. Вып.2. Саратов, 1991. – С. 3–14.
- Bökönyi S. The role of the horse in the exploitation of the steppes // The Archeology of the steppes. Napoli, 1994. – P. 12–20.
- Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani) // Magyar Nemzeti Museum. Régészeti füzetek. Ser. II. № 21. Budapest, 1981. – 133 s.
- Mallory J.P. The Ritual Treatment of the Horse in the Early Kurgan Tradition // Journal of the Indo-European Studies. 1981. Vol. 9. № 3/4. – P. 205–226.
- Petrenko A.G. Osteologische pferdekomplexe in den Gräbern des Gräberfeldes von Bolschie Tigani // Anhang II Chalikova E.A., Chalikov A.H. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani) // Magyar Nemzeti Museum. Régészeti füzetek. Ser. II. № 21. Budapest, 1981. – S. 87–93.

ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЛИЩА НА РАСКОПЕ XIV ОСТОЛОПОВСКОГО СЕЛИЩА

К.А. Руденко

Казанский государственный университет культуры и искусств, г. Казань

Остолоповское селище расположено в Алексеевском районе Татарстана на берегу Куйбышевского водохранилища. Охранные исследования, проводившиеся на нем в 1999–2008 гг. дали значительный материал, характеризующий различные стороны материальной культуры этого поселения (Руденко К.А., 2003. С. 49–68). На селище было исследовано 8 жилищ. Одно из них было наземным (раскоп XVII), остальные имели заглубленный в землю котлован. Из последних, одно полностью разрушено водохранилищем (раскоп II); от двух других сохранились только часть котлованов (с возможностью реконструкции, раскоп I, XIV). Три постройки¹ удалось изучить полностью (Руденко К.А., 2006. С. 238–262). Отметим общие особенности присущие этим сооружениям: расположение входа на юг или юго-запад, наличие печи справа (1 случай) или слева (3 случая) от входа; напротив входа (1 случай). Размер жилой части 3,5–3,7 x 3,5–3,8 м, при размере печи 1x1 м. Печи сложены из крупных и средних камней и обмазаны снаружи глиной, причем, одна из стенок печи врезана в стенку котлована жилища.

В данной статье рассматривается материал, связанный с исследованиями жилища на раскопе XIV, отличавшегося по своим конструктивным особенностям от описанных выше построек.

Остатки этого жилища были выявлены при осмотре обнажений на западном побережье селища, в 2002 г. В обрыве были видны крупные камни от печи, куски жерновов, фрагменты керамики, расколотые кости животных и т.п. В подъемном материале под обрывом был найден брактеат дирхема X в. с отверстием. Надписи стерты и не читаются.² В связи с большим количеством гнезд ласточек-береговушек и стрижей исследование этого участка поселения в 2002–2003 гг. было невозможно. В 2004 г. после обрушения кромки берега птицы здесь больше не селились, и можно было провести исследования оставшейся части постройки.

Этот участок был охвачен раскопом XIV (рис. 1) из 4 участков 2x2 м. ориентированных по сторонам света (по линии север-юг) и примыкавших к береговому обрыву³. Нумерация (арабскими цифрами) участков идет с крайнего северного квадрата⁴ (рис. 2).

Стратиграфия раскопа (рис. 3) следующая: первый слой – дерн 5–7 см.; второй слой – темно-серая супесь 8–38 см.; третий слой – серая рыхлая супесь 20–33 см.; четвертый слой – светло-серая супесь с различными включениями на раскопе не прослежен; пятый слой – темно-серая с коричневатым оттенком суглинисто-супесчаная почва – погребенный чернозем. Он стабильно прослеживается практически на всех участках.

Первый пласт (0–25 см от поверхности) (рис. 4) – слой серой и темно-серой супеси. На участке 4 на глубине 23–25 см прослежено округлое пятно серой супеси с углистыми включениями, диаметром 180 см и небольшое аморфное пятно пестроцвета (100x60 см) в направлении север-юг, примыкавшее к круглому пятну. На этом уровне отмечены известняковые камни небольших размеров, мелкие кости животных, фрагменты керамики (диаграмма 1). Найдены на этом уровне⁵: на участке 4 – глиняное прядло (№ 1, –22 см; рис. 15–2); на участке 1 – железный ледоходный шип (№ 2, –34 см; рис. 15–7); на участке 2 – фрагмент железного изделия (№ 3, –37 см; рис. 15–8). Все находки относятся к слою серой супеси.

¹ Одна из них была исследована Т.А. Хлебниковой.

² Частная коллекция.

³ Из-за значительной высоты обрыва достигающего здесь 3,5–4 м, здесь самая кромка берега не вскрывалась по соображениям безопасности. Изрытая норами стрижей и береговых ласточек она обрушилась в ходе работ, и после этого земля из обвала была разобрана и просмотрена. Та их часть кромки, которая была доступна для исследования, включалась на первом пласте в общую площадь квадрата.

⁴ За «0» на раскопе взят северо-восточный угол участка 4. Отметка репера раскопа от общего репера памятника составляет – 85 см.

⁵ Глубины указаны от «0» раскопа.

Керамические находки с этого пласта сконцентрированы над котлованом постройки и представлены фрагментами круговых столовых сосудов: кувшинов и кринок (рис. 11–2,4,8), реже встречаются горшковидные формы (рис. 11–10). На дне одного кругового сосуда имелось клеймо в виде буквы «А» (рис. 11–1). Достаточно много фрагментов подправленных на круге чашевидных сосудов типа «джукетау» (рис. 11–5–7). Найден так же фрагмент венчика шамотного сосуда с высокой шейкой, с линейным орнаментом и оттисками личинковидного гребенчатого штампа по срезу венчика (рис. 11–3).

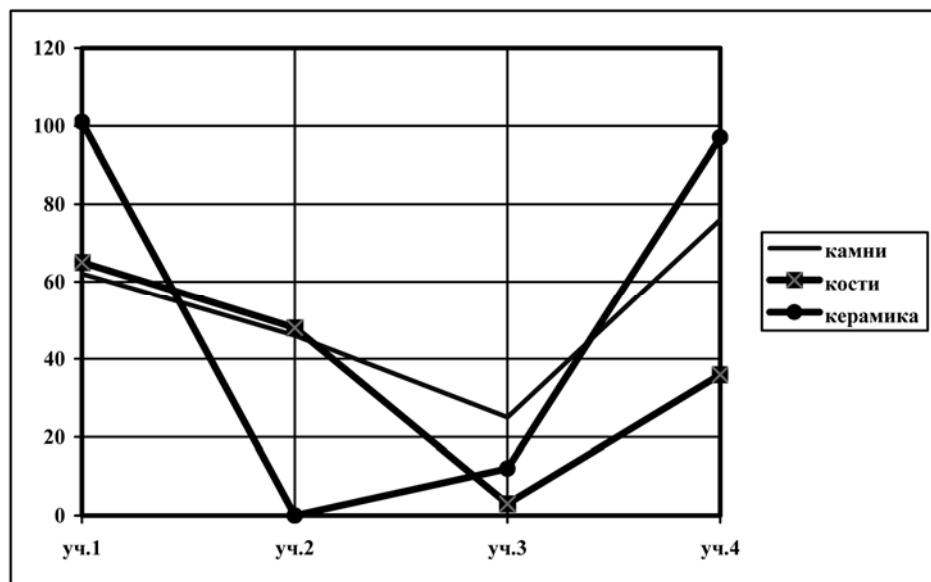

Диаграмма 1. Статистика находок с первого пласта.

Второй пласт (26–53 см) (рис. 5). Слой серой супеси с включениями линз и пятен золы, пестроцвета и угольков. На участках 3 и 4 на глубине 49 см в слое серой супеси зафиксировано округлое пестроцветное пятно (220x190 см). В нем расчищен развал сосуда (№ 4) и железный предмет (№ 9). На этом уровне были найдены: на участке 4 – развал кринки (№ 4, –36 см) (рис. 14); на участке 1 – развал кружечки (№ 5, –40 см) (рис. 12–1); на участке 1 – фрагмент точила (№ 6, –49 см); на участке 2 – железный нож (№ 7, –59 см) (рис. 15–13); на участке 2 – железная скоба (№ 8, –58 см) (рис. 15–16); на участке 4 – неопределенный железный предмет (№ 9, –66 см) (рис. 15–15). Большинство находок сделано в слое серой супеси (№№ 5–8), предметы (№ 4, 9) найдены в пестроцветном пятне на участке 4. Керамический материал аналогичен тому, что найден на предыдущем пласте.

Третий пласт (54–74 см) (рис. 6). Слой темно-серой, серой рыхлой супеси и пестроцвета. Зачистка после третьего пласта выявила восточной части раскопа слой погребенной почвы. Также выявились контуры ямы (640x200–80 см). На этом уровне, на участке 1–2 был найден фрагмент жернова (№ 10, –45 см). Керамический материал представлен круговыми и подправленными на круге сосудами типа джукетау. Из круговых отметим фрагменты венчиков корчаг и крупных кувшинов (рис. 12–2, 6), горшковидных сосудов, как орнаментированных (рис. 12–3), так и без орнамента (рис. 12–4). Встречены части небольших плошек, украшенных линейным орнаментом (рис. 12–5).

На раскопе выявлено одно сооружение: яма №1 (участки 1–4) Глубина 160 см. Прямоугольная (?). Размеры 440x120⁶ см. Ориентирована по направлению север-юг, с небольшим (50) отклонением к востоку. Разрушена на 2/3. Вход с южной стороны. Печь (разрушенная обрывом) располагалась слева от входа. Дно котлована постройки плоское. Следы объекта фиксировались со второго пласта с появления на участке 1–3 золистых и углистых включений на глубине от – 46–48 см от «0» (рис.5). Четкие контуры сооружения выявлены на глуби-

⁶ 120 см – ширина сохранившейся от разрушения части.

не 64–74 см при зачистке 3 пласта в виде аморфного пятна (640x240–60 см) бурой рыхлой супеси в южной части (участок 1) и на остальной рыхлого темного пестроцвета. Пятно вытянуто в направлении юго-запад-северо-восток (рис. 7).

Выборка 1 (рис. 7). Глубина –64–99 см. Слой рыхлого темного пестроцвета. Заполнение однородное, насыщенное фрагментами керамики, расколотыми костями животных. Ближе к обрыву на участках 1 и 2 глубина выборки превысила среднюю по объекту и составила –101–113 см. На этих участках найдены: на участке 4 – костяной гребень (№ 11, –79 см) (рис. 15–1); на участке 1а – железный ключ (№ 12, –79 см) (рис. 15–5); на участке 3 – железное изделие (№ 13, –116 см) (рис. 15–2); на участке 3 – фрагмент дерева (№ 14, –118 см); на участке 1 – железный нож (№ 15, –101 см). Железное изделие (№ 13) и кусочек дерева (№ 14) найдены практически в одном месте в слое рыхлого пестроцвета с обильными включениями угольков и золы. Ключ (№ 12) найден на ступеньке входа в постройку. В керамическом комплексе встречаются подправленные на круге и лепные сосуды с примесью толченой раковины (рис. 12–10) и крупнозернистого песка (рис. 12–9). Из сформованных на гончарном круге изделий чаще встречаются фрагменты столовой посуды: небольшие, орнаментированные горшочки (рис. 12–8), миски (рис. 12–7), кувшины (рис. 13–2); реже кухонные горшки (рис. 13–3).

Стоит отметить, что заполнение котлована, зафиксированное нами на выборках 1–3, формировалось очень быстро. Так фрагменты верхней части одной корчаги были найдены как на первой выборке, так и на третьей (рис. 13–1).

Выборка 2. Глубина –100–121 см (рис. 8). Слой рыхлого суглинистого пестроцвета в северной части объекта и светло-серой и серой рыхлой супеси в южной его части занимающей край сооружения у обрыва. В центре объекта на глубине – 108 см прослежена линза с угольками (30x38 см). Заполнение на этой выборке однородное по структуре, насыщенно фрагментами керамики, расколотыми костями животных. На второй выборке на участке 2 найден – глиняное прядло (№ 16, –135 см)⁷ (рис. 15–3). Из керамики здесь преобладают фрагменты круговых горшковидных сосудов (рис. 13–5, 6, 7). Встречены и фрагменты небольших кружечек (рис. 13–4).

Выборка 3. Глубина –122–144 см (рис. 9). Слой рыхлого пестроцвета и серой супеси. После зачистки на большей части котлована выявлены пестроцветные суглинистые отложения. Контуры котлована четко определились с северной и южной стороны, выделяясь на фоне материка. В центре объекта на участках 2 и 3 зафиксировано округлое пятно диаметром 120 см. с пестроцветным темным заполнением. После дополнительной зачистки пятно приняло аморфную форму, что позволило интерпретировать ее как нору животного. У юго-восточного угла котлована отмечена незначительная по мощности линза рыхлой охристой светло-серой супеси с золой подовальной формы (100x70 см), после зачистки исчезнувшая. Заполнение на третьей выборке однородное, насыщенное фрагментами керамики и расколотыми костями животных. Из керамики встречаются фрагменты столовой посуды (рис. 13–8) и кухонной, лепной, с примесью толченой раковины, украшенной веревочным орнаментом и оттисками гребенчатого штампа по срезу венчика (рис. 13–9).

На третьей выборке индивидуальные находки не выявлены. У края котлована на участке 2а на глубине –124 см расчищен обколотый фрагмент жернова (32x28x15 см). После зачистки были выявлены угловые ямы диаметром 20–25 см и «тамбур» в южной части котлована шириной 100 и длиной 80 см.

Выборка 4. Глубина –145–160 см (рис. 10). Слой суглинистого пестроцвета. Практически на всей площади котлована выявлен материк. Четко обозначилась ступенька в южной части Заполнение средней плотности, в местах нор рыхлое. Поверхность дна неровная с перепадами, с небольшим понижением к западу. Встречаются отдельные находки фрагментов керамики, в том числе и с примесью толченой раковины (рис. 13–10), расколотые кости животных.

⁷ Прядло выявлено на осыпи культурного слоя у обрыва, поэтому глубина фиксации его ниже, чем глубина выборки.

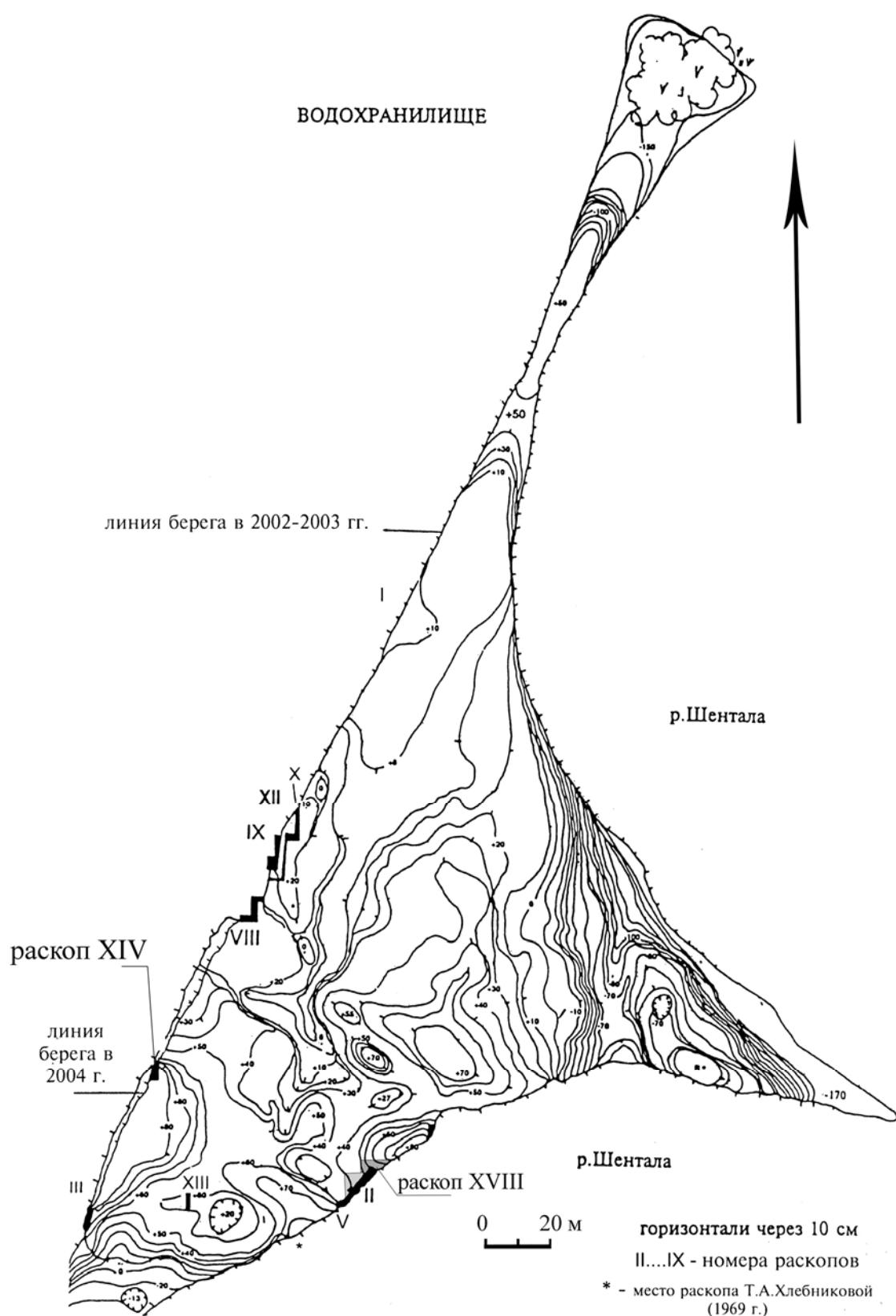

Рис. 1. Общий план Остолоповского селища
с указанием расположения раскопа XIV.

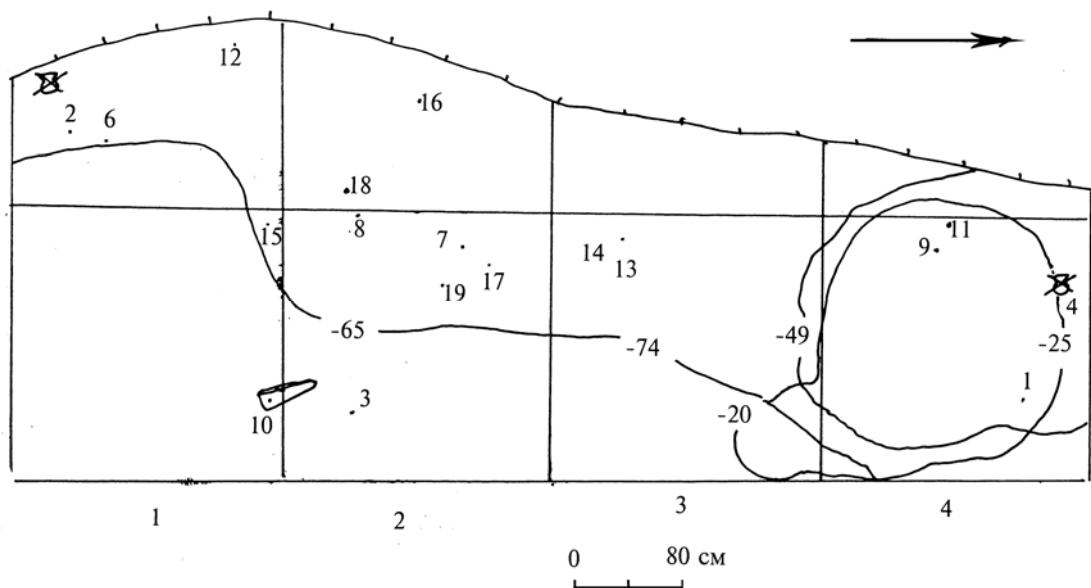

Рис. 2. Общий план раскопа XIV.

Цифрами на плане обозначены: №1. Уч.4. Прясл. -22 см; №2. Уч.1. Ледоходный шип. -34 см; №3 Уч.2. Железное изделие. -37 см; №4. Уч.4. Кринка. -36 см; №5. Уч.1. Кужечка (развал). -40 см; №6. Уч.1. Точило. -49 см; №7. Уч.2. Нож. -59 см; №8. Уч.2. Скоба. -58 см; №9. Уч.4. Железное изделие. -66 см; №10. Уч.1-2. Фрагмент жернова. -45 см; №11. Уч.4. Костяной гребень. -79 см; №12. Уч.1а. Железный ключ. -79 см; №13. Уч.3. Железное изделие. -116 см; №14. Уч.3. Дерево. -118 см; №15. Уч.1. Железный нож. -101 см; №16. Уч.2. Прясл. -135 см; №17. Уч.2. Шило. -158 см; №18. Уч.2. Железное изделие. -154 см; №19. Уч.2. Железный нож. -166 см.

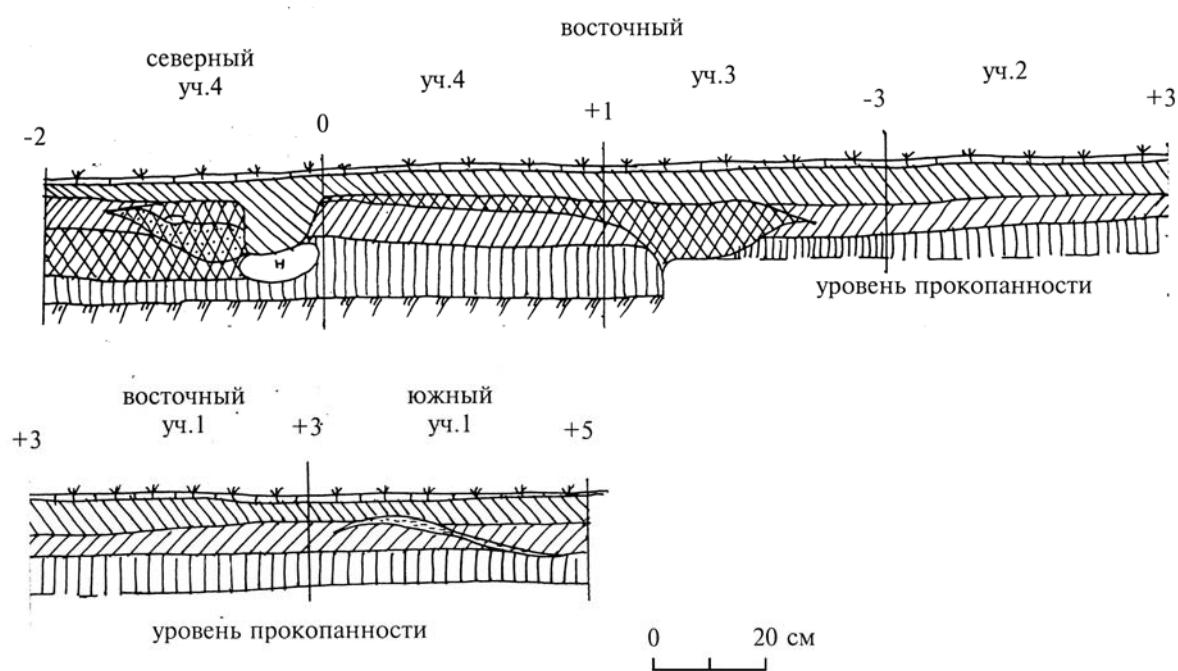
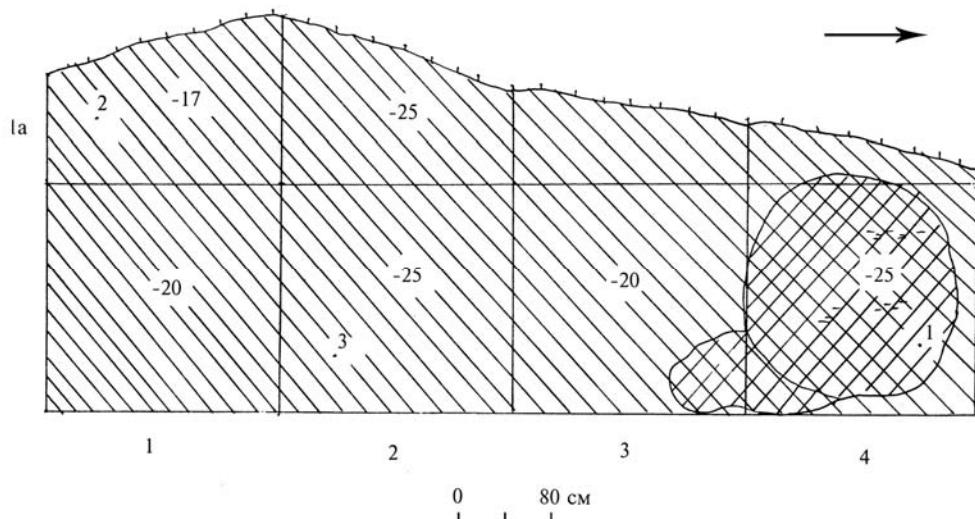

Рис. 3. Профили стенок раскопа XIV.

Условные обозначения к рисункам

	Дерн		зола
	Камни		рыхлая бурая (коричневая) супесь
	серая супесь		предматерик- серо-коричневый суглинок
	темно-серая супесь		суглинстый пестроцвет
	светло-серая супесь		серый пестроцвет (серая супесь с пестроцветными включениями)
	угли		известняковый щебень
	материк		серая супесь и зола
	древесный тлен		углистая прослойка
	рыхлая серо-бурая супесь		уровень материка
	серо-желтая (окристая) супесь		

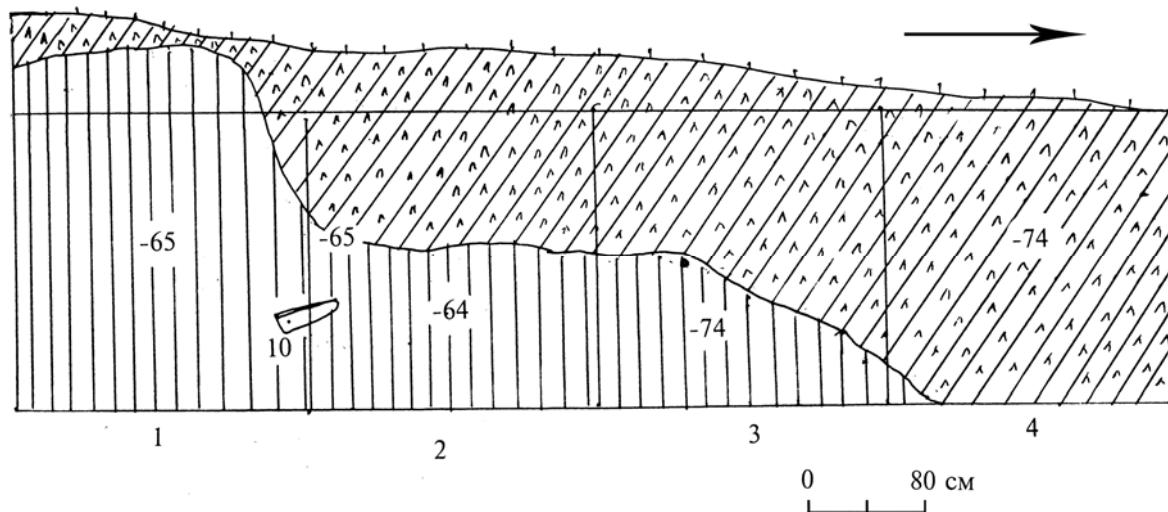

Рис. 6. Раскоп XIV. План 3 пласта.
Цифрами на плане обозначены: №10. Уч.1-2. Фрагмент жернова. -45 см.

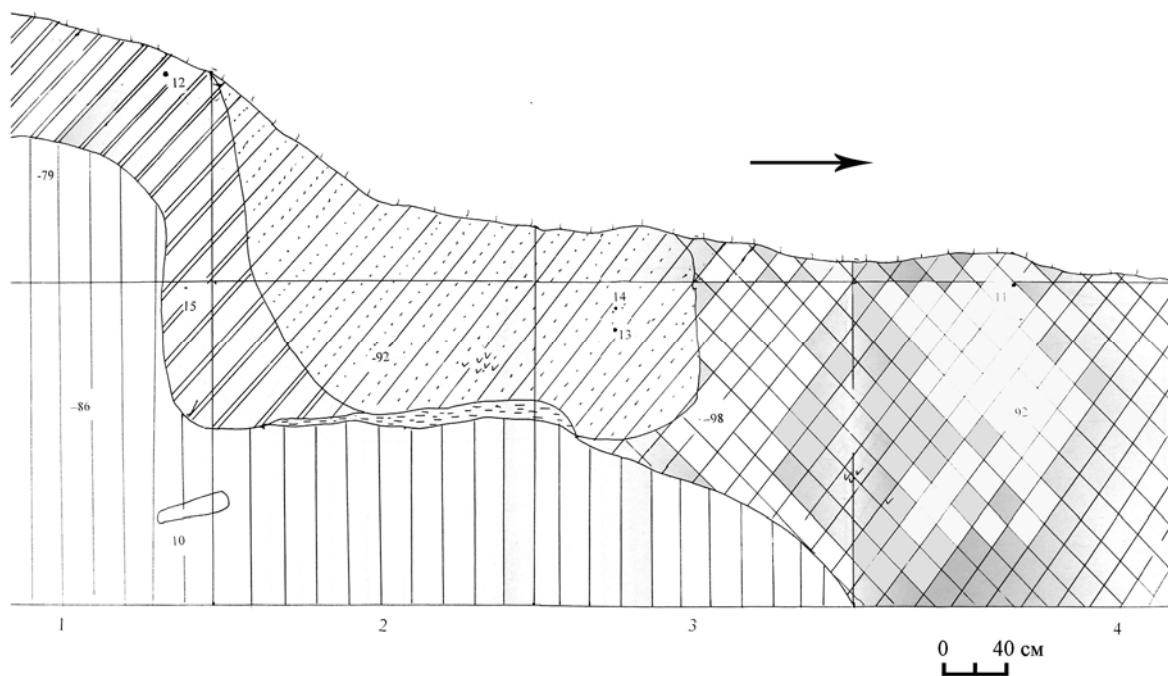

Рис. 7. Раскоп XIV. Яма №1. Выборка 1. Глубина – 64-94 см. План.
Цифрами на плане обозначены: №10. Уч.1-2. Фрагмент жернова. -45 см; №11. Уч.4. Костяной гребень. -79 см; №12. Уч.1а. Железный ключ. -79 см; №13. Уч. 3. Железное изделие. -116 см; №14. Уч.3. Дерево. -118 см; №15. Уч. 1. Железный нож. -101 см.

На участке 1 у ямы 1б (нора животного) на глубине –154 см, на дне котлована в пестроцветном суглинке выявлено скопление костей мелкого рогатого скота от нескольких особей (Приложение 2). Это челюсть, лопатки и кости ног. Сложенены они довольно компактно. Трудно сказать, насколько связаны они с функционированием постройки, но с большей долей уверенности можно говорить о том, что они относятся к тому периоду, когда котлован еще не был заполнен мусором.

На этой выборке найдены: на участке 2 – фрагмент железного шила (№ 17, –158 см); на участке 2 – железный предмет (№ 18, –154 см) (рис. 15–17); на участке 2 – железный нож

(№ 19, -166 см) (рис. 15–4). Находки шила (№ 17) и ножа (№ 19) связаны с ямой 1-в, являющейся в ее конечном виде остатками норы животного.

Яма №1а. Столбовая. Глубина – 184 см. Круглая. Диаметр 20 см. Стенки чуть сужаются ко дну. Дно плоское с небольшим углублением посередине. Заполнение – рыхлая серая, гуммированная супесь. Находок нет.

Яма №1б. Нора животного (?). Глубина – 184 см. Круглая⁸ длиной 56 см и шириной 15 см. Диаметр круглой части 32 см. Заполнение – темная гуммированная супесь. Находок нет.

Яма №1в. Нора животного (?). Глубина – 201 см. Аморфная (80x60 см) с «отпорком» в южной части длиной 42 см и шириной 25 см. Заполнение – темная гуммированная супесь. Находки – мелкие фрагменты керамики и запавшие из культурного слоя нож (№ 19), часть шила (№ 17).

Яма №1г. Столбовая (двойная). Глубина – 188–198 см. Круглая. Диаметр 20 и 30 см. Стенки вертикальные. Дно плоское. Заполнение – рыхлая серая, в нижней части гуммированная супесь. Находок нет. Особенности конструкции этой ямы позволяют предполагать, что она либо 1) использовалась для двух столбов, стоявших рядом; 2) является норой животного; 3) это результат реконструкции жилища и замены столбов. За то, что столб был все же один, говорит тот факт, что на 3 выборке у основного пятна диаметром чуть больше 20 см были положены два камня (-124 см). Они, конечно, относятся к заполнению нижней части котлована, но косвенно подтверждают, что яма была одна. Вторая яма (которая глубже угловой на 10 см) может быть следами деятельности животных приспособивших ее для норы.

Яма №1д. Столбовая. Глубина – 151 см. Круглая. Диаметр 20 см. Стенки сужаются на конус. Дно коническое. Заполнение – рыхлая серая, гуммированная супесь. Находок нет. Бревно, основание которого находилось в этой яме, очевидно, вбивалось в землю заостренным концом.

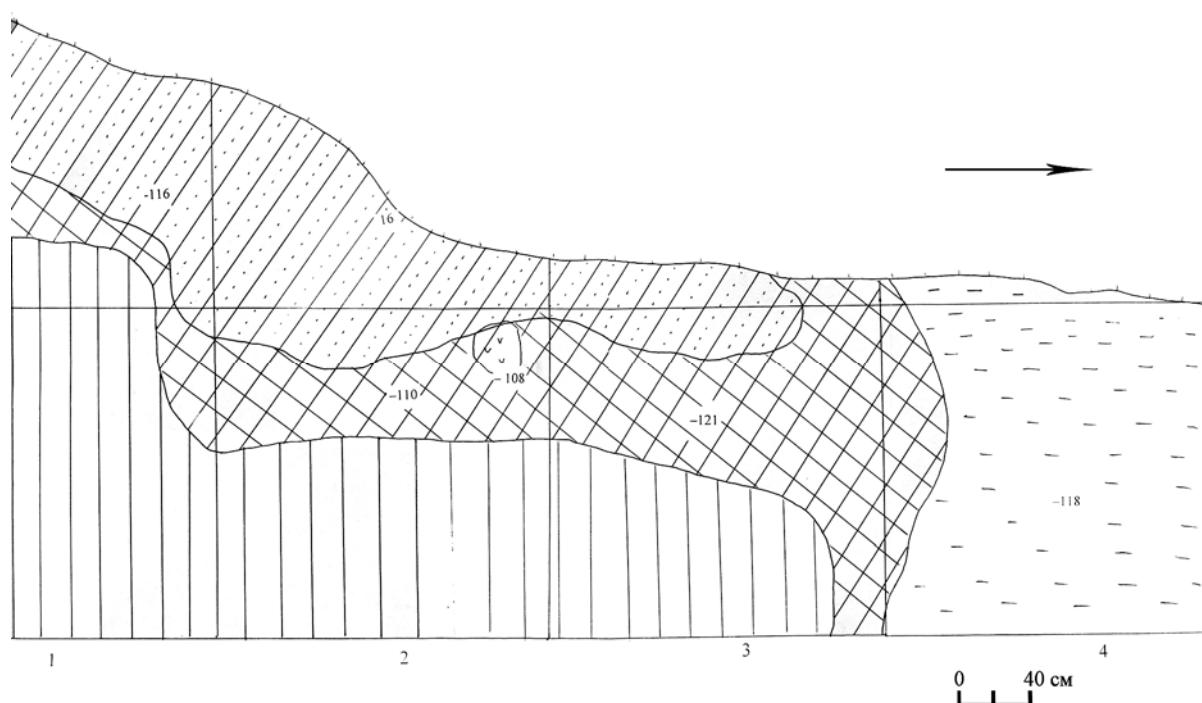

Рис. 8. Раскоп XIV. Яма 1. Выборка 2. Глубина – 100–121 см. План.
Цифрами на плане обозначены: №16. Уч. 2. Прясле -135 см.

⁸ Наружена норой животного.

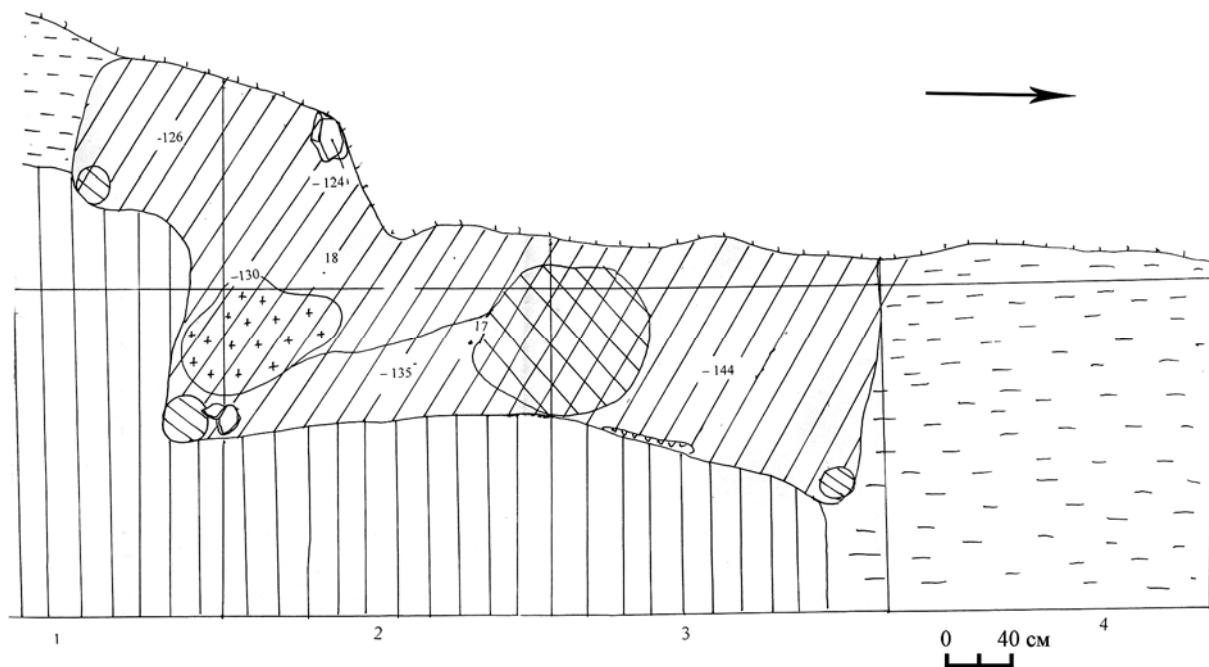

Рис. 9. Раскоп XIV. Яма 1. Выборка 3. Глубина – 122-144 см. План.
Цифрами на плане обозначены: №17. Уч. 2. Шило. -158 см; №18. Уч. 2. Железное изделие. -154 см.

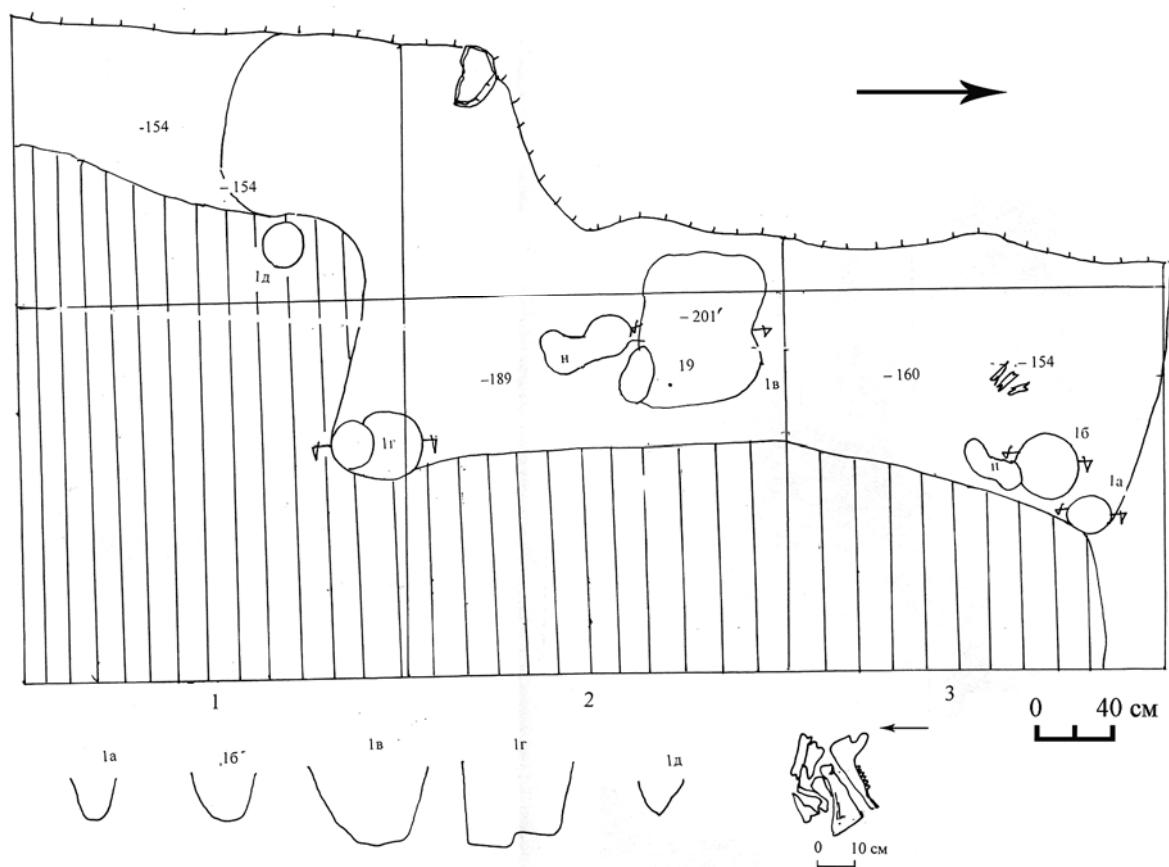

Рис. 10. Раскоп XIV. Яма 1. Выборка 4. Глубина – 145-160 см. План.
Цифрой на плане обозначен: №19. Уч. 2. Железный нож. -166 см.

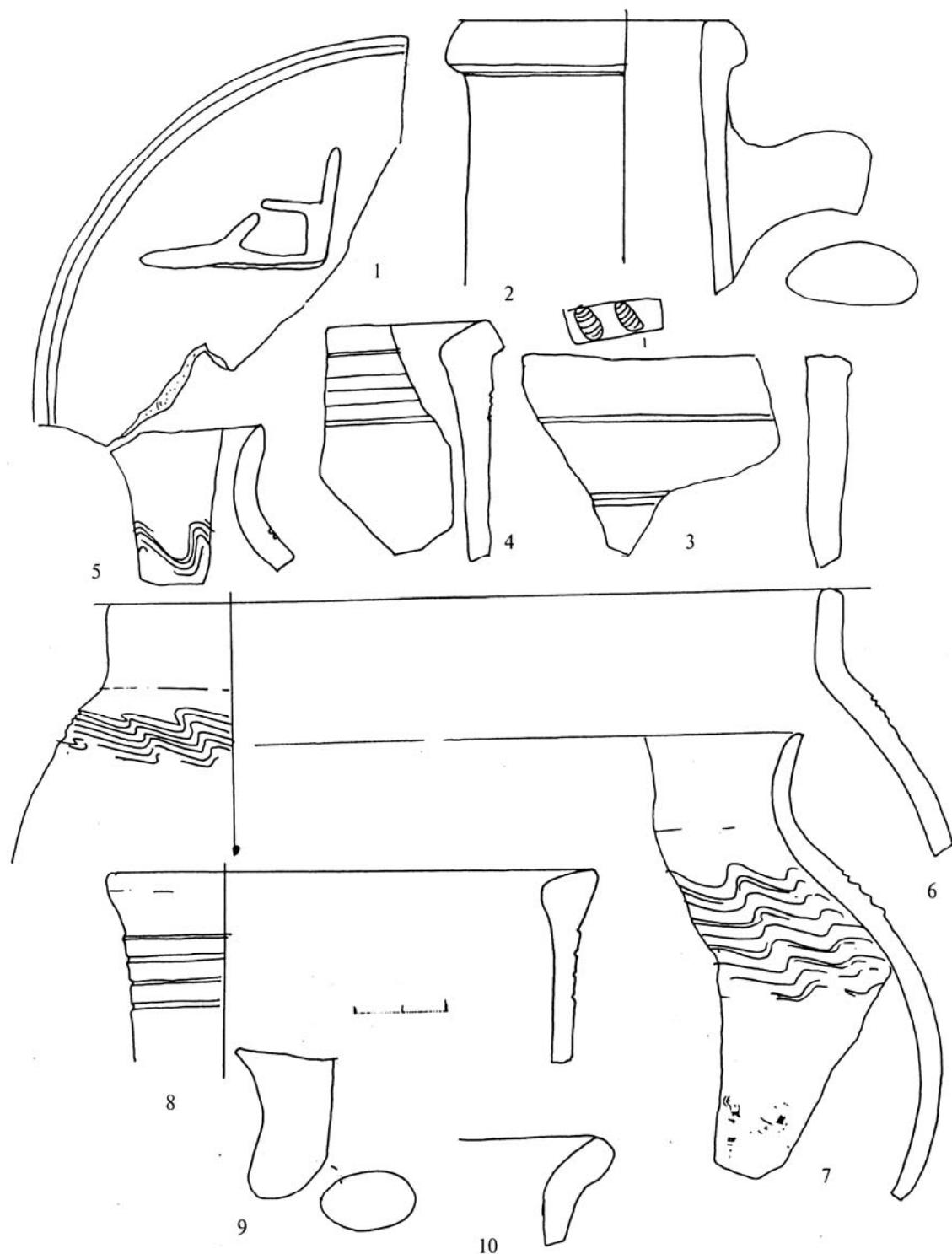

Рис. 11. Керамика раскопа XIV.

Сначала указывается номер раскопа, затем, через дефис, номер участка и глубина (пласт); в скобках – дается номер по коллекционной описи (полевой шифр: О.С.-04). 1 – XIV-4-1 (№1566); 2 – XIV-4-1 (№1627); 3 – XIV-4-1 (№1608); 4 – XIV-4-1 (№1637); 5 – XIV-2-1 (№1276); 6 – XIV-2-1 (№1275а, б); 7 – XIV-2-1 (№1274в, г, д); 8 – XIV-2-1 (№ 1279а, б); 9 – XIV, я.1, выб.2 (№1692); 10 – XIV-1-2 (№2041). Тип «джукетай» – 6;7; с шамотом – 3; круговая – 1; 2; 4; 5; 8; 9; 10.

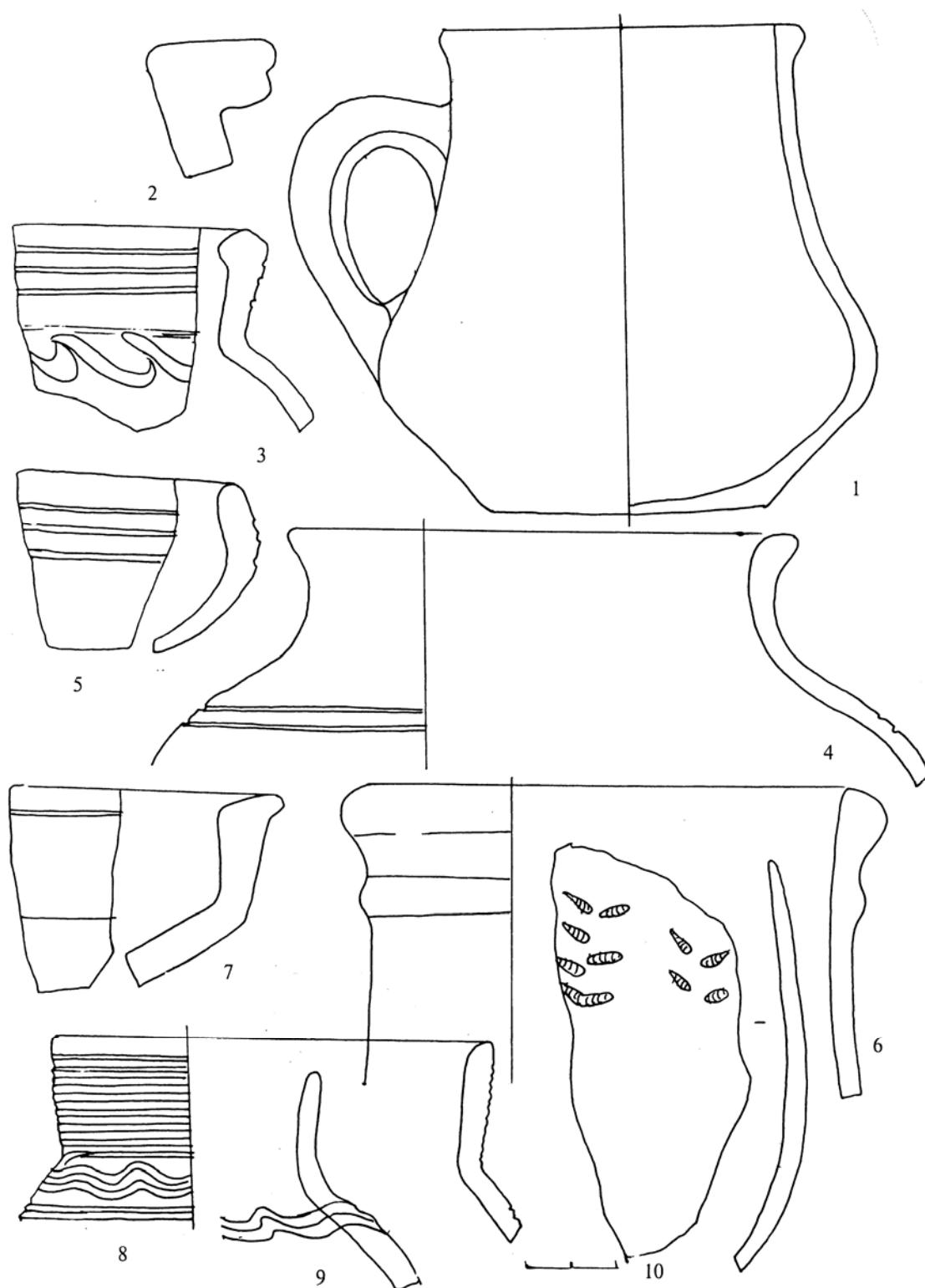

Рис. 12. Керамика раскопа XIV.

Сначала указывается номер раскопа, затем, через дефис, номер участка и глубина (пласт); в скобках – дается номер по коллекционной описи (полевой шифр: О.С.-04). 1 – XIV-1-3 (№104, 105); 2 – XIV-3-3 (№178); 3 – XIV-3-3 (№179); 4 – XIV-1-3 (№1219); 5 – XIV-1-3 (№1213, 1214); 6 – XIV-4-3 (№563); 7 – XIV-3-4 (№366); 8 – XIV-2-4 (№825); 9 – XIV-2-4 (№826); 10 – XIV-3-4 (№360). Тип «джукетау» – 9; с толченой раковиной – 10; круговая – 1-8.

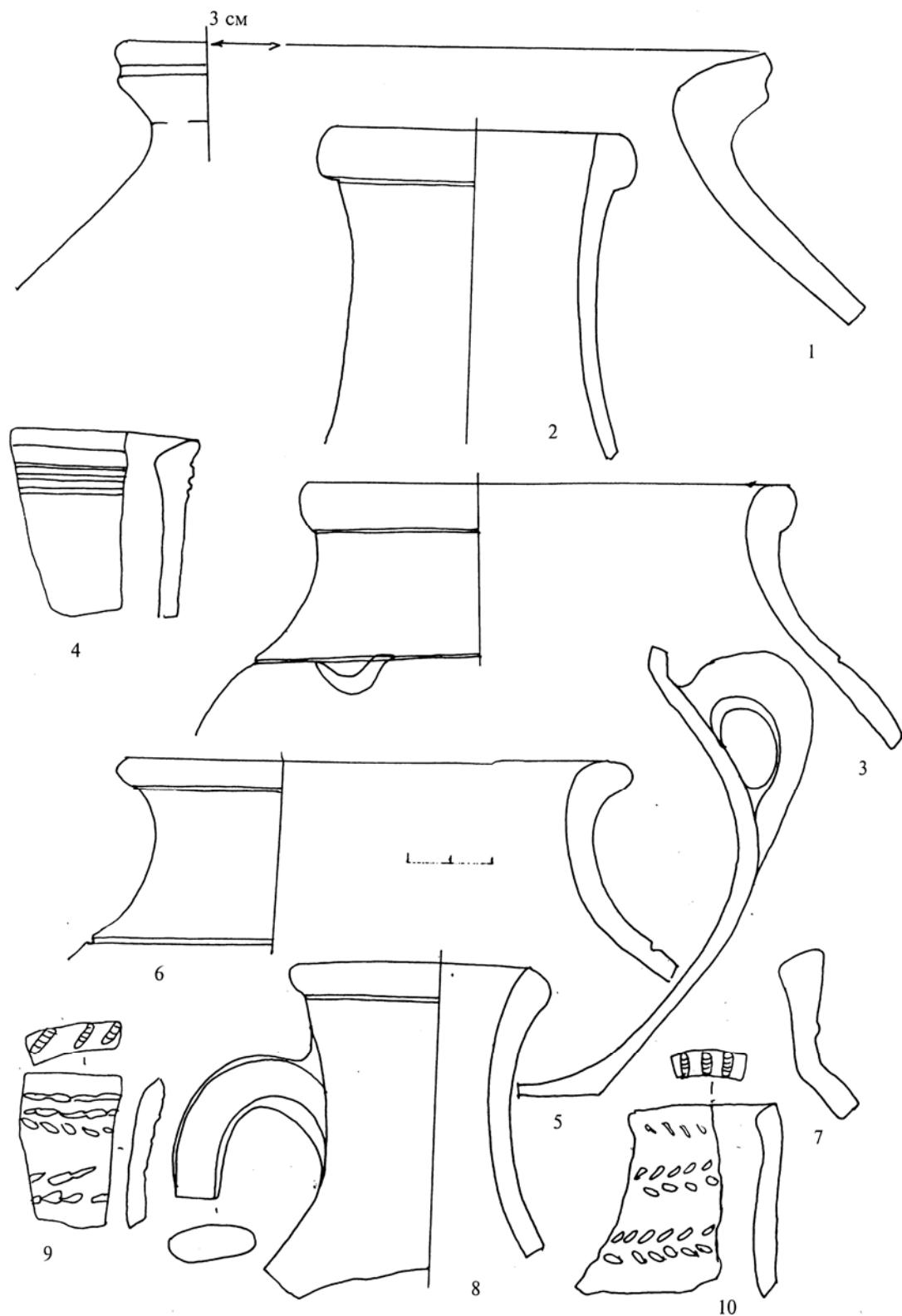

Рис. 13. Керамика раскопа XIV.

Сначала указывается номер раскопа, затем, через дефис, номер участка и глубина (пласт или выборка); в скобках – дается номер по коллекционной описи (полевой шифр: О.С.-04). 1 – XIV-2-4 (№821) и XIV-2-6 (№1118); 2 – XIV-2-4 (№809); 3 – XIV-4-4 (№530); 4 – XIV-3-5 (№1352); 5 – XIV-1-5 (№2154); 6 – XIV-2-5 (№1459); 7 – XIV-2-5 (№1462); 8 – XIV-1-2-6 (№1145); 9 – XIV-1-6 (№1051); 10 – XIV-2-7 (№994). С толченой раковиной – 9; 10; круговая – 1-8.

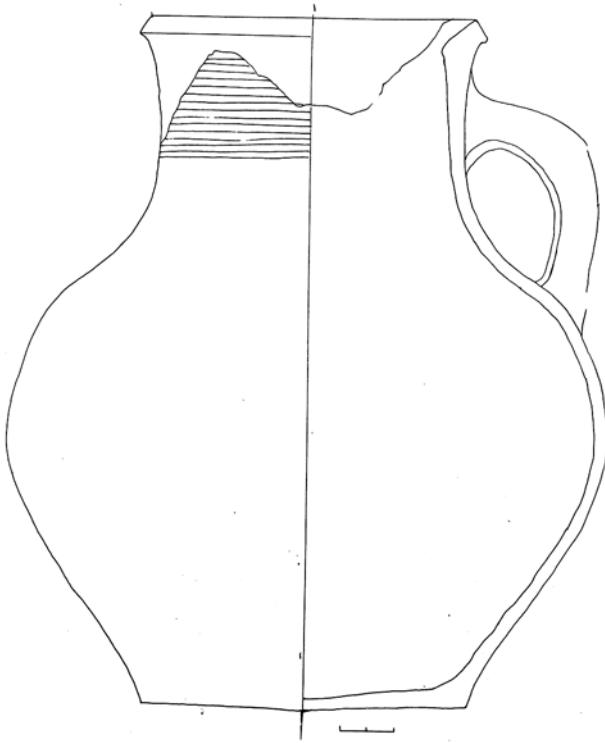

Рис. 14. Керамика раскопа XIV.

Участок 4 (№4 по плану).

Глубина – 36 см. Кринка.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ НАХОДКИ (рис. 15)

Изделия из железа. Бытовые изделия: ножи – на участке 2 (№ 19; –166 см (рис. 15–4); № 7; – 59 см), на участке 1 (№ 15; –101 см); скоба на участке 2 (№ 8, –58 см), ледоходный шип на участке 1 (№ 2, –34 см), ключ (№ 12; –79 см); шило (?) (№ 17; –158 см); фрагменты железных изделий на участках 2 (№ 3, –37 см), 4 (№ 9; –66 см); 3 (№ 13; –116 см).

Изделия из кости: гребень с циркульным орнаментом с участка 4 (№ 11, –79 см) (рис. 68–1). Изделия из камня: фрагменты жерновов с границы участка 1–2 (№ 10; –45 см), часть точильного камня с участка 1 (№ 6; –49). Изделия из глины: прядла с участков 2 (№ 16; –135 см) (рис. 15–3) и 4 (№ 1; –22 см) (рис. 15–2). Рассмотренные выше находки из раскопа и сооружения датируются XII в.

МАССОВЫЙ МАТЕРИАЛ: КЕРАМИКА (рис. 11–14).

Целые формы представлены двумя сосудами. Первый это кринка (рис. 14). Высота ее 25 см, диаметр дна 12,5 см и диаметр горла – 12 см. У нее одна ручка овального сечения. Вторая целая форма это кружечка (рис. 12–1) высотой 10,5 см. с диаметром горла 8 и диаметром дна 6 см. У нее имеется боковая ручка.

Среди фрагментов круговых сосудов преобладает кухонная и столовая посуда (рис. 11–2, 8, 9, 10; 12–1, 3–9). В их числе кувшины (рис. 11–2; 13–2, 8), кринки (рис. 11–8; 12–6), миски (рис. 12–7). В одном случае определен фрагмент от сосуда–трипода (рис. 11–9). Отметим фрагменты корчаг (рис. 12–2; 13–1, 7). Характерны кухонные горшки с блоковидным венчиком (рис. 12–4; 13–6). На донце одного из сосудов имеется клеймо в виде буквы «А» (рис. 11–1).

Из лепной и подправленной на круге керамики выделяется тип «джукетау» встреченный как в комплексах ям, так и в культурном слое (рис. 11–5–7). Это округлодонные горшки с одной или двумя ручками, украшенные многорядной «волной». Шамотная керамика немногочисленна и представлена фрагментами крышек и горшков (рис. 11–3). Керамика с примесью толченой раковины в тесте представлена фрагментами округлодонных сосудов с высокой шейкой украшенной веревочной орнаментацией; по плечику сосуда нанесены оттиски гребенчатого штампа (рис. 12–10; 13–9, 10). Венчик, как правило, скошен вовнутрь (рис. 13–10) или приострен (рис. 13–9). В целом состав видов и типов керамики является домонгольским.

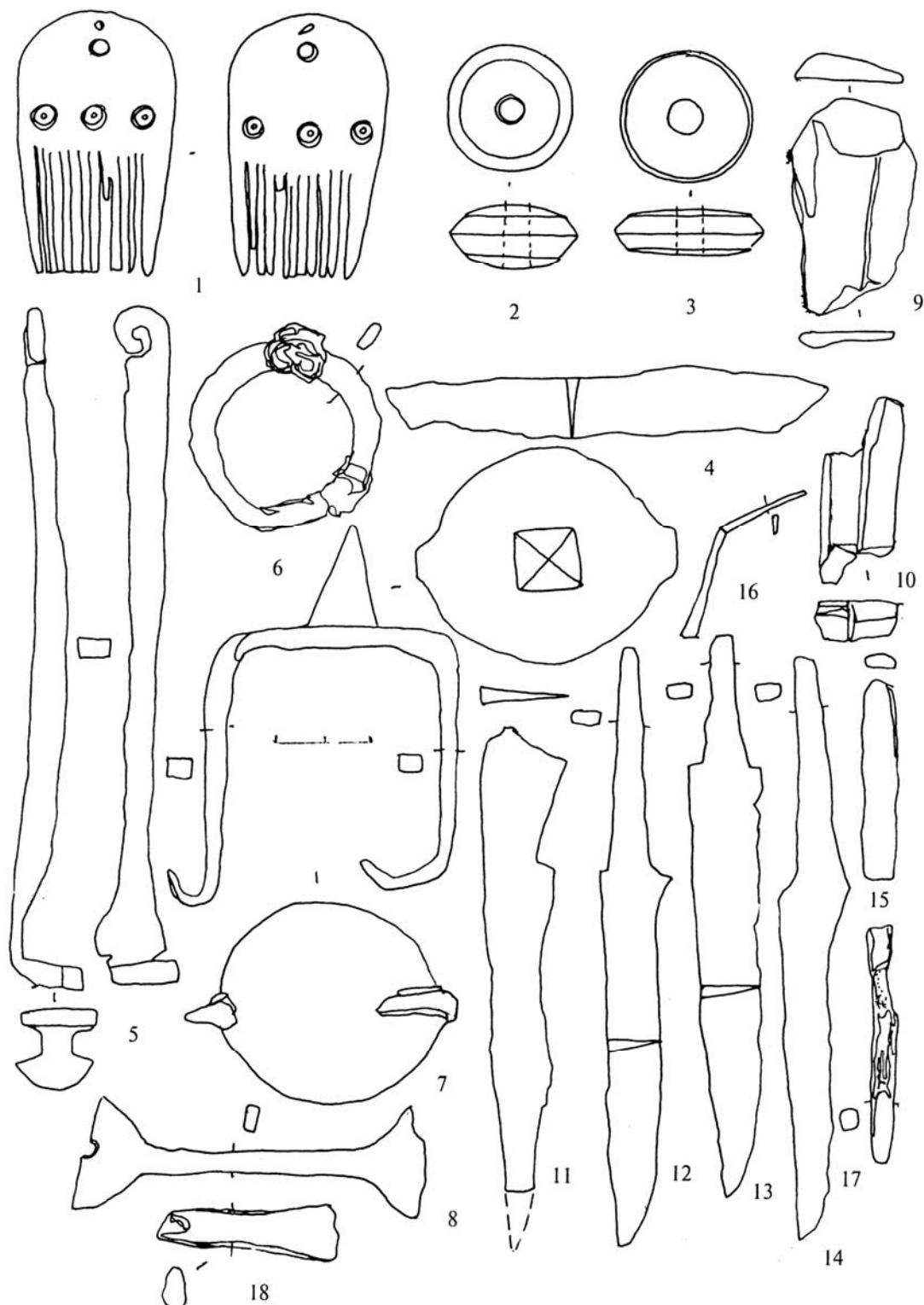

Рис. 15. Индивидуальные находки раскопа X и XIV (№ по КП: 28224).

Сначала указывается номер раскопа, затем, через дефис, номер участка и глубина (пласт); в скобках – дается номер по коллекционной описи (полевой шифр: О.С.-04). 1 – костяной гребень XIV-4-4 (-79 см), №11 (О-04/1); 2 – прядло глиняное XIV-4-2 (-144 см) (О-04/3); 3 – прядло глиняное XIV-2-6 (-135 см) (О-04/2); 4 – нож железный XIV-4-7 (-166 см) (О-04/5); 5 – железный ключ XIV-1a-4 (-79 см); 6 – железное кольцо XIV-2-4 (-116 см); 7 – железный шип XIV-1-2 (-34 см); 8 – железное изделие XIV-2-2 (-37 см); 9 – точило XIV-2-4; 10 – точило XIV-1-3; 11 – железный нож XIV-1-5 (-120 см); 12 – железный нож X-3-2 (-25 см); 13 – железный нож XIV-2-3 (-59 см); 14 – железный нож X-1-2 (-37 см); 15 – железное изделие XIV-4-3 (-66 см); 16 – железное изделие XIV-2-3 (-58 см); 17 – железный стержень XIV-2-7 (-153 см); 18 – костяное изделие XIV-2-7 (-154 см).

Учет фрагментов керамики по участкам (приложение №2) показал следующее (диаграмма 2).

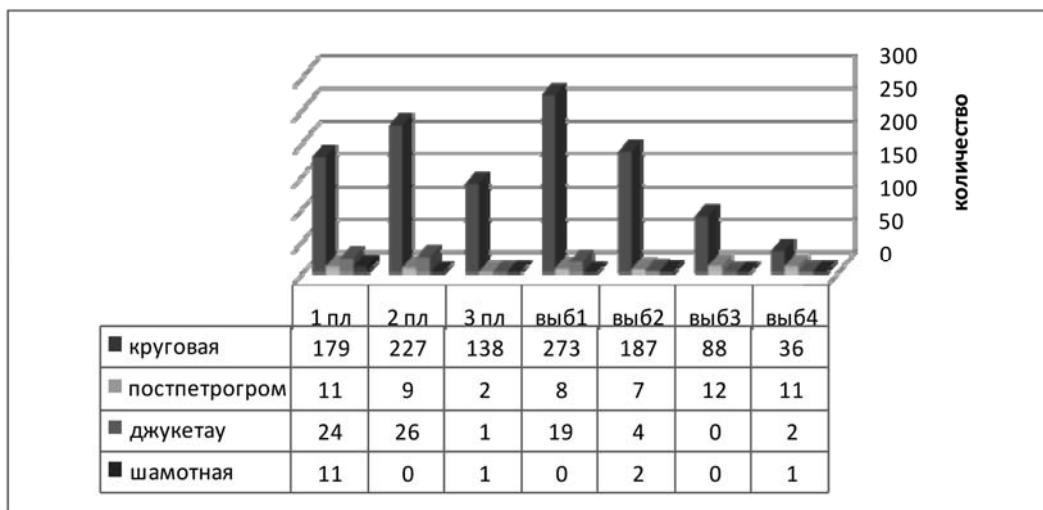

Диаграмма 2.

Анализ костных остатков полученных при исследованиях культурного слоя и сооружения (диаграмма 3) сделан Г.Ш. Асылгараевой (Приложение 1).

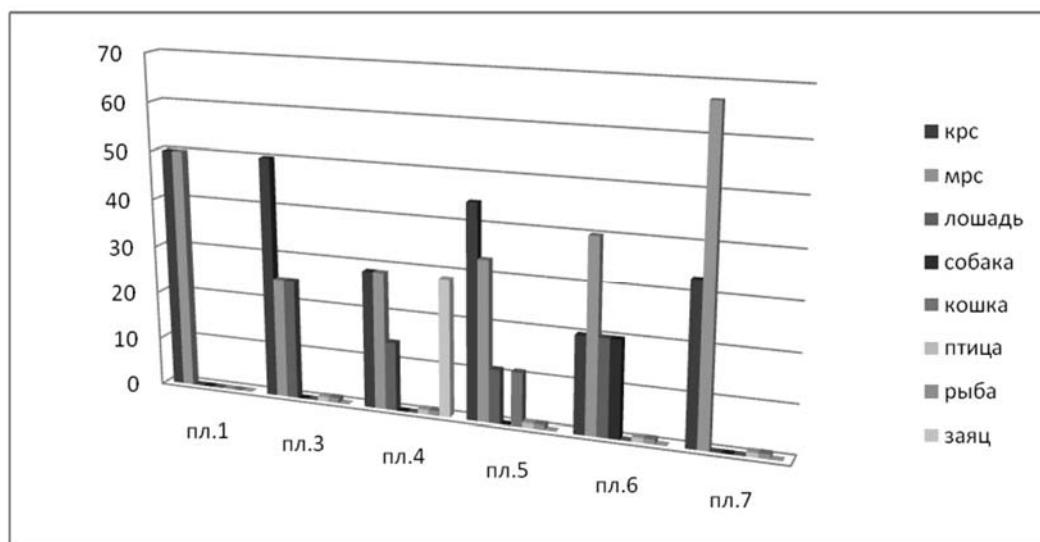

Диаграмма 3.

По соотношению костей, керамики и камней из раскопа (диаграмма 4) видно, что к собственно самому жилищу относятся находки с последней выборки (пл. 7), вышележащие отложения (выб. 1–3 или пл. 4–6) являются кратковременным сбросом мусора из другого объекта (см. выше). Причем после заполнения котлована отложения культурного слоя стали нарастать после определенного перерыва (пл. 3).

Интересно и то, что если в заполнении мусорного сброса в котлован по видовому составу преобладает мелкий рогатый скот (диаграмма 3), а так же встречаются кости кошки, собаки и зайцев, то верхние отложения отличаются в количественном отношении наличием костей особей крупного рогатого скота.

Стоит отметить и тот факт, что значительная часть находок (47,4%) концентрируется в верхних отложениях (пласт 1–3) (диаграмма 5). Это бытовые предметы: нож, пряслы, ледоходный шип, точило, скоба, крынка и кружечка, часть каменного жернова, а так же обломки железных изделий (табл.1). В самом котловане находки распределяются достаточно равномерно, составляя примерно 15,8% на каждом уровне от общего количества. Только на 4 выборке их число составляет 5,2% (одно пряслы). В нижних отложениях, найдены предметы, которые можно считать использовавшимися во время функционирования постройки: обломки ножа, шила и, возможно, глиняное пряслы.

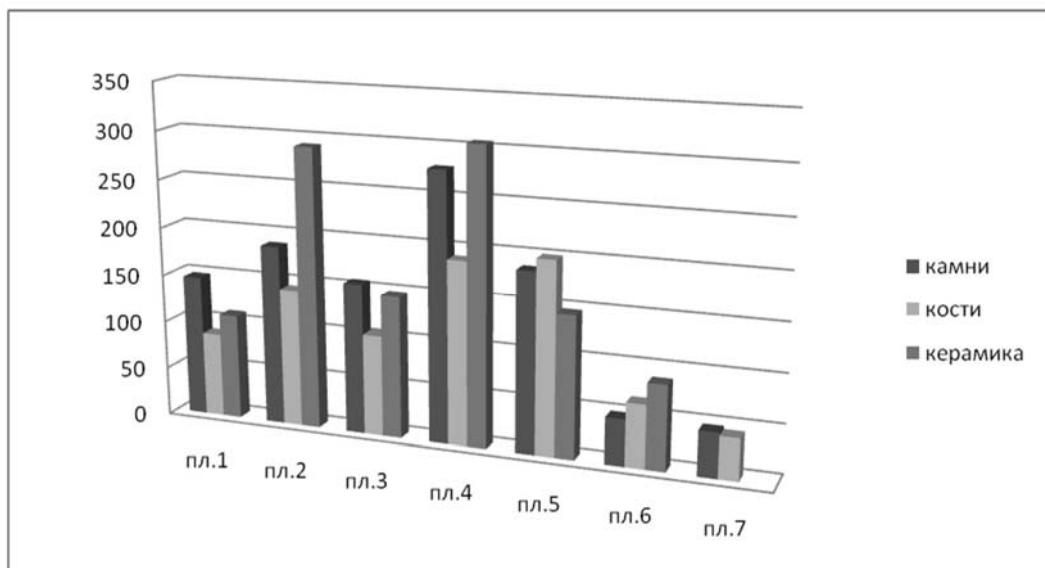

Диаграмма 4.

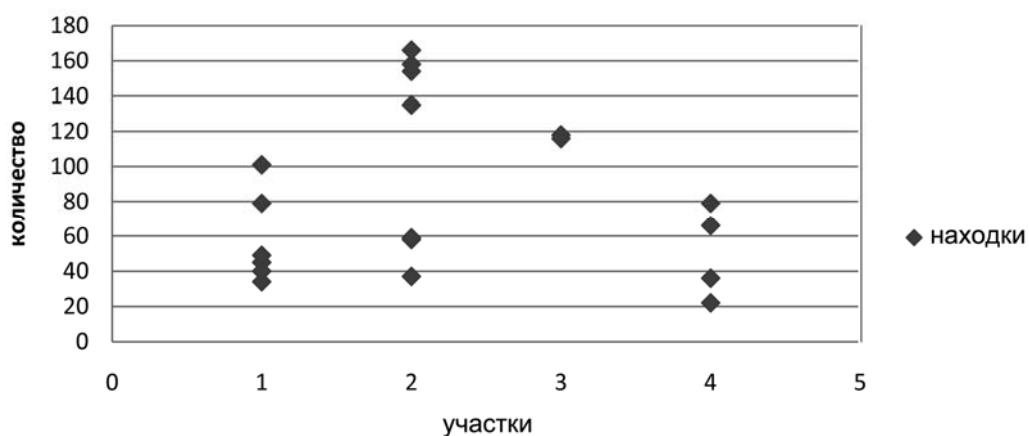

Диаграмма 5. Распределение индивидуальных находок по глубинам и участкам раскопа.

Таблица 1

Распределение индивидуальных находок раскопа XIV по глубинам и участкам.

№ участка	Предмет	№ по плану	глубина (см)
1–2	фрагмент жернова	10	45
1	ледоходный шип	2	34
1	кужечка (развал)	5	40
1	точило	6	49
1а	ключ	12	79
1	нож	15	101
2	изделие (сюльгама?)	3	37
2	скоба	8	58
2	нож	7	59
2	пряслло	16	135
2	железное изделие	18	154
2	шило	17	158
2	нож	19	166
3	железное изделие	13	116
3	дерево	14	118
4	пряслло	1	22
4	кринка		36
4	железное изделие	9	66
4	костяной гребень	11	79

Выводы: По особенностям конструкции исследованный объект является остатками котлована жилого дома. По стратиграфии (рис. 3) заполнение данного объекта связано со слоем серой супеси (второй пласт). Дневной уровень его приходится на нижний горизонт серой супеси, судя по следам суглинистой прослойки от разрушенных частей этого объекта и оплывания стенок его котлована (профиль восточной стенки участков 3 и 4). Отмеченные в профиле северной стенки участка 4 прослойки суглинистого пестроцвета, связаны с этой постройкой, и могут быть остатками незаглубленной в землю части этого сооружения. По найденным в заполнении предметам, это сооружение можно датировать рубежом XI–XII вв. Ее постройка и функционирование приходится на конец (последнюю четверть) XI в., а вторичное использование к началу XII в.

Приложение 1

Видовой состав животных из раскопа XI.

шт.1 кв.2				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	1	50,0	1	50,0
мелкий рогатый скот	1	50,0	1	50,0
итого	2	100	2	100
ребра, позвонки, неопр. кости		4		

шт.3 кв.1–4				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	17	44,7	2	50,0
мелкий рогатый скот	9	23,7	1	25,0
лошадь	12	31,6	1	25,0
итого	38	100	4	100
ребра, позвонки, неопр. кости		90		
птица		9		
рыба		3		

шт.4 кв.1-4				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	23	57,5	2	28,6
мелкий рогатый скот	6	15,0	2	28,6
лошадь	8	20,0	1	14,2
заяц	3	7,5	2	28,6
итого	40	100	7	100
ребра, позвонки, неопр. кости		150		
птица		10		
рыба		2		

шт.5				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	37	72,5	4	44,5
мелкий рогатый скот	10	19,6	3	33,3
лошадь	3	5,9	1	11,1
кошка	1	2,0	1	11,1
итого	51	100	9	100
ребра, позвонки, неопр. кости		65		
птица		11		
рыба		3		

шт.6 кв.3				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	5	29,4	1	20,0
мелкий рогатый скот	6	35,3	2	40,0
лошадь	5	29,4	1	20,0
собака	1	5,9	1	20,0
итого	17	100	5	100
ребра, позвонки, неопр. кости		33		
птица		4		
рыба		1		

шт.7 кв.1-3				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	2	6,1	1	33,3
мелкий рогатый скот	31	93,9	2	66,7
итого	33	100	3	100
ребра, позвонки, неопр. кости		55		
птица		4		
рыба		6		

яма 1 выб.2				
вид животного	кости	% костей	особи	% особей
крупный рогатый скот	5	50,0	1	33,3
мелкий рогатый скот	5	50,0	2	66,7
итого	10	100	3	100
ребра, позвонки, неопр. кости		45		
птица		4		

Всего с раскопа диагностировано 690 костных фрагментов.

Определила: к.вет.н., с.н.с. НЦАИ ИИ АН РТ Г.Ш. Асылгараева.

*Приложение 2***Распределение керамики раскопа XIV по участкам, пластам и объектам.**

Пласт вы-борка	лепная			круговая						итого	Учет на раскопе			
	тр	ш	кзп	Красно-оранжев		Коричневая		бурая			камни	кости	керамика	
				х/о	п/о	х/о	п/о	х/о	п/о					
1	1	1	14	26	7	6	18	0	14	0	87	46	48	0
1	0	0	3	2	0	2	0	0	7	0	14	25	3	12
1	10	0	7	30	0	3	40	0	24	0	114	76	36	97
2	4	0	15	35	0	0	21	0	13	0	88	62	65	101
2	2	0	6	29	2	1	36	0	34	0	110	70	46	133
2	3	0	5	20	0	1	12	0	18	0	64	55	32	57
3	0	1	1	22	1	0	5	0	21	0	51	53	33	55
3	1	0	0	22	5	0	16	0	10	0	54	60	24	55
3	1	0	0	6	1	0	16	0	13	0	37	43	47	37
4	0	0	4	14	1	0	23	0	15	0	57	83	45	57
4	3	0	14	81	0	0	13	0	66	0	177	125	123	180
4	3	0	0	21	0	0	4	0	18	0	46	50	22	48
4	2	0	1	4	0	0	4	0	9	0	20	20	0	20
5	2	2	0	56	0	1	13	0	11	0	85	71	86	30
5	3	0	3	28	8	12	11	0	17	1	83	77	98	83
5	2	0	1	8	0	3	5	0	9	0	28	26	15	29
5	0	0	0	2	0	1	1	0	0	0	4	12	0	4
6	7	0	0	7	1	0	4	0	15	0	34	0	20	27
6	2	0	0	8	1	4	11	0	5	0	31	31	32	33
6	3	0	0	7	3	0	6	0	16	0	35	17	13	27
7	7	0	1	2	0	0	7	0	2	0	19	25	16	33
7	2	0	1	4	0	0	4	0	4	0	15	15	0	15
7	2	1	0	6	5	0	2	0	0	0	16	6	27	18

Примечание: тр – керамика с толченой раковиной; кзп – керамика с крупнозернистым песком, ш – керамика с шамотом; тр+п – керамика с толченой раковиной и песком; х/о – керамика хорошего обжига; п/о – керамика плохого обжига.

Литература

Руденко К.А. Волжская Булгария в системе торговых путей Средневековья (По материалам Речного (Остолоповского) селища в Алексеевском районе Татарстана) // Ежегодник. Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сборник научных и методических трудов. Н. Новгород, 2003. С. 49–68.

Руденко К.А. Три жилища с Остолоповского селища XI–XII вв. // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений (г. Болгар, 27–30 мая 2004 г.). Казань: РИЦ «Школа», 2006. С. 238–262.

ГРАВИРОВКИ ПО КАМНЮ – РЕДКИЙ ВИД ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Ю.Б. Сериков

*Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия, г. Нижний Тагил*

Гравюра – один из древнейших видов изобразительного искусства. Гравированные фигуры животных, также как и орнаментальные композиции известны на территории Западной Европы в десятках пещерных святилищ эпохи палеолита. Гравировками покрывались не только стены пещер и открытых плоскостей, они известны на каменных плитках и гальках, ими украшали многочисленные изделия из кости, бивня, рога и камня.

Первые гравированные знаки на камне появляются в мустерскую эпоху (рис. 6, 1–3) (Столяр, 1985, С. 127). В начале верхнего палеолита – около 30 тыс. лет назад – гравировка по камню уже хорошо известна. Прежде всего это гравированные фигуры и знаки на скалах как в пещерах (Столяр, 1985, С. 117), так и на открытом воздухе (Дэвлет Е.Г., 2004, С. 72–74). Значительно реже встречаются фигуративные изображения на отдельностях – плитках и гальках. Тем не менее, в палеолите Западной Европы известны выгравированные фигуры мамонта, носорога, бизона, медведя, северного оленя, волка, зайца, женщины (Столяр, 1985, рис. 70, 147–150, 164, 198, 2000–2001, 208, 234, 244–245).

На территории России палеолитические гравировки на скалах выявлены пока в Каповой и 2-ой Серпиевской пещерах. Что касается гравированных фигур на отдельностях, автору известна только одна находка со стоянки Костенки 21. Она представляет собой диск песчаника диаметром около 10 см, с одной стороны плоский, с другой – выпуклый. На выпуклой стороне выгравирована фигура животного, она стоит в полный рост с опущенной головой. Детали головы животного не прослеживаются, но по моделировке ног и туловища в нем предполагают изображение носорога (рис. 1, 1) (Рогачев, Аникович, 1984, С. 229–230). Данная гравюра на камне считается единственным фигуративным изображением на территории Русской равнины (Абрамова, Синицын, 2002, С. 174).

На Урале гравированные фигуры на камне чрезвычайно редки. На раннемезолитической стоянке Горная Талица (нижнее течение р. Чусовой, Пермский край) найдена галька зеленоватого сланца, на поверхности которой выгравировано изображение головы лося (рис. 2, 1). На обратной стороне гальки прочерчен короткий зигзаг, а под ним еще более короткая прямая линия. Возможно, это следы начатой, но не удавшейся гравировки. Но, скорее всего, она имела какое-то самостоятельное значение. Галька имеет длину 12,5 см и ширину около 4 см, оба торцевых конца гальки использовались в качестве отбойника (Мельничук, Павлов, 1987, С. 15). Интересно отметить, что галька сама по себе очень похожа на голову лося. И галька, и гравированное изображение на ней имеют характерный для головы лося изгиб. Причем, изгиб гравировки находится в перевернутом на 180° положении по отношению к изгибу гальки (Сериков, 2005а, С. 49).

Подобное изделие с гравировкой выявлено и на восточном склоне Среднего Урала на мезолитической стоянке-мастерской Амбарка I (с. Мурзинка, Пригородный р-н, Свердловская обл.). Гравировка выполнена на расколотом вдоль отбойнике из гальки туфопорфирита. Длина отбойника – 6,8 см, ширина – 4,7 см. На относительно ровной боковой поверхности отбойника выгравировано изображение рогатого животного (рис. 1, 2). Интерпретировать данное изображение можно по-разному. Первый вариант: гравировкой изображена голова животного. Косая линия в правой части фигуры может изображать глаз. Заостренная морда и развесистые многорожковые рога позволяют видеть в данной фигуре изображение северного оленя. По второму варианту изображение читается как цельная фигура животного. В пользу этого предположения могут свидетельствовать куцый хвостик и треугольник под брюхом, изображающий, возможно, половые органы. Фигура представляется собой рисунок рогатого животного, но какого – понять невозможно. Поэтому первый вариант интерпретации представляет-

ся нам предпочтительней (Литвиненко, Сериков, 1998, С. 225). К тому же можно отметить, что большая часть произведений искусства из камня на территории Среднего Зауралья представлена именно головами животных (Сериков, 2002а, С. 173–180).

Уникальное изделие с гравировками обнаружено в окрестностях г. Нижнего Тагила у пос. Антоновский (Свердловская обл.) (Сериков, 2002б, С. 31–33). Оно найдено на огороде, расположенном на склоне горы, где никаких следов археологического памятника не выявлено. Изделие в виде крупного диска имеет овальную форму, диаметр длинной оси 14 см, короткой – 11,8 см. Толщина диска 1,5 см. Он изготовлен из мягкой породы типа хлоритизированного сланца. Все поверхности – лицевая, обратная и ребро – тщательно отшлифованы. В центре изделия находится круглое отверстие диаметром 3,5–3,7 см. Оно образовано путем двустороннего пикетирования. По боковым граням диска с двух сторон металлическим орудием прорезаны крупные насечки. На лицевой стороне в одном горизонтальном поясе с отверстием по обе стороны нанесено по три насечки, в верхнем полукружии расположено 29 насечек, в нижнем – 20. На обратной поверхности по обе стороны отверстия нанесено 4 и 3 насечки, в верхнем полукружии – 28, в нижнем – 26. На ребре изделия присутствует орнамент в виде зигзагообразной линии. Такая же зигзагообразная линия (только сдвоенная) нанесена и на обратной стороне. Она идет по всему периметру диска вдоль орнаментированной насечками грани. Ниже зигзага, в центральной части плоскости располагается более сложный орнамент. Он состоит из тупых углов, соединенных между собой лучами. В одном месте, где лучи не соединяются, имеется разрыв. На вершине каждого угла (за исключением одного) присутствуют парные насечки. Таких углов всего 12. Вокруг отверстия в вертикальной и горизонтальной плоскости нанесены длинные сдвоенные насечки (рис. 2, 2).

На лицевой стороне изделия изображены два антропоморфных фантастических существа. Одно из них стоит, второе (по отношению к первому) лежит. У стоящего антропоморфа показаны голова, шея, руки, туловище, ноги и хвост. Голова состоит из ромба и двух углов под ним. Широкие плечи заканчиваются парными насечками, руки от плеч свисают вниз, они трехпалые. От локтя левой руки горизонтально протянулся длинный шест(?), на котором через равные промежутки нанесены три пары насечек, обращенные вниз. На туловище 8 коротких рисок изображают, видимо, ребра. Одна нога, как и руки, трехпалая. Голова лежащего антропоморфа показана парными рисками, обращенными в разные стороны. Плечи и руки у него точно такие же, как и у первой фигуры. На туловище нанесено 7 насечек (ребер), ноги не трехпалые, хвост обозначен зигзагом. Следует отметить, что все гравированные линии на лицевой и обратной стороне предмета выполнены каменным орудием

Изучение поверхности изделия позволило выявить несколько участков со следами сильного или заметного заложения. Прежде всего, заметно заложен соединительный поясок, который всегда образуется при встречном оформлении отверстия. Характер сглаженности и особенности отверстия позволяют предполагать, что изделие служило навершием. Причем, надевали его на шест лицевой стороной (с изображением фигур) вниз. Если бы навершие надевалось просто на деревянную основу, следы соприкосновения изделия с деревом дали бы зеркальную заполировку. Здесь же присутствует заложение поверхности, что свидетельствует о том, что между изделием и основой находился мягкий посредник. Отсюда вытекает, что, прежде чем насадить навершие на деревянную основу, ее обматывали тканью или (скорее) шкуркой животного. Это усиливало сцепление с основой, вследствие чего оно прочно насаживалось на шест. Сильно заложенными оказались также и боковые грани изделия с нанесенными на них насечками. Такое впечатление, что по ним водили пальцем при счете. Особенно заметно заложены участки на обратной стороне изделия напротив отверстия – там, где нанесены 4 и 3 насечки (Сериков, 2002в, С. 144–147).

Изображение обеих фигур настолько необычно, что их можно трактовать не только как ряженых людей (шаманов, колдунов), но и как пресмыкающихся (ящеров, ящериц). Отдаленное сходство данные изображения имеют с антропоморфными фигурами, вырезанными на обратной стороне Большого Шигирского идола. Отдельные элементы гравированных геометрических узоров хорошо представлены в орнаментах на костяных мезолитических наконечниках стрел. Это зигзагообразные линии, зигзаги, на вершинах углов которых присутствуют

парные насечки, а также зигзаги из отрезков, перекрещивающихся друг с другом (Сериков, 2001, С. 153–160).

Однако ближайшие аналогии гравированным антропоморфам можно найти среди наскальных изображений Урала. На Ирбитском Писаном Камне присутствует фигура, у которой голова обозначена короткими отрезками, идущими под углом друг к другу, от широких плеч вниз свисают руки, на тулове короткими отростками изображены ребра (Чернецов, 1971, рис. 8, 4). Еще более похожая антропоморфная фигура имеется на Писаном Камне на р. Тагил (Чернецов, 1971, рис. 51, 4). Тем не менее, публикуемые изображения имеют лишь отдаленное сходство с приведенными аналогиями. Они своеобразны и оригинальны по исполнению и композиции. Можно предполагать, что обе фигуры изображают шаманов, облаченных в ритуальные костюмы человеко-зверя. Изображения шаманов в археологических материалах издавна привлекали внимание исследователей (Спицын, 1906; Окладников, 1948). В последние годы интерес к данной теме усилился, и целая группа археологов занимается выделением шаманских изображений среди наскальных изображений Сибири (Дэвлет М.А., 1999; Килуновская, 1999; Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г., 1999).

Утилитарное и сакральное назначение данного предмета требует специального исследования. Учитывая количество насечек на гранях диска, можно допустить, что он являлся своеобразным календарем и служил для фиксации и определения определенных астрономических явлений (начало сезонов и месяцев, лунных и солнечных затмений). Детальная расшифровка астрономических значений диска как древнего календаря приведена в работе А.А. Герасименко (Герасименко, 2004, С. 83–87).

Вопрос о датировке данного изделия остается открытым. По мнению большинства коллег из археологической лаборатории Уральского госуниверситета, навершие следует датировать эпохой энеолита. Если учесть, что гравировки на предмете выполнены каменным и металлическим орудием, это предположение выглядит вполне обоснованным. Косвенным свидетельством в пользу энеолитического возраста является и находка подобного диска с гравировкой в энеолитическом комплексе поселения Шувакиш I (озеро Шувакиш в окрестностях г. Екатеринбурга) (рис. 1, 3) (Чаиркина, 2005, С. 252).

Данный диск имеет неправильную округлую форму диаметром 6–6,4 см и толщиной до 1,4 см. В центре диска путем одностороннего сверления сделано отверстие диаметром 1,5 см. Одна из плоскостей и боковой край повреждены сколами. Противоположная плоскость ровная, на ней присутствуют следы пришлифовки. Именно на этой плоскости и выгравированы три неясных фигуры (рис. 1, 3). Основу фигур составляет ромб. Н.М. Чаиркина считает, что на диске изображены рыбы, головы которых упираются в края сверлины, а хвосты касаются внешнего края диска. Короткими, отходящими под углом вниз линиями показаны брюшной и спинной плавники. По боковой поверхности сверлины к морде одной из рыб прорезаны две линии. По краю сверлины нанесены неглубокие поперечные насечки. Такие же насечки вырезаны и по краю лицевой поверхности диска. Из-за повреждений диска точное их количество устанавливается только на отдельных участках (Чаиркина, 1998, С. 93).

По мнению автора, возможна и другая интерпретация выгравированных изображений. Если сверлину посчитать за голову, то упирающиеся в нее ромбы превращаются в туловище человека, линии, обозначающие плавники, – в руки, а незаконченные ромбы (хвосты) – в расставленные ноги (рис. 1, 3). При такой интерпретации фигуры людей и насечки по краям сверлины и диска получают вполне объяснимую календарную символику, а оба перфорированных диска с гравировками можно рассматривать как полностью аналогичные изделия. К тому же во время выставки, приуроченной к семинару по проблемам изучения аятской культуры (Нижний Тагил, 2003 г.), выяснилось что оба диска – из Антоновска и Шувакиша – изготовлены из абсолютно идентичного материала. К антропоморфным фигурам (только безголовым) относят данные гравировки и другие авторы (Петрин, Усачева, 2003, С. 85).

Гравированная фигура, в состав которой входит ромб, известна на тальковой гальке с острова Вишневый (Аргазинское водохранилище, Аргаяшский р-н Челябинской обл.). Удлиненная овальная галька округлого сечения имеет длину 6,5 см, ширину – 1,7 см и толщину – 1,6 см. На гальке пятью линиями вырезано изображение, которое некоторые исследователи

рассматривают как антропоморфное. По сути, оно представляет два расположенных друг над другом косых креста. Их соединение образовало неправильный ромб. К верхнему кресту добавлена поперечная линия, которая замкнула выступающий угол креста и превратила его в треугольник (рис. 1, 7). В.Т. Петрин и И.В. Усачева считают полученную фигуру схематизированным антропоморфным изображением, у которого треугольная голова и ромбическое тулово. При этом они проводят аналогии с резным изображением на Шигирском идоле, с гравюрами «рыб» на диске с поселения Шувакиш I и многочисленными наскальными рисунками, где в основе всех антропоморфных фигур лежат ромбы (Петрин, Усачева, 2003, С. 83–85). Нахodka датируется эпохой неолита.

Оригинальная гравировка на плитке сланца размером $6 \times 3,5$ см найдена на скальном памятнике Лайский мыс (Пригородный р-н Свердловской обл.). Памятник многослойный, на нем присутствуют материалы мезолита, неолита и раннего железного века. Очень предположительно находку можно связывать с последним периодом функционирования памятника, когда на нем находилось жертвенное и плавильное место. На плитке прямыми линиями выгравированы две схематичные фигуры. Одна из них напоминает птицу в полете: короткими линиями показано тулово птицы, слегка изогнутая длинная шея и расставленные крылья. Причем крылья изображены сдвоенными линиями. Вторая фигура – более загадочна. Она, бесспорно, изображает какое-то животное: процарапанными прямыми линиями показаны туловище, четыре ноги, голова с рогами и раздвоенный хвост (рис. 1, 6). (Сериков, 2002в, С. 144). Эта фигура очень походит на мамонта, как его изображало сибирское население по этнографическим данным. Однако распознать изображение мамонта очень сложно, так как обычно его наделяли чертами известных людям животных. Например, эвенки изображали это животное в виде рыбы с лосиными рогами. Ханты считали, что мамонт – это подземное перевоплощение лося, щуки и медведя, эти животные не умирают естественной смертью, а уходят под землю и превращаются в мамонта (Сериков, Серикова, 2004, С. 171).

Данная гравировка отличается от всех представленных в работе отсутствием фигурного контура, оба изображения выполнены в «линейном» стиле. Следует отметить, что птица и животное находятся по отношению друг к другу в перевернутом положении. Здесь явно зашифрована мифологема, где верхний мир (птица) противопоставляется миру нижнему (мамонт).

Подобные гравированные сюжетные композиции крайне редко встречаются на отдельных предметах (гальках, плитках, изделиях). На Урале – это гравировки шаманов на диске из Антоновского (рис. 2, 2) и летящая в пещеру стрела, выгравированная на костяном мезолитическом наконечнике с камня Дыроватого на Чусовой (Сериков, 2003, рис. 3, 1). Еще одна композиция присутствует на гальке, найденной в неолитическом комплексе стоянки Ивановское VII (Переславский р-н Ярославской обл.). На небольшой сланцевой гальке размером $14 \times 4,6 \times 3,1$ см выгравирована сцена охоты. В левой части гальки находится схематическое изображение человека, только что выпустившего из лука стрелу. Ему противостоит массивное животное с заданным хвостом (по мнению автора, это бык), в груди которого торчит оперенная стрела (рис. 1, 5). Кроме сюжетной композиции на всех плоскостях гальки (лицевой, оборотной и боковых) прочерчены тонкие линии, которые по мнению авторов публикации располагаются безо всякой системы (Костылева, Уткин, 2007, с. 8–9). Однако, здесь уместно привести слова В.Б. Мириманова, который считал, что «первобытное изображение – это сам миф, а его создание – ритуал» (Мириманов, 1997). Исходя из этого и данное изображение следует считать зашифрованной мифологемой.

Два фигурных гравированных изображения известны на энеолитических памятниках Средней Волги. На Сутырском поселении найдена сломанная сланцевая подвеска, на которой сохранилась полная фигура утки и, видимо, хвостик второй птицы (Никитин, 1996, с. 161). Тулово и головка утки переданы треугольниками, шея, лапки и крылья показаны короткими линиями (рис. 1, 8) (Большов, 2006, с. 129–130). На поселении Волоконное (Юринский р-н Республики Марий Эл) на обломке сланцевой плитки выгравирована лосиная головка (рис. 1, 4) (Никитин, Никитина, 2004, с. 22). Данными находками практически и исчисляются все гра-

вированные фигурные изображения людей, зверей и птиц, известные на Урале и смежных с ним территориях.

Кроме нанесения фигурных изображений каменные изделия украшались и орнаментальными гравировками. Эти предметы можно подразделить на несколько групп.

1. Плоская и круглая скульптура, где гравировка участвует в создании образа скульптуры или украшает ее.

2. Декорированные орудия, украшения и другие изделия.

3. Орнаментальные гравировки на гальках и плитках – чуринги.

По выполняемым функциям гравировку на скульптурах можно условно разделить на две группы. К первой относятся скульптуры, где гравировка участвует в создании образа изображаемого животного. Во вторую группу выделены скульптуры, на которых гравировки выглядят элементами украшения, но на самом деле несут в себе определенное семантическое наполнение. На практике обе функции гравировок часто совмещены и в чистом виде встречаются довольно редко.

Наиболее интересной и представительной категорией скульптур, в которой функции гравировок представлены как в чистом, так и в смешанном виде, являются фигурные молоты. Самые ранние из них датируются эпохой неолита. Один из них найден автором на ранненеолитической стоянке Евстюниха I (черта г. Нижний Тагил). Молот выполнен в виде головы лося длиной 8 см, шириной 4,6 см и высотой 4,2 см (рис. 3, 1–2). Разрез пасти показан глубокой резной линией, а выпуклые глаза подчеркнуты кольцевой гравированной канавкой (Россадович А.И. и др., 1976, С. 189). Второй фигурный молот происходит с Кокшаровского холма – культового памятника эпохи неолита. Длина молота 9,9 см, ширина – 8,8 см, толщина – 3,7 см (рис. 3, 3). В первых публикациях молот фигурирует как схематическое изображение головы медведя (Мошинская, 1976, С. 63). Однако плоская круглая голова и маленькие округлые ушки позволяют видеть в данной скульптуре голову бобра. В этом изделии функции гравировки выступают в смешанном виде. Небольшая округлая прорезь передает разрез пасти. Глаза и уши показаны небольшими округлыми выступами. Нос, глаза и уши животного соединены гравированной волнистой линией. От сверлины к носу и глазам идут прорезанные прямые линии (Сериков, 2002в, С. 129).

Остальные фигурные молоты происходят из случайных сборов, поэтому не имеют точной хронологической привязки. В целом их можно отнести к широкому хронологическому диапазону от неолита до ранней бронзы.

Фигурный молот в виде головы белки найден в окрестностях г. Нижняя Тура (Свердловская обл.) (рис. 3, 7). Изготовлен он из талька, диаметр основания 5,2 см, высота – 10,7 см. Изделие оформлено различными декоративными элементами. Глаза обозначены углублениями в виде точек. От сверлины к носу идет прямая резная линия, заканчивающаяся коротким перпендикулярным к ней отрезком. Такая же прямая линия, но без отростка, прорезана по основанию молота и за ушами животного. По ребру, расположенному с обратной стороны скульптуры, нанесены короткие, но глубокие насечки – от 18 до 20 экз. В тыльной части расположена серия (18–20) насечек (Панина, 2004, С. 256; Ченченкова, 2004, С. 256).

Фигурный молот в виде головы зайца (или лошади?) является случайной находкой у с. Байгильдино (Иглинский р-н Башкортостана) (рис. 3, 5). Высота молота от основания до кончика ушей около 13,5 см. Длина – неизвестна, так как лицевая часть морды животного отсутствует. По бокам нижней челюсти прорезаны две глубокие линии, которые доходят до кончиков ушей. Глаза показаны круглыми кольцевыми прорезями. Края нижних челюстей орнаментированы рядами коротких, расположенных слегка наклонно насечек. Их количество в публикациях не приводится, возможно, потому, что скульптура сохранилась не полностью (Ченченкова, 2004, С. 258).

Фигурный молот в виде головы лося обнаружен у дер. Фершенпенуаз (Нагайбацкий р-н Челябинской обл.) (рис. 3, 6). Скульптура имеет длину 15 см, высоту 9 см, ширину 4,5 см. Как и в других скульптурах глубокой резьбой показана линия пасти, глаза обведены резными овалами. По задней стороне шеи животного фиксируется вертикальный ряд из коротких насечек. Вдоль этого ряда, справа от него на шею нанесены три резных окружности диаметром

0,4–0,6 см. Такие же короткие насечки (9) вырезаны по линиям, которые очерчивают границы морды при переходе к шее. На основании молота вокруг шеи прорезаны две круговые линии (Ченченкова, 2004, С. 260).

Фигурный молот в виде головы лошади хранится в Оренбургском областном краеведческом музее (рис. 3, 4). Найден он при случайных обстоятельствах около железнодорожной станции Новоорск (Оренбургская обл.). Собой представляет изящную и сложно моделированную скульптуру длиной около 12 см и высотой 7,3 см. Клиновидная шея животного имеет пятиугольное сечение. По всем граням шеи располагаются вертикальные ряды из коротких горизонтальных насечек. Количество их разное. На грани в задней поверхности шеи – 9 насечек, по боковым граням с внешней стороны – по 11, по граням с внутренней стороны – по 5. Кроме этого две резные линии очерчивают морду лося по бокам по всему ее периметру (Ченченкова, 2004, С. 262).

Миниатюрное фигурное навершие из талька найдено в размыве стоянки Малый Липовый VI на небольшом острове Аргазинского водохранилища (Аргаяшский р-н Челябинской обл.). Его длина 5,2 см, ширина 2,8 см, высота 1,7 см (рис. 4, 4). Вырезано оно в виде головки лося или лошади. Пасть животного передана глубоко врезанной линией. От сверлины по верхней части головы идет слегка изогнутая резная черта (Петрин, Усачева, 2004, С. 257). На этой же стоянке обнаружена еще одна зооморфная скульптура. По форме она полностью соответствует фигурным молотам, но у нее отсутствует просверленное отверстие. Одна часть навершия тщательно отшлифована, а вторая – обработана точечной ретушью (пикетажем) (рис. 4, 3). На границе этих двух участков прорезана прерывистая кольцевая линия (Петрин, Усачева, 2004, С. 257–258).

Большой интерес представляет так называемое тесло с ушками, обнаруженное в окрестностях г. Нижняя Тура (Свердловская обл.). Хронологической привязки не имеет. Размеры изделия – 28 × 6 × 5 см, оно слегка изогнуто в профиле, местами пришлифовано. Следов употребления на нем не обнаружено. Выпуклую поверхность изделия сплошным массивом покрывают многочисленные прерывистые параллельные продольной оси орудия тонкие линии (Панина, 2004, С. 256). Эта обработка позволяют в изделии видеть скульптурное изображение плывущего зверя (по С.Н. Паниной – бобра или выдры), мокрая шерсть которого передана тонкими гравировками. Изогнутость профиля также передает момент движения плывущего животного. Учитывая удлиненные пропорции тела, скульптура больше похожа на плывущую выдру, чем на бобра. Верхний конец тесла намеренно уплощен и в сочетании с боковыми выступами похож на вытянутую морду выдры. Особенно ясно образ животного читается, если на скульптуру смотреть в профиле.

Уникальным изделием можно считать скульптуру из талькохлорита с поселения Палатки II, найденную на дне энеолитического жилища (окраина г. Екатеринбурга). Она изготовлена в виде стилизованного изображения человека (по С.Н. Паниной – человека-совы). Представляет собой бруск прямоугольных очертаний размером 27 × 6,5 × 2,8 см (рис. 4, 2). В верхней части бруска на его торцевой части вырезано лицо человека с массивным клювовидным носом. Вся остальная часть к изображению человека никакого отношения не имеет. На боковых поверхностях бруска по всей их длине вырезаны достаточно глубокие (до 0,5 см) прямые желобки, на одной плоскости – один, на противоположной – два. Обе торцевых грани орнаментированы перекрещивающимися гравированными линиями, которые образуют косые кресты, цепочка которых в свою очередь составляется в ромбы. На всех длинных ребрах бруска нанесены неглубокие насечки: с лицевой стороны по обеим ребрам суммарно – 21, с задней также суммарно – 28 (Панина, 2004, С. 255).

Возможно, частью подобной скульптуры являлся крупный обломок талькового изделия, обнаруженный на энеолитическом поселении Шигирского торфяника Горушки I (Кировградский р-н Свердловской обл.). Изготовлена она в виде бруска прямоугольного сечения размером 8,2 × 5 × 2,5 см. На одной из сторон бруска вырезано два параллельных желобка, между ними выгравирована волнистая линия. На ребрах с этой стороны нанесено 8 и 9 насечек (рис. 8, 12). Данная находка по сырью, форме, наличию желобков и насечек очень близка вышеописанному идолу с Палаток II (Шаманаев, 2004, С. 217–218).

Известны и другие скульптурные изображения (иногда в обломках), в оформлении которых также применялась техника гравирования, но которые по ряду причин мало информативны (рис. 4, 5) (Петрин, Усачева, 2004, рис. 10, 3; Ченченкова, 2004, рис. 128).

Миниатюрная скульптура высотой 4,2 см использовалась в качестве подвески. Найдена она в жилище эпохи бронзы на поселении Усть-Кедва II (Княжпогостский р-н Республики Коми). Изготовлена из песчаника в виде объемного лица человека (рис. 4, 6). Глаза и рот показаны узкими и короткими прорезанными канавками. Для подвешивания использовалась круговая канавка в верхней части скульптуры (Карманов, 2006, С. 64).

Оригинальная подвеска в виде плоской скульптуры найдена на Южном Урале, на энеолитической стоянке Муллино III (Матюшин, 1982а, С. 56). Ее размеры – высота 4 см, ширина 3,6 см. Представляет собой вырезанное из камня лицо человека. У лица выделены лоб, нос, подбородок. Кроме этого пропилом показан разрез рта (рис. 4, 7). В верхней части подвески просверлено отверстие для подвешивания. Все лицо скульптуры пересекают в виде косого креста тонкие парные гравированные линии. Также прямыми горизонтальными и вертикальными линиями украшены лоб, нос и верхняя губа. Назначение гравировки неясно.

Еще одной плоской скульптурой, где гравировка помогает раскрыть образ животного, является кремневая фигура мамонта со стоянки позднего палеолита Ширкованово II (Ильинский р-н Пермского края). Скульптура изготовлена из плитки кремня, имеет размеры 6 × 6 см, обработана двусторонней краевой ретушью. С двух сторон плитки глубокими гравированными линиями выделены задние ноги животного (Макаров, Павлов, 2007, С. 12). Тонкими штрихами подчеркнуты и детали фигуры на песчаниковой плитке, редуцированно изображающей мамонта (Диков, 1993, С. 32). Необходимо добавить, что на Ширкованово II имеется еще шлифованная плитка сланца, на одну из сторон которой нанесены прямые гравированные линии, идущие в разных направлениях (Макаров, Павлов, 2007, рис. 6, 31). Интересно отметить, что контуры самой плитки похожи на профильное изображение мамонта.

В следующую группу входят украшенные гравировками орудия, украшения и другие изделия.

Самой ранней находкой является торцовый нуклеус высотой 19 см, найденный на финальнопалеолитической стоянке Сюкеевский Взвоз (устье р. Камы). Боковые его стороны покрыты коркой, на которой с двух сторон присутствует тонкая бессистемная штриховка (Галимова, 2001, С. 64).

К эпохе мезолита относятся два крупных шлифованных орудия с Синдорского озера (Республика Коми). Одно из них с отбитым рабочим концом найдено на стоянке Симва III. Длина его даже в сломанном виде составляет около 43 см. По центру выпуклой стороны орудия расположены два вертикальных ряда коротких насечек, которые окаймлены с двух сторон длинными сдвоенными зигзагообразными линиями (рис. 5, 1). От второго орудия с I Висского торфяника сохранилась рабочая часть длиной около 8 см. На боковых гранях изделия выгравировано по две зигзагообразные линии, а на выпуклой стороне – еще три таких же линии (рис. 5, 3). Г.М. Буров определяет данные изделия как пешни для проделывания прорубей (Буров, 1967, С. 65).

Подобное орудие с гравировкой известно на неолитической стоянке Ивановское I (Переславский р-н Ярославской обл.). Собой оно представляет сломанное по сверлине клиновидное орудие типа кирки. Оно тщательно отшлифовано. Длина сохранившейся части 16,5 см. В профиле имеет форму многогранника. По всем семи ребрам орудия нанесены короткие неглубокие насечки. Четыре широкие плоскости украшены гравировками в виде сдвоенных зигзагообразных линий. На боковых плоскостях зигзаги дополняет орнамент из трех коротких параллельных отрезков, отходящих от линий зигзага под прямым углом (Костылева, Уткин, 2007, С. 8; рис. 32).

На неолитической стоянке Сахтыш II (Тейковский р-н Ивановской обл.) найден обломок крупного шлифованного орудия с гравировкой. Она нанесена на боковую поверхность овального в сечении изделия (судя по сохранившейся длине – 6,9 см – это могло быть кирка или пешня). Параллельно продольной оси орудия прорезаны глубокие канавки, от которых отходят диагонально расположенные насечки (Костылева, Уткин, 2007, С. 8; рис. 31).

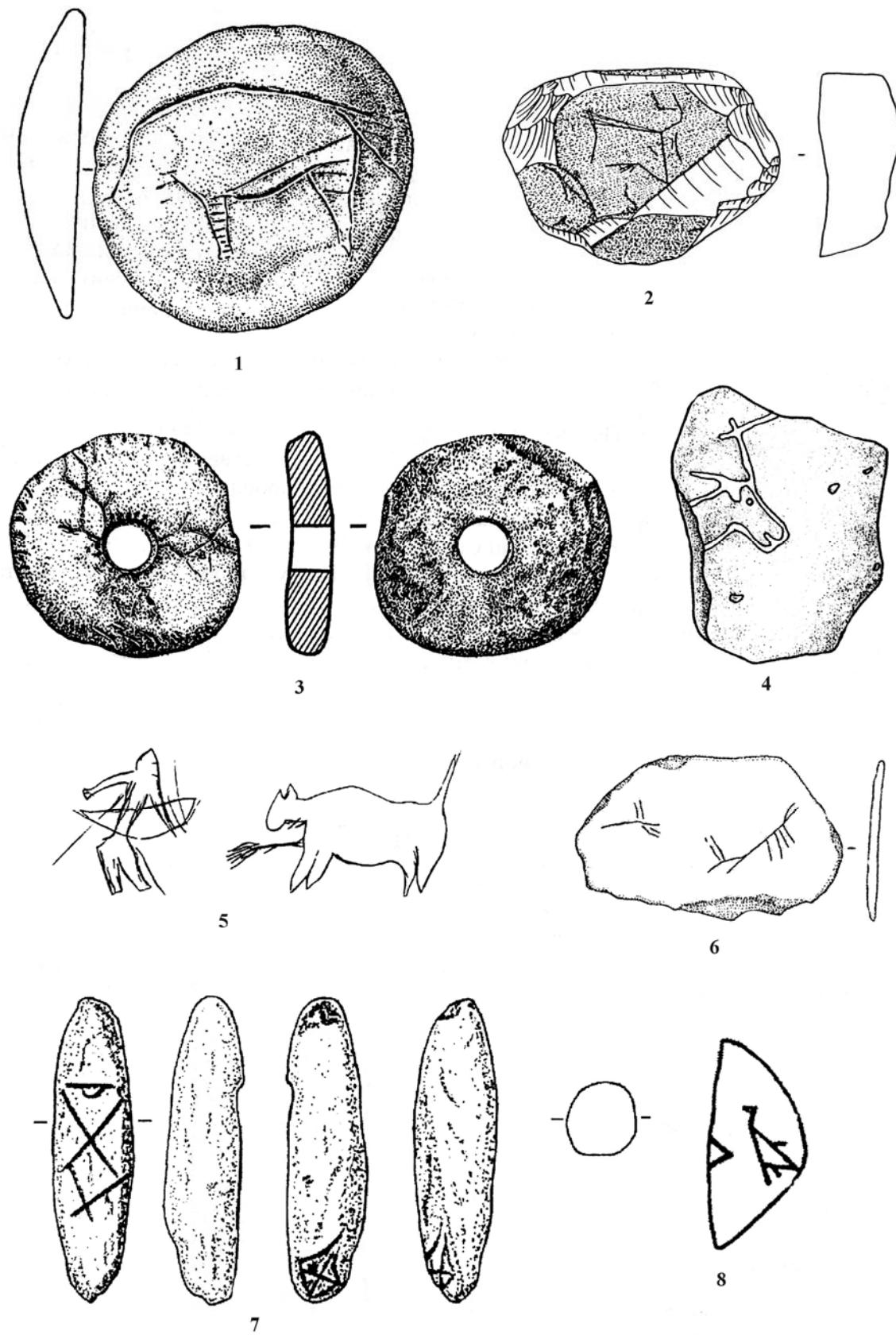

Рис. 1. Фигурные гравировки на камне (1 – Костенки 21; 2 – Амбарка I; 3 – Шувакиш I; 4 – Волоконное; 5 – Ивановское VII; 6 – Лайский мыс; 7 – Вишневый; 8 – Сутырское).

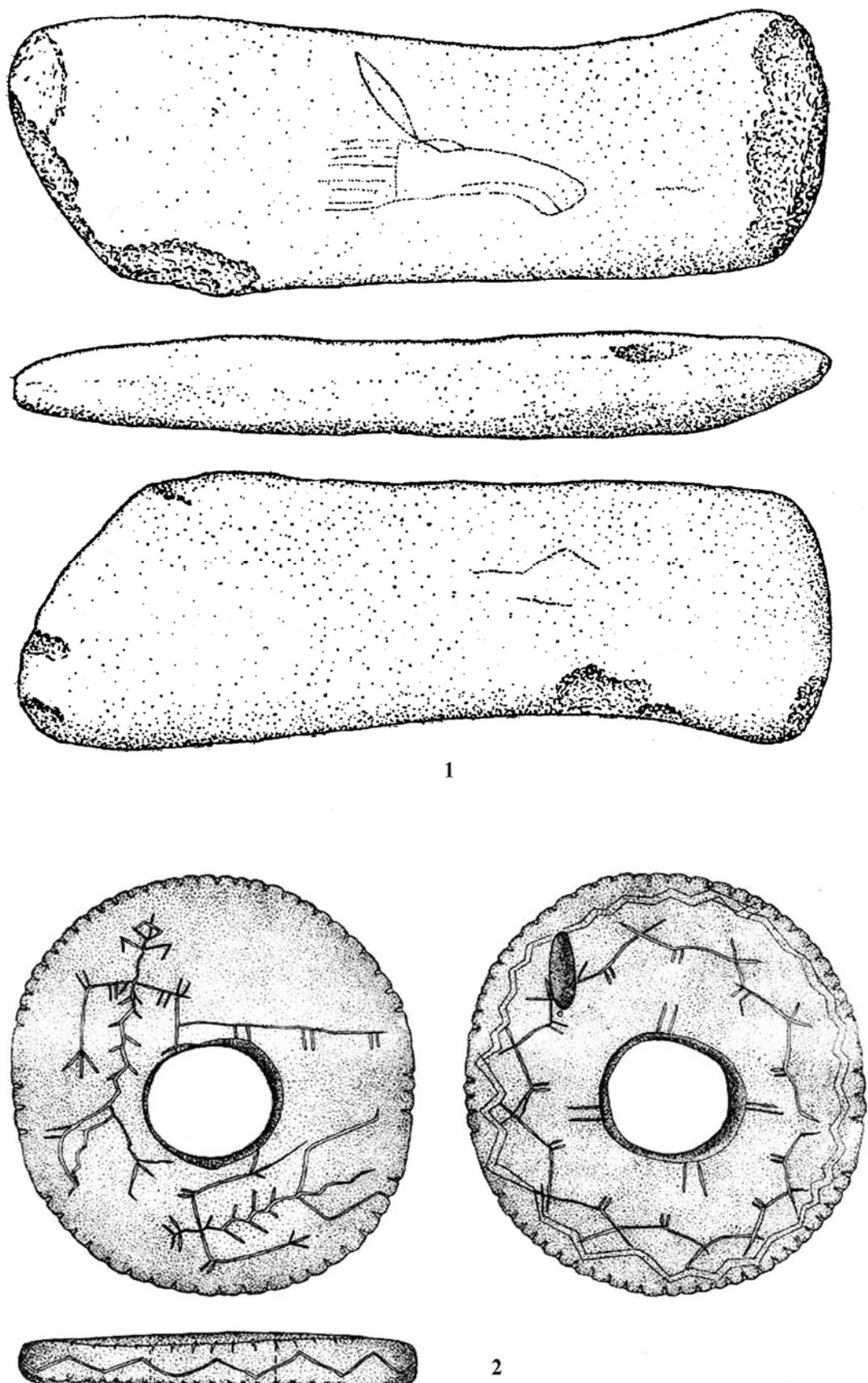

Рис. 2. Фигурные гравировки на камне (Горная Талица; 2 – Антоновский).

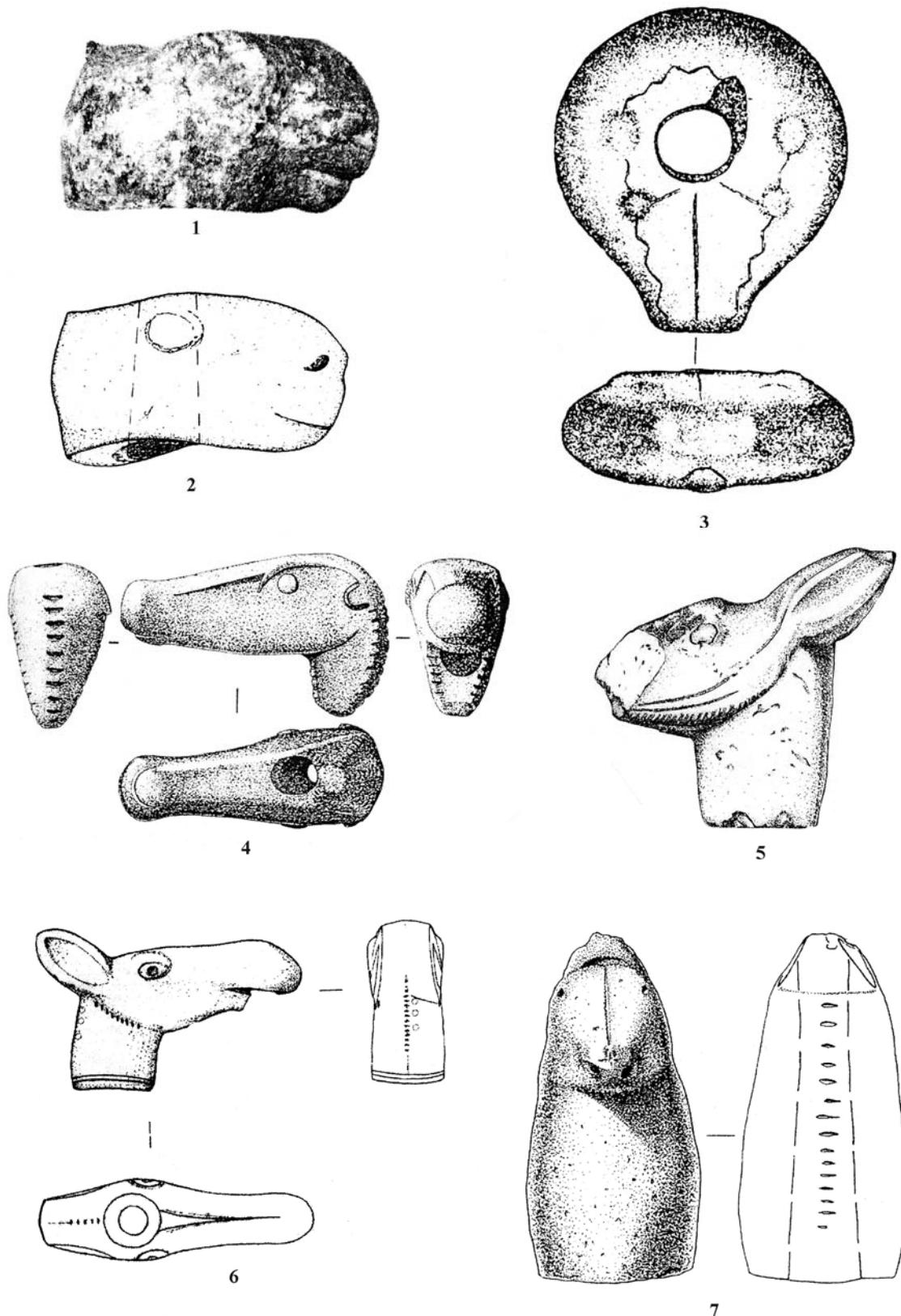

Рис. 3. Фигурные молоты с гравировками (1–2 – Евстюниха I; 3 – Кокшаровский холм; 4 – Новоорск; 5 – Байгильдино; 6 – Фершенпенуаз; 7 – Нижняя Тура).

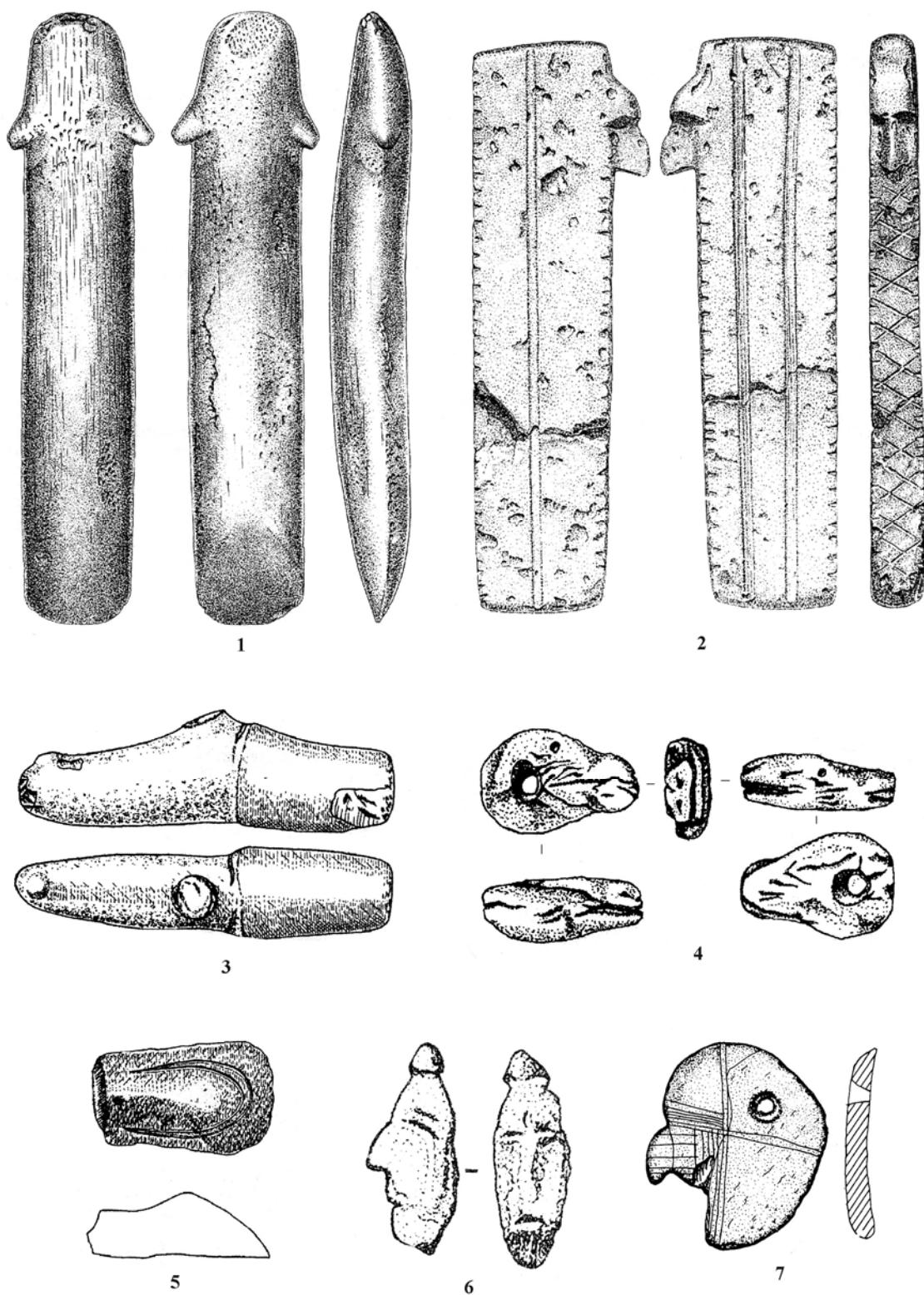

Рис. 4. Скульптуры, украшенные гравировками (1 – Нижняя Тура; 2 – Палатки II; 3–4 – Малый Липовый VI; 5 – Сигаево; 6 – Усть-Кедва II; 7 – Муллино III).

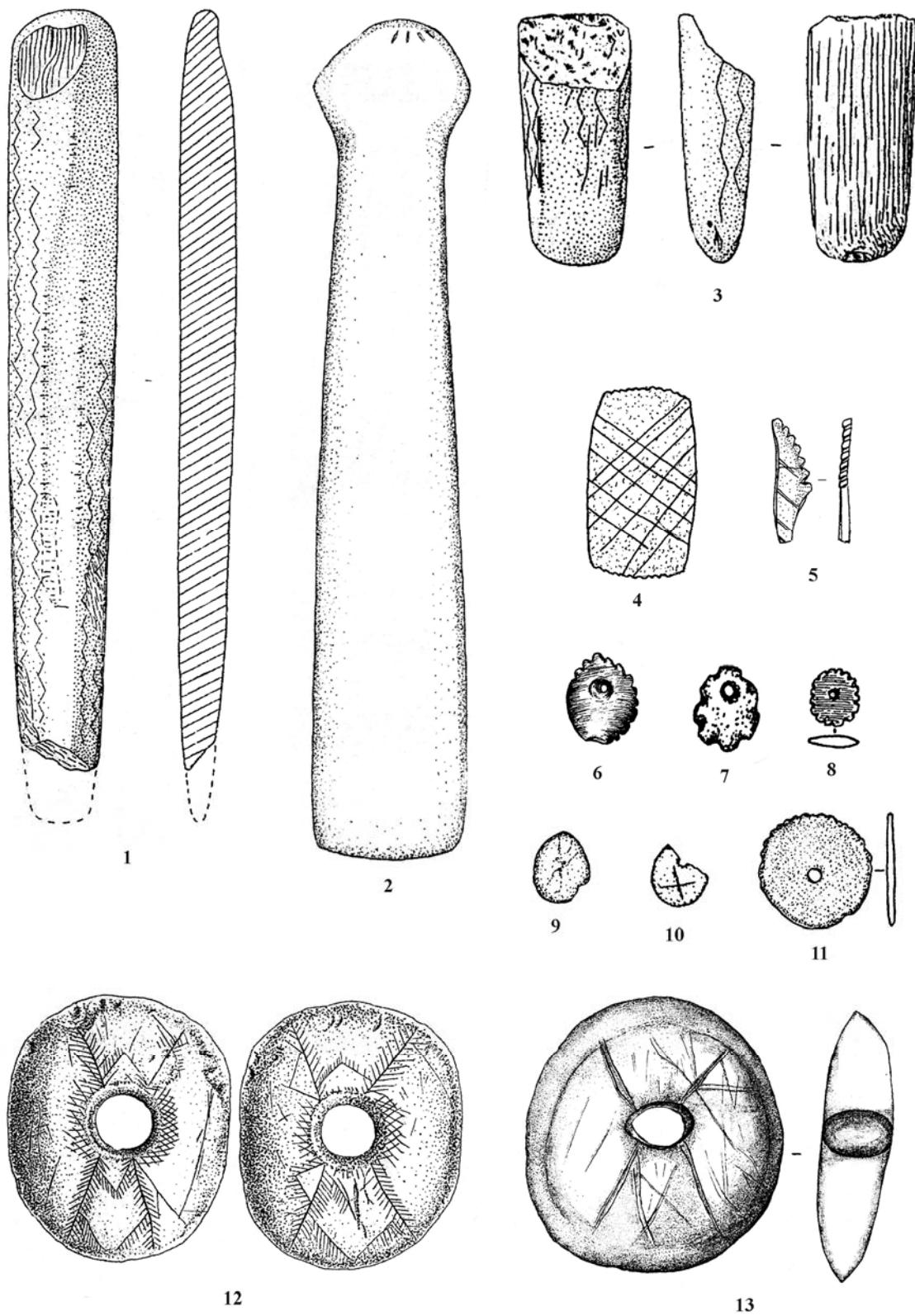

Рис. 5. Орудия и украшения с гравировками (1 – Симва III; 2 – случайная находка; 3 – I-ый Висский торфяник; 4 – I-ая Береговая стоянка Горбуновского торфяника; 5–11 – Шайтанское озеро I; 12 – Палатки II; 13 – Шайдуриха 33).

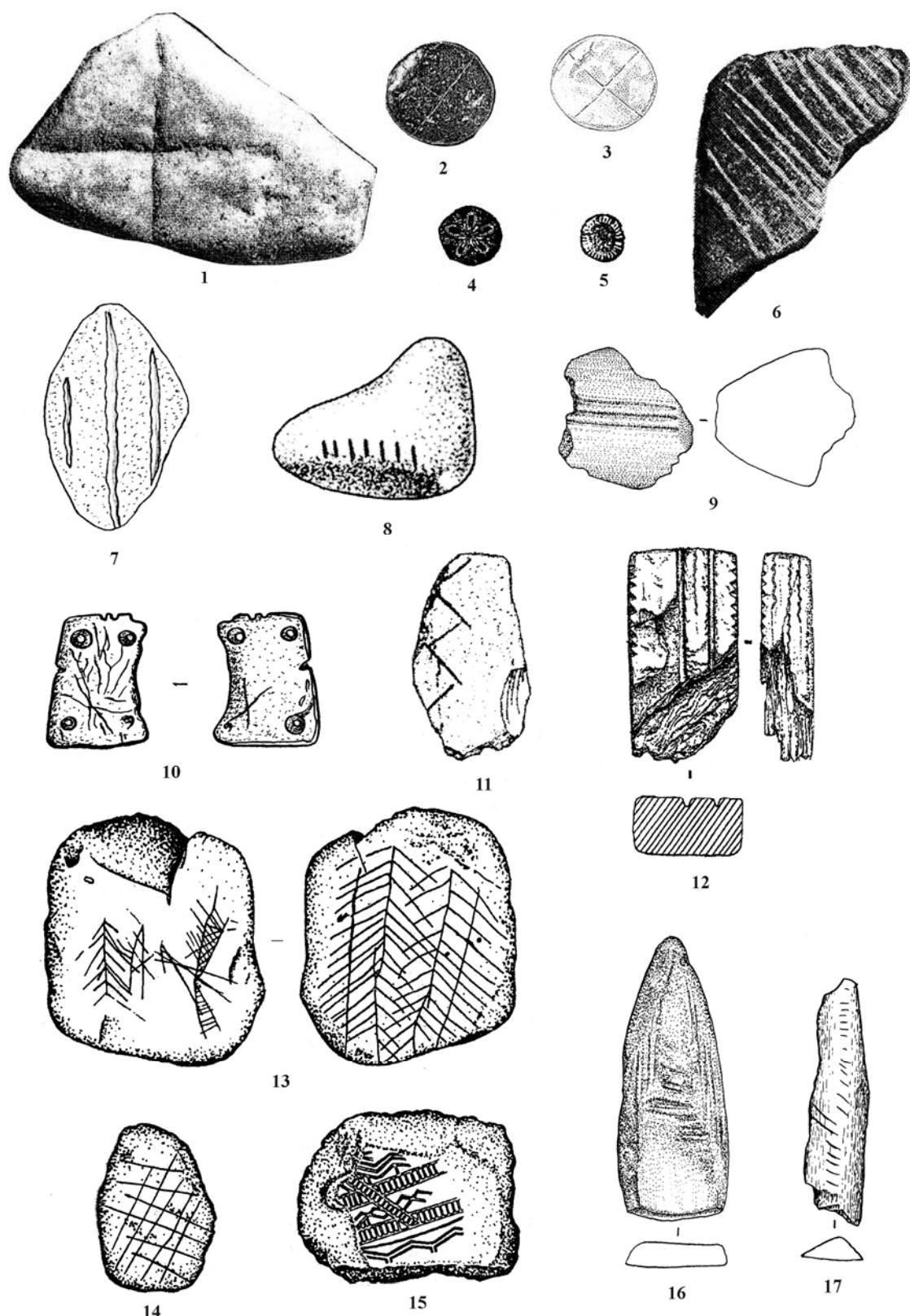

Рис. 6. Гравированные камни, плитки (1–9, 11–17) и нашивка (10) (1 – Цонская пещера (Грузия); 2–3 – пещера Тата (Венгрия); 4–5 – окаменевшие членики морских лилий; 6 – Ильмурзино; 7 – Кокшаровско-Юрьинская II; 8 – Барсова гора 1/40; 9 – Пещера Туристов; 10 – Крутияки I; 11, 16–17 – Шайтанское озеро I; 12 – Горушки I; 13–15 – Замостье-2).

Еще одним массивным орудием с гравировкой является каменный пест фаллической формы длиной 36,4. Происходит он из старых поступлений в Свердловский областной краеведческий музей. Время и место находки не установлено. На окружной головке песта вырезаны три плохо различимые насечки длиной около 1 см (рис. 5, 2) (Ченченкова, 2004, С. 220).

Из других орудий с гравировкой можно назвать гребенчатые штампы для нанесения орнамента на сосуды. Автору известно два таких орудия. Один штамп был найден на I-ой Береговой стоянке (Пригородный р-н Свердловской обл.) (хранится в Государственном Историческом Музее в Москве). Штамп двусторонний, изготовлен из плитки сланца, его длина – 3,8 см. Обе плоскости покрыты тонкой гравировкой в виде длинных, идущих по диагонали и пересекающихся линий, которые образуют ромбы разного размера (рис. 5, 4). Второй штамп происходит с культового энеолитического центра Шайтанское озеро I (Кировградский р-н Свердловской обл.). От него сохранился только небольшой расслоившийся вдоль обломок с пропиленными зубцами (Сериков, 2004а, с. 111). На отшлифованной стороне присутствуют гравированные параллельные друг другу линии, нанесенные под небольшим углом к рабочей части орудия (рис. 5, 5).

Возможно, к орудиям (рыболовным грузилам) следует отнести два крупных каменных диска, украшенных гравированным орнаментом. Один из них найден на поселении эпохи бронзы Палатки II (окраина г. Екатеринбурга) имеет овальную форму размером 12 × 9,5 × 1,8 см. В центре диска просверлено отверстие. С обеих сторон диск покрыт сложным геометрическим орнаментом (рис. 5, 12). От сверлины к краям диска попарно прорезаны 4 радиальные линии. Справа и слева от линий отходят короткие насечки, образующие с линиями своеобразные ёлочки. На участках поверхности, заключенных между парными линиями, вырезано по одному или два угла, направленных вершинами от сверлины. Боковые стороны углов также украшены рисками. Увеличенные промежутки между парными линиями заполнены короткими штрихами, пересечения которых образует вокруг сверлины многочисленные косые кресты. На одной из сторон орнамент усложняется добавлением к радиальным линиям резных треугольников. Внутри треугольников насечки, образующие ёлочки, отсутствуют, зато они переходят на стороны треугольников. Диск явно использовался в культовых целях, гравировки на нем, по всей видимости, являются зашифрованной мифологемой. По мнению С.Н. Паниной, диск мог выполнять функции древнего промыслового календаря (Панина, 1999, С. 22). В.Д. Викторова предлагает другую интерпретацию диска, связанную с удачей на рыбалке (Викторова, 2008, С. 43).

Похожий диск с гравировкой найден С.Н. Савченко во время разведки на Аятском озере (поселение Шайдуриха 33) (Жилин, 2007, С. 24; рис. 147). Он крупнее вышеописанного, также имеет овальную форму, его размеры – 15,4 × 12,7 × 3,5 см (рис. 5, 13). Гравировка на нем похожа на эскиз для первого диска: от сверлины идут парные радиальные линии, но сдвоенные и уже без насечек. Также в промежуток между двумя линиями, но только на одном участке вписан угол, очень острый. На обеих плоскостях присутствуют и другие гравированные линии и риски, которые не вписываются в орнаментальную схему. Это еще больше показывает незавершенность замысла гравировки.

Условно к орудиям можно отнести булавовидное изделие, найденное в составе клада, оставленного на краю могильной ямы – погребение с лодкой в могильнике Бузан 3 (Ялуторовский р-н Тюменской обл.) (Матвеев и др., 1997, с. 156). Оно выглядело в виде своеобразного «пирожка» с отверстием в центре (размеры не указаны). На выпуклой стороне орудия были выгравированы какие-то отличающиеся друг от друга знаки (Матвеев, 2004, С. 101–103).

Очень небольшой серией представлены украшения с гравировками. Кроме описанных выше фигуративных подвесок с Усть-Кедвы II и Муллино III следует отметить подвеску с мезолитической стоянки Парч I (Усть-Куломский р-н Республики Коми). Подвеска изготовлена из глинистого алевролита, имеет веретенообразную форму, ее высота 7,7 см. На обоих концах и в центре изделия прорезаны 4 круговые канавки (Карманов, 2006, С. 64; рис. 5, 1).

Несколько интересных подвесок происходят с культового центра на Шайтанском озере. На одной из них, сломанной по сверлине, прочерчен косой крест (рис. 5, 7). Также косой крест нанесен на такой же небольшой подвеске, но без отверстия (рис. 5, 8) (Сериков, 2004,

С. 100). Еще на одной подвеске (все они изготовлены из темно-красного шифера – пирофиллитового сланца) на обеих плоскостях сохранились следы шлифовки на крупнозернистом абразиве. Длинные царапины расположены горизонтально и идут параллельно друг другу. Поскольку боковые края подвески тщательно заглажены, можно предположить, что грубая штриховка на изделии оставлена намеренно и могла восприниматься как своеобразный орнамент. Возможно, в данную категорию изделий следует отнести подвески, у которых по всему периметру техникой глубокой резьбы оформлены многочисленные зубчики. Обычно они изготовлены из пирофиллитового сланца, имеют каплевидную или овальную форму и небольшие размеры – 1–1,5 см (рис. 5, 6, 9–10). В энеолитическом Аятском погребении среди 52-х шиферных подвесок 30 имели по краю мелкие резные зубчики (Берс, 1976, С. 198; рис. 7, 1–7, 24). Подобные подвески достаточно хорошо известны в энеолитических комплексах Урала и Западной Сибири (Носкова, Каракаров, 2008, С. 151; рис. 5, 1). Еще одно изделие имеет форму круга с отверстием в центре. Диаметр украшения 2,3 см, толщина – 1,5 мм. По части периметра изделия нанесены очень неглубокие насечки (рис. 5, 11). Из-за своей толщины и рельефно невыраженных зубчиков оно вряд ли могло использоваться в качестве штампа. Скорее всего изделие можно рассматривать в качестве своеобразной нашивки. На Крутяках I была найдена трапециевидная, с вогнутой стороной нашивка с просверленными по углам отверстиями (одно недосверлено). Длина изделия 2,6 см, ширина 1,7 см, толщина 0,6 см. На одной ее стороне в бессистемном порядке прорезаны прямые и волнистые линии, а на другой – косой крест (рис. 6, 10). На памятнике присутствуют материалы эпохи мезолита и раннего железного века.

В группу «других изделий» отнесены так называемые «утюжки» и пряслица. Эти две категории находок достаточно многочисленны и разнообразны, требуют отдельного исследования и в данной работе не рассматриваются.

Также в эту группу отнесена находка из святилища в Пещере Туристов. Ее можно считать уникальной, так как выполнена она из халькопирита золотистого цвета. В силу неизвестных нам причин халькопирит никогда не использовался в древности. Это первая находка халькопиритового изделия на территории Урала. Оно сильно фрагментировано. Сохранившийся обломок имеет размеры 3,2 × 3,0 × 2,7 см. Первоначальную его форму из-за фрагментарности установить сложно. Возможно, это была усеченная пирамида. Сохранилась центральная площадка с прорезанными на ней тремя параллельными канавками. От этой площадки под острым углом отходят три шлифованных плоскости (на месте четвертой присутствует слом) (рис. 6, 9). Изделие носит следы пребывания в огне. Его функциональное назначение остается неизвестным (Сериков, 2007, С. 137).

Третья группа гравировок по камню – это гравировки на гальках и плитках. Практически везде такие гравированные предметы называют «чурингами», но на Урале это название не привилось. Видимо, это связано с тем, что такие находки на Урале достаточно редки и не столь выразительны по сравнению с другими регионами.

На палеолитической стоянке Шированово II найдена шлифованная плитка сланца, на одной стороне которой прочерчены идущие в разных направлениях прямые линии (Макаров, Павлов, 2007, С. 12; рис. 6, 31). Возможно, эту гравировку можно поставить в один ряд с палеолитическими орудиями со стоянки Костенки 12, меловая корка на которых украшена тонкой штриховкой (Рогачев, Аникович, 1984, С. 231). Эту гравировку нельзя считать орнаментом, так как она асимметрична и не связана с контурами предмета. Тем не менее, в тщательно выгравированных разнообразных линиях определенно заключался какой-то смысл, поэтому такие гравировки можно считать знаковыми, символическими изображениями, расшифровка которых долгое время будет вариативной и предположительной (Рогачев, Аникович, 1984, С. 231).

Возможно, к гравированным изображениям следует отнести подвески из членников окаменевших морских лилий и окаменевших раковин. На их поверхности присутствует нанесенный самой природой узор, который очень легко принять за гравировки (рис. 6, 4–5). Украшения из окаменевших раковин и кораллов известны на стоянках Сунгирь, Костенки 14 и 17. На стоянке Амвросиевка найдены членники морских лилий (4 экз.) с просверленными в центре отверстиями. Украшения из окаменелостей использовались и в более поздние эпохи. Бисери-

на из членика морской лилии найдена возле черепа погребенного в мезолитическом ярусном погребении могильника Минино I (Кубенское озеро, Вологодская обл.). На энеолитической стоянке Володары в составе одного из кладов (клад 7) найдено три просверленных окаменевших аммонита (Сериков, 2005б, С. 381).

На Урале находки окаменелостей известны в основном в культовых памятниках. На реке Чусовой в уникальном пещерном святилище, расположенном на отвесной скале Камня Дырчатого, найден окаменевший стебель морской лилии, а в Кумышанской пещере – окаменевшие морская губка и раковины. Еще один стебель лилии выявлен в Шайтанской (Лобинской) пещере (р. Лобва). В энеолитическом культовом центре Шайтанского озера найден обломок окаменевшей раковины (Сериков, 2006, С. 417).

Любопытнейшими находками, бесспорно, культового характера являются изделия из окаменевших раковин брахиопод, найденные на стоянке Муллино на Южном Урале. Прилепленные округлые кусочки перламутра превратили раковины в скульптурные изображения сов, у которых кружки перламутра изображали глаза птиц (Матюшин, 1982б, С. 211).

Гравированные гальки, которые можно отнести к чурингам, на территории Урала становятся известны с эпохи мезолита. На мезолитической стоянке Ильмурзино (Башкортостан) найден обломок плоской гальки, на ровной поверхности которой выгравировано 13 параллельных линий (рис. 6, 6) (Матюшин, 1976, С. 76). Еще одна галька длиной около 4,5 см выявлена в мезолитическом слое Кокшаровско-Юрынской II торфяниковой стоянки (раскопки М.Г. Жилина) (Кокшаровский торфяник, Свердловская обл.). Посередине гальки прорезана глубокая прямая линия, с двух сторон ее окаймляют две линии покороче (рис. 6, 7). Следует отметить, что самая крупная серия чуринг (65 экз.) зафиксирована в мезолитическом и ранненеолитическом слоях стоянки Замостье-2 (Сергиево-Посадский район Московской обл.) (Лозовский, 1997, рис. 1, 2) (рис. 6, 13–15). Единичные находки орнаментированных галек известны на целом ряде мезолитических и неолитических памятниках лесной зоны Европейской России (Искусство каменного века, 1992, С. 73–74; Васильева, 2007, С. 75–76). И уральские чуринги, видимо, являются самыми восточными находками орнаментированных галек. Культовое использование чуринг никем не оспаривается, однако что они собой представляли и для чего конкретно использовались, остается неизвестным.

Подобные находки известны и в более поздние эпохи, но гравировки на них выглядят очень простыми и представлены обычно простыми линиями и насечками. В культовом центре эпохи энеолита, расположенном на Шайтанском озере, выявлено сразу четыре гравированных изделия. Одно из них – отколотый кусок гальки песчаника, на который нанесены ритмические насечки (рис. 6, 17). Второе – плитка коричневого сланца, на которой выгравирована зигзагообразная линия (рис. 6, 11) (Шаманаев, Зырянова, 1999, С. 85). Еще одна плитка, покрытая тонкой штриховкой, залегала в разрушенном энеолитическом погребении (Сериков, 2002г, С. 37). Последнее изделие в виде уплощенного конуса высотой 6,5 см вырезано из талька. С двух сторон на нем присутствуют вырезанные каменным резцом линии, параллельные краям изделия и друг другу. В центре изделия этим же резцом нанесены короткие перпендикулярные линии (рис. 6, 16). Возможно, данное изделие следует отнести в другую группу гравированных предметов (к скульптурам?), а не к галькам и плиткам.

Галька, украшенная резными линиями, найдена на многослойном памятнике на озере Нижнее под Североуральском (Свердловская обл.). Интересной находкой является плоская круглая галька полупрозрачного кварца диаметром около 7 см. На противолежащих ребрах гальки нанесены короткие насечки, с одной стороны четыре, с другой – одна. Найдено это редкое изделие на одной из стоянок бронзового века в Республике Коми (Археология Республики Коми, 1997, С. 249; рис. 26, 43). Также эпохой бронзы датируется галька сапожковидной формы с селища Барсова гора I / 40 (окрестности Сургута Тюменской обл.). В нижней части гальки на сглаженной грани нанесено 7 коротких насечек (рис. 6, 8) (Чемякин, 2008, С. 57).

Анализ гравированных предметов позволяет сделать еще одно уточнение, касающееся гравированной тальковой гальки с острова Вишневый (она описана в группе фигуративных гравировок). Авторы находки считают возможным трактовать выгравированный орнамент в виде ромбов как изображение человека (Петрин, Усачева, 2003, С. 83–85). Однако сравнение

данной гальки с известными чурингами показывают их полное сходство, вследствие чего ее и следует считать не скульптурой, а чурингой.

Семантика гравированных на камне изображений – это тема специального исследования. Орнаментальные гравировки, по-видимому, усиливали какие-то сакральные значения гравированных предметов: скульптур, орудий, украшений, «утюжков», пряслиц, чуринг. Можно предположить, что сюжетные фигурные гравировки являются зашифрованными мифологемами. Семантика таких геометрических фигур как ромб, косой крест неоднократно рассматривалась разными исследователями (Федоров, 1961; Амброз, 1965; Рыбаков, 1972; Калинина, 2006). В частности, по представлениям мансиjsкого населения, изображение ромба на фигуре являлось символом жизненной силы и символизировало принадлежность ее к миру живых существ (Гемуев, Сагалаев, 1986, С. 19–20). А косой крест у хантов служил символом охраны. Расшифровка гравированных фигур и знаков возможна только с учетом археологического контекста.

Литература

- Абрамова З.А., Синицын А.А. Искусство в контексте проблемы периодизации верхнего палеолита Костенок // Костенки в контексте палеолита Евразии. Вып. 1. Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы (материалы Международной конференции, посвященной 120-летию открытия палеолита в Костенках). СПб., 2002.
- Археология Республики Коми. М., 1997.
- Берс Е.М. Поздненеолитическое погребение на р. Аяль в Среднем Зауралье // СА. 1976. № 4.
- Большов С.В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н.э.). Йошкар-Ола, 2006.
- Буров Г.М. Древний Синдор (Из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). М., 1967.
- Васильева Н.Б. Чуринга с мезолитической стоянки Котовский Мыс на оз. Кумзера // Каменный век Европейского Севера. Сыктывкар, 2007.
- Викторова В.Д. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего металла) // Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН. 2008. № 1 (23).
- Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы. М., 2001.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси (культовые места XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1986.
- Герасименко А.А. Древний календарь и календарная мифология населения Среднего Зауралья (опыт интерпретации одной находки) // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004.
- Диков Н.Н. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан, 1993.
- Дэвлет Е.Г. Альтамира: у истоков искусства. М., 2004.
- Дэвлет М.А. Изображения шаманов и их атрибутов на скалах Саянского каньона Енисея // Международная конференция по первобытному искусству. Труды. Т. 1. Кемерово, 1999.
- Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г. Изображения шаманов в наскальном искусстве // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тезисы докладов юбилейной конференции, посвященной 60-летию кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1999.
- Жилин М.Г. Отчет о работах в Свердловской области в 2007 г. // Архив ИА РАН. З-1.
- Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М., 1992.
- Калинина И.В. Орнаментальные композиции на мезолитических наконечниках стрел в связи с культовым характером пещеры Камень Дыроватый // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. 1. Тверь, 2006.
- Карманов В.Н. Мелкая пластика европейского северо-востока (материалы к каталогу) // Ученые записки Нижнетагильской социально-педагогической академии. Общественные науки. Нижний Тагил, 2006.
- Килуновская М.Е. Шаманистические мотивы в наскальном искусстве народов Саяно-Алтайского нагорья // Международная конференция по первобытному искусству. Труды. Т. 1. Кемерово, 1999.

- Костылева Е.Л., Уткин А.В. Произведения изобразительного искусства VI–III тыс. до н.э. из собрания Археологического музея ИвГУ. Каталог. Иваново, 2007.
- Литвиненко Ю.П., Сериков Ю.Б. Новые находки произведений первобытного искусства на территории Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург, 1998.
- Лозовский В.М. Искусство мезолита-раннего неолита Волго-Окского междуречья (по материалам стоянки Замостье–2) // Древности Залесского края: материалы к международной конференции «Каменный век европейских равнин». Сергиев Посад, 1997.
- Макаров Э.Ю., Павлов П.Ю. Стоянка Шированово II – новый памятник позднего палеолита в бассейне Верхней Камы // Каменный век Европейского Севера. Сыктывкар, 2007.
- Матвеев А.В. Затерянный мир Ингальской долины. Тюмень, 2004.
- Матвеев А.В., Зах В.А., Волков Е.Н. Исследование энеолитического могильника Бузан 3 в Ингальской долине // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. Тюмень, 1997.
- Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.
- Матюшин Г.Н. Поселение Муллино III в Приуралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982а.
- Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982б.
- Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю. Стоянка Горная Талица на р.Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории в Удмуртии. Ижевск, 1987.
- Мириманов В.Б. Искусство и миф. Центральный образ картины мира. М., 1997.
- Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.
- Никитин В.В. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1996.
- Никитин В.В., Никитина Т.Б. К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола, 2004.
- Носкова Л.В., Каракаров К.Г. Энеолитический могильник Старые Покачи 5.1 на реке Аган // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург–Сургут, 2008.
- Окладников А.П. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири // СА. Т. X. 1948.
- Панина С.Н. Итоги полевых исследований Свердловского областного краеведческого музея (1977–1997) // III Берсовские чтения. Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 1999.
- Панина С.Н. Культовые предметы в собрании археологических коллекций Свердловского областного краеведческого музея // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
- Петрин В.Т., Усачева И.В. Антропоморфная скульптура эпохи неолита с Южного Урала // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003.
- Петрин В.Т., Усачева И.В. Каменные навершия с оз. Аргази // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М., 1984.
- Россадович А.И., Сериков Ю.Б., Старков В.Ф. Древнейшая скульптура лесного Зауралья // СА. 1976. № 4.
- Сериков Ю.Б. Орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // Материалы международной конференции «Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры». Сергиев Посад, 2001.
- Сериков Ю.Б. «Культ голов» в каменном веке Урала // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Материалы международной научной конференции. Ижевск, 2002а.
- Сериков Ю.Б. Каменное навершие с гравировками с восточного склона Среднего Урала // Вестник Сибирской Ассоциации Исследователей Первобытного искусства. Вып. 5. Кемерово, 2002б.
- Сериков Ю.Б. Произведения первобытного искусства с восточного склона Урала // Вопросы археологии Урала. Вып. 24. Екатеринбург, 2002в.
- Сериков Ю.Б. Энеолитическое погребение с Шайтанского озера // Ученые записки НТГПИ. Общественные науки. Т. 2. Ч. 2. Нижний Тагил, 2002г.

- Сериков Ю.Б. Орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // Образы и сакральное пространство древних эпох. Екатеринбург, 2003.
- Сериков Ю.Б. Подвески и нашивки энеолитической эпохи (по материалам культового центра на Шайтанском озере) // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004.
- Сериков Ю.Б. Гальки и их использование древним населением Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2005а.
- Сериков Ю.Б. Использование древним человеком окаменелостей и костей вымерших животных // Эволюция жизни на Земле: материалы международного симпозиума. Томск, 2005б.
- Сериков Ю.Б. Использование природных форм в культовой практике древнего населения Урала // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. I. Тверь, 2006.
- Сериков Ю.Б. Изделие из халькопирита // Nota Bene. Вып. I. Случайная находка. Новосибирск, 2007.
- Сериков Ю.Б., Серикова А.Ю. Мамонт в мифах, этнографии и археологии голоцене // РА. 2004. № 2.
- Спицын А.А. Шаманские изображения // Записки отделения Русской и Славянской археологии Российского Археологического общества. Т. 8. Вып. 1. СПб., 1906.
- Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М., 1985.
- Чайкина Н.М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. Екатеринбург, 1998.
- Чайкина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005.
- Чемякин Ю.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут–Омск, 2008.
- Ченченкова О.П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н.э. Екатеринбург, 2004.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ. Вып. В4–12(2). М., 1971.
- Шаманаев А.В. Изделие с гравировкой эпохи энеолита из горно-лесного Зауралья (поселение Горушки I) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. СПб, 2004.
- Шаманаев А.В., Зырянова С.Ю. Предметы культового назначения стоянки Шайтанское Озеро I // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. Ч. 1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Материалы конференции. Екатеринбург, 1999.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАВЗОЛЕЯ КАЗАНСКИХ ХАНОВ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ О РАСКОПКАХ 2004–2005 гг.)*

А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин, М.В. Сивицкий

Институт истории им. Ш.Марджсани АН РТ, г. Казань

Данный объект, неоднократно упоминаемый в письменных источниках середины XVI в. («Казанский летописец», «Записки Андрея Курбского»), впервые был открыт и частично исследован летом 1977 г. Казанской археологической экспедицией Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР под руководством проф. А.Х. Халикова. Руины белокаменных сооружений, стратиграфически связанных с слоем ханского времени, были обнаружены у кирпичной стены между башней Сююмбике и Дворцовой (Введенской) церковью во время рытья траншеи для канализационных труб (Мухамадиев, Халиков, Шавохин, 1978, с. 188). Некоторые результаты своих исследований А.Х. Халикову удалось опубликовать лишь в годы перестройки в виде научной-популярной статьи (Халиков, 1992, с. 63–64). В сборник «Мавзолеи Казанского кремля», изданный в 1997 г., уже после смерти исследователя, была включена часть материалов его научного отчета, хранящегося в архиве Института археологии РАН (Халиков, 1997).

По признанию А.Х. Халикова, определение функционального назначения изученных сооружений не составляло труда: это были мавзолеи с остатками богатых погребений. В первом мавзолее, датированным серединой или второй половиной XV в., была вскрыта могила с захоронением мужчины средних лет (погр. 1). По предварительному заключению исследователя, этот мавзолей мог принадлежать основателю Казанского ханства Махмуду (Махмутеку русских летописей; ум. в начале 1460-х гг.) или его отцу Олуг-Мухаммеду (ум. в 1445 г.). Второй мавзолей, воздвигнутый в первой половине XVI в., представляла собой, скорее всего, семейную усыпальницу с тремя костяками – двух взрослых (один – плохой сохранности, пол не определен) и одного детского (также плохой сохранности). Погребенного в центральной могиле (погр. 2) А.Х. Халиков склонен был идентифицировать с Сафа-Гиреем (ум. в 1549 г.).

Археологически выявленные мавзолеи находились, по всей вероятности, в некрополе знати, располагавшемся в северо-западной части ханской резиденции, недалеко от ханской мечети в районе современной башни Сююмбике.

Коллективом специалистов из различных научных учреждений Москвы, Казани и Самары комплексному антропологическому изучению были подвергнуты два взрослых костяка из погребения 1 (мавзолей I) и погребения 2 (мавзолей II). Программа исследований предусматривала определение физического (антропологического) типа, возраста, образа жизни погребенного, патологических изменений на костях и пр. Конечным итогом исследований явилось создание графической и пластической реконструкции погребенных, выполненной старшим научным сотрудником Института этнологии и антропологии РАН Т.С. Балуевой (Балуева, 1997, с. 148 и сл.). На заключительном этапе работы результаты исследований антропологов и археологов были сопоставлены с данными письменных источников. В итоге появилось основание говорить о возможной принадлежности изученных в 1977 г. мавзолеев казанским ханам Махмуду (Махмутеку) и Мухаммед-Эмину (ум. в 1518 г.) (Хузин, Газимзянов, 1997).

В 2004–2005 гг. нам была предоставлена возможность продолжения раскопок ханских мавзолеев. Площадь раскопа LXV составила около 310 кв.м. В раскоп попала не исследованная А.Х. Халиковым юго-западная часть белокаменного сооружения и часть православного некрополя, начало функционирования которого относится к второй половине XVI в.

Основным объектом исследования на раскопе были руинированные остатки прямоугольного каменного сооружения размерами 17,5 x 6,5 м, вытянутого по направлению с северо-запада на юго-восток. Данный объект был правильно определен А.Х. Халиковым как мавзолей казанских ханов второй половины XV – первой половины XVI вв. Сохранность его плохая: до нас дошли лишь основание и нижняя часть кладки стен (в 4–8 рядов), сложенной из

* Рисунки и фото к статье см. на цветной вклейке.

необработанных или полуобработанных известняковых камней разных размеров, скрепленных известково-глинистым раствором. Любопытно, что на разрушенной каменной стене отмечены следы двух небольших ямок овальной формы, в которых лежали детские скелеты. Это, скорее всего, погребения малолетних, еще некрещенных детей, располагавшиеся в периферийной части православного кладбища.

Пол выложен из плитчатого известняка, также без следов дополнительной обработки, толщиной не более 4–7 см. В процессе раскопок были обнаружены обломки облицовочных плиток из алебастра, несущих на поверхности следы краски серого цвета.

Строительный горизонт сооружения в виде прослойки каменного щебня с супесчано-суглинистыми включениями толщиной 8–12 см выявлен в нижнем горизонте III слоя культурных отложений, накопленных в период Казанского ханства. В строительном горизонте обнаружены медные монеты – чешуйки новгородской чеканки начала 60-х годов XV в., которые датируют время сооружения мавзолея и, очевидно, первого погребения в нем, приписываемого нами хану Махмуду (погр. 1 из раскопок 1977 г.).

В полевой сезон 2004 г. в юго-восточной половине мавзолея выявлено еще три погребения. Было решено расчистить лишь плохо сохранившиеся наземные сооружения над могилами, представляющие собой ступенчатые пирамиды с усеченным верхом, сложенные из четырех горизонтально уложенных друг на друга каменных платформ, имеющих размеры у основания 120 x 210–230 см. Ориентированы они по направлению северо-восток – юго-запад, т.е. в сторону кыблы.

У юго-западного угла раскопа, но уже за пределами мавзолея, выявлено еще одно погребение, стратиграфически относящееся к IV позднезолотоордынскому слою. Могильное пятно прямоугольной в плане формы (90 x 175 см) четко выделялось на фоне желтого суглинка. Выкид из ямы перекрывала вышеупомянутая прослойка строительного горизонта каменного мавзолея с монетами-чешуйками 60-х годов XV в. В могиле расчищен скелет женщины в двойном деревянном гробу, от которого сохранились следы древесного тлена, железные оковки по углам и более десяти кованых гвоздей. Следует заметить, что изученные А.Х. Халиковым погребения также лежали в двойном гробу, что, очевидно, было характерным для погребального обряда феодальной верхушки Казани. По черепу с небольшими монголоидными признаками выполнена пластическая реконструкция молодой женщины.

Западный и северо-западный угол раскопа занимало православное кладбище, где вскрыто более ста погребений, совершенных по традиционному христианскому обряду: в гробах, вытянуто на спине с ориентировкой головы на запад, в области груди у некоторых лежали кресты. Погребения датируются в пределах второй половины – конца XVI – XVIII вв.

В настоящее время раскоп LXV законсервирован по проекту реставраторов и архитекторов Государственного музея-заповедника «Казанский кремль» и доступен для туристического обозрения. Материалы раскопа будут опубликованы в специальном томе «Трудов Казанской археологической экспедиции».

Литература

Балуева Т. Реконструкция черепов из мавзолеев Казанского кремля по методу М.М. Герасимова // Мавзолеи Казанского кремля. (Опыт историко-антропологического анализа). – Казань, 1997.

Мухамадиев А.Г., Халиков А.Х., Шавохин Л.С. Раскопки в Казанском кремле // Археологические исследования 1977 г. – М., 1978.

Халиков А. Что, башня, в имени твоем? // Татарстан. – 1992. – № 11–12.

Халиков А.Х. Остатки ханских мавзолеев в Казанском кремле (по материалам раскопок 1977 г.) // Мавзолеи Казанского кремля. (Опыт историко-антропологического анализа). – Казань, 1997.

Хузин Ф., Газимзянов И. Историческая атрибуция захоронений из мавзолеев Казанского кремля // Мавзолеи Казанского кремля. (Опыт историко-антропологического анализа). – Казань, 1997.

ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ БАЛАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МАРИЙСКО-ЧУВАШСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Б.С. Соловьев

Марийский НИИ языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, г. Йошкар-Ола

Прежде чем перейти к анализу расселения носителей балановской культуры в Марийско-Чувашском Поволжье, необходимо рассмотреть ландшафтно-климатический облик региона. Л.Н. Гумилев справедливо считал этнос явлением географическим, всегда связанным с питающим его ландшафтом (Гумилев, 1990. С. 17).

В широтном направлении рассматриваемая территория разделена р. Волгой на Заволжье (юг Ветлужско-Вятского междуречья) и Предволжье (Приволжская возвышенность Русской равнины).

В Заволжье выделяются две физико-географические области, включающие структурно-ландшафтные районы (Васильева, 1979).

Южно-таежная область возвышенности Вятского увала охватывает 46% территории Республики Марий Эл.

Волго-Вятский водораздельно-возвышенно-равнинный район находится на северо-востоке области. Поверхность – всхолмленная, абсолютные высоты (здесь и далее – по Балтийской системе координат) достигают 265 м, глубина речных пойм – 150 м, на востоке – 75–100 м. Слоны долин крутые, изрезанные древними и молодыми оврагами, 8–21% территории составляют небольшие изолированные елово-пихтовые сообщества, большей частью, приуроченные к краям речных террас. По гидрографии район в основном тяготеет к бассейну Вятки (Буй, Немда, Уржумка), в меньшей степени, Волги (верховья Иletи с притоками). Изредка встречаются озера и пойменные болота низменного и переходного типов. Доминирующие почвы – серые и бурые лесные подзолы.

Иletский возвышенно-равнинный южно-таежный район занимает юг области. *Пересеченный рельеф сформирован р. Иletь и ее притоками Ировкой, Шорой, Вончой, Ашитом, Юшутом.* Обычны карстовые и пойменные озера. В долинах и на водоразделах имеются низовые и верховые болота. Глубина эрозионного расчленения составляет 125–175 м. Треть лесов, занимающих около 60% территории, состоит из сосняков и ельников, остальная доля приходится на лиственные породы. Распространены дерновые подзолистые, бурые, серые лесные песчаные почвы.

Южно-таежная область Марийской низины занимает запад Заволжья.

Йошкар-Олинский водораздельно-равнинный район смешанных лесов занимает верхнее и среднее течение р. Малая Кокшага. Это – понижающаяся к юго-западу плоская низменная равнина с логами и лощинами. Встречаются небольшие холмообразные возвышения – «пуги» – высотой 6–7 м. Глубина эрозионного расчленения составляет 25–75 м. Озер мало, редкие низинные болота сосредоточены в поймах. Почвы – дерновые подзолистые. В составе лесов (около 30% площади), как правило, привязанных к речным долинам, преобладают березняки и осинники, на водоразделах доминируют ельники.

Кильмарский южно-таежный район флювиогляциальной равнины занимает северо-западную часть Марийской низменности. Почвы – подзолистые, супесчаные, торфяно-болотные. Гидрографическая сеть с глубиной врезания 50–60 м представлена Ветлугой, Руткой, Большими Кундышем, Большой Кокшагой, их многочисленными притоками. Имеются долинные карстовые озера. Лесные формации состоят из сосны, ели, вторичных березняков, липняков, осинников; на западе концентрируются сосновые массивы.

Полесский долинно-террасовый озерный район смешанных лесов, расположенный на юго-западе области, включает нижнее Поветлужье и левобережье Волги. Типичная низменность, сложенная рыхлыми аллювиальными отложениями, характеризуется наличием многочисленных дюнных и гравистых микровсхолмлений, развитой системой рек, обилием проплавных и междюнных озер, болот верхового, переходного и низинного типов, занимающих

свыше 30% площади района. Резко выделяется Липшинское плато в правобережье Большой Кокшаги. Почвы – дерновые подзолистые, слаборазвитые среднеподзолистые, песчаные и торфяные болотные. Из-за слабой дренированности, заболоченности обычны повышенная влажность и сглаженные климатические показатели. Около 80% территории занято сосновыми (54%), еловыми (4%), мелколиственными (33%), дубовыми (3%) лесами.

В Левобережье сосновые, еловые и пихтовые леса в середине прошлого столетия составляли соответственно 39% и 16%, лиственные – 42% (Данилов, 1956; Чистяков, Денисов, 1959).

Марийско-Чувашское Предволжье относится к Северо-Приволжской провинции широколиственных лесов Русской равнины (Мильков, 1953. С. 264). А.В. Ступишиным выделено два физико-географических района, располагающихся в северной половине Свияжско-Сурского междуречья (Физико-географическое районирование Среднего Поволжья, 1964. С. 20–28).

Чебоксарский физико-географический район охватывает нижнее Присурье и прилегающее волжское правобережье. Ландшафт сформирован деятельностью притоков Суры и Волги, среди которых по величине и протяженности главную роль играют Цивиль, Юнга, Малая Юнга, Сумка, Сундырь. Преобладающими формами рельефа являются волнистые водоразделы. Средние высоты – 150–170 м, наиболее возвышенная часть (215 м) приходится на Сурско-Цивильское междуречье. Типична сложная разветвленная система оврагов, балок, мелких рек с глубокими поймами. Небольшие вторичные смешанные и широколиственные леса сохранились вблизи коренных террас Волги и Суры. Лесистость Марийского Предволжья – не более 5%. Почвы – дерново-подзолистые лесостепные, на юге – серые оподзоленные лесостепные.

Цивиль-Кубинский физико-географический район, включающий бассейны Аниша, Большого и Малого Цивиля, Вылы, Кубни, Свияги, – холмистая равнина, состоящая из уплощенных водораздельных плато. В речных долинах встречаются куполовидные холмы. Средние абсолютные высоты составляют 140–180 м, максимальные (до 230 м) отмечены в междуречье Свияги и Аниша. Древесный покров представлен изолированными рощами и куртинами. Часть Присурья занята смешанными и широколиственными лесами. Распространены подзолистые дерновые и серые оподзоленные лесостепные почвы, на юго-востоке – деградированные черноземы.

Климат региона – умеренно-континентальный. Минимальные температуры по Цельсию: -12° – 47° , максимальные: $+19^{\circ}$ – 38° . Высота снежного покрова достигает 56 см, продолжительность холодного периода 165 дней. Несмотря на незначительное расхождение сезонного распределения температур, и осадков, климатические условия Правобережья более мягкие.

Приведем данные для реконструкции природной среды в период функционирования балановской культуры. При этом корректно использование материалов средневолжских абашиевских памятников. Отметим, что существование балановско-фатяновских племен соответствует второй фазе суб boreала (4200–3200 лет от наших дней), а их появление – периоду первого суб boreального термического максимума (4200–3900 лет от наших дней) (Алешинская, Спириdonova, 2000. С. 354, 356. Рис. 1).

Возышенные районы Марийского Заволжья, судя по палинологическому анализу по гребеной почвы абашиевского Вильяльского могильника (Спиридонова, 2000. С. 159) и гипотезе А.Л. Александровского (Каховский, 1985. С. 26), включали открытые лесостепные пространства.

На севере Марийской низины в среднем и позднем голоцене существовали темнохвойные, широколиственные древесные формации при ограниченном распространении ксерофильных полынно-маревых сообществ (Никитин, Соловьев, 2002. С. 18). Уровень гидрологической сети в балановское время отражают расположение верхнего слоя Чирковской стоянки и абашиевского Мало-Кугунурского могильника 0,5–4 м над уровнем поймы (Халиков, 1960. С. 112; 1961. С. 193; Соловьев, 1984. С. 84).

Согласно споро-пыльцевым спектрам поселений Юркинское I и Нижняя Стрелка IV с балановской и атликасинской керамикой, на юге Марийской низменности преобладали сосновые массивы, соседствующие со смешанными лесами, включающими ель, березу, липу (Спиридонова, 2000. С. 158).

Природную среду Предволжья отражают материалы Балановского и Медякасинского могильников. В горизонте, соответствующем времени существования Балановского могильника, 68,5% составляла пыльца древесных пород: березы (49%), липы (34,5%), сосны (8%), ели (5%), широко представлены споры, травянистые и кустарничковые растения: полынь, лебедовые, горчичные, гвоздичные, сложноцветные (Бадер, 1963. Табл. 1). По мнению Г.Н. Лисицыной, близлежащая местность была покрыта березовыми, елово-сосновыми, широколиственными лесами, О.Н. Бадер предположил существование в Чувашском Правобережье широколиственных лесов с обширными открытыми пространствами (Бадер, 1963. С. 283–284).

Погребенная почва хуласючского Медякасинского кургана содержала пыльцу сосны, ели, березы, вяза, злаковых, лебедовых, осоковых (Трубникова, 1960. С. 42); абашевского Вилловатовского II могильника – сосны (96%), березы, липы, при высоком участии маревых среди пыльцы травянистых растений (Спиридонова, 2000. С. 159).

Уже первые наблюдения без привлечения специалистов позволили высказать предположение о лесостепном ландшафте Чувашского Предволжья в эпоху бронзы (Смирнов, 1964. С. 28). Позднее эту точку зрения подтвердили палеопочвенные исследования А.Л. Александровского могильников Верхние Алгаши (абашевская культура), Атликасы (атликасинская культура?), Чичканы (культурная принадлежность не определена) (Каховский, 1985. С. 25–26). Алгашинские курганы были сооружены на лесостепной поверхности, отличающейся от современного светло-серого лесного покрова. Под Атликасинским курганом зафиксированы почвы, соответствующие условиям средней русской лесостепи.

Высказано несколько гипотез проникновения фатьяновско-балановских группировок в Ветлужско-Вятское междуречье.

Заселение из волжского правобережья (Бадер, Халиков, 1976. С. 77, 1987. С. 82). При этом следует предполагать движение в обход труднопроходимой Марийской низины по широким поймам Ветлуги и Иletи. Возможно, основным был ветлужский коридор, вдоль которого располагается цепочка памятников: Удельный Шумец VII, Юркино I, Косолаповское, Шурговаш, Большое Иевлево, Коммунар, Урень, Непряхино, Погрево, Федоровское и др.

Вторжение через Ярославское и Костромское Поволжье (Кривцова – Гракова, 1947. С. 23; Крайнов, 1972. С. 261).

Смешение верхневолжских и сурско-свияжских популяций (Крайнов, 1972. С. 261, 266).

Присутствие на Вятском увале и прилегающих равнинах балановского населения отображают многочисленные случайные находки каменных и медных орудий (Бадер, Халиков, 1976). Некоторые из них свидетельствуют о наличии здесь могильников. Приведем наиболее крупные комплексы. Бассейн р. Немды: Дубовляны – 14 сверленых, 6 клиновидных топоров, молоты с перехватом, медный наконечник копья; Масканур – 2 сверленых, 5 клиновидных топоров, клин с перехватом, пест; Мосино – 3 сверленых, 3 клиновидных топора, обломок булавы. У д. Павлушаты Новоторъяльского района РМЭ зафиксировано разрушенное грунтовое захоронение с балановской керамикой (Халиков, 1960. С. 77). Бассейн р. Малая Кокшага: Данилово (Княжна) – 3 сверленых, 3 клиновидных топора; Ронга – 7 сверленых, 5 клиновидных топоров; Марково (Кресты) – Малый Кутунур (49) – 1 клиновидный, 5 сверленых топоров; Кузнецово – 3 сверленых топора; Кадам – 1 клиновидный, 3 сверленых топора; Чирки – 3 сверленых, 2 клиновидных топора. Верховья р. Иletь: Старое Мазиково – 3 сверленых топора, клиновидный топор с перехватом; Малый Карамас – 2 сверленых топора, клиновидный топор, шаровидная булава. Южнее плотность находок сокращается. Любопытно их отсутствие на Сотнурском плато – одном из наиболее возвышенных участков нижнего течения р. Иletь.

В момент появления балановских племен Вятский увал не был заселен. Их раннее проникновение сюда отражают находки архаичных сверленых клиновидных, усеченных конических и плоских толстообушковых топоров с прямоугольным сечением (Бадер, Халиков, 1976. С. 77; Соловьев, 2004. С. 36–41). Северной границей этой группировки служила р. Пижма, западной – верховья р. Большой Кокшаги (Бадер, Халиков, 1976. Карта 1). Контакты с позднегаринским (юртиковским) населением левобережья р. Вятки отражают материалы поселе-

ний Буй I, II, Чернушка II, Усть-Курья (Денисов, 1958. С. 111; Трефц, 1985; Наговицин, 1991. С. 99–100; Голдина, 1999. С. 130).

Носители атликасинской культуры (Кожин, 1966, 2004; Соловьев, 2007 а), оставившие Новоселовскую стоянку, Синцовский курган, нижний слой Кубашевского городища, грунтовый могильник Марийская Лиса, возможно, Большеясиурский курган (Халиков, 1960. С. 77–80, 92–106; Бадер, Халиков, 1976. С. 86, 94, №№ 51, 281. Табл. 9), вероятно, проникли в Ветлужско-Вятское междуречье из Предволжья по долине р. Ильеть. Любопытно, что этот путь сыграл главную роль при заселении горными марийцами восточной части возвышенного За-волжья (Сепеев, 2006. С. 65). Ошпандинско-хуласюческие проявления здесь не улавливаются (Соловьев, 2004 а. С. 39).

Осваивая Марийскую низину, где известно свыше 30 памятников балановской культуры, мигранты столкнулись с поздневолосовским населением. Процессы адаптации и культурной интеграции, результатом которых стало формирование чирковской культуры, был сложным. Если вывод о соответствии процентного соотношения посуды смешанных поселений удельному весу ее носителей верен (балановско-атликасинские сосуды: Ахмылово II – 0,2%, Удельный Шумец VII – 17,6%, Нижняя Стрелка IV – 21,0%, Галанкина Гора – 32,4%, Юринская стоянка – 12,9%, Кубашевское поселение – 36,1%, то пришлый субстрат достигал трети этих общин (Соловьев, 2000. С. 34–35, 2004 б. С. 15).

Первоначально прослеживается включение в местную среду единичных представителей (женщин?) (Ахмыловское II поселение). О возрастающей роли пришельцев свидетельствует форма семейных очагов смежных полуземлянок поселения Нижняя Стрелка IV. В первой из них выявлены глубокие котловидные очажные ямы; во второй – типично балановские прямоугольные с плоским дном. Вблизи центрального кострища жилища 2 Удельного Шумца VII найдены балановский сосуд и обломок сверленого топора (Соловьев, 2000. С. 109–116).

Юго-западную окраину Галанкиной Горы занимали 4 жилища с преобладающим балановско-атликасинским материалом. Они выделяются организацией внутреннего пространства, включавшей два прямоугольных очага. Нахodka балановско-атликасинского горшка рядом с центральным кострищем постройки 6, служившей общественным домом или резиденцией лидера общины, позволяет предположить, что балановско-атликасинская диаспора, включавшая мужской и женский компоненты, занимала в коллективе достойное место (Соловьев, 2000. С. 118–119, 121).

Сравнительно небольшой балановско-атликасинский компонент Юринской стоянки был преимущественно мужским, на Кубашевском поселении прослеживается преобладание атликасинских культурных традиций (Соловьев, 2000. С. 119, 2004б. С. 17).

Участие в этих этнокультурных процессах балановско-атликасинского населения Предволжья подтверждает высокая степень сходства орнаментации керамики Балановского могильника и Галанкиной Горы (Соловьев, 2007 а. Табл. А). Прибрежные участки волжского левобережья мигранты контролировали до конца существования балановской культуры. В глубине Марийского Полесья зафиксированы единичные местонахождения балановской и хуласюческой керамики.

Вероятно, с поздними волосовцами контактировали коллективы Среднего и Нижнего Поветлужья. Об этой практически неизученной группировке можно судить по случайным находкам и разрушенным могильникам: Урень, Непряхино, Погрево, Федоровское и др. (Бадер, Халиков, 1976. С. 96–97. Карта 1; Гадзяцкая, 1976. С. 89, 93–94. Табл. I). Приведем сводку находок каменных балановско-фатьяновских топоров из районов нижнего и среднего Поветлужья Нижегородской области¹. Шарангский: д. Коммунар – 6 сверленых, собранных при строительстве фермы – могильник? (Шарангский РКМ); д. Барышники – 1 плоский клиновидный, 3 сверленых (Бадер, Халиков, 1976. С. 96; Соловьев, 1982. Л. 80. Рис. 67, 5). Воскресенский: с. Косолаповское – 2 сверленых (Гадзяцкая, 1976. С. 89, № 246); д. Шурговаш – 2 сверленых; д. Большое Иевлево – 2 сверленых (Воскресенский РКМ). Ветлужский: 5 сверленых, 2 клиновидных кремневых, молот со сверлиной и перехватом (Ветлужский РКМ).

¹ Благодарю Т.Б. Никитину и А.В. Михеева за информацию.

Одним из первых районов заселения Предволжья О.Н. Бадер и А.Х. Халиков, ссылаясь на материалы Козловского могильника и широкое распространение архаичных, по их мнению, шаровидных булав, массивных черешковых, плоских толстообушковых, сверленых клиновидных, втульчатых, пестиковых топоров, считали бассейн Свияги (Бадер, Халиков, 1976. С. 75). В Марийско-Чувашском Предволжье эпоха вторжения улавливается с трудом. Вероятно, пришельцы стремительно заняли Свияжско-Сурское междуречье, покинутое аборигенным волосовским населением.

По справедливому мнению П.М. Кожина исходную территорию сложения атликасинской культуры и пути ее проникновения на Среднюю Волгу определить невозможно (Кожин, 2004, С. 94). В.В. Ставицкий считая, что она могла сформироваться в Среднем Поочье и районах, расположенных к юго-западу от него, предполагает миграцию ее носителей по южным притокам Оки (Королев, Ставицкий, 2006. С. 179). Южный лесостепной облик этих сообществ не вызывает сомнения (Соловьев, 2000. С. 50). На мой взгляд, их движение происходила по долине Суры. Об освоении ими Сурско-Цивильского водораздела свидетельствуют курганные могильники Раскильдино, Атликасы, Кумаккасы, Верхние Ачаки, Саруй, Красный Октябрь, поселения Большое Янгильдино, Коснары, нижний горизонт Васильсурского II городища, местонахождения керамики Стемасы, Сурский Майдан, Моргауши.

Чересполосное расселение и тесные контакты двух близких групп населения создали благоприятные условия для культурной интеграции, наиболее ярким проявлением, которой являются синкретические комплексы Чурачикского кургана, Балановского, Ново-Сюрбеевского I, Таутовского I могильников, Тохмеевского, Шоркинского поселений. Дальнейшее развитие процесса иллюстрируют многочисленные ошпандинско-хуласюческие памятники (Соловьев, 2000. С. 97): Медякасы, Мамалаево, Сирмапоси, Сареево «Ножа-Вар», Чебаково I, Юваново, Янымово «Хорэнсор Сарчё», Ягаткино I, II, Абашево I, II, Калугино, Тиханкино, Тоганаши, Изванкино, Малые Яуши I, II. В основном они располагаются на западе Чувашской Республики (Соловьев, 2007 б. Рис. 1). Наиболее плотно было заселено устье Суры, где исследованы Ачинское, Хмелевское, Васильсурские II, V, Сомовские I, II поселения (Халиков, 1960. С. 130–140; Халиков, Халикова, 1963. С. 238–268; Патрушев, 1989. С. 103–114; Соловьев, 2000. С. 127–134. Рис. 56–59). О.Н. Бадер и А.Х. Халиков объясняли сокращение территории балановской культуры давлением абашевских, приказанских, поздняковских, чирковско-сейминских племен (Бадер, Халиков, 1976, С 79, 81–82). Начало данного процесса связано с появлением в регионе абашевского и сейминско-турбинского населения (Соловьев, 2000. С. 69, 2004в. С. 76–80).

Для характеристики расселения носителей балановской культуры в Марийско-Чувашском Правобережье можно привлечь случайные находки каменных и медных орудий. Следует учитывать, что их концентрация во многом зависит от антропогенного воздействия на окружающую среду. В лесных районах Марий Эл и Чувашии они почти не встречаются.

Прежде всего, выделим междуречье Суры и Вылы с прилегающим левобережьем Большого Цивиля. Кроме шести балановских, атликасинских, хуласюческих достоверных и трех предполагаемых могильников, восьми поселений, девяти местонахождений керамики здесь известно около 70 подобных находок.

Второй массив, охватывающий бассейны Аниша, Малого Цивиля, Бувы, Кубни, Булы, Карлы, вместе с памятниками Татарии и Чувашии свидетельствует о существовании в нижнем бассейне Свияги мощной балановско-атликасинской группировки (Бадер, Халиков, 1976. Карта 1).

Третий компактный куст охватывает Горномарийский район РМЭ, Ядринский и Моргаушский районы Чувашии. Заметно преобладание на этой территории ошпандинско-хуласюческих погребальных и поселенческих памятников.

Выделяются географические и исторические факторы, повлиявшие на расселение представителей балановской культуры в Марийско-Чувашском Поволжье. Первоначально главную роль сыграли ландшафтные особенности региона, располагавшегося на стыке лесной и лесостепной зон. Пришельцам удобнее было адаптироваться на слабо залесенных пустующих пространствах, более всего соответствующих их хозяйству и быту. Они не претендовали на

неблагоприятные для занятия скотоводством низменные южно-таежные области Заволжья, заселенные аборигенным охотниче-рыболовческим поздневолосовским населением, что привело к мирному сосуществованию этнокультурных групп, отличающихся системами хозяйства. Затем особенности размещения носителей балановской культуры в Волго-Камье были обусловлены миграциями абашевских и сейминско-турбинских популяций.

Литература

- Алешинская А.С., Спиридонова Е.А. Периодизация эпохи бронзы лесной полосы Европейской России (по палинологическим данным) // ТАС. Вып. 4. Т. I. Тверь.
- Бадер О.Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963.
- Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры // САИ. В1–25. М., 1976.
- Васильева Д.П. Ландшафтная география Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1979.
- Гадзяцкая О.С. Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-горьковская группа // САИ. Вып. В1–21. М., 1976.
- Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
- Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.
- Данилов М.Д. Растительность Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1956.
- Денисов В.П. Новые археологические памятники на р. Вятке // СА. 1958. №3.
- Каховский Б.В. Исследования Чувашской археологической экспедиции в 1983–1984 гг. // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа. Чебоксары, 1985.
- Кожин П.М О происхождении фатьяновской культуры. АДКИН. М., 1967.
- Кожин П.М. Атли-касинская культура в свете исследований балановской культуры О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. Казань, 2004.
- Королев А.И., Ставицкий В.В. Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза, 2006.
- Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972.
- Кривцова-Гракова О.С. Хронология памятников фатьяновской культуры // КСИИМК. Вып. XVI. 1947.
- Мильков Ф.Н. Среднее Поволжье. М., 1953.
- Наговицин Л.А. Новый памятник с балановской керамикой в бассейне р. Вятки // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. АЭМК. Вып. 19. Йошкар-Ола, 1991.
- Никитин В.В., Соловьев Б.С. Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы). ТР. МарАЭ. Т VII. Йошкар-Ола, 2002.
- Патрушев В.С. Сомовское I городище // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. АЭМК. Вып. 15. 1989.
- Сепеев Г.А. История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006.
- Смирнов А.П. Археологические исследования в Чувашии в 1956–1959 годах // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах. УЗ ЧНИИ. Вып. XXV. Чебоксары, 1964.
- Соловьев Б.С. Отчет о раскопках памятников эпохи бронзы и археологических разведках на территории Марийской АССР. Архив ИА РАН. 1982. Р-1, № 9259.
- Соловьев Б.С. Раскопки Мало-Кугунурской курганной группы // Новые памятники археологии Волго-Камья. АЭМК. Вып. 8. Йошкар-Ола, 1984.
- Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2000.
- Соловьев Б.С. Новые находки топоров балановской культуры на Вятском увале (материалы к археологической карте Республики Марий Эл) // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. АЭМК. Вып. 27. Йошкар-Ола, 2004 а.
- Соловьев Б. С. К вопросу о взаимодействии населения раннего бронзового века лесной полосы Среднего Поволжья // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. АЭМК. Вып. 27. Йошкар-Ола, 2004б.
- Соловьев Б.С. Сейминско-турбинское время на юге лесного Поволжья // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола, 2004в.

Соловьев Б.С. К вопросу об атликасинской культуре // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения). Материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 2007 а.

Соловьев Б.С. Хронологические рамки балановской культуры в Волго-Камье // Проблемы первобытной и средневековой археологии Волго-Камья. АЭМК. Вып. 30. Йошкар-Ола, 2007 б.

Спиридонова Е.А. Результаты палинологических исследований памятников эпохи бронзы на территории Республики Марий Эл // Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2000.

Трефц М.И. Поселение Буй 1 на Вятке // СА. 1985. № 4.

Трубникова Н.В. Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 г. // Вопросы археологии и истории Чувашии. УЗ ЧНИИ. Вып XIX. Чебоксары, 1960.

Физико-географическое районирование Среднего Поволжья. М, 1964.

Чистяков А.Р., Денисов А.Н. Типы лесов Марийской АССР (и сопредельных районов). Йошкар-Ола, 1959.

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы // ТР. МарАЭ. Т. I. Йошкар-Ола, 1960.

АРМЯНЕ В КАЗАНСКОМ ХАНСТВЕ

Р.Р. Сулейманов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Казанское ханство в силу своей территории (располагалось в Среднем Поволжье) и истории являлось изначально полиэтническим государством. Это средневековое государство, просуществовавшего в течение века (с середины XV до середины XVI века), населяли как тюркские (татары, чуваши, башкиры, ногаи), так и финно-угорские (мордва, марийцы, удмурты) народы. Исследователи не раз обращались к истории самого Казанского ханства, рассматривая его с различных сторон, будь то с социально-экономической, политической, военной и др., так и вниманием не было обделена этническая история этого многонационального государства (Более подробно см.: Хамидуллин Б.Л., 2002). Хотелось бы остановиться на малоизученном аспекте этноистории средневековой Казани, как истории армянской общины Среднего Поволжья, чьему крайне мало уделяют внимание (во многом по причине скудости источников) медиевисты.

Существование армянской общины в Казанском ханстве можно объяснить активной торговой деятельностью армян. Казанское ханство в этом отношении представляло удачной областью для средневекового бизнеса: государство находилось на пересечении крупнейших торговых путей, в особенности волжского, и являлось своего рода перекрестком, соединяющим Восток с Западом, так и Запад с Востоком. Торговля была той сферой, где национальные и религиозные границы стираются, что позволяло лучшему взаимопроникновению различных по происхождению культур, способствуя их обогащению.

Поселения армян на территории Среднего Поволжья появились задолго до возникновения Казанского ханства. В доказательство ранней истории армянского проникновения в исследуемый регион можно привести данные вещественных источников.

Еще по выписи 1712 года можно узнать, что около так называемой Греческой палаты в Болгаре (столица Волжской Булгарии – средневекового государства, существовавшего в IX–XIII вв. на территории современной Республики Татарстан. – Р.С.) «много есть кладбищные армянские письма» (ИОАИЭ, 1889, т. VII, С.1), т.е. были обнаружены могильные эпитафии (их насчитали в количестве четырех штук), которые относились к XIV веку, т.е. эпохе Золотой Орды.

Есть и более ранний источник, дающий информацию о существовании армян в Волжской Булгарии.

Летом 1882 года в Болгаре были обнаружены одним крестьянином два могильных камня с армянскими надписями вблизи так называемой Греческой Палаты (ИОАИЭ, 1889, т. VII, С. 1). В ходе археологических раскопок были обнаружены могилы, в одной из которых был обнаружен скелет мужчины, под другим – женщины. Найдки датируются 1121 годом, т.е. периодом расцвета Волжской Булгарии.

Все эти исторические данные не составляют сомнения, что армяне, вероятно, большей частью торговцы, приезжали в средневековый Болгар и селились в нем в западной его окраине (Татарский энциклопедический словарь, 1999. С. 40). Нужно полагать, что армянская колония здесь была немалочисленна, судя по многим кладбищенским эпитафиям (ИОАИЭ, 1889, т. VII, С. 5).

Причем стоит отметить, что религиозного гнета в самых крайних формах в Волжской Булгарии не существовало. Об этом свидетельствуют как арабские письменные источники, сообщавшие о проживании еще в X веке скандинавов-язычников в Булгаре (ярче всего это описал Ибн-Фадлан (Подробнее см.: Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, 1939), так и археологические находки в Биляре (другой город Волжской Булгарии), свидетельствующие о проживании, причем постоянном, русских (об этом факте дают подтверждения костей свиней, найденные археологами, что говорит о присутствии немусульман в мусульманском государстве). Вполне уместно предположить, что армяне смело могли селиться и в других городах

Волжской Булгарии, не испытывая жесткого религиозного давления. В том же сочинении Ибн-Фадлана говорится о торговых связях волжских булгар и армян: «Все они (булгары. – Р.С.) живут в юртах, с той только разницей, что юрта Царя очень большая, вмещающая тысячу душ, устланная большей частью армянскими коврами» (Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, 1939). Возможность хоронить своих единоверцев-соплеменников, да и к тому же устанавливать над их могилами эпитафии с армянскими письменами является еще одним доказательством в пользу веротерпимости светской власти Волжской Булгарии.

Ряд исследователей средневековой архитектуры не исключают того факта, что армянская архитектурная школа оказала влияние на формирование болгарского зодчества (Смирнов А.П., 1958, С. 330–359). В XI в. армянское население Великого Болгара увеличилось за счет беженцев, переселившихся на Волгу из завоеванной турками-сельджуками Армении.

Армяне продолжали жить на территории Среднего Поволжья и в золотоордынский период, несмотря на опустошительный поход Батыя в 1236 году через территорию Волжской Булгарии.

Постепенно с возрастанием роли Казани в XIV и особенно в XV веке здесь начинается появляться армянская община, чему подтверждениям могут служить как письменные и археологические источники, так и урбанизмы (названия частей города) Казани.

После разгрома г. Болгара войсками московского князя Василия II в 1431 г. большинство армян переселились в г. Казань. Позднее здесь, в районе «Суконная слобода», появляются две Армянские улицы. Кроме того, в г. Казань было основано армянское кладбище и построена григорианская церковь (Титова Т.А., 2004. № 9).

В средние века в Поволжье проводилась ежегодная ярмарка, перенесенная из Болгара в Казань (после опустошительного похода новгородских ушкуйников на Болгар в XIV веке постепенно столичные функции стали переходить от Болгара Казани в этом регионе). На ярмарку приезжали одновременно купцы из России, Армении, Персии, Ногайской Орды и из Средней Азии, и, таким образом, значение ярмарки сводилось к колossalному международному товарообмену (Худяков М.Г., 1991, С. 218).

С. Герберштейн пишет: «...ярмарку, которая обычно устраивалась близ Казани на острове купцов, Василий (имеется в виду великий князь Московский Василий III – Р.С.) в обиду казанцам перенес в Нижний Новгород (отсюда берет свое происхождение знаменитая Макарьевская ярмарка – Р.С.), пригрозив тяжкой карой всякому из своих подданных, кто отправится впредь торговать на остров (остров в устье реки Казанки возле Казани, где устраивалась ежегодно ярмарка – Р.С.). Он рассчитывал, что перенесение ярмарки нанесет большой урон казанцам и что их можно будет даже заставить сдаться, лишив возможности покупать соль, которую в большом количестве татары получали только на этой ярмарке от русских купцов. Но от такого перенесения ярмарка претерпела ущерб не меньший, чем казанцы, т.к. следствием этого явились дороговизна и недостаток очень многих товаров, которые привозились по Волге от Каспийского моря с астраханского рынка, а также из Персии и Армении...» (Герберштейн С., 1908, С. 15).

Присутствие армянских купцов в Казани в 1530 году засвидетельствовано автором «Казанского летописца» (Полное собрание русских летописей, Т.19, С. 130).

Свидетельством присутствия армян в Казани могут служить и названия улиц. Профессор Н. Высоцкий пишет: «В Суконной слободе (часть Казани – Р.С.) существует, наверное, одна, если не две улицы, носящие название «Армянских», а часть прилежащей к слободе Третьей горы, странным образом, называется «Немецкой Куртиной»; Куртина, как известно, на казанском наречии, значит кладбище» (ИОАИЭ, 1889, т. VII, С.4).

Тогда весной 1880 года Николай Высоцкий обнаружил недалеко от Суконной слободы под горой, на которой стоит дача Бартоло, много надмогильных камней. Здесь Высоцким было найдено шесть каменных эпитафий и произведены раскопки четырех одиночных и одной довольно большой общей могилы. Раскопки этой общей могилы, в которой кости лежали без всякого порядка, во всевозможных направлениях, как будто трупры были свалены в одну кучу (ИОАИЭ, 1889, т. VII, С.1). То, что кладбище было армянским, доказывается надписями одной из сохранившихся могильных плит, на которой сохранились армянские надписи. На-

личие большой общей могилы говорит о том, что похороны проводились в большой спешке, причем похороны большого количества трупов, которых могильщики решили зарыть одновременно, возможно, облегчая себе труд рытьем общей могилы, чем индивидуальных. Причину появления этой общей могилы можно найти в событиях середины XVI века.

Профessor Н.Ф.Высоцкий со слов одного казанского армянина записал следующее предание: «Во времена татарского владычества (т.е. в период существования Казанского ханства – Р.С.) в Казани жило много армянских купцов с семьями в теперешней Суконной слободе. У них была своя церковь на месте нынешней Георгиевской. Во времена осады Казани Грозным (Иваном IV Грозным, который взял Казань 2 октября 1552 года – Р.С.), после того, как целый ряд приступов царского войска был отбит татарами, в русский стан явились несколько армян и предложили царю за приличное вознаграждение указать слабые места крепости, через которые легко можно было ворваться в нее. Царь купил секрет и взял город. Отпраздновав победу и поуспокоившись Иван Грозный вспомнил об армянах и, вероятно рассчитав, что люди, предавшие своих старых союзников, могут поступить так же и с новыми, приказал истребить их всех до единого. Проведав о таком распоряжении Грозного, большинство армян тайком убежали из Казани в различные поволжские города, главным образом, в Астрахань, где будто бы и доселе существуют потомки одного из этих беглецов под фамилией «Казанских».

Но бежать могли, конечно, далеко не все, и оставшиеся были умерщвлены царем Иваном Грозным» (ИОАИЭ, 1889, т. VII, С. 4–5).

Можно предположить, что эти «не все» и были свалены после кончины в общую могилу.

И если поверить этому преданию, то можно утверждать, что христианская церковь на территории Казанского ханства появилась не со второй половины XVI века, т.е. после взятия Казани и вхождении территории Казанского ханства в состав Российской государства, а раньше, пусть она и была не русская православная, а армянская. И прав Михаил Худяков, когда говорит, что «одну из самых светлых сторон в общественной жизни Казанского ханства составляла полная веротерпимость, которая находилась в тесном соответствии с торговым характером городского населения, с традициями Волжско-Камской Булгарии, а также с государственным и общественным строем Сарайского ханства (т.е. Золотой Орды со столицей в г. Саре – Р.С.)» (Худяков М.Г. С. 198).

Веротерпимость была основой торговой атмосферы. Казанское ханство не исключение.

«Армянская слобода была расположена на расстоянии одной версты к югу от города на берегу озера Кабан по направлению Ногайской дороги. Здесь до настоящего времени находится «Армянская» улица» (Худяков М.Г., 1991, С. 281), – пишет М.Худяков¹.

Наличие армянского кладбища и церковь свидетельствуют в пользу присутствия в татарской Казани многолюдной армянской слободы, которая сложилась как поселение в юго-западной окраине города в первой половине XVI века. Причем просуществовало и после взятия Казани вплоть до начала XVIII века, пока не вошла в состав Кирпичной слободы (названной так по производству в ней красного кирпича для городских построек) (Татарский энциклопедический словарь, 1999, С. 40). Сам Н. Высоцкий считал, что «Немецкая куртина» есть не что иное, как древнее армянское кладбище (ИОАИЭ, 1889, т. VII, С. 5).

Армянские купцы, пользовавшиеся полной свободой в эпоху Казанского ханства, не могли перенести тяжести нового режима, установленного завоевателями, и разъехались по иным городам, несмотря на свои симпатии к русским как христианам во время осады Казани. Русские же не желали иметь под боком тех, кто ради выгоды готов поменять «хозяев», которые могли поступить также с новой властью в крае. Тем более, что после падения Казани в 1552 году окончательное покорение края затянулось до 1556 года. Поэтому-то Иван Грозный поспешил таким вот кровавым способом избавиться от таких неблагонадежных «союзников».

¹ Михаил Худяков написал свою книгу «Очерки по истории Казанского ханства» в 1923 году, поэтому когда он пишет о существовании «Армянской» улицы до настоящего времени, то это значит, что она существовала и в 1923 году на момент написания работы.

Торговля с Востоком была в значительной мере порвана падением Казанского ханства, и армянские купцы предпочли частично покинуть Казань, чтобы не быть разоренными или же попросту убитыми.

Трудно ответить на вопрос о судьбе армянской церкви. Если церковь была деревянной, то она могла быть сожжена, либо ей могли причинить иной урон, тем самым не позволив дожить ей до наших дней. Если же материалом, из которого церковь армянской общины была построена, был камень, то, не исключено, что ее ждала такая же печальная судьба, как мечети Кул-Шариф после взятия города, которая подверглась полному разрушению.

Армяне в Казанском ханстве – это особая, но, к сожалению, малоизученная тема в силу дефицита исторических источников. Однако не стоит по этой причине отвергать ее, поскольку это часть нашей общей истории, заслуживающей своего внимания, и, безусловно, эта проблема найдет своего исследователя.

Само постоянное проживание поколениями армян на территории Среднего Поволжья свидетельствует в пользу веротерпимости и добрососедских отношений между различными по культуре народами.

Армяне, ныне проживающие в Республике Татарстан, могут смело утверждать, что их история на земле междуречья Волги и Камы насчитывает почти тысячу лет. Осевшие их предки еще в Волжской Булгарии, продолжали проживать на этой земле и в эпоху Золотой Орды и Казанского ханства. И в историю местного края они внесли свой особый след, требующий дальнейшего углубленного изучения.

Литература

Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. – Казань: Татарское книжное издательство, 2002.

Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань: Типография Императорского университета, т. VII., 1889.

Армянская колония // Татарский энциклопедический словарь / главный редактор М.Х. Хасанов. – Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 1999. – С. 40.

Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / перевод и комментарии акад. И.Ю. Крачковского. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1939.

Смирнов А.П. Армянская колония г. Болгара // МИА. Т.61. – М., 1958.

Титова Т.А. Армянская диаспора в Татарстане: история и современность // Актуальное национально-культурное обозрение. – 2004. – № 9.

Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. – М.: Инсан, 1991.

КОМПЛЕКС ШЕЙНО-НАГРУДНЫХ УКРАШЕНИЙ ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-КАМЬЯ ПРЕДАНАНЬИНСКОГО И АНАНЬИНСКОГО ВРЕМЕНИ

Д.Ф. Файзуллина

Казанский государственный университет культуры и искусств, г. Казань

Реконструкция шейно-нагрудных украшений населения АКИО возможна на основе комплекса исторических источников: археологических, изобразительных и этнографических. А.В. Збруева считала, что нагрудные украшения были «необходимой частью женской одежды» ананьинского населения, и их носили все женщины, но «большая часть их была отделана вышивкой или аппликацией из полосок цветной ткани или кожи, от которых ничего не сохранилось до наших дней» (Збруева, 1952, С. 83). По этнографическим материалам нагрудные украшения были почти обязательной составляющей женского костюма финно-угорских народов, особенно Среднего Поволжья (Гаген-Торн, 1960, С. 84), были многочисленны, разнообразны и весьма сложны по составу и форме, часто были многослойными и многоярусными (Гаген-Торн, 1960, С. 97). Н.И. Гаген-Торн связывает происхождение нагрудных украшений с особенностями кроя и формой шейного выреза и нагрудного разреза. Шейные украшения делятся исследовательницей на две категории – связанные с устройством ворота рубашки (отрезной воротник типа «ошейника» или «оплечья») и шейные украшения – подвески (различные ожерелья).

Основываясь на изображениях ананьинских глиняных фигурок и стел, можно выделить: одно и многоярусные ожерелья (Рис. 1–4 – асимметричное ожерелье, Рис. 1–1, 1–2, 1–5 – многоярусные полосы на шее и груди); гривны (изображение на большой стеле; в ряде случаев отличить ожерелье от гривны на изображениях невозможно); круглые крупные нагрудные бляхи (Рис. 1–1, 1–4, 1–3 (весьма условно); сложные нагрудники (Рис. 1–2). Археологические материалы подтверждают наличие всех вышеперечисленных типов шейно-нагрудных украшений.

Ожерелья: в маклашеевское время (финал эпохи бронзы) уже выделяются различные типы ожерелей. I тип – простые ожерелья из костяных (трубчатые кости птиц) или бронзовых пронизок. Ожерелье из костяных пронизок–бусин происходит из погребения 5 Маклашеевского II могильника. Около 40 экземпляров костяных пронизок встречены в маклашеевских погребениях в области головы, иногда голеней. Судя по всему, они входили в состав ожерелей и украшений пояса или подола. Медные пронизи той же формы постепенно вытесняют костяные (которые характерны именно для маклашеевской культуры) в декоре костюма и становятся в ананьинское время излюбленным видом украшения костюма. Хотя в ананьинское время продолжают использоваться и костяные пронизи (Гулькинский, Акозинский могильники), изготавливаются бусы из кости (Старший Ахмыловский могильник). Возможно, костяные бусы активно использовались населением АКИО, но редко сохраняются в погребениях. II тип – ожерелья из бронзовых полушаровидных обоймиц (Рис. 2–9) диаметром от 0,5 до 1 см с двумя подтреугольными язычками для крепления на обратной стороне. В погребениях 35, 38, 166 Мурзихинского II могильника два ряда плотно прилегающих друг к другу обоймиц (26, 24, 18 экземпляров соответственно) располагались под челюстями на шейных позвонках погребенных женщин. В состав ожерелья из погребения 169 Мурзихинского II могильника помимо 19 обоймиц входили, вероятно, три бронзовых бляхи без ушков с двумя отверстиями для крепления, диаметром 1,7–2 см. Идентичное по составу украшение из 23 обоймиц и четырех безушковых блях (погребение 2, курган 1 Маклашеевского III могильника) было отнесено А.Х. Халиковым к головным уборам (Халиков, 1980, С. 49). Нами оно относится к шейно-нагрудным украшениям (Файзуллина, 2002). Плотное прилегание рядов с обоймицами друг к другу, зафиксированное в ряде случаев, может указывать на то, что обоймицы крепились на какую-то основу и представляли собой отрезной воротник типа «оплечья» или «ошейника» (Рис. 2–9). Подобный отрезной воротник диаметром 8 см с нашитыми бронзовыми пуговицами был прослежен вокруг шеи погребенной в Тлийском II могильнике на

Кавказе (Техов, 1981, С. 55), воротники-ожерелья реконструируются по материалам средневековых могильников поволжских и пермских финнов (Павлова, 2004, Рис. 61–2). Присутствие матерчатых ожерелей, считает Н.И. Гаген-Торн, характерно для целого ряда народностей, имеющих рубашку туникообразного покрова II типа (Гаген-Торн, 1960, С. 92–94).

Маклашеевские «оплечья», видимо, развились из нагрудных украшений андроновского и карасукского круга культур. Там встречаются «сложные нагрудные украшения из бронзовых обоймочек, насаженных на ремни» (Кривцова-Гракова, 1947, С. 163). В женском (?) погребении 1 Балымского могильника на груди погребенной обнаружено около 60 таких обоймочек, видимо, от шейно-нагрудного украшения. А.А. Чижевский предположил, что данное погребение относится к начальному этапу маклашеевской культуры (Чижевский, 2007). Таким образом, шейно-нагрудное украшение из Балымского могильника можно считать начальной точкой развития этого элемента костюма в маклашеевской и постмаклашеевской культурах. Ожерелья из обоймич являются характерным типом шейно-нагрудных украшений для маклашеевской культуры. Дальнейшим развитием этого типа в АКИО будут многоярусные ожерелья из кожаных шнурков с нанизанными на них короткими медными пронизями (Морквашинский м-к, погр. 43), хотя будут встречаться и почти аналогичные маклашеевским ожерелья с обоймичами (Мурзихинский I (IV) м-к, погр. 17), с обоймичами и подвесной бляхой (Старший Ахмыловский м-к, погр. 932). Ожерелья из «кожаных полосок с медными обоймочками» переходят далее в пьяноборскую (Генинг, 1963а, С. 85) и азелинскую культуры (Генинг, 1963, С. 53).

III тип маклашеевских ожерелей представлен единственным экземпляром из погр. 3 Полянского II могильника. Это ожерелье из стеклянных, бронзовых и костяных бусин. Видимо, этот тип можно считать переходным от маклашеевской к постмаклашеевской культуре. Стеклянные бусы, кроме одного случая не встреченные в маклашеевских погребениях, будут активно использоваться в ананыинское время.

Сходные с маклашеевскими типы ожерелей представлены в ананыинское время, однако костяных элементов здесь существенно меньше, а возрастает количество бисера и стеклянных. Для ананыинского времени первая типология ожерелей была создана М.Г. Худяковым. Он выделил (основываясь на материалах Ананыинского, Котловского и Релкинского могильников) два типа: ожерелья из бронзовых пронизок «в виде колечек, плотно нанизанных на древесный прутик» (Худяков, 1923, С. 100) и ожерелья из голубого бисера, «число которого доходило до 486, 569 и даже 711 штук, так, что ожерелье обвивалось вокруг шеи в несколько рядов» (Худяков, 1923, С. 100). М.Г. Худяков также отмечает сочетание бисера и бронзовых элементов в некоторых ожерельях, не выделяя их в отдельный тип. В.С. Патрушев, основываясь на материалах Старшего Ахмыловского могильника, выделяет три типа ожерелей (по составу и материалу): I тип – из стеклянных, пастовых бус и бисера; II тип – из бронзовых элементов; III тип – сочетание стеклянных, пастовых, бронзовых и других элементов (Патрушев, 1984, С. 42). Также он отмечает нахождение единичных элементов (бусин, пронизей, спиралей) в области шеи погребенных. Шейные украшения постмаклашеевской культуры вполне укладываются в данную типологию.

Ожерелья, скорее всего, носило все женское население АКИО, но они изготавливались из элементов, несохранившихся по условиям залегания в погребениях. На эту мысль наталкивают находки берестяных пронизок, скорлупы орехов, клыков животных в составе ожерелей (Старший Ахмыловский м-к, погр. 361). А.В. Збруева считает, что бронзовые части ожерелей были местного происхождения, а стеклянные бусы, бисер из «египетской пасты», раковины каури – импортом (Збруева, 1952, С. 91). Поэтому цветовые предпочтения и состав ожерелей во многом определялись торговыми контактами групп населения Волго-Камья, оставивших тот или иной могильник. Металлические элементы ожерелей отличались большим разнообразием и вариативностью (Патрушев, 1984, С. 43, Рис. 21). Устойчивых видов композиций не выделяется; встречаются ожерелья с ритмическим построением различных элементов, иногда акцентируется центр ожерелья более крупными элементами или отличающимися от основных составляющих, иногда наблюдается асимметрия в расположении компонентов ожерелья. Интересно, что одно из «ожерелей», изображенных на глиняной статуэтке с Гремячанского святилища (Рис. 1–4) явно состояло из разнородных несимметрично расположенных элемен-

тов. Видимо, в силу своей сакральной (магической) функции ожерелья в каждом случае были индивидуальны. Этнографы отмечают, что на Кавказе еще в 30-е гг. XX века старые женщины помнили значение каждой крупной бусины (сугубо апотропейского характера) (Иерусалимская, 2001, С. 95). У народов Среднего Поволжья в состав ожерелий в качестве оберегов часто включали раковины «каури» и куриные косточки (Белицер, 1972, С. 125); особенностью еще древнемарийских могильников являлось использование в составе ожерелий орехов, костей и костей животных (Павлова, 2004, С. 99). Таким образом, ожерелья не являлись чисто декоративным элементом костюма, их состав и композиция определялись не только эстетическими представлениями, а, прежде всего, их символической нагрузкой.

Гривны: на шее воина, изображенного на большой плите Ананьинского могильника, изображена, вероятно, шейная металлическая гривна. А.В. Збруева считала гривны «знаком достоинства» в мужском костюме «родовой знати ананьинцев» и связывала их проникновение со скифским влиянием (Збруева, 1952, С. 76). «С конца ананьинской эпохи шейные гривны, служившие знаком достоинства и украшением мужчин-воинов, переходят в женский наряд и в мужских могилах уже не встречаются» (Збруева, 1952, С. 81–82). В.С. Патрушев, давший подробный анализ и типологию ананьинских гривен, считает наиболее вероятным исходным центром форм ананьинских гривен Северный Кавказ (Патрушев, 1984, С. 23). В Старшем Ахмыловском могильнике гривны встречаются и в мужских, и в женских погребениях. В средневековых могильниках гривны будут преимущественно женским украшением.

Для постмаклашеевской культуры гривны не являются типичным украшением. Однако в маклашеевское время в Волго-Камье встречались гривны совершенно иного типа, чем в ананьинское. Это – серповидные гривны (Рис. 2–11) из бронзовой пластины с круглыми отверстиями на закругленных концах (Девичий Городок IV, погр. 8; Мурзихинский II, п/м). Прототипом данной формы гривны, вероятно, послужили серповидные подвески из продольно рассеченных клыков марала и кабана с двумя просверленными отверстиями на концах (Рис. 2–12), которые встречаются с эпохи ранней бронзы на территории юго-восточной Монголии (Волков, 1975, С. 78, Рис. 2) и Восточной Сибири (Хлобыстин, 1987, С. 333, Рис. 129–20). Единичной находкой в карасукской культуре является плоская золотая изогнутая пластинка с отверстиями на закругленных концах из могильника у ст. Оловянная близ Читы (Теплоухов, 1927, С. 96, Табл. XI, Рис. 7). Э.А. Новгородова отмечает, что «похожие украшения носят на груди нганасанские женщины, а кетские шаманы нашивают на плащи и нагрудники аналогичные металлические украшения» (Новгородова, 1963, С. 637–638). Развитием этого типа маклашеевских гривен являются шейные пластинчатые медные обручи с отверстиями на концах из Акозинского (погр. 62; Рис. 2–13) и Гулькинского (погр. 8) могильников ананьинского времени. Серповидные гривны, скорее всего, связаны с сибирскими культурными традициями эпохи бронзы и не получили развитие в ананьинское время. Интересно, что различные виды шейных украшений в АКИО могли, судя по всему, носиться одновременно. Так, на женщине из погребения 62 Акозинского могильника были: сложное ожерелье, витая дротовая гривна и пластинчатая гривна-«ошейник» с отверстиями на концах.

Нагрудные бляхи: крупные (более 5 см в диаметре) бляхи, находящиеся в районе груди, скорее всего, не выполняли практические функции, а являлись украшениями-подвесками или входили в состав нагрудников. На это указывает: 1) то, что в ряде случаев (Старший Ахмыловский м-к, погр. 840, 801) найдены нити из бисера, за которые подвешивались круглые бляхи; 2) под челюстью находятся иногда прямоугольные пластинчатые накладки (погр. 64, 124 Першинского м-к), в погр. 822, 932, 580 Старшего Ахмыловского м-ка прямоугольные пластины являлись кулонами; 3) в Акозинском м-ке в погребении 37 круглая бляха с умбоном и солярным орнаментом располагалась на бисерной расшивке (была частью нагрудника или сумочки). В андроновских погребениях эпохи бронзы прямоугольные бляхи (иногда украшенные изображением свастики) встречаются на шейных позвонках. В одном случае сохранились «остатки тканного пояска-«ошейника», к которому крепилась бляха с помощью кожаных шнурочек, продетых в специальные отверстия по краю бляшки» (Обыденнов, 2001, С. 60). Возможно, нагрудные бляхи маклашеевского и ананьинского времени являются продолжением традиций бронзового века.

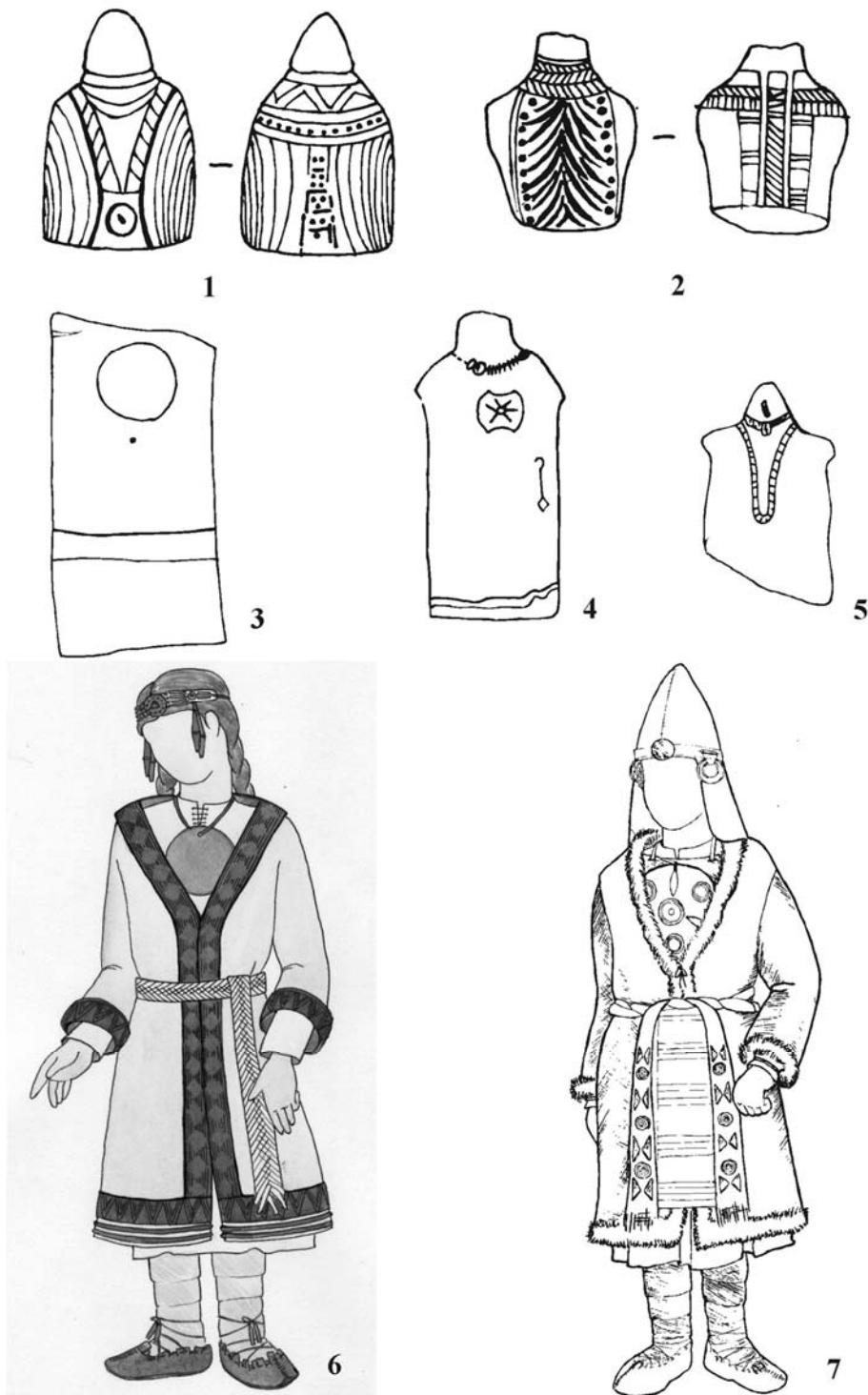

Рис. 1. 1–5 – Женские глиняные фигуры: 1 – Аначевское городище; 2 – Юшковское городище; 3, 4 – Гремячанское поселение-святилище; 5 – Заюрчимское I поселение (по Обыденнову М.Ф. и Корепановой К.И., 2001). **6.** Гипотетическая реконструкция женского костюма на материале ЖК 198 Тетюшского могильника: головной убор – составной венчик, приближенный к типу II-2 (по типологии В.С.Патрушева) на кожаной основе, с височными подвесками-трубочками, прикрепленными парами кожаными шнурками к венчику; рубаха туникообразного кроя из неокрашенной ткани (лен или конопля, с добавлением лубяных нитей); распашная одежда из шерстяной ткани, полы скреплены завязками и поясом; плетеный пояс из лубяных полосок; края верхней одежды украшены полосой красной ткани и зигзагообразным узором из темного шнура (мотивы узора взяты с орнамента бронзовых кельтов); на груди – круглая бронзовая бляхазеркало на кожаном ремешке; кожаная обувь типа «поршней», зафиксированная на ногах с помощью ремешков, украшенных медными пронизками (реконструкции Д.Ф.Файзуллиной, художник Е.Н.Тимофеева). **7.** Гипотетическая реконструкция женского костюма из погр.8 Морквашинского могильника (реконструкции Д.Ф.Файзуллиной, художник Е.Н.Тимофеева).

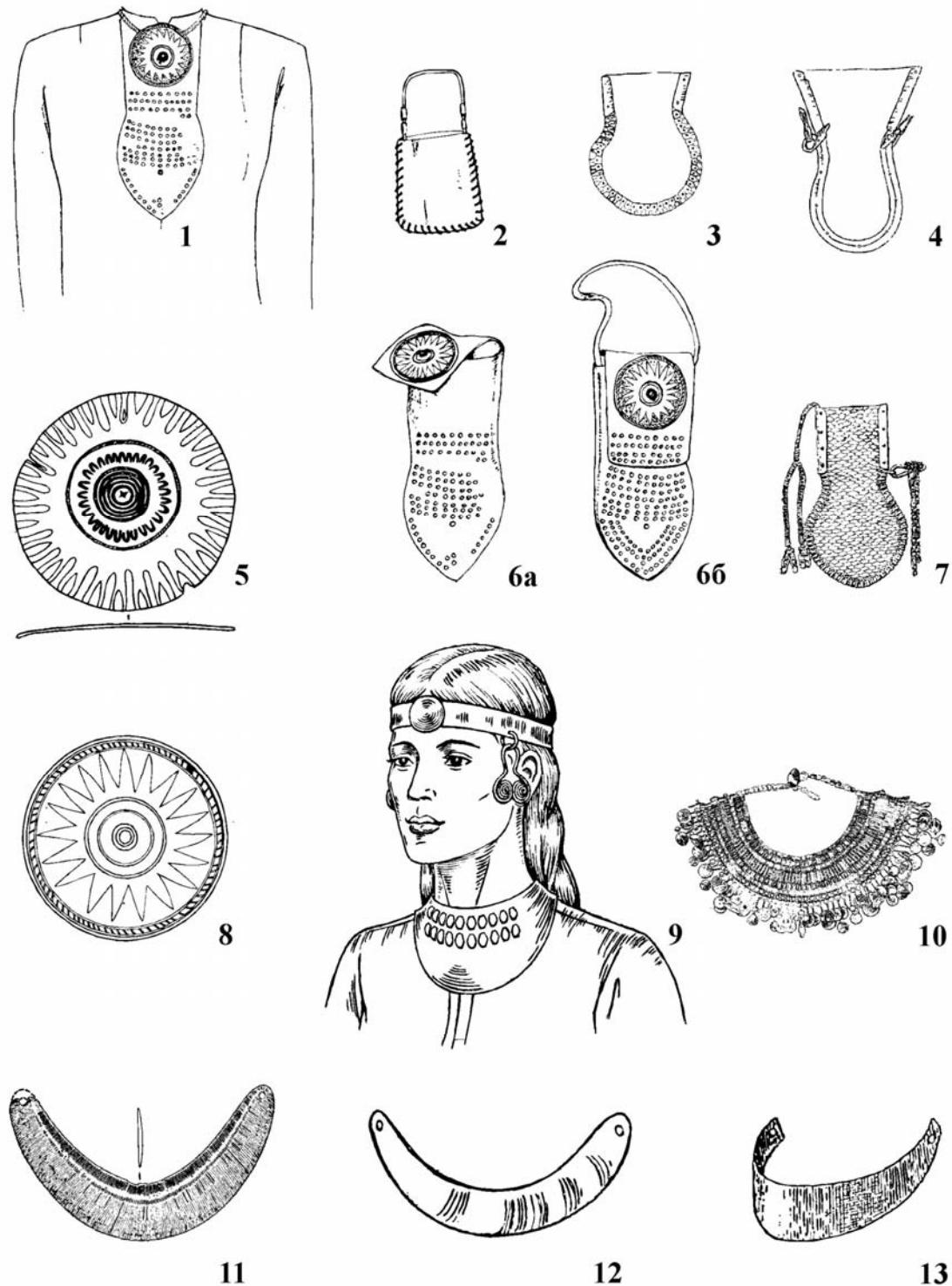

Рис. 2. 1 – реконструкция нагрудного элемента костюма из погр.37 Акозинского могильника как нагрудника; 2 – реконструкция берестяного кошелька из погр.25 Морквашинского могильника; 3, 4, 7 – формы средневековых поясных сумочек из Танкеевского могильника и марийского Поволжья (по Казакову Е.П., 2001, С. 179, Рис. 2–2, 2–3, 2–6); 5 – изображение символов солнца и четырех сторон света на бронзовой нагрудной бляхе, Козьмодемьянский могильник (по Патрушеву В.С., 1994, Рис.66); 6а, 6б – варианты реконструкции элемента костюма из погр.37 Акозинского могильника как сумочки, 8 – изображение солнца на бронзовой нагрудной бляхе, Акозинский могильник, погр.37 (по Патрушеву В.С., 1994, Рис. 45); 9 – реконструкция маклашеевских головных и шейно-нагрудных украшений (художник Р.Р.Садыков); 10 – ожерелье «цифкс» (по Белицер В.Н., 1972, С.118, Рис.1); 11 – пластинчатая серповидная гривна маклашеевского времени из могильника Девичий Городок IV, погр.8 (по Казакову Е.П.); 12 – серповидные подвески из продольно рассеченного клыка марала с двумя просверленными отверстиями на концах, Восточная Сибирь; 13 – пластинчатый медный нашейный обруч с отверстиями на концах из Акозинского могильника, погр.62.

Отдельно стоит остановиться на очень крупных (более 10 см в диаметре) бляхах различных типов. Об их «особом» статусе говорит частое помещение их в состав жертвенных комплексов (ЖК) и погребений черепов в берестяных коробах, сложный солярный орнамент. В некоторых постмаклашеевских могильниках они отсутствуют (Мурзихинский II, Гулькинский, Полянский II); в Новомордовском I могильнике единственная бляха найдена в подъемном материале. В остальных постмаклашеевских могильниках их находки единичны. В погребении 8 Морквашинского могильника с несохранившимся костяком находилась пластинчатая бляха диаметром 17,8 см с рельефным солярным орнаментом (Рис. 1–7). Остальной инвентарь (височные кольца, пронизки, сосуд) указывают на принадлежность погребения женщины. В древностях Аппенинского полуострова подобные бляхи служили частью мужских боевых доспехов (Конноли, 2001, С. 98, 101). Круглая бляха с гладкой плоской поверхностью и ремешком в отверстии (скорее всего, это зеркало) находилась в берестяном коробе вместе с головными украшениями в ЖК погр. 189 Тетюшского могильника. Диаметр бляхи 14 см; судя по всему, она подвешивалась на кожаном ремешке (Рис. 1–6). В Луговском могильнике крупная «ступенчатая» бляха (диаметр 10,5 см) находилась на бедре погребенной. А.Х. Халиков считает эту бляху украшением деревянного щита (по местонахождению) (Халиков, 1977, С. 218), хотя инвентарь в могиле женский. В Мурзихинском I (IV) могильнике бляха диаметром 10,1 см с веревочным орнаментом по краю, двухступенчатым умбоном и дужкой у края входила в состав ЖК 12 вместе с железным ножом.

Солярный орнамент на большинстве крупных блях (Рис. 2–5, 2–8) указывает на то, что они являлись амулетами-оберегами. То, что в ряде случаев на груди располагались зеркала, лишь подчеркивает сакральность этих украшений и связь с солярным культом. На двух глиняных фигурках изображены знаки солнца в области груди (Рис. 1–3, 1–4). Связь круглого металлического диска-зеркала с солнцем широко известна в более позднее время в этнографии народов Сибири. Юкагиры до недавнего времени называли серебряные зеркала «грудным солнцем» и носили на груди. Аналогичные диски имелись на костюмах якутских шаманов. Круглые гладкие медные или орнаментированные бляхи, изображавшие солнце и месяц, отмечены на кетских шаманских кафтанах (Данилов, 1982, С. 61). Удмуртский нагрудник «кабачи», который носили молодые замужние женщины, украшался солярными мотивами (Белицер, 1951, С. 45). В силу апотропейических функций крупные бляхи могли использовать-ся многообразно: в ряде случаев, подвешенные на шею или нашитые на нагрудник, они охраняли женщин определенного (детородного) возраста или были частью свадебного костюма (особая магическая охрана необходима была женщинам именно «в пограничном состоянии»); в качестве оберега «солярные бляхи» могли носиться мужчинами в особо значимые моменты жизни или украшать щит и доспехи.

Крупные бляхи могли украшать сумочки. Во многих случаях бляхи находятся не на груди, а у головы или рядом с костяком, сопровождаются шильями и ножами. Солярная бляха с умбоном из погребения 37 Акозинского могильника располагается поверх расшивки из бисера. Силуэт расшитого бисером «нагрудника» совпадает с формой средневековых сумочек поволжских финнов (Рис. 2–1, 2–3, 4, 7). Нож и шило, положенные на грудь погребенной, вписываются в контур «сумочки» и располагаются вдоль ее нижнего окончания. Находки шильев и ножей рядом с крупными бляхами в других погребениях могут также косвенно указывать на наличие сумочек или каких-то приспособлений для хранения «женского» инвентаря, украшенных бляхой-оберегом. Шило в костяной шильнице было найдено на груди костяка из погребения 83 Луговского могильника. Возможно, оно было положено на грудь в сумочке или, возможно, были какие-то нагрудные сумочки, которые использовались и с практическими и сакральными целями. В нескольких погребениях Старшего Ахмыловского могильника (погр. 194, 240) бронзовые идолички также, вероятно, находились в сумочках, которые размещались на груди.

У обских угров сумочка с рукоделием («тучан») буквально одушевлялась, она сопровождала женщину повсюду, даже в ином мире (сумка укладывалась под голову). У манси в сумке женщина хранила пуповины своих детей (Головнев, 1995, С. 282–283). В.В. Никитин предположил, что металлические бляхи в составе женских марийских нагрудных украшений могли быть частью сумочек-амулетов, напоминающих более поздние «чондай» – кошельки из белой

ткани или бересты, куда помещалась душа, носился такой кошелек под рубахой на животе (Никитин, 2000, С. 61–62). В АКИО была традиция украшения крупными бронзовыми пластинами горитов и коробочек. В декор реконструированного А.Х. Халиковым горита из погребения 301 Старшего Ахмыловского могильника входили крупная прямоугольная накладка и крупная плоская бляха диаметром 10 см. (Халиков, 1977, С. 198, Рис. 75–7). Деревянная коробочка размером 14x14 см из ЖК 4 Мурзихинского I (IV) могильника была покрыта тонкой бронзовой крышкой с круглыми выпуклинами по краю. Берестяной кошелек с наконечником стрелы внутри был найден в детском погребении 24 Морквашинского могильника. Все выше-сказанное указывает на вероятность бытования у населения АКИО сумочек, украшенных бляхами-амuletами.

Крупные круглые бронзовые бляхи диаметром 10–11 см фиксируются на груди женщин в пьяноборское и азелинское время. В.Ф. Генинг считал их украшением верхней одежды (Генинг, 1963, С. 42). В средневековых памятниках поволжских финнов часто встречаются бляхи «с крышечкой», которые считаются элементом костюма замужней женщины и связываются с плодородием и защитой детородных функций женщин (Воронина, 1993, С. 127–133). А.Н. Павлова считает эти бляхи продолжением ананьинской традиции (Павлова, 2004, С. 128). Таким образом, крупные круглые бронзовые бляхи в АКИО явно обладали очень высоким семиотическим статусом, тесно связаны с солярным культом и выступали мощным оберегом. Вероятно, используемые для сакральной защиты, они были полифункциональны: могли украшать грудь женщины или мужчины (у мужчин могли служить защитными доспехами), щит, сумочку.

Нагрудники: в маклашеевской культуре известны нагрудники из крупных круглых блях с ушком на кожаной (определенено в одном случае) основе. В погребении G Маклашеевского I могильника 5 блях располагались в 2 ряда (две наверху и три внизу) на трапециевидной кожаной основе. Расположение блях в погребении 3 Полянского II могильника было иным: пять блях составляли вытянутый треугольник с основанием в верхней части груди на уровне ключиц и вершиной в нижней части груди. Основа нагрудника не зафиксирована; возможно, это был кусок кожи или ткани прямоугольной формы со скошенными внизу углами или лопатообразной формы. Маклашеевские нагрудники, вероятно, продолжают традиции эпохи бронзы (андроновская КИО), где имеются нагрудники из круглых блях. Хотя часть нагрудных украшений сейчас реконструируется как лицевые подвески в виде орнаментированных бляшек, прикрепленных на кожаную основу, крепившуюся в свою очередь в районе висков и обрамляющую лицо (Куприянова, 2009, С. 17).

Две основные формы маклашеевских нагрудников имеют свое продолжение в последующие века. Однако в ананьинское время нагрудники и нагрудные украшения не представлены так ярко, как в пред- и после ананьинское. С чем связано прерывание стойкой традиции «богатых» нагрудников из кожи и ткани, характерной (по этнографическим данным) для волжских и пермских финнов вплоть до XX века? Можно допустить, что основные встречающиеся нагрудные украшения в ананьинское время – бляхи, подвески, крепились на тканую или кожаную основу. Крупные, более 10 см в диаметре, бляхи удобнее закреплять на съемном нагруднике, тем более что основная часть этих блях имеет отверстия именно для нашивания. Нагрудники выполняли как практическую функцию (прикрывали грудной разрез на рубахе), так и магическую. Области груди в женском костюме всегда уделялось большое внимание, нагрудные украшения выполняли защитно-оберегательную функцию; так, вышивка на груди марийских рубашек носила название «чызе орол» – «стражи грудей» и имела различный узор и форму в зависимости от возраста женщины.

Таким образом, шейно-нагрудные украшения маклашеевской и постмаклашеевской культуры представлены: 1) ожерельями – простыми и сложносоставными из разнородных элементов; от 1 до 3 рядов; в маклашеевское время из костяных и металлических элементов, в ананьинское – из металлических элементов, бисера и стеклянных бус; 2) гривнами (серповидными в маклашеевской культуре); для постмаклашеевцев этот вид украшения не типичен и заимствован либо напрямую с Кавказа, либо через акозинцев; 3) подвесными бляхами и одиночными украшениями (либо входившими в состав нагрудников). Гипотетически реконструируются матерчатые

ожерелья типа «оплечий» или «ошейников» с нашитыми обоймицами или отдельной бляхой; нагрудники – кожаные, тканевые или из кожаных ремней различной формы. С очень большой осторожностью можно предположить существование нагрудных украшений из перекинутой через шею полосы кожи или ткани и челюстно-лицевых подвесок.

Обилие и разнообразие шейно-нагрудных украшений – характерная черта традиционного финно-угорского костюма, сохраняющаяся в этнографических костюмах большинства финно-угорских народов. В зачаточной форме в аланыинское время представлены практически все типы и виды шейно-нагрудных украшений, которые получат свое развитие в последующие века.

Литература

- Белицер В.Н Народная одежда мордвы. М., 1972.
- Белицер В.Н. Народная одежда удмуртов. М., 1951.
- Волков В.В. Погребение в Норовлин-Уула (Монголия) // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 73–81.
- Воронина Р.Ф. К вопросу о символике оберега богини плодородия древней мордвы // Социальная дифференциация общества. М., 1993. С. 134–140.
- Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу): моногр. Чебоксары, 1960.
- Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху великого переселения народов. Свердловск; Ижевск, 1963.
- Генинг В.Ф. Женский наряд периода пьяноборской культуры // Сов. этнография. – 1963а. № 6. С. 83–94.
- Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров: моногр. Екатеринбург, 1995.
- Данилов О.В. Культ солнца у аланыинцев // Вопросы этнической истории в первобытную эпоху. Йошкар-Ола, 1982. С. 57–64.
- Збруева А.В. История населения Прикамья в аланыинскую эпоху. М., 1952.
- Иерусалимская А.А. Некоторые вопросы изучения раннесредневекового костюма (по материалам анализа одежды адыго-аланских племен VIII–IX вв.) // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Из истории костюма). Т.1. Самара, 2001. С. 87–106.
- Казаков Е.П. О некоторых группах деталей поясного набора Волжских Болгар IX–XI вв. // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001. С. 170–179.
- Конноли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории: моногр. М., 2001.
- Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Труды ГИМ: археологический сб. Вып 17. М., 1947. С. 59–169.
- Куприянова Е.В. Женский погребальный костюм эпохи средней – начала поздней бронзы Южного Зауралья и Казахстана (на материалах синташтинской, петровской и алакульской культуры). Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. Казань, 2009.
- Никитин В.В. Символы древних предметов (размышления по поводу одного сюжета) // Финноугроведение. 2000. №1. С. 54–67.
- Новгородова Э.А. Локальные группы карасукской культуры (Анализ украшений) // Ученые записки МОПИ. Т. 133. М., 1963. С. 629–654.
- Обыденнов М.Ф. Человек в искусстве Урала, Прикамья и Среднего Поволжья. Эпоха каменного века – середина II тыс. н.э. Уфа, 2001.
- Павлова А.Н. Семиотика костюма волжских финнов I – начала II тыс. н.э.: моногр. Йошкар-Ола, 2004.
- Патрушев В.С. Волжские аланыинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982.
- Патрушев В.С. Древнее искусство финно-угров Поволжья. I тысячелетие до н.э.: моногр. Йошкар-Ола, 1994.
- Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Т. 3. Вып. II. Л., 1927. С. 57–112.
- Техов Б.В. Тлийский могильник II . IX–VII вв. до н.э. Тбилиси, 1981.

Файзуллина Д.Ф. Женский маклашеевский костюм: реконструкция и семантика // Проблемы Древней и средневековой истории среднего Поволжья: материалы вторых Халиковских чтений. Казань, 2002. С. 82–88.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.

Хлобыстин Л.П. Бронзовый век Восточной Сибири // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 327–344.

Худяков М.Г. Ананьевская культура // Казанский губернский музей за 25 лет: юбилейный сб. ст. Казань, 1923. С. 72–126.

Чижевский А.А. Финал бронзового века на территории Нижнего Прикамья: некоторые аспекты проблемы // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. Екатеринбург-Сургут, 2007. С. 173–176.

СВИНЦОВЫЙ СЛИТОК ИЗ БИЛЯРА

А.И. Фахретдинов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

В 2009 г. во время работ Билярской археологической экспедиции* на распахиваемой территории внешнего города Билярского городища, вблизи «Караван-сарай», была найдена редкая находка – слиток брусковидной формы, отлитый из свинца (рис. 1). Размеры – 13,1×3,9–4,1×1,5–1,9 см. Вес слитка равен 0,722 кг. Он сильно повреждён многолетней распашкой.

Изначально было высказано предположение о его позднем происхождении. Такие слитки, возможно, могли отливать литейщики современного села Билярска. Однако найти аналогии среди известных литейных форм Нового времени нам не удалось.

Обратимся к способу отливки слитка. Он представляет собой литьё расплава в открытую, возможно, земляную или глиняную форму, что говорит о его более древнем происхождении¹. Об этом свидетельствует и характер верхней (неровная с продольным рифлением) и нижней (плоская) площадки слитка. Известные нам свинцовые слитки средневекового времени отлиты в виде лепёшек различных размеров и веса, например экземпляр из фондов Археологического музея БГИАПМЗ².

Для точной атрибуции находки был проведён оптический эмиссионный спектральный анализ (см. табл. I)³. Необходимость его поведения очевидна ввиду того, что до этого анализу подвергался лишь один булгарский свинцовый слиток (раскоп XXXV Болгарского городища золотоордынского времени) (Полякова, 1996, С. 157). В его составе оказались только естественные примеси серебра (около 0,1%) и висмута (0,01%), которые являются обычными спутниками свинцовой руды и не могут считаться надёжными критериями для определения рудных источников металла. В нашем случае концентрация основного металла оказалась равна 99,62%, а доля микропримесей составила всего 0,0177%, что говорит о многократной очистке (рафинировании) свинца и соответственно о его высоком качестве.

*Таблица I**

	Ag	As	Cu	P	Pb	Si	Sn	Sb
литок	0,003	0,01	0,01	0,04	99,62	0,14	0,06	0,02
подвеска монетовидная	0,11		0,02	0,07	94,61	0,18	4,94	0,01
бусина			0,02	0,03	99,58	0,17	0,12	

* Примечания: содержание металлов приведено в %.

Говоря о происхождении свинца, Т.А. Хлебникова считала, что свинцовая руда в Волжскую Булгарию поступала с Урала (Хлебникова, 1996, С. 280), однако более убедительным нам кажется мнение С.В. Кузьминых о среднеазиатском происхождении руды, учитывая тесные торгово-экономические и культурные связи с этим регионом с древности (Кузьминых, 2005, С. 262). Возможно, именно при посредничестве булгар, свинец из Средней Азии поступал на Русь в XI–XIII вв. Того же мнения придерживаются и Н.В. Ениосова и ряд других исследователей (Ениосова, Митоян, Сарачева, 2008, С. 158), считая вероятным местом проис-

* Пользуясь случаем выражаем свою благодарность руководителю экспедиции д.и.н., чл.-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузину и н.с. ИИ АН РТ З.Г. Шакирову за возможность использовать неопубликованный материал.

¹ Благодарю к.и.н. С.В. Кузьминых за оказанную консультацию.

² Полевой шифр – Б.ХХХVIII–87/1122.

³ Анализ выполнен зав. отделом естественно-научных исследований Музея археологии ИИ АН РТ, к.ф.-м.н. Р.Х. Храмченковой.

хождения свинцовой руды регион крупнейшего горно-металлургического района Востока XI–XIII вв. – средневековый Илак.

В домонгольский период свинец в значительном объёме использовался булгарскими металлургами для изготовления многих изделий, в том числе монетовидных подвесок и бусин (неопубликованные материалы автора). Проведённый анализ показывает высокий процент содержания свинца в них (см. табл. I). В ювелирном деле он использовался в небольших количествах как добавка в некоторых цветных сплавах, как составная часть легкоплавких припоев, а также применялся как вспомогательный материал в качестве свинцовых, свинцово-оловянных матриц – подушек. Также он использовался для изготовления черни и эмалей (Зубрилина, 2006, С. 17). Судя по всему, слиток предназначался для какой-то литейной мастерской Биляра, нуждавшейся в больших объёмах легирующих металлов или же специализирующейся на изготовлении некоторых узких категорий изделий из свинца.

Таким образом, данный предмет является слитком т.н. «чистого» свинца и датируется домонгольским временем.

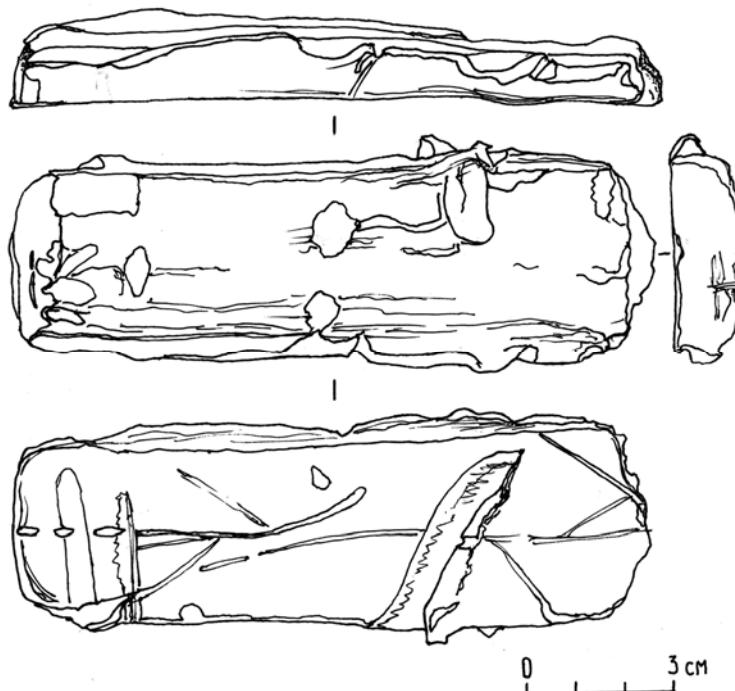

Рис. 1. Свинцовый слиток из Биляра.

Литература

- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Саракева Т.Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси. М., 2008.
- Зубрилина С.Н. Справочник по ювелирному делу. Ростов-на-Дону, 2006.
- Кузьминых С., Семыкин Ю. Цветная металлообработка // История татар с древнейших времён в 7 тт. Т. II: Волжская Булгария и Великая степь. Казань, 2005.
- Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.
- Хлебникова Т.А. Анализы болгарского цветного металла // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996.

А.Х. ХАЛИКОВ КАК ЭТНОГРАФ

Н.А. Халиков

Институт истории им. Ш.Марджаны АН РТ, г. Казань

А.Х. Халиков, во второй половине XX столетия крупнейший ученый по древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья в широких кругах общественности, да и среди многих научных работников по какой-то странной традиции считался в первую очередь археологом. Отчасти это верно, поскольку научную деятельность еще в студенческие годы он начинал именно в археологии. Да и позднее на протяжении всей жизни археологические исследования были важнейшей сферой его научной деятельности. Но А.Х. Халиков был еще и, прежде всего историком, краеведом; круг научных интересов ученого был чрезвычайно широк. Добавлю, что немалое место в работах исследователя занимала и этнография. Объективно рассуждая, иначе быть и не могло, поскольку в своих глубоких всеохватывающих исторических и краеведческих исследованиях народов края с эпохи камня и до нового времени включительно для исчерпывающего и лучшего решения возникающих проблем он по возможности привлекал этнографические материалы позднего времени (данные о быте, хозяйственном, материальной, духовной культуре и т.д.). Присутствовал и «обратный вектор»: этнографическая тематика в трудах историка А.Х. Халикова в значительной степени базируется на богатейшем археологическом опыте ученого. Постараюсь на некоторых примерах подтвердить сказанное.

Среди обширных научных интересов А.Х. Халикова закономерно особое место занимали два крупнейших города в истории поволжских татар и их предков – Биляр и Казань. Их исследованию ученый посвятил многие и лучшие свои годы.

Археологическое изучение Биляра А.Х. Халиковым было начато в 1967 г., за прошедшие десятилетия приобрело широчайший размах и сопровождалось впечатляющими результатами. Данные исследования памятника отражены в монографиях (например, в главах книги «Исследования Великого города») и большом числе статей. В них обращает внимание подробно рассматриваемые вопросы хозяйства булгар: земледелие, скотоводство, ремесла, торговля. Много места уделено описанию быта, материальной и духовной культуры населения в разнообразных формах их проявления. То же можно сказать о содержании многочисленных публикаций по истории Казани, к планомерному, в том числе и археологическому изучению которой А.Х. Халиков приступил на рубеже 1960–70 гг. Между тем, перечисленные выше отрасли хозяйства и культуры, облик которых восстановлен на основе археологических изысканий, по существу относятся к историко-этнографической тематике.

Историко-этнографический аспект в той или иной степени присутствует в большинстве крупных работ А.Х. Халикова, посвященных истории народов Поволжья и Прикамья. Таковы, например, написанные им разделы в монографии «Булгар-Киев» (Моця, Халиков, 1997). В них подробно освещаются внутренняя и внешняя торговля булгар, перечисляются страны – торговые партнеры Волжской Булгарии, фактории и торговые центры, крупные базары. Детально описываются экспортно-импортные товары и многое другое. В большинстве случаев материал преподнесен скорее в историко-этнографическом, а не археологическом аспекте.

Небольшую, но чрезвычайно интересную брошюру А.Х. Халикова «Кто мы – булгары или татары» можно считать подлинно историко-этнографической работой. Для решения поставленного вопроса автор привлекает очень широкий круг средневековых письменных восточных, западноевропейских, русских источников. Используются данные родословных (шежере), лингвистики в целом, топонимии, гидронимии позднего времени, но связанные с этнимом «булгары». Детальному историко-этнографическому анализу подвергаются теории и взгляды современников и исследователей, начиная с XIII в. и до современности, относительно термина «татары». С этой работой в значительной степени перекликается не менее интересная книга «500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения». Автор сам в предисловии к работе так определяет одну из основных целей исследования: наряду с общими ис-

торическими процессами взаимоотношений Булгарии, Казани и Руси, «..прослеживаются и процессы постепенного этно-культурного включения в состав русского народа и его предков представителей тюркоязычного населения из Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства» (Халиков, 1992. С.4)

Обратимся к капитальной работе А.Х. Халикова «Древняя история Среднего Поволжья», посвященной племенам и культурам Волго-Камья эпохи камня и раннего железа. Основанное на обширном, большей частью авторском археологическом материале, исследование преследовало цель реконструировать этногенетические процессы, формирование и преемственность археологических культур в крае. А эти задачи требовали привлечения всех доступных для того исторически отдаленного времени материалов различных гуманитарных исследовательских дисциплин. Не случайно, поэтому, замечание автора о том, что в решении вопросов этногенеза необходимо привлечение и этнографических данных (Халиков, 1969. С.3). Поэтому в тексте монографии присутствуют характерные понятия «этнокультурная группа», «этнокультурная история» и т.п. Еще одна обращающая внимание особенность работы (как и во многих других у А.Х. Халикова): постоянная корреляция между особенностями развития хозяйства, культуры и географической средой. Подобный же исследовательский метод широко применяется и в традиционной этнографии. Особенno интересна в монографии третья часть «Хозяйство и общественные отношения населения», в которой много собственно этнографического материала. Так, приводятся параллели между описываемыми «древними» временами и культурой автохтонного населения края XIX в. Это, например, известные уже в эпоху камня и раннего металла и еще бытовавшие, в частности, у мариев XIX столетия охотничьи приспособления – засеки, ловчие ямы; приемы добычи рыбы с помощью изгородей (езов), котлов, сетей, долблевых лодок и пр. Много присутствует этнографических фактов из области хозяйства, жилища, общественных и семейных отношений.

В 1989 г. увидела свет небольшая (менее 200 стр.) монография «Татарский народ и его предки». По существу это энциклопедия этнической истории поволжских татар. Об этом напоминает даже структура работы: в отдельные разделы выделены сведения о современном этническом и территориальном делении татар, об антропологических типах, языке, названии народа. А наличие раздела «Этнографические особенности», думается, нет необходимости и комментировать.

Основную часть работы занимает собственно история татар, начиная с раннебулгарского времени и до конца XIX в. Изложение ведется на широком хронологическом и территориальном фоне, с учетом инокультурного окружения татар и их предков. Там, где это возможно и уместно, привлекаются этнографические материалы. С этих позиций описываются этнический состав и территория расселения ранних булгар и близкородственных им тюркоязычных племен X в., этнокультурных контактов булгар с окружающими племенами (торок-огузов, печенегов, мадьяр, протобашкир, буртас, проточуваш, финноугорскими племенами – предками мариев, мордвы, удмуртов и др.). Подробно показано общественное устройство, быт, хозяйство, материальная и духовная культура населения Волжской Булгарии домонгольского и золотоордынского времени. Почти так же, структурно и тематически, описывается эпоха Казанского ханства. Отдельно рассматривается историческое развитие татар-мишарей и касимовских татар: общественное устройство, социальные и этнические группы; особенности хозяйства и культуры.

Еще раз подчеркну, что рассматриваемая монография – типичное историко-этнографическое исследование. Об этом говорит ее содержание, построение, выводы. Даже терминология работы часто этнографическая: присутствуют такие характерные понятия, как «этносоциальный организм», «этническая общность», «народность», «нация», «субэтнос» и др.

В 1994 г. опубликована одна из последних монографий А.Х. Халикова «Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария». Опять же, это, прежде всего, историко-этнографическое исследование, о чем во введении прямо указывает автор («Освещаются вопросы формирования культуры татарского и многих тюркоязычных народов» (Халиков, 1994. С. 2). Работа во многом сходна с рассмотренной выше, хотя и написана в более узких хронологических пределах. В ней рассматриваются исторические и этнокультурные аспекты развития предков поволж-

ских татар периода Золотой Орды и Казанского ханства. Исследование отличает такая важная и интересная тема, как «своеобразная городская цивилизация» булгар и татар. (До тех пор она не получила должного освещения. Между тем это историко-этнографическая проблема. В этнографии русских, например, она активно разрабатывается. Свидетельством тому может быть, в частности, монография М.Г. Рабиновича «Очерки этнографии русского феодального города»). В этом аспекте А.Х. Халиковым рассматриваются вопросы возникновения булгарских городов, их планировки, застройки. Подробно показаны городские ремесла с акцентом на их градообразующие функции. Отмечено присутствие часто употребляемой этнографической терминологии, проистекающей из самого характера монографии.

Даже краткий обзор опубликованных работ А.Х. Халикова, энциклопедически образованного ученого, свидетельствует о глубине исследований, часто затрагивающих крупные научные проблемы этногенетического характера или прямо посвященные им. Очевидна широта в диахронном и территориальном аспектах научного подхода. В исследованиях А.Х. Халикова, прежде всего историка, археолога, краеведа, плодотворно применяются достижения и методики смежных дисциплин: географии, языкоznания, антропологии и др. По праву важное место среди них занимает этнография.

Литература

- Исследования Великого города. М.: Наука, 1976.
Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар – Киев // Пути – связи – судьбы. Киев, 1997.
Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М.: Наука, 1978.
Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.
Халиков А.Х. Кто мы – булгары или татары? Казань, 1992.
Халиков А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 1994.
Халиков А.Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. Казань, 1992.
Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань: Тат. кн. изд-во, 1989.

ОРУДИЙНЫЙ КОМПЛЕКС ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПЛОЩАДОК КОЧУРОВСКОГО IV ПОСЕЛЕНИЯ

Т.А. Цыгвинцева

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Кочуровское IV поселение расположено в Увинском районе Удмуртской Республики, на левом берегу р. Нылги (правый приток р. Валы, левый приток р. Вятки). Памятник занимает песчаный останец в 600 м к СЗ от реки и датируется ранним энеолитом (новоильинская культура). Поселение было раскопано Т.М. Гусенцовой в 1977 году (Гусенцова, С. 70–95). Площадь поселения составляет 1800 кв. м (раскопано 632 кв.м). Большая часть останца занята энеолитическим поселком с 2 соединенными жилищами и разнообразными ямами.

Типологическая характеристика вещевого материала была проведена Т.М. Гусенцовой и опубликована ранее (Гусенцова, С. 84–93). Трасологический анализ кремневого инвентаря из жилищ был проведен и опубликован автором (Цыгвинцева, С. 400–412).

В данной статье приводятся результаты трасологического анализа орудий из межжилищного пространства. Весь материал был рассмотрен по «классическим» для археологической науки категориям. Внутри категорий орудия описаны по системе, предложенной Г.Н. Поплевко: по заготовкам; по форме, расположению и ретуши оформления рабочего лезвия; по микроследам (Поплевко, С. 84). Трасологические исследования материала проводились с помощью микроскопов МБС–9 (увеличение в 50–87 раз) и «Neophot–32» с увеличением в 200, 300 и 500 раз.

При типологической характеристике было описано 205 орудий, трасологический метод позволил выделить 233 инструмента. В некоторых категориях типологически выделенных орудий больше, чем это показывает трасологический анализ. Объяснить это можно тем, что форма не всегда отражает одну и ту же функцию. Микроанализ позволяет не только уточнить функцию орудий, но и расширить ассортимент инструментов.

Скребки

Типологически выделено 85 экз. (табл. 1). При помощи трасологического анализа зафиксировано 46 орудий. Это самая многочисленная категория, здесь отмечены скребки с подправленными рабочими лезвиями и сильно изношенные инструменты. Была выявлена некоторая закономерность между степенью сработанности и «вторичной» формой заготовки, которую специально старались получить при расщеплении кремня. На технологически значимых заготовках сильный и средний износ имеют 22 экз. (рис. 2, 4), слабо сработаны рабочие лезвия у 8 скребков и ещё у 6 экз. лезвие вторично подправлено, что так же свидетельствует о долгом использовании. Только 1 скребком на аморфном отщепе долго пользовались, но заготовка эта имеет вытянутую форму удобную для захвата рукой. На 2 скребках зафиксировано по 2 прилегающих рабочих лезвия, у 2 экз. рабочее лезвие занимает 1/2 периметра скола, ещё на одном орудии в обушковой части выделена «пуговка».

Заготовки: для этих инструментов использовали средних (31 экз.) и крупных (14 экз.) размеров осколки и пластины (31 экз.). Чаще всего заготовками для скребков служили прямоугольные или приближенные к ним, после небольшой подправки, формы отщепов и пластины – 28 из 46 экз. (рис. 1, 8, 11, 13, 14; 2, 4, 8). Кроме того, эти орудия изготавливали на сколах-подживлениях нуклеуса – 3 экз., нуклевидных сколах – 2 шт. (рис. 1, 13), на округлых осколках – 2 экз. (рис. 1, 14), имеется 2 инструмента на сколах со шлифованных орудий и 1 – на негативе конуса, который получался при оформлении плоскости раскалывания. На 23 заготовках сохранилась желвачная корка.

Форма, расположение и обработка рабочего лезвия: 45 скребков относятся к типу концевых с овальным, прямым и скосенным и зубчатым лезвиями. Боковой скребок выполнен на галечниковом удлинённом сколе с приостренным рабочим краем (рис. 1, 5). Чаще всего кромка оформлялась крутой ретушью (28 экз.), но встречается пологая (12 экз.) и смешанная

(5 экз.). Ретушь наносилась по 1 или 2 боковым ребрам на спинке, реже на брюшке. В 4 случаях наблюдается подтеска на брюшке для уплощения заготовки (рис. 1, 11).

Микроследы: хорошо заметны. Линейные следы в виде часто расположенных царапин пересекают кромку. Сама кромка сглажена и скруглена. Заполировка двусторонняя, с брюшком проходит вдоль кромки узенькой полоской, со спинки заходит вглубь фасеток: она проникающая, яркая, но тусклая с жирным блеском. На обушковых частях видна залощенность от руки, а 17 орудий крепились в рукояти от чего наблюдается выкрошенность и затертость на боковых гранях.

Таким образом, скребки были наиболее часто употребляемыми орудиями. Типологически они хорошо отличимы, но часто к ним причисляют стамески и скобели прямоугольной формы. Кроме того, зачастую в качестве скребков использовали первые попавшиеся осколки, которые затем выбрасывали, типологически их определяли как отщепы с ретушью. На второй стадии мездру обрабатывали скребками с острым лезвием (8 экз.) (рис. 1, 8, 14; 2, 4), для пушения бахтармы применяли орудия с крутой ретушью по краю (рис. 1, 1). Одним скребком с 2 лезвиями выполняли оба вида работ. Наконец, боковой скребок скорее всего участвовал в операции волососгонки или снятия мездры (рис. 1, 5).

Таблица 1

Соотношение данных типологического (Т.М. Гусенцова) и трасологического анализов каменного инвентаря из межжилищного пространства

Данные типологического анализа			Данные трасологического анализа			
Орудия	экз.	%	Орудия с 1 раб. лезвием	2 и 3 раб. лезвия	Общее количество	%
Скребки	85	41,46	44	2	46	19,74
Скребла	8	3,90	3		3	1,29
Скобели	2	0,98	32	7	39	16,74
Стамески			2		2	0,86
Долота	7	3,41	5		5	2,15
Тесла		0,00	3		3	1,29
Сверла	8	3,90	9		9	3,86
Проколки	1	0,49	1	1	2	0,86
Развертки						
Резцы, резчики	2	0,98	4		4	1,72
Ножи	53	25,85	40		40	17,17
Наконечники стрел, дротиков, копья	12	5,85	16		16	6,87
Молоты	2	0,98	1		1	0,43
Нуклеусы и их обломки			9		9	3,86
Отбойник-абразив				3	3	1,29
Абразив			1		1	0,43
Скобель-скребок				1	1	0,43
Наконечник дротика-нож				1	1	0,43
Скребок-проколка				1	1	0,43
Скребок-нож				2	2	0,86
Скобель-струг			3	1	4	1,72
Проколка-развёртка				1	1	0,43
Ретушёр				2	2	0,86
Скобель-резец				5	5	2,15
Пест			1		1	0,43
Заготовки	6	2,93	25		25	10,73
Брак	19	9,27	7		7	3,00
ИТОГО	205	100,00	206	27	233	100,00

Погрешность при округлении – 0,02%.

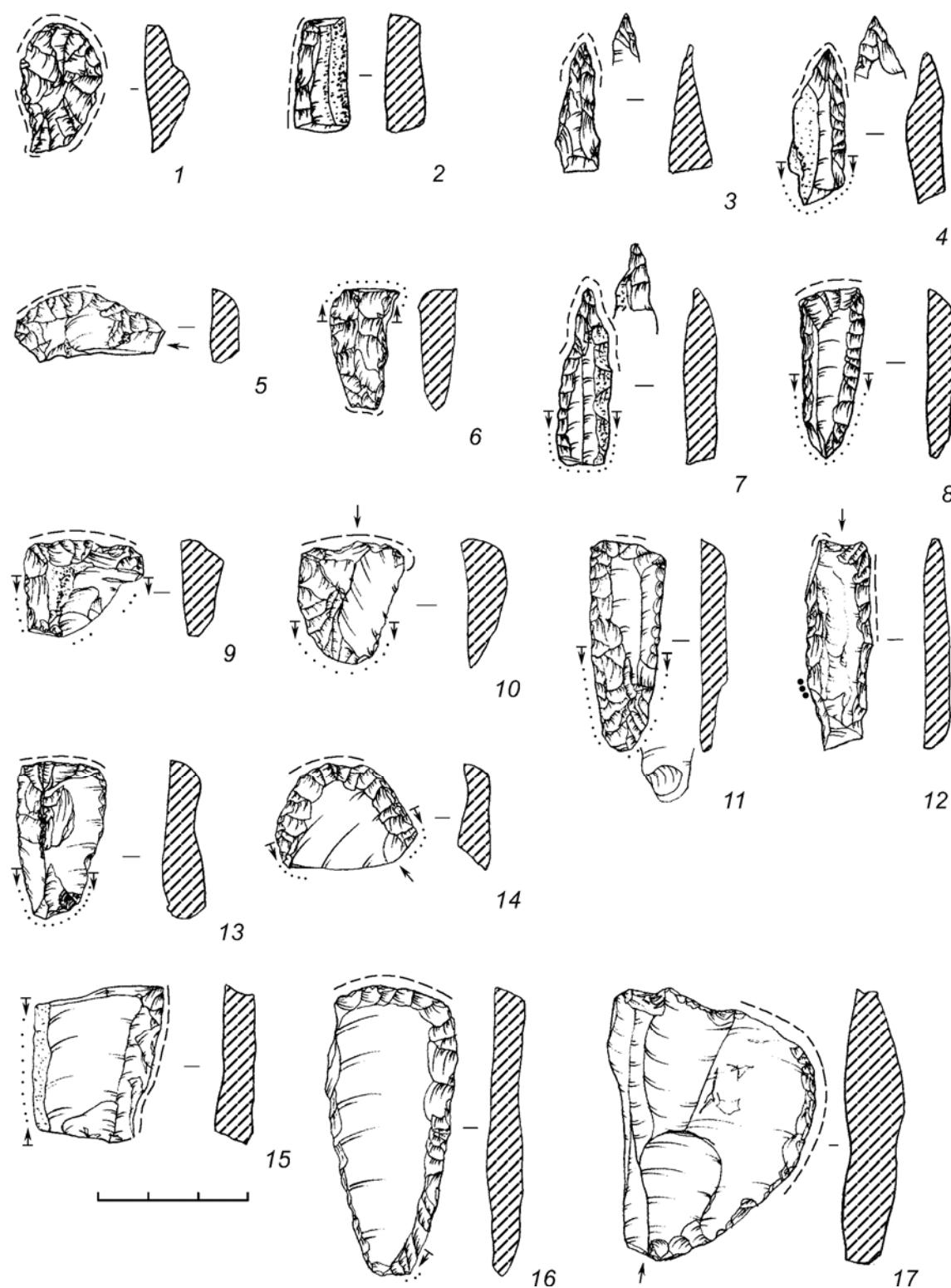

Рис. 1. Поселение Кочуровское IV.

1, 12 – скобели-резцы; 2 – скобель по дереву в руке; 3, 7 – сверла по дереву;
 4 – сверло по мягкому камню; 5, 8, 11, 13, 14, 16 – скребки; 6 – стамеска по дереву;
 9 – скобель по дереву в рукояти; 10 – скобель-строгальный нож;
 15 – вкладыш ножа по рыбе; 17 – строгальный нож по дереву.

Пунктиром указано рабочее лезвие и рукоять.

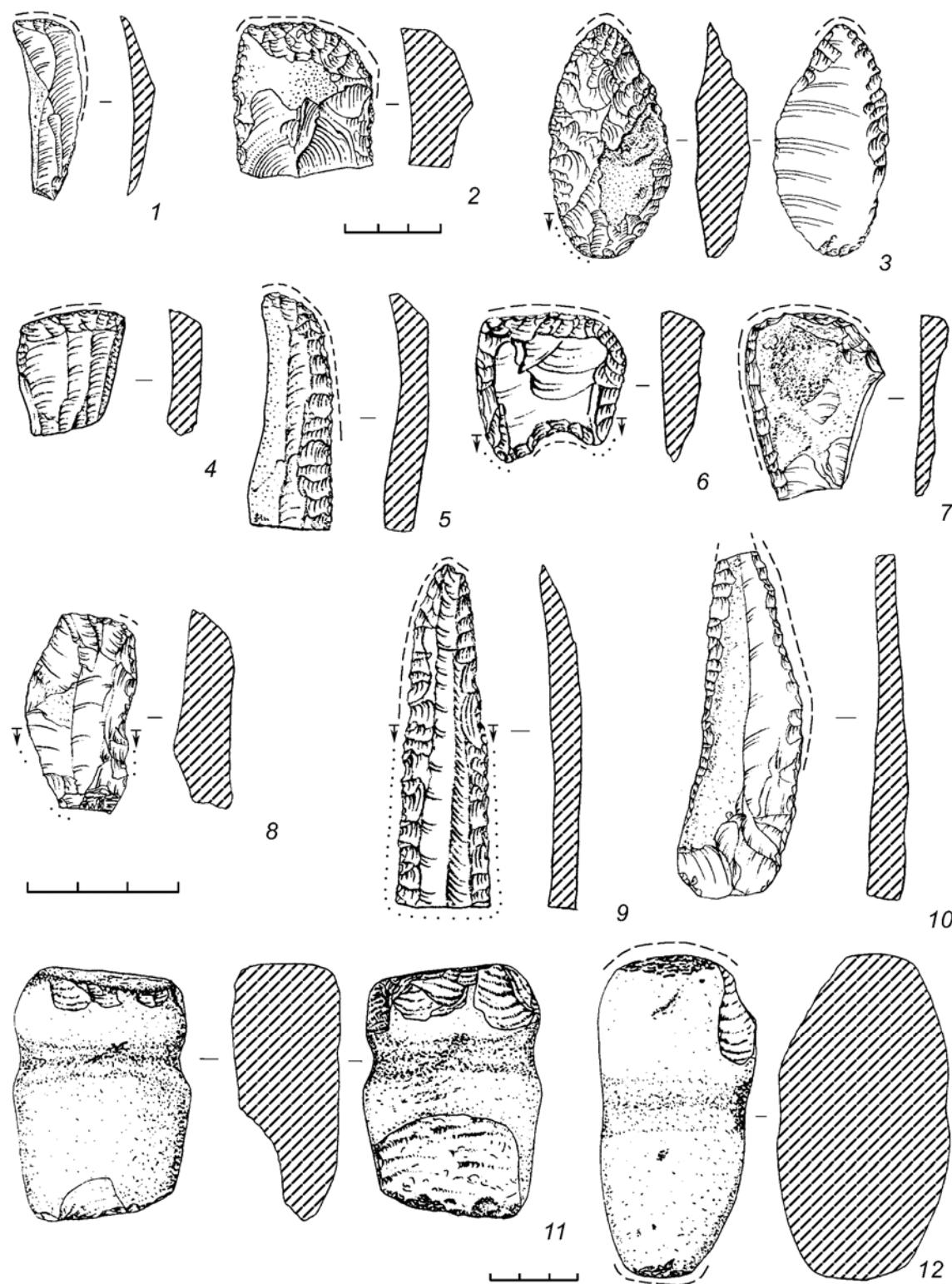

Рис. 2. Поселение Кочуровское IV.

1, 7 – скребки-ножи по шкуре; 2 – скребло по дереву; 3 – наконечник копья;
4, 8 – скребки; 5 – скобель по дереву в руке; 6 – скобель по дереву в руке и в рукояти;
9, 10 – ножи по мясу; 11 – молот; 12 – пест. Пунктиром указано рабочее лезвие и рукоять.

Скребла

Типологически выделено 8 экз., трасологически – 3 экз. (табл. 1). Все они изготовлены крупных сколах, у всех один рабочий край. На одном орудии ретушью при подправке лезвия выделен «носик». Износ у всех сильный.

Заготовки: все прямоугольной формы – нуклевидные обломки (рис. 2, 2).

Форма, расположение и обработка рабочего лезвия: орудия представлены I типом – концевые скребла с прямым и скошенным лезвием. Рабочий край обработан крутой ретушью, которая наносилась по 1 или 2 боковым ребрам заготовки на спинке. В одном случае брюшко подтесано.

Микроследы: наблюдаются от работы по дереву. Выкрошенность в основном односторонняя, выламывающего характера, края фасеток затерты и заглажены. На стабилизованных участках лезвия сохранились линейные следы на кромке и межфасеточных рёбрах: царапины перпендикулярные кромке. Заполировка чаще сохраняется на брюшке вдоль кромки. Скребла для дерева использовались в руке. Только орудие с «носиком» сначала использовали в рукояти, а после подправки лезвия – в руке. Вероятно «носиком» проскабливали пазы или выполняли «ювелирную» работу.

Скобели

Т.М. Гусенцовой выделено 2 экз., мною – 39 экз. (табл. 1). Их только немногим меньше, чем скребков. Здесь также орудиями на технологически значимых заготовках работали дольше (24 экз.). На «случайных» отщепах сильный износ имеют 2 скобеля. На 7 орудиях зафиксированы по 2 рабочих лезвия, причем все они имеют интенсивную изношенность. На 5 скобелях есть следы подправки рабочего лезвия, после чего одним уже не работали.

Заготовки: крупные (18 экз.) или средние (17 экз.) отщепы. Заготовками служили: пластины (5 экз.) (шириной 1,2; 14; 1,9 см) (рис. 2, 5), боковые сколы с пренуклеусов (3 экз.) (рис. 1, 2); нуклевидные обломки (4 экз.); отщепы «вторичной» формы (13 экз.) (рис. 1, 9); округлые (4 экз.), аморфные (8 экз.) и треугольные (1 экз.) осколки, имеется 1 скобель на конусе от оформления плоскости раскалывания. Кроме того, в коллекции зафиксирован 1 скол, полученный при подработке рабочего лезвия со следами износа. На 25 орудиях сохранилась желвачная корка, но к первичным можно отнести 2 отщепа.

Форма, расположение и обработка рабочего лезвия: преобладают однолезвийные (I тип) (33 экз.) скобели, двулезвийные (II тип) (7 экз.) (рис. 2, 6). Рабочие лезвия в основном прямой или овальной формы, вогнутый край только у единичных экземпляров. При оформлении рабочей кромки использована крутая (28 экз.), пологая (8 экз.), смешанная крутая с пологой (3 экз.), в 1 случае плоская ретушь. Ретушь наносилась по 1, реже по 2 краям заготовки; по всему периметру обработано только 6 отщепов; в одном случае ретуширована вся спинка скола.

Микроследы: от работы по дереву и по камню отличаются интенсивностью, характер образования следов износа одинаков для скоблящих орудий. На большинстве скобелей по дереву сохранились линейные следы в виде царапин с заглаженными краями, пересекающих кромку на одном стабилизированном участке лезвия. Скобель по мягкому камню имеет 2 рабочих лезвия, вершинки которых пришлифованы, на одной видны царапины, заполировка на кромочной линии – налегающая, сглаживающая микрорельеф, яркая и бликующая. Две пластины использовали в качестве вкладышей, следы от рукоятей в виде потёртостей и забинтости, иногда пришлифовки и царапин, фиксируются у 8 орудий. Заложенность от руки отмечена у 26 экз. Одним инструментом работали сначала в рукояти, затем его перевернули и держали уже в руке (рис. 2, 6).

Скобели, главным образом, использовали для высекивания ровных или круглых поверхностей. Вогнуты лезвия были удобны для заглаживания черенков стрел и рукоятей.

Ножи

Типологическим методом выделено 53 экз., трасологическим – 40 экз. (табл. 1). Характерной особенностью ножей является их слабая степень сработанности, вне зависимости от вида заготовки. Сильный износ имеют всего 5 орудий на технологически значимых сколах и 3 на аморфных отщепах. Причём на одном крупном осколке неправильной ромбической формы затупленное лезвие приострили, а потом пользовались дальше.

Заготовки: как правило, размеры варьируются от 2–3 см (13 экз.) и более (16 экз.). Для изготовления ножей использовали пластины (11 экз.) (ширина от 1,2; 1,5 до 2,4; 2,9 и 3,1 см) (рис. 2, 9–10), треугольные отщепы (3 экз.), плитки (3 экз.), заготовки «вторичной» прямоугольной формы (6 экз.) (рис. 1, 15); аморфные осколки (11 экз.), сколы с пренуклеуса (5 экз.) и 1 нуклевидный обломок (рис. 1, 17). На 21 отщепе сохранилась желвачная корка.

Форма, расположение и обработка рабочего лезвия: все ножи относятся к типу однолезвийных. У строгальных ножей по дереву рабочее лезвие зубчатой, прямой, вогнутой или овальной формы, мясные ножи имеют прямой или овальный край. На некоторых ножах по мясу, рыбе, шкуре и коже сработан уголок заготовки так, что лезвие получается вытянутово-овальной формы, таких орудий 10 шт. Наблюдается и некоторое различие в оформлении лезвия у разного вида ножей. На мясных, рыбных и «шкурных» орудиях (31 экз.) ретушь пологая, плоская или от утилизации проходила по 1 или 2 боковым ребрам и располагалась на спинке или на спинке и брюшке. На строгальные ножи по дереву наносили плоскую, пологую как отдельно, так и в сочетании с крутой ретушью.

Микроследы: отличаются по видам обрабатываемого сырья. Ножи для мяса (20 экз.): кромка затуплена, имеются сглаженные вершинки, на которых видны линейные следы в виде царапин перпендикулярных, параллельных и наклонных кромке. Выкрошенность и заполировка фиксируется с двух сторон. Заполировка обвалакивающая, жирная, распространенная, с нечеткими границами. Следы износа на двух ножах для рыбы отличаются от мясных характером заполировки: она налегающая и более контрастная, не такая жирная, линейной направленности вдоль кромки лезвия, границы размыты. На кромке видны линейные следы в виде нитевидных царапинок параллельных и перпендикулярных кромке, отдельные царапины пересекают её. Одно орудие сочетает прорезающую, режущую и подскабливающую кинематику. Ножи по шкуре (8 экз.): отличаются по выкрошенности, которая приурочена к одной стороне. Кромка менее притуплена по сравнению с мясными ножами, а заполировка не такая проникающая и «распространенная». На брюшке и спинке иногда видны царапинки наклонные кромке, которые пересекаются между собой. Шкуру этими орудиями, скорее всего, подрезали, есть следы и от проникающего движения. В коллекции имеется один нож для разрезания кожи: выкрошенность по самой кромке, односторонняя. Кромка зубчатая, в профиле – скруглена, заполировка распространённая, двусторонняя, яркая, проникающая с лёгким жирным блеском. Кинематика подрезающая. Строгальные ножи для дерева (9 экз.): имеют кромку приостренную в поперечном сечении и затерпую. Выкрошенность односторонняя, выламывающего характера. Заполировка занимает отдельные вершинки с одной стороны, она линейной направленности, яркая, сглаживающая микрорельеф. Иногда на брюшке видны царапины наклонные и перпендикулярные к краю, имеются отдельные параллельные царапины, иногда они пересекаются между собой.

Всего 7 экз. вставляли в рукоять, остальные инструменты зажимали в руке. Причём у 1 орудия на пластине отмечено торцевое крепление рукояти, как у современного ножа, износ, при этом, заходит на овальный дистальный конец (рис. 2, 9).

Таким образом, на площадке поселения имеется разнообразный набор режущих инструментов для разных работ: разделки мяса и рыбы, раскюя шкур и кожи, строгания дерева. Причём большинство составляют инструменты для разделки добычи и обработки шкур. Среди них есть крупные ножи для разрезания мяса и потрошения рыбы, а есть миниатюрные орудия для раскюя мелких деталей одежды или тонких шкурок.

Рубящие орудия

Представлены разными видами. Типологически выделены как рубящие орудия – всего 7 экз. Трасологический анализ позволили уточнить функцию: стамески – 2 экз., долота – 5 экз., тесла – 3 экз., имеются ещё 3 обломка шлифованных орудий (табл. 1). Таким образом, вся категория насчитывает 13 инструментов. Обращает на себя внимание то, что для изготовления всех рубящих орудий не использовали «случайные» отщепы, заготовками служили крупные сколы, только стамески и 1 долото средних размеров. Долго работали только двумя долотами, остальные имеют среднюю степень сработанности рабочего лезвия.

Заготовки: тесло выполнено техникой шлифовки из целого желвака доломита, рабочее лезвие в плане прямое, в профиле – плоско-желобчатое. Обломки тёсел представлены обушковой частью и осколком рабочего лезвия. Долота представлены 3 целыми формами и 2 обломками обушка и лезвия. Целые орудия сделаны на крупном нуклевидном сколе (1 экз.), прямоугольном отщепе (1 экз.) и 1 – на целой кремнёвой гальке. Для стамесок были взяты отщепы «вторичной» прямоугольной формы (рис. 1,6). Желвачная корка сохранилась на 1 стамеске.

Форма, расположение и обработка рабочего лезвия: по оформлению рабочего края все стамески и долота относятся к одному типу с прямоскошенным рабочим лезвием; у тесла рабочее лезвие – плоско-желобчатое. Форма рабочего края в большинстве случаев прямая, овальная. У долот лезвие и 2 боковые грани оформлены пологой ретушью по спинке. У стамесок лезвие обработано пологой ретушью, которая наносилась по одному или двум боковым ребрам на спинке. Только у одного долота спинка обработана встречными сколами, а на брюшке ретушь нанесена по всему периметру. Восемь орудий изготовлены шлифовкой.

Микроследы: от обработки дерева видны на лезвии тесла: это односторонняя выкрошенность утилизации, фасетки ступенчатые и многоярусные. Линейные следы в виде тонких царапин по самой кромке, пересекающие или перпендикулярные ей, в основном отмечены на стороне контактирующей с материалом, заполировка сохраняется в виде отдельных пятен. Похожие следы наблюдаются и у долот, но выкрошенность двусторонняя и кромка более затерта и смята. Линейные следы сохраняются на периферии рабочего края. В одном случае наблюдается пришлифовка абразивом обушковой части. Заполировка сохраняется только отдельными пятнами на стабилизированных вершинках кромки. У стамесок износ рабочего лезвия менее интенсивный, выкрошенность односторонняя, приостряющая лезвие, на боковых уголках есть заломы. Линейные следы в виде коротких царапинок перпендикулярных краю, сохраняются на брюшке внутри фасеток. Заполировка локализуется отдельными пятнами на вершинках кромки. На всех орудиях заполировка от дерева ямочно-буторчатая, сглаживающая микрорельеф. Имеется 1 долото для обработки кости и рога, кромка у него сильно затуплена, скруглена, выкрошенность выламывающего характера. Линейные следы в виде царапин параллельных и перпендикулярных краю сохраняются на периферийных участках лезвия на спинке. Заполировка видна на отдельных вершинках, она сглаживает микрорельеф, блестящая, с жирной корочкой.

Типологически стамески на отщепах почти не отличаются от скребков, только рабочее лезвие у них приостренное, а у скребков – притупленное. Следует отметить, что в этой категории больше орудий для создания деревянных болванок, чем для их последующего оформления и доработки. Тесло в древности было сломано от удара, но место скола слегка загладили абразивом, затем снова вставили в рукоять и использовали дальше, от чего на уголках обушковой части, поверх сколов, видны следы в виде заглаженности граней и вершинок.

Все орудия использовались в рукоятях.

Свёрла

Типологически зафиксировано 8 экз., трасологически – 9 экз. (табл. 1). Сильная сработанность – у 5 орудий, на остальных инструментах наблюдается средняя степень износа.

Заготовки: крупных (4 экз.), средних (3 экз.) размеров и 1 мелкий. Ставились использовать узкие удлинённые отщепы «вторичной формы» (2 экз.) (рис. 1, 3, 4, 7), пластины (1 экз. – шириной 1,5 см), сколы оформления пренуклеуса (1 экз.), бифасы (2 экз.), имеется 1 продольный нуклевидный скол и 2 треугольных отщепа. На 6 заготовках сохранилась желвачная корка.

Форма, расположение и обработка рабочего лезвия: все орудия можно отнести к одному типу – с «невыделенными плечиками». Ретушь наносилась по спинке по 1 или 2 граням, по всему периметру заготовки (1 экз.). Для оформления жальца использовалась крутая (7 экз.) или сочетание крутой и пологой ретуши (1 экз.).

Микроследы: различаются от работы по дереву (5), кости (1), поделочному камню (2) и керамике (1). При работе по дереву наблюдается односторонняя противолежащая выкрошенность утилизации, края фасеток заглажены. На кромке остаются линейные следы в виде поперечных и продольных царапин, такой характер линейных следов является общим для всех просверли-

вающих орудий. Заполировка яркая, но не истирающая микрорельеф, а проникающая. Глубина проникновения в материал от 0,8–1 см до 1,4 см, диаметр составляет 0,5–0,6 и 0,8 см (рис. 1, 3, 7) Следы работы по кости отличаются от таковых по дереву интенсивностью выкрошенности и пришлифовкой выступающих участков. Сверлом по кости просверливали отверстия глубиной до 1,8 см и диаметром 1,2 см. При работе по камню выкрошенность ещё более интенсивная, чем от кости, кромка скруглена и пришлифована, заполировка сохраняется на затупленных участках, она яркая и бликующая, сглаживающая вершинки микрорельефа. Отверстия, оставленные этими орудиями глубиной до 1 см и диаметром 0,4–0,5 и 1 см (рис. 1, 4). Сверло по керамике побывало в огне, поэтому следы от работы сохранились только на отдельных вершинах: остриё сильно пришлифовано, царапины часто расположены и пересекают кромку. В отличие от камня, керамика даёт меньшую выкрошенность и более интенсивные линейные следы. Глубина проникновения в материал 0,9–1 см, диаметр составляет до 0,7 см.

В деревянные рукояти вставлялись сверла на прямоугольных отщепах, бифасе и пластине от чего остались участки с заполировкой (рис. 1, 4, 7). Остальные орудия использовались, зажимаясь в руке (рис. 1, 3).

Проколки

Т.М. Гусенцовой фиксируется 1 экз., микроанализ позволил отнести к этой категории 2 экз. (табл. 1). Проколки имеют среднюю изношенность острия. У одной проколки зафиксировано 2 рабочих лезвия.

Заготовки: средний и крупный треугольные отщепы. На обеих заготовках есть желвачная корка.

Форма, расположение и обработка рабочего лезвия: У всех орудий «плечики» не выделены. Жальца обработаны пологой ретушью, которая наносилась по 2 граням на спинке.

Микроследы: выкрошенность обычно проходит по самой кромке и она незначительная. Кромка сглажена, даже скруглена. Линейные следы сохраняются на среднем ребре и боковой грани – это царапинки с заглаженными краями перпендикулярные и параллельные длинной оси. Заполировка – яркая, жирная, обволакивающая; сохраняется на отдельных выступающих участках кромки; может заходить на всю поверхность, контактирующую с материалом. Кончик часто обломан. Глубина проникновения 0,7–0,8 см, а диаметр отверстий – 0,9 см. Все проколки зажимались в руке.

Резцы и резчики

Типологически выделено 2 резца, трасологически – 4 экз., резчиков не зафиксировано (табл. 1). Одно изделие использовалось недолго, у двух средняя степень сработанности лезвия, у 1 – сильная.

Заготовки: для орудий использовали крупные: квадратный «вторичный» отщеп (1 экз.), 1 пластину, 1 скол оформления бокового ребра нуклеуса и 1 неудачный бифас.

Форма, расположение и обработка рабочего лезвия: 3 резца угловые и 1 серединный. Лезвия оформлены резцовым сколом, пологой, крутой ретушью, в 1 случае есть только следы от утилизации.

Микроследы: от работы по дереву, выкрошенность и заполировка локализуются на самом кончике, очень редко внутри фасеток сохраняются короткие нитевидные царапины, параллельные длинной оси заготовки. Ни одно орудие не вставлялось в рукоять.

Наконечники дротиков и копья

Типологически эти орудия отмечены вместе со стрелами, фактически было выделено 2 обломка черешков дротиков и наконечник копья (табл. 1). Износ средний и слабый, копьём пользовались долго.

Заготовки: один наконечник изготовлен на «вторичном» отщепе, второй – на сколе при помощи бифасиальной техники, копьё – на массивном осколке (рис. 2, 3). Заготовки крупных размеров.

Форма, расположение и обработка рабочего лезвия: у всех наконечников черешок не выделен, основание прямое усечённое узкое, скошенное и округлое. Ретушь пологая, наносилась по двум боковым граням на спинке, с двух сторон или по всей поверхности орудия.

Микроследы: представлены отдельными участками затертостей от древков. У самого черешка видны царапины. Износ кромки незначительный. Дротики раскололись от удара. На боковых гранях есть микровыкрошенность от проникающего движения и заложенные вершинки. По боковым граням копья видны участки с абразивной подправкой зоны расщепления. На жальце фиксируются царапины от проникающего движения.

Наконечники стрел

Типологический анализ отнес к этой категории в общей сложности 12 экз., трасологический – 13 экз. (табл. 1). Всего 2 целые формы, остальные обломки черешков. Износ у всех орудий незначительный или средний, только 1 наконечник использовался долго.

Заготовки: судя по обломкам, целые формы были крупных и средних размеров. Орудия выполнены на пластинах (3 экз.), отщепах (7 экз.), есть 3 скола из плиточного кремня.

Форма, расположение и обработка рабочего лезвия: к бесчерешковому типу относятся 12 наконечников, у 1 экз. черешок намечен. Заготовки оформлялись пологой ретушью, добавляя иногда крутую (3 экз.). На пластинах ретушь нанесена по краям на спинке, остальные выполнены «бифасиальной» техникой. Основание наконечников прямое усечённое (5 экз.), округлое (2 экз.) или приостренное (6 экз.).

Микроследы: на вершинках целых орудий есть микросколы от проникающего движения, т.е. от удара. У одного целого наконечника листовидной формы по кромкам видны отдельные пятна заполировки от мяса, она распространённая, двусторонняя, а на самом жальце фиксируются полоски «костяной» заполировки. На черешках сохранились следы затёртостей, некоторые из них были затуплены абразивом, у единичных экземпляров видны пересекающие кромку царапинки от древков.

Молот и пест

При типологическом анализе отмечено 2 молота, микроанализ позволил выделить среди них 1 пест.

Заготовки: желые желваки (рис. 2, 11–12).

Форма, расположение и обработка рабочего лезвия: для одного использовалась речная галька без специальной обработки, а другой изготовлен техникой шлифовки. У обоих абразивом оформлен перехват. У молота рабочее лезвие отколото, часть рабочего края песта также сколото в древности.

Микроследы: на молоте уничтожены сколом (рис. 2, 11). У песта сработаны оба основания, только одно сильнее. Поверхность забита, фасетки выкрошенности в виде лунок – круглые и удлинённые. На заглаженных участках видны продольные и поперечные риски. На прилегающих к основанию боковых гранях отмечены следы пришлифовки, короткие риски параллельные длиной оси орудия. Имеются пятна заполировки, она яркая, бликующая, истирающая микрорельеф. Скорее всего, пестом растирали керамику или охру.

Все вышеописанные орудия были выделены только при помощи трасологического метода.

Скобели-резцы

Имеется 5 орудий, у которых степень сработанности не зависит от формы заготовки. Фиксируется слабый (2 экз.), сильный (2 экз.) и средний износ.

Заготовки: крупные, это: поперечный скол с нуклеуса, прямоугольные отщепы (рис. 1, 1, 12), пластина и скол с пренуклеуса.

Форма, расположение и обработка рабочего лезвия: рабочие грани обрабатывались крутой ретушью, в одном случае ещё и резцовым сколом (рис. 1, 12).

Микроследы: от работы по дереву. На боковой грани выделяется скоблящая кинематика, уголок служил для прорезания. Имеется орудие, следы сработанности на котором фиксируются по всему краю заготовки. На одной вершинке выделен «носик», на котором фиксируется выкрошенность от подрезания (рис. 1, 1). Орудия использовали, держа в руке.

Скобели-строгальные ножи

Имеется 4 орудия, у которых прямоугольные отщепы имеют сильный износ, пластина – средний, а случайным сколом работали недолго.

Заготовки: прямоугольные отщепы, средний и крупный (2 экз.), пластина и аморфный осколок, оба крупные.

Форма, расположение и обработка рабочего лезвия: рабочие грани обрабатывались односторонней краевой крутой ретушью, а в одном случае пологой.

Микроследы: от работы по дереву. Рабочие лезвия двух инструментов сочетают в себе следы от скобления и строгания, причём проводили эти операции одновременно. У остальных орудий следы сработанности дифференцируются: в одном случае углом заготовки, скорее всего, высекали пазы, а другим строгали. Во втором случае концевым лезвием скобили дерево, а уголком подстругивали (рис. 1, 10). Три инструмента использовали, держа в руке, один – вставляли в рукоять.

Скобели-резцы и скобели-строги использовали, скорее всего, для изготовления утвари, когда нужно одновременно применять разные приёмы обработки вогнутых и выпуклых поверхностей (Семёнов, Коробкова, С. 68–69).

Скобель-скребок

Скорее всего, в качестве скобеля по дереву применялся уже после того, как затупилось лезвие скребка по шкурам, поскольку последнее имеет более интенсивный износ. По всей вероятности, орудием работали долго.

Заготовки: прямоугольный отщеп «вторичной» формы.

Форма, расположение и обработка рабочего лезвия: рабочие грани обрабатывались односторонней сплошной крутой, в сочетании с пологой, ретушью.

Микроследы: на концевом лезвии фиксируются следы от скобления дерева, а боковое – для скобления шкур. Скребок зажимали в руке, скобель – вставляли в рукоять.

Скребок-проколка

Имеет средний износ.

Заготовки: квадратный отщеп «вторичной» формы.

Форма, расположение и обработка рабочего лезвия: рабочие грани обрабатывались односторонней краевой крутой ретушью, уголки выделены намеренно.

Микроследы: один уголок применяли в качестве проколки, а концевое лезвие – для скобления шкур. Глубина проникновения острия в материал 0,5 см, диаметр отверстия 0,6 см. Скребок зажимали в руке.

Проколка-развёртка

Имеет сильный износ, выполнена на пластине. Рабочее лезвие подправляли, затем орудием недолго пользовались, жальце обозначено 2 крупными фасетками. Имеется абразивная подправка на одной грани, ретушь оформления крутая. Микроследы фиксируются на острие и боковых гранях: это царапины, пересекающие кромку, отмечены и на среднем ребре заготовки, на жальце они параллельны и перпендикулярны длинной оси пластины. Глубина проникновения острия в материал 2,4 см, диаметр отверстия 1,5 см. Этим орудием в рукояти могли прокалывать шкуры, сложенные в несколько слоёв.

Наконечник дротика-нож

Имеет слабую сработанность, выполнен на отщепе «вторичной» формы. Наконечник сломался от удара, от чего остались язычковидные и резцовые сколы на боковой грани. Позднее грань скола притупили. Следы сработанности от разрезания шкуры локализуются на одной грани, а на противоположной отмечается залощенность от руки. От использования в качестве наконечника остались только следы от крепления в рукояти.

Скребки-ножи

Всего 2 экз., износ слабый и средний.

Заготовки: прямоугольный отщеп «вторичной» формы и пластина, обе крупные (рис. 2, 1, 7).

Форма, расположение и обработка рабочего лезвия: рабочие грани обрабатывались односторонней краевой крутой в сочетании с пологой ретушью и ретушью утилизации.

Микроследы: на боковой грани фиксируются следы от срезания шкуры и подрезания мездры, на концевом лезвии – от скобления шкуры. Орудия зажимали в руке.

Кроме орудий для обработки различных материалов в коллекции жилища 2 имеются инструменты для производства самих орудий: нуклеусы, ретушер, абразив-ретушер, отбойники.

Нуклеусы

Всего 3 экз., все остаточные. Один цилиндрической формы, два других – клиновидной. На всех удлиненные негативы скальваний, карнизы оформлены редуцированием и абразивом, абразивом же подработаны и рёбра у 1 нуклеуса. На одном фиксируется применение техники контудара. Кроме того, имеются 6 экз. сколов оформления и продольны сколов с нуклеусов, нуклевидных обломков, площадки которых также обработаны редуцированием и абразивом.

Отбойники-абразивы

Всего 3 экз. Все из целых речных галек, длина 6; 7,3; 8,2 см. Степень сработанности можно определить как среднюю и сильную.

Микроследы: видны на обоих торцах заготовок. Забитость, выбоинки, пришлифованные участки сочетаются с линейными следами в виде часто расположенных царапин перпендикулярных и параллельных длинной оси орудия.

Скорее всего, отбойники использовались для редуцирования карнизов и в качестве абразивов.

Абразив

Выделен трасологически (табл. 1). Представляет собой гальку длиной 5,9 см, у которой сработана торцевая часть. Микроследы в виде царапин перпендикулярных и поперечных торцевой части, пришлифованных вершинок.

Ретушеры

Зафиксированы при помощи трасологического анализа. Рабочее лезвие одного располагалось на торцевой части речной гальки, другого – на жальце неудачной заготовки бифаса. Следы сработанности фиксируются на скошенном угле кромки, немного заходя на брюшко.

Кроме того, в коллекции присутствовали заготовки орудий и бракованные изделия. Заготовок и брака выделено типологически 25 экз., а трасологически – 29 экз. (табл. 1). Они представляют собой заброшенные рубящие орудия (3 экз.), неудачные бифасы (9 экз.), сколы от оформления орудий из «плитки» (13 экз.), скол-оформление площадки пренуклеуса (1 экз.), а также осколки с участками ретуши, но без следов использования.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- в качестве орудий использовались средние и крупные отщепы функционально значимой формы;
- предпочтение при создании инструментов отдавали «вторичным» заготовкам, на получение которых был направлен процесс расщепления кремня – это 2–3-гранные массивные сколы прямоугольной формы;
- не удалось зафиксировать устойчивого сочетания между формой и функцией орудий, скорее можно говорить о некоторой связи между формой заготовки, определенным видом ретуши и функциональным типом. Таким образом, на стадии типологического анализа можно почти безошибочно выделить функциональный тип орудий: просверливающие, скоблящие, режущие и т.д. На основании формы можно предположить еще и наличие рукоятей. Как правило, прямоугольные заготовки вставляли в рукояти (рис. 1, 4, 7, 9, 10, 11, 14; 2, 6, 8, 9). Но не удалось проследить закономерности между наличием рукояти и функцией, разве что рукоятями оснащались инструменты для обработки твердых материалов. Например, скобели и скребла для кости использовали в рукоятях потому, что производительность труда в этом случае увеличивалась;
- орудиями на «вторичных» отщепах пользовались обычно до полного износа лезвия. Иногда лезвие подправляли, после чего орудием или снова работали или откладывали его;
- «вторичные» отщепы чаще всего применяли для изготовления важных для хозяйства инструментов – рубящих, охотничьих и для обработки шкур;
- просверливающие орудия имели не очень большой диаметр и глубину проникновения в материал, т.е. они использовались для производства домашней утвари;
- проколками обрабатывали в основном тонкие шкурки. Выделяется лишь одно орудие с острием до 2,4 см для шкуры, сложенной в несколько слоёв;

- поселение Кочуровское IV существовало длительное время и было покинуто скорее всего весной, поскольку орудия для первичной обработки шкур, мяса, кремня и дерева сосредоточены на площадке поселка, но в тоже время в жилище активно шили меховую одежду, что в свою очередь происходило зимой, когда пушных зверей и добывали;
- для оформления орудий использовали чаще всего пологую и крутую ретушь, поскольку твердые материалы (дерево и кость), а также шкуры эффективнее всего обрабатываются массивными притупленными или слегка заостренными лезвиями.

Трасологический анализ кремневого инвентаря из межжилищного пространства Кочуровского IV поселения позволил выделить внутри сооружения несколько хозяйственных комплексов.

Охотничий комплекс включает оружие и орудия для переработки добычи: наконечники стрел и дротиков, мясные, «шкурные», рыбные ножи, скребки, проколки. Составляет 43,59% от общего числа орудий.

Деревообрабатывающий комплекс охватывает все виды работ по дереву, набор инструментов достаточно разнообразный: скобели, резцы, сверла, развертки, скребла, рубящие орудия, строгальные ножи. Всего 35,04% от общего числа.

Камнеобрабатывающий комплекс представлен нуклеусами, абразивами, ретушерами, отбойниками, сюда же входят орудия для обработки поделочного камня – всего 20,09% от общего числа.

Комплекс по обработке кости или рога самый малочисленный и представлен сверлом и долотом – 0,85% от общего числа.

К керамическому производству относятся сверло и пест – всего 0,85% от общего числа.

Таким образом, главное место в хозяйстве жителей Кочуровского IV поселения занимала охота и переработка добычи, а также обработка дерева, из которого делались все необходимые предметы быта.

Литература

Гусенцова Т.М. Поселение Кочуровское IV в бассейне р. Кильмезь // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск, 1980.

Поплевко Г.Н. Комплексный анализ хозяйства энеолитического поселения Константиновское на Нижнем Дону // Неолит – энеолит юга и неолит севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). Санкт-Петербург, 2003.

Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств, мезолит-энеолит. Л., 1983.

Цыгвинцева Т.А. Орудия труда энеолитического времени (по материалам жилища № 1 Кочуровского IV поселения в бассейне р. Вятки) // Человек, адаптация, культура. М., 2008.

КОМИНТЕРНОВСКИЙ КУРГАН № 2

А.А. Чижевский, А.С. Губин, А.В. Лыганов

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, г. Казань

В 2008 г. Первобытная экспедиция Национального научного центра Института истории им. Ш.Марджани АН РТ исследовала курган № 2 в окрестностях п. Коминтерн Спасского района РТ. Работы на памятнике были связаны с абразионными процессами на Куйбышевском водохранилище, которые привели к утрате части курганной насыпи.

Коминтерновский курган № 2 расположен на коренной террасе правого берега р. Ахтай, правого притока р. Кама, ныне подтопленного Куйбышевским водохранилищем, в 400 м к северо-западу от посёлка Коминтерн в Спасском районе РТ (Рис. 1). Площадка, на которой располагался Коминтерновский курган № 2, имеет ровную поверхность с повышением к востоку.

В настоящий момент в состав курганной группы входит и курган № 1, диаметром 12 м и высотой 0,5, расположенный в 60 м к юго-востоку от кургана № 2 (Рис. 2). В его центральной части отмечен грабительский вкоп диаметром 2,5×3 м. Поверхность курганов задернована и так же, как терраса, поросла дубовым лесом.

Памятник был открыт в 1980 году экспедицией под руководством Е.П. Казакова (Казаков, 1981; 1981а), в момент открытия курганная группа насчитывала три кургана, один из которых (№ 3) был исследован Е.П. Казаковым в 1981 г. (Казаков, 1982; 1983). Раскопками 1981 г. был установлен факт ограбления кургана № 3 и выявлено одно разрушенное погребение, содержащее глиняную погребальную посуду, атрибутированную как керамика черкаскульской культуры или приказанской культуры балымско-карташихинского этапа (Казаков, 1982, С. 8). В археологической карте Татарской АССР (Западное Закамье) сосуд из погребения кургана № 1 был определен как срубный (Старостин и др., 1986, № 542).

Как уже отмечалось, к моменту исследования курган сохранился не полностью, часть его, была разрушена водами Куйбышевского водохранилища (Рис. 2; 3). Курганная насыпь имела овальную в плане форму, вытянутую по линии северо-запад – юго-восток, перед началом работ ее размеры составляли 12×13,6 м, высота в сохранившейся части 0,34–0,62 м (Рис. 3). Судя по данным Е.П. Казакова, в 1980 г. диаметр кургана составлял 17 м (Казаков, 1981, С. 10).

Стратиграфия кургана.

Из десяти зачищенных профилей наиболее информативными были три: профиль западной стенки сектора 2 (Рис. 3, 2), профиль северной стенки сектора 2 (Рис. 3, 4) и профиль северо-западной стенки сектора 1 (Рис. 3, 3).

Профиль западной стенки сектора 2. На всем протяжении данного профиля отмечено отсутствие погребенной почвы. Курганная насыпь, состоящая из серо-коричневого гумусированного суглинка (1–1,05 м) начиналась непосредственно от материка, причем в нижней части отмечена некоторая его заглубленность в материковую глину. В центральной части прослежены линзы рыхлой глины, маркирующей котлован позднейшего грабительского вкопа. Серо-коричневый гумусированный суглинок перекрывает слой светло-коричневого суглинка мощностью 2–25 см, содержащий именьковскую и булгарскую домонгольскую керамику, выше фиксируется дерн толщиной 8–10 см.

Профиль северной стенки сектора 2. Здесь, как и на остальных профилях, отмечено отсутствие погребенной почвы. Курганная насыпь, состоящая из серо-коричневого гумусированного суглинка мощностью в центральной части 1–1,05 м, также начиналась от материка, причем на окраине кургана отмечена значительная ее заглубленность в материковую глину. По всей вероятности, перед началом производства работ по возведению курганной насыпи почву под ней выбириали до глины. В западной части профиля отмечен котлован погребения № 4, врезающийся в материковую глину, в центральной части прослежены линзы плотной обожженной глины и котлован погребения № 5. Серо-коричневый гумусированный суглинок перекрывает слой светло-коричневого суглинка мощностью 2–45 см, выше фиксируется дерн толщиной 8–10 см.

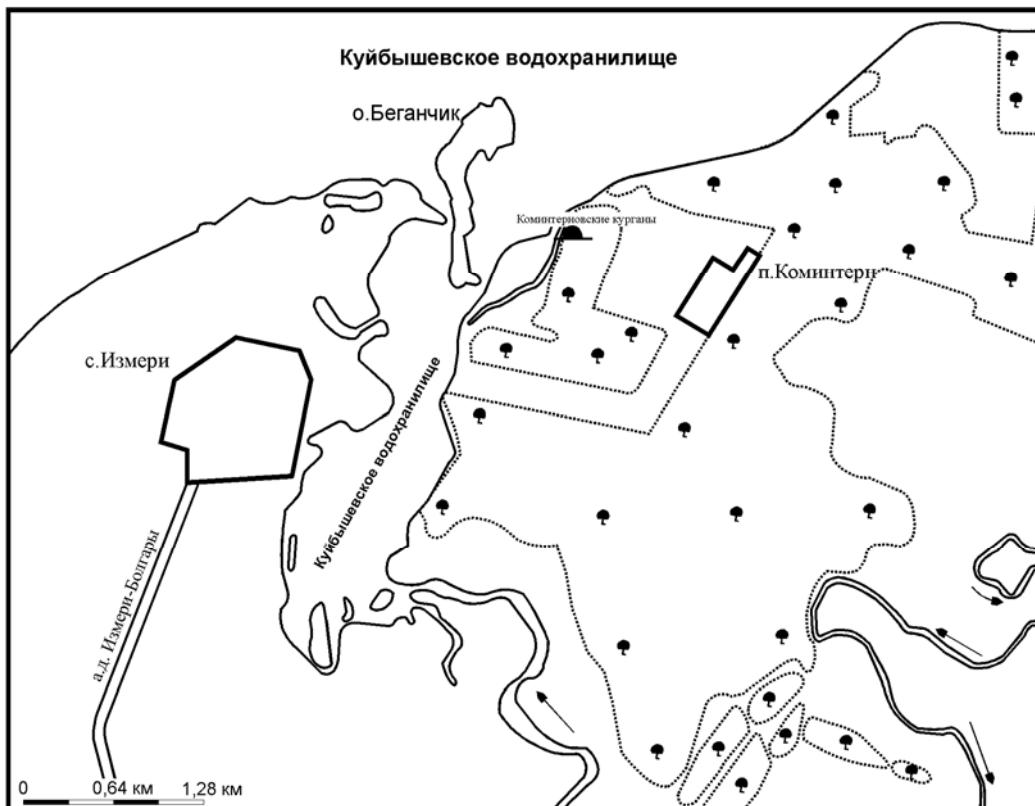

Рис. 1. Коминтерновские курганы. Ситуационный план.

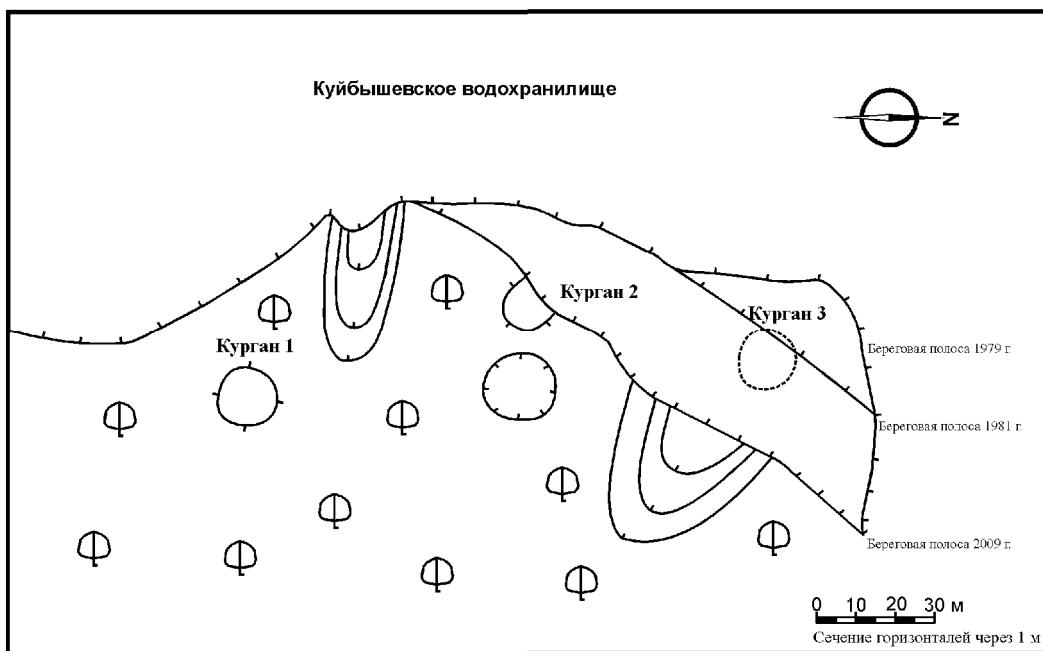

Рис. 2. Коминтерновские курганы. Общий план.

Профиль северо-западной стенки сектора 1. Отмечено отсутствие слоя погребенной почвы. В северной части профиля в центре курганной насыпи отмечена прослойка желтой глины мощностью 34–68 см, вероятно, какая-то первоначальная подсыпка курганной насыпи. Над ней зафиксирована собственно курганская насыпь, состоящая из серо-коричневого гумусированного суглинка мощностью 0,3–0,8 м. Выше отмечен прерывистый прослой светло-коричневого суглинка мощностью 2–25 см, выше – дерн.

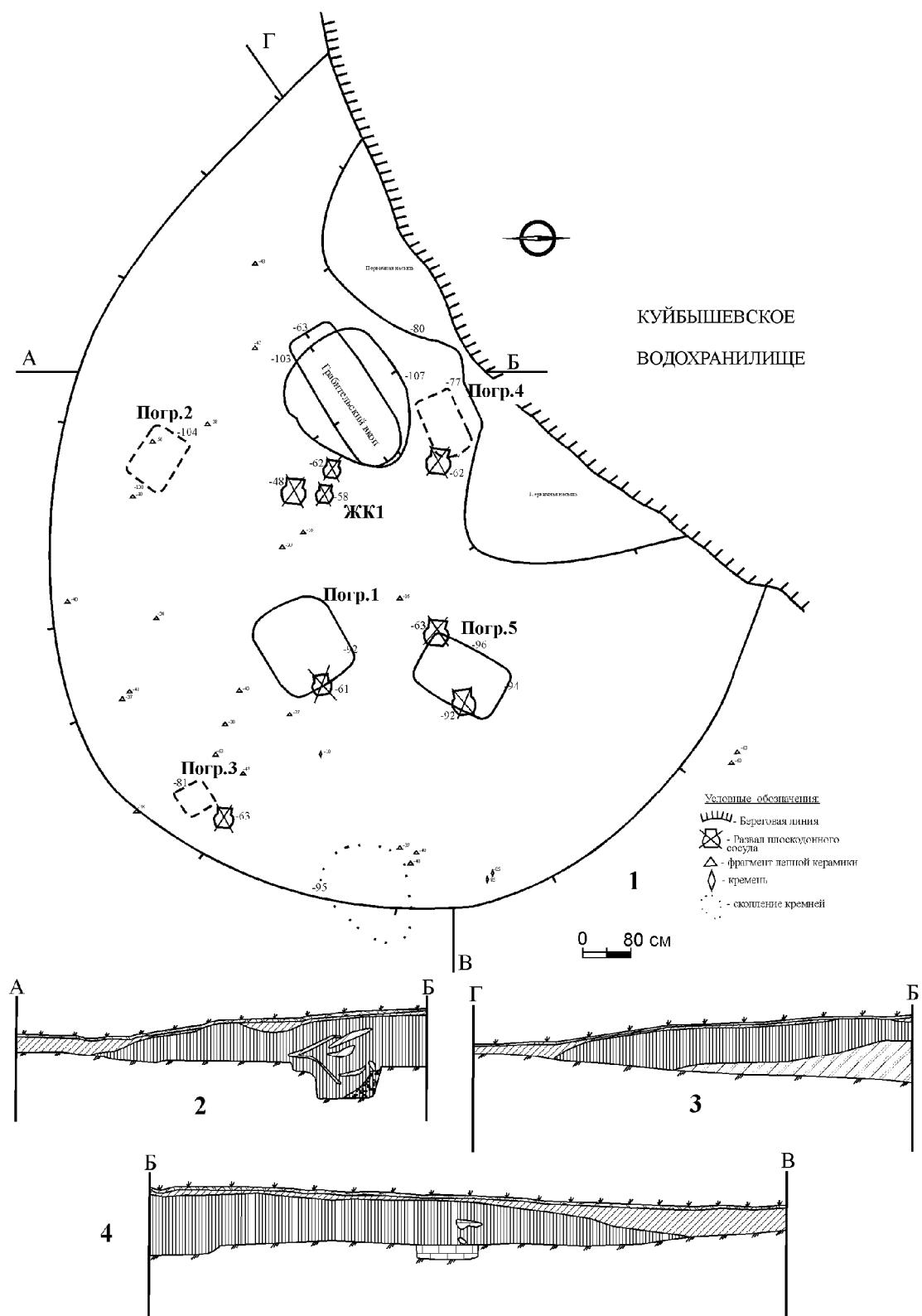

Рис. 3. Коминтерновский курган № 2. План.

Анализ стратиграфии и планиграфии раскопанного кургана позволяет реконструировать следующую последовательность его создания. 1) вначале была срезана с небольшим заглублением почва на месте сооружения кургана; 2) затем насыпана глинистая подушка в центре; 3) после этого было совершено погребение № 2; 4) далее была произведена досыпка курганной насыпи серо-коричневым гумусированным суглинком; 5) внутрь курганной насыпи были введены погребения № 1, 3–5, причем внутри двух могил костяки и засыпь были обожжены костром.

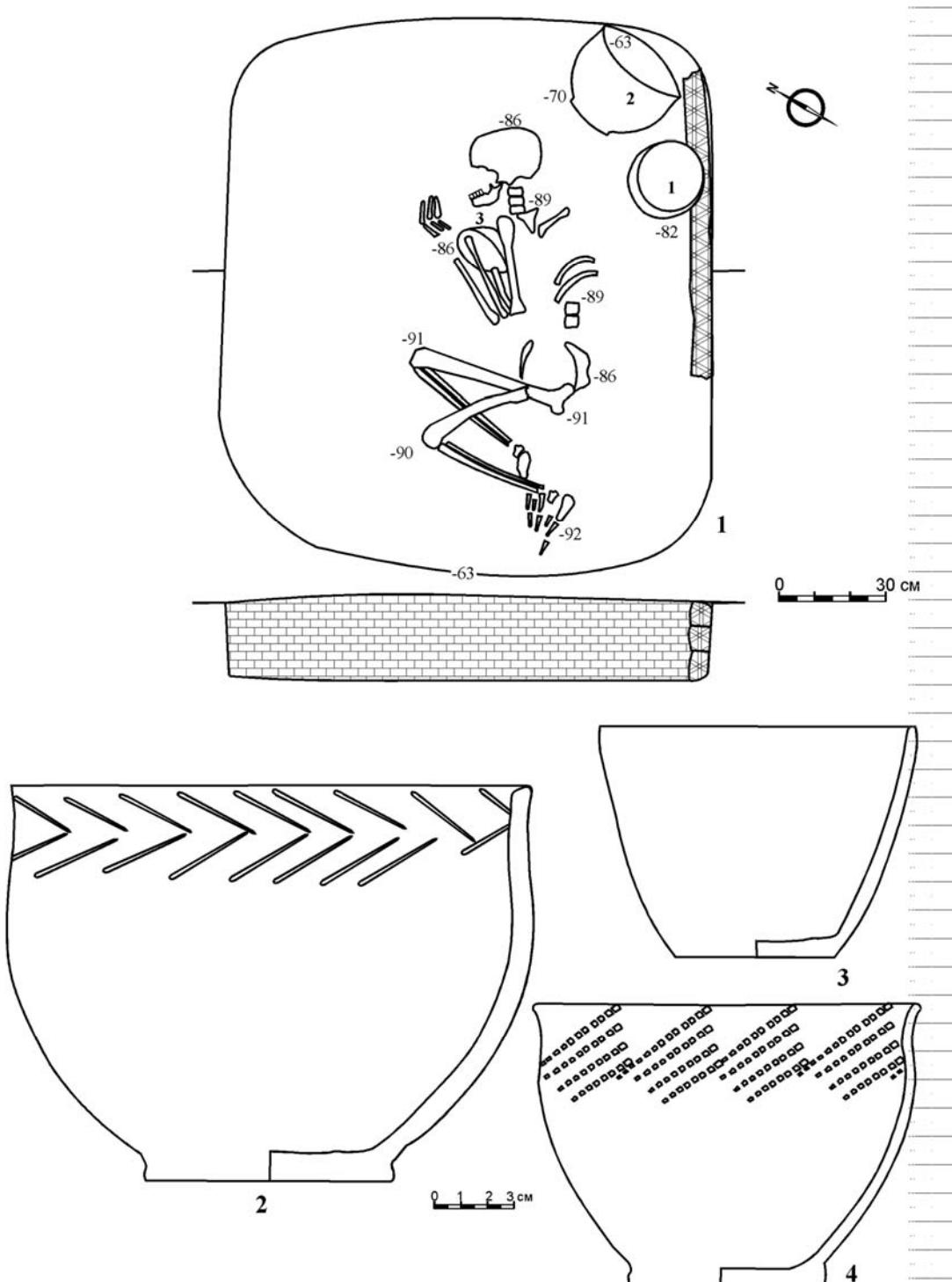

Рис. 4. Коминтерновский курган № 2.
1 – план погребения № 1; 2 – сосуд 2; 3 – сосуд 3; 4 – сосуд 1.

Находки в слое светло-коричневого суглинка, перекрывающего курганный насыпь.

В процессе работ в слое светло-коричневого суглинка на различных участках кургана была обнаружена керамика именьковской культуры (67 фр.), связанная, вероятно, с многочисленными именьковскими поселениями, располагавшимися в этих местах. Самыми известными из них являются Коминтерновское городище и поселение «Курган». Выявлено 7 фрагментов венчика, 54 фрагмента стенок и 6 днищ на глубине от 16 до 60 см от нулевой отметки. Датировка именьковской керамики определена основными исследователями в пределах V–VII вв. н.э. (Старостин, 1967).

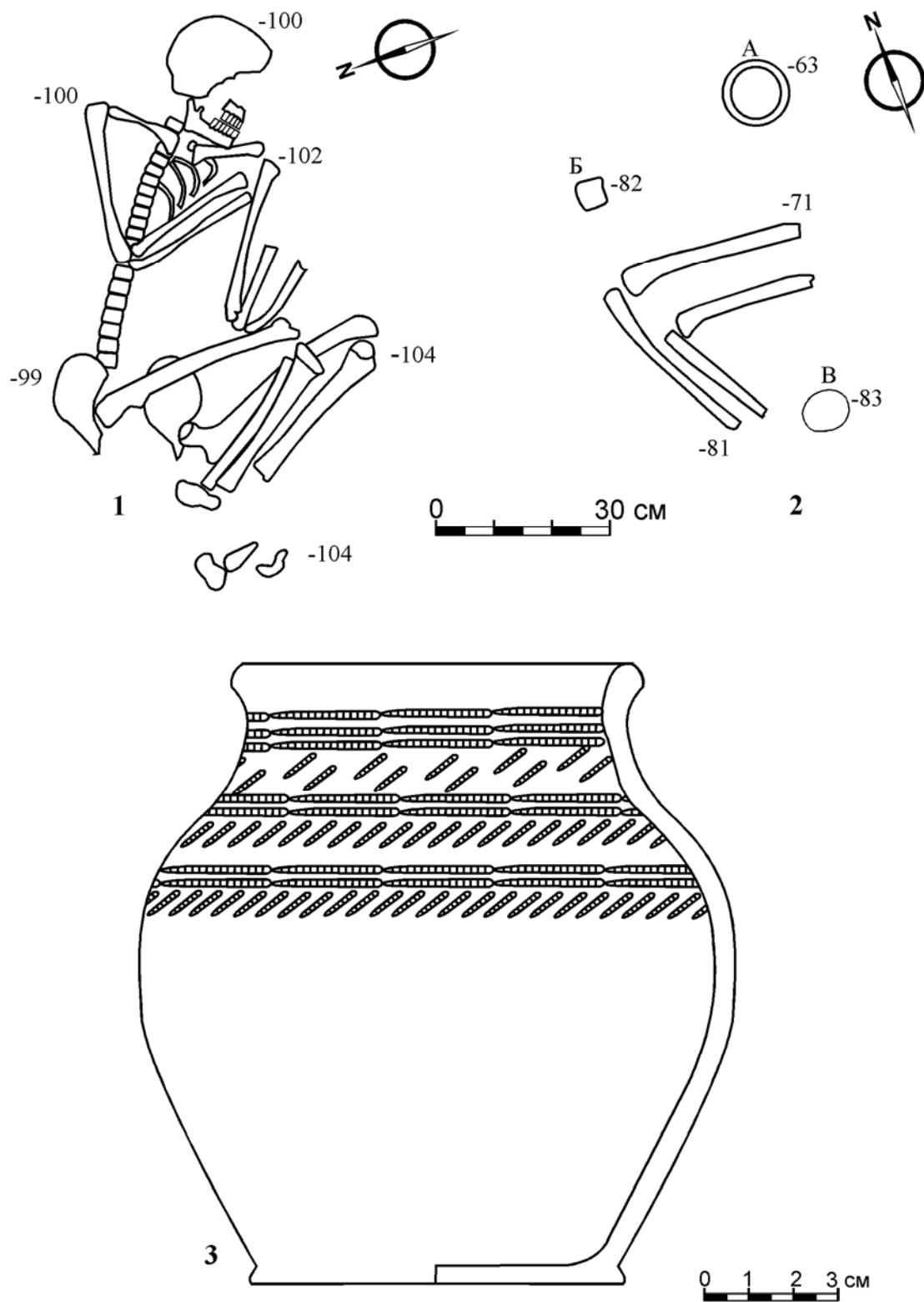

Рис. 5. Коминтровский курган № 2.
 1 – погребение № 2; 2 – погребение № 3; А – развал сосуда; Б – фрагмент керамики;
 В – центральный корень дуба; 3 – погребение № 3, сосуд.

Керамика булгарской культуры представлена всего двумя фрагментами венчика, выявленными в северо-восточном секторе кургана. Датируется керамика булгарским домонгольским временем (Кокорина, 2002).

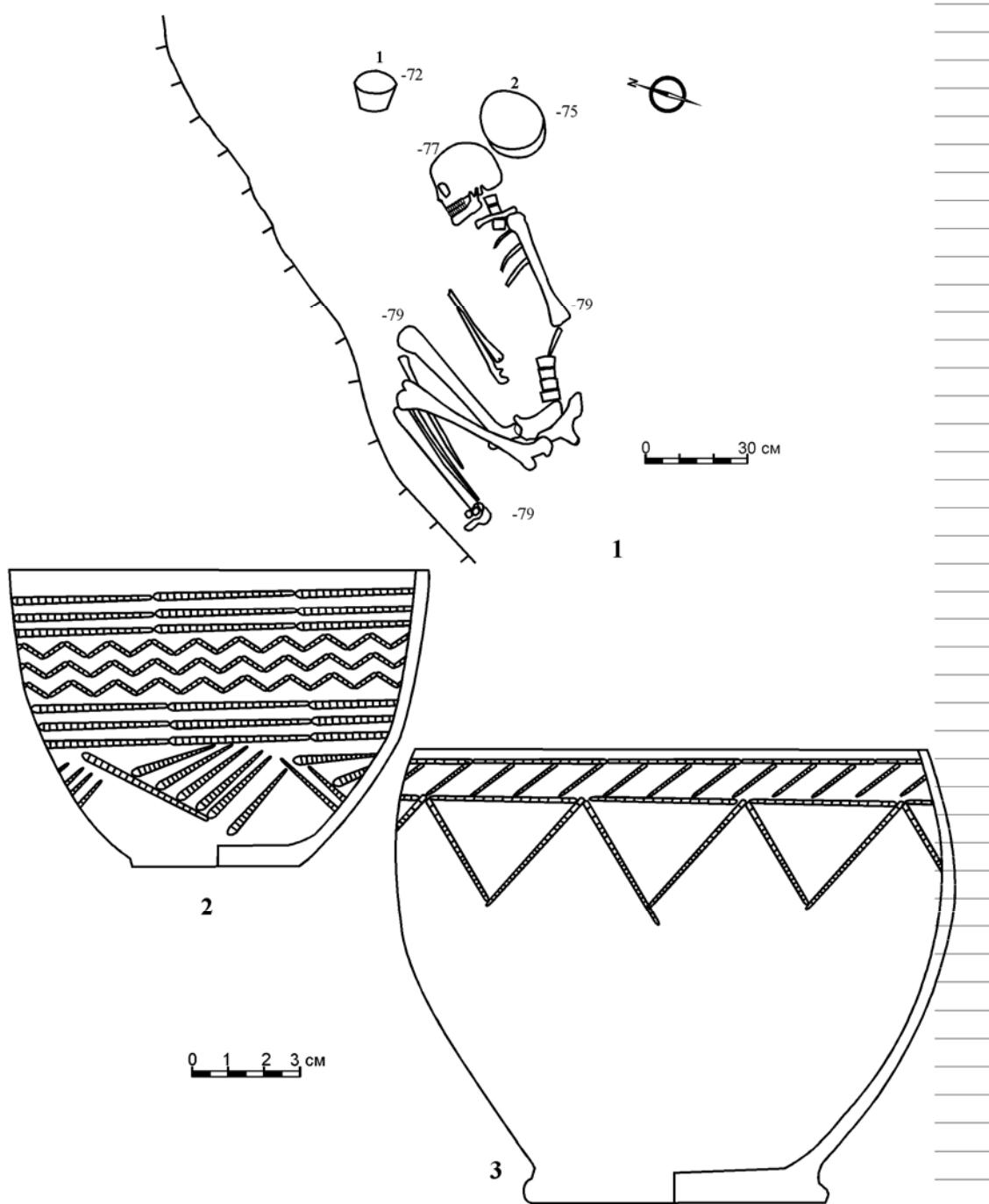

Рис. 6. Коминтерновский курган № 2.
1 – план погребения № 4; 2 – сосуд 1; 3 – сосуд 2.

Найдены в насыпи.

Непосредственно в курганной насыпи выявлено около 10 фрагментов керамики эпохи поздней бронзы, которая в культурном отношении соответствует керамике из погребений. Глубина залегания этой керамики, небольшие размеры фрагментов и концентрация в юго-восточном секторе позволяют предположить ее происхождение из разрушенного корнями деревьев погребения 3.

Найдены в материковой глине и нижней части насыпи концентрируются в восточной части курганной насыпи и вне ее. Они представлены кремневыми изделиями в скоплении размерами 184×146 см, компактность находок и отсутствие следов сооружений могут свиде-

тельствовать о том, что это была производственная площадка на открытом воздухе, судя по составу кремневых изделий и технике изготовления, она относится к усть-камской культуре эпохи палеолита-мезолита (Галимова, 2001).

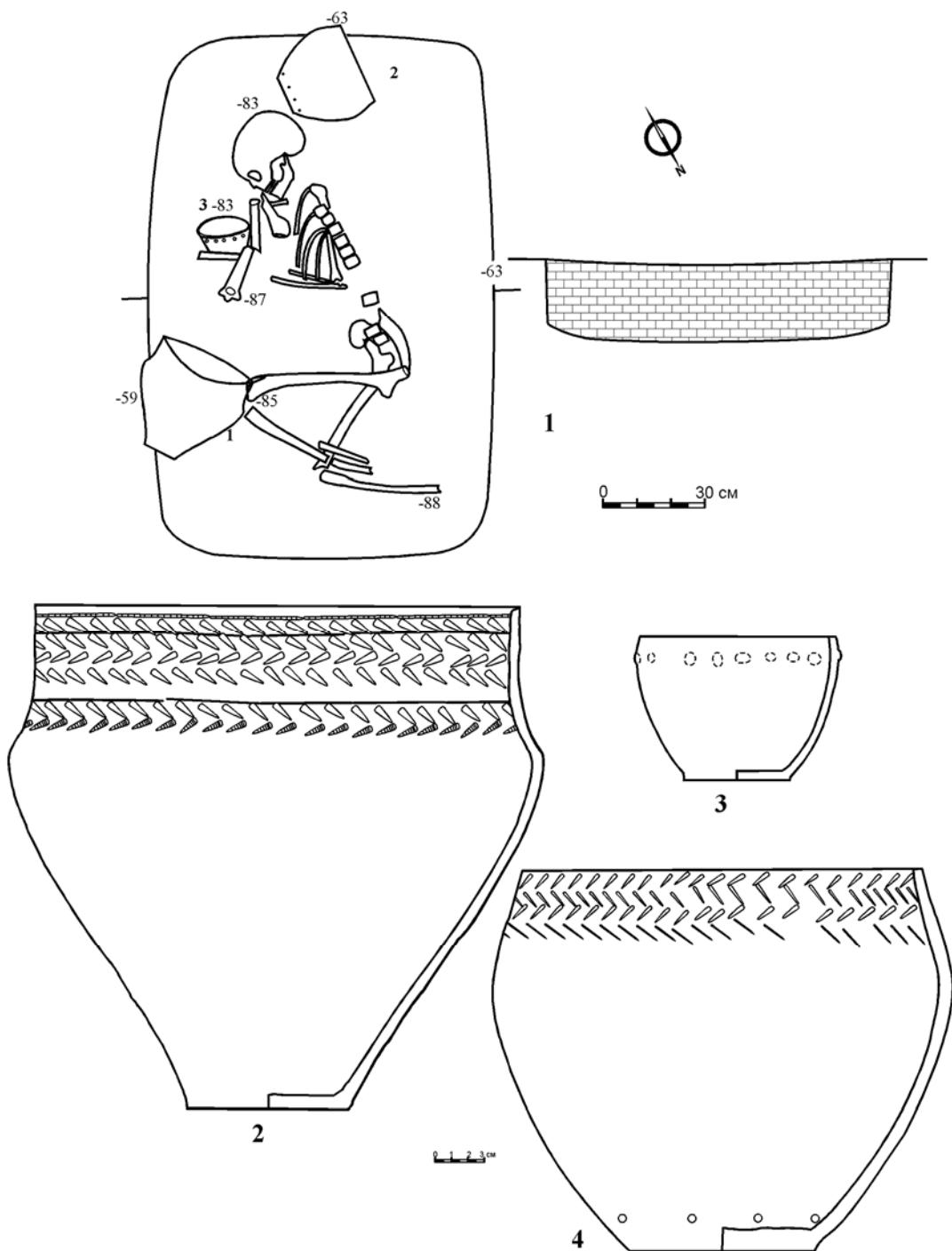

Рис. 7. Коминтерновский курган № 2.
1 – план погребения № 5; 2 – сосуд 1; 3 – сосуд 3; 4 – сосуд 2.

Описание погребений.

Погребение № 1 (Рис. 4, 1). Глубина дна – 89–92 см. Первые следы погребения появились на глубине 63 см от нулевой отметки в виде пятна ярко оранжевого цвета, которое состояло из обожженной почвы (прокала). Дно ямы плоское, стени отвесные. Могильная яма имела очертания неправильного подчетырехугольника (158×139 см) и была вытянута по оси

северо-восток – юго-запад, прокал полностью заполнял погребение, толщина его составляла 20–25 см. В восточной части могильной ямы были отмечены два глиняных плоскодонных сосуда (Рис. 4, 2, 4), орнаментированных отисками гребенки и гладкого штампа. Между сосудами и стенкой могильной ямы отмечена угольная полоса, возможно, следы деревянных конструкций (Рис. 4, 1).

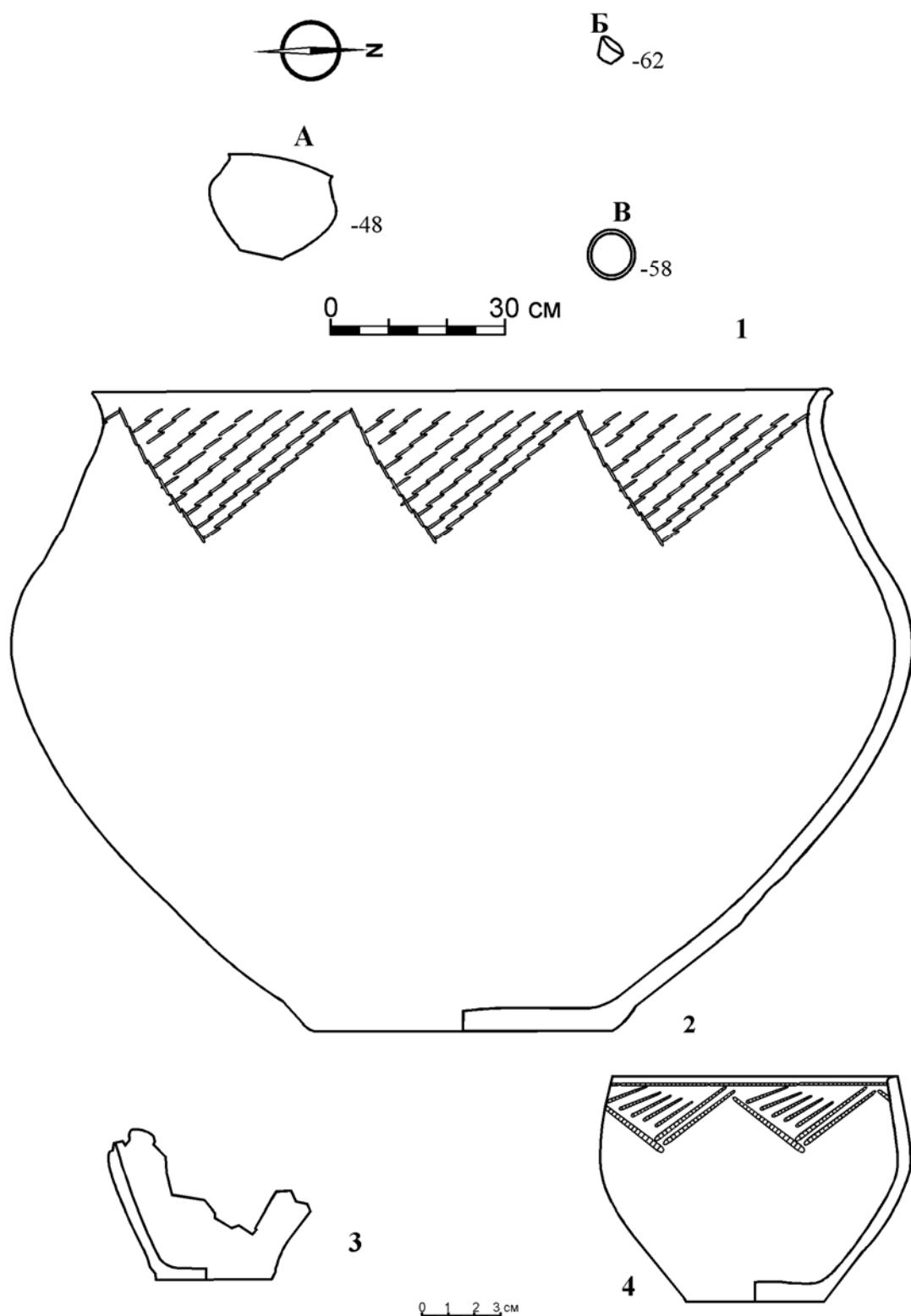

Рис. 8. Коминтерновский курган № 2.
1 – жертвенный комплекс № 1; 2 – сосуд 1; 3 – сосуд 2; 4 – сосуд 3.

Костяк человека лежал на дне могильной ямы (гл. 86–92) скорченно на правом боку, головой на северо-восток. Кости человека почернели от высокой температуры. Череп обращен лицом на северо-запад. Руки согнуты в локтях, кисти размещены рядом с нижней челюстью. Ноги согнуты в коленях, левое колено располагается несколько ниже правого. Между руками найден третий глиняный плоскодонный сосуд чашевидной формы без орнамента (Рис. 4, 3), как бы прижатый к груди.

Погребение № 2 (Рис. 5, 1). Глубина фиксации костяка 100–104 см. Следов могильной ямы не обнаружено. Костяк человека выявлен на глубине 100–104 см. Он лежал скорченно на левом боку головой на юго-восток. Череп обращен лицом на юго-запад. Руки согнуты в локтях, правая кисть размещена над левым плечом, левая несколько ниже. Ноги сильно согнуты в коленях, причем правое колено упирается в локоть левого. Сопровождающий инвентарь отсутствует.

Погребение № 3 (Рис. 5, 2). Глубина фиксации костяка – 71–81 см. Следов могильной ямы не выявлено. Сильно поврежденный костяк человека обнаружен на глубине 71–81 см. По всей вероятности, костяк разрушен корнями дуба, который рос непосредственно над погребением. Частично сохранились лишь кости ног, лежащие на правом боку и согнутые в коленях. Судя по расположению этих костей, погребенный лежал скорченно, на правом боку, головой на северо-восток. Немного выше, перед несохранившейся грудью погребенного, выявлен глиняный плоскодонный сосуд крынковидной формы (Рис. 5, 3), орнаментированный оттисками гребенки.

Погребение № 4 (Рис. 6, 1). Глубина фиксации костяка – 77–79 см. Первые следы погребения появились на глубине 42–65 см от нулевой отметки. Могильная яма своей северо-западной частью рассекла слой желтой глины темных оттенков, насыпанной в центральной части курганной насыпи. Судя по профилям, юго-западная стенка могильной ямы отвесная, северо-западная – покатая, дно плоское. Полностью очертаний могильной ямы установить не удалось.

Костяк человека выявлен на глубине 77–79 см. Он лежал скорченно на правом боку, головой на северо-восток. Череп обращен лицом на северо-запад. Кости рук сохранились плохо, но, судя по костям левой руки, они были согнуты в локтях и обращены кистями в сторону головы. Ноги сильно согнуты, так что правое колено располагалось на уровне груди. В изголовье и немного в стороне от черепа отмечено два глиняных плоскодонных сосуда. Сосуд № 1 (Рис. 6, 2) сохранился практически без повреждений, он имел чашевидную форму и был орнаментирован оттисками гребенки. Сосуд № 2 (Рис. 6, 3) банковидной формы также орнаментирован гребенчатым орнаментом, образующим заштрихованные треугольники.

Погребение № 5 (Рис. 7, 1). Глубина дна – 88 см. Первые следы погребения появились на глубине 63 см от нулевой отметки в виде пятен ярко оранжевого цвета, которые состояли из обожженной почвы (прокала). Дно ямы вогнутое, стенки отвесные. Могильная яма имела подпрямоугольные очертания (155×94–103 см) и была вытянута по оси юго-запад – северо-восток, прокал полностью заполнял погребение, толщина его составляла 21–23 см.

Костяк человека лежал на дне могильной ямы (гл. 83–88) скорченно на правом боку по диагонали к оси могильной ямы, головой на юг. Кости человека почернели от высокой температуры. Череп обращен лицом на северо-запад. Кости рук сильно повреждены, правая плечевая и кости предплечья сломаны и довольно беспорядочно лежат перед грудью. Судя по сохранившимся в неповрежденном состоянии костям левой руки, в момент погребения руки были согнуты в локтях и лежали под углом в 45 градусов по отношению к телу. Ноги согнуты в коленях, правое колено располагается под углом в 45 градусов по отношению к телу, параллельно костям левого предплечья, левая нога лежит несколько ниже правой. Над правым коленом, на боку, устьем к голове погребенного лежал крупный глиняный плоскодонный сосуд (№ 1) (Рис. 7, 2) с узким дном и широкой горловиной, орнаментированный клиновидным гладким и гребенчатым штампами. В изголовье за затылком, над черепом, на глубине 63 см лежал глиняный плоскодонный баночного формы сосуд № 2 (Рис. 7, 4), орнаментированный отпечатками клиновидного гладкого штампа. В районе кистей рук найден третий глиняный плоскодонный сосуд чашевидной формы, орнаментированный ямками, нанесенными изнутри, которые образуют выпуклины жемчужины снаружи (Рис. 7, 3), как и в погребении № 1, сосуд был расположен между кистями рук.

Жертвенный комплекс № 1 (?) (Рис. 8, 1). Глубина фиксации керамики – 48–62 см. Следов ямы не зафиксировано. Выявлено три глиняных плоскодонных сосуда. На глубине 48 см найден крупный горшок, орнаментированный отпечатками крупного шнуря (Рис. 8, 2), который был раздавлен и лежал на боку устьем на северо-запад, в 50 см к северо-западу от него располагался небольшой сильно поврежденный чашевидный сосуд без орнамента (Рис. 8, 3). Третий сосуд (Рис. 8, 4) располагался в 40 см к северо-востоку от сосуда №1, он стоял на дне устьем вверх и был орнаментирован оттисками гребенчатого штампа, образующими заштрихованные треугольники. Ввиду того, что сосуды находились примерно на одном уровне (подобным образом располагались сосуды в погребениях данного кургана), правомерно их объединить в один комплекс. Не исключено, что данные сосуды относятся к разрушенному погребению, так как грабительская яма располагается неподалеку. Здесь же обнаружен отщеп окремнелого известняка.

Погребальный обряд

Костяки в погребениях были уложены в скорченном положении, на правом боку в четырёх случаях, и в одном – на левом. Устойчивой ориентировки погребений не наблюдалось. В основном преобладала северная ориентировка (в трёх случаях) и по одному случаю – южная и юго-восточная. Погребения в кургане сопровождались сосудами, кроме погребения № 2, в котором керамика отсутствовала. Каких-либо других предметов в погребениях не было. В трех случаях в набор погребального инвентаря входят три сосуда, один из которых значительно меньше остальных по размеру, присутствие одиночного сосуда в погребении №3 объясняется слабой сохранностью погребения, вероятно, были и другие сосуды, уничтоженные, так же как и костяк, корнями деревьев.

В погребениях № 1 и 5 зафиксирован обжиг костяка и могильной ямы. Этот обряд не характерен для местного населения эпохи поздней бронзы, аналогии ему отмечены на западе: случаи массового использования огненных ритуалов выявлены на могильниках поздняковской культуры (Бадер, Попова, 1987, С. 133, Рис. 69, 71), известны подобные ритуалы и в материалах срубных могильников Поволжья, однако они носят характер единичных случаев.

Фиксация в курганной насыпи трёх сосудов вне погребений позволяет предположить наличие здесь жертвенного комплекса. Подобные жертвенники известны в курганных насыпях эпохи поздней бронзы Урало-Поволжья (Обыденнов, Обыденнова, 1996, С. 31).

Вещевой комплекс

Вещевой комплекс Коминтерновского кургана № 2 представлен исключительно керамикой. Всего в погребениях под курганной насыпью выявлено 12 сосудов, которые имели примеси органики и мелкого шамота в глиняном тесте.

Пять из них – сосуды 1 и 2 погр. № 1 (Рис. 4, 2, 4), сосуд 2 погр.4 (Рис. 6, 3), сосуд 2 погр.5 (Рис. 7, 4), сосуд 2 ЖК № 1 (Рис. 8, 4) – по форме и орнаментации соотносятся с керамикой сусканского-луговской культуры (Калинин, Халиков, 1954, Рис. 13, 4,7; 37,1–3; З布鲁ева, 1960, Рис. 5; Казаков, 1978; Халиков, 1969, Рис. 59; Халиков, 1980, Табл. 24, 30).

Небольшие чашечки, всего их три – сосуд 3 погр.1 (Рис. 4, 3), сосуд 1 погр.4 (Рис. 6, 2), сосуд 3 ЖК № 1 (Рис. 8, 4), по своей форме близки сосудам из пог.5 и 6 Балымского могильника (Калинин, Халиков, 1954, Рис. 33,2; 35). Сосуды подобной чашевидной формы известны в материалах поздняковской культуры, особенно типичен здесь орнамент из «жемчужин», вдавленных изнутри (Бадер, Попова, 1987, С. 133, Рис. 69). Подобный орнамент отмечен и на сосуде 3 погр. № 5, что может свидетельствовать о его принадлежности к поздняковской культуре.

Один – сосуд из погребения № 3 крынковидной формы (Рис. 5, 3) также находит аналогии в сусканского-луговских (Колев, 1991, Рис. 10,1) и межовских памятниках (Обыденнов, Шорин, 1995, Рис. 45, 1; Обыденнов, 1998а, Рис. 4, 2; 66, 1; 70, 1). Однако орнаментация на данном сосуде отлична от межовской и достаточно типична для нижнекамских сусканского-луговских памятников эпохи поздней бронзы, тем более что сосуды закрытых форм, приближающихся по форме к крынковидным, известны и в материалах черкаскульской культуры (Обыденнов, Шорин, 1995, Рис. 11, 1).

Необычен сосуд 1 ЖК № 1 (Рис. 8, 2), по форме он сближается с сусканского-луговской керамикой, но орнаментация, имитирующая шнуровой орнамент, довольно редка в Волго-Камье, аналогии ей прослеживаются в керамическом комплексе Большетарского (Балымского) I поселения (Халиков, 1980, Табл. 25, 7).

Сосуд № 1 погр. № 5 (Рис. 7, 2), высокий, с узким дном, широкой горловиной с цилиндрической шейкой и наибольшим расширением в верхней трети сосуда, орнаментирован отисками клиновидного штампа. Сосуды подобной формы известны на межовских памятниках (Обыденнов, Шорин, 1995, Рис. 44, 1; Обыденнов, 1998, Рис. 71, 4). Однако цилиндрическая горловина, острое ребро плечика, орнаментация, отличная от межовской и близкая к западным образцам, свидетельствуют в пользу поздняковского происхождения данного сосуда (Бадер, Попова, 1987, С. 133, Рис. 69, 71).

Сосуд 2 из ЖК № 1 (Рис. 8, 3), к сожалению, не сохранился полностью и не содержит в уцелевшей части орнамента.

Хронология

К сожалению, каких либо датирующих предметов в погребениях Коминтерновского кургана № 2 выявлено не было, поэтому датировка его основывается на дате керамических комплексов, зафиксированных в нем. Выше уже отмечался неоднородный характер погребально-го инвентаря и обряда данного кургана, здесь обращает на себя внимание сочетание признаков двух культур – сусканского-луговской и поздняковской.

Основная масса керамики и погребальный обряд относятся к сусканского-луговской культуре, однако ряд признаков, а именно 1) обжиг костяка внутри могильной ямы (в поздняковской культуре использование огня в погребальных обрядах довольно распространено (Бадер, Попова, 1987, С. 132); и 2) наличие в ряде погребений поздняковских сосудов, свидетельствует пользу присутствия здесь поздняковских элементов. Соответственно и датировка кургана № 2 полностью основывается на хронологии сусканского-луговской и поздняковской культур.

Сусканского-луговская культура датируется основными исследователями XV–XIV – XIII–XII вв. до н.э. (Колев, 2000, С. 250; Обыденнов, 1998, С. 42; Чижевский, С. 173–176). Дата поздняковской культуры определена в пределах XV–XIII вв. до н.э. (Бадер, Попова, 1987, С. 135). По всей вероятности, так же можно датировать и Коминтерновский курган № 2.

Литература

- Бадер О.Н., Попова Т.Б. Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
- З布鲁ева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. 1960. № 80.
- Галимова М.Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье реки Камы». М., 2001.
- Казаков Е.П. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья. Казань, 1978.
- Казаков Е.П. Отчет о работе Раннеболгарской археологической экспедиции в 1980 году. Казань, 1981 // Архив ИА РАН. 1981. Р-1. № 7769.
- Казаков Е.П. Работы Раннеболгарской экспедиции // АО. 1980. М., 1981а.
- Казаков Е.П. Отчет о работе Раннеболгарской археологической экспедиции в Татарии 1981 году. Казань, 1982 // Архив ИА РАН. 1982. Р-1. № 8864.
- Казаков Е.П. Исследования Раннеболгарской экспедиции // АО. 1981. М., 1983.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1952 гг. // МИА. 1954. № 42.
- Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. (к проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). Казань, 2002.
- Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.
- Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург, 1995.
- Обыденнов М.Ф. Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа, 1998.
- Обыденнов М.Ф. Межовская культура. Уфа, 1998а.
- Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ. Вып. Д1–32. М., 1967.
- Старостин П.Н., Халиков А.Х., Габышев Р.С., Кочкина А.Ф. Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Часть I. Казань, 1986.
- Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
- Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. Вып. В1–24. М., 1980.
- Чижевский А.А. Финал бронзового века на территории Нижнего Прикамья: некоторые аспекты проблемы // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции. – Екатеринбург-Сургут, 2007.

РАСКОПКИ ПЛЕХОВСКОГО МОГИЛЬНИКА В СОЛИКАМСКОМ РАЙОНЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Е.В. Чуйкина

*Пермский краевой научно-производственный центр по охране памятников
(объектов культурного наследия), г. Пермь*

В августе 2008 года отрядом Камской археологической экспедиции (КАЭ) были начаты противоаварийные раскопки Плеховского могильника в Соликамском районе Пермского края. Цель работ – спасательные археологические раскопки на памятниках археологии, которые подвергаются грабительским раскопкам. Работы финансировались из бюджета Пермского края по заданию Министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края.

Памятник археологии «Плехово, могильник» расположен в 2,3 км к северо-западу от пос. Чертеж и в 0,3 км к северо-западу от бывшей д. Плехово. Памятник находится на практически ровной площадке террасы правого берега р. Боровица (Боровая), левого притока р. Камы, на высоте до 8 м от уровня р. Боровица. Площадка практически вся поросла хвойным лесом, высаженным ровными рядами и образующим аллеи. Через центральную часть могильника проходит грунтовая дорога.

Впервые упоминание могильника встречается в трудах А.А. Дмитриева и И.Я. Кривошеекова (Дмитриев, 1891, С. 80; Кривошееков, 1911, С. 136). В 1949 году могильник был осмотрен сотрудниками Камской археологической экспедиции В.А. Обориным и В.П. Денисовым. Исследователями было отмечено, что могильник разрушен: большей частью распахан. Кроме этого на территории могильника они зафиксировали углубления диаметром до 4–5 м, которые были ими интерпретированы как следы от выкорчевки деревьев (поскольку при вскрытии нескольких подобных углублений не было ничего найдено). Однако, местные жители информировали исследователей о находках на пашне и при раскорчевке леса бронзовых и медных вещей. Несколько вещей были переданы археологам (основа шумящей подвески с изображением птиц, флаконовидная подвеска, пронизка, обломок браслета), а впоследствии опубликованы (Оборин, 1951, С. 200–202). Могильник авторами был датирован периодом родановской культуры (Х–XIV вв.).

После обследования 1949 года данный могильник оказался вне зоны внимания археологов, возможно оттого, что считался разрушенным. Сведения о памятник были включены лишь в сборник 1986 года «Список археологических памятников Пермской области (к Своду памятников истории и культуры РСФСР)», на государственный учет памятник поставлен не был (Памятники истории и культуры Пермской области, 1993; Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области, 2001).

Территория в окрестностях могильника и после 1950-х гг. неоднократно осматривалась исследователями-археологами (открыты и исследовались Плеховское селище и городище) (Оборин, 1949; Мельничук, 1977; Белавин, 1981), однако раскопки могильника не предпринимались.

В 2007 году памятник был осмотрен сотрудником КАЭ ПГУ С.В. Скорняковой в ходе разведки и мониторинга состояния и использования памятников археологии Соликамского района. В задачи мониторинга входила проверка состояния памятника, его сохранности и пригодности для раскопок с целью постановки объекта культурного наследия на государственный учет. Тогда, при осмотре памятника, были обнаружены следы грабительских раскопок. На могильнике был снят топографический план с нанесением на него мест грабительских раскопов и зондажей почвы, проведена фотофиксация, собран подъемный материал, а также произведена зачистка стенки грабительских вкопов. Площадь распространения грабительских мелких ям и более крупных вкопов и шурфов составила около 9 га (Скорнякова, 2007).

В 2008–2009 году по заданию Министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края были начаты противоаварийные раскопки могильника.

Перед началом раскопок территория памятника была осмотрена вновь. Кроме небольшого количества новых грабительских вкопов, на территории памятника было зафиксировано ведение лесозаготовительной деятельности – в центральной части памятника проведены вырубки, часть культурного слоя была разрушена в месте разворота тяжелой техники (Чуйкина, 2008; Чуйкина, 2009).

В ходе полевых противоаварийных исследований в 2008 году на территории памятника археологии «Плехово, могильник» для получения информации о характере и мощности культурных напластований, а также для выяснения характера грабительских ям и раскопов, были заложены три раскопа в различных частях площадки могильника и на участках с различной степенью разрушения грабительскими вкопами. Поскольку памятник археологии расположен на территории лесного фонда, раскопы закладывались таким образом, чтобы не допустить порубку деревьев и минимально затронуть лесопосадки (т.е. располагались в местах, свободных от деревьев). Общая площадь изученных культурных напластований составила 140 кв.м., было зафиксировано десять ям и 17 погребений, часть которых оказалась нарушена грабительскими вкопами.

Очертания ям и погребений фиксировались на глубине от 0,25 до 0,4 м от поверхности.

В четырех из десяти зафиксированных на раскопах ям находок не обнаружено. Большинство ям округлой формы небольших размеров. В яме № 1 обнаружены две бронзовых поясных накладки. Учитывая непосредственную близость ямы к погребению 2 и слабо выраженные очертания ямы, можно предположить, что яма является выбросом из погребения. При разборе ямы № 6 было найдено серебряное височное кольцо и мелкий фрагмент керамики. В яме № 8 обнаружены серо-зеленая пастовая ребристая бусина, бронзовая гирьковидная привеска и несколько мелких фрагментов керамики. Очертания ямы № 4 были очень слабо выражены, часть ее разрушена грабительским вкопом. В плане сохранившаяся часть ямы имела вытянутую форму шириной 0,5 м, длина сохранившейся части около 1,0 м. В профиле яма имела чашевидную форму с наклонными стенками и почти плоским дном. Изначально данная яма была принята за кротовину. Однако, при ее разборе, были найдены остатки поясной гарнитуры (с остатками ремня, меха, бересты), состоящей из нескольких однотипных бронзовых накладок, а также бронзовый перстень. Кроме этого, в процессе снятия горизонтов (до уровня фиксации погребений), здесь были найдены бронзовые пронизка и накладка. Исходя из этого, можно предположить, что данная яма могла представлять собой остатки разрушенного грабителями погребения.

Интересным объектом на раскопе III была канава, ориентированная по оси северо-восток – юго-запад. При ее разборе было найдено 7 отдельных предметов (серебряная серьга, пастовая бусина, бронзовые гирьковидная привеска и пронизка, билоновая поясная накладка, железные наконечник и обломок предмета), несколько фрагментов керамики, фрагменты костей и зубов животных, а также развал керамического орнаментированного сосуда. Вполне возможно, что данный объект (канава) ограничивал какую-либо часть могильника либо служил для других целей, связанных с обрядом погребения.

Погребения, выявленные на могильнике в ходе раскопок в 2008 году, имели различную ориентацию по сторонам света. Большая часть погребений была ориентирована по оси север – юг или северо-восток – юго-запад. Несколько погребений были ориентированы по оси северо-запад – юго-восток. Погребальный обряд, применявшийся на могильнике – трупосожжение, это подтверждается наличием углистого слоя в могильных ямах и редкими находками обожженных костей. Большинство могильных ям имело подпрямоугольную со склоненным углами или вытянутую овальную форму, иногда могильные ямы были почти округлыми. Средние размеры погребений составили 0,7–1,0x1,2–1,8 м. Заполнены погребения были слоями темного песка различных оттенков (темно-серого, серо-желтого и т.п.) с вкраплениями угля.

В целом, по итогам раскопок выявленных в 2008 году 17 погребений, фиксируется наличие одного типа погребального обряда, применявшегося на могильнике – трупосожжение полное либо частичное (практически полное). Это подтверждается несколькими факторами. Во-первых, полным отсутствием, либо очень сильной фрагментарностью антропологического материала в погребениях. Зафиксированные редкие человеческие останки представлены в ос-

новном фрагментами трубчатых костей конечностей, зачастую имеющими следы огня. Во-вторых, наличием в заполнении погребений пятен и линз, заполненных углистым слоем. В-третьих, часть предметов, найденных в погребениях также имела следы огня (фрагменты керамики, бронзовые изделия). Вполне возможно, что часть трупосожжений совершилась на стороне, а затем в погребениях захоранивались лишь остатки. Кроме этого, в песчаном слое фрагменты остеологического материала сохраняются очень плохо.

Из семнадцати погребений, выявленных на раскопах в 2008 году – в трех не было ничего найдено (это погребения 4, 9, 11). Однако, погребение 9 было очень сильно разрушено грабительским вкопом, а погребение 4 было нарушено корнями деревьев и грабительским вкопом. В погребении 17 были зафиксированы лишь два фрагмента керамики, а в погребении 3 были найдены лишь мелкие кости (неопределенные), а также это было единственным погребением, в котором было найдено довольно большое скопление кальцинированных мелких костей. В остальных погребениях кроме керамики, встречались индивидуальные находки. Характер погребального инвентаря и его насыщенность была различной. Большинство погребений не содержало большое количество предметов. Так, в погребении 1 были найдены железные струги и обломок предмета. В погребении 2 был найден лишь бронзовый наконечник ремня с остатками кожи. В погребении 6 зафиксирован лишь обломок неопределенного железного предмета. В погребении 8 найдены стеклянная бусина светло-синяя и три фрагмента неорнаментированной керамики. В погребении 12 найдены половина бронзовой шаровидной пронизки и железный ножик. Погребение 13 содержало в заполнении три фрагмента бронзовых пластин, бронзовую пронизку и фрагмент бронзовой цепочки из четырех звеньев. В погребении 14 зафиксированы лишь две бронзовые накладки-сердечки. В погребении 15, кроме стеклянной желтой бусины и трех фрагментов бронзовой спиралевидной пронизки, был зафиксирован развал керамического сосуда (около внешней стенки могильной ямы). В погребении 16 найдены мелкий обломок железного предмета и хрустальная бусина.

В трех из вскрытых в 2008 году погребениях инвентарь был представлен более широко. Так, в погребении 7 были найдены 3 стеклянных бусины, а также один фрагмент неорнаментированной керамики. В могильной яме погребения 5 было зафиксировано 12 индивидуальных находок: две стеклянных бусины с внутренней золоченой фольгой, обломок стеклянной светло-синей бусины, бисер двухчастный светло-зеленый, обломок двух бронзовых шаровидных пронизок, фрагмент бронзовой цепочки из 3 звеньев, обломок железного ножа и пять обломков железных изделий. В погребении 10 были найдены две стеклянных бусины, бронзовая накладка и обломок железного предмета.

В целом коллекция из раскопок Плеховского могильника 2008 года состоит из более 100 индивидуальных предметов. В состав коллекции вошли комплекс предметов из погребений и межмогильного пространства, а также вещи, собранные в отвалах грабительских раскопов. Изделий из серебра в коллекции 2 экземпляра. Это серьга и височное кольцо. Оба предмета найдены на раскопе 3 (в канаве и яме 6). Большинство предметов в коллекции выполнено из бронзы или ее сплавов (например, из билона). Основная часть бронзовых изделий представлена элементами поясной гарнитуры – ременными поясными накладками (и их фрагментами) разных форм – в основном, квадратными, сердцевидными крупными и мелкими. Единичны находки накладок других форм. В яме 4 раскопа 1 около предметов поясного набора было найдено еще и бронзовый перстень. Кроме этого, найдено несколько наконечников ремней. Украшения из бронзы представлены пронизками, привесками, а также интерес представляет находка половины пиксида с орнаментом.

Кроме бронзовых изделий, в коллекцию входят 15 экземпляров бусин или их обломков. Большинство бусин стеклянных (темно-синих или белых с золоченой фольгой внутри). Две бусины – глазчатые. Большинство бусин было найдено в заполнении погребений, что позволяет говорить о том, что данные захоронения были женскими. Железных изделий в коллекции 32 экземпляров. Большинство железных изделий сильно коррозированы, небольшого размера и неопределены. Среди определимых предметов – ножики и их обломки (два из найденных ножиков небольшого размера, были согнуты в древности пополам), пряжка, наконечники, струг, а также фрагменты удила.

Керамика в коллекции представлена небольшими фрагментами лепных сосудов, которые были найдены как в погребениях, так и в межмогильном пространстве. Керамика представлена в основном неорнаментированными стенками, изредка венчиками сосудов. Цвет фрагментов – от светло- и темно-коричневого до черного цвета. Орнамент на фрагментах стенок или венчиков не богат и представлен, в основном, узорами в виде наклонных и / или горизонтальных слегка прочерченных линий, шнурового орнамента или отпечатков зубчатого штампа. Как правило, орнаментированные сосуды встречались в виде развалов (в погребениях или в межмогильном пространстве).

Таким образом, небольшие противоаварийные раскопки 2008 года Плеховского могильника, считавшегося ранее разрушенным, дали интересный материал, характеризующий материальную культуру и погребальный обряд населения Северного Прикамья. Так, похожий погребальный обряд и комплекс предметов, довольно большое количество находок в межмогильном пространстве, расположение находок на разной глубине в погребениях зафиксированы на Огурдинском могильнике (Соболева, 1993; Крыласова, 2000–2002) в Усольском районе. По найденным аналогиям, предварительно датировать материал Плеховского могильника можно IX–XI веками. Раскопки могильника будут продолжены.

Литература и источники

Белавин А.М., 1981. Отчет об археологической разведке в Усольском и Соликамском районах Пермской области в августе 1981 г. // Архив Краевого центра по охране памятников. Ф.3. Оп.2. Д.224/1.

Белавин А.М., 1995. Отчет о раскопках поселения и могильника Огурдино в 1995 г. // Архив Краевого центра по охране памятников. Ф.3. Оп.2. Д.69.

Государственные списки памятников истории и культуры Пермской области. Пермь, 2001.

Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1891. Вып. III. С. 80.

Кривошеков И.Я. Пермь Великая. Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1911. Вып. IV. С. 136.

Крыласова Н.Б. 2000. Отчет о раскопках Огурдинского могильника в июле 2000 г. // Архив Краевого центра по охране памятников. Ф.3. Оп.2. Д.96/2.

Крыласова Н.Б. 2001. Отчет о раскопках Огурдинского могильника в Усольском районе Пермской области в 2001 г. // Архив Краевого центра по охране памятников. Ф.3. Оп.2. Д.85/3.

Крыласова Н.Б. 2002. Отчет о раскопках Огурдинского могильника и поселения в 2002 г. (том 1) // Архив Краевого центра по охране памятников. Ф.3. Оп.2. Д.137/1.

Мельничук А.Ф. 1977. Отчет об археологических исследованиях в Пермской области в 1977 году // Архив кабинета археологии ПГУ. Рукопись.

Оборин В.А., 1949. Отчет о работе I-Верхнекамского отряда летом 1949 г. // ГАПО. Ф.Р-927. Оп.1. Д.273. С.65–73.

Оборин В.А. Плеховский могильник на Каме // КСИИМК. Вып. XXXVI. М., 1951. С. 200–202.

Памятники истории и культуры Пермской области. Том I. Археология. Пермь, 1993.

Скорнякова С.В. Отчет об археологической разведке в Соликамском и Усольском районах Пермского края в 2007 г. // Архив Краевого центра по охране памятников. Ф.3. Оп.2. Д.238.

Соболева Н.В. 1993. Отчет о раскопках Огурдинского могильника в августе 1993 года // Архив кабинета археологии ПГУ. Рукопись.

Список археологических памятников Пермской области (к Своду памятников истории и культуры РСФСР). Пермь, 1986.

Чуйкина Е.В. 2008. Отчет о раскопках группы памятников археологии в районе д. Плехово («Плехово, могильник» и «Плехово, селище») в Соликамском районе Пермского края в 2008 году. В 2-х томах // Архив Краевого центра по охране памятников. Ф.3. Оп.2. Д.272–273.

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ПАМЯТНИКОВ БУЛГАРО-ТАТАРСКОГО ВРЕМЕНИ ОКРУГИ БИЛЯРА

З.Г. Шакиров

Институт истории им. Ш.Марджаны АН РТ, г. Казань

Изучение археологических объектов на территории пригорода Билярск Казанской губернии и в его округе начались со второй половины XVIII в. Историография по выделенной проблеме довольно подробно рассмотрена в работах А.Х. Халикова (1976, С. 5–56) и Ф.Ш. Хузина (1995, С. 14–35). Сведения второй половины XVIII в. имеют особую важность – они сообщают о ряде древних объектов, которые в XIX в. исчезли. Все обследования Билярского городища, его округи и сбор материала в XVIII–XIX вв. носили в большей степени любительский мало профессиональный и случайный характер, но они заложили основу изучения «Великого города».

Во второй половине XX в. был проведен ряд сплошных разведок, позволивший картографировать археологические памятники в Западном Закамье, бассейне р. Малый Черемшан и в округе Билярского городища, в частности:

- в 1962 г. III отрядом Татарской археологической экспедиции П.Н. Старостиным в среднем течении р. Малый Черемшан пройден маршрут от с. Билярск до с. Алпарово (Старостин П.Н., 1963, С. 186–243);
- в том же 1962 г. экспедицией Гос. музея ТАССР С.В. Морозовой проведены по правому берегу р. Малый Черемшан (Каталог археологических коллекций Государственного музея ТАССР, 1980, С.113–123);
- в 1964 г. III отрядом Татарской археологической экспедиции под руководством Р.Г. Фахрутдинова маршрутом № 4 был обследован левый берег р. Малый Черемшан, начиная от верховья и кончая дер. Чувашский Брод (Чистопольский, Алексеевский, Аксубаевский, Алькеевский районы ТАССР) (Фахрутдинов Р.Г., 1965, С. 1–3, 40–194, табл. XX–XXXII);
- в 1971 г. разведочным отрядом под руководством С.В. Кузьминых по двум маршрутам между с. Николаевский Баран и Арбузов Баран, по речке Баранке и ее притокам – Ямберд и Желтый (Кочкарь), так же по р. Малый Черемшан в окрестностях д. Горки и Татарская Майна (Кузьминых С.В., 1972, С. 1–16);
- в 1975 г. Билярской археологической экспедицией под руководством А.Х. Халикова, Ф.Ш. Хузина проведены разведочные работы в окрестностях Билярского городища (Хузин Ф.Ш., 1976, С. 125–173);
- в 1983 г. Билярской археологической экспедицией под руководством А.Х. Халикова проведены разведочные работы к северу от Билярского городища (Халиков А.Х., 1984, С. 90–159; Дроздова Г.И., 1997, С. 29–32);
- в 1990 г. Ф.Ш. Хузиным, И.Л. Измайловым, И.Р. Газимзяновым обследованы археологические памятники Западного Закамья (Хузин Ф.Ш., Измайлов И.Л., Газимзянов И.Р., 1991, С. 26–48, 94–143);
- в 1998 г. З.Г. Шакировым к северу от Билярского городища на правом берегу р. М. Черемшан от Балынгзу до д. Кр. Горка проведены разведочные работы (Шакиров З.Г., 1999, 28 с.)

Начиная с 1999 г. важную работу по осмотру, сбору археологического материала и наблюдение за состоянием ряда памятников в округе Биляра ведет научный сотрудник БГИАПМЗ А.В. Худяков.

Исследования в виде раскопок последних полутора десятка лет в северной округе Биляра позволили уточнить временные рамки бытования, границы и потенциал ряда поселений. В этом плане хочется отметить работы С.И. Валиулиной (Валиуллина С.И., 1997, С. 21–24; 2000, С. 281; 2001, С. 50–53; 2002, С. 66–70; 2004, С. 58–70; 2004а, С. 304–306; 2004б, Вып.1–2 (12–13); 2005, С. 337–338; 2007, С. 359 и др.) на территории Билярского селища III, Балынгзуского III (Торецкого) селища и согласиться с ее последними выводами об объединении Балынгзуских селищ I, II, III в единый памятник Торецкое поселение; Е.А. Беговатова, исследовавшего

Балынгузское IV и Билярское II селища (Беговатов Е.А., 2001, С. 47–49; 2001а, С. 148–159; Беговатов Е.А., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 1997, С. 14–16; Беговатов Е.А., Шакиров З.Г., 2002, С. 56–59; 2004, С. 48–50 и др.); Шакирова З.Г., проводившего изыскания на Балынгузском селище IV и Николаев-Баранском I городище (Шакиров З.Г., 2002, С. 56–59; 2004, С. 48–50 и др.).

В сезоне 2007 г. по заданию Министерства культуры РТ н.с. ИИ АН РТ З.Г. Шакировым проведены археологические исследования в округе Билярского городища. Особую благодарность за оказанную помощь хочется выразить учителю Подлесношенталинской средней школы А.А. Зиганшину и сотруднику Билярского музея-заповедника А.В. Худякову.

В рамках мониторинга памятников археологического наследия проведено обследование объектов на территории южной и юго-восточной части Алексеевского района расположенного в центральном Закамье в бассейне р. Малый Черемшан. Цель работ: выяснение современного состояния ранее известных и выявление новых памятников в округе Билярского городища в радиусе около 25 км, составление их планов, привязка с помощью GPS.

Первоначально отрядом были осмотрены памятники, расположенные по речкам Большие Чиклы (тат. Бик Чаклы) и Баранка: Александровское и Арбузов-Баранское селище I, Арбузов-Баранские поселения I–III, Большеполянское и Бутлеровское селище I, Краснобаранское селище, Краснобаранское поселение, Николаев-Баранские селища I–III, Николаев-Баранские городища I–II, Николаев-Баранский и Большеполянский могильники.

Далее были осмотрены берега речек и ручьев у с. Подлесная Шентала В ходе маршрута были осмотрены следующие памятники: Подлесношенталинский могильник, Подлесношенталинские селища I–V, Подлесношенталинское кладбище.

Затем был осмотрены памятники по р.М.Черемшан от с. Чув.Майна до впадения в нее р.Вялюлькина и вверх по р.Вялюлькина. Осмотрены: Верхнетатмайские селища I–II, Горкинские селища II–IV, Горкинское городище, Чувмайнские селища I–II.

Далее обследовалось состояние памятников по берегам р.М.Черемшан от устья р.Вялюлькина до устья р.Баранка. Осмотрены: Балынгузские селища I (Билярское VIII), II, (Торецкое) III, IV–VI, Горкинские селища I–X, Балынгузское, Горкинское II городища, Балынгузское кладбище, Балынгузские мавзолеи, Балынгузские (Торецкие) курганы и Балынгузские курганы II, Билярские селища I, IV–VII, Билярские поселения I–III, Горкинская стоянка I, Горкинское поселение I, селища «Святой ключ» I–III, курганы над «Святым ключом», городище «Святой ключ».

Затем осмотрены памятники непосредственно прилегающие к Билярскому городищу: Билярские селища II, III, VIII–XVIII, Билярское городище, Шаминские курганы.

Последним этапом стала поездка вдоль реки Малый Черемшан от с. Билярск до устья р.Латра у с.Кызыл Уракчи. На данном маршруте были осмотрены следующие памятники: Ерыклиновское поселение, Кзыл-Уракчинское и Старомуллинское селища, Старомуллинский могильник.

Обследованные археологические памятники булгаро-татарского времени X–XV вв. в основной массе располагаются по берегам разветвленной водной системы (точные привязки см. отчет Шакирова З.Г. Об археологических разведках в округе Билярского городища в Алексеевском районе Республики Татарстан в 2007 г. // Архив Музея археологии ИИ АНТ, архив ИА РАН).

Датировка, как и прежними исследователями, основана на определении характера керамики, шиферных пряслицах полученных в подъемном материале и из обнажений. Фрагменты посуды главным образом интерпретировались по способу изготовления (лепная, круговая), по фактуре (цвет, примесь в тесте), по форме венчиков и орнаменту.

Домонгольские булгарские памятники:

Александровское селище на левом берегу рч. Большие Чиклы (Бик Чаклы), правого притока рч. Баранка. Подвергается распашке;

Арбузов-Баранское поселение III на восточной окраине деревни. Восточная часть сильно задернована, имеются западины от силосных ям конца XX в., западная часть под деревенской

застройкой и огородами. В траншее, под кабель, проходящей по центральной улице мощность культурного слоя достигает 50 см;

Балынгузское селище V к ЗЮЗ от села на восточном пологом склоне Балынгузского мыса. Поверхность задернована, имеются коровьи тропы;

Билярское селище I к ССВ от с. Билярск на левом берегу р. М. Черемшан. Поверхность задернована;

Билярское селище IV к СЗ от с. Билярск, мельница, к которой ранее производилась привязка, разрушена. Площадка сильно задернована;

Билярское селище VIII за западным углом укреплений внешнего города Билярского городища в районе современного кладбища. В настоящее время в западной части по территории селища проходит асфальтовая дорога на г. Нурлат, в центральной части действующее православное кладбище, восточная часть задернована;

Билярское селище IX примыкает к южной части Билярского городища на правом берегу р. Билярка. В настоящее время территория задернована;

Билярское селище X за южной частью наружных укреплений Билярского городища на левом берегу р. Билярка. Территория задернована;

Билярское селище XI за ЮЗ частью наружных укреплений Билярского городища в районе «Сельхозтехника». Часть территории селища в XII – начале XIII вв. занимало общегородское кладбище (Билярский I могильник). В настоящее время часть селища находится под постройками комплекса «Сельхозтехника» и археологической базы практик КГУ, остальная территория задернована, имеются редко использующиеся грунтовые дороги;

Билярское селище XII за ЮВ частью укреплений внешнего города Билярского городища. В настоящее время распахивается;

Билярское селище XIII за восточной частью укреплений внешнего города на левом берегу р. Елшанка. Распахивается;

Билярское селище XIV за восточной частью укреплений внешнего города Билярского городища между оврагами. Территория задернована;

Билярское селище XV за СВ частью укреплений внешнего города на правом берегу р. Елшанка. Распахивается;

Билярское селище XVI за СВ частью укреплений внешнего города по обе стороны Шаминской дороги. В настоящее время распахивается, фиксировавшиеся ранее западины в результате многолетней распашки снивелированы;

Билярское селище XVII за северной частью укреплений внешнего города Билярского городища. В настоящее время территория задернована, постройки бригады №1 к которым ранее производилась привязка разобраны;

Билярское селище XVIII за СЗ частью укреплений внешнего города в районе больницы. Часть территории селища была занята общегородским кладбищем (Билярский V могильник). В настоящее время через территорию селища проходит асфальтовая дорога в д. Шама, западная часть под частной застройкой и огородами;

Билярское городище на ЮВ окраине села и за ее околицей. В настоящее время основная территория городища засеяна многолеткой, СЗ часть находится под застройкой и огородами села;

Большеполянское селище на правом берегу рч. Баранка. Восточная часть сильно задернована, имеются западины от силосных ям, западная часть под деревенской застройкой и огородами. Сильно задерновано;

Верхнетатмайское селище I на правом берегу рч. Вялюльнино, правого притока р. М. Черемшан, к югу от д. Верхняя Татарская Майна. Территория в восточной части задернована, в западной распахивается;

Верхнетатмайское селище II напротив Верхнетатмайского селища I к востоку от устья ручья Усия до впадения в р. Вялюлькино. Под пашней;

Горкинское селище I к ВСВ от д. Кр. Горка. Под пашней;

Горкинское селище II на правом берегу руч. Акушка, к СВ от д. Горка, к северо-востоку от д. Кр.Горка (уточнено расстояние), к западу от устья руч. Акушка правого притока рч. Вялюлькина. Под пашней;

Горкинское селище III на левом берегу рч. Вялюлькина, правый приток р. М. Черемшан, к СВ от д. Кр.Горка (уточнено расстояние), к юго-востоку от устья руч. Акушка правого притока рч. Вялюлькина. Распахивается;

Горкинское селище IV примыкает к Горкинскому городищу I, к востоку-северо-востоку от д. Кр.Горка, на правом берегу р.М.Черемшан. Под пашней, у валов городища I на пашне фиксировались человеческие останки;

Горкинское селище VI у восточного вала Горкинского городища II Территория сильно задернована, имеются коровьи тропы;

Горкинское селище VII у ЮЗ края Горкинского городища II, правый берег р. М.Черемшан. Территория задернована, имеются коровьи тропы, пересекается проселком на карду;

Горкинское селище VIII к северу за валами Балынгузского городища, до шоссе на Алексеевское. В начале 1990-х гг. северная часть разрушена в результате строительства автотрассы Алексеевское-Билярск. Территория селища распахивается, в 2007 г. восточная часть, ограничиваемая оврагом, разрушена запрудой. В обнажениях кроме большого количества фрагментов общеболгарской круговой керамики зафиксированы остатки гончарных горнов;

Горкинское селище IX к ЮЗ от д. Кр.Горка на склоне «Спорной горы» с запада ограничивается «Больничным» оврагом. Сильно задерновано, имеются коровьи тропы;

Горкинское селище X к востоку от городища II за Больничным оврагом и на западной окраине села Территория селища с запада задернована, имеются коровьи тропы, с востока под огородами;

Горкинское городище I расположено к ВСВ (уточнено расстояние) от д. Кр.Горка, на правом берегу р.М.Черемшан. Территория сильно задернована, имеются следы недавних грабительских вкопов, внешний край валов разрушается распашкой;

Горкинское городище II к западу от д. Кр.Горка Территория засеяна многолеткой;

Кзыл-Уракчинское селище к югу от д. Кзыл Уракче. Сильно задерновано;

Краснобаранское селище на правом берегу рч. Баранка, к С-В от с. Красный (Крещеный). Засеяна многолеткой;

Николаев-Баранское селище I к Ю-В от с. Ник. Баран. Распахивается;

Николаев-Баранское селище II к Ю-В от с. Ник. Баран. Распахивается;

Николаев-Баранское селище III к югу от с. Ник. Баран. Распахивается;

Николаев-Баранское городище I на левом берегу р. Баранка к Ю – Ю-В от с. Ник. Баран, к С-З с. Билярск. Территория сильно задернована и используется под покос;

Николаев-Баранский могильник на западном мысу Николаев-Баранского селища I. В настоящее время мыс обрушается со стороны речки, в осыпи просматриваются человеческие кости;

Селище «Святой ключ» I к С-З от с. Билярск. Территория селища застроена постройками паломнического комплекса «Святой ключ»;

Городище «Святой ключ» к С-С-З от с. Билярск к С-В от «Святого ключа». Площадка предполагаемого городища заросла лесом, находок не обнаружено. По нашему мнению площадка является естественным мысом на перепаде высот, а кирпичи якобы выявленные в результате шурфовки 1983 г. суть следы суглинистых пород, однако однозначный ответ могут дать лишь полноценные раскопки;

Старомуллинское селище к Ю-В от д. Старое Муллино (расстояние уточненно) к ЮЗ от устья руч. Латра правого притока р. М.Черемшан. Край мыса задернован, основная площадь распахивается, через селище проходит грунтовая дорога;

Старомуллинский могильник располагается в северной части Старомуллинского селища, отделляемый небольшой ложбиной. На задернованной поверхности прослежены небольшие западины, вероятно, от могильных ям;

Чувмайнское селище I к Ю-З от с. Чув. Майна. Распахивается, по СВ части проходит грунтовая дорога;

Чувмайнское селище II к северу от с. Чув. Майна на правом берегу оврага Поганла по которому протекает ручей, впадающий в р. М. Черемшан. Распахивается;

Общеболгарские памятники:

Арбузов-Баранское селище I правый берег руч. Жёлтый (Кочкарь), левый берег рч. Баранка к Ю-З от с. Ар. Баран. Интенсивно распахивается;

Билярское селище II за С-З окраиной с. Билярск. В северной части практически полностью распахивается, лишь небольшая южная часть задернована (территория бывшей взлетной полосы Билярского аэродрома) и используется под выпас скота;

Балынгузское городище к западу от д. Кр. Горка и к С-С-В от с. Билярск. Распахивается;

Балынгузское кладбище к северу от с. Билярск. Поверхность задернована, имеются коровьи тропы. На поверхности прослеживаются небольшие западины;

Балынгузские мавзолеи на вершине мыса Балынгуз. В настоящее время мавзолеи полностью разрушены, на поверхности видны углубления от грабительских вкопов. Поверхность задернована, имеются коровьи тропы;

Билярское селище V к западу от с. Билярск. Сильно задерновано;

Билярское селище VI к Ю-З от с. Билярск. Сильно задерновано;

Билярское селище VII к югу от селища VI. Сильно задерновано;

Бутлеровское селище I к Ю-В от устья безымянного ручья до впадения в ручей Желтый (Кочкарь) и западу от сосновой посадки с урочищем, называемым местным населением «Университет Бутлерова». Задерновано и частично нарушено в процессе посадки сосен и заброшенным проселком;

Николаев-Баранское городище II к востоку от с. Ник. Баран. Территория городища засажена многолеткой, временами распахивается;

Подлесношенталинское I селище к С-С-З от села Подлесная Шентала. Распахивается.

Памятники золотоордынского времени:

Арбузов-Баранское поселение II на западной окраине д. Ар. Баран к востоку от устья руч. Желтый (Кочкарь) при впадении в рч. Баранка. Сильно задерновано, через поселение проходит грунтовая дорога. В подъемном материале кроме общеболгарской круговой керамики имеются фрагменты лепной именьковской посуды;

Балынгузское селище I в нижней Ю-З части Балынгузского мыса. Поверхность сильно задернована, имеются коровьи тропы. Обследовалось С.И. Валиуллиной раскопами № 10, 11, мощность культурного слоя достигает 30 см;

Балынгузское селище II на полого опускающемся Балынгузском мысу, между старицей и Торецким ручьем. Поверхность задернована, имеются коровьи тропы. Обследовалось С.И. Валиуллиной раскопами № 1, 7, 9;

Балынгузское (Торецкое) селище III к С-З от с. Билярск на правой стороне пологого края оврага Торецкий. Основная площадь задернована, на месте карды культурный слой вытоптан крупным рогатым скотом, имеются коровьи тропы. Обследовалось С.И. Валиуллиной раскопами № 1–4, 6, 8, 9, 12;

По мнению С.И. Валиуллиной Балынгузские I, II, и Балынгузское (Торецкое) III являются единовременными и составляют одно поселение – Торецкое поселение XIV–XV вв. и вероятно первой половиной XVI в.

Балынгузское селище IV на Ю-В выступе Балынгузского мыса. Задерновано, имеются коровьи тропы, в западной части имеются следы разрушения карьером, через селище проходит проселочная дорога. В подъемном материале кроме общеболгарской и славяноидной керамики имеются фрагменты лепной именьковской посуды;

Билярское селище III за С-З окраиной с. Билярск. В середине 1990-х гг. через центральную часть селища III проложена асфальтовая дорога на «Святой ключ», охранные работы проведены под руководством С.И. Валиуллиной. В 1998–2001 гг. территория селищ обследовалась раскопами С.И. Валиуллиной и Е.А. Беговатовым, заложенные на территории селища рекогносцировочные раскопы и шурфы позволяют предположить, что его территория не

доходила до рч. Билярка. На сегодняшний день в центральной части проходит дорожное полотно, восточная часть задернована, западная распахивается и, частично, попало под ипподром;

Подлесношенталинское кладбище на западной окраине с. Подлесная Шентала в местности «Изгелер Осте». Уточнение р. Каркай левый приток р. Шентала. Остатков ранее обследовавшихся камней не обнаружено. Кладбище продолжает функционировать;

Селище «Святой ключ» II на восточном пологом склоне мыса, на западном краю которого находится «Святой ключ». Территория селища сильно задернована, имеются коровьи тропы.

Новые памятники:

Большеполянский могильник на правом берегу рч. Баранка, к Ю-Ю-В от с. Большие Полянки к северу через овражек от Большеполянского селища сотрудник Билярского заповедника Худяков А. выявил могильник площадью около 11200 кв.м. Мыс на котором находится могильник, возвышается над поймой резко обрываясь в сторону Баранки. Территория могильника сильно задернована, на поверхности просматриваются западины могильных ям, в обнажении человеческие кости. Могильник по расположенному рядом селищу датирован домонгольским булгарским временем;

Подлесношенталинское селище II в верховье р. Каркай, левого притока р. Шентала. Расположено к западу от С-З окраины с. Подлесная Шентала к западу от Полесношенталинского кладбища. Территория селища в настоящий момент распахивается. В подъемном материале общеболгарская красноглиняная круговая керамика, площадь распространения около 6200 кв. м. Датировано общебулгарским временем;

Подлесношенталинское селище III в верховье р. Каркай, левого притока р. Шентала. Расположено к северу от с. Подлесная Шентала к С-С-В от Полесношенталинского кладбища. Территория селища в настоящий момент в западной части распахивается, в восточной задерновано, а на берегу рч. Каркай частично разрушено силюсными ямами. В подъемном материале общеболгарская красноглиняная круговая керамика, фрагменты поливных сосудов, площадь распространения около 6200 кв. м. Датировано общебулгарским временем;

Подлесношенталинское селище IV к С-С-З от с. Подлесная Шентала. Правый берег р. Каркай левого притока р. Шентала, напротив Подлесношенталинского селища I. С севера и юга ограничивается ложбинками. Площадка мыса относительно ровная с понижением к востоку, в западной части подвергается распашке. В подъемном материале салтовская лепная и общеболгарская красноглиняная круговая керамика, площадь распространения около 37500 кв.м. Датировано общебулгарским временем;

Подлесношенталинское селище V в С-В части с. Подлесная Шентала к Ю-В от Полесношенталинского кладбища. Территория селища в настоящий момент находится на территории села под застройкой и огородами. В коллекции школьного музея и в огородах с описываемого селища имеется салтовская, общеболгарская керамика и дирхемы рубежа X–XI вв., площадь распространения около 90000 кв.м. Датировано домонгольским булгарским временем;

Подлесношенталинский могильник к С-С-З от с. Подлесная Шентала на территории Подлесношенталинского селища I на краю распаханной террасы, в урочище называемом местным населением «Кызыл яр». С юга ограничивается оврагом. В подъемном материале салтовская лепная и общеболгарская красноглиняная круговая керамика, человеческие кости, площадь распространения около 2500 кв.м. Могильник по расположенному рядом селищу датирован общебулгарским временем;

Селище «Святой Ключ» III в восточной части ДОЛ «Дубок». Площадка, на которой располагается селище относительно ровная с понижением в сторону р. М. Черемшана. Территория селища сильно задернована и заросла лесом. Обнаружена при строительстве административного корпуса сотрудником Билярского заповедника А.В. Худяковым. В подъемном материале фрагменты общеболгарской круговой керамики и железные шлаки. Датировано общебулгарским временем.

Вообще в результате обследования осмотрено 84 объекта из них 8 выявлены впервые. Со срубной культурой (XVI–XV вв. до н.э.) увязываются 3 курганные группы, 2 поселения и 2

стоянки; с именьковской (VI–VII вв.) 4 поселения; 1 курганская группа (IX–X вв. (?)); с болгарским домонгольским временем (X – первая треть XIII вв.) 6 городищ, 37 селищ, 4 могильника; с общеболгарским временем (X–XV вв.) 1 городище, 14 селищ, 1 святилище, 1 могильник; с булгарским золотоордынским (вторая треть XIII – XV вв.) 7 селищ и 1 кладбище.

Литература

Беговатов Е.А., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Балынгузское IV селище (к проблеме преемственности двух эпох) // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Казань, 1997. С. 14–16.

Беговатов Е.А. Археологические работы на Билярском II селище в 1999–2000 годах // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год. Казань, 2001. С. 47–49.

Беговатов Е.А., Шакиров З.Г. Исследования ремесленного комплекса Билярского II селища // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год. Казань: Школа, 2002. С. 56–59.

Беговатов Е.А., Шакиров З.Г. Итоги исследования Билярского II селища // Археологические открытия в Татарстане: 2002 год. Казань: Школа, 2004. С. 48–50.

Беговатов Е. А. Ремесленный комплекс Билярского II селища // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001а. С. 148–159.

Валиулина С.И. Билярское III селище (К вопросу о Биляре золотоордынского периода) // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Казань, 1997. С. 21–24.

Валиулина С.И. Исследования золотоордынского Биляра // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 2000. С. 281.

Валиулина С.И. Раскопки Балынгузского III (Торецкого) селища // Археологические открытия в Татарстане: 2000 год. Казань, 2001. С. 50–53.

Валиулина С.И. Раскопки Балынгузского III (Торецкого) селища // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год. Казань, 2002. С. 66–70.

Валиулина С.И. Раскопки Балынгузского III (Торецкого) селища // Археологические открытия в Татарстане: 2002 год. Казань, 2004. С. 58–70.

Валиулина С.И. Исследования Балынгузского (Торецкого) III селища // Археологические открытия 2003 года. М.: Наука, 2004 а. С. 304–306.

Валиулина С.И. Балынгузское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период // Татарская археология. 2004 б. Вып.1–2 (12–13).

Валиулина С.И. Исследования Балынгузского (Торецкого) III селища // Археологические открытия 2004 года. М.: Наука, 2005. С. 337–338.

Валиулина С.И. Исследования Балынгузского (Торецкого) III селища // Археологические открытия 2005 года. М.: Наука, 2007. С. 359.

Дроздова Г.И. Исследование окрестностей Билярского городища (по материалам А.Х. Халикова) // Биляр и Волжская Булгария: изучение и охрана археологических памятников. Казань, 1997. С. 29–32.

Каталог археологических коллекций Государственного музея ТАССР. Выпуск II. Казань, 1980. С.113–123.

Кузьминых С.В. Отчет об археологических разведках в Татарской АССР в 1971 году // Казань, 1972. Архив ИА РАН. Р–1, № 4700. С. 39.

Старостин П.Н. Отчет III отряда ТАЭ за 1962 г. // Отчет о работах Татарской археологической экспедиции в 1962 году. Казань, 1963. Архив ИА РАН. Р–1, № 2447. С. 186–243.

Фахрутдинов Р.Г. Отчет III отряда археологической экспедиции о разведочных работах, проведенных в 1964 году // Казань, 1965. Архив ИА РАН. Р–1, № 2928. С. 194.

Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города. М., 1976. С. 5–56.

Халиков А.Х. Разведочные работы к северу от Билярского городища // Отчет о полевых исследованиях Билярского городища и его окрестностей летом в 1983 года. Казань, 1984. Архив ИА РАН. Р–1, № 10163. С. 90–159.

Хузин Ф.Ш. Отчет о разведочных работах в окрестностях Билярского городища в 1975 году // Отчет о работах на Билярском городище и в его окрестностях в 1975 году. Казань, 1976. Архив ИА РАН. Р–1, № 5853. С. 125–173.

Хузин Ф.Ш., Измайлова И.Л., Газимзянов И.Р. Отчет об археологических разведках 1990 года в районах Западного Закамья (Куйбышевский, Алькеевский, Алексеевский, Аксубаевский и Чистопольский районы Татарской ССР) // Казань, 1991. Архив ИА РАН. Р-1, № 15274. С. 161.

Хузин Ф.Ш. История изучения Биляра. Источники и методика исследования // Великий город на Черемшане. Казань, 1995. С. 14–35.

Шакиров З.Г. Отчет об археологических разведках в округе Биляра в 1998 году // Архив НЦАИ ИИ АНТ. С. 28.

Шакиров З.Г. Новые исследования на Балынгузском IV селище // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год. Казань: Школа, 2002. С. 110–111.

Шакиров З.Г. Исследования на Николаев-Баранском I городище // Археологические открытия в Татарстане: 2002 год. Казань: Школа, 2004. С. 145–147.

РАСКОП XLIII НА ТЕРРИТОРИИ БИЛЯРСКОГО ГОРОДИЩА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

З.Г. Шакиров

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, г. Казань

Начатые в 1967 г. исследования Билярского городища, систематически проводившиеся объединенной археологической экспедицией ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР и КГУ под руководством профессора А.Х. Халикова, практически прекратились в кризисные 1990-е годы. Попытка возобновить их была предпринята в 2005 г. экспедицией Института истории им. Ш. Марджани АН РТ под руководством Ф.Ш. Хузина. Раскоп XLIII, заложенный в 2005 г. во внутреннем городе Биляра, преследовал цель изучить участок между т.н. «кузнецом маром», где рекогносцировочным раскопом XXI 1972 г. были выявлены остатки четырех металлургических горнов (Халиков, 1976, с. 32, 41), и кирпичным зданием, руины которого были обнаружены Ф.Ш. Хузиным на раскопе XXXVIII 1987 г. (рис. 1). В конечном итоге появилась бы возможность, соединив раскопы XLIII и XXXVIII в единое целое, доисследовать упомянутое кирпичное здание с богатой усадьбой и получить более полное представление о топографии данного участка центральной части Биляра.

Раскоп XLIII площадью 80 кв. м был заложен на небольшом всхолмлении в 200 м к юго-западу от Соборной мечети, исследованной раскопом XXII в 1972–1976 гг. (Халиков, Шарифуллин, 1979) (рис. 1). Поверхность раскопа относительно ровная. Она имеет перепады от –116 до –144 от 0, что связано с многолетней распашкой в предыдущие периоды. Раскоп вытянут по линии СЗ – ЮВ (10 x 8 м). Углы привязаны с помощью GPS:

СВ угол – N: 54. 58353; E: 50. 24010	ЮВ угол – N: 54. 58359; E: 50. 24009
СЗ угол – N: 54.58354; E: 50. 24020	ЮЗ угол – N: 54.58361; E: 50. 24016

Участки были пронумерованы с ЮЗ на СВ арабскими цифрами, с СЗ на ЮВ – буквами русского алфавита. Нулевой отметкой при нивелировке взята максимальная высота на законсервированных остатках минарета Соборной мечети – СЗ угол.

В 2005 г. раскоп был прокопан на 4 штыка (80 см) до уровня погребенной почвы. В сезон 2006 г. осуществлена выборка заполнения ям и сооружений, которые вскрывались отдельно по прослойкам (выборкам).

1 штык представляет собой слой пахоты в виде темно-серой рыхлой супеси. Зачистка на уровне 2 штыка так же показала наличие пахотного слоя, лишь в северном углу раскопа на его фоне прослежены небольшие включения желтой супеси. На первых двух штыках в переотложенном состоянии встречены сильно фрагментированные части общеболгарских круговых сосудов, обломки кирпичей, куски железных шлаков, несколько фрагментов салтовской посуды в переотложенном состоянии. Из них же происходят следующие индивидуальные находки: донца с тамгой, фрагменты светильников и сфероконусов, поливных сосудов, сердоликовая бусина (уч. Г/2), обломки глиняных тиглей (уч. Д/2, А/3), костяная пуговица, астрагалы со следами обработки, белемнит, кованые гвозди.

Из прослоек, вне сооружений, выявленных на третьем и четвертом штыках, кроме массового материала, представленного большим количеством сильно фрагментированных костей животных, общеболгарской керамикой, кирпичами, камнями и железными шлаками, обнаружены фрагмент сфероконуса (уч. Б/2) и поливного сосуда (уч. Д/3), кованые гвозди (уч. В/2–3Г/2, Г/3, Д/3, Д/1), кусочек необработанного янтаря, фрагмент стеклянного сосудика (аламбика), фрагмент глазурованного сосуда, раковина каури (уч. Г/4), стекло, сковорода? (уч. В/3).

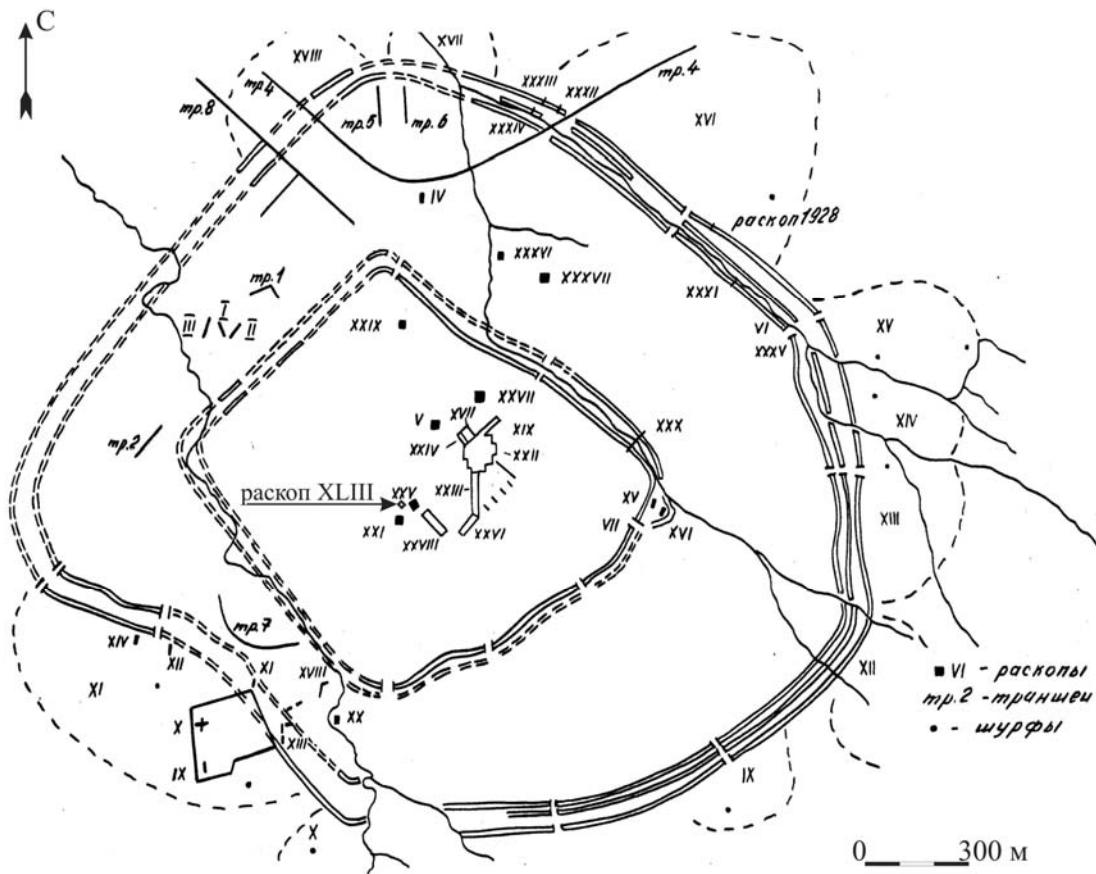

Рис. 1. План-схема Билярского городища с указанием места раскопа.

На уровне материковых ям раскоп вне углублений имел относительно ровную поверхность от –220 до –224 от 0. В основании культурного слоя залегает коричневый материковый суглинок.

Порядок культурных отложений прослеженных в профилях раскопа имеет единую последовательность слоев (рис. 2).

Сверху идет слой темно-серой рыхлой супеси, сформировавшийся в результате многолетней распашки территории городища в XIX–XX вв. (в последнее время с организацией Билярского музея-заповедника во внутреннем городе высажена многолетняя трава). Суммарная мощность пахотного слоя колеблется вне ям и сооружений в пределах 35–40 см. Находки из слоя представлены сильно фрагментированными костями животных, обломками кирпичей и камней, железными шлаками, гончарной керамикой домонгольского времени (стенки преимущественно горшковидных и кувшинообразных сосудов, донца с тамгой, фрагменты светильников), сфероконусами из плотной серой глины, поливными сосудами, сердоликовой бусиной, обломками тиглей, костяной пуговицей, астрагалами и т.д. Многолетняя распашка разрушила напластования первой трети XIII в. со слоем пожарища 1236 года.

Слой второй половины XI – XII вв. – серая рыхлая супесь с включениями большого количества углей, золы, железных шлаков, который связан с металлургическим производством в этом районе. Средняя мощность достигает 30 см. С этим слоем стратиграфически увязывается пять объектов, выявленных как в стенах раскопа, так и в плане.

Слой X – первой половины XI вв. представлен буро-серой плотной пестроцветной супесью с различной насыщенностью угольков и золы. Нижний горизонт слоя является переработанной частью погребенной почвы. Средняя мощность слоя вне сооружений достигает 40 см. Со слоем связано три сооружения, предположительно, хозяйственного назначения. Находки из слоя представлены костями животных, булгарской керамикой, а также обломками посуды прикамско-приуральского («постпетрограм») и салтовского типов.

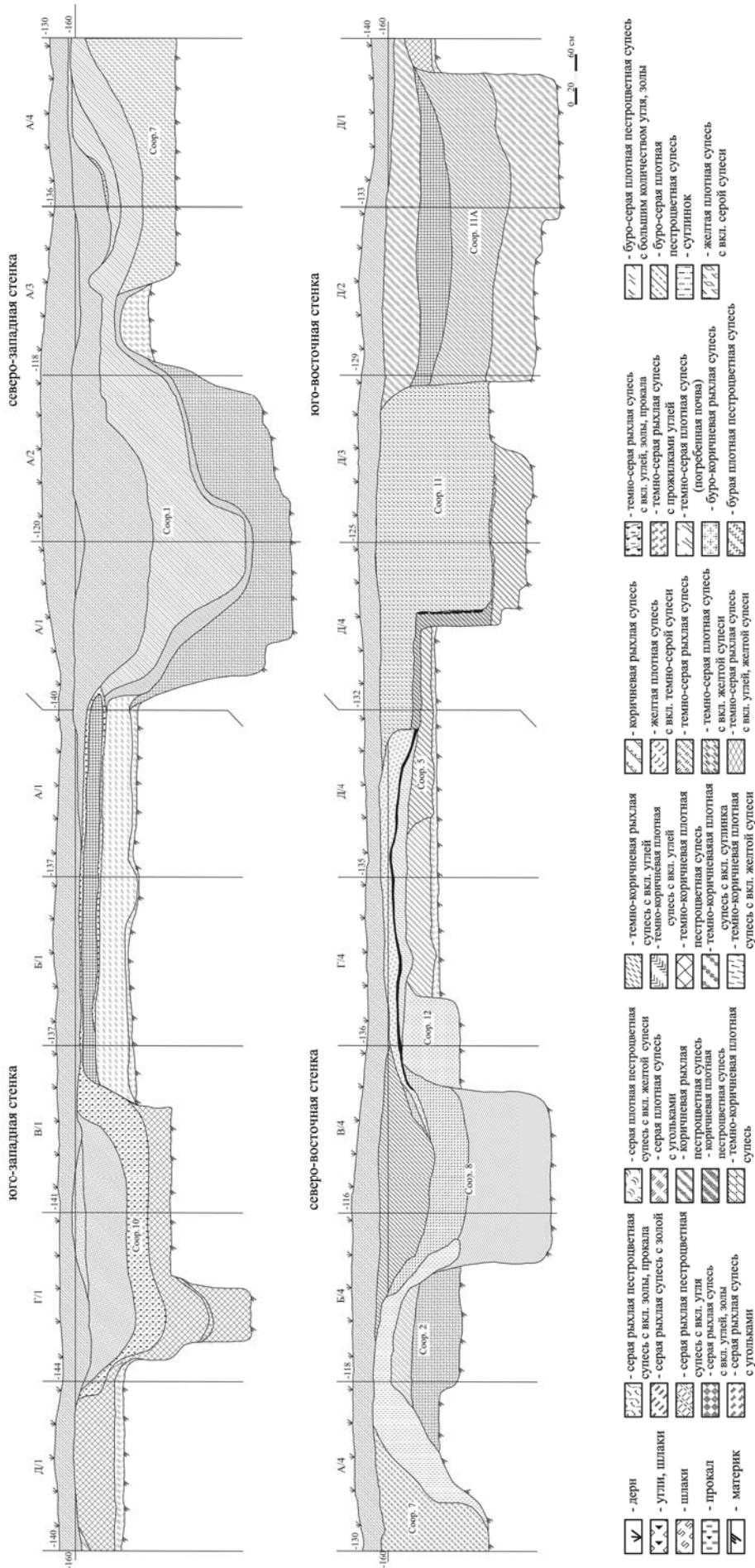

Рис. 2. Биллярское городище. Раскоп 43. Профили стенок.

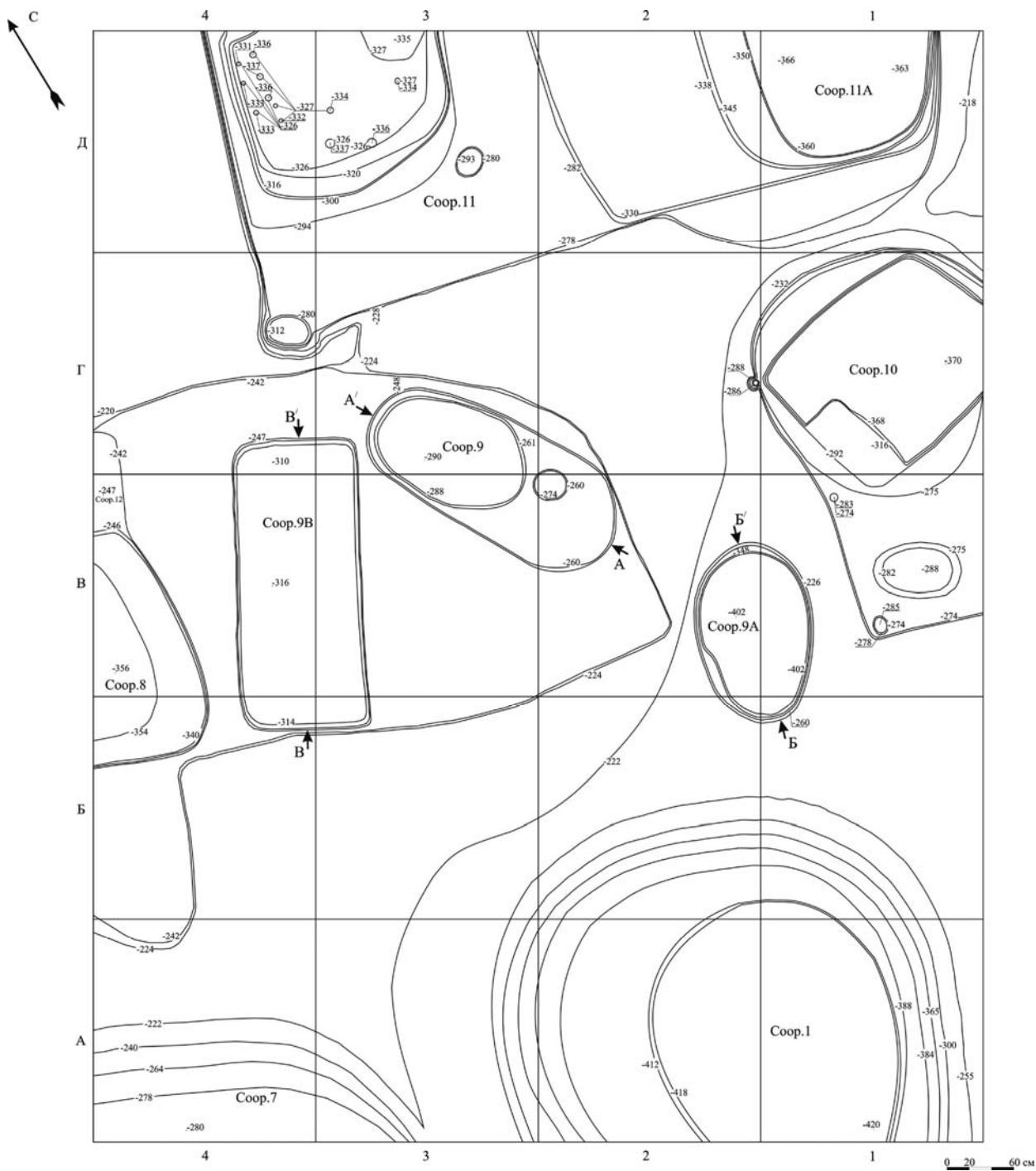

Рис. 3. Билярское городище. Раскоп 43. План на уровне материка.

В целом стратиграфия раскопа соответствует общей стратиграфии Билярского городища, представленной единым культурным слоем с разделением на отдельные хронологические горизонты (Хузин, 1995, с. 41 и сл.).

Всего в раскопе было изучено 13 объектов 10 из них расчищены на уровне материка (рис. 3).

Сооружение № 1. Уч. А-Б/1-3. На уровне 3 штыка (-154 от 0) проявилась восточная часть углубления с прослойками являющимися горизонтами запада, д.у. в профиле на -195 от 0. В процессе выборки определилось, что яма имеет окружную форму с максимальными размерами 420x360 см. Углубление имело скошенные стенки и ровное дно -388 от 0 с углублением в центре до -420 от 0. В заполнении кроме горизонтов запада прослежена прослойка темно-серой плотной супеси с включениями желтой супеси. Найдены: кости животных, кера-

мика в булгарских традициях, несколько фрагментов от посуды салтовского типа, кусочек необработанного янтаря, фрагменты масляных светильников, сфероконусов, тигля, белемнит. Предположительно сооружение являлось крупной хозяйственной ямой использовавшейся довольно длительный срок. Яма датируется примерно XI–XII вв.

Фиксировавшиеся на уровне 3 и 4 штыка и увязывавшиеся с *сооружением № 2* прослойки суглинка и желтой плотной супеси с включением темно-серой супеси оказались выбросом грунта из сооружения №7.

Сооружение № 3. Уч. В-Г/1. Зафиксировано на уровне 3 штыка (–159 от 0) в виде пятна под-прямоугольной формы вытянутого по линии ЮЗ–СВ 130x120 см. Оно продолжается в стенку раскопа и представлено серой рыхлой пестроцветной супесью с золой и прокалом. В процессе выборки оказалось, что оно является прослойкой до 18 см толщиной и сооружением не является.

Сооружение № 4. Уч. Г-Д/1–2. На уровне 3 штыка –167 от 0 определилось углубление 135 x 122 см. В процессе выборки определилось, что оно имеет покатые стенки и чашевидное дно на –180 от 0 (12 см от уровня выявления). В заполнении темно-серая рыхлая супесь с угольками, в южном углу расчищен квадратный кирпич (24 x 24 x 5 см). Найдены: кости животных, общеболгарская керамика, кованый гвоздь (уч. Г/2). Точное назначение сооружения начала XIII в. определить не удалось.

Сооружение № 5. Уч. Д/4. Фиксировавшиеся на уровне 3 и 4 штыка и увязывавшиеся с сооружением № 5 прослойки серой плотной пестроцветной супеси и темно-коричневой плотной супеси с включениями желтой супеси оказались горизонтами запада. Верхняя же граница заполнения в профиле зафиксирована на –184 от 0. При выборке определилось, что углубление, продолжающееся в СВ и ЮВ борта раскопа имеет скошенные стенки и ровное дно на глубине –215 от 0. В заполнении темно-коричневая плотная супесь с включениями суглинка. Найдены: незначительное количество общеболгарской керамики. Назначение сооружения определить не удалось. Период его функционирования, предположительно, датируется XI в.

Сооружение № 6. Уч. Д/1. Зафиксированное на уровне 3 штыка (–164 от 0) как пятно подтреугольной формы 184 x 50 см, продолжающееся в стенку раскопа, в виде темно-коричневой плотной пестроцветной супеси в процессе выборки оказалось прослойкой мощностью до 50 см и сооружением не является.

Сооружение № 7. Уч. А/3–4. На уровне 4 штыка (–190 от 0) проявилась южная часть углубления – горизонты запада, д.у. в профиле на –210 от 0. В процессе выборки определилось, что расчищенная часть яма имела вытянутую форму с максимальными размерами 160x300 см. Углубление имеет скошенные стенки и ровное дно на глубине –280 от 0. В заполнении кроме горизонтов запада прослежена желтая плотная супесь с включениями серой супеси. Найдены: кости животных, общеболгарская керамика, фрагмент медного котелка, крючок, фрагмент ключа, долото, игральная кость, небольшое скопление семян проса. Возможно, сооружение являлось хозяйственной ямой, которая использовалась во второй половине XI – XII вв.

Сооружение № 8. Уч. Б-В/4. На уровне 4 штыка (–190 от 0) проявилась западная часть углубления – горизонты запада, д.у. в профиле на –175 от 0. В процессе выборки определилось, что яма, вероятно, имела округлую форму с максимальными размерами 210 x 130 см. Углубление имело чуть скошенные стенки и ровное дно на глубине –356 от 0. В заполнении кроме горизонтов запада прослежена темно-серая рыхлая супесь с включением углей, желтой супеси. Найдены: кости животных, общеболгарская керамика, кованый гвоздь. Возможно, сооружение являлось хозяйственной ямой XII в. Прорезает сооружения № 2 и № 12.

Сооружение № 9. Уч. В-Г/2–3. Зафиксировано на уровне 4 штыка (–183 от 0). В процессе выборки определилось, что оно имело овальную в плане форму, вытянутую по линии З – В размерами 110 x 230 см. Оно имело отвесные стенки и ровное дно на глубине –260 см от 0. На фоне дна очертились два углубления: в восточной части овальной формы 90 x 140 см, в центре круглой формы диаметром 28 см. Глубина углублений –290 и –274 от 0 соответственно. В заполнении темно-серая рыхлая супесь с включением железных шлаков, темно-серая рыхлая супесь с включением шлаков. Найдены: кости животных, общеболгарская керамика, железные шлаки, фрагменты и целый сфероконус. Сооружение, вероятно, являлось ямой связанной с комплексом объектов по обработке черного металла второй половины XII – начала XIII вв.

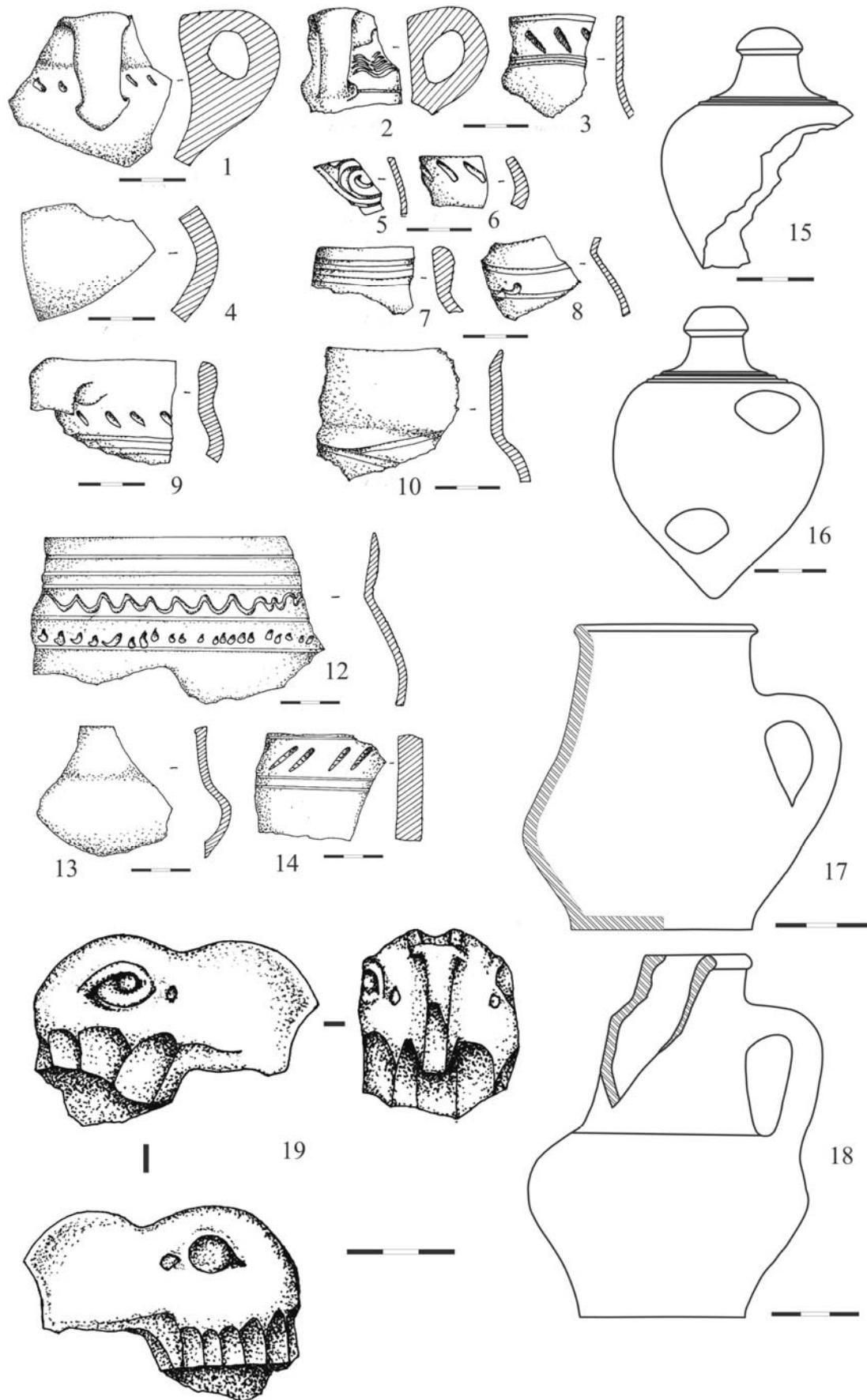

Рис. 4. Керамические изделия. Фрагменты сосудов 1–14, сфероконусы 15–16, кружка 17, кринка 18, головка птицы 19.

Сооружение № 9А. Уч. В/1–2. Зафиксировано на уровне 4 штыка (–182 от 0). В процессе выборки определилось, что оно имело овальную в плане форму, вытянутую по линии СЗ–ЮВ с максимальными размерами 105x160 см. Оно имело чуть скошенные стенки и ровное дно на глубине –420 см от 0. В заполнении темно-серая рыхлая супесь с включением железных шлаков, угли, зола и серая рыхлая супесь с угольками. Находки: кости животных, общеболгарская керамика, железные шлаки, кованый гвоздь, шило, стекло. Сооружение, вероятно, являлось ямой связанной с комплексом объектов по обработке черного металла второй половины XII – начала XIII вв.

Сооружение № 9Б. Уч. Б-В/2–3. Зафиксировано на уровне 4 штыка (–82 от 0). В процессе выборки определилось, что оно имело овальную в плане форму, вытянутую по линии С–Ю с максимальными размерами 100 x 126 см. Оно имело чуть скошенные стенки и ровное дно на глубине –216 см от 0. В заполнении темно-серая рыхлая супесь с включением железных шлаков, угли, золы. Находки: кости животных, общеболгарская керамика.

Сооружение, вероятно, являлось ямой связанной с комплексом объектов по обработке черного металла второй половины XII – начала XIII вв.

Сооружение № 9В. Уч. Б-Г/3–4. Зафиксировано на уровне 5 штыка (–207 от 0). В процессе выборки определилось, что оно имело подпрямоугольную в плане форму, вытянутую по линии СЗ–ЮВ размерами 115x160 см. Оно имело отвесные стенки и ровное дно на глубине –316 см от 0. В заполнении темно-серая плотная супесь с включением угля, золы. Находки: кости животных, общеболгарская керамика, фрагменты лепных сосудов салтовского типа, ножи, фрагмент тигля, сфероконус. Сооружение, предположительно, являлось хозяйственной ямой связанной с началом освоения этой территории в первой половине XI в.

Сооружение № 10. Уч. В-Д/1–2. На уровне 4 штыка (–187 от 0) проявилась восточная часть углубления – горизонты запада, д.у. в профиле на –170 от 0. В процессе выборки определилось, что яма, имела прямоугольную в плане форму, вытянутую по линии З–В и размерами 210 x 340 см. Сооружение имело отвесные стенки и ровное дно на глубине –275 от 0. На уровне дна выявились пять углублений: в С–В углу и С стенки три столбовые ямки диаметром от 8 до 16 см и глубиной до –288 от 0; в З части углубление овальной формы 50 x 80 см с покатыми стенками и чашевидным дном на –288 от 0; в В части первоначально круглое диаметром 220 см, переходящее в прямоугольное 190 x 160 см углубление с земляной ступенькой с 3 на –316 от 0 и дном на –370 от 0. В заполнении кроме горизонтов запада прослежена темно-коричневая плотная пестроцветная супесь с прожилкой шлаков, которая перекрываетяется слоем углей и шлаков до 40 см толщиной. Находки: кости животных, общеболгарская керамика, в том числе фрагменты светильников, чашка, кринка, донце с тамгой, железные шлаки, обрезки серебряных слитков, нож, кованый гвоздь, белемнит, стекло. Вероятно, сооружение являлось погребом от наземной постройки XIII в. погибшей в пожаре 1236 г.? Увязывается с комплексом объектов по обработке черного металла второй половины XII в.

Сооружение № 11. Уч. Г-Д/2–4. Проявилось на уровне 3 штыка (–175 от 0), д.у. углубления в профиле –155 от 0. В процессе выборки определилось, что в раскопе исследовалась западная часть прямоугольного сооружения вытянутого по линии ССВ–ЮЮВ с максимальными размерами 280 x 400 см. С юга прорезается сооружением № 11А. Оно имело отвесные стенки и ровное дно на глубине –280 от 0. На уровне дна проявились три углубления: в северном углу на уч. Г/4 овальная столбовая яма 40 x 25 см с отвесными стенками и дном на –312 от 0; на уч. Д/3 округлая яма диаметром 28 см с отвесными стенками и дном –293 от 0; в северной части на уч. Д/3–4 часть подквадратного углубления 200 x 200 см с дном на глубине от –326 до –335 от 0 со следами столбовых ямок от кольев-коротышей диаметром 4–10 см.

Сооружение представляло собой котлован, в который была впущена деревянная конструкция, прослеженная в плане в виде полосы, а в профиле сечений обугленных горбылей толщиной 5 см и шириной до 15 см. На дне (–280 от 0) в виде древесного тлена остатки пола, под которым в описанной выше яме темно-коричневая плотная супесь с включениями суглинка. В заполнении конструкции темно-серая рыхлая супесь с включениями углей, золы, прокала. В забутовке котлована – коричневая плотная пестроцветная супесь. Находки: кости животных, большое количество общеболгарской керамики, фрагменты сфероконусов, нож,

кованые гвозди (в районе прогоревших стен), стекло. Сооружение, вероятно, является подпольем крупной наземной постройки XII в.

Сооружение № 11А. Уч. Д/1–3. Зафиксировано на уровне 4 штыка (–176 от 0), д.у. углубления в профиле –150 от 0. В процессе выборки определилось, что в раскопе исследовалась западная часть сооружения вытянутого по линии ССВ–ЮЮЗ с максимально фиксировавшимися размерами 380 x 160 см. Оно имело отвесные стенки и ровное дно на –330–338 см от 0 с углублением 200 x 120 см до –336 от 0. В заполнении кроме горизонтов запада прослежена прослойка темно-коричневой плотной супеси с включением углей. Находки: кости животных, общеболгарская керамика, железные шлаки, нож, прядильце, сфероконус. Сооружение, вероятно, является ямой хозяйственного назначения первой трети XIII в., прекратившей функционирование в 1236 г.

Сооружение № 12. Уч. В-Г/4. Зафиксировано на уровне 5 штыка (–207 от 0), д.у. углубления в профиле –180 от 0. В процессе выборки определилось, что в раскопе исследовалась ЮЗ подпрямоугольная часть сооружения размерами 110 x 40 см. Оно имело отвесные стенки плавно переходящие в ровное дно на глубине –247 см от 0. В заполнении ямы прослежена буро-коричневая рыхлая супесь. Находки: кости животных, общеболгарская керамика, фрагменты посуды салтовского типа, бусина, обломки поливного сосуда, ножниц и тигля, сфероконус. Предположительно сооружение являлось хозяйственной ямой, которое связано с ранним освоением данного участка в XI в.

В раскопе № XLIII 2005–2006 гг. заложенном в центральной части «Внутреннего города» Билярского городища к юго-западу от Соборной мечети было выявлено 13 объектов XI – первой трети XIII вв. Была прослежена непрерывность накопления пластов с XI в.

К сожалению, многолетняя распашка не позволила проследить слоя связанных с разрушением Биляра в 1236 г. Большое количество железных шлаков, а так же наличие прослоек и сооружений, содержащих золу, угли и шлаки позволяет нам говорить о наличии в этом районе во второй половине XII в. крупного металлургического производства. Находки сфероконусов и тиглей небольших размеров в слое XI – первой половины XII вв. свидетельствуют о возможном функционировании на исследованной площадке либо прилегающей к ней территории производства по обработке цветных металлов.

Материалы, полученные в результате археологических исследований, позволили говорить о том, что изученный участок активно начал осваиваться с XI в., но, к сожалению, цель по выявлению кирпичного здания достигнута не была.

Литература

Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города. – М., 1976.

Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Исследования комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья (Археологическое изучение центра Билярского городища). – Казань, 1979.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии: К вопросу об этнокультурном составе населения. – М.: Наука, 1984.

Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане: Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра – Булгара. – Казань, 1995.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДКИН – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук
- АзССР – Азербайджанская ССР
- АИА – Архив Института археологии АН СССР
- АК – Археология Карелии. Петрозаводск, 1996
- АКИО – Ананьевская культурно-историческая область / общность
- АКУ – Археологический кабинет университета (шифр Археологического музея КГУ)
- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
- АО – Археологические открытия. М.
- АЭМК – Археология и этнография Марийского края
- АЭТ – Археолого-этнический тип
- БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
- БГИАПМЗ – Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник
- БСЭ – Большая Советская энциклопедия
- ВАК – Высшая аттестационная комиссия
- ВГО – Вестник Географического общества
- ВИ – Вопросы истории. М.
- ГАКО – Государственный архив Кировской области
- ГАПО – Государственный архив Пермской области
- ГИМ – Государственный исторический музей (г. Москва)
- ЖК – жертвенный комплекс
- ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел
- ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
- ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
- ИвГУ – Ивановский государственный университет
- ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
- ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии
- ИЯЛИ АНТ – Институт языка, литературы и истории Академии наук Татарстана
- ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР
- КАЭ – Куйбышевская (Камская) археологическая экспедиция
- КГИБМ – Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. Петрозаводск, 2007
- КГУ – Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина
- КИЯЛИ – Казанский Институт языка, литературы и истории
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН (АН СССР)
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
- КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
- ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
- МГУ – Московский государственный университет
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины
- НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
- НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
- НТПГИ – Нижнетагильский государственный педагогический институт
- НЦАИ – Национальный центр археологических исследований
- ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии
- ПАЭ – Поволжская археологическая экспедиция
- ПГУ – Пермский государственный университет

ПИНФ – Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. Петрозаводск, 2003

ПСИКЕС – Первобытная и средневековая история и культура европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006

РА – Российская археология. М.

РКМ – Районный краеведческий музей

РМЭ – Республика Марий Эл

СА – Советская археология. М.; Л.

САИ – Свод археологических источников

СМК – салтово-маяцкая культура

СУАК – Саратовская ученая архивная комиссия

ТАС – Тверской археологический сборник

ТАЭ – Татарская археологическая экспедиция

ТВУАК – Труды Вятской ученой архивной комиссии

ТД – Тезисы докладов

Тр. – Труды

Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея

ТР. МарАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции

УЗ – Ученые записки

УЗ ЧНИИ – Ученые записки Чувашского научно-исследовательского Института языка, литературы, истории и экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Х.М. Абдуллин. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ И ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В НАЦИОНАЛЬНОМ АРХИВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН	3
И.В. Аськеев, Д.Н. Галимова. АРХЕОИХТИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ «МУРОМСКОГО ГОРОДКА» (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК 2005–2006 гг.).....	7
А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова. БУЛГАРСКИЕ ЭСЕГЕЛЫ (ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПЕРМСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)	26
Н.С. Березина. РАСКОПКИ МУКШУМСКОЙ Х СТОЯНКИ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА С ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ.....	31
Е.А. Бурдин. К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ЗОНЕ КУЙБЫШЕВСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА.....	43
И.И. Гайнуллин, Ю.В. Дёмина, Б.М. Усманов. ОЦЕНКА ИНТЕНСИВНОСТИ РАЗРУШЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ЗОНЕ ВЛИЯНИЯ КУЙБЫШЕВСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА	45
А.М. Губайдуллин, И.Л. Измайлов. «ДЛИННЫЕ ВАЛЫ» В ВОЛГО-КАМЬЕ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ	56
А.С. Губин. СРУБНАЯ КЕРАМИКА С ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ В БАШКОРТОСТАНЕ.....	66
Г.И. Дроздова. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОБРАБОТКИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ ЛИЧНОГО ФОНДА Е.А.ХАЛИКОВОЙ	72
Д.С. Иконников. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ НИКОЛЬСКОГО СЕЛИЩА XIII–XIV вв.	80
Е.П. Казаков. О САРМАТО-АЛАНСКОМ КОМПОНЕНТЕ В КУЛЬТУРЕ РАННЕЙ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИИ.....	98
М.Г. Косменко. РУКОТВОРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ИЗ ПРИРОДНОГО КАМНЯ В ПРИБРЕЖНОЙ ЗОНЕ КАРЕЛЬСКОГО БЕЛОМОРЬЯ	105
А.Ф. Кочкина. ИССЛЕДОВАНИЕ ГОНЧАРНОГО ГОРНА НА XLII РАСКОПЕ БИЛЯРСКОГО ГОРОДИЩА.....	121
Е.А. Кошелева, В.Н. Бахматова. МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ ХУДЯКОВ: ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ	130
Э.Е. Кравченко. МУСУЛЬМАНСКИЕ НЕКРОПОЛИ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА (ЕЩЕ РАЗ О ПУТЯХ РАСПРОСТРНЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ВЛИЯНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ХАЗАРИИ).....	135
Т.Б. Никитина. О ЗНАЧЕНИИ И МЕСТЕ ПОЯСА В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ДУБОВСКОГО МОГИЛЬНИКА	142
А.Р. Нуретдинова. ТИПОЛОГИЯ СФЕРОКОНИЧЕСКИХ СОСУДОВ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ.....	150
А.Н. Павлова. ГОЛОВНЫЕ УКРАШЕНИЯ ДРЕВНЕМАРИЙСКОГО КОСТЮМА	161
В.С. Патрушев. МОЙ УЧИТЕЛЬ АЛЬФРЕД ХАСАНОВИЧ ХАЛИКОВ: КРАТКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ	164
А.Г. Петренко, Г.Ш. Асылгараева. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ С КОНЕМ В ГРУНТОВЫХ МОГИЛЬНИКАХ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРЕДУАЛЬЯ	171

К.А. Руденко. ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЛИЩА НА РАСКОПЕ XIV ОСТОЛОПОВСКОГО СЕЛИЩА.....	184
Ю.Б. Сериков. ГРАВИРОВКИ ПО КАМНЮ – РЕДКИЙ ВИД ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА.....	203
А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин, М.В. Сивицкий. НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАВЗОЛЕЯ КАЗАНСКИХ ХАНОВ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ О РАСКОПКАХ 2004–2005 гг.).....	222
Б.С. Соловьев. ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ БАЛАНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МАРИЙСКО-ЧУВАШСКОМ ПОВОЛЖЬЕ	224
Р.Р. Сулейманов. АРМЯНЕ В КАЗАНСКОМ ХАНСТВЕ.....	231
Д.Ф. Файзуллина. КОМПЛЕКС ШЕЙНО-НАГРУДНЫХ УКРАШЕНИЙ ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-КАМЬЯ ПРЕДАНЬИНСКОГО И АНАНЬИНСКОГО ВРЕМЕНИ.....	235
А.И. Фахретдинов. СВИНЦОВЫЙ СЛИТОК ИЗ БИЛЯРА	244
Н.А. Халиков. А.Х. ХАЛИКОВ КАК ЭТНОГРАФ	246
Т.А. Цыгвинцева. ОРУДИЙНЫЙ КОМПЛЕКС ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПЛОЩАДОК КОЧУРОВСКОГО IV ПОСЕЛЕНИЯ	249
А.А. Чижевский, А.С. Губин, А.В. Лыганов. КОМИНТЕРНОВСКИЙ КУРГАН № 2	261
Е.В. Чуйкина. РАСКОПКИ ПЛЕХОВСКОГО МОГИЛЬНИКА В СОЛИКАМСКОМ РАЙОНЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ).....	272
З.Г. Шакиров. О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ПАМЯТНИКОВ БУЛГАРО-ТАТАРСКОГО ВРЕМЕНИ ОКРУГИ БИЛЯРА.....	276
З.Г. Шакиров. РАСКОП XLIII НА ТЕРРИТОРИИ БИЛЯРСКОГО ГОРОДИЩА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ).....	284
Список сокращений.....	292

Урало-Поволжье в древности и средневековье

Материалы Международной научной конференции V Халиковские чтения
(27–30 мая 2009 г., Казань)

Научное издание

Оригинал-макет – Л.М.Зигангареева
Подписано в печать 08.11.2011 г.
Усл. печ. л. 37,0 Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «Фолиант»
г. Казань, ул. Профсоюзная, 17В

К статье М.Г. Косменко «Рукотворные сооружения из природного камня
в прибрежной зоне Карельского Беломорья»

Рис. 2. Лабиринт
на о. Красная Луда.

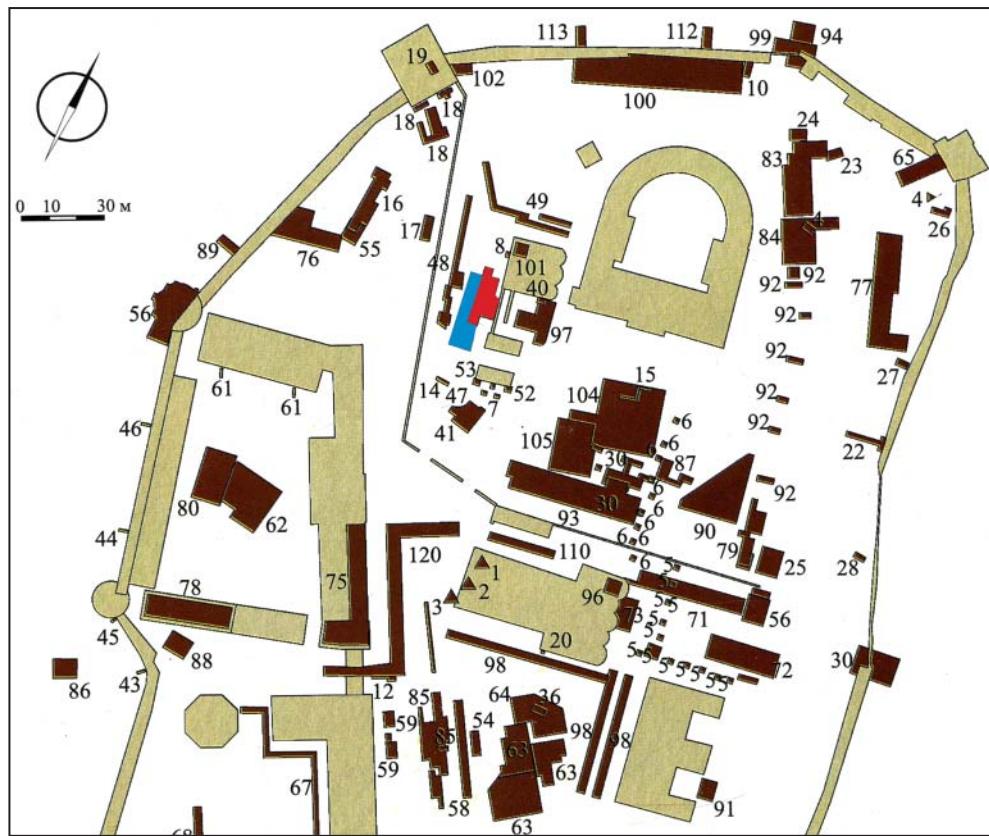

Рис. 3. Менгиры на
о. Большой Робяк.

Рис. 4. Центральная часть и правое крыло насыпи на о. Могильный.

К статье *А.Г. Ситдикова, Ф.Ш. Хузина, М.В. Сивицкого*
«Новые исследования мавзолея казанских ханов
(предварительное сообщение о раскопках 2004–2005 гг.)»

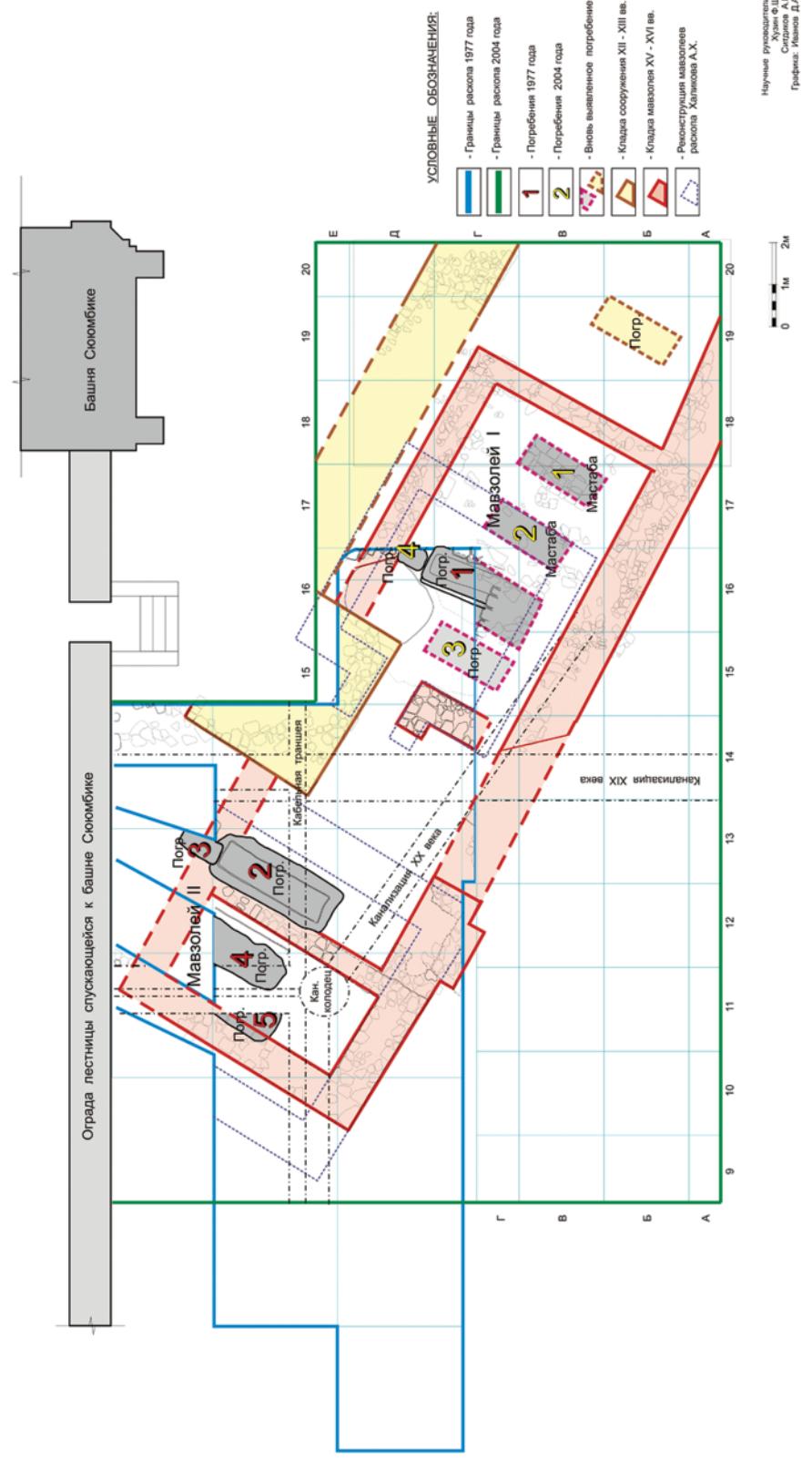

Общий план северной части Казанского кремля с указанием раскопок.

Общий вид на раскоп LXV с башни Сююмбеки.

МАВЗОЛЕЙ КАЗАНСКИХ ХАНОВ
Раскоп 1977, 2004 гг.

Общий вид на раскоп LXV
с северо-запада.

Общий вид на раскоп LXV с юга.

Мастиба – каменное сооружение над погребением 1.

Остатки гробовища позднезолотоордынского погребения.

Железные гвозди из погребения золотоордынского времени.

Железные накладки-угольники из погребения золотоордынского времени.

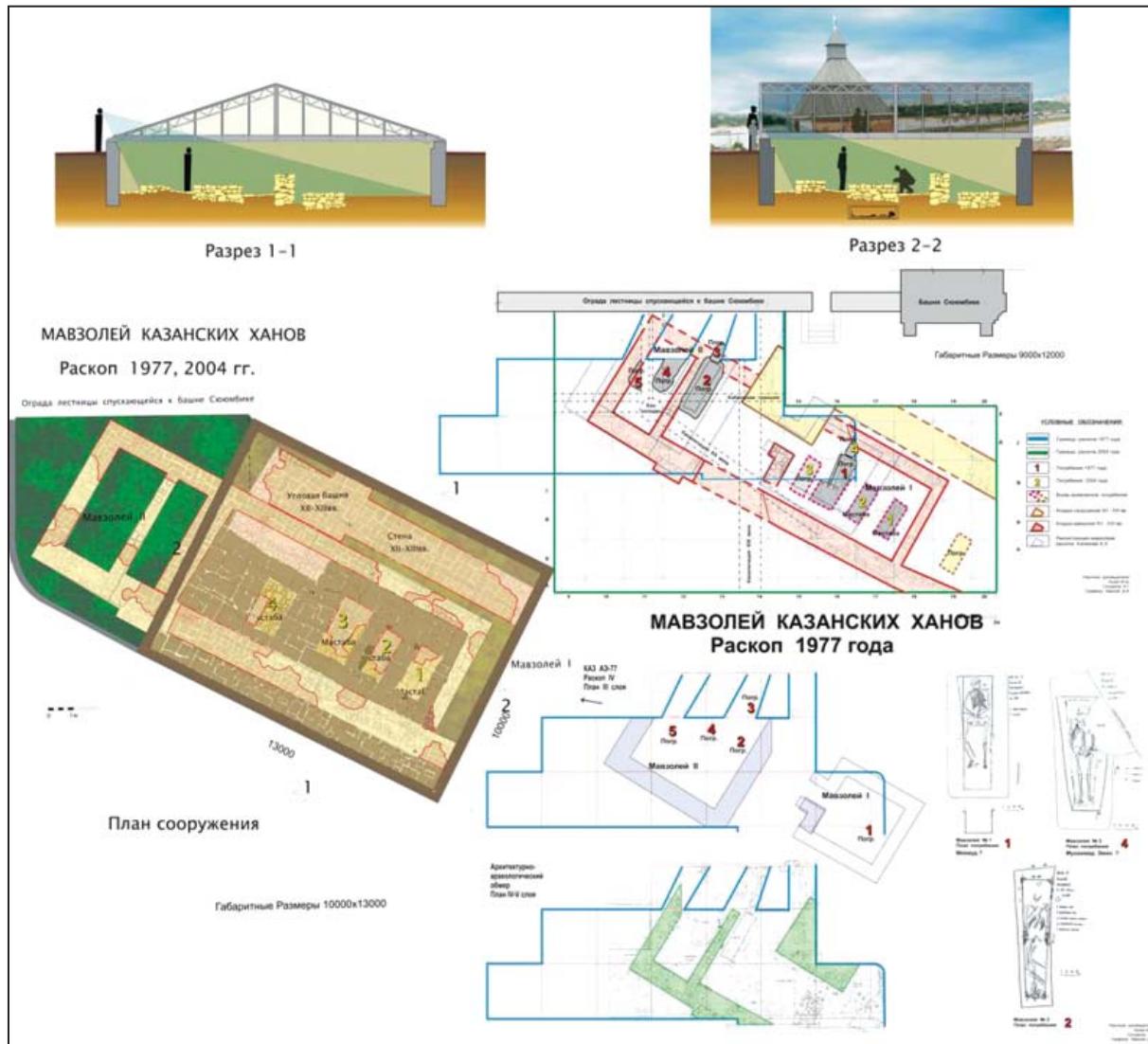
Пластическая
реконструкция лица
молодой женщины из
погребения позднезоло-
тоординского времени.
Автор: А.И. Нечволова.

Православные захоронения раскопа LXV.

Медные крестики из погребений православного кладбища.

Проект консервации объектов раскопа LXV.